В. В. Булдыгеров

В маршрутах и походах

ИРКУТСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИГУ
2017

УДК 55(235.4):910.4
ББК 26.89
Б90

Булдыгеров В. В.

Б90 В маршрутах и походах / В. В. Булдыгеров. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. – 528 с.

ISBN 978-5-9624-1499-7

На своём примере автор показывает условия быта полевых геологических исследований (1957–2009 гг.) в Байкало-Патомском нагорье, сопровождаемых большими трудностями и опасными приключениями. Непреодолимое желание разгадать геологическое строение этого сложного региона, живописная природа вновь и вновь звали его на необъятные горные просторы.

Книга предназначена любителям путешествий и приключений, туристам и краеведам, особенно связанным с геологическими изысканиями. Для читателей, не знакомых с геологией, приводятся краткие пояснения решаемых геологических задач, терминов и явлений.

УДК 55(235.4):910.4
ББК 26.89

Популярное издание

Булдыгеров Владимир Васильевич

В МАРШРУТАХ И ПОХОДАХ

Издается в авторской редакции

Подписано в печать 16.08.2017. Формат 60×90 1/16
Уч.-изд. л. 26,6. Усл. печ. л. 33,0. Тираж 70 экз. Заказ 129
Издательство ИГУ
664003, Иркутск, бульвар Гагарина, 36

ISBN 978-5-9624-1499-7

© Булдыгеров В. В., 2017
© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2017

Оглавление

Предисловие 4
Дорога в геологию 6
1957 год 14
1958 год 33
1959 год 47
1960 год 64
1961 год 84
1962 год 99
1963 год 124
1964 год 139
1965 год 152
1966 год 169
1967 год 185
1968 год 204
1969 год 224
1970 год 235
1974 год 247
1976 год 265
1977 год 279
1978 год 292
1980 год 300
1981 год 313
1983 год 322
1984 год 331
1986 год 339
1987 год 349
1988 год 362
1990 год 372
1991 год 380
1992 год 389
1993 год 402
1994 год 413
1995 год 421
1996 год 424
1997 год 443
1998 год 464
1999 год 477
2000 год 481
2001 год 485
2002 год 496
2005 год 501
2008 год 506
2009 год 513

Предисловие

Прошло много лет с тех пор, как я взял в руки молоток, закинул на спину рюкзак и отправился изучать геологическое строение своей страны. Геология – весьма интересная наука и разбираться в истории развития Земли-матушки – увлекательнейшее занятие! Основным результатом её изучения являются геологические карты разного масштаба, которые составляются в процессе геологической съёмки. Они необходимы для многих отраслей хозяйственной деятельности, главным образом, для целенаправленных поисков и разведки полезных ископаемых. Составлением геологических карт разного масштаба или разработкой основы для их составления я с увлечением занимался в течение всей моей трудовой деятельности. Главным критерием в нашей работе является достоверность геологических данных, к чему я и стремился. Занимался также вопросами теоретической геологии. Результаты моих исследований изложены, частично в соавторстве, в 93 печатных работах, в том числе 3 монографиях, 7 учебных пособиях, производственных и научных отчётах.

Я доволен своей судьбой. У меня была, с одной стороны, любимая интересная работа, с другой – дружная семья. Члены моей семьи понимали моё увлечение геологией и, как могли, помогали мне. Жена Лена, дочь Наташа и внук Миша неоднократно ездили со мной на полевые работы в должности маршрутного рабочего.

В конце своего жизненного пути мне захотелось рассказать, в каких условиях мы добывали крупицы знаний по геологии отдельных регионов нашей Родины. Полезные ископаемые, найденные в процессе геолого-съёмочных работ или выявленные в результате анализа составленных при этом геологических карт, были главной основой её развития.

Довольно многие геологи издали книги-воспоминания, где рассказывают о своей работе в разных регионах. В большинстве своём их авторы занимали высокие должности и имеют высокие

научные звания. При этом в своих воспоминаниях основной упор они делали на результаты исследований. Мне же хочется на своём примере рассказать об ежедневных мелочах быта рядовых геологов, об их радостях и огорчениях, сопровождавших их вдали от благоустроенных квартир и городов. Особенно трудна геологическая съёмка в горной местности, где геологам приходится преодолевать многочисленные опасности, иногда даже с риском для жизни. Но всё окупается теми красотами, которые тебя окружают, и чувством гордости, что ты смог достичь вершины, пройти каньон, переправиться через бурный ручей и т. п.

Возможно, будут читатели, не испытавшие тех приключений и трудностей, которые достались на нашу долю. Хочется, чтобы они почувствовали, что мы делали нужное для страны дело, работали увлечённо. Ну и поняли, что «внизу не встретишь… десятой доли тех красот и чудес», которыми мы любовались, и позавидовали нам.

Чтобы читатели, не знакомые с геологией, понимали суть решаемых ними вопросов, кое-где я привожу краткие разъяснения геологических терминов и задач, ясных для специалистов.

В подготовке книги мне неоценимую помощь оказала моя дочь Наташа. Без её помощи я навряд ли смог издать эту книгу.

На обложке мои друзья и спутницы в маршрутах (слева направо): Нина Борисовна Попова, Альберт Фомич Курносов, Галя Дорогина, Нина Воронежская, автор, Степан Иосифович Морозов.

Дорога в геологию

Вначале я решил кратко изложить «догеологическую» часть моего жизненного пути, как он пролегал зигзагами и, в конце концов, привел меня в геологию. Любое отклонение от этого пути могло увести меня далеко от неё. Повороты судьбы часто зависели от мелких и как бы незначительных деталей. Но они оказывались главными в дальнейшем направлении жизни. Одни из них были сугубо личными, другие обусловлены обществом или государством.

Родился я 5 (по паспорту 3-го) сентября 1937 года под Читой, где мама, уже имея сына Сашу 1930 года рождения, работала поваром. Сашин отец погиб в автокатастрофе. Мой отец до встречи с мамой был женат, после моего рождения покинул нас и вернулся в семью. С двумя детьми на руках маме было трудно управляться. Она решила ехать к родителям на золотодобывающий прииск Апрельский Амурской (раньше Читинской) области, расположенный в глухой тайге в 25 км от железной дороги.

Родители мамы были амурскими казаками. В середине тридцатых годов Советская власть решила, что казаки – народ ненадёжный и в большинстве отселила их от границы не менее, чем на 100 вёрст (потому и назывались они стовёрстниками) на возникающие в глухой тайге золотодобывающие прииски без права выезда. Мама уехала из родительского дома до этого постановления и потому была, так называемой, вольной. То есть имела паспорт и могла беспрепятственно ездить по стране. Так я в возрасте около года оказался на прииске Апрельский, где и прошло моё детство (до 12 лет).

Население прииска в основном составляли, так называемые спецпереселенцы, признанные кулаками, и высланные в тридцатых годах с разных мест России, Украины и Белоруссии, без права свободного перемещения. Это были люди, привыкшие к тяжелому крестьянскому труду. Главная забота у них была – прокормить и обустроить семью. В это время в тайге открывали один за другим золотодобывающие прииски. Спецпереселенцев привозили в тай-

гу, где они должны были добывать золото. Об их быте у руководителей не было забот. Оказавшиеся на необжитом месте, в глухой тайге эти люди, отработав 10–12 часов в день на добычи золота, строили дома-хибары, корчевали тайгу под посевы, заводили домашних животных и птиц. Но открывали новый прииск. Из уже обжитых посёлков выбирали произвольно семьи, давали одну подводу и отправляли на новое место. Таким образом, мои дедушка Егор и бабушка Варвара оказались на прииске Апрельский. Когда приехали мы, они только начали обживаться на новом месте.

Мама вышла замуж и стали мы жить вчетвером отдельно от дедушки с бабушкой. Отчим был из сосланных с Украины, нраву самодурного: любил выпить и покуражиться над нами.

В 1940 году, надорвавшись на работе, умер дедушка, а в 1944 году, простудившись на раскорчёвке леса под огород, умерла бабушка. Остались их могилы бесприютными на заброшенном кладбище в тайге.

Отчим почти не заботился о нас. Главная забота о семье лежала на маме. После работы на добыче золота надо было корчевать лес под огород. Она завела корову и кур, которых надо было обиходить и т. д. Саша был главным помощником. На меня были возложены мелкие работы. Уже с шести лет я должен был полоть грядки, чистить стайку, задавать корм корове и т. п. Подрастая, стал участвовать в заготовке сена, копке огорода и других хозяйственных работах. Летом ходил за ягодами и грибами. В общем, познал все прелести крестьянской жизни. Постепенно появились постоянные обязанности, росла и сознательность.

Присутствуя около Саши, когда он готовил уроки, я уже в пять-шесть лет научился бегло читать и пристрастился к чтению, что сохранилось на всю жизнь. Ещё до школы умел считать и решать простые арифметические задачи. А вот писать я не стремился, что отрицательно сказалось в дальнейшей моей судьбе. В течение учёбы в школе мне легко давались все предметы, но по русскому языку двойки получал чаще, чем четвёрки.

У нас на прииске была школа-семилетка. Учиться дальше можно было лишь в школе-интернате на соседнем прииске Пионер, расположенном в 10 км. Окончив школу-семилетку, Саша не захотел ехать учиться туда, а отправился в железнодорожное учи-

лище, чтобы приобрести специальность помощника машиниста паровоза. Через два года по окончанию училища он был направлен на работу на станцию Магдагачи Амурской области. К этому времени отчим проворовался и получил тюремный срок 10 лет. Мама со мной решила перебираться к Саше. Так в начале 1950 года мы оказались в Магдагачи, где Саше дали комнату. Наш переезд оказался благоприятным на моём пути в геологию.

Последний год на прииске я совершенно запустил учёбу и был прямой кандидат во второгодники. Когда я забирал свой табель за первое полугодие, то в нём красовались двойки по трём предметам и четвёрка по поведению.

– Какой хороший ученик покидает нашу школу, – съехидничал завуч, вручая мне табель успеваемости.

Моя дочь в далёком 1968 году нашла мой табель за четвёртый класс и страшно удивилась:

– Папа, да у тебя, оказывается, была двойка по русскому языку и по поведению четвёрка?

На новом месте я стал учиться более старательно, но всё равно по русскому языку остался на осень. Весь август я ходил на занятия. Чтобы получить положительную отметку, в диктанте можно было сделать не более пяти орфографических и трех синтаксических ошибок. Решающий диктант я написал на тройку на пределе. Моя дальнейшая судьба зависела от одной ошибки! Если бы я её сделал, то остался на второй год, и моя жизнь пошла бы по другому руслу.

В седьмом классе я подружился с ребятами, которые учились хорошо. Я также подтянулся и стал получать отличные оценки по всем предметам, кроме «заколдованного» русского языка. Двойки, правда, перестал получать, но и четвёрки по этому предмету были редкими гостьями в моём дневнике. В восьмом классе у нас постепенно сформировалась дружная компания, где все стремились учиться и собирались поступать в высшие учебные заведения: Слава Малянов, Саша Гонтарук, Алик Бирюков, Вася Батаев, сёстры Чернега Нелли и Алла, Лена Королюк. Друзьями мы остались на всю жизнь, а Лена стала моей женой.

В десятом классе на школьном собрании по результатам первого полугодия выступил с докладом директор Николай Дмитрие-

вич. Он перечислил, кто претендует по окончанию школы на медаль и неожиданно для меня сказал:

– Мы думали, что медаль может заработать Булдыгеров, но он получил за полугодие по литературе (то есть за сочинения) три.

Что могу получить медаль, я и не предполагал. Для меня это заявление было как гром среди ясного неба. А с медалью тогда можно было поступить в любой вуз без вступительных экзаменов! Я стал анализировать свои возможности. Если я получу четвёрку только по русскому языку и литературе, а остальные предметы сдам на пять, что для меня не было проблемой, то получу серебряную медаль и смогу поступить без экзаменов, куда захочу. Мне нравилась химия, и я хотел учиться в вузе на химика.

В общем, во втором полугодии я засел за учебники. За третью четверть я получил по всем предметам пятёрки и лишь по русскому языку четвёрку. За четвёртую четверть опять все пятёрки, но по русскому языку тройку. Если я на выпускных экзаменах по русскому языку и литературе получу четыре, а по остальным предметам – пять то и в аттестате будет только одна четвёрка. Меня «выручил Серёжка Тюленин». Я о нём писал сочинение в году, а на выпускных экзаменах была тема о молодогвардейцах. В общем, получаю за сочинение «хорошо», думаю, что серебреная медаль у меня в кармане. На экзамене по геометрии я быстро решил задачу, но по своей безалаберности не поставил кругляшки – знаки градусов. При проверке их поставили мне красным карандашом. Получилась работа вся в исправлениях. Мне Раиса Васильевна (классный руководитель) сначала сказала, что у меня оценка по геометрии «пять». Остальные предметы я без усилий сдал на «отлично». Вдруг перед последним экзаменом Раиса Васильевна мне сообщает, что и по геометрии у меня четвёрка. Значит, прощай медаль. Когда в первый год учёбе в вузе на каникулах мы пришли в гости к Раисе Васильевне, она мне сказала:

– Зря мы тебя не рекомендовали на медаль. Испугались, что вся твоя работа в красных кругляшках, а мы ставим пять.

Оказалось, что в районо (районный отдел народного образования) был новый руководитель, который подписывал все рекомендации на медали не глядя. Но дело было сделано и эти кругляшки оказались главным фактором для моего пути в геологию.

Весной 1953 года Сашу забрали в армию. Остались мы вдвоём с мамой. Она шила по заказам, и на это мы жили. Мама очень хотела, чтобы я получил высшее образование, и помаленьку откладывала деньги на мою поездку. Летом мама мне сообщила, что отчим прислал письмо с просьбой принять его, так как его условно-досрочно освобождают. Он обещал, что бросил пить, и будет вести добропорядочный образ жизни. Мама спросила меня, что ей ответить.

– Я на следующее лето уеду, Саша из армии придёт только через два года, ты будешь одна. Решай сама, веришь ты ему или нет.

Мама решила поверить. Отчим приехал и сначала вёл себя порядочно. Но затем начал снова выпивать. Без меня иногда бил маму. Она об этом мне не сообщала. Когда я увидел синяк на лице мамы, то всё понял.

– Убирайся от нас, чтобы я тебя больше не видел! Иначе напишу заявление в милицию, – заявил я ему. Он очень боялся снова попасть в тюрьму, ушёл и больше нас не беспокоил.

Оказалось, что он добрался до маминой заначки на мою поездку за высшим образованием и пропил её. Так что ехать поступать в ВУЗ мне практически не на что. Это был ещё один положительный фактор на моём пути в геологию. Я предложил маме, что поступлю в депо учеником, но она категорически заявила, что займёт деньги, но чтобы я обязательно ехал учиться на инженера, как она мечтала с моего раннего детства.

В десятом классе наша компания тщательно изучала сборник высших учебных заведений страны, перебирая специальности, институты и города, и мечтали поступить в вуз. Наконец, большая её часть решила ехать в Томск поступать там в разные вузы. Я мечтал выучиться на химика и тоже хотел ехать с ними. Но финансовое положение внесло серьёзные коррективы в мои намерения. Для поездки я решил заработать денег, нанимаясь в течение июля косить сено. Если бы я получил медаль, то смог бы зарабатывать деньги ещё весь август, и тогда, возможно, поехал бы в Томск поступать учиться на химика. То есть красные кружочки привели к новому зигзагу на пути в геологию.

На заработанные деньги я мог поехать только в Иркутск. При тщательном изучении вузов этого города я обнаружил, что в Ир-

кутском госуниверситете при поступлении на геологический факультет иногородним предоставляют общежитие. Я мало что знал о профессии геолога. На прииске был техник-геолог, который выделял участки для добычи золота артелям вольных, т. е. не репрессированных, старателей. Поэтому пользовался большим уважением. Он запомнился мне тем, что был единственным на прииске, кто носил галстук. Мама, считая, что после окончания геологического факультета я тоже буду заниматься только такой работой, не возражала против моего поступления. Позже, когда я после второй производственной практики показал ей свою фотографию у альпийской палатки в каре, она заплакала:

– Я-то, думала, что ты будешь сидеть в конторе и командовать, – сказала она сквозь слёзы.

В общем, послал я документы в ИГУ, получил приглашение и поехал поступать на геологический факультет на специальность «Геологическая съёмка, поиски и разведка полезных ископаемых», не представляя свою будущую работу. Иркутск поразил меня своей зеленью, чистотой и приветливыми людьми, которые ещё в поезде рассказали мне, как найти университет. Там, в приёмной комиссии получил талоны на помывку в бане и место в общежитии на улице Пятой Армии. Поселился в комнате на 12 абитуриентов, поступавших на разные факультеты, и стал ждать вступительные экзамены. Мне надо было их сдать не ниже, чем на четвёрку, чтобы получать стипендию. Без этого я бы не смог учиться.

Первый экзамен – сочинение на заданную тему. К моему счастью была тема о молодогвардейцах. Я написал его о моём, выручавшем меня герое – Серёжке Тюленине, так как помнил своё сочинение на выпускных экзаменах в школе почти наизусть! Перед устным экзаменом по литературе вывесили списки с оценками за сочинение, т. е. кто допущен к дальнейшим экзаменам. Утром в университете по коридорам носились толпы абитуриентов в поисках списков с оценками. На втором этаже в коридоре не было света, поэтому я долго искал список со своей фамилией. Наконец нашёл, при тусклом свете, дрожа от волнения, нашёл себя в списке и не поверил своим глазам: напротив моей фамилией стояло «отлично». Я решил, что это ошибка и скоро всё станет ясно. Волнуясь, пришёл сдавать устный экзамен по литературе и увидел, что

действительно в экзаменационном листе стоит «отлично». Это вообще первая пятёрка по сочинению за все годы моей учёбы в школе! Спасибо, Серёжка!!! Остальные 6 экзаменов я сдал без особых усилий также на «отлично», послал радостную телеграмму маме и был зачислен в студенты!!! УРА!!!

Учился я неплохо. Стипендию получал постояно и даже несколько раз повышенную. Да и как бы я без неё мог прожить. Мама мне присылала небольшие деньги, но сытным этот период назвать было трудно. На первых двух курсах меня выручала проводница пассажирского поезда Иркутск – Благовещенск (тогда был такой маршрут). Ещё по дороге в Иркутск (я ехал на этом поезде) попросил её передавать мне посылки из дома. Мама стряпала различные кренделя, выходила к этому поезду и с ней посылала их мне. Я встречал поезд и получал посылки. Но в общежитии я делился с товарищами, и кренделя, конечно, быстро исчезали. Поэтому приходилось подрабатывать.

Первокурсник

Занятия пропускать было нельзя. Тогда к этому руководство университета относилось строго: за пропуски занятий могли лишить стипендии или даже исключить из вуза. Мы организовали бригаду из таких же бедолаг, как и я, ездили по воскресеньям в Военный городок грузить или разгружать вагоны. Вечерами я иногда участвовал в массовых сценах в Драмтеатре. Бывали и другие разовые заработки. Но в процессе учёбы было два случая, когда я мог лишиться стипендии. Тогда пришлось бы мне расстаться с университетом. Судьба чуть не сделала очередной зигзаг, уводивший меня от геологии.

Началась учёба. Никто регулярно не спрашивает, как в школе, домашние задания не задают. Почувствовал я волю и праздно про-

водил время после занятий. Наступила сессия! Готовился я к ней тоже спустя рукава. Первый экзамен – «физика». Чувствую, что билет знаю слабо. Отвечаю тоже слабо. Преподаватель застыл с поднятой ручкой в руке в раздумье: три или четыре. Во мне всё застыло, судьба весит на кончике пера! Преподаватель решил задать дополнительные вопросы, спросил массу и заряды микрочастиц. Я помнил эти цифры со школы, и получил желанную четвёрку. Это меня «отрезвило» и направило в нужное русло. После экзамена по физике я решил заниматься и готовиться к экзаменам усиленно.

После этого случая я шёл не экзамены, твёрдо уверенным, что меньше четвёрки не получу. В зимний период на четвёртом курсе нам впервые на нашей специальности стали преподавать предмет «Геохимия». Читать лекции поручили Максиму Степановичу Можаровскому – большому халтурщику. Он приходил на лекцию, раскрывал учебник и читал, что там написано. Во время учёбы мы добросовестно конспектировали лекции по всем предметам и готовились к экзаменам только по ним. Но раз преподаватель читает лекции по учебнику, то и мы готовились к экзаменам по нему.

Экзамен Максим Степанович принимал с ассистентом Гретой Николаевной Головиной. Я прихожу на экзамен, беру билет, вижу, что вопросы знаю, спокойно готовлюсь и уверенно отвечаю.

– Предмет Вы не знаете, я Вам ставлю два, – вдруг заявляет он мне. Вышел я в коридор и в тоске сижу на подоконнике. Мне осталось непонятным, в чём я провинился перед этим преподавателем. Возможно, он услышал, как мы его осуждаем, и запомнил меня.

В это время Максим Степанович пошёл обедать, доверив принимать экзамены Грете Николаевне. Она вышла, подошла ко мне.

– Хотите взять ещё один билет?

– Конечно, хочу, – с радостью согласился я.

Я думаю, что она слышала мой ответ, видела несправедливость оценки и решила помочь мне. Я взял билет, быстро подготовился, молясь, чтобы успеть до прихода Максима Степановича, ответить.

– Четвёрки Вам достаточно? – спросила меня Грета Николаевна. По-видимому, ответ заслуживал и пятёрки. Но ставить пять студенту, которому Максим Степанович поставил два, ей было неудобно.

– Безусловно! Схватил зачётку с желанной четвёркой и убежал, чтобы не встретить Максима Степановича.

Мне сказали, что он ругал Грету Николаевну за её поступок. А я ей бесконечно благодарен. Впоследствии, когда мы работали вместе с ней в одной Иркутской геологосъёмочной экспедиции, я напомнил ей этот эпизод, но она сказала, что этого не помнит. В дальнейшем мой путь в геологию проходил беспрепятственно.

Я благодарен судьбе, что, несмотря на все зигзаги жизни, она привела меня в геологию. Всю жизнь я занимался любимым делом. Какое большое наслаждение испытываешь, когда находишь, после больших трудов решение геологической загадки! А составлять геологическую карту для меня было любимой работой. Я отдавался этому делу всей душой! Я благодарен также судьбе, что работать мне пришлось в горной местности, где возможность любоваться красотами природы окупала все трудности, выпадавшие на нашу долю.

1957 год (М[1])

Первые три курса моё отношение к геологии было нейтральным, как в школе: надо выучить – выучил, но не больше. Первая учебная практика тоже не добавила особого интереса к геологии. Ходили с преподавателем вокруг Иркутска по обнажениям, сложенным юрскими (возраст 200–145 млн лет) песчаниками с прослоями углей. Некоторое разнообразие вносили отпечатки древних растений и насекомых. Завершилась эта практика трагически: утонул в Иркуте наш однокурсник Женя Деуля – сын ректора университета. Это была первая, но, к сожалению, не последняя потеря нашего курса.

Вторая учебная практика была тоже не особенно увлекательной. В районе села Голоустное мы должны были составить для заданного участка геологическую карту. Разнообразие пород было небольшим, преобладали различные карбонаты. На этой практике я впервые увидел знаменитый Байкал во всей своей красоте. Периоды ласкового штиля, когда ленивые волны плавно наплывали на берег и тут же откатывались обратно, чередовались со штормами, когда волны Байка-

[1] Буквами отмечены регионы, в которых проводились работы в описываемый год (см. карту). А – Акитканский, М – Муйский, С - Северобайкальский, Ч – Чарский.

ла с грозным шумом набрасывались на скалы, вздымая тучи брызг, или накатывались на пляжные берега, перетасовывая песчано-галечные отложения, с желанием всё затопить. Но силы волн иссякали, и они с возмущённым шумом откатывались назад. По вечерам мы сидели на берегу Байкала, любовались им и пели песни.

В 1957 году по окончании третьего курса мы должны были пройти первую производственную практику. Обычно в деканат от геологических организаций поступали заявки на студентов, которыми заполняли должности маршрутных рабочих или радиометристов, как наиболее дисциплинированных и исполнительных кадров. Часто студенты договаривались ещё зимой с геологическими подразделениями и на них приходили персональные заявки.

У моего товарища Валентина Белогура зять Виктор Леонтьевич Тихонов работал в Иркутской геологосъёмочной экспедиции старшим геологом вновь созданной Конкудерской партии. Она должна была проводить геологосъёмочные работы масштаба 1 : 200 000 в бассейнах верхнего течения рек Мамакана и Конкудеры – левых притоков р. Витим (вся поверхность Земли разделена в международной разграфке на листы масштаба 1 : 1 000 000 с обозначением латинскими буквами и арабскими цифрами, каждый из них делился на 36 листов масштаба 1 : 200 000 с римской нумерацией). Виктор Леонтьевич был уже опытным авторитетным геологом. Начальником партии стал впервые назначенный на эту должность Лев Владимирович Ревякин. Им, конечно, нужны были студенты. Валентин собирался на практику в эту партию и предложил мне и моему другу Мише Баженову проходить её вместе с ним. Нам было всё равно, куда ехать на практику, и мы согласились.

К началу полевого сезона из геологических факультетов вузов запада страны приезжали толпы студентов, как и мы на производственную практику. Управление распределяло их по партиям. Начальники партий стремились заполучить этих студентов, предпочитая ребят. Девушек распределяли по остаточному принципу в приказном порядке. Так в Конкудерской партии оказались, кроме нас, ещё четыре студента Харьковского университета: Алёша, Витя, Толя и Люда. Мы с ними быстро сдружились. Образовалась внушительная группа студентов, которая в значительной степени помогала партии выполнять полевое задание.

Для достижения площади работ надо было лететь в Бодайбо. Вылетали из Иркутска мы вместе со снаряжением и продуктами грузовым самолётом. Как поётся в самодельной песни горных рабочих, «нас по самолётам растолкали, сунули авансы в зубы нам, доброго пути не пожелали и отправили ко всем чертям, в края далёкие, гольцы высокие, там, где Макар с телятами не шли…».

Рейс несколько раз откладывали. Приходили в аэропорт, сидели несколько часов, а потом нам сообщали, что рейс откладывается: то из-за погоды по трассе, то по техническим причинам. Назначали новое время. Я возвращался в опустевшее общежитие. Наконец нам дали самолёт. Загрузились. Некоторые кадры отмечали вылет выпивкой. Особенно усердствовал в этом геолог Миша Шахматов. К моменту вылета он лежал без движения на полу аэропорта. Его погрузили вместе с грузом и уложили в проходе. На трассе началась болтанка. Миша Шахматов очнулся, ему стало очень плохо, но чувство юмора он не терял.

– Ой, не могу! – причитал он. – Остановите самолёт, я выйду!

Миша был неплохим геологом, К сожалению, он скоро спился, из экспедиции был уволен и пополнил ряды бездомных «бичей». Дальнейшая его судьба неизвестна, скорее всего, печальна.

Наконец достигли Бодайбо. На катере переехали в устье Мамакана, на берегу поставили палатки и начали готовиться к транспортировке на площадь работ. Для маршрутов выдали нам спецовки, кирзовые сапоги, рюкзаки, накомарники, для ночёвки – спальники.

Производственная практика началась с приключений. Площадь работ была удалена от населённых пунктов более чем на 80 километров. К ней вели только тропы. Заброску снаряжения и продуктов на площадь планировали производить лодками, которые мы должны были доставить до устья р. Икибзяк — левого притока р. Мамакан бурлацким способом. В течение лета бригада нанятых мужиков будет доставлять нам на площадь таким же способом продукты и сплавлять каменный материал обратно в пос. Мамакан, где договорились его складировать у одного из местных жителей. Перемещаться по площади предполагалось на оленях и лошадях. Лошадей наняли в окрестностях Бодайбо и отправили по тропе, которая шла в обход долины Мамакана, лишь на небольших участках приближаясь к его берегам. С ними пошли женщины:

геолог Женя Степанова, минералог, лаборант и таборщица. Оленей арендовали в колхозе, расположенном в нескольких сотнях километров от площади работ. Для их перегона отправили заранее старшего коллектора (так называлась тогда в геологии должность техника-геолога) Володю Пальчикова и Валю Белогура.

В посёлке Мамакан арендовали три лодки. На две лодки наняли лоцманов из местных жителей, знавших русло реки. На третьей лодке для экономии денег взялся лоцманить завхоз Утусиков. Он заявил, что на Лене работал лоцманом и справится с этой работой. Лодки загрузили с верхом, приделали для каждого «бурлака» лямку на бечеве, распределились по четыре человека на лодку. Вечером отметили начало полевых работ хорошей выпивкой и песнями.

Утром запряглись и тронулись в путь. Виктор Леонтьевич, как самый уважаемый в партии специалист, был освобождён от бурлацкой должности. Он решил плыть в лодке Утусикова. С самого начала надо было преодолеть скалистый прижим. В этом месте проектировался створ будущей Мамаканской ГЭС, но велись ещё только подготовительные работы. Здесь Мамакан поворачивал на 90 градусов и всей своей мощью ударял в скалу. От скалы в воду погружались три скальных выступа, над которыми вода образовывала валы высотой до полутора метров. Местные жители высыпали на берега и с любопытством наблюдали за нами.

Первая лодка благополучно преодолела все три вала. Наша лодка шла второй. Мы только прошли второй вал, как сзади раздались истошные крики. Оглянувшись, увидели, что третья связка держит лодку, погрузившуюся под воду. По воде плывёт всё, что было на ней поверх бортов: спальники, рюкзаки и т. п. За куль с хлебом держится Виктор Леонтьевич и громко призывает на помощь (он не умел плавать). Утусикова нигде не было видно. Местные жители, с обоих берегов сразу столкнули лодки и выловили все вещи вместе с Виктором Леонтьевичем. Утонул лишь один рюкзак, в котором было много металлических вещей.

Как оказалось, когда третья лодка начала преодолевать первый бурун, завхоз повернул рулевое весло не в ту сторону, лодка стала поперёк вала, и вал воды накрыл её. Так как она была на бечеве, которую держали ребята, лодка только погрузилась в воду. Держась за неё, можно было дождаться помощи. Но Виктор Леонтьевич закричал:

– Тонем, спасайся!

Ухватившись за мешок с хлебом, бросился с лодки, а Утусиков за ним. Он был в телогрейке и резиновых сапогах с длинными голяшками, которые пристегнул к поясу. Такой намокший груз потянул его на дно, и он утонул, не доплыл 5 метров до берега. Вскрытие показало, что у него остановилось сердце, не выдержав напряжения.

Перетащили лодки за скалы, и расположились табором. Прилетело начальство экспедиции. Началось следствие. Через пять дней после вскрытия следователь признал, что виноватых в гибели завхоза нет, и мы продолжили путь.

До устья Икибзяка тянули лодки пять дней. Это был тяжелый труд. Мамакан – река суровая, да и вода была высокая. Скалистые прижимы чередовались с плёсами и каменистыми перекатами. Самые трудные участки – скалистые прижимы, где течение стремительное, приходилось перебираться по скальным выступам по одному, пока остальные, упираясь, изо всех сил держат лодку. Лоцман в это время отгребается от скалы, чтобы не врезаться в неё, ещё больше натягивая бечеву. Первый перебирался на удобное место, упирался, что есть силы, натягивая бечеву. Пошёл второй, за ним третий и т. д. На плёсах тянуть лодку было легко, но надо было пробираться сквозь заросли кустов, бечева путалась в них. На перекатах приходилось забредать в холодную воду, иногда по пояс, пока лоцман найдёт проход между валунами. Невольно приходили в голову стихи Н. А. Некрасова:

Плечами, грудью и спиной тянул он лямку бечевой…
И падал он и вновь вставал, хрипя «Дубинушку» стонал…

Кое-где прижимы были непроходимыми по берегу, приходилось переплавляться на другой берег. На ночь ставили палатку и спали вповалку.

В одну из ночёвок проснулись от истошного крика:

– Тонем, спасайтесь!

Одному из рабочих приснился сон, что он в лодке, и она перевернулась. Он спросонок вскочил и, гребя руками по палатке, бросился к выходу. Его разбудили и успокоили.

В одном месте тропа подходила к берегу, и караван лошадей вышел к Мамакану. Ему надо было здесь преодолеть россыпь из

неокатанных камней. Одна из лошадей запнулась за камень и упала спиной с вьюком между острыми камнями. Все столпились вокруг неё, обсуждая, что делать, а она спокойно лежала копытами вверх. Если лошадь попытается вставать, то может сильно пораниться. Решили волоком её вытащить на ровное место. Только бы она не начала биться, может кого-то ударить копытом. Все дружно уцепились за ноги, хвост, голову, вьюк и потащили. Лошадь, понимая, что её спасают, даже не шевелилась. Вытащили на ровное место, отошли. Лошадь встала, отряхнулась и пошла. Все вздохнули с облегчением.

На пятый день достигли устья Икибзяка, где нас должны ждать олени и лошади. Расположились табором. Кони были на месте, а олени ещё не пришли, и неизвестно, где они находятся. А время шло, давно надо было начинать маршруты. В Икибзяке было полно хариусов. Ловили все, кому не лень, даже женщины, которые никогда в жизни не брали в руки удочки. А наживка в виде полчищ паутов в большом количестве атаковала нас целыми днями. В качестве развлечения устраивали соревнование: кто скорее набьёт триста паутов. Обычно победителю хватало одного часа.

Я с детства увлекался рыбалкой. Но там, где я рос, рыбное разнообразие представлено гольянами, краснопёрками и ратанами. Их мы ловили в основном на дождевого червяка. Здесь же я познакомился с рыбами горных рек: хариусами и ленками. Ловились они в основном на мушки. В течение этого сезона я освоил изготовление мушек и в дальнейшем постоянно брал с собой всё необходимое для их изготовления: разнообразные крючки и лески, цветные нитки, шерсть барсука, которая не намокает. В последующем я старался использовать любую возможность заняться увлекательным занятием – рыбалкой, конечно, без ущерба для работы.

На третий день сверху вдоль берега пришел каюр-эвенк с тремя оленями. Оказалось, что они перепутали реки, пришли на устье р. Бугарихты, которая впадает в Мамакан выше по течению, и ждали нас. У них кончились продукты, и они уже третий день живут в охотничьем зимовье на чае.

На другой день загрузили оленей провизией и отправили меня с каюром спасать друзей от голодной смерти. Шли мы вдоль берега Мамакана без тропы, то взбираясь на откосы, то по отмелям. В

одном месте олень оступился и полетел кувырком под откос высотой метров пятнадцать. Смотрим, он внизу лежит в стланике на спине. Из стланика торчат только четыре копыта.

– Оленю турба! – воскликнул каюр.

Спустились к нему, развьючили, подняли, поставили на ноги, и он пошел, как ни в чём не бывало. Завьючили его снова и отправились дальше.

Когда нас увидели голодные ребята, радости их не было предела. Они кинулись нас обнимать и требовать еды. Но я помнил, что нельзя после голодовки сразу давать много еды, тем более грубой. Сначала открыл банку сгущенного молока и стал поить их чаем с молоком. Потом накрошил туда хлеба, чтобы он размок и т. д.

Утром каюры по обходной тропе с оленями ушли на устье Икибзяка, а нам троим, было приказано ждать, пока прибудет отряд. В этом месте намечался табор. Утром мы решили сварить кашу, но никто из нас раньше этого не делал. Посовещавшись, мы насыпали половину трёхлитрового котелка риса и доверху налили воды. Через 15 минут после закипания каша полезла из котелка. Мы стремительно начали её отчерпывать, но она лезла и лезла. Наконец каша успокоилась, но стала пригорать. Мы попробовали, рис был полусырой. Так как есть хотелось, то мы решили, что и такой сойдет, и принялись за еду. Быстро опустошили котелок. Нам с Валентином с нашими молодыми желудками ничего, а Пальчиков после еды со стоном лёг на нары.

– Ты что стонешь? – спрашиваем его.

– Да у меня от полусырого риса желудок заболел, язва обострилась.

– Так зачем же ты его ел?

– Да мне завидно было, с каким вы аппетитом его едите.

На другой день начался ливень, и уровень воды в Мамакане стал стремительно расти. Дождь лил день, ночь и весь следующий день. Вода помутнела, понесло различный мусор и даже небольшие деревья. Уровень воды стал подбираться к порогу зимовья. Я пошёл посмотреть, куда нам можно бежать, если вода подтопит зимовье. Но оказалось, что за зимовьем была старая протока, по которой сейчас катил высокий вал воды. Мы оказались на острове, бежать уже было поздно. Вода дошла до порога. Так как пол в зи-

мовье был ниже порога, то вода его затопила. Мы сидим на нарах, а внизу глубиной до колен плещется вода со всяким мусором. Питались сухим пайком.

На наше счастье к вечеру дождь кончился, и утром вода стала спадать. Но тут на нас навалилась новая беда. Оказалось, что эвенки ночевали на нарах и в настеленных ветках оставили нам, чтобы мы «не скучали», вшей. Они, конечно, набросились на нас. Возникла проблема, как от них избавиться?

Хорошо, что вода уже освободила пространство перед зимовьем, и день выдался солнечный. Развели мы большой костёр, разделись догола и начали врукопашную уничтожать врагов. Сначала тщательно просмотрели трусы. Уничтожив всю живность на них, которую нашли, надели и принялись за майки. Занимались мы этим целый день, но от вшей избавились полностью.

Через несколько дней пришёл караван, и мы включились в работу. Многому нам пришлось учиться: ставить палатки, делать таган, разводить костёр в любую погоду, варить еду, прорубать тропу, компактно упаковывать рюкзак и спальник для транспортировки, вьючить лошадей и оленей и многое другое. В каждом деле нужна была сноровка, а также важные мелочи. Могли возникнуть большие сложности, если их не соблюдать.

Например, завьючить лошадь надо было так, чтобы вьюк выдержал длинную дорогу по кустам, камням и бродам, не развязался, не сполз набок, ничего не потерялось. Лошади были снабжены специальными вьючными сёдлами с крюками, куда вешали вьючные суммы и ящики с кольцами. Суммы и ящики должны были иметь одинаковый вес с обеих сторон лошади. Когда ремнями затягивают вьюки, лошади это не нравится, и она раздувает бока. В походе ремень ослабнет, вьюк сползёт на сторону, придётся перевьючивать. Для того чтобы этого избежать, в момент затягивания ремня приходилось пинать лошадь в живот. От неожиданности она «сдувалась», и тут надо было успеть максимально затянуть ремень, пока лошадь снова не надулась. Поверх вьюков укладывались спальники, рюкзаки и палатки. Их тоже надо было привязать так, чтобы они не свалились на сторону и не выпали. Но всё равно в дороге иногда вьюки сползали на сторону и даже могли оказаться под брюхом лошади. Приходилось останавливаться и перевьючивать. В среднем вьюк имел вес около 60 кг.

У каждой лошади был свой характер, который надо было учитывать. Одна лошадь, если сползал вьюк, останавливалась и спокойно ждала, пока её перевьючат. Другая лошадь была трусливая. Один раз у неё вьюк сполз под брюхо. Она стала биться и в панике стала носиться по кустам, не разбирая дороги, пока не застряла между двумя деревьями, тяжело дыша, с шишкой на лбу и порванными спальниками. Третья лошадь ходила, как танк. Если вьюк за что-то зацепится, она останавливалась, отступала и резко рвалась вперёд. На эту лошадь нельзя было вьючить суммы: все будут порваны. Поэтому на неё вьючили окованные вьючные ящики, которые могли выдержать удары о деревья. Ещё одна лошадь была очень сильная и обычно не давалась вьючиться. За два дня до перехода её ловили, загоняя на тропу, где ставили на неё петлю, привязывали к дереву и не кормили. Затем давали ей овёс и, пока она ела, успевали завьючить. На неё загружали вьюк до 100 кг.

Из-за описанных выше событий геологосъёмочные работы начались лишь в середине июля. В результате партия не смогла выполнить план. Но начальник партии при молчаливом согласии начальства экспедиции заактировал столько квадратных километров геологосъёмочных работ, сколько было по плану. Поэтому остался долг, который надо было ликвидировать в следующие два года. Как будет видно из рассказа про 1959 год, это имело большое значение для моей судьбы.

Первый маршрут, в котором я участвовал, был трёхдневный. Вёл его Виктор Леонтьевич, я шёл с радиометром. В качестве тягловой силы нас сопровождал старший коллектор Игорь. Взяли с собой небольшую палатку. Только отошли пару километров, как начался дождь. Быстро поставили палатку. Я лишь смотрел, как это делается. Пересидели в ней около часа. Дождь кончился. Решили пообедать. Виктор Леонтьевич собрался разводить костёр.

– У тебя нож есть? – спросил он меня.

– Нет, – ответил я со смущением.

– А можешь разжечь костёр одной спичкой?

– Не знаю, не пробовал.

– Не получится из тебя геолога, – заявил он возмущённо, – смотри, как это делается.

Мне стало не по себе. Костёр он зажег лишь с третьей спички. В дальнейшем, глядя на действия геологов, постепенно учился полевой жизни, набирался опыта. В конце сезона мог уже самостоятельно производить все полевые манипуляции, как в быту, так и в маршрутах.

Последующие маршруты я в основном сопровождал с радиометром геолога Мишу Шахматова. Радиометры того времени (марка УР-4М) были далеки от совершенства. Вес их был около 4 килограмм, крепился он ремнями на груди. Датчик представлял собой трубку длиной больше метра, которая соединялась с радиометром шнуром длиной около полутора метров. Трубка со шнуром цеплялись за все, что только можно. Пробираться с таким радиометром сквозь кусты было весьма сложно. А геолог не ждёт. Выбравшись из зарослей, приходилось его догонять.

Надо сказать, что мне «повезло» с геологом. Зимой Миша Шахматов играл в оркестре на трубе, и дыхание у него было соответствующим. Он без остановок шёл в гору, изредка поколачивая камни, и обычно напевал:

– Тум- тум-тум-турум, тум-турум-турум-турум. А я, задыхаясь и обливаясь потом, спешил за ним.

В связи с задержкой начала работ, план не выполнялся, а время неумолимо шло к осени и снегам! Лев Владимирович в конце сезона решил, что мы достаточно познали геологическое строение района. Тем более, партия картировала почти сплошное поле гранитов так называемого Ангаро-Витимского батолита (так называются крупные тела гранитоидов). Нас разделили на пары и доверили вести маршруты: первый маршрут ведёт один, а второй – другой и т. д. Я ходил в паре с Валентином. Нареканий особых к качеству документации маршрутов не было.

Я с детства привычен к работе и ходьбе на большие расстояния. С 7 лет уже ходил более, чем за 10 километров за диким луком, на покос, за ягодами и грибами. Бывало, мы с мамой возвращались с покоса, до которого было 10–15 километров, почти бегом. Маме надо было управиться с коровой и домашними делами, а мне – полить огород и бежать к друзьям и подругам на вечерние посиделки. Водокачка была в 200 метрах ниже по склону. Воду доставлял в бочке на тележке. Я бегом бежал к водокачке, а оттуда весь в поту вёз телегу с бочкой к огороду. Там быстро разливал и обратно.

Рельеф там, где я жил до поступления в университет, был довольно ровным. Относительные превышения редко достигали 100 метров. А тут горы с превышениями до 1000 и более метров. Сначала было весьма трудно. Потом втянулся, подтренировался, уже особо не отставал от геолога.

Пошли маршруты, когда пот проливали «в три ручья» и набивали синяки и раны. От ударов о камни почти постоянно на голенях были коросты. Одежда и обувь быстро рвались, а выдавался по норме один комплект на весь сезон. Пришлось осваивать профессию портного и сапожника. Для образцов и проб у нас были мешочки самых разнообразных цветов и рисунков, которые шили из отходов на Иркутской швейной фабрике. Их мы использовали на заплатки, выбирая самые экзотические. К концу сезона на штанах почти не оставалось места без заплаток. Мы соревновались, чьи штаны живописнее. Сапоги тоже не выдерживали, часто приходилось их починять. В конце сезона они буквально расползались на ногах. В последующем я всегда брал в поле шило, толстую («цыганскую») иглу и нитки, из которых делал дратву.

Часто приходилось преодолевать горные ручьи и реки с ледяной водой. Если находили лесину, которая лежала поперёк ручья, то переходили по ней, иногда на высоте до полутора метров. Надо было держать равновесие, чтобы не свалиться в ручей. Лесины часто были одним концом на весу, или опирались на ветки и колебались под нашими шагами, а тяжелый рюкзак тянул в стороны. Бывало, срывались с лесины, после чего приходилось выливать воду из сапог, выжимать одежду и всё это сырым надевать на себя. Бррр! Постепенно выработалась сноровка, и мы без происшествий переходили ручьи даже по тонким вибрирующим жердочкам. Хоть в цирк поступай!

Если не было естественной переправы, то приходилось ручьи бродить. Кирзовые сапоги, часто с дырками, легко пропускали воду, да и уровень воды нередко был выше колен. Босиком бродить через горные ручьи нельзя. На камнях можно легко поскользнуться или поранить ноги. Поэтому мы бродили в сапогах на босу ногу. Сначала разувались, складывали сухие портянки в рюкзак и брели через ручей. На другом берегу выливали из сапог воду, наматывали сухие портянки и продолжали маршрут. В дальнейшем я отказался от портянок, заменил их на носки.

Бывали и многодневные маршруты с ночёвками у костра на постели из хвойных веток. А какой сон у костра? С одного боку печёт, с другого поддувает. Часто приходилось вставать и подбрасывать в костёр дрова, которые заготавливали вечером.

Если начинался дождь, то искали укрытие в скалах или под большим кедром. Под ним всегда сухо, так как капли дождя скатываются по хвое в стороны. Но он должен быть достаточно густым, иначе отдельные капли всё равно попадали на нас. Если не находили укрытия или подходящего кедра, то было как в песне:

А струйки мутные так медленно стекают
За воротник, кап-кап, и по спине.

Хорошо, если дождь быстро прекращался. Тогда маршрут продолжали, а одежда высыхала на нас. Если же дождь продолжался, приходилось бросать маршрут и идти на табор, а затем возвращаться, чтобы закончить маршрут. Бывало, за день в маршруте дождь принимался мочить нас несколько раз, чередуясь с ясным небом.

После дождя вечерами мы делали различные приспособления вокруг костра для просушки одежды и обуви. Так как дожди были частыми, то вечерний костёр в окружении сохнущей одежды – обычная картина. Костёр часто искрил, искры падали на одежду, прожигали дырки, которые приходилось зашивать.

Питание в партии было котловое. Обычно варила таборщица. Если обособлялась какая-то группа, то варили сами утром по очереди, а вечером, кто приходил первым. Такие продукты, как сливочное масло, сахар, сгущённое молоко и прочие деликатесы каждый брал на личный забор. Эти продукты таборщица выдавала под роспись. Поэтому у каждого была баночка с маслом и мешочек с сахаром. Во время чаепития каждый отделялся от других. Я думаю, что это было ещё не изжитое время войны и после войны, когда в поле продукты выдавались по норме.

С личным маслом у меня случился забавный казус. Я, видать, неплотно закрыл баночку с маслом и при переезде положил её в рюкзак, который расположили вверху вьюка. А день был жаркий. Когда приехали на новое место, и я раскрыл рюкзак, то увидел, что всё масло растаяло и вытекло. Благо под ним были запасные портянки. Пришлось их выжимать и долго стирать с мылом. Жирное пятно на моём рюкзаке красовалось весь сезон.

В одном из маршрутов мы вышли к берегу Мамакана, как раз тогда, когда бригада из трёх человек мимо тащила лодку с продуктами к нам. Доставляли они нам и почту. Они причалили и раздали почту. В пути лодку захлестнуло водой, и письма подмокли. Я тоже получил письмо. Разбирать написанное было трудно. Но я понял, что письмо от Лены. Она сообщала, что «случайно» оказалась в Иркутске. У неё была пересадка в Иркутске при поездке домой на каникулы. Оказалось свободное время между поездами. Пошла бродить по Иркутску и зашла в мединститут спросить, нельзя ли перевестись сюда. Ей сказали, что это не составляет проблемы. После каникул пусть приходит на занятия, а о документах не беспокоится. Меня это очень обрадовало. Я скучал по ней и был несказанно рад увидеть её по приезду из партии.

Ввиду того, что мы в основном кочевали, долго не задерживаясь на одном месте, хлеба у нас не было, весь сезон питались лепёшками на соде. Стряпать их – особое искусство. Замешивалось тугое тесто с содой, и делалась тонкая лепёшка. Её поджаривали на сковороде или лопате. Лепёшка вздувалась и образовывалась корка. После этого вокруг костра ставились палочки на определённом расстоянии от огня и к ним прислоняли лепёшки. Чтобы они прожарились и не подгорели, костёр должен гореть ровно, а лепёшки приходилось периодически переворачивать. Так как таборщица не успевала заготовить на всех лепёшки, приходилось и нам после маршрута заниматься ими.

Большим подспорьем в питании была рыба, которая в изобилии водилась в реках. Если оставалось время после маршрута, или в камеральный день, её ловили в своё удовольствие. Особенно вкусен малосольный хариус. Обычно вечером его солили, а на другой день, придя из маршрута, устраивали «праздник живота».

В многодневные маршруты брали с собой запас лепёшек, а на случай задержки – муку с содой. Для изготовления лепёшек в походе приходилось использовать подручные средства. Не тащить же с собой лопату и чашку, груза и так набиралось достаточно. Так в одном из многодневных маршрутов, в котором Виктора Леонтьевича сопровождали я и Витя, мы задержались. Продукты кончились. Остались одна мука и сода. Сделали из бересты так называемую чумичку в виде чашки, замесили тесто и сделали лепёшки.

Поджарили их на раскалённых камнях и поставили доводить до кондиции к костру. Утром ими позавтракали, а пока собирались, Витя надёргал трёхлитровый котелок хариусов. Поднялись на водораздел, проголодались, развели костёр и на рожнах стали жарить хариусов. Соли не было. Но мы так проголодались, что решили: хариусы без соли даже вкуснее. К вечеру без происшествий добрались до табора.

В одном из переходов с оленями ночь застала нас в густом лесу. Когда совсем стемнело, мы сбились с тропы и оказались на крутом склоне. Пришлось ночевать без воды и костра. Оленей привязали к деревьям, а сами расстелили спальники и легли спать. Чтобы во сне не скатиться неизвестно куда, каждый лёг за деревом. Так и переночевали. Когда рассвело, то открылась довольно забавная картина: по всему склону за деревьями разбросаны заполненные спальники. Утром разобрались, где мы находимся, вышли на тропу и благополучно пришли на место намеченного табора.

Несколько полукомических, полудраматических случаев с осами. С ними я был знаком ещё с детства. При сборе ягод они кусали меня тогда не один раз.

Как-то в камеральный день я решил побаловаться сгущёнкой. Сделал в баночке две дырки, попил с молоком чаю и поставил около палатки. В обед решил продолжить пиршество. Начал сосать молоко из банки и вдруг почувствовал во рту что-то постороннее. В тот же момент мой язык как будто обожгло. Я выплюнул и увидел, что в молоке была оса. Она почуяла сладкое, забралась в банку, а выбраться не смогла. Через несколько минут я почувствовал, что мой язык распухает, вскоре он уже не помещался во рту. Пришлось мне некоторое время ходить с открытым ртом. Есть я, кроме чая, ничего не мог. К вечеру отёк прошел, и жизнь вошла в обычную колею.

Женя Степанова один раз пришла из маршрута, и мы её не узнали. Лицо распухло и увеличилось раза в два, а вместо глаз узкие щелочки. Оказалось, она напоролась на гнездо ос и поздно его заметила. Они несколько раз её ужалили и в результате изменили до неузнаваемости. Женя забралась в свою палатку и два дня не показывалась, пока не пришла в норму.

Один раз мы меняли табор на оленях. Несколько человек, в том числе и я, шли впереди, за нами двигался караван оленей. Сразу за караваном шёл парнишка-радиометрист. Вдруг слышим сзади удивлённые возгласы:

– Смотрите, смотрите, олени танцуют! Ха-ха-ха!

Олени действительно прыгали, подбрасывая зады, стремились вырваться из связки и убежать. Мы сразу поняли, что олени зацепили осиное гнездо.

– Убегай скорее! – закричали мы ему. Но он продолжал хохотать, наслаждаясь зрелищем «танцующих» оленей. Вдруг лицо его исказилось от испуга. Осы добрались и до него. В следующий момент он тоже запрыгал в такт с оленями, и бросился бежать. Оленей каюры скорее увели от этого места, а идущие сзади постарались как можно дальше обойти жилище ос.

Как начало полевых работ, так и их окончание в тот год было полно приключений. В начале сентября мы закрывали геологической съёмкой дальний угол площади в верхнем течении Левого Мамакана. Маршруты были сделаны, продукты кончились. Надо было возвращаться к устью р. Чавори, где горный отряд проводил оценочные работы на проявлении молибдена. Оттуда путь с завершающими маршрутами лежал к устью р. Икибзяк, где располагался базовый табор.

Летом оленей донимает гнус. Для их спасения каюры разводят на таборе дымокуры, и олени толпятся вокруг них. Иногда так лезут к костру, что опаливают на морде шерсть. Кормятся ночью, когда мошка спит. Утрами, когда каюры ещё спят, но мошка уже одолевает, олени носятся по кустам и вокруг палаток. Копытами они задевают верёвки, которыми крепятся палатки, не давая нам спать. А светает летом рано. Чтобы высыпаться, приходилось огораживать табор жердями.

Осенью главная еда оленей, на которой они нагуливают жир – грибы. Дни становятся короче, по утрам холодно и мошка не особенно донимает оленей, да и нас тоже. Только в середине дня она оживала и набрасывалась на всё живое. Чуя приближение зимы, мошка особенно активная. Как мы говорили про этот период: «мошка, не долетая полметра, уже кусает». В поисках грибов олени на ночь часто разбредаются в разные стороны. Собрать их ста-

новится проблемой. Для приманки оленей, которые любят соль, каюры приучают их к определённым звукам. Они использовали мешочки с костями. Ими каюры брякали. Это сигнал для оленей: могут побаловать солью, и они устремляются на эти звуки. Но часто олени уходили далеко и не слышали приманивающего сигнала. Тогда каюрам приходилось побегать, чтобы их собрать.

Вот и на этот раз, уже время обеда, а оленей нет, и еды нет. Решили идти на табор горного отряда, оставив каюров собирать оленей и привезти груз. Так как с выходом запоздали, то безлунная ночь застала нас на половине пути. Долина в этом месте довольно широкая. Чтобы не сбиться, впереди шёл Миша Шахматов, так как он знал тропу. А мы цепочкой, почти держась друг за друга, шли за ним. У него сильно разболелся низ живота, и он шёл, согнувшись, преодолевая боль. Как я сейчас думаю, у него был приступ аппендицита. Если бы аппендикс разорвался, спасти его не было бы возможности. Где-то около 12 часов ночи я вдруг вспомнил, что сегодня 5 сентября – мой день рождения. За мной шёл Миша Баженов.

– Миша, а у меня сегодня день рождения.

– Поздравляю, – только и мог он мне сказать.

В час ночи мы, наконец, достигли табора горняков. Они поднялись, накормили нас, хотя продукты у них тоже были на исходе.

Несколько слов о горнорабочих. Их было 5 человек, все отсидели в тюрьмах не менее 5 лет. Но мужики были замечательные: работящие, добрые, любые трудности переносили с шутками, всегда были готовы помочь. Если рядом были женщины, то они даже разговаривали без мата.

С табора горняков надо было маршрутами выходить на базовый табор в устье Икибзяка. Каюра с оленями ушли на Родину. Так как продукты кончались, то отправили конюха с лошадьми за продуктами: день идти до устья Икибзяка и день обратно. С ними отправили горняков, прораба и женщин. Осталось нас 10 человек. Прошло два дня, лошади должны бы уже прийти, но их нет. На третий день утром из последнего яичного порошка сделали большой омлет, разделили по-братски и «положили зубы на полку». Как всегда, в таких случаях, рыба перестала ловиться, хотя летом здесь ловили хариуса сотнями.

Мишу Баженова и Алексея – студента Харьковского университета отправили выяснить, где же лошади, а сами стали подбирать паданку – кедровые шишки, упавшие с деревьев. Но вскоре все шишки собрали, орехи пощёлкали. На четвёртый день залегли в спальники и в основном проводили время в полусне, прислушиваясь, не идут ли лошади. Так прошло два дня. Наконец в середине третьего дня вдалеке послышался звон колокольчиков, и голоса. Все радостно высыпали из палаток. Быстро развьючили лошадей и начали «пировать».

Оказалось, что лошади задержались из-за форс-мажорных обстоятельств. Тропа до Икибзяка пересекает два водораздела и долину Бугарихты. Когда караван коней возвращался, то оказалось, что по долине Бугарихты шёл пал – горел лес. Вот конюх и пережидал на хребте, когда кончат гореть деревья, и можно будет идти к нам. А посланные ребята сидели на противоположном хребте.

День мы отъедались, но надо было кончать работу, так как осень уже поджимала. Распределили маршруты. Я с Мишей Шахматовым и Миша Баженов с Алексеем должны были параллельными маршрутами идти через водораздел на устье Бугарихты, там в знакомом мне зимовье переночевать и снова маршрутом через водораздел выйти на устье Икибзяка. Взяли продуктов на два дня, тёплую одежду (телогрейки, шапки, у кого они были) и отправились в маршрут.

Уже стало темнеть. Вдруг Миша Шахматов, шедший впереди, исчез, откуда-то из-под земли доносится его голос с непечатными выражениями. Оказалось, он провалился в яму, сверху заваленную хворостом, по-видимому, берлогу. Медведь видать приготовил её на зиму и, на наше счастье, отлучился. Хорошо, что хозяина не было дома. Помогли Мише выбраться и отправились дальше. До зимовья добрались без приключений, если не считать, что периодически моросил холодный дождь, и пришли мы туда по темноте.

На другой день позавтракали последними продуктами и отправились в заключительные параллельные маршруты. Моросил мелкий дождь. По заросшему склону стали подниматься на водораздел. Выше по склону дождь сменился снегом. Пока поднимались по зарослям, ветер почти не ощущался. Но вот они кончились, мы вышли на каменные россыпи, а здесь настоящая пурга.

Валил густой снег и ветер был такой, что приходилось идти навстречу ему, согнувшись. Мы оказались в тумане (облаке), видимость сократилась до десятков метров. Камни покрылись снегом, стали скользкими, скорость движения уменьшилась. Шапки завязали под подбородком, руки засунули в карманы. Геолог держал молоток, а я трубку радиометра под мышкой, изредка вынимая их: Миша для отбора образцов, а я для замеров радиоактивности. Записывать данные в таких условиях не было возможности, приходилось их запоминать.

Когда вышли на плоский водораздел, ветер немного разорвал туман. Вдруг видим, что Миша Баженов с Алёшей, которые должны были идти параллельно в одном километре от нас, идут в направлении перпендикулярном нашему маршруту и уже метрах в 150. У Алёши не было шапки, и он завязал уши накомарником. Выглядел комично. Мы закричали, они остановились, увидели нас, поняли, что сбились с маршрута, развернулись и скрылись в тумане.

Начался спуск, снежный покров стал менее глубоким и постепенно исчез, а снег сменился мелким дождичком. Когда зашли в заросли, то и ветер перестал нас донимать. Мы быстро вышли на тропу и засветло пришли на табор, где переоделись в сухую одежду и напились горячего чая. Жизнь стала радостной. Через некоторое время пришли и Миша с Алёшей.

Нас на лодке доставили в Мамакан. В Бодайбо мы приплыли на речном трамвае. Там говорят, что было землетрясение, даже разрушился один дом и погиб человек. Мы же на воде его и не почувствовали. В Бодайбо нас посадили в самолёт, и через несколько часов мы уже были в родном общежитии. На другой день по приезду я встретился с Леной и в дальнейшем уже всё свободное время мы проводили вместе.

Так закончился мой первый полевой сезон, полный трудностей и приключений. Испытания мы выдержали и получили отличные характеристики. Возвращались уже совсем другими, как говорится, «закалёнными». Недаром в стихотворении нашего преподавателя Валерия Владимировича Андреева, ныне покойного, есть такие строки:

Уходили мальчики в тайгу,
Возвращались зрелые мужчины.

Побывавшие в геологосъёмочних партиях, неважно на каких должностях, делятся на две категории: одних больше в такую партию не заманишь никакими «коврижками», другие будут вспоминать это время, как лучшее в своей жизни, и стремиться снова побывать в таких местах. Я принадлежу ко второй категории.

Все трудности и недостатки полевой жизни окупаются чувством какой-то раскрепощённости, свободы от городской сутолоки, толпы, транспорта, магазинов и т. п. В поле чувствуешь себя хозяином своей судьбы! А какие красоты в горах! Какое удовольствие на вершине у снежника попить чай, любуясь необъятными просторами окружающих гор со скалистыми пиками, гребнями, обрывами, ущельями, ручьями с водопадами, ледниковыми озёрами! Здесь в 10 метрах можно увидеть медведя, дикого оленя или сохатого, мелькнувшего в ветвях соболя, возмущённо цокающую белку, стоящего столбиком тарбагана, с громким шумом взлетающего глухаря, пересвистывающихся рябчиков, плавающих в улове хариусов «в три этажа»… А какая бывает звенящая тишина у озера, с трёх сторон окруженного скалистыми стенами!

Геологическая сторона практики тоже была весьма насыщенной. Многое из того, что рассказывали нам на занятиях, мы познали в натуре, научились вести документацию, ориентироваться по карте. Мы поняли: чтобы стать хорошим специалистом, надо многое знать, поэтому наше отношение к учёбе изменилось. Мы уже воспринимали то, что нам преподают, не как какую-то абстракцию, что было до практики, а как необходимое в нашей работе.

Небольшой отголосок полевого сезона. Позже меня с практики вернулся мой друг Юра Гилёв, который перешёл на 5-й курс. Он рассказал, что был у них рабочий, очень хороший человек, но алкоголик. В партию он поехал, чтобы отдохнуть от водки и завязать с выпивкой. Юра с ним в партии подружился. Этот рабочий был не иркутянин, где-то у него была семья. Заработал он приличную сумму денег. Получив расчёт, попросил Юру взять у него деньги на хранение, перед отъездом из Иркутска купить ему приличную одежду и остальные деньги отдать, чтобы привёз их семье.

На другой день мы встретились с ним, пошли по магазинам, купили ему костюм, рубашку, туфли, пальто, шляпу. В общем, одели с ног до головы. Выглядеть он стал вполне приличным че-

ловеком. Купили билет на поезд и остатки денег вручили в руки. Через неделю мы снова увидели его на улице. Он был в рваной телогрейке, стоптанных башмаках и в стельку пьяный. Горько нам стало! Было ясно, что помочь мы ему уже не сможем.

1958 год (С)

В 1958 году, закончив 4-й курс и отслужив месяц на военных сборах в Забайкалье, в начале июля мы разъехались на преддипломные практики. На факультете троим: Саше Горелову, Юре Шиверскому и мне выдали направления в Северо-Байкальскую экспедицию, которая базировалась в Нижнеангарске, и деньги на проезд. В те времена до Нижнеангарска можно было добраться только по Байкалу. От порта Байкал до Нижнеангарска плавал один пассажирский теплоход «Комсомолец». Он плыл до него почти трое суток, заходя во все населённые пункты, расположенные по берегам Байкала. Весьма нудное занятие. Скрашивали его только великолепные и разнообразные виды скалистых берегов озера. Своей красотой и разнообразием они производили незабываемое впечатление. Впоследствии я не раз пересекал Байкал с юга на север и обратно и каждый раз не мог налюбоваться его красотами. Мы видели их впервые и почти не уходили с палубы.

Прибыв в Нижнеангарск, мы пришли в экспедицию. Там нас распределили по разным партиям и направили в общежитие, где мы должны были ожидать транспорт, которым можно добраться до места практики. Меня распределили в Анамакитскую партию, которая проводила поисковые работы на молибден в центральной части Верхнеангарского хребта и базировалась в пос. Уоян – самом дальнем поселении в Верхнеангарской впадине. До него можно было добраться только на почтовом катере, который ходил от Нижнеангарска по Верхней Ангаре один раз в неделю. До Уояна путешествие занимало трое суток с двумя ночёвками. Мне пришлось дожидаться транспорта несколько дней.

Нижнеангарск в то время представлял собой небольшой посёлок, вытянутый почти везде в одну улицу вдоль берега Байкала. Каждое утро в пять часов нас будил китаец, который шёл по улице

с двумя корзинами на коромысле, наполненными дарами огорода, и громко выкрикивал:

– Луга, чеснога!

Питались мы в единственном в посёлке пункте общепита – буфете при гостинице. Меню было весьма однообразным: омуль жареный, омуль солёный с душком или без и уха из омуля. В магазине можно было купить хлеб и рыбные консервы местного рыбозавода. Причём сырьё для него привозилось в основном с Тихого океана.

Первым уехал Саша Горелов, за ним Юра Шиверский. Наконец пришёл мой черед отправляться в путь. Почтовый катер имел длину около 10 м. Пассажиров набралось человек 15. Катером правил моторист, он же почтальон. У него была будка, где он мог ночевать. В общем, на катере можно было сидеть и стоять, а вот ходить было негде.

За первый день мы доплыли до «умирающей» деревни Ченча, в которой осталось около 10 домов. Я побывал в этих краях в 80-х годах и не нашёл даже места, где она была. Ночевать устроился у одинокого старика полуэвенка. Природные эвенки в большинстве своём маленького роста и хилого телосложения. Они редко доживают до шестидесяти лет. Метисы же обычно высокорослые, широкоплечие и сильные. Дедушка, у которого я попросился переночевать, был 93-х летний метис. Жил один. Обычно он сидел на завалинке, попыхивая трубкой, и смотрел на реку. Я стал расспрашивать его о житье-бытье.

– А дети у Вас есть?

– Есть, да все разъехались. А я не захотел уезжать. Здесь всю жизнь прожил, здесь и помирать буду.

– На что же Вы живёте?

– Зимой охочусь понемногу. Да вот староват стал. Раньше ходил на лыжах в день по 30 километров, а теперь не больше 10 км. Какая это охота! Летом занимаюсь огородом, кошу сено по найму.

Меня весьма удивила сила этого старого человека!

Утром поплыли дальше. И тут у меня разболелся живот. Как я сейчас думаю, был приступ аппендицита. Но тогда я этого не понимал, поболит, да пройдёт. Кругом народ незнакомый, даже пожаловаться некому. Вторую ночь ночевали на полу в зимовье впо-

валку. Живот постепенно успокоился, и я забыл об этом приступе. Через несколько лет, будучи на операционном столе с приступом острого аппендицита, я вспомнил об этом случае. Мог бы и не доехать до Уояна!

К концу третьего дня прибыли в Уоян. Тогда это была небольшая эвенкийская деревня с магазином, начальной школой, медпунктом, домом-лесничеством. Русскими были только лесник, продавец и уборщица в магазине. Для каждой семьи эвенков были построены новые дома. Но они во дворах поставили чумы и в них жили: в доме жарко. Все эвенки и эвенкийки курили трубки. Если ребёнок начинал плакать, ему совали подкуренную трубку с табаком. Отношение к нам было дружелюбное.

Интересно, что кошки в Уояне не водились. Все собаки были охотничьи и кошек принимали за добычу, загоняли их на дерево и караулили до тех пор, пока они оттуда не сваливались от голода. Здесь их и приканчивали.

Партия базировалась в доме лесника Володи. Он два года как кончил лесной техникум и получил сюда распределение. Возле дома Володя разработал огород, обеспечивал себя на долгую зиму картофелем и овощами. Занимался и охотой.

Мне повезло. Когда я приплыл в Уоян, там находился старший геолог партии Леонид Михайлович Бабурин с отрядом. Он нанял здесь оленей с каюрами и на другой день собирался с караваном оленей отправиться на площадь работ. Опоздай я на один день, не ясно было, как бы я добрался до партии. Леониду Михайловичу не сообщили о моём прибытии. Связи из Уояна с партией не было.

Утром каюры завьючили оленей, и мы отправились по тропе в сторону гор. Олений караван двигается медленно, и мы, четыре человека во главе с Леонидом Михайловичем, отправились вперёд. Отличная погода, необычная обстановка, окружающая тайга, возвышавшиеся впереди стеной горы, предвкушение неизвестного настраивали меня на романтический лад. Шли мы быстро, расспрашивали старшего геолога о будущих перипетиях работы.

На какое-то время разговоры прекратились. Тропа как раз пересекала заросли густого молодого осинника. Вдруг впереди на тропе в 15–20 метрах увидели медведицу, а за ней двух маленьких медвежат. Мы оцепенели. Медведица рявкнула, поддала медвежа-

там лапой и скрылась с ними в осиннике. В следующий момент она стала вокруг нас в 10–15 метрах носиться по чащобе кругами, периодически угрожающе рявкая. Видны было только резкие качания вершинок осин и треск кустарника. А впереди тявкали медвежата. Это рявканье и тявканье я запомнил на всю жизнь. Мы, сбившись в тесную кучу, растерянно вращались вслед за треском и не знали, что делать. Из оружия был только охотничий нож у старшего геолога.

– Спокойно, ребята, – негромко крикнул старший геолог напряженным голосом.

Он моментально выхватил нож, срубил осиновые палки и мы, ощетинившись ими во все четыре стороны, ожидали нападения.

– Давайте медленно отходить, – скомандовал Леонид Михайлович.

Так тесной группой, не опуская «оружия», спиной друг к другу мы стали пятиться назад. Когда мы отпятились метров на двадцать, издаваемые медведицей и медвежатами звуки прекратились. Мы развели костёр и стали ждать караван. Напряжение прошло, и мы возбуждённо стали обсуждать происшедшее. Каждый, конечно, стремился показать, что он совсем не испугался. У меня на груди был фотоаппарат.

– Что же ты не сфотографировал медведицу?

А мне было в то время не до фотоаппарата, я о нём и забыл.

Показался караван, а впереди охотник с карабином за спиной.

– Там впереди медведица с медвежатами, – наперебой стали рассказывать мы.

Охотник взял карабин наперевес, взвёл затвор и пошёл вперёд, а мы на некотором расстоянии за ним. Но никаких признаков пребывания медвежьего семейства впереди не было.

На выходе долины р. Анамакит из гор у партии был склад взрывчатых веществ (ВВ). В 200 метрах от него стояла 10-местная палатка, где жили сторожа – семейная пара старых эвенков. Сторожа были для проформы, так как на сотни вёрст вокруг не было ни души, кроме эвенков, которые в это время пасли оленей далеко от этих мест. Переночевав, мы с караваном отправились далее вглубь гор, а здесь остались сторожа склада ВВ с охотничьей собакой, Станислав Андреевич Гурулёв – преподаватель нашего фа-

культета, руководитель моего диплома, и мой однокашник Саша Бухаров. Они занимались тематическими работами по изучению молибденового оруденения. Далее рассказ продолжается с их слов.

Вечером, поужинав у костра у входа в палатку, они устраивались на ночлег. Костёр потухал. Только погрузились в спальники, как у палатки раздался собачий лай и затем свирепый медвежий рёв. Собака стала носиться вокруг палатки с истошным лаем, а медведица (это была она) носилась за ней с рёвом. Все моментально выскочили из спальных мешков, вооружились, чем могли (лопаты, топоры), раздули костёр и стали у входа в палатку, собираясь дорого продать свою жизнь. Ружьё эвенки оставили на складе ВВ.

Собака бросилась в сторону гор, которые возвышались сразу за палаткой. Они были покрыты крупными глыбами с редким кустарником, среди которых располагались скальные выходы и обрывы. Собачий лай и рёв медведицы то удалялся, то приближался. Это продолжалось около двух часов, держа в напряжении население палатки. Затем всё стихло, собака прибежала, высунув язык, и успокоилась, изредка взлаивая на кедр, стоявший у палатки. Решили, что медведица в погоне за собакой где-то сорвалась с обрыва и разбилась. Все постепенно успокоились и легли спать.

Проснувшись утром, они увидели на кедре у палатки двух медвежат. По-видимому, медвежата выскочили на палатку, собака кинулась на них, а они шмыгнули на дерево. Медведица, вывалившая из чащи леса за ними, кинулась на собаку и началась «игра» в догонялки. Сходили за ружьём и добыли медвежат. Без матери им всё равно было не выжить. Мясо их частично привезли к нам. Так закончилось моё первое знакомство с медведями.

Наш караван прошёл дальше вглубь гор до табора, расположенного на правом берегу Анамакита. Ночью я проснулся от страшного грохота, который продолжался несколько минут. Меня успокоили, что ничего страшного не произошло. Оказалось, что здесь Анамакит подмывает левый берег, где уже образовался обрыв в сотни метров. Почти каждые сутки с этого обрыва сходили каменные лавины. До табора камни не долетали несколько десятков метров.

Наутро, ввиду резкого дефицита ИТР, меня одного после короткого инструктажа по технике безопасности, которая никем не

выполнялась, геологии района, поисковым задачам, методике и условиях работы, сразу же послали в однодневный маршрут.

Площадь поисковых работ Анамакитской партии имела вид квадрата со стороной 20 километров. Единственной дорогой на площади была оленья тропа, которая пересекала её почти посередине в меридиональном направлении. Проходила она по долине Анамакит Ангарский и продолжалась через перевал по долине Анамакит Мамский с короткими отворотами по Правому Анамакиту и ручью Дылындык. Маршрут до границы площади достигал иногда 10 километров и обратно столько же. Отметки вершин доходили до 2500 метров, относительные превышения – до 1500. Склоны крутые, часто с обрывами и живыми россыпями. Как показали наши измерения по времени прихода звука от брошенного вниз камня, высота обрывов иногда достигала 300 метров.

В маршрутах часто приходилось преодолевать «живые» россыпи («живыми» называются россыпи, когда при малейшем воздействии глыбы начинают ползти вниз, часто переворачиваясь и образуя каменные лавины), которые разделяли скальные гребни. Обычно, стоя на таком гребне, я намечал путь до следующего скального выступа. Выбирал камни побольше размером и бегом по ним преодолевал каменный поток, а за мной с угрожающим шорохом камни начинали ползти вниз. Иногда выбирал крупную плоскую глыбу и на ней проезжал некоторое расстояние, всегда находясь в напряжении, в готовности перепрыгнуть на другой камень.

Перед моим прибытием двое маршрутчиков попали в такую движущуюся лавину. В результате у одного оказалась раздробленная коленная чашечка, а у другого – вырван солидный клок ягодицы. Они кое-как с палками, поддерживая друг друга, добрались до табора, откуда их смогли быстро вывезти в Нижнеангарск. Ягодица-то зажила, а вот второй остался хромым.

В маршруте приходилось пересекать несколько хребтов разной высоты. Поднимаясь на хребет, никогда не знаешь, сможешь ли с него спуститься. Вдруг там обрыв и придётся его обходить, вернее облазить. За день маршрутом редко удавалось пройти более пяти километров, поэтому в основном маршруты были многодневными (до 4–5 дней).

С целью поисков полезных ископаемых по проекту надо было брать сколки пород весом до 50 грамм с интервалом 50 метров, кроме того образцы встреченных пород и пробы, если встречалось видимое оруденение. Мы стремились брать сколки, образцы и пробы, минимального размера, но всё равно к концу маршрута накапливалось каменного материала до 10 килограммов, плюс снаряжение и одежда для ночлега.

Трудности усугублялись тем, что не было маршрутных рабочих. В Нижнеангарске свободная рабочая сила отсутствовала. Кое-как набрали лишь горнорабочих. Поэтому в маршруты, вопреки технике безопасности, ходили по одному.

Утро после ночёвки в каре

Чтобы уменьшить груз, мы кооперировались по двое или по трое, намечали место общего ночлега и делили груз. Шли параллельными маршрутами к месту ночлега. Я ходил в связке обычно со старшим коллектором, которому было 35 лет. Он был самым пожилым в партии, и поэтому звали его стариком.

Ночевать приходилось в карах с отметками 1800–1900 метров, где росли лишь кустики стланика. По утрам даже в июле на воде появлялся ледок. Мы брали с собой палатку – альпийку, которую можно ставить на молотках, укрепляя растяжки камнями. Кроме того, каждый брал котелок, кружку, ложку, нож, чехол от спальника, тёплое бельё, шерстяные носки. Продуктов брали по минимуму и делили поровну. Из уважения к «старости» моего напарника и по его просьбе я брал палатку. С вечера засыпали, но

около часу ночи просыпались от холода. До восхода Солнца дрожали, пытаясь согреться. Затем, пригретые Солнцем, засыпали, но в 7–8 часов надо было вставать и идти в маршрут.

Расскажу о некоторых, наиболее запомнившихся маршрутах.

Первые маршруты были однодневными. Надо подняться до водораздела и через 500 метров спуститься обратно. Это была как бы разминка.

Наконец наметили многодневные маршруты. Параллельными маршрутами пошли Старик (так звали его в партии, не смотря на 35 лет, он был самым старым), Женя – старший коллектор и я. Предстояло обследовать обширный цирк. Намечали его пройти за три дня. Соответственно взяли продуктов по минимуму. Вместо намеченного полдня подход к маршрутам занял весь день. Вначале поднялись по крутому склону долины Анамакита Ангарского на водораздел с ледниковым цирком по крупноглыбовым часто живым россыпям, огибая скальные выступы. Высота подъёма достигала 1 км. Спустились в днище кара, где переночевали, как обычно, продрожав полночи. Разошлись по маршрутам. День прошёл благополучно. Другой день провалялись в палатке под шум дождя. Хотя бы выспались! На третий день скромно позавтракали остатками продуктов и разошлись по маршрутам. Вечером лишь попили сладкого чая. Завтрак состоял уже только из чая без сахара. Поход вместо трёхдневного получился пятидневный.

К вечеру голодные «как волки» пришли на табор, а там стоит лишь одна палатка каюров, в которой мы не нашли ни крошки. Но зато была мелкокалиберная винтовка. Я взял её и пошёл на охоту. Над нами, без перерыва возмущённо каркая, носилась толпа кедровок. Так как другой дичи не было, я добыл двух кедровок. Остальные, поняв, что надо спасаться, разлетелись. Недалеко увидел на дереве белку. Её тоже пришлось подстрелить. Из этой дичи приготовили «роскошный» суп. Переночевав, пошли по следам оленей и к обеду достигли нового табора, где восполнили растраченные калории.

В конце июля наш табор располагался на левом борту долины Правого Анамакита — правого притока руч. Анамакит Ангарский, куда могли подняться олени. Кроме нас со Стариком, на таборе находился прораб Боря Цедендамбаев и рабочий Алексей. Они

оценивали проявление молибдена: Алексей копал канавы, а Боря документировал их и отбирал пробы. Продукты кончались, а связи не было, и мы не знали, где олени с продуктами и когда они придут. Не выдержав ожидания и голода, Боря с Алексеем ушли за ними.

Нам осталось сделать последний трёхдневный маршрут. Надо было обследовать цирк в вершине Правого Анамакита. Чтобы потом не возвращаться сюда, на оставшихся продуктах решили выполнить этот маршрут. Утром проснулись под шум дождя. Пережидаем дождь один день, второй, а он не кончается. Осталось совсем мало продуктов. На третий день дождь стих, и мы пошли в маршрут. Но только отошли с километр, как он зарядил снова. Возвращаться назад на табор, где нет продуктов и неизвестно, когда их привезут, не имело смысла. Как в песне: «…и нельзя повернуть назад». Решили идти дальше, авось дождь кончится. Уже вечер, мы промокли до нитки, а дождь не кончается. Кругом камни с редкими кустиками стланика. Даже палатку негде поставить. Начало темнеть. Вдруг видим небольшую относительно ровную площадку и на ней кучку наломанного стланика. (Как я выяснил потом, здесь год назад ночевали Степан Морозов и Гаррифулин – работники Сосновской экспедиции, которая занималась поисками месторождений урана). Решили на ней ставить палатку. Кое-как поставили её на молотках, забрались внутрь и стали устраиваться спать. Но пока возились, задели верх палатки, и она стала протекать. Попытались уснуть. Но мы промокшие, да и с палатки постоянно капает холодный душ. Дрожь пробирает, зуб на зуб не попадает. Только скрючившись, немного согреешься, как начинают болеть кости, затекать мышцы. Переворачиваешься на другой бок и начинаешь снова стучать зубами. Так мы мучались всю ночь. Свербила одна мысль: скорее бы рассвет. Но вот стало светать, а дождь не кончается. Старик не выдержал:

– Я вылезу, побегаю, а то совсем застыл.

Выбрался из палатки, сделал несколько кругов вокруг неё и снова залез внутрь. Наконец на наше счастье дождь стал кончаться, и к 11 часам выглянуло Солнце. Немного обсушились, сварили еду и в два часа отправились в маршрут. Пришли обратно, разделили поровну остатки еды: по кусочку сухаря и сахара, и легли спать. Утром еды у нас уже не было. Попили пустой чай, свернули вещи и отправились совместно маршрутом выходить на табор.

Мой напарник был курящий и израсходовал почти все спички. Осталось четыре штуки. А мы не знаем, что нас ждёт на таборе, пришли ли олени с продуктами. Старик отдал мне спички и сказал, чтобы я сохранил их до табора, не давал ему курить. А то придём на табор, даже нечем будет разжечь костёр. Маршрут у нас был по правому борту Правого Анамакита по каменным глыбам и скальникам. В середине дня мой напарник начал канючить спичку, говорит, что уже не может без курева. Упросил меня, выделил я ему одну спичку.

Пришла пора перебираться на другую сторону ручья, но он здесь тёк в каньоне. С обеих сторон скальные обрывы высотой до 20 метров. Наконец нашли место, где можно спуститься к ручью. Спустились, а на той стороне тоже обрыв. Стали искать место, где можно выбраться из каньона на нужную сторону. Нашли туда наклонный уступ шириной до полуметра, который выходил к каменной россыпи. Стали по нему подниматься, иногда прижимаясь грудью к скале и распластав руки. Я шёл первым. В одном месте уступ прерывался на ширину большого шага, а внизу обрыв метров десять и тяжелый рюкзак за спиной. Стало страшно. Что делать? Назад не повернёшь. Я остановился, собрался с духом и благополучно шагнул. Мой напарник добрался до этого места и остановился.

– Как ты здесь перебрался? – с испугом спросил он.

– На честном слове.

– Как это?

– Сказал себе: «Честное слово не упаду», – и шагнул.

Он несколько минут насмеливался и, наконец, тоже шагнул. Обошлось.

Выбрались на камни.

– По этому случаю надо закурить, – заявил он.

– Без курева не могу идти дальше.

Уговорил он меня, выдал я ему спичку. Осталось их две.

Без еды и по такому трудному пути мы обессилили, а надо идти по камням в гору. Можно продвигаться только прыжками с камня на камень. Еле двигаемся, останавливаясь через каждые 10 метров. Наконец выбираемся к табору, видим палатку, а около неё на куле сушатся сухари! Когда караван шёл к нам, их промочил дождь, и они заплесневели. Боря с Алексеем ушли на канаву. Мы с жадностью набросились на еду, которой было впритирку.

Стали мы ждать оленей, которые нас вывезут с этого табора. Прошло три дня, а их всё нет. Питались в основном сухарями и чаем с сахаром. Так как сухари заплесневели, мы выбирали самые лучшие. На третий день, когда пришли олени, сухарей осталась только горстка. Так закончился мой самый тяжёлый маршрут в этом сезоне, да, пожалуй, и во всей моей полевой работе.

В конце августа с табора в долине руч. Дылындык я пошёл в маршрут на левый борт долины руч. Анамакит Мамский. Мне предстояло пересечь вершину с отметкой около 2000 метров, сложенную ультраосновными породами. (Ультроосновные породы богаты минералами железа и потому высокомагнитные). Они имеют чёрный цвет, соответственно, вид у горы был весьма мрачный. Мы успели спуститься метров на двести от вершины, как чёрная туча, громыхая и сверкая молниями, закрыла всё небо. Как будто наступил вечер. Молнии, словно пики, почти непрерывно стали вонзаться в чёрную вершину горы. В магнитные породы, совсем близко от нас. Зрелище незабываемое и невероятно страшное! Грохот можно сравнить с артиллерийской канонадой. Но нам было не до любования. Мы не стали искать убежища, а под проливным дождём, как можно скорее, стали убегать вниз. Только мы спустились к ручью, как дождь прекратился, туча, погромыхивая, удалилась. Мы развели костёр, разделись, выжали одежду, надели её влажную. День клонился к вечеру, а до табора было ещё 4 километра. Немного подсушившись, пошли на табор. На ходу быстро согрелись. На таборе переоделись в сухую одежду, поужинали и стали досушивать одежду и обувь, чтобы завтра с утра надеть сухое и снова идти в маршрут.

На другой день мы с геологом Аркадием Залуцким параллельными маршрутами с общей ночёвкой отправились в двухдневный маршрут в долину левого притока Анамакита Мамского. У него была собака, которая сопровождала его в маршрутах. Как обычно, переночевали в каре в вершине ручья, продрожав полночи. Отправились в маршруты: он по правому водоразделу ручья, я по левому. Поднявшись по курумнику на скалистый гребень, я двинулся по нему к Анамакиту. Гребень представлял собой сложенную параллелепипедами гранитов прерывистую стенку, (характерная отдельность для гранитов) высотой 5–25 метров и ши-

риной около полуметра. Причём их поверхность была наклонена под углом 10–15 градусов. По обе стороны от стенки были в основном «живые» глыбовые россыпи Единственный относительно безопасный путь лежал по скалистому гребню. Был конец августа и накануне прошёл снег. В основном он стаял, а на наклонной поверхности скалистого гребня оттаяла только полоска шириной около 20 см. Чтобы не поскользнуться и не упасть со скалы, пришлось передвигаться по этой узкой полоске на четвереньках. Скалистая стенка иногда прерывалась глыбовыми россыпями. В общем, занимался обычным скалолазанием без страховки и приспособлений.

Передвигаясь таким образом, я услышал внизу постукивание камней. Постепенно постукивание становилось всё громче. Явно кто-то приближался ко мне по глыбовой россыпи. Никакой зверь, кроме медведя, по таким россыпям не бегает. А звуки всё приближались. Мне стало неуютно. Я поспешил добраться до перерыва в скалистом гребне, спрятался за камни и приготовился защищаться молотком. Сердце билось как «овечий хвост». Вдруг из-за камней выскакивает собака Аркадия. Я сел и несколько минут успокаивался.

Видимо, когда мы пошли в маршрут, собака была занята каким-то своим делом, возможно, добывала пищуху, хватилась, а нас нет. Она почему-то перепутала и побежала по следу догонять не Аркадия, а меня. Покрутившись около меня, собака поняла, что хозяина здесь нет, и скрылась. С Аркадием повторилась та же история. Только когда собака догнала Аркадия и радостно кинулась к нему, он в наказание за страх огрел её молотком.

Начался сентябрь. Вершины гор уже посеребрил снег, но склоны ещё были открытыми. Надо было сделать последние маршруты в районе перевала между Анамакитами Ангарским и Мамским. Туда с табора на ручье Дылындык отправились в маршруты трое: геолог Аркадий Залуцкий, старший коллектор Женя и я. На перевале поставили палатку и пошли в ближние маршруты.

Мы с Женей худощавые, а Аркадий – здоровяк. До выезда в поле он весил 110 килограмм. За поле, правда, похудел килограмм на тридцать. А палатка маленькая. На ночлег первым в палатку забирался я, за мной Женя. Он заваливался на меня и тогда в палатку мог втиснуться Аркадий. Ночевали тесно, прижавшись друг к другу, чтобы было теплее. На другой день проснулись под шум

дождя. Два дня пролежали в палатке, выбираясь лишь для приготовления пищи и по «суровой необходимости». На третий день дождь прекратился, мы сходили в маршрут. В этом маршруте я обнаружил тело пегматитов с лепидолитом – минералом лития.

Ночью пошёл снег. Утром он перешёл на перевале в мокрый снег с дождём, а склоны стали покрываться белой пеленой. Продукты кончились. Делать нечего, надо идти на табор, до которого 6 км. Свернули мы палатку и тронулись в путь. Сапоги у меня порвались так, что торчали портянки. Они сразу промокли и ноги заледенели. Одежда тоже промокла насквозь. Руки замёрзли так, что пальцы не гнулись. Молоток пришлось держать под мышкой. Тропа была каменистая, камни обледенели. Быстро не пойдёшь, чтобы хоть немного согреться. До табора по тропе мы плелись больше двух часов.

На таборе палатки с печками, костёр горит, варится горячая еда. Благодать! Леонид Михайлович, увидев наше состояние, достал из заначки бутылку коньяка, налил нам по стакану. Мы, переоделись в сухую одежду, выпили коньяк, напились горячего чая и залезли в спальники. Меня ещё долго колотила дрожь. Наконец, я уснул. Через два часа проснулся совершенно здоровым, как и другие мои спутники. Как будто и не было этого похода. Смотрю, а у моего спальника стоят, на зависть всем, новые рабочие ботинки. Леонид Михайлович, увидев мою обувь, понял, что ходить в ней больше невозможно.

Удивительно, но в партиях, работавших в горах, никто никогда не болел от простуды, в какие бы условия ни попадали. Я шутя говорил, что здесь один микроб на квадратный километр! Но когда возвращались в город, то нас часто посещали ангина или ОРЗ. По-видимому, в горах организм отвыкал бороться с заразой.

Погода наладилась, но все горы, кроме долин, были покрыты снегом, который уже не собирался таять. Решили кончать полевые работы и выходить в Уоян. 9 сентября завьючили оленей и отправились в путь. В первый день дошли только до перевала. Погода стояла ясная. Быстро поставили палатки, поужинали, бросив всю посуду и снаряжение, где попало, устроились спать. Решили на другой день пораньше отправиться дальше.

Я, как всегда, спал в палатке с краю. Утром проснулся от ощущения, что меня чем-то придавило. Высунулся из спальника и вижу, что пола палатки лежит на спальнике, прогнувшись под какой-то тяжестью. Толкнув её, я понял, что это снег.

Я выбрался из палатки. Всё вокруг бело. Два наших каюра сидят перед своим тентом. Перед ними горит костерок из трёх палочек, расположенных веером. Обычный экономный костёр эвенков. По мере прогорания, они палочки пододвигают, поддерживая огонь. Над костром висит чайник. И каюра с благодушным видом пьют чай.

Выбрались все из палаток и начали искать, разгребая снег, где топор, где пила, где какая посуда. Сварили наскоро завтрак, и тронулись дальше. Через два дня мы были в Уояне.

Поселились мы у Володи-лесника. Из военкомата Нижнеангарска ему прислали повестку и назначили время выезда из Уояна. Он распродал всё своё хозяйство: урожай, зимнюю одежду, посуду и т. д. Вдруг получает телеграмму: отстрочить выезд до особого распоряжения. Володя распсиховался, начал крушить мебель, купил бутылку водки и залпом её выпил. На другой день он рассказал. Год назад было то же самое. Получив повестку, Володя распродал всё имущество и поплыл в Нижнеангарск. А когда прибыл туда, то команда уже уехала и его отправили обратно. Пришлось ему всё заводить снова, и всю зиму он практически бедствовать. Сейчас Володя посчитал, что история повторяется, и сильно расстроился. Но на сей раз это была лишь временная отсрочка, и Володя отправился служить Родине. Возвращаться в Уоян после армии он не собирался.

На смену Володи прислали лесником девушку, только что окончившую лесной техникум. Она была высокого роста и спортивного склада. Чувствовалось, что обладает недюжинной силой. У неё надо было подписать выполнение договора партии по вырубке леса. По правилам лесник должен обследовать наши порубки и подтвердить выполнение договора. Она решила следовать правилам. Мы её предупредили, что в горах снег уже по пояс. Но эта девушка взяла коня и поехала в горы. Через день она вернулась, не доехав до подножия гор пару километров. Договор был подписан безоговорочно.

В начале октября мне довелось увидеть, как омуль идёт вверх по реке на нерест. Наблюдать за стаями рыб, следовавших почти сплошным потоком, было занимательно. По реке постоянно патрулировали моторные лодки рыбохраны, чтобы не допустить ловлю омуля сетями. Его в это время можно было ловить только на удочку. Мальчишки этим активно занимались. Старики эвенки рассказывали, что раньше омуль шёл «стеной», и его заготавливали, забредая в воду и выбрасывая руками на берег.

В магазин Уояна товары, продукты и спиртные напитки привозили на барже один раз в год осенью. Спиртные напитки обычно кончались уже в феврале. После этого естественно устанавливался сухой закон. Всё население Уояна с волнением ждало эту баржу. Были одни разговоры: где находится баржа, где ночует, сколько прошла за день. Наконец баржа прибыла, но пока её не разгрузили, и продавец не принял товар, магазин не работал. Всё мужское население Уояна дружно бросилось разгружать баржу. Быстро разгрузили её, и началась гульба! Мы тоже автономно приняли в ней участие.

Разгрузившись, баржа отправилась обратно, а с ней и я. В университет успел прибыть к 10 октября, как раз к началу занятий пятого курса. В то время с опозданием было строго. Могли дать выговор или даже лишить стипендии, без которой я лишался бы средств к существованию.

1959 год (М)

В 1959 году мы заканчивали учёбу в университете, и встал вопрос о трудоустройстве. В то время мы были обязаны отправиться на работу, «куда Родина пошлёт». Неприбытие на место распределения уголовно наказуемо. Мы с моим другом Юрой Шиверским на пятом курсе обзавелись жёнам. Моей супругой стала Елена Игнатьевна – студентка мединститута. Фамилию она взяла мою. Наши супруги осенью должны были рожать. Но им ещё год редстояло учиться, поэтому нам никак нельзя было уезжать из Иркутска.

На наше счастье, Конкудерская партия Иркутской геологосъёмочной экспедиции под руководством Льва Владимировича Ревякина, где я проходил производственную практику в 1957 году,

как я уже писал, не выполнила задание по съёмке. Осталась значительная площадь заактированная, но не заснятая. В 1958 году снова было невыполнение плана. В результате на последний год остался почти двойной объём работы и Ревякину требовался расширенный штат геологов. Ещё зимой Лев Владимирович договорился со мной, так как я знал дорогу на площадь работ партии, что после окончания университета договорюсь ещё с одним выпускником, и мы прибудем к нему в партию. Он согласовал это с начальником экспедиции Арнольдом Ивановичем Сердом, который был в курсе негласного бедственного положения с планом работ партии.

Отслужив месяц на военных сборах в Забайкалье, мы сдали экзамены. Защитили дипломы. В начале июля, получив направление на работу в Иркутское геологоуправление, мы пришли туда в отдел кадров.

– У нас есть договорённость с начальником Конкудерской партии о том, что мы должны прибыть к нему в поле на работу, – заявили мы.

– Ничего не знаю, вот Вам на выбор Бодайбинская, Нижнеудинская или Ольхонская экспедиции, – категорически заявил начальник отдела кадров. Его главная задача была заполнить вакансии в периферийных экспедициях. В то время у геологов, как и у многих, была большая проблема с квартирами в Иркутске и потому в местные подразделения стремились принимать только иркутян.

Мы вместе с жёнами загрустили. Отправились в Геологосъёмочную экспедицию. Арнольд Иванович был в отъезде и его замещал главный геолог экспедиции Виктор Давыдович Мац. Он не был в курсе договорённости Ревякина с начальником экспедиции, поэтому сказал нам, что ничего не может сделать. Мы затосковали ещё больше. На другой день узнали, что вернулся Арнольд Иванович, и направились к нему. Вошли, представились.

– Вы почему ещё здесь? – грозно спросил Арнольд Иванович, – вот Вам записка, идите в бухгалтерию, получите деньги. В коридоре Вас ждут два студента, и чтобы завтра же Вас в Иркутске не было.

– Но нам сказали в отделе кадров, чтобы мы ехали в другую экспедицию. Как нам быть с этим указанием? – робко спросили мы.

– Это не Ваша забота.

Накануне свадьбы

Оказывается, Ревякин слал одну за другой радиограммы: «Где молодые специалисты? План снова «горит»!» Окрылённые, мы побежали, чтобы обрадовать жён. Быстро собрались и на другой день вместе с двумя студентами были в Бодайбо. Конкудерская партия имела связь по рации через Бодайбинскую экспедицию. Как договорились с Львом Владимировичем, мы пришли в эту экспедицию и попросили послать радиограмму, что выходим к устью Икибзяка. По своей неопытности мы не дождались ответа, мало ли что может происходить в это время в партии. Лев Владимирович послал нам ответ: «Задержитесь с выходом из Бодайбо до особого указания, находимся далеко от базы. Пока не можем вас встретить». Этого-то ответа мы и не получили…

Мы закупили продукты на 5 дней и отправились в поход. Карты у нас не было (они были тогда секретными), но дорогу (тропу) я знал и мы за три дня по правому борту долины р. Мамакан дошли до устья Икибзяка, который слева впадал в Мамакан. Расположились напротив устья Икибзяка и стали ждать. За нами должны были прийти с другой стороны Мамакана. Прошло два

дня, на той стороне никто не показывается. Продукты съели. Снастей для рыбной ловли у нас не было. Сделали из тряпки что-то типа бредня. В заводи поймали насколько гольянов и сварили «уху» с диким луком. Всё питание за день. Встал вопрос, что делать. База партии располагалась на р. Малая Конкудера за водоразделом от Икибзяка. Расположение базы я знал ориентировочно. Мне зимой Лев Владимирович показал её местоположение на карте. Решили, вопреки всем правилам техники безопасности, делать плот, переплавляться и идти на базу партии своим ходом.

Я знал, как делают плоты без гвоздей и скоб. Напилили сухих брёвен длиной 3 метра, связали их ивовыми прутьями, вырубили шесты, попробовали в заводи, хорошо держит двух человек с рюкзаками. Приняли такой план: сначала переправляемся мы с Юрой, затем челноком переплавляем студентов. Не учли только, что течение в Мамакане быстрое, а вода высокая. Только выплыли на стремнину, нас быстро понесло вниз, а волны стали заливать рюкзаки. Что делать?

– Гребём к тому берегу! – предложил я.

Когда причалили к левому берегу, нас снесло почти на полкилометра. Мы поняли, что с переправой студентов ничего не получится. Студентам покричали, чтобы ждали нас и отправились вверх по тропе по долине Икибзяка. С 1957 года я знал дорогу до среднего течения Икибзяка. Дальше долина сильно расширялась, Икибзяк распадался на несколько ручьёв-вершин. В этом месте стоял добротный дом-зимовьё, но он был пуст и ничего съестного мы в нём не нашли. От зимовья в разные стороны шли тропинки. Куда идти? Где перевал в Малую Конкудеру? Пошли по наиболее натоптанной тропе. Переночевали у костра. Выбранная нами тропинка скоро кончилась. Утром решили подняться на водораздел, чтобы оттуда оглядеться и выбрать путь. Есть особо не хотелось, но навалилась вялость – еле ноги переставляем. Третий день без еды!

Поднялись на водораздел. Я узнал долину Бугарихты – притока Мамакана, где ходил в маршруты два года назад. Пошли по водоразделу в сторону Малой Конкудеры. Когда увидели, что ручьи стали течь в сторону от Мамакана, начали спускаться. Спустились в широкую, заросшую лесом долину Малой Конкудеры. Подошли к реке, а там уйма троп. Сели отдохнуть, а подняться уже

почти нет сил. Где база, выше по течению или ниже? По неопытности, решили разделиться: один идёт вниз по течению, другой вверх. Кто выйдет на базу, попросит пострелять, чтобы другой услышал. Как говорится, нарочно не придумаешь!

– Давай покричим, вдруг кто откликнется, – предложил я.

Начали кричать. Слышим, что близко кто-то откликается! Мы вскочили, откуда только силы взялись, и бегом на голос. Оказалось, что мы вышли в 50 метрах от базы. На наше счастье, за полчаса до этого первая связка оленей во главе с завхозом вышла на базу, а до этого она была пустая. Нас накормили, напоили. Через час пришли остальные. Отчитали нас за все нарушения техники безопасности. Мы могли бы легко погибнуть, и никто бы нас не нашёл. Опять я был на волосок от гибели! Каким-то чудом стечение обстоятельств нас спасло.

Интересный случай произошёл перед нашим выходом на базу. Когда уходили с базы, все двери в постройках, в том числе и в бане, заколотили гвоздями, чтобы медведь не набезобразничал. В бане было довольно узкое окно, в которое мог протиснуться с большим трудом лишь человек некрупного телосложения. Таборщицей была суровая крупная женщина, отсидевшая солидный срок в тюрьме. Она ничего не боялась и при перетаборовке любила уходить по тропе одна впереди всех. Так и в этот раз она первая вышла на базу. Когда караван прибыл на базу, таборщицы нигде не было. Открыли дверь в баню, а она, испуганная, сидит там. Увидав людей, таборщица сразу приободрилась и заявила, что решила напугать их.

– Как же ты сюда попала? – спросили её с удивлением.

– А через окошко.

– Но ты же в него не пролезешь!

– А вот смогла.

Потом она созналась.

– Когда я подошла к бане, из-за угла показался медведь. Как оказалась в бане, я не помню!

Эвенки – каюра расположились на другом берегу реки. Их было пятеро: пожилые муж «Пётарка» с женой, молодой парень и женщина с шестилетней девочкой. У девочки был свой олень. Мама при переездах сажала её в специальную корзинку, прикреплён-

ную к седлу, и привязывала. Так девочка ехала целый день, то пела песни, то плакала, когда её ударяла ветка. Мама на её плач не обращала внимания. Но когда олень с девочкой споткнулся, упал и начал биться, она моментально подскочила, выхватила нож, разрезала ремни и освободила девочку.

За полмесяца до этого, когда партия уходила в дальний угол площади, поставили бражку. По приходу натопили баню, помылись и решили отметить бражкой окончание этапа работ. Эвенков тоже пригласили на «сабантуй». У них жажда алкоголя непреодолимая. Пётарка был глуховат и не расслышал приглашения. Все пришли, а он остался починять оленью упряжь. Когда бражка уже подходила к концу и в бочонке осталась одна бурда, молодой эвенк зачем-то отправился на свой табор. Пётарка вдруг учуял запах бражки, бросил всё и бегом через речку кинулся к нам. Так как бражки уже почти не осталось, он сходу кинулся к бочонку и начал хлебать бурду прямо из него. Когда он оторвался от бочонка, вид у него был весьма экзотический: борода и волосы на голове измазаны бурдой. Он несколько раз нырял в бочонок, пока не удовлетворил свою жажду спиртного. После этого он отвалился на траву и тут же уснул.

На другой день рано утром Лев Владимирович, каюр и я, прихватив резиновую лодку, выехали на оленях за студентами. Езда на оленях, как оказалось, требовала особой сноровки, так как кожа у оленя подвижная, и седло постоянно ёрзает по его спине. К концу пути я сбил весь зад и предпочёл идти пешком. Когда проходили мимо дома, Лев Владимирович сказал, что это постройка семьи якутов Федоровских, которые здесь зимуют. Вечером у костра он рассказал нам об этой семье.

В 1946 году три брата Фёдоровских с женами и сестра с русским мужем украли в колхозе 15 оленей и ушли в тайгу. Там они стали охотиться и разводить оленей. Пушнину тайком сдавали через знакомых охотников в Бодайбо. Через 5 лет кончился срок давности по их преступлению, и они уже легально стали выезжать в жилые места. В 1959 году у них уже было стадо оленей в 150 голов. Они построили несколько зимовий в долинах рек Мамакан и Конкудера, кочевали с оленями между ними, а зимой охотились на пушных зверей. Практически они были хозяевами территории, со-

поставимой по площади со средним европейским государством. Появились у них и дети. По достижению соответствующего возраста, детей на зиму отправляли в школу-интернат. Весной выезжали всем «колхозом» в Бодайбо, сдавали пушнину, закупали снаряжение, боеприпасы и необходимые продукты на всю зиму, а остальные деньги пропивали с драками и стрельбой друг в друга. Но почему-то при стрельбе «мазали». Затем забирали детей и отправлялись в свои владения. Мы были у них в гостях. Они встречали нас приветливо, угощали оленьим молоком и тарбаганьим жиром. Партия нанимала у Фёдоровских оленей, что приносило им хороший доход.

Завхозом партии был Виктор Фёдорович – бывший пограничник и офицер КГБ. В этих частях срок службы был соответственно «год за три» и «год за два». В результате он уже в 35 лет вышел на пенсию. Без дела сидеть не привык, и он устроился завхозом в Конкудерскую партию, захотел побывать в тайге. Для сокращения звали его в партии Фёдорыч. Это был замечательный человек! Совершенно честный, что не так уж часто, к сожалению, встречалось среди завхозов, весёлый, неунывающий, всегда готовый помочь.

Завхоз, рассказал нам, что когда они прибыли в Бодайбо, его пригласил к себе начальник милиции. Они были знакомы по прежней работе в КГБ.

– В тайгу убежал опасный преступник, ты посмотри у Фёдоровских, нет ли у них посторонних, и сообщи мне. Преступники, бывало, убегут к Фёдоровским и работают у них за еду и укрытие.

Когда мы были у Фёдоровских, то видели человека славянской внешности, который от нас прятался. Виктор Фёдорович сказал, что доносить не собирается. Ссориться с Фёдоровскими нам было опасно. Они были хозяевами в этих местах и если их обозлить, то могли и подстрелить. А там попробуй, докажи, кто в тайге стрелял.

В Бодайбинском районе нередко случалось такое: натворят что-нибудь и убегают в тайгу. Там пережидают какой-то срок. А родственники или друзья снабжают их продуктами. Но бывали и такие преступники, которые не имели связей с жителями. Они были весьма опасны, так как им для существования в тайге нужно

было продовольствие и, главным образом, оружие. Нас об этом предупредили, чтобы мы были поосторожнее.

Завидев нас на другом берегу, студенты несказанно обрадовались. Они без нас смогли поймать и съесть только шестерых ещё неоперившихся птенцов рябчиков. Ребята не представляли, как им быть дальше: ждать нас или возвращаться в Бодайбо. Мимо сплавлялись рыбаки. Студенты при виде их устраивали на берегу «танцы индейцев» с криками о помощи. Но из-за шума реки разобрать слова было трудно. Рыбаки принимали их жесты за приветствие, тоже махали им в ответ и проплывали мимо.

Переправив студентов, накормив досыта и переночевав, мы к вечеру вернулись на базу. Всю обратную дорогу я мог ехать на олене, но помня путь сюда, отказался от этого «удобства».

На другой день мы уже пошли в маршруты. Со мной ходил радиометристом семнадцатилетний юноша Володя. Он был выше меня и имел довольно взрослый вид. Я не знал, что ему лишь семнадцать лет и что он впервые находился в тайге, решил, что он уже опытный маршрутчик и сначала обращался к нему за советом. Но вскоре понял, что это бесполезно и полностью взял руководство маршрутами в свои руки.

В одном из первых маршрутов мы поднялись в кар (выпаханная ледником котловина с крутыми, часто обрывистыми стенками и относительно плоским дном, где обычно располагаются озёра). В нём совершенно открытое пространство, покрытое каменными глыбами и озером. Вдруг слышим короткий мелодичный свист, похожий на человеческий. Мы решили, что это кто-то из геологов, проходит параллельным маршрутом и несколько сбился с пути. Но никого не было видно, хотя всё открыто. Кричим, свистим! Периодически раздаётся тот же свист. Стало неприятно, вспомнили об убежавших преступниках и мы, оглядываясь по сторонам, скорее покинули кар. Вечером мы рассказали о происшедшем.

– Да это же тарбаганы, – успокоили нас.

В дальнейшем я неоднократно видел этих забавных зверьков и даже охотился на них. Их свист стал привычным и приятным.

Транспортным средством в партии были только вьючные олени. Для оленей надо было выбирать дорогу и прорубать тропу. В день с гружёными оленями, в зависимости от проходимости,

можно пройти 10–15 километров. Олень может нести не более 20 килограммов груза. Для нормальной работы необходимо везти снаряжение и продукты, а обратно образцы и пробы. В то время не было современного лёгкого снаряжения. Спальники весили 6–8 килограммов, палатки на 4 человека – 10–12 килограммов, тенты брезентовые и т. д. Больше, чем на 5–7 дней взять продуктов не получалось. Поэтому надолго с оленями не уйдешь.

Юго-западный угол площади работ был расположен далеко от базы партии. Отработать его с оленьим транспортом с базы невозможно. Поэтому в зимнее время туда вертолётом забросили рабочих с завхозом, продукты и снаряжение для работы партии на полмесяца. Они построили лабаз и всё на нём упаковали.

Когда пришло время работ в этом районе, мы отправились туда с оленями. Расстояние около 45 километров по горной местности. По дороге продолжали работы. Обычно завхозы сидят на базе. А Фёдорыч заявил:

– Что я делать буду на базе? Давайте я буду вести караван оленей и освобожу одного геолога для маршрутов.

Наметили дойти до лабаза за 5 дней, соответственно взяли продуктов с небольшим запасом. Дорога неизвестная. Каравану приходилось петлять, выбирая проходимый для оленей путь. В зарослях прорубали проходы. На спуске в долину р. Большая Конкудера забрели на каменную россыпь. Чтобы олени не поломали ноги, пришлось спальниками заваливать провалы между камнями. Для этого надо оленей развьючить, а затем вновь навьючить. А их двенадцать!

Организовали работу так: намечаем место будущего табора, Фёдорыч с каюрами-эвенками ведёт караван, а мы идём маршрутами с выходом в намеченную точку. Несмотря на все трудности пути, к нашему приходу из маршрутов табор всегда был там, где его наметили, палатки поставлены, ужин готов. В общем, крайне редкая полевая идиллия, благодаря Фёдорычу!

В одном из маршрутов набрели мы на пиршество медведя. По-видимому, ему удалось задрать сохатого. Он притащил его на берег озерка, чтобы с комфортом его оприходовать. Пировал не меньше недели. Всё вокруг на расстоянии 20–30 метров было загажено. Видать далеко ему отходить не хотелось. Здесь же была и его лёжка, где он отдыхал после обильной трапезы.

Фёдорыч во главе оленьего каравана к походу готов

Был смешной случай. В последний день мы выходили к месту лабаза без маршрута. Получилось так, что нас 5 человек несколько сбились с прямого пути, и ночь застала на склоне долины Большой Конкудеры. Решили заночевать. Выбрали относительно ровную площадку. Заготовили на всю ночь сухостоя, развели костёр и расположились по периметру вокруг него спать. Оказалось так, что из пять человек, четырёх звали Володями. Только уснули, вдруг раздался крик:

– Вовка, горишь!

Все Вовки соскочили и начали себя быстро осматривать. У одного дымилась телогрейка. По-видимому, в наш костёр попала ёлка, и результат не заставил себя долго ждать. (Деревья горят поразному. Сосна и кедр горят ровно, почти без искр. А лиственница и особенно ёлка «стреляют» угольками и искрами в разные стороны.) После этого до утра мы только дремали.

Первым на место лабаза вышел начальник партии Лев Владимирович. Не доходя метров сто до лабаза, он увидел банку тушён-

ки с дырками, подумал, что это зимой строители лабаза развлекались, стреляя по целым банкам, и конечно возмутился:

– Нашли куда стрелять, уничтожать продукты!

Но дальше была ещё одна такая же банка с дырками, ещё и ещё. И стояла невыносимая вонь от гниющей тушёнки. Тогда Лев Владимирович понял, что здесь похозяйничал медведь.

В дальнейшем мы установили последовательность событий.

Весной, поднявшись из берлоги, медведь набрёл на лабаз. Так как лабаз сделали низковатым, а снег был ещё высоким, то он смог дотянуться до лабаза и обрушить его. (В официальном акте, чтобы завхозу не расплачиваться за пропавшие продукты многие годы, было указано, что на лабаз упало дерево, и медведь по нему забрался на лабаз.) Вначале он разломал ящик с банками тушёнки, прокусил банку и почувствовал вкусную еду. Начал банки прокусывать и жевать, выдавливая содержимое. Было такое впечатление, что половину жести медведь как будто съедал! Затем он добрался до сгущенного молока. Оно понравилось медведю намного больше тушёнки. После этого медведь банку с тушёнкой прокусывал и бросал, а банки со сгущенным молоком жевал, выдавливая содержимое, сколько мог. Не осталось ни одной целой банки! Тушёнка, отвергнутая медведем, конечно, стала гнить, распространяя «аромат» на десятки метров.

Все продукты он раскурочил и раскидал в радиусе 30–40 метров. Вокруг валялись рассыпанные макароны, крупы и прочее. А с мукой медведь, по-видимому, играл. Ударял лапой по мешку и наслаждался зрелищем взметавшегося фонтана мучной пыли. Вокруг разорванного куля мукой были осыпаны все кусты. Куль с солью мы нашли в 50 метрах от лабаза. Медведь утащил его туда (зачем?), разорвал и бросил. Видно такая пища ему не понравилась. Тент, палатка и спальники были разодраны в клочья.

Самым удивительным было то, что медведь растащил в разные стороны формы для выпечки хлеба, топоры, жестяную печку, трубы. Часть снаряжения мы так и не нашли. Шутили: медведь утащил его для «оборудования берлоги». Остался нетронутым только бочонок с сухой картошкой, который «красовался» среди этого погрома. По-видимому, запах сухого картофеля его не привлёк.

В общем, создалась пиковая ситуация. Вернуться на базу мы не можем, так как надо выполнять план работ. Интересно, но, как правило, в таких условиях рыба не ловится, а зверь не попадается. Быстро настроили рацию и сообщили в экспедицию о случившемся.

– Медведь полностью разграбил лабаз, продукты кончились, голодаем. Что делать?

Лев Владимирович несколько преувеличил. Был всё же бочонок картофеля, да кое-что осталось от перехода. Несколько дней мы могли продержаться, как говорится, на подсосе. Начальник нас заверил: если наступит критическая ситуация, то будем резать домашних оленей.

– Раз копытка навалилась, то коси всех оленей подряд! – обнадёжил он нас.

Оленей партия брала в аренду в колхозе и обязывалась вернуть всех в конце сезона. Но у них бывает заразная болезнь, которая называется «копытка». В копытах у них заводятся черви, разъедают копыта, олень не может двигаться и погибает. Болезнь заразная, поэтому при обнаружении её рекомендуется немедленно заражённого оленя уничтожить. То есть Лев Владимирович считал, что если наступит настоящий голод, то надо будет составлять акт о наличии копытки и оленя съедать.

Из экспедиции пришёл ответ:

– Ждите, организуем заброску продуктов вертолётом.

Вертолёты тогда в Бодайбо только появились. Это были вертолёты марки Ми-1. Он может поднять либо двух человек, либо до 200 килограмм груза. Но так как до нас расстояние было значительным, то он брал дополнительный бак с горючим, чем уменьшал полезную нагрузку.

Несколько слов о полётах на этом вертолёте. Кабина у Ми-1 со всех сторон прозрачная: спереди, с боков и снизу. Впечатление от полёта на нём восхитительное! Летишь, как на этажерке! Вид во все стороны. На вертолётах других марок такого впечатления нет, даже если летишь в кабине пилотов.

По «закону сволочизма» началась непогода. Каждое утро к радисту, которого звали Володей, приходила каюр-эвенкийка лет пятидесяти:

– Бобха, а Бобха, барталётка будет нет ли? – спрашивала она, – а то шибко плёхо: клеба нету, макорка нету, шибко плёхо! Барталётка – машина шибко хороший, только редко летат: бартолётка есть – пилотки нет, пилотка есть – бензинки нет, бензинка есть – погодки нет.

Наконец, через три дня прилетел вертолёт, привёз первый куль муки. Но прошло еще целых семь дней, пока он снабдил нас продуктами настолько, что первый отряд, в котором был и я, смог двинуться к месту работ в правую вершину Большой Конкудеры. Руководил отрядом геолог Дима Фомин. Другой отряд во главе с начальником партии должен был идти в левую вершину этой реки. Оленей разделили. Каюром у нас был Пётарка. Караван нашего отряда повёл Фёдорыч, чему мы были очень рады. А мы пошли к намеченному месту маршрутами.

Таборщицей в нашем отряде была Валя. Варить она не умела. Пришлось её учить элементарным приёмам приготовления пищи на костре. Но учению она поддавалась с трудом. Даже чай у неё подгорал, не говоря уже о каше.

– Ты дома когда-нибудь обед себе варила? – спрашивали мы её.

– Нет, я питалась в столовой.

– Так зачем же ты поехала в партию поваром?

– Думала, научусь.

Табор мы поставили в самой вершине реки, где кончается стланик, чтобы маршрутами покрыть водораздел, где абсолютные отметки вершин превышали 2000 метров. Выше по долине была поляна альпийского луга. На её середине лежали веером полусгнившие палки – остатки чума. По-видимому, здесь кочевали аборигены. Грустно смотреть на такие остатки таборов! Представлялись устроенный табор, живущие в нём люди со своими заботами, радостями и горестями. И вот осталось от них лишь разрушенные остатки жилья. Возможно, сюда ещё десятки лет никто не придёт. Постепенно исчезнут все следы и нашего табора. О нём будем помнить лишь мы, пока живы.

В одном из маршрутов на самой вершине меня с Володей настиг дождь. Мы спустились до стланика, забрались под куст и решили переждать его, как это рекомендует техника безопасности. Сели мы, прижавшись друг к другу. Сквозь ветки нас доставала

капель и одежда постепенно намокала. Вначале было холодно, но потом стали согреваться, и нас стало клонить ко сну. Я вспомнил о рассказах, как люди засыпали под холодным дождём и застывали навсегда, быстро вскочил, растолкал своего спутника.

– Давай пошли вниз, а то останемся здесь навсегда.

Начали спускаться по мокрым скользким камням. На табор пришли уже в сумерках.

В конце августа наш отряд завершил работу, и мы собрались выходить на базу. Вечером последнего перед выходом дня только сели ужинать, как стала заходить чёрная грозовая туча. Поднялся сильный ветер. Мы быстро завершили трапезу и разбежались по палаткам, а Валя стала быстро убирать посуду.

– Смотрите собака! – вдруг раздался её возглас.

Выскочили из палатки и видим: действительно, собака (у нас в партии собак не было), которая бросилась к кухне подбирать уроненные объедки. Она была явно голодная. Как мы поняли по её поведению, это была типичная городская дворняга, к тайге не приспособленная. До ближайшего жилья было более 100 километров. Никого, кроме нашей партии и семейства Фёдоровских, которые таких собак не держат, в округе не должно было быть. Она могла попасть сюда только, сопровождая людей. Беглые преступники часто заманивали с собой собак, чтобы потом их съесть. Стало тревожно. Собака испуганно стала жаться к нам. Утром мы стали собирать табор, а Пётарка пошёл ловить оленей. Вдруг раздался крик. Мы подумали, что это Пётарка, крикнули несколько раз, но ответа не последовало. Смотрим, а Пётарка с оленями выходит с другой стороны. Значит, близко появились люди, которые прячутся от нас. Мы насторожились. У кого было оружие, привели его в боевую готовность. Но всё было тихо.

Быстро завьючили оленей и тронулись в путь. На перевале в Малую Конкудеру, увидели следы, хотя мы там не ходили. Спустились в долину Малой Конкудеры и без происшествий последовали вниз по течению.

Перед нами по этой же долине прошёл караван горного отряда, который проводил поисковые работы в её вершине.

– Мы шли караваном на базу,– в дальнейшем рассказал начальник горного отряда Слава Сульдин, – вдруг вижу на склоне

небольшой дымок. Я решил, что это кто-либо из наших в маршруте, и выстрелил вверх. Дымок исчез. Я поднялся на это место и увидел ещё тёплое пепелище.

Никого из нашей партии там не должно было быть. Явно в этих местах прятались какие-то люди. Собака сбежала от них, возможно почуяв опасность быть съеденной.

Долина Малой Конкудеры резко отличается от долины Большой Конкудеры. Последняя – узкая с крутыми бортами, заросшая мрачным ельником и заваленная огромными глыбами. Долина Малой Конкудеры – светлая, широкая, выпаханная ледником (такие долины называются троговыми), с моренными буграми, покрытыми белым ковром ягеля, редкими соснами и голубичником, в это время уже со спелыми ягодами. На ходу срывали их и наслаждались приятным вкусом.

Остановились на ночлег на широкой поляне, поставили палатки. Спать было ещё рано. Так как кругом было много сухих сосен, молодёжь, в том числе и я, решила делать пионерский костёр. Фёдорыч тоже принял в этом участие. Напилили брёвен по три метра длиной, в 20 метрах от палаток сделали из них сруб высотой два метра. Сруб наполнили брёвнами, стоящими вертикально.

Когда наступила темнота, подожгли сруб. По мере разгорания костра, пришлось отодвигаться всё дальше. Зрелище было, конечно, завораживающее! Больше я такого огромного костра не видел! Это можно сравнить только с горящим густым стлаником, который я видел в дальнейшем. Ближайшая палатка накалилась и готова была вспыхнуть. Пришлось таскать вёдрами воду и поливать её.

– Ну, Вы-то молодые, а я – старый дурак связался с вами. Сожжём ведь палатку! – ругал себя Фёдорыч.

Но всё обошлось благополучно. Костёр постепенно стал затухать, и все отправились спать. На другой день мы были на базе, где натопили баню и славно попарились, периодически прыгая в реку!

При выходе из маршрутов, если позволяло время, или в камеральные дни занимались рыбалкой. Хариуса в Малой Конкудере и её притоках было много. Часто ловились и ленки. Один из притоков вблизи базы назывался Читкандр, что в переводе с эвенкийского обозначает «маленький ленок». Вершина его на плоской части водораздела когда-то была озером. Оно заросло, образовав «по-

душку» торфа высотой более метра. В этой толще, проложил себе извилистую дорогу ручей. Течение здесь было тихое, глубина около полметра. Над водой возвышались чёрные обрывистые берега, сложенные торфом. Ручей был полон небольшими ленками. Они сразу кидались на наживку, если не видели рыбака. Поэтому приходилось прятаться за кустами, чтобы закинуть удочку. Зато улов был отменным.

Сделали с базы последние маршруты, выполнили план за все три года, откамеральничали, и в начале октября своим ходом с оленями отправились в посёлок Мамакан. Вершины гор уже были покрыты снегом. В долинах он тоже выпадал, но в основном пока ещё таял.

С нами вывозила в интернат в Бодайбо детей семья Фёдоровских. Это четыре связки оленей по шесть штук, да наши две связки, плюс более 20 человек. Караван растянулся почти на километр. В одном месте тропа поднималась серпантином по голому склону. Красиво было снизу смотреть, как такой длинный караван узкой змейкой поднимается в гору!

По пути надо было переходить р. Додыхта. Ширина её около 15 метров, глубиной выше колен. Вода ледяная, а у нас только у Фёдорыча были резиновые сапоги с длинными голяшками. Он перебрёл на ту сторону, разжёг большой костёр, и мы в сапогах на босу ногу цепочкой стали переходить реку. Ноги застывали до того, что кожа теряла чувствительность. Можно было её щипать, ничего не ощущая. Перебредали реку и бегом к костру. Выливали воду из сапог, подсушивали их, надевали и трогались дальше в путь, надеясь согреться быстрой ходьбой. 9 километров до Мамакана мы почти бегом преодолели за час. Сразу кинулись в столовую. Ворвалась туда толпа бородачей в одежде, сплошь покрытой разноцветными заплатами, в дырявых сапогах. Сказались почти два дня без пищи. Заказали по два первых, по три вторых и гору пирожков. Окружающая публика с удивлением смотрела на нашу компанию. Насытившись, мы отплыли в Бодайбо.

По прибытию в Бодайбо вечером отметили окончание полевого сезона. Разделились на две группы по отрядам. Лев Владимирович со своим отрядом устроился у знакомой бабушки. Отмечать окончание полевых работ они пошли в столовую, где договори-

лись с заведующей оставить их продолжить «заседание» и после её закрытия. Они пригласили за стол и сторожа. Он после доброго возлияния начал выгонять их, угрожая ружьём. Ребята отобрали у сторожа ружьё и заперли в сторожке. Он выбрался через окно, пошёл в милицию и заявил, что группа хулиганов оккупировала столовую, отобрала у него ружьё, а его избили. Наряд милиции поехал к столовой. Почуяв, что дело плохо, Лев Владимирович с компанией, опередили их, покинули раньше столовую и отправились к нам в гостиницу.

У нас тоже дело не обошлось без приключений. Мы до полуночи спокойно заседали. Затем Дима Фомин решил поухаживать за девушкой, дежурившей в гостинице. Она отвергла его приставания. Но так как он не утихомирился, вызвала милицию. Пришла группа бригадмильцев. Дима решил их напугать, достал наган и стал им угрожать. Ребята его скрутили, отобрали наган и, несмотря на наши уговоры, увели в КПЗ. Нам стало грустно. В это время пришел Лев Владимирович с компанией. Мы описали ему ситуацию.

– Выходит самое время водку пить,– заявил он, – достал две бутылки водки и мы продолжили «заседание» до 5 часов утра.

Утром узнали, что Диму побрили и дали ему 15 суток отработки за хулиганство.

В партии было заведено: не бриться. К концу сезона все обросли пушистыми бородами. Утром мы – 8 человек отправились в парикмахерскую, к её открытию. Парикмахер был один. Мы сели в ряд в прихожей в ожидании начала его работы. В 9 часов он выглянул в прихожую, удивлённо хмыкнул, увидев такую ораву бородачей и пригласил первого клиента. Каждого, кто выходил от парикмахера, встречали дружным смехом. Лица изменялись до неузнаваемости. За полевой сезон все привыкли видеть друг друга, заросшими до самых глаз. Без бород лица стали «маленькими», а носы наоборот – «большими».

Дима прилетел через 15 суток, обритый наголо. От начальника экспедиции Арнольда Ивановича Серда он получил моральное нравоучение и выговор. Его лишили премии и отобрали разрешение на оружие.

Через два дня отправили авиацией снаряжение и каменный материал в экспедицию, а сами полетели на рейсовом самолёте.

Несколько часов полёта, и мы в Иркутске, где нас с Юрой ждали любимые жёны. Вскоре они подарили нам детей, как мы и хотели: Юре сына, а мне дочь.

1960 год (А)

Зимой 1959/1960 года коллектив Конкудерской партии занимался подготовкой геологической карты листа О-49-XXV и записки к ней для издания. Так как 2/3 листа занимали довольно однообразные граниты, карта выглядела не очень информативной. Надо было найти критерии к расчленению их на отдельные группы (так называемые фации). Решили разделить граниты по минеральному составу. Для этого сделали шлифы (тонкие срезы с образцов) и поручили мне заняться их изучением под микроскопом: определением минералов в породах, их количества, структур и текстур (то есть внутреннего строения) пород. Для определения количественных соотношений минералов нужна приставка к микроскопу – интеграционный столик. Он был только на геологическом факультете ИГУ. Договорились, что можно в свободное от занятий время там с ним работать. Всю зиму я сидел за микроскопом, хорошо усвоил петрографию магматических пород, определение минералов, что в дальнейшем мне во многом помогло в изучении геологического строения региона. Всю зиму я мало был в партии. В результате моей работы единое поле гранитоидов смогли разделить на фации. Карта приобрела более наглядный вид.

Весной 1960 года Конкудерская партия завершила камеральную работу и была ликвидирована. Меня направили геологом во вновь созданную Кутимскую партию. Коллектив партии был собран из сотрудников, ранее не работавших вместе или даже не знавших друг друга: начальник партии Ливерий Дмитриевич Комаров, старший геолог – Людмила Ивановна Фёдорова, начальник отряда – Рустем Махмудович Файзуллин, геологи – молодые специалисты – Женя Адамов и я, старший техник-геофизик Федя Шапошников.

Ливерий Дмитриевич до этого работал начальником партии на платформе. Геологическое образование имел среднетехниче-

ское. Он был хорошим организатором, добропорядочным, приветливым человеком. В геологические дела особенно не встревал.

Людмила Ивановна впервые стала старшим геологом, отвечающим за геологические результаты партии. Она – женщина общительная, но довольно резкого характера. Поведение её часто не вызывало симпатии.

Рустем Махмудович уже поработал в складчатой области на поисках полезных ископаемых. Это знающий эрудированный геолог, единственный специалист в созданной Кутимской партии, который разбирался в геологических вопросах Байкальской складчатой области. Характер у него был довольно непростой. Он легко возбуждался и в спорах мог наговорить много оскорбительного, невзирая на личности.

Женя Адамов проходил практику на Сибирской платформе в партии, где работала Людмила Ивановна. Там у них возник роман, и они поженились. Женя – мягкий, уживчивый, доброжелательный человек. Он во всём подчинялся супруге и в геологические споры не вступал.

Я две производственной практики и первый год работы участвовал в изучении складчатых районов, уже имел некоторое представление об их особенностях и немного разбирался в геологии Байкало-Патомского нагорья. Тем более что зимой активно интересовался литературой по геологии складчатых областей.

База партии располагалась в небольшой деревне Нижнемартыново, расположенной на правом берегу Киренги вблизи устья р. Домугда – её правого притока. Путь до места работ был длинным, поэтому мы отправились из Иркутска в середине мая. Доехали поездом до Усть-Кута, куда заранее было доставлены снаряжение и продукты на всё лето. Перемещаться по площади собирались на конях вьюками. Зимой договорились с местным колхозом об аренде лошадей. Но им нужен для питания овёс в значительном количестве.

В Усть-Куте расположены огромные склады, где хранился до начала навигации по Лене груз для Якутии, в том числе и овёс. По предварительной оплате здесь мы должны были запастись им на всё лето. Овёс хранился в огромных подвалах в кулях, сложенных в штабеля высотой три метра. За его сохранность, по-видимому, никто не отвечал. Чисто по-советски. На дне хлюпала вода, кото-

рая подмачивала нижние кули с овсом. Для ходьбы были проложены мостки из досок. Подвал кишел мышами, которые чувствовали себя здесь вольготно и сытно. Они в большинстве кулей проделали дыры и устроили гнёзда. Нам сказали: «вот овёс, берите, сколько оплачено и увозите». Начали мы выбирать целые кули с овсом. Поднимаешь куль, а из-под него с писком разбегаются мыши и сквозь дыры овёс высыпается на пол в воду. И никому до этого не было дела. Мы искали целые кули, которые встречались в среднем один из пяти. А надо было нам овса на всё лето 2 тонны. Это составляло около 40 кулей по 50 килограмм каждый. Провозились мы всей партией целый день, но набрали нужное количество целых кулей.

Наконец пришёл теплоход, которым мы должны были плыть до Киренска. Груза у нас набралось около 10 тонн. Его пришлось перегружать два раза в Усть-Куте, четыре – в Киренске и два – в Нижнемартыново. За дорогу наработались «досыта».

В деревне расположились в школе. Партия была обеспечена радиометрами, более компактными и лёгкими, чем раньше. Но их периодически надо было эталонировать для точности измерения радиоактивности. В то время для настройки радиометров использовали эталон – высокорадиоактивный (1000 мкр/час) порошок в ампуле. Он помещался в свинцовый контейнер, но всё равно около него уровень радиоактивности был повышенный. Поэтому его убирали подальше от людей. В данном случае закопали его на завалинке. Через час собрались настраивать радиометры, а контейнер исчез. Что делать? Во-первых, укравший или укравшие получат высокую дозу радиации, во-вторых, нельзя будет работать с радиометрами без эталонировки. Кроме того, для геофизика, ответственного за хранение эталона, дело могло закончиться серьёзными репрессиями. Ясно было, что украли контейнер дети. Они, по-видимому, видели, как его прятали. Пошли мы к председателю сельсовета и объяснили, какая опасность грозит тем, кто украл контейнер. Через час ребята принесли контейнер, бросили нам его и стремительно убежали.

Кутимская партия должна была проводить геологосъёмочные работы на листе, который занимал территорию правобережья бассейна среднего течения р. Киренга. Основная площадь входила в

состав таёжного слаборасчленённого Среднесибирского плоскогорья и представляла собой слабохолмистую местность. В геологическом отношении это была часть Сибирской платформы с простым геологическим строением. Здесь выходили на поверхность слабо изменённые полого залегающие осадочные отложения.

Юго-восток листа занимал Акитканский хребет – часть Северо-Байкальского вулканоплутонического пояса со сложным геологическим строением, входившего в состав Байкало-Патомской складчатой области. В геологическом отношении пояс во многом представлял собой белое пятно. Сведения о его строении были весьма скудными. Ввиду большой разницы в геологическом строении платформа и пояс для геологического картирования требовали разного подхода, навыков и знаний.

Акитканский хребет давно не посещался охотниками. Там добывали пушных зверьков лишь до Великой Отечественной войны, затаскивая осенью на нартах или летом по большой воде на лодках необходимое снаряжение и продукты. Мы находили остатки зимовий аж за хребтом. Удивлялись, сколько сил надо было потратить, чтобы сюда на себе занести всё необходимое для охоты. Теперь пушнину и зверей на мясо добывали на равнине. В пределах хребта расплодилось очень много зверей: медведей, лосей, оленей. Вдоль хребта и по долинам рек тропы для лошадей отсутствовали, поэтому их надо было прокладывать самим.

Каждый медведь имел свою территорию и метил её, карябая деревья, как можно выше. Другой медведь примеривался к высоте меток. Если он до них не доставал, значит, хозяин участка больше его и сильнее, и он уходил на другое место. Прорубая тропу, мы делали затёсы на деревьях. Медведи принимали их за заметки другого медведя и все деревья с затёсами метили выше их. Все деревья с затёсами вскоре оказались покарябаны медведями. Но к концу лета они поняли свои ошибки и стали отличать затёсы от меток других медведей.

Начать геологическую съёмку решили с Акитканского хребта и его предгорий. В колхозе арендовали лошадей и тронулись всей партией к месту выхода Домугды из гольцов. Вначале путь лежал по лесной дороге, которая в 8–10 километрах от деревни приводила к минеральному источнику с тёплой водой. Там было построено зимовье и открытые ванны из досок. Обследование источника ещё

не проводилось, состав вод был неизвестен. Местные жители ездили туда лечиться. Причём лечились от разных болезней. Ясно, что ни о соблюдении режима принятия ванн или потребления минеральной воды внутрь речи не шло. Местные «пациенты» считали, что чем дольше или больше, тем лучше. Мы взяли из этого источника пробы для изучения его состава. Дальше вела хорошо натоптанная тропа, и мы за день дошли до устья р. Чувальная – левого притока Домугды перед хребтом, где сделали первый табор.

Утром каждому маршрутчику в спутники выделили радиометриста. Мне достался Боря Синявский, студент второго курса геологического факультета ИГУ, отличный парень весёлый, доброжелательный, выносливый, не нытик. Мы с ним быстро подружились, проходили вместе всё лето и поддерживали дружеские отношения впоследствии (после окончания учёбы он быстро дослужился до руководителя разведки и эксплуатации Верхнечонского месторождения нефти).

Первым маршрутом я пошёл на ближайшие склоны Акитканского хребта, к северу от русла р. Чувальная. Параллельно с нами шла маршрутом Людмила Ивановна. Остальные маршруты пролегали к югу и западу от табора.

Мы прошли по равнинной залесённой местности, поднялись по покрытому каменными глыбами склону на хребет и через километр спустились с него. Чтобы не блуждать по предгорной равнине, я решил выйти к руслу Чувальной и по нему спуститься на табор. В лесу, чтобы выдержать направление, надо периодически проверять его по компасу, а расстояние определять шагами. Идём по лесу, сверяясь по компасу и считая шаги. По карте уже должно быть русло реки, а его всё нет. Это вызвало беспокойство. Пройдя ещё некоторое расстояние, мы повернули в сторону р. Домугды. Уже поздно вечером, наконец-то, нашли табор.

Людмила Ивановна с радиометристом заблудились таким же образом, и пришли на табор только утром. Сопровождающий её маршрутный рабочий решил сэкономить выданную ему спецодежду и пошёл в маршрут в городских суконных штанах. По кустам он их так разорвал, что штанины развивались, как фалды от фрака. Ему стало ясно, что надо ходить в выданной спецовке.

Но было непонятно, куда же делась река Чувальная? На топокарте она была нанесена непрерывной линией.

На другой день мы пошли маршрутом по руслу этой реки от устья вверх. Через километр увидели выступающую на ровном месте скалу карбонатных пород. Вода вытекала по трещине из-под скалы. Далее простиралась ровная поверхность, покрытая лесом, без каких-либо признаков реки. Поднявшись на хребет, мы вышли в её исток и начали спускаться по руслу. Хребет сложен крепкими древними вулканическими породами. При выходе на равнину они сменяются карбонатными породами, которые легко выщелачиваются водой и слагают лишь небольшие скальные останцы среди леса. Река дотекала до такого скалистого бугра и по трещинам в полукруглой нише исчезала под землёй. Как стало понятно в дальнейшем, среди карбонатных пород в предгорье широкое развитие получили карстовые процессы. Вода по трещинам проникает вглубь карбонатных пород, выщелачивает в них широкие проходы и полости. На предгорной равнине многие водотоки какое-то расстояние текут под землёй, лишь встречаются отдельные скалы высотой первые метры и карстовые воронки глубиной до двух метров.

В те времена, хотя топокарты и составлялись с помощью аэрофотоснимков, элементы рельефа отображались на бумаге вручную. Многое зависело от чёткости аэрофотоснимков, добросовестности и умения чертёжника. Поэтому топокарты грешили ошибками, которые нас вводили в заблуждение. Недаром в самодеятельной геологической песне того времени есть такие слова:

С ходу я залез на высоту, вынул карту, компас навожу.
Что за чудо, сто чертей, не хватает трёх ключей,
Вместо них на сопочку гляжу.
Так, топограф, дело не пойдёт, что-то твоя карта больно врёт.
Здесь сам чёрт не разберёт, где кончается хребёт,
И куда-откуда ключ течёт!

За два дня маршрутов при пятерых геологах доступный участок был заснят. Чтобы не делать большие подходы, требовалось переезжать на новое место, значит терять время. Вначале, прорубив тропу (прокладывать её взялся я), отправились по Домугде в пределы хребта, но смогли на лошадях углубиться только на 5 километров. Далее начиналось ущелье. Опять за два дня засняли до-

ступный участок. Надо возвращаться на старый табор. Но тут на три дня зарядили дожди. Вода в Домугде поднялась. Её долина при выходе из гор резко расширяется, и река распадается на множество проток. Когда ехали туда, то протоки были либо мелкими, либо сухими. А теперь по ним катил вал воды.

Надо сказать, Акитканский хребет – очень дождливое место, и это нам мешало в работе. Хребет этот вытянут в меридиональном направлении, а ветра, приносившие осадки, дуют здесь в основном с северо-запада. Достигая гряды гор, тучи концентрируются и обильно поливают местность. На карте распределения осадков в Иркутской области Акитканский хребет выделяется максимально густой окраской.

В первые годы работ в Акиткане у нас были рации военного образца, так называемые РПМСки. По ним можно было разговаривать на разных частотах. Мы могли слушать сводка погоды аэропортов, которые повторялись в определённое время. Эмпирически мы установили, что если в Красноярске дождь, то он будет у нас через сутки, в Братске – через полсуток, в Киренске – через 4-5 часов. Как мы шутили: «На горизонте показалась тёмная полоска, переходящая в многосуточный камеральный день!»

Непродолжительные дожди начинались так: с северо-запада неторопливо плыли к нам разрозненные светлые облачка. Доходили до хребта, цеплялись за вершины, густели, темнели и росли к северо-западу. Достигая кондиции, они начинали поливать нас дождём разной продолжительности. Затем сценарий повторялся. За хребет прорывались лишь редкие тучки с кратковременным дождём.

Дождь кончился. Все пошли с лошадьми на старый табор, а я с Борей, чтобы не терять время на пустой переход, решил сделать ещё маршрут в горы. После маршрута спустились с хребта, и пошли по тропе. Подошли к месту, где она пересекает протоку. Не доходя до неё метров 20, я увидел на той стороне протоки среди деревьев серый «звериный» бок. Взял карабин наизготовку (в этом году я получил на полевые работы карабин, с которым много лет не расставался) и медленно стал приближаться к этому месту. Когда подошёл поближе, то увидел, что это туша нашей мёртвой лошади. Что случилось, мы узнали на таборе.

Караван лошадей двигался по тропе. Протоки Домугды превратились в бурные и довольно глубокие потоки. Последняя протока подмыла берег, образовался обрыв высотой более метра. При пересечении водных преград женщин сажали поверх вьюков. Вот и в этот раз на последней лошади поверх вьюка сидела радиометрист Люда. Первые лошади смогли запрыгнуть на обрыв, а последняя лошадь не смогла и начала валиться на спину, куда её потянули вьюки. Люда не помнит, как успела сигануть на берег, что, возможно, спасло её от гибели. Лошадь упала в воду на спину и начала молотить ногами так, что к ней нельзя было подступиться. Но вьюки не давали ей перевернуться. В конце концов, она захлебнулась. В воде её развьючили и вытащили на берег, надеясь, что она оживёт. Но этого, к сожалению, не случилось.

Стало ясно, что в глубины хребта с лошадьми пробраться здесь невозможно. Для продолжения работ необходимо было двигаться к югу вдоль гор. Тропы туда не было. Её надо было прорубать в лесу так, чтобы проходили лошади с вьюками. Я взялся руководить этим делом: шёл впереди, выбирал оптимальный путь, намечал его затёсами на деревьях и вырубкой мелкой растительности. За мной шли рабочие с топорами и окончательно расчищали тропу. Эта тропа от Домугды на юг, нанесённая в последующем на топокарты, была проложена нами. Мне понравилась эта работа. Было чувство первопроходца! С тех пор я всегда брался прокладывать тропы.

Переехали на р. Дорожная, расположенную южнее Домугды. По её долине можно было пройти с лошадьми лишь первые километры. При выходе реки из гор разбили табор Два дня работы и опять надо переезжать. Стало ясно, что при таком количестве маршрутчиков будет теряться много времени на переезды, и план мы выполнить не сможем.

Ливерий Дмитриевич и Людмила Ивановна много лет проработали на платформе. Там же проходил практику и начинал работу Женя Адамов. Как показали первые маршруты, качество их у этих геологов в пределах пояса оставляло желать лучшего. Мы с Рустемом раньше уже работали в складчатой области, и наши маршруты резко отличались своей информативностью. Никакого желания работать на платформе у нас не было. Нам было интересно разобраться в сложном строении вулканоплутонического пояса.

– Если хочешь забыть геологию, иди работать на платформу, – говорил Рустем. В этих словах была значительная доля правды.

Во время камеральной обработки маршрутов возникли споры. Рустем – человек горячий, не стесняясь в выражениях, называл геологов-платформщиков безграмотными тупицами, указывал на их недостатки в описании маршрутов, определении пород. Он настаивал на разделении партии на два отряда. По его рациональному мнению, один отряд должен заниматься картированием платформенной части листа, другой – вулканоплутонического пояса. Но Людмила Ивановна тоже за словом в карман не лезла. Она считала, что как старший геолог отвечает за всю геологическую работу партию. Целый день на таборе стояла такая громкая ругань, что «все медведи разбежались»! В конце концов, победила логика: для успешного проведения работ необходимо деление на два отряда.

Утром Людмила Ивановна и Женя загрузили часть лошадей и отправились картировать платформу. Рустем с Людой и я с Борей остались картировать вулканоплутонический пояс. Ливерий Дмитриевич не доверял нам, считая, по-видимому, что мы, возможно, будем халтурить, и решил вначале со своим спутником Федей Шапошниковым поработать в нашем отряде, а потом перейти в другой отряд. С Федей он не расставался с момента поступления на работу в экспедицию (мы Федю звали адьютантом Ливерия Дмитриевича). В нашем отряде остался и повар Володя. Он переболел в детстве полиомиелитом, и ходьба для него была затруднительной. Поэтому, где было можно, он ехал на лошади, сидя поверх вьюка.

Мы проложили тропу до устья р. Гольцовая. Опять я шёл впереди, трассируя путь. Поставили табор. Наутро мы с Рустемом отправились вверх по долине этой реки, чтобы определить до какого места можно дойти на лошадях. Я взял карабин.

Поднявшись на горку, вдруг увидели в кустах в 10 метрах сохатого с огромными рогами. Он, уверенный в своих силах, спокойно стоял в кустах, глядя на нас. Ветерок дул от него и человеческого запаха сохатый не чуял. Людей здесь уже много лет не было.

– Стреляй, – шепотом приказал Рустем.

Я вскинул карабин и выстрелил. Сохатый сделал огромный прыжок назад и исчез в кустах.

– А, мазила, – с расстройством укорил меня Рустем.

Пошли посмотреть на место, где стоял сохатый, и увидели его лежащим метрах в десяти при последнем издыхании. Пуля попала ему прямо в сердце. Это был огромный зверь! Только мяса в нём было около 400 кг. За ним отправились всей партией. Для быстроты разделки отделили голову и оставили вместе со шкурой. Всё мясо тоже не смогли забрать сразу. Решили сходить за ним на другой день. Это была хорошая добавка к продуктам, которые лимитировались доставкой лошадьми из деревни. Для лошадей надо было везти ещё и овёс, который составлял большую часть груза. При хорошей погоде путь до деревни и обратно занимал 4 дня. Но лошади нужны были и для переездов. Для перевозки табора требовалось несколько рейсов. Так что для успешной работы, мясо сохатого оказалось весьма кстати.

Когда на завтра мы всей партией пришли за остатками мяса, то нашли только следы медведя! Он утащил голову вместе со шкурой и всеми остатками сохатого, сделав широкую дорогу в кустах. Мы не решились идти за ним. Через день, поднявшись на склон в маршруте, я слышал в долине, где убил сохатого, медвежий рёв. Должно быть, медведи дрались из-за добычи. Тогда мы ещё не знали, какое их количество ждёт нас в Акитканском хребте!

Мясо мы хранили в кулях в реке, вода в которой была ледяной. Через два дня работы пошёл дождь, который продолжался целые сутки. Под дождем интенсивно стал таять снег, которого ещё много было в горах, Вода в Гольцовой стремительно поднялась. Оказалось, что мы плохо привязали кули с мясом, и большинство их унесло водой. Когда дождь прекратился, и вода стала спадать, мы увидели, что куски мяса, отмытые до белезны, «красовались» на камнях и между ними. Кинулись его собирать, вновь упаковывать и уже надёжно закреплять кули.

Маршруты в пределы хребта показали, что мы имеем дело с древними вулканитами. Я ещё не встречал таких пород. В их определении мне большую помощь оказывал Рустем, который уже был знаком с ними. Постепенно я набирался опыта и вскоре уже уверенно находил различия и особенности в строении вулканитов. На западных склонах хребта выходили разнообразные вулканогенно-обломочные породы. Их мы на карте рисовали как единую толщу

туфов (породы, образовавшиеся при взрывном характере извержений). К центру хребта они сменялись огромным лавовым (эффузивным) полем. Различались эффузивы только цветом и степенью раскристаллизации. Выделяемые разности постепенно переходили друг в друга. Чтобы убедиться самому и показать в экспедиции зимой приёмной комиссии, состоящей из «зубров» геологии, постепенность переходов, приходилось набирать много образцов.

Как только мы начали картировать вулканогенные образования Акитканского хребта, пошли находки радиоактивных аномалий и точки с урановым оруденением. В маршрутах мы радиометром определяли их радиоактивность, площадь их распространения и отбирали одиночные пробы, что тоже увеличивало вес каменного материала в рюкзаках. Более детальное обследование и опробование из-за недостатка времени не проводилось. Лишь наиболее интересным из них мы могли уделить максимум один день.

Такое рудопроявление я нашёл на гребне между двумя притоками Гольцовой. Для его оценки отправились вместе с Рустемом и радиометристами. День был жаркий, а на водоразделе снег уже стаял. Лишь в ущелье у ручья белел снежник. Целый день без воды – тяжело. Чтобы иметь воду, отправили туда одного рабочего. В котелке на весь день на четырёх человек воды не принесёшь. Приказали ему принести полный накомарник снега. Этим снегом мы и пользовались весь день: варили макароны и чай, утоляли жажду. Поэтому назвали мы это рудопроявление с юмором «Снежным».

В маршрутах возникали разные, часто опасные ситуации. Был один из первых маршрутов в бассейне р. Гольцовой. Карабин я оставил на таборе. Я ещё не знал, какое изобилие медведей нас ждёт. Всё же лишние 5 кг, плюс неудобства, когда продираешься через заросли кустарника.

Спускались мы с Борей по курумнику – каменистой глыбовой россыпи к плоскому днищу кара. Оставалось до него метров пятьдесят. Вдруг видим, в кучке стланика у подножия склона сидит медведь и внимательно смотрит на нас. Мы дружно развернулись и рванули вверх, постоянно оглядываясь. У Бори был с собой большой кинжал. Он выхватил его, готовый обороняться. У меня же из оружия был только молоток. Медведь, по-видимому, раньше

не видел людей, а ветер был от него. Он, вероятно, удивился встрече с необычными существами, вышел из стланика, и не спеша, пошёл за нами. Тут ветер переменился и до него донёсся запах человека. Медведь развернулся и огромными прыжками кинулся от нас. Я первый раз увидел, какими огромными прыжками по каменным глыбам может мчаться медведь. Мы остановились и начали радостно кричать: «держи его»! Через минуту он скрылся за гребнем. С тех пор в маршрутах и на переходах я не расставался с карабином. И не зря.

Отработав западные склоны Акитканского хребта, мы переехали по долине Гольцовой до непроходимого для лошадей ущелья и разбили табор. Для работы в юго-восточной части площади мы были вынуждены всё необходимое для маршрутов и проживания заносить туда на себе. Расстояние от основного табора 6 километров с подъёмом по вертикали около полукилометра. В общем, потеть приходилось изрядно.

Мы возвращались из первого похода по транспортировке груза на выносной табор. Вдруг невдалеке увидели медведя. Рабочие стали требовать, чтобы я убил его, так как им здесь носить груз, и они боятся встречи с ним. Я согласился. Взял карабин наизготовку и стал подкрадываться. Со мной увязались Боря и один рабочий. Когда подкрались ближе и выглянули из-за бугорка, то увидели, что это медведица с двумя уже довольно крупными медвежатами. Ветер был на нас. Стали обсуждать, что делать. Медведица ведь опаснее самца и могла напасть на носильщиков. Мне показалось, что расстояние больше 200 метров. Я поставил соответственно прицельную планку, выстрелил. Пуля ударилась в скалу выше медведицы. Она вздыбилась и обернулась к камню, куда ударилась пуля. Я понял свою ошибку, опустил прицельную планку и вторым выстрелом уложил медведицу наповал. Медведица упала, один медвежонок помчался в сторону, а второй кинулись к нам. Я второпях выстрелил в него и промазал. Медвежонок выскочил прямо на меня. Я вскочил и толкнул его стволом в морду, он на секунду оторопел, метнулся в сторону и исчез. Когда медвежонок кинулся к нам, моим спутникам он показался большим. Рабочий кинулся бежать, а Боря выхватил кинжал, который висел у него на поясе, и приготовился встретить медвежонка врукопашную.

Сделав несколько рейсов с грузом, мы приступили к маршрутам, а на таборе остался повар Володя. Для отпугивания пожелавших приблизиться медведей ему оставили ракетницу.

Вверху местность оказалась для маршрутов благоприятной. Скалистые выступы и каменные россыпи чередовались с цветущими альпийскими лугами, небольшими зарослями стланика и невысоких берёзок. Повсюду журчали ручьи, глаза слепили довольно большие снежники, блестела на Солнце водная гладь озёр. Изумительные по красоте места! За красоту мы называли их «страна Лимония».

Был конец июля – время медвежьих свадеб. Для них медведи выбрали эти благодатные места. В первом же маршруте после перетаскивания табора наверх мне довелось лицезреть её подготовку. Поднявшись на вершинку, мы увидели метрах в двухстах в траве пасущуюся медведицу, а вокруг неё резвились два медвежонка. В нескольких сотнях метров от них по периметру виднелись бурые спины трёх пасущихся ухажеров в ожидании призыва медведицы. Полюбовавшись на эту «идиллию», мы постарались обойти стороной сборище медведей, чтобы к ним не приближаться. Благо маршрут нам позволял это сделать, не особенно отклоняясь от намеченного пути.

Продолжением «свадебных мероприятий» должна быть схватка ухажеров друг с другом для выявления самого достойного, а медведица, спрятав медвежат от коварных ухажеров, должна прийти к победителю для любовных утех.

Хуже пришлось начальнику партии. Со своим напарником он отправился в маршрут до дальней границы площади на четыре дня. И вдруг в самом начале маршрута ему преградила путь медвежья свадьба. Прямо на пути оказалась матка с медвежатами. Обходить сборище медведей было далеко с большими подъёмами и спусками. Терялся бы целый день, а продуктов берётся в многодневный маршрут в обрез.

Надо сказать, что Ливерий Дмитриевич офицером прошёл всю войну, так что опасные ситуации ему были знакомы. Карабин был за плечами. Он решил «прорываться с боем». Далее передаю рассказ Ливерия Дмитриевича.

– Подойдя как можно ближе, мы залезли на берёзу. Почти на самую вершину забрался маршрутный рабочий, а я за ним. Так как

берёзы там чахлые, то мои ноги были в трёх метрах от земли. Устроившись поудобнее, я выстрелил из карабина, чтобы напугать медведицу. Но она не испугалась, а бегом бросилась на выстрел к нам. Торопливо стреляя по бегущей медведице, я в неё не попадал. Остался последний патрон в карабине, когда медведица добежала до берёзы и встала на дыбы, пытаясь достать мои ноги. Тут я почти в упор сверху вниз выпустил по ней последний патрон и убил наповал. Убедившись, что медведица мертва, мы спустились с берёзы и продолжили свой путь. Пасущиеся вдалеке медведи не обратили на нас никакого внимания. Возвратившись из маршрута, Ливерий Дмитриевич рассказал нам о своём приключении. В знак того, что он не сочиняет, показал нам медвежьи уши.

Вернувшись из одного маршрута первым, Рустем обнаружил пропажу банки со сливочным маслом которую хранили в холодной воде. Утащил её явно медведь. Рустем рассказал, что было дальше.

– Вдруг вижу на другой стороне озера медведя. Идёт не спеша. «Ах ты гад»,– думаю,– «сейчас я тебе покажу, как последнее масло у бедных геологов воровать». Я схватил двустволку, которая была в палатке, и побежал навстречу медведю. Подбегаю метров на двадцать. Медведь остановился, встал на дыбы и ждёт, что будет дальше. Не боится совсем. Вероятно, ветер был от него. А мне стало страшно! Вдруг я его только раню, и он кинется на меня. Решил: «да ну его к чёрту». Пошёл от него, а он не спеша, пошёл за мной. Я выстрелил в его сторону, но вверх. Тут медведь испугался и бросился бежать.

Когда основные работы за водоразделом закончились, мы в большинстве вернулись на табор на реке Гольцовой, где оставили повара Володю. Он рассказал свою медвежью историю.

– Сварил я суп на несколько дней. Вечером только забрался в спальник, как слышу, кто-то гремит у потухшего костра посудой. Это мог быть только медведь! Я выскочил из спальника, схватил заряженную ракетницу, взвёл курок. Когда надевал штаны, нечаянно нажал на спусковой крючок, и ракетница выстрелила в угол палатки. Палатка загорелась, мне пришлось сначала её тушить. Когда затем выскочил из палатки, то медведя уже не было, но не было и ведра с супом. После этого я каждый вечер сначала развешивал все продукты на дерево, потом стрелял из ракетницы вверх и ложился спать.

Мы заподозрили, что он сочинил эту историю, а спрятал ведро, в котором поставил бражку. Но через день я пошёл в маршрут и в 50 метрах среди огромных остроугольных камней увидел ведро, которое было так тщательно вылизано, что можно было его даже не мыть. Крышка от ведра валялась тут же. По-видимому, медведь уносил ведро зубами за ручку или в обнимку на задних лапах.

Рустем с радиометристом Людой остался за водоразделом доснимать доступную территорию. Для этого он перекочевал на Домугду, куда мы должны были принести им продукты. В назначенный день горы закрыли облака, резко похолодало, пошёл дождь. Но делать нечего, раз назначили день, то надо идти нести продукты. Не будут же люди голодать. Я взял двух ребят и пошли втроём по дождю. Поднялись наверх и погрузились в облако, из которого сыпал снег. Водораздел в этом месте относительно ровный, видимость упала до 10–30 метров, ориентиров никаких не видно. Выдержать направление в тумане очень трудно. К счастью, пелену на несколько минут разорвало и я увидел, что мы сваливаемся в долину не того ручья, который нам нужен. Подкорректировал направление и мы вышли точно в назначенное место. Палатка стояла, но почему-то никого не было. Как оказалось, Рустем решил, что в такую погоду мы не сможем принести им продукты, и в свою очередь, отправился за ними к нам на табор. Где-то на плоском водоразделе в пелене снега и тумана мы с ними разошлись на встречных галсах. Мы оставили в палатке продукты и благополучно вернулись обратно, если не считать, что вымокли до нитки.

Удивительно, но сколько я ни работал, ни разу никто в партии не заболел от простуды, хотя приходилось замерзать основательно. Согревшись у костра и напившись горячего чая, мы забывали о пережитом холоде и продолжали дальше работать, как будто ничего не произошло. Когда кто-то спрашивал, почему никто не болеет в партии от простуды, я шутя отвечал: “Потому что здесь на квадратный километр приходится всего один микроб».

Закончили геологосъёмочные работы в дальнем юго-восточном углу площади. Но тут возникла большая проблема. Геологическая съёмка обязательно должна сопровождаться шлиховым методом поисков полезных ископаемых. Для этого берут рыхлые отложения водотоков через определённые интервалы и

промывают в лотке (специальной формы корыто). При геологосъёмочных работах масштаба 1 : 200 000 эти интервалы должены составлять один километр. Минералы полезных ископаемых в большинстве своём тяжелые. При промывке в лотке для того, чтобы тяжелые минералы не уплыли, нужна сноровка, которой должен обладать промывальщик. Но ещё в начале эпопеи с выносным табором промывальщик упал и сильно повредил руку. Пришлось отправить его в деревню в медпункт. Когда рука поджила, он заявил, что увольняется, и в горы его уже никакими калачами не заманишь. В результате заснятая площадь оказалась не покрыта шлиховым опробованием. Значит, площадь считается полностью неотработанной (некондиционной), и нам её не зачтут, план будет не выполнен. А это грозило большими неприятностями. Что делать? Промывальщика ведь в горах не найдёшь, да и в ближайших деревнях на Киренге не сыщешь. Оказалось, что в партии только я владел этим методом, так как вырос на прииске и ещё в детстве занимался промывкой рыхлых отложений с целью добычи золота. Мы были энтузиастами, болели за дело и не гнушались никакой работы. Когда требовалось, рубили тропы, переносили на себе табора, копали шурфы и канавы, и т. д. Раз надо, я вызвался на некоторое время стать промывальщиком. То есть необходимо было возвращаться в места, где мы уже провели геологическую съёмку.

И вот мы с Борей Синявским отправились на 18 дней в поход по заснятой площади. Я за промывальщика, а он за коллектора. Надо было все водотоки опробовать через километр. Взяли палатку-альпийку, непромокаемую со всех сторон, высотой меньше метра (там, где нельзя найти палки, её можно ставить на геологических молотках, которые имеют ручку длиной около метра), смену одежды на случай непогоды, тёплое бельё, чехлы от спальников, лоток, лопату и т. д. В общем, груза было достаточно. Мы не могли ещё нести с собой продукты на 18 дней. В основном это были консервы. Они составляли главный груз. О сублимированных продуктах типа супов в пакетах мы еще не знали. Поэтому трое ребят на первый случай выделили нам перенести продукты. Через перевал двинулись с утра пораньше, чтобы наши помощники смогли засветло вернуться. Договорились, что в определённый

день в намеченную точку нам принесут ещё продукты и заберут намытые шлихи.

Первый табор наметили в приустьевой части Левой Домугды, где раньше был табор Рустема. Пришли, сбросили рюкзаки с пропотевших спин, выбрали место для палатки и присели отдохнуть перед возвращением сопровождающей группы. А я пошёл попить к Домугде. Только вышел на берег, смотрю, а ниже по течению в 30-40 метрах небольшой медведь переходит реку и меня не замечает. Я кинулся бегом назад.

– Медведь! – схватил карабин и назад. Все кинулись за мной. Медведь в это время выходил на берег. Я выстрелил и попал по лопаткам. Медведь хрюкнул и скрылся в кустах. Мы двинулись ему наперерез. Смотрим, а он перевалился через поваленное дерево и затих. Я осторожно, держа карабин наизготовку, подошёл к нему и убедился, что он мёртв. Ребята от радости, что добыли мясо, устроили «ритуальную пляску далёких предков» и мы принялись за разделку медведя. Большую часть мяса ребята забрали с собой. Места ночлега нам приходилось менять через день, да каждый день. Часто шли ходом со всем имуществом и проводили опробование. Поэтому оставили себе столько мяса, сколько могли нести при перетаборовке, и при этом оно не успело бы испортиться. Нам это мясо было как нельзя кстати: на больший период хватило принесённых продуктов.

Ниже по течению с противоположной стороны Домугды впадал ручей, который нам следовало ошлиховать. Напротив устья поставили палатку, переночевали, а утром проснулись под шум дождя. Время из-за продуктов было ограничено, поэтому мы решили идти и брать пробы по дождю. Я под палатку затолкал сухую бересту и мелкие сухие прутья. Вода была невысокая, поэтому мы спокойно перебрели Домугду и пошли вверх по ручью. Берега его оказались с частыми скалистыми прижимами, которые надо было облазить по кустам. Решили, что раз всё равно мы мокрые, то пойдем прямо по руслу, глубина которого была порой до метра. Протяженность ручья около 8 километров. Промыли ручей и тем же путём пошли обратно. Подходим к Домугде, а вода поднялась. Делать нечего, надо её переходить. Я с трудом преодолел самое глубокое место, а Борю, который был меньше меня ростом,

стало сносить водой. Я успел подать ему лопату и вытащил его на более мелкое место.

Придя к палатке, мы так замёрзли, что руки не могли держать спичку. Я долго растирал пальцы, чтобы их согреть. Припрятанная с утра под палаткой сухая береста помогла разжечь костёр. Около него мы отогрелись, переоделись в сухую одежду, сварили кашу и чай. Дождь кончился. Мы высушили одежду. И какое же это блаженство! После целого дня холода и сырости, как это здорово: горячий ужин у костра и сон в сухой палатке! Кто бывал в таких передрягах, тот поймёт.

А утром собрали свой скарб и отправились дальше с работой. В устье Левой Домугды в обусловленном месте нашли принесённые нам продукты. Далее стали подниматься по руслу Левой Домугды. Она течёт значительное расстояние по скальному ложу. Кое-где в этом ложе водой вымыты ванны глубиной до метра. В них в абсолютно прозрачной воде в два этажа плавали хариусы. А мы не взяли снасти для ловли рыб! Но зато, какое удовольствие наблюдать за ними. Как они рулят, виляя хвостами, изредка выскакивают из воды и ловят мошку!

В вершине Левой Домугды мы увидели разрушенное зимовье. Удивительно, как сюда забирались охотники, преодолевая ущелья, каменные россыпи? У зимовья лежали вёсла. По-видимому, в весеннее половодье охотники могли сплавляться? А возможно, здесь в войну скрывались дезертиры. Всю зиму они охотились, к ним приходили родственники с продуктами и забирали пушнину. При том изобилии диких животных мясом они могли себя обеспечить.

Завершали мы свою многодневную одиссею в вершине р. Черепаниха. Поднимались туда по звериной тропе. Я шёл впереди с лопатой в руках и карабином за плечами, Боря – метрах в тридцати сзади. Уже прилично устали. Я бреду, опустив голову. Вдруг сзади крик:

– Вовка, медведь!

Я оборачиваюсь и вижу бурую громадину, которая пробирается через кусты, поперёк тропы. От усталости какая-то замедленная реакция. Совершенно нет страха! Я поворачиваюсь, медленно ставлю лопату к дереву, снимаю карабин, передёргиваю затвор и подношу карабин к плечу, готовлюсь стрелять. Совершенно не

обращаю внимания на то, что Боря находится в створе с медведем, и я могу попасть в него. В это время медведь услышал звук затвора, вскинулся, по-видимому, поймал запах человека, сделал огромный прыжок через тропу и исчез в кустах. Боря же видя, что я целюсь в него, метнулся за дерево. В общем, всё обошлось благополучно. Лишь потом, восстанавливая прошедшее, стало понятно, что могло случиться!

В вершине Черепанихи, где по нашим более ранним впечатлениям была «страна Лимония», всё сильно изменилось. Чувствовалось приближение осени. Трава пожухла, цветы исчезли, дул холодный ветер. Осенью в стланике он издаёт особый тоскливо-угрожающий протяжный звук. Берегитесь мол, идёт суровое время, опасное для жизни. Небо было затянуто низкими тучами, кое-где цепляющимися за вершины. Изредка пробрызгивал дождь.

Нам осталось только взять на шестикилометровом участке вершины Черепанихи шлихи, и можно было возвращаться на основной табор. К вечеру нашли ровное место, а ночью пошёл мелкий дождь с ветром. Продуктов у нас осталось только на завтрак. Я оставил Борю под дождём варить последнюю кашу, сам же пошёл промывать оставшийся отрезок реки. Вернулся, Боря справился со своей задачей, что под дождем среди редких кустиков было не так и просто. Я похвалой отметил его героический поступок. С едой забрались в палатку, подкрепились. А дождь не перестаёт. Решили свернуть всё, кроме палатки и ждать в ней до 11 часов. Если к этому времени дождь не закончится, то выходить будем по любой погоде. Как раз остаётся время с учётом мокрых камней и кустов засветло дойти до табора. Дождь нас не пощадил. В 11 часов пришлось свернуть мокрую палатку и отправиться в путь. К вечеру мы были на таборе, где нас ждал горячий ужин, сухая одежда и тёплый спальник.

У Рустема был последний маршрут. Он с радиометристом – молодым парнишкой поднимался по гривке в гору. Вдруг выскочил медведь и бросился на них. Радиометрист побежал, а Рустем остался стоять. Когда медведь подбежал к нему, он упал. Правда, Рустем утверждал, что медведь лапой сбил его с ног. Медведь же пробежал мимо за радиометристом, который носил очки. Увидав, что медведь его догоняет, он остановился, протёр очки, надел.

– Неужели, сука, ты меня съешь! – воскликнул он и упал. Медведь же пробежал мимо и скрылся. Они бросили маршрут и вернулись на табор.

После этого случая Рустем уволился из экспедиции. Положенных три года по распределению в Иркутское геологоуправление он уже отработал.

– В этот медвежий край я больше не поеду, – заявил он и уехал в родную Казань. Там поступил в НИИ нерудных полезных ископаемых и быстро защитил кандидатскую диссертацию. Из Казани Рустем написал мне письмо, приглашая переехать туда и работать в этом институте. Обещал, что я смогу быстро получить квартиру. По его словам, вскоре защитить диссертацию тоже не было проблемы. Но куда я уеду от ставших мне родными Сибирских гор?

Вскоре горы посеребрил снежок. Завершив работу в предгорье, мы выехали в деревню и стали готовиться к возвращению в Иркутск: проводить окончательную камералку, паковать камни и пробы.

В деревне был один молодой человек, из тех, что на Руси называли юродивыми. Он круглый год ходил босиком, в каком-то тряпье и всё время улыбался. Как на картине Сурикова «Боярыня Морозова». Мы его подкармливали. Было уже холодно, по утрам замерзала вода. Пожалели мы его и решили осчастливить. Надели на него целую, но заплатанную спецовку, телогрейку, шапку, сапоги. Ушёл он со своей неизменной улыбкой, а через час пришёл в том же, в чём ходил и раньше. Не знаем, сам ли он снял всё или сняли с него родственники, но ясно было, что раздетым ему было существовать привычнее.

Должен был приплыть теплоход до Киренска. Мы со всем скарбом устроились на берегу. Уже вечер, а теплохода нет. Наконец нам сообщили, что он заночевал в пяти километрах выше в деревне Верхнемартыново и поплывёт только утром. Маячило провести прохладную ночь на берегу. Вблизи пристани жила семья, с которой у нас сложились дружеские отношения. Звали их Иван и Мария. Они пригласили нас к себе переночевать. Постелили шубы на пол, и мы улеглись. Чуть начало светать, как приплыл теплоход. Мы погрузились, поблагодарили приютивших нас хозяев и отправились домой, опять со многими пересадками и перетаскиванием груза.

В Иркутске мы были во второй половине октября, с радостью встретились с близкими. Наутро Лена вдруг увидела на подушке вошь! По-видимому, нас Иван да Марья на прощанье через шубы «наградили» ими, и я привёз этот «подарок» домой. Лена моментально организовала тотальную санобработку, и все «нежеланные гости» были уничтожены.

1961 год (А)

В камеральный период 1960/1961 года, так как Рустем Файзуллин уехал, мне пришлось обрабатывать полевые материалы нашего отряда. Это пошло мне на пользу. Я детально занимался петрографией древних вулканических пород, корректировал полевую геологическую карту и писал соответствующую часть годового отчёта партии. В Иркутске не было геологов-знатоков палеовулканических процессов, консультироваться было не с кем. Поэтому приходилось значительное время уделять печатным работам по древним и современным вулканическим образованиям, т. е. заниматься «ликбезом».

В полевой период 1961 года Кутимская партия продолжила геологосъёмочные работы. Базировалась она на этот раз в деревне Кутима, расположенной на правом берегу Киренги. Туда тем же путём, что и в 1960 году, завезли снаряжение и продукты на весь полевой сезон. Учитывая опыт предыдущего года, сразу разделились на два отряда. Первый отряд (платформенный) в составе начальника партии Ливерия Дмитриевича Комарова, старшего геолога Людмилы Ивановны Фёдоровой и геолога Константина Львовича Тулубьева должен был проводить работы на платформе, второй отряд (горный) в составе Жени Адамова (начальника отряда) и меня (геолога) – в пределах Акитканского хребта (Северо-Байкальского вулканоплутонического пояса). По идее начальником отряда, картировавшего Северо-Байкальский вулканоплутонический пояс, должен быть я, так как уже в значительной степени представлял геологию этого пояса, а Женя даже приблизительно не был знаком с ней. Но Людмила Ивановна посодействовала продвижению по службе своего мужа. В течение полевого сезона руководил работами практически я, распределял маршруты, рисовал кар-

ту. Женя отдал это полностью на откуп мне и участвовал только в качестве совещательного голоса. В общем, мы работали дружно.

Платформенный отряд работал на конях вьючно. В деревне, наметив границу действия отрядов, мы с ними расстались, и всё лето не встречались.

Оставшаяся непокрытой геологической съёмкой часть хребта была недоступной для лошадей, поэтому для её отработки использовали вертолёт. Весной для нашего отряда при выходе Кутимы из гольцов построили базу: дом, пекарню и баню, забросили снаряжение и продукты для отряда.

По прибытию в деревню Кутима Ливерий Дмитриевич решил проверить, как построили базу. Он взял меня с собой, и мы на моторной лодке отправились вверх по Кутиме до базы. Кутима после выхода из гор распадается на ряд проток. Фарватер мы не знали, поэтому несколько раз попадали не в ту протоку, на мели рвалась шпонка. Приходилось причаливать и менять её. Так что добрались до базы только к вечеру. На равнине лёд на реке уже полностью растаял. Ближе к горам по берегам появились участки, покрытые льдом. Когда подплыли к базе, то оказалось, что лёд здесь образовал вдоль берега обрыв, высотой более метра. Кое-как выше по течению нашли место, где можно причалить. База оказалась в порядке. Ливерий Дмитриевич оставил меня на базе и уплыл обратно.

Для заброски отряда был арендован вертолёт Ми-1. С его помощью в начале июня весь отряд оказался на базе. Кроме Жени Адамова и меня в отряде был на практике студент 3-го курса геологического факультета ИГУ Станислав (Стас) Козлов, два радиометриста, шлиховщик, таборщица. На базе отряда постоянно находились радист Саша и пекарь, который снабжал нас хлебом. Стас должен был заниматься шлиховым опробованием (после окончания учёбы он работал в Читинском геологоуправлении, где руководил крупными геологическими партиями).

Пекарь был отличным специалистом своего дела, но чифирист. Чифир приготовлялся так: 50-граммовую пачку чая заливают стаканом воды, дают ему хорошо прокипеть, остужают и пьют мелкими глотками. Два-три глотка хватало часов на 10 возбуждённого состояния. В этот период человек мог интенсивно работать. После прекращения действия чифира он становился вялым и угне-

тённым. Для поддержания жизненного тонуса требовалась следующая его порция.

Без чифира пекарь не мог ничего делать. Обычно с вечера он заправлялся чифиром, заводил тесто и начинал топить печь. Целую ночь он с песнями занимался выпечкой хлеба. К утру отличный хлеб был готов. Когда мы были ещё на базе, свежий, горячий хлеб подавался к завтраку. На горячий пышный хлеб намазываешь масло, а оно тает! Такой бутерброд со сладким чаем – объедение!

В этом году, как и в дальнейшем, я планировал работу начинать с дальних участков и в течение лета постепенно приближаться к базе. Территорию, доступную с базы я оставлял на завершение сезона. Мало ли какое лето будет: дожди, ранний снег, отсутствие вертолёта и т. д. Такой план обычно оправдывал себя.

В первый же день мы увидели на другом берегу двух зайцев, игравших, прыгая друг на друга. Мы решили поживиться мясом. У нас была мелкокалиберная винтовка. Я прицелился, выстрелил. Один заяц упал, а другой продолжал прыгать вокруг него. Надули лодку, и мы со Стасом поплыли на ту сторону. Я грёб, а Стас с винтовкой сидел на носу. Как только причалили, Стас выпрыгнул и вытащил лодку на берег. В это время из кустов выскочил заяц, бросился на Стаса и стал молотить его передними ногами. Благо Стас был в сапогах с длинными голяшками, а то бы заяц подрал ему ноги. Стас, отбиваясь ружьём, прикончил его. Оказалась, что это семейная пара. Мы убили самку, а самец смело бросился на нас, защищая её. Смелость зайца нас потрясла. А говорят ещё зайцы трусливые! Мясо зайцев некоторое время позволило нам не тратить тушенку.

Первый намеченный участок работы находился в 10–12 километрах от базы отряда в бассейне р. Безымянка. Отправились мы туда вчетвером: я, Стас Козлов и двое рабочих, выбрать посадочную площадку для вертолёта. Вооружение: у меня карабин, у Стаса ружьё 32-го калибра. С нами увязалась собака-медвежатница, такая старая, что уже не бегала, а только ходила.

День выдался солнечный. На базе снег уже растаял, а склоны хребта ещё сияли огромными снежниками. Поднявшись из долины Кутимы, мы вошли в лес, где снег лежал большими участками толщиной местами больше метра. Снег прямо на глазах становил-

ся рыхлым и водянистым, а под ним зажурчали ручьи. К месту мы добрались мокрыми по пояс.

Времени у нас было немного. Решили костёр не разводить, а обсушиться на солнышке. Поляну для вертолетной площадки нашли на крутом борту ручья, высотой над руслом метров двадцать, густо заросшим до самого верха трёх-пятиметровым стлаником. Надо сознаться, что площадку для вертолёта я выбирал впервые, не зная предъявляемых к ним требований. Думал, что надо только иметь небольшую голую от растительности полянку. Выбранная мною площадка не годилась для посадки вертолёта, так как была наклонной и окружена высокими деревьями. Я подумал, что надо только расширить её, очистив от деревьев. Решили так: полчаса двое рубят, двое отдыхают, затем меняемся. Разделились на пары: я с рабочим и Стас с рабочим. Оружие сложили у края склона на бревно. Начинали работу мы. Через полчаса сменились, и сели на поваленное дерево отдыхать в 5 метрах от склона, где лежало оружие. Сидим, греемся на солнышке, наслаждаемся! Вдруг мой напарник говорит:

– Владимир Васильевич, смотрите, кусты шевелятся!

Вершины стланика ходили ходуном. Было видно, что кто-то по крутому склону пытается из стланика выбраться к нам. Вариант был только один.

– Медведь, – крикнул я и бросился к карабину, а Стас к ружью. Только мы схватили оружие, как ветки стланика раздвинулись, и в двух метрах от нас показалась огромная чёрная медвежья морда с маленькими злыми глазами. Стас опередил меня на секунды, выстрелил, не целясь, и не попал. Я лишь успел передёрнуть затвор. В поле у меня всегда в магазине карабина было 4 патрона, а ствол свободен. Оставлять патрон в стволе опасно. При падении на спину от удара по затвору мог произойти произвольный выстрел с неизвестными последствиями. Передёрнул затвор, и карабин готов к выстрелу. Тем временем медвежья морда исчезла.

В моменты внезапной опасности всё происходит стремительно, испугаться не успеваешь и действуешь автоматически. Потом в сознании всё прокручивается, как в замедленной съёмке. Страх приходит, когда ты начинаешь представлять, что могло бы произойти.

Я держал карабин наизготовку у плеча, ожидая медведя из стланика, где он в первый раз появился. Вдруг боковым зрением

заметил какое-то движение. Повернулся и увидел, что на меня сверху вдоль бровки склона прыжками нёсся огромный медведь. До меня ему оставалось метров 6, а прыжки у него метров по десять. Медведь перед прыжком как бы складывается, затем отталкивается всеми лапами, распрямляется и летит. Впечатляющее зрелище, если он несётся не на тебя. Дальнейшее происходило мгновенно. Медведь приземлился в 6 метрах, готовясь сделать последний прыжок, и мне конец.

В это время наша собака-старуха учуяла своего всегдашнего врага, «вспомнила молодость» и бросилась к медведю. Медведь почему-то очень бережёт свой зад и собаки-медвежатницы это знают. Они кидаются не прямо на медведя, а к его заду, уворачиваясь от ударов медвежьих лап. Обычно он садится, отмахиваясь лапами, или бросается на собак. Этого момента достаточно, чтобы охотник успел его уложить. «Наш» медведь вместо прыжка тоже сел, я выстрелил и передёрнул затвор для следующего выстрела. Медведь метнулся к обрыву и покатился вниз к ручью. Собака со свирепым лаем кинулась за ним.

Всё это произошло за несколько секунд. Но в сознании отражается, как в замедленной съёмке: я медленно поворачиваюсь, вижу медленно плывущего в прыжке медведя. Он медленно приземляется. Собака медленно бежит к нему. Медведь садится для последнего прыжка, я стреляю, и он скрывается за кромкой склона. Так и вспоминается.

Мы выскочили на обрыв и увидели, что медведь лежит посреди ручья на островке шириной не больше 10 метров. Как оказалось, пуля перебила ему позвоночник и задние лапы ему не подчинялись. Он только смог скатиться вниз по склону. Собака носилась перед его мордой со свирепым лаем, а медведь пытался на неё прыгнуть, но не мог, поднимался на передних лапах, пытаясь сделать прыжок, рявкал и снова падал. Стрелять нельзя, можно попасть в собаку. Мы уселись на краю крутого склона и стали наблюдать, что будет дальше. Минут через пять медведь прекратил свои броски и затих. Собака вскочила ему на спину и стала рвать шерсть, пытаясь добраться до шкуры. Это было зрелище! Она вгрызалась в густую шерсть. Шерсть забивала ей пасть. Собака поднимала морду вверх, выплёвывала шерсть:

– Птьфу, птьфу, птьфу, – взвизгивала и снова погружалась в шерстяные заросли.

Поняв, что медведь мёртв, мы спустились к нему. Собаку еле оттащили и привязали.

Это был медведище! Как будто гризли забрёл к нам из Северной Америки! Он был почти абсолютно чёрный, лишь на боках и на животе – чуть буроватый. Все вместе мы еле-еле могли его ворочать, а на шкуре осенью в деревне спали вчетвером. Я таких гигантов больше не видел! Да что я? Когда мы вернулись в деревню Кутима, то к нам приходили все деревенские мужики, как на экскурсию. А они с малых лет охотники. Смотрели шкуру, качали головами и говорили только:

– Ну и ну! Вот это медведище, мы такого не видали!

Мы занялись разделкой туши. В борту долины был мощный снежник. В снегу вырыли глубокую пещеру и запрятали туда добычу. Как мы прикинули, мяса было более 400 килограммов. Задние стегна приходилось нести только вдвоём на палке. Всей партией мы питались этим мясом, не экономя, целый месяц. Сала на задней части было толщиной в четыре пальца. Натопили целое ведро внутреннего жира. Всё лето на нём стряпали лепёшки. (Это подтверждает, что жир медведь в спячке почти не расходует. Он ему нужен, когда поднимается из берлоги, а еды ещё нет.)

Так закончилась моя самая драматичная встреча с медведем. Спасла меня собака. Выстрелить я бы успел, но медведь был бы уже в прыжке и обрушился бы на меня всей своей массой. Да ещё не ясно, куда бы я попал. Возможно, его лишь ранил. Тогда исход был бы один.

Были ещё случаи, когда медведь проявлял по отношению к нам агрессию (смотрите следующие года). Но в этих случаях я заранее был готов встретить его. А с карабином в маршрутах и переходах в этом зверином краю я уже не расставался.

Обычно выбирать место для нового табора всегда летал я в сопровождении маршрутного рабочего. С одной стороны, посадочная площадка должна соответствовать требованиям техники безопасности для вертолётов, что определял пилот, с другой – располагаться в оптимальном месте для продолжения наших работ. Это определял я. Обычно приходили к консенсусу, но определяющим было мнение пилота.

С вертолётом бывают всякие казусы. Второй рейс он может и не сделать: испортилась погода, забарахлил мотор. Да мало ли что может произойти в период между рейсами. Поэтому первым рейсом мы брали с собой всё необходимое для автономного существования и работы в течение недели: палатку, спальники, топор, посуду, запас продуктов и т. д.

Когда прилетел вертолёт, то я с вертолётчиком полетел смотреть площадку для посадки. Вырубленную нами площадку пилот забраковал: была мала и имела наклон. Естественную ровную безлесную довольно обширную площадку нашли с вертолёта на водоразделе Безымянки и её правого протока. Обустроили табор.

В первый маршрут я решил пойти в кедах. Надо было обойти вершину Безымянки по водоразделу. Длина маршрута без подхода и выхода около 12 км. На таборе снег уже сошёл, а вверху его ещё было много. Каменистые и скалистые участки чередовались с обширными снежниками. Сразу же кеды промокли и «раскисли», по камням ступни набивались до боли, но маршрут надо выполнять. В одном месте водораздел представлял собой острый снежный гребень. Преодолеть его можно было только рывками с помощью рук, сидя верхом на снежном гребне. К концу маршрута я еле передвигался, превозмогая боль. Подошвы ног опухли, стали как подушки. Пришлось пару дней отлёживаться на таборе, пока не спала опухоль. После этого в маршруты я больше в кедах не ходил.

Как мы потом установили, лучшая обувь для маршрутов – резиновые сапоги. Но они выдавались только промывальщикам, а нам были положены тяжелые кирзовые быстро промокающие сапоги. Сушить их приходилось долго. Они пронашивались до дыр и скользили по мокрым камням.

Вскоре после начала работ нам привезли несколько пар чешских туристических ботинок. Эта обувь нам очень понравилась, ботинки совершенно не скользили. Как мы шутили: «В этих ботинках можно ходить по вертикальным стенкам». Они были такими крепкими, что я ходил в одной паре три сезона. Был у них один недостаток – невысокие голяшки не позволяли бродить ручьи.

В этот же сезон нам прислали для производственного опробования два ящика флаконов с лосьоном ДЭТА от кровососущих насекомых. Мы должны были дать отзыв на её действие. В начале

моих полевых работ нам выдавался диметилфталат. Эта едкая жидкость разъедала любые царапины, потные и слизистые места и краску на карандашах. Позднее стали выдавать от гнуса лосьон «Репудин». Он был менее агрессивный, но тоже достаточно опасный. Когда же мы попробовали присланную нам ДЭТУ, как мы ее называли, то были в восторге! Она хорошо отпугивала насекомых, долго держалась на теле и, главное, действовала на кожу, как обычное косметическое вещество. Мы, конечно, послали самый восторженный отзыв. В дальнейшем ДЭТА стала основным средством от насекомых во всех партиях.

В ожидании вертолёта я сделал пару маршрутов. Один из них проходил по берегу Безымянки. На одном отрезке русло реки ограждала скалистая стенка высотой 3–5 метров. Радиометрист, прослушивая скалу радиометром, выявил аномалию. Я сразу забрал у него радиометр и стал определять её размеры и интенсивность. Она имела ширину 6 метров и вертикальное положение. Радиоактивные породы были представлены весьма крепкими окремнёнными конгломератами (породами, состоящими из сцементированных валунов – древних отложений рек). После долгого проколачивания скалы я смог взять только образцы и пару штуфных проб. Это была первая находка проявления урана на Безымянском участке. В дальнейшем участок детально разведывали геологи специализированной Сосновской экспедиции, которые открыли здесь среднее по запасам месторождение урана «Безымянка».

Через несколько дней к нам в отряд прилетел проверяющим качество работы опытный геолог Руднев. Докладывая ему результаты, я сказал о находке выше упоминаемой аномалии.

– Почему же Вы не взяли бороздовые пробы? – Укорил он меня.

– Это невозможно сделать из-за высокой крепости пород, – парировал я.

– Пойдём, я покажу Вам, как это делается.

Когда пришли на обнажение, он взял кувалду и несколько раз ударил по скале.

– Да, действительно, здесь нужна взрывчатка, – заключил он.

Участок, где располагалась вертолётная площадка, имел треугольную форму со сторонами по несколько сотен метров. С двух сторон её ограничивали крутые спуски в долины, третья сторона –

крутой каменистый склон хребта. В 50 метрах от палаток тёк ручей, откуда мы брали воду.

Сделали первые маршруты. В маршрутный день подъём был в 7 часов. На четвёртый день пришла пора камеральничать, обрабатывать собранный материал. Значит, можно немного поспать. В такой день сквозь сон слышу: встала таборщица, разожгла костёр. Забрякала ведром, значит, пошла за водой. Через некоторое время проснулся. Чувствую, что прошло уже много времени с тех пор, когда поднялась таборщица. Но на таборе подозрительно тихо. Толкнул Женю.

– Таборщицы что-то давно не слышно.

Вышли из палатки. Всё в густом тумане, в десяти шагах ничего не видно. Костёр уже потух, а таборщицы нет. Видно, пошла за водой и в тумане заблудилась. Покричали, никто не откликается. Надо искать. Чтобы самим не сбиться, решили идти вдоль кромки крутого склона и обойти плоский участок по периметру. Отошли метров сто от табора, вдруг из тумана показалась наша таборщица с ведром. Воды в нём было уже около половины. Она быстро шла поперёк нашего пути мимо табора.

– Ты куда пропала? – спросили мы её.

– Пошла за водой и заблудилась. Но теперь я точно иду на табор.

Как выяснилось, она с ведром воды уже около часа кружила в тумане. Ориентироваться в тумане на ровном месте очень сложно, даже опытному человеку. Можно долго делать круги, считая, что идёшь в одном направлении.

Последующие наши табора были в середине Акитканского хребта, где спасались от гнуса олени. Мы почти регулярно встречали их в маршрутах. Так как карабин был всегда при мне, то я снабжал отряд мясом оленей регулярно. При этом специально не охотился. При виде зверя у меня появлялся охотничий азарт. А когда убивал, возникала жалость к нему. Так и хочется сказать:

– Что ж ты не обнаружил меня раньше и не убежал?

Если была удачная охота, то все были довольны. Можно было поесть суп со свежениной, да и в маршруты брали по доброму куску варёного мяса вместо осточертевшей тушенки. С каждым рейсом вертолёт нам с базы доставлял свежий хлеб, и картофель, а мы отправляли на базу мясо. Не забывали и вертолётчика.

Тогда ещё не было такого ажиотажа с вертолётами, как в дальнейшем (смотрите следующие годы), поэтому вертолёт по нашему заказу прилетал почти регулярно. В отношении питания и скорости работы это был лучший сезон в моей практике.

Следующий табор выбрали на плоском участке водораздела. С него как раз можно было покрыть маршрутами середину незаснятой площади. Для контроля нашей работы прилетел Ливерий Дмитриевич. Мы с ним пошли в маршрут в долину Домугды. Эта часть реки была не покрыта шлиховым опробованием, поэтому я взял лоток. Для удобства, я привязал его на спину поверх рюкзака. В одном месте река образовала обрывистый прижим. Чтобы не бродить её, мы решили облезть обрыв, вверху покрытый стлаником. Я пробирался через заросли первым, а начальник за мной. В одном месте ветка, за которую я держался, вдруг обломилась, и я полетел сквозь кусты, а потом через воздух с семиметровой высоты спиной вниз. Лоток спас меня от удара об воду. Последствия падения без лотка для меня остались неясными. Я поднялся, вода была мне по пояс. Смотрю, Ливерий Дмитриевич бежит ко мне с «квадратными глазами».

– Живой, не ушибся?

Я уже немного очухался.

– Всё в порядке, даже не ударился.

На берегу срочно развели костёр, я выжал одежду, чуть подсушился и мы пошли маршрутом дальше. День был солнечный, и моя одежда быстро высохла на мне.

Выбирать следующее место для табора полетел, как всегда, я с маршрутным рабочим. Табор должен был располагаться вблизи восточной границы площади работ, а карты соседней территории у нас не было. Прилетели в район будущих работ. Я сориентировался по рельефу и топокарте нашей площади, вроде всё сходится, и ровная площадка для вертолёта тоже есть. Высадились, перебросили весь табор, устроились. Наутро наметили маршруты. Стаса отправили на два дня ошлиховать крупный ручей с притоками.

Начал я маршрут, вижу, рельеф что-то не совсем соответствует карте. Я должен был пересечь неглубокую долину с пологими бортами, а тут крутой и продолжительный спуск. Поднялся на другой борт. Наш табор чётко виден. Взял азимут на него и уви-

дел, что он не соответствует карте на 60 градусов. Непонятно, в чём дело! Вокруг глыбы чёрных пород. Взял я образец и решил проверить его на магнитность. Увидел, что стрелка компаса бегает от него, как сумасшедшая. Выходит, сижу я на массиве пород с высокой магнитной активностью (после, зимой определили, что этот образец содержал более десяти процентов магнитного минерала-магнетита). Подумал, вот почему азимут на табор не соответствует карте! Но дальше снова пошли неувязки рельефа с картой. Кое-как закончил маршрут и поспешил на табор.

На таборе уже сидел Женя.

– У тебя в маршруте всё было в порядке? – возбуждённо спросил он.

– Были неувязки из-за пород с повышенной магнитностью.

– А я бросил маршрут. Он совершенно не соответствует карте.

Я взял карту, поднялся на гору и понял, что наш табор расположен в четырёх километрах от своей территории. Оказалось, что рельеф здесь очень сходен с тем, куда нам надо было перелетать. Так как карты соседней территории у нас не было, я и ошибся.

Нас охватило беспокойство, как же Стас теперь найдёт табор? Ведь мы отправили его совсем не по тому ручью, что указали ему на карте. На другой день в тревоге сидим на таборе, ждём. Где его искать, если в срок не вернётся? И, вот радость, к вечеру он возвращается! Стас опробовал заданный ручей и не стал переваливать водораздел, как намечалось, а пошёл обратным путём по ручью. Осенью отобранные шлиховые пробы вместе с топопривязкой передали соседней партии, сократив им работу.

Вертолёт должен был прилететь к нам через три дня. Чтобы не терять драгоценного летнего времени, пришлось нам для картирования своей площади делать длинные, как мы говорили «продолговатые», подходы по «чужой» территории.

Для переброски отряда на новое место прилетел на вертолёте Ми-1 пилот Володя Станкевич. Это был ас высшего класса! Он считал ниже своего достоинства перед посадкой делать обычные для других пилотов круги. Когда прилетал новый пилот, по количеству кругов над посадочной площадкой мы сразу определяли его умение и характер.

На этот раз надо было перелететь через хребет, расположенный в шести-семи километрах от табора. Когда вертолёт поднялся над площадкой, Володя Станкевич сразу взял максимальный угол подъёма и направил его к выемке в хребте. Не долетая метров сто до хребта, увидел, что сразу не сможет его преодолеть. В этом случае другие вертолётчики делают круг, чтобы набрать нужную высоту. Володя завис на одном месте, вертикально набрал нужную высоту и преодолел на минимальном расстоянии до скал хребет. Подлетев к нужной площадке, Володя завис над ней на высоте несколько десятков метров. Затем попятился назад на нужное расстояние и спокойно приземлился. К сожалению, судьба Володи Станкевича сложилась печально. Он увлёкся водкой, его списали из авиации, он стал бичевать и покинул Киренск.

Погода стояла преимущественно хорошая. Вертолёт летал почти без задержек. Работа быстро продвигалась к концу. Вдруг 7 августа, придя из маршрута, получил радиограмму: «Умер Саша». Для меня это – как удар по голове. Единственный близкий мне Саша – брат, который на 7 лет старше меня. Он всё детство был мне нянькой и защитником, а потом и кормильцем для нашей семьи. Работал он машинистом на станции Магдагачи Амурской железной дороги. Путь до неё из партии длинный и, главное, со многими препятствиями-пересадками.

Решил попытаться успеть на похороны. В тот же день отправился через перевал на базу. Уже по темноте достиг её, переоделся в относительно цивилизованную одежду и приготовил резиновую лодку. Чуть начало светать, поплыл вниз по Кутиме. Всю дорогу грёб вёслами, чтобы ускорить движение. К вечеру был в деревне. Для того, чтобы дальше двигаться, нужны были немалые деньги. Я надеялся, что начальник партии будет на базе. Но он был в отряде. Что делать? Пошёл по деревне «с протянутой рукой». Но какие деньги у колхозников? Председатель колхоза тоже мне отказал.

В деревню недавно приехала новая работница почты. Это была миловидная стройная девушка лет двадцать. Я обрисовал ей обстановку, пообещав, что только начальник появится в деревне, деньги сразу вернёт. Она мне, совершенно незнакомому человеку поверила и выдала без всякой расписки нужную сумму. Но надо было ещё добраться до Киренска. За ней ухаживал молодой лес-

ник. Эта девушка уговорила его бесплатно доставить меня на моторной лодке до Киренска. Разве мог он отказать любимому человеку! Я ей был бесконечно благодарен! Как хорошо, что встретились добрые люди! Ведь, если бы в это время нагрянула ревизия, то дело для неё пахло бы судом. У лесника сразу нашлось дело в Киренске. Рано утром мы поплыли на моторной лодке до Киренска, и к концу дня я был уже в аэропорту. Самолёт должен был лететь в Иркутск утром. На моё счастье в нём оказалось свободное место. В обед я был в Иркутске. Как раз через несколько часов должен был вылетать самолет рейсом (тогда был такой рейс) Иркутск – Чита – Магдагачи – Благовещенск. На нём оказались свободные места. К вечеру я был в Магдагачи, но Сашу в этот день утром похоронили. Попал на поминки. Как мог, попытался утешить маму, да разве это возможно! Два дня пробыл в Магдагачи, повидался со своей семьёй, но надо было лететь обратно. С помощью родственников, которые работали в аэропорту, меня взяли на грузовой самолёт. Переночевал в Иркутске, утром вылетел в Киренск. Опять же оказалось свободное место в самолёте. А в Киренске готовился вертолёт для вылета в нашу партию. Получилось, что я отсутствовал при такой сложной дороге всего 7 дней. Меня как будто вела неведомая рука, убирая с моего пути возможные препятствия. А Ливерий Дмитриевич, как только выехал в деревню, по моей записке сразу вернул деньги заведующей почтой.

В этом году, благодаря хорошей погоде, бесперебойной работе вертолёта, мы уже 19 августа выполнили задание по геологической съёмке. Надо было только опробовать шлиховым методом отложения Кутимы от гольцов до её устья. За это пришлось взяться мне, так как только я владел шлиховым методом (см. раздел «1960 год»), а промывальщик уже был уволен. Я взял в помощники Стаса Козлова. Мы погрузились в резиновую лодку и поплыли вниз по течению. Через километр причаливали, брали пробы и плыли дальше. Встреченные террасы сверху донизу зачищали (делали канаву глубиной полметра) и через один метр опробовали: набирали рюкзак материала, несли к реке, и там я его промывал. Течение реки на равнине медленное. Чтобы ускорить процесс, на обед мы причаливали, варили еду и чай, грузились в лодку и трапезничали, любуясь берегами, пока река несла нас к следующему

пункту опробования. Такая работа была в большое удовольствие! Благо, погода была хорошая!

Через три дня мы приплыли в деревню Кутима, куда наш отряд уже был доставлен вертолётом. Там мы активно занялись камеральной обработкой собранных материалов.

Раннее завершение работ, возможно, спасло нас от многих неприятностей. Дело в том, что этот год оказался, так называемым, «голодным годом». Не было ни ягод, ни кедровых шишек, на которых медведи жируют. Осенью медведи, которых развелось большое количество, не смогли нагулять необходимого количества жира, не легли на зиму в спячку, а превратились в шатунов. Большинство медведей из-за этого погибло. Оставшиеся в хребте геологи Сосновской экспедиции рассказывали потом, что в сентябре эти звери приходили к ним на базу, на канавы. Медведи приходили к сёлам на Киренге, задирали коров, собак. Охотников отправляли в тайгу на зимнюю охоту, как на фронт! На следующий год я за всё лето увидел лишь одного медведя.

В начале сентября в деревне собралась вся партия, и мы занялись подготовкой к выезду в Иркутск. Располагались мы в доме одинокого весьма приветливого дедушки на краю деревни.

Бригадир местного колхоза попросил нас помочь выкопать колхозный картофель. Начальник партии выделил для этого один день и согласовал его с бригадиром. В назначенный день вся партия в 8 часов утра «в полной боевой готовности» собралась во дворе. Ждали бригадира, чтобы он выдал нам рабочий инвентарь и указал объект для работы. Но никто к нам не шёл. Деревня будто вымерла.

Оказалось, что бригадир утром вышел на крыльцо, увидел низко летящую стаю гусей, схватил ружьё и подстрелил несколько штук. Это дело решил отпраздновать. Целый день всей деревней пили водку, пели и плясали. Вот такое отношение к колхозному труду! Послали ребят выяснить, где нам приложить свои силы в помощь колхозу, но их послали в определённое место.

Своя картошка почти у всех уже была выкопана. А у деда, у которого мы жили, картошка ещё стояла.

– Раз день у нас выделен на сельхозработы, то давайте поможем нашему деду выкопать его картошку, – предложил начальник партии.

«“Дредноут” к сплаву по Кутиме готов! Докладывает Стас Козлов»

Все с энтузиазмом согласились. Помочь хорошему человеку в радость. И через два часа огород деда был чистым, а картофель в подполье.

Через два дня пришёл теплоход и мы отправились в Киренск. Теплоход был загружен «под завязку». Многие пассажиры, покидали деревни на Киренге навсегда и ехали семьями со своим скарбом в Киренск. Я видел потом эти заброшенные деревни. Печальное, щемящее душу зрелище! Стоят рядами добротные дома с заколоченными окнами, надворные постройки, заборы с закрытыми воротами, словно хозяева должны вот-вот вернуться. Всё сплошь заросло травой выше пояса. И тишина!

Из Киренска на теплоходе доплыли до Усть-Кута. Далее поездом доехали до родного Иркутска, где нас ждала встреча с близкими!

1962 год (А)

В камеральный период 1961/62 года я интенсивно занимался петрографией вулканических пород Северо-Байкальского вулканоплутонического пояса и корректировкой геологической карты двух полевых сезонов. Большое внимание уделял литературе по вулканическим процессам и строению вулканических построек, пытаясь применить полученные знания к изучаемой нами площади. Вместе с Женей Адамовым написали свою часть отчета по заснятой территории пояса.

В Геологосъёмочной экспедиции каждый год весной вывешивают списки распределения сотрудников по полевым партиям. В Кутимской партии, у которой в последний год была работа только на платформе, я оказался лишним. Меня записали во вновь создаваемую партию, которая также должна была работать на платформе.

Работать на платформе я не хотел: простое однообразное геологическое строение, негде применить уже накопленные опыт и знания по геологии складчатых областей. Слабо всхолмленная равнина, покрытая тайгой и болотами, не прельщала меня провести среди них всё лето. Хотелось работать в горах, в районах со сложным геологическим строением, где есть с чем разбираться, как летом в поле, так и зимой в камеральный период. Кроме того, меня покорили горы своей красотой. Несмотря на физические трудности, я снова и снова хотел оказаться среди них, подниматься на вершины, преодолевая препятствия, и любоваться бескрайними просторами. Поэтому я написал руководству экспедиции рапорт: «Прошу направить меня в партию, которая будет работать в складчатой области». Моё желание было удовлетворено, и меня определили во вновь создаваемую Яральскую партию, которая в течение трёх лет должна проводить геологосъёмочные работы масштаба 1 : 50 000 в северной части Байкальского хребта. Ни с кем из вновь созданной партии я не был знаком. Но в поле быстро познаёшь, что за человек рядом с тобой, особенно при работе в горах.

В первый год работы коллектив партии состоял из начальника, завхоза, двух геологов и прораба, минералога и лаборанта. Не было старшего геолога, начальника отряда и геофизика. Начальником партии назначили Юрия Васильевича Шемякина. В процес-

се работ у меня сформировалось к нему негативное отношение. Он отличался большим нежеланием ходить в маршруты и всю работу перекладывал на своих подчинённых. Остальной коллектив оказался замечательным.

Завхозом был весёлый, неунывающий, деятельный, заботливый Дмитрий Николаевич Ивернев. Он прошёл войну, служил в разведке, имел многочисленные награды. Мы уважительно звали его «дядя Дима».

Минералог Лена Ильинична – жена начальника партии, хороший специалист, добрая, отзывчивая женщина. Она взяла с собой шестилетнего сына. Всё лето Лена Ильинична находилась на базе и просматривала шлихи, которые мы присылали из отряда. В обязанности лаборантки Тоси входила подготовка шлихов для просмотра минералогом. Она ещё пекла хлеб, который доставляли в отряды.

Кроме меня, геологом был Андрей Леонтьевич Хайдуров. Это щепетильно честный, увлекающийся, много знающий товарищ. Несколько лет Андрей ездил в Амакинскую экспедицию, занимавшуюся поисками алмазов, был знаком со всеми знаменитыми сибирскими геологами-алмазниками. Он обладал большим опытом полевой жизни. По молодости Андрей занимался разными видами спорта, был кандидатом в мастера по стрельбе из винтовки, имел музыкальное образование и хороший голос. Мы с ним прожили три полевых сезона в одной палатке, и не было у нас ни одного конфликта. В общем, мы с ним спелись в прямом и переносном смысле. Андрей научил меня правилам стрельбы из карабина, что весьма пригодилось мне в дальнейшем.

Прорабом был добродушный, неунывающий Гена Косовичёв. Он никогда ни с кем не ругался, не повышал голос, умел ладить с горнорабочими.

На практику в партии направили студента Томского университета Галлия Керимовича Галимова. Мы звали его Колей. Тоже замечательный, любознательный и безотказный товарищ. После окончания университета он приехал на работу в Иркутское геологоуправление, вскоре стал начальником крупных партий, специалистом по геологии Восточного Саяна. Ещё один студент геологического факультета ИГУ был принят для руководства шлиховым опробованием.

Гена Косовичёв руководил горным отрядом. Он состоял из пяти горнорабочих, каждое лето устраивающихся в партии. Прораб обычно стремился взять на работу опытных горняков, с которыми уже работал и которые показали себя в прошлом старательными, безотказными и нескандальными людьми. Горняки тоже стремились устроиться к знакомому прорабу, который давал заработать и не третировал их. Вот и на этот раз подобрались горняки, уже работавшие под руководством Гены.

Особенно запомнился горняк Железнов. Он каждый год приезжал из г. Горький, где у него была семья. Увольняясь осенью, он прощался со всеми и говорил, что больше не приедет, так как жена ругается из-за долгого его отсутствия и дети подрастают, требуют внимания. Но в марте обычно присылал письмо, где просил зарезервировать ему рабочее место и сообщить дату выезда на полевые работы.

– Что же Вас снова и снова заставляет ехать на эту тяжёлую, грязную работу с неустроенным бытом, мокнуть, мёрзнуть, а иногда и голодать? – спрашивали мы горняков.

– Привыкли, – отвечали они, – каждую весну тянет в эти просторы, где чувствуешь какую-то свободу от постоянных забот, семейной сутолоки, людской скученности.

Заработок, как причину поездки в поле, они, в большинстве, ставили на второе место. Некоторые ехали в партию, чтобы отдохнуть от водки или от одиночества. Бывали среди них и бродяги (бичи) без своего угла, как говориться, перекантоваться лето.

Маршрутными рабочими-радиометристами обычно нанимались школьники старших классов, студенты на практику и прочие молодые люди, захотевшие «хлебнуть романтики», посмотреть новые места, тайгу и горы. Набирали рабочих строго по штатному расписанию, как говориться, «покупали кота в мешке». В большинстве своём они были неплохими нашими спутниками, но попадались и отрицательные типы, которые явно ошиблись в своём выборе. От таких кадров при первой возможности мы стремились избавиться. Но часто приходилось их терпеть, так как в горах замену им не найдёшь.

Требовался ещё промывальщик для отбора шлихов. Опытные промывальщики были нарасхват. Начальники партии их быстро

разбирали. Часто приходилось нанимать рабочего, никогда не видевшего лотка. По приезду на базу обычно я учил его промыванию шлихов, что случалось неоднократно.

На каждый отряд нанималась таборщица (повар). Чаще всего это были безработные женщины, не представлявшие, с чем они будут иметь дело. Но в большинстве своём они осваивались и варили сносно. В начале приходилось их учить, как разжигать костёр, варить на костре кашу, заводить тесто и стряпать хлеб или лепёшки и т. п. Хорошие таборщицы попадались редко.

В нашем случае для горного отряда приняли пожилую женщину. Варила она неплохо, но была довольно полная, и пешие переходы ей давались с большим трудом. В съёмочный отряд наняли молодую девушку. Особыми поварскими способностями она не обладала, но кормила нас сносно.

Площадь работ занимала центральную часть Байкальского хребта с отметками вершин до 2500 метров. Половина площади охватывала западные склоны хребта. На этом участке широкие, выпаханные ледниками (троговые) долины рек врезались до середины хребта. На площади работ располагались с севера на юг долины рек Верхний Ярал, Ярал, Нижняя Ирель, Ошекона, Тылымай. Склоны долин крутые, скалистые, изрезанные бороздами временных водотоков и ущельями – долинами боковых притоков. Лишь на юге площади хребет рассекала долина Маркиной Ирели, по которой, вероятно, можно было пройти с лошадьми, перевалить через хребет и достичь села Байкальское на берегу Байкала. Водоразделы представляли собой острые гребни с возвышавшимися пиками. В вершинах боковых ручьёв пленяли суровой красотой выпаханные ледниками кары – полукруглые выемки в водоразделах, окружённые скалистыми обрывистыми стенками. У стен каров почти всегда располагались снежники. Некоторые не успевали растаять за лето. Днища каров часто занимали озёра с кристально чистой водой.

Другая половина площади располагалась к востоку от осевой части хребта и представляла собой гористую местность. Реки здесь текли уже в большинстве в Байкал.

При выходе долины Нижней Ирели на предгорную равнину располагалось Нижнеирельское озеро. На берегу этого озера нахо-

дилась уже готовая база. Она досталась нам в наследство от Кунерминской партии. Эта партия проводила здесь геологическую съёмку масштаба 1 : 200 000. Руководил ею начальник нашей партии. Кунерминская партия в течение трёх лет пользовалась этой базой. На зиму они оставляли со сторожами на базе всё имущество. К озеру примыкала обширная заболоченная равнина, где в километре от базы был сделан настил из брёвен для посадки вертолёта. База партии состояла из довольно хилого зимовья и склада.

Начать работы решили с северо-запада площади, заснять в первый год бассейны рек Верхнего Ярала, Ярала и Нижней Ирели до водораздела с реками, впадающими в Байкал. Транспортом при выполнении работ служили вьючные лошади, которых должны были доставить своим ходом из деревень на Киренге.

В середине июня основной контингент, снаряжение и продукты быстро забросили на базу вертолётом Ми-4. Лошади же запоздали.

Чтобы не терять время, решили сделать многодневные маршруты в долине реки Нижняя Ирель при выходе её из гор. Отправились всем съёмочным отрядом на два дня во главе с начальником партии. Это было единственное полнокровное его участие в геологосъёмочном процессе. Хотя, судя по последующему, он мог и здесь схитрить, не пройти полностью маршруты. Тем более, что геология площади в общих чертах ему была знакома.

Долина реки здесь широкая, заросшая густым лесом. Нашли место для табора в середине долины среди леса, и пошли в маршруты. Как и требовалось, каждого маршрутчика сопровождал радиометрист. На таборе оставили мальчика Колю Туркина. Он должен был к нашему приходу приготовить ужин и наломать веток стланика и (или) пихты для постелей у костра. Для спокойствия оставили ему ружьё. Возвратились из маршрута уже в сумерках. На месте табора нашли потухший костёр, а Коли нет. Кричим, стреляем, всё тихо. Нас охватила тревога! Что делать? Решили переночевать, а с утра заняться поисками пропавшего Коли. Но тут он заявился и рассказал:

– Остался я один. Стало мне скучно, решил пойти поохотиться неподалёку. Отошёл, а назад выйти к месту табора не могу. Ходил целый день, а табора всё нет. Стало темнеть. Гляжу, впереди темнеет что-то. Решил, что это медведь, испугался, выстрелил, а

он не двигается. Подошёл поближе, оказался обгорелый пень. Пошёл дальше и тут услышал выстрелы. Пошёл в их сторону. Увидел отблески костра, обрадовался.

Сделали ему внушение, и устроились спать. Да какой сон у костра?

На другой день снова пошли в маршрут. Поднялись на гору, и тут налетела гроза. Надеялись, что дождь скоро кончится. Я решил переждать его. Мы забрались под густой стланик, который рос полосой вдоль хребтика. Сверкают молнии, гремит гром, льёт дождь, отдельные капли проникают сквозь стланик, доставляя нам неприятные ощущения. Вдруг молния, словно копьё, вонзилась в стланик метрах в ста от нас, ослепив нас своим светом, раздался оглушительный грохот. Стланик загорелся. А у нас полно железа, что может притягивать разряды электричества: молоток, карабин, радиометр. Выскочили мы из укрытия и, не обращая внимания на дождь, заспешили по мокрым камням вниз. К счастью, гроза быстро кончилась.

Когда вернулись на базу, пришли лошади. Решили начать геологическую съёмку с бассейна Верхнего Ярала. Начальник объявил, что у него синусит, и он останется пока на базе лечиться.

– Вы, ребята, там начинайте маршруты, а я подлечусь и подъеду, – напутствовал он нас. При этом не указал, кто будет руководить полевыми работами, пока он выздоровеет.

Тропа вдоль гор была проторена ещё предшественниками. Надо было только кое-где её подчистить: убрать поваленные деревья и разросшиеся кусты. Первым отправился горный отряд, который и проделал эту работу. Когда лошади вернулись, отправились и мы.

Так как начальник с нами не поехал, полевые работы оказались без руководства. Мы с Андреем Хайдуровым в одной должности. Кто-то из нас должен принять руководство на себя.

– Я заниматься этим не хочу и не буду, – сразу заявил Андрей, – я добросовестно буду ходить в маршруты, приносить достоверный материал, а ты руководи: распределяй маршруты, рисуй геологическую карту, определяй объекты для горного отряда и т. д.

Надо сказать, что я не люблю командовать, быть начальником. Когда надо было выполнять общую работу, я всегда участвовал в ней в первых рядах в качестве начинающего («делай, как я»). Иногда мне приходилось принимать обязанности начальника, если

без этого стопорилась работа. Но чаще стремился заниматься геологией. Пару раз в экспедиции мне предлагали стать начальником партии, но я отказывался.

Вот и теперь мне хотелось самостоятельно заниматься геологией, а для этого надо было руководить работой как съёмочного, так и горного отрядов (больше некому), и потому согласился. Но все действия мы обсуждали с Андреем. Он обычно соглашался со мной.

В какой-то степени я даже благодарен начальнику. Из-за его «синусита», я за лето набрался опыта самостоятельных геологических исследований, что помогло мне в дальнейшем. Рисование геологических карт, когда маршрут за маршрутом она зарождалась, стало моим самым любимым занятием.

Третьим маршрутчиком был студент Коля Галимов. В первые два маршрута я брал его с собой, убедился, что он успешно справляется с ведением маршрута, ориентированием на местности, определением пород и структур, и поэтому доверил ему ходить в самостоятельные маршруты. Без него мы бы не смогли выполнить план. И так это далось нам с большим трудом, во многом на энтузиазме.

Обычно при распределении маршрутов я всегда брал себе наиболее информативный маршрут, несмотря на его трудность, удалённость и длину. Мои товарищи видели это и никогда не возражали, какой бы я маршрут им не выдавал. Студентам же, как правило, доставался самый простой с точки зрения геологии маршрут.

Мы сразу решили, что питание у нас будет котловое и никаких личных заборов не должно быть. Это крохоборство мы отменили, как говорится «раз-навсегда-совсем».

При геологической съёмке масштаба 1 : 200 000 переезды были частыми и потому на обустройство табора стремились не затрачивать много времени. При съёмке масштаба 1 : 50 000 стоянки были более длительными и по прибытию на новое место, как правило, выделялось время на обустройство табора. Над костром и местом обеда строили навес из тента, стол и скамейки. Таган обычно делали высоким, чтобы постоянно не нагибаться. К перекладине на верёвках или проволоки вешали крючки для ведер. Если была возможность, в палатках сооружали нары. Наламывали мелких веток кедра или пихты, настилали на них или на землю и

сверху покрывали брезентом. Затем появились надувные матрасы, и нужда в ветках отпала.

С этого года стали снабжать партии железными печками («буржуйками») с трубами. Палатки были с окнами для труб. Чтобы палатки не загорелись, в окна вставлялись жестяные пластины с дырами для труб.

В дождь нельзя было касаться палатки, так как в местах касания палатки сразу промокали и здесь начиналась капель. Поэтому приходилось постоянно быть бдительным.

Горнорабочие приехали в партию, чтобы заработать денег, и требовали дать им объекты для работы. Я понимал, что без дела они сидеть не должны. Так как рудных объектов ещё не было, то я подумал, что не лишне будет для оценки россыпной рудоносности долины Верхнего Ярала пройти линии шурфов поперёк долины с опробованием шлиховым методом выполнявших её отложений. Это не входило в задание партии, но с точки зрения оценки площади на полезные ископаемые было оправдано.

Мы занялись маршрутным исхаживанием склонов долины Верхнего Ярала. Себе в спутники я взял Толю – здорового восемнадцатилетнего парня. При своей недюжинной силе он обладал добрым характером, никогда ни с кем не ссорился, не ругался, все трудности преодолевал с улыбкой, добровольно брал на себя почти весь груз. В общем, я был им очень доволен.

От каждой встреченной разновидности пород надо было отбирать образцы, подтверждающие правильность рисовки карты, и пробы из находок полезных ископаемых. Согласно заданию, надо было отбирать сколки пород через 100 метров весом около 50 грамм для выявления первичных ореолов рассеивания рудных элементов, которые обычно сопровождают месторождения. Маршрутчиков для этого снабжали геологическими молотками определённой формы, весом 600–800 грамм. Их изготовляли из стали, которая не крошилась и не сминалась при ударах по камням. Но я ходил в маршруты с кувалдой весом два килограмма. Ею хорошо расколачивать глыбы. Образцы и обломки проб должны иметь «свежие» сколы, где была бы чётко видна фактура породы. То есть не иметь корочек выветривания. После того, как отколешь кусок камня, надо отбить лишний вес, острые углы и корочки вы-

ветривания. Обычно в левой руке держишь камень, а правой доводишь его до нужного вида.

Мы имели геологическую карту масштаба 1 : 200 000, составленную Кунерминской партией, и должны были её уточнять и детализировать. Но первые же маршруты показали, что она во многом неверна. На ней были нарисованы гранитные массивы с вертикальными контактами. А мы выяснили, что граниты слагают только верхние части водоразделов в виде «блина». Ниже располагается горизонтальный пласт песчаников около 100 метров толщиной. Под ними залегают вулканиты. Границы разных пород были хорошо видны на местности и на аэрофотоснимках. Нижней границей тела гранитов служит надвиг. То есть граниты образовались не здесь, а надвинуты с востока минимум на 10 километров. Геологическая карта, которую я стал рисовать по результатам наших маршрутов, сразу приняла другой вид.

Над табором возвышался крутой склон высотой около 500 метров, покрытый крупными глыбами. Выше располагался обширный цирк. Он состоял из трёх соединяющихся между собой каров, вокруг которых возвышались скалистые стенки с гребнями и пиками. Днища каров занимали озёра, лёд в которых ещё не растаял, а у подножия скалистых стенок сверкали на солнце обширные снежники. Вытекающие из каров ручьи сливались в единый поток, который соединял каскад озёр. Их разделяли скалистые уступы (ригели). Вид цирка изумительный по красоте! А какое наслаждение испытываешь, сидя на берегу карового озера с зеркальной поверхностью, окружённого полукруглой скалистой стенкой! И стоит тишина до звона в ушах!

В солнечную безветренную погоду в озёрах вода нагревается до температуры, при которой можно с удовольствием купаться. Но толщина прогретого слоя обычно не превышает 20–30 см. Ниже температура резко понижается до ледяной. Если при плавании опускаешь ногу, то создаётся впечатление, будто тебя кто-то хватает за ногу и тащит вниз. Если ты попадаешь на полосу, где уже проплыл, то возникает ощущение, что тебя обливают ледяной водой. Но ощущение от купания в таких озёрах всегда очень приятное! Как будто вода снимала усталость маршрута.

А как удивительно и загадочно полнолуние в горах в ясную погоду! После заката Солнца вначале постепенно сгущается темнота. Внизу уже наступает полный мрак, а вершины ещё долго выделяются на фоне неба. Темнота из долин поднимается выше и выше и охватывает всё вокруг. Контуры хребтов теряют свои резкие очертания и как бы сливаются с абсолютно чёрным куполом неба, усеянным бесчисленными яркими звёздами. Проходит совсем немного времени и на востоке небо начинает светлеть. Появляются силуэты вершин, абсолютно чёрные с противоположной стороны. На западе загораются далёкие вершины, освещённые лунным светом. И вот в проёме хребта показывается краешек Луны. Как бы убедившись в безопасности, появляется полная Луна – царица ночи, и всё вокруг преображается. Возникает ощущение чего-то нереального! Чернота скалистых обрывов и крутых каменных россыпей, с одной стороны, и освещённые бледно-желтоватым светом склоны гор и хребты, с другой, резко разграничены. Невольно возникает ассоциация освещённого пространства с чем-то добрым, приятным, а в темноте как будто таится что-то злое, опасное, подстерегающее всё живое. Постепенно освещённое пространство расширяется, оттесняя темноту к западным обрывистым участкам. Любоваться освещённой Луной панорамой хочется всю ночь. Но завтра надо утром рано вставать и идти в маршрут. Приходится погружаться в спальный мешок и засыпать под лунным светом, проникающим и в палатку

Так как цирк имел довольно большую площадь, то для его съёмки надо было сделать по три маршрута. Чтобы не подниматься и спускаться с высокого крутого склона каждый день, мы решили сделать выносной табор в цирк. У самого нижнего озера нашли ровную полянку и поставили там шестиместную палатку. Над озером на ригеле возвышался могучий кедр, как говорится, в два обхвата с широкой густой кроной. Это было единственное дерево в цирке, не считая малорослых чахлых лиственниц. Кедр стоял, как часовой рыцарь у входа в цирк! Непонятно, как он только смог здесь выжить на скалистом основании, трескучих морозах и свирепых «семи ветрах». Можно было любоваться им без конца! У меня до сих пор он стоит перед глазами, как торжество живой природы, на фоне каменистого и скалистого царства.

Мы пошли в маршруты, оставив на таборе мальчика, чтобы он заготовил постели из веток стланика, сухих дров для костра и сварил ужин. Когда мы вернулись, то, прямо, скажем, ошалели! С кедра была содрана вся кора до веток!

– Что ты наделал? – гневно закричал я. – Погубил такую красоту!

– Я это сделал для того, чтобы была хорошая постель,– оправдывался он.

Ну что возьмёшь с человека, если он не понимает красоты? Поругали его и несколько дней не разговаривали с ним. Но сделанное назад не вернёшь. Так и стоял он, по-видимому, несколько лет, засыхая, пока очередная буря не свалила его на камни.

В одном из маршрутов при обработке образца я промазал и с размаха ударил по ногтю большого пальца. Ноготь сразу стал тёмно-синим. Минут десять после этого я «плясал» от невыносимой боли! Наконец боль немного стихла. Но при малейшем движении любой части тела, палец как будто протыкали иглой. Надо было возвращаться на табор, прыгая с камня на камень. После каждого прыжка я невольно вскрикивал от боли, ждал, пока боль немного стихнет, и прыгал дальше. За несколько часов мы добрались до табора. Две ночи я практически не спал. Каждое движение во сне отзывалось в пальце острой болью, и я невольно просыпался. В маршруты эти дни я, конечно, не ходил. Постепенно боль уменьшилась, и на третий день я пошёл в маршрут, всячески избегая резких движений. Но разве это было возможно? Не считая слезшего ногтя, всё закончилось благополучно.

В гранитах мы обнаружили пегматитовые жилы с бериллом – минералом бериллия и пустотами с мелкими прозрачными кристаллами горного хрусталя. Горный отряд поднялся на наше место, стал вскрывать такие жилы и опробовать их.

Для отработки верней части долины Верхнего Ярала мы переехали на несколько километров вверх по долине. Река брала своё начало из карового озера у подножия острого пика с отметкой более 2000 метров, увенчанного топографической вышкой. Озеро было почти полностью покрыто льдом, переходящим на склоне в мощный снежник. Вполне возможно, что в его основании был глетчер, как начало небольшого ледника. Этому могла способ-

ствовать северная экспозиция склона и высокие обрывистые склоны. По крайней мере, снег и лёд здесь за лето не могли растаять.

Мы удивились топографам, которые смогли занести всё необходимое на этот пик, построить там вышку и произвести необходимые замеры. Со стороны В. Ярала это сделать невозможно из-за отвесных скал. По-видимому, с другой стороны подъём на пик был более доступным.

Однажды мы спускались по уступам со скалистого обрыва. Вдруг подо мной оборвался камень, и я заскользил вниз по скале. Инстинктивно я стал цепляться за скалу с таким «рвением», что сломал на левой руке три ногтя почти до их середины. Обильно потекла кровь. На счастье, соскользнув метра полтора, я уперся ногами в другой уступ. Это спасло меня от дальнейшего падения. Вначале я даже не почувствовал боли, но потом она дала себя знать. У меня всегда с собой была аптечка, в которой присутствовала глазная тетрациклиновая мазь. Я её выдавливал прямо на рану. Она успокаивала боль, обеззараживала рану и способствовала быстрому заживлению. Затем замотал бинтом рану. Вернулся я на табор со сломанными ногтями и перевязанной окровавленной рукой. На другой день я снова пошёл в маршрут. Лето короткое, а план большой, и выполнять его, похоже, надо нам троим. Колотить камни конечно приходилось с болью. Несколько дней бинт не снимал. Боль постепенно уменьшалась и на четвёртый день прекратилась.

Окончив маршруты с этого табора, мы устроили камеральный день. Около табора сливались два ручья, образовав улово с ледяной водой. В него полого спускалась скала, отшлифованная водой до блеска, без единого выступа. В перерывах мы устраивали купание. По гладкой скале скатывались в улово, где побарахтавшись немного, выскакивали на берег и бегали, чтобы согреться.

В середине дня снизу вдруг показались две щупленькие фигуры с рюкзаками и одноствольным ружьём 32-го калибра. Оказалось, что это топографы, которые идут вдоль хребта, Они должны были проверять целостность вышек и делать контрольные наблюдения. Продукты у них были на исходе.

– Как же Вы заберётесь на эту вершину, и где будете ночевать? – спросили мы с участием.

– Да вот поднимемся с боку на водораздел, а там, как получится.

Мы восхитились их мужеством, накормили досыта и дали продуктов на дорогу. Они, отдохнув у нас около двух часов, медленно побрели вверх. Их фигуры долго маячили, постепенно уменьшаясь и, наконец, исчезли среди глыб.

Когда заканчивали геологическую съёмку бассейна Верхнего Ярала, прибыл с караваном лошадей начальник. Мы ему доложили свои достижения, показали нарисованную геологическую карту заснятого участка. Он сходил в один короткий маршрут, убедился, что мы правы.

– Как мы не видели этого при съёмке масштаба 1 : 200 000, – с удивлением сказал начальник.

На другой день он отправился на базу снова лечить «синусит». На прощанье похвалил нас за самоотверженный труд, дал «ценное указание» продолжать работу в том же духе, сел на лошадь и скрылся вдали. Стало понятно, что синусит он симулирует и просто не хочет утруждать себя маршрутами. Но мы болели за своё дело, решили, что надо работать дальше, выполнять план и отправились в долину Ярала.

Тропа вначале выходила из долины Верхнего Ярала на залесённое холмистое предгорье, а затем поворачивала в долину Ярала. То есть делала крюк более 15 километров, а напрямую через хребет расстояние составляло около 5 километров.

Сначала переезжал горный отряд. У них была проблема, как доставить на Ярал свою таборщицу, которая с большим трудом могла ходить на значительные расстояния. Рабочие бросили жребий, кто будет её сопровождать. В день переезда рано утром её с выбранным рабочим отправили в поход. Сами сварили завтрак, завьючили лошадей и тронулись в путь. По пути обогнали таборщицу с рабочим, пришли на новое место, устроили табор и отправили коней за нашим отрядом. Поздно вечером рабочий «привёл» таборщицу. После этого похода таборщица запросилась уволиться.

Следующим рейсом переезжал наш отряд. С лошадьми для выбора табора пошёл Андрей, а мы с Колей отправились напрямик через водораздел параллельными маршрутами. Водораздел оказался скалистым. У его подножия я нашёл обломки галенита – минерала свинца. Надо было найти их источник. Подниматься на хребет было весьма опасно. Вот тут уж точно «и нельзя повернуть

назад», так как табор уже ликвидирован. Карабкались по скалам, выбирая путь. Была большая вероятность сорваться, поскользнуться. Цеплялись за выступы. Дело осложнялось тем, что у меня одна рука занята молотком, а у Толи трубкой радиометра. При этом надо было осматривать скалу, определять какими породами она сложена, отбирать образцы, искать источник обломков галенита. Страха почему-то не было.

В нескольких сотнях метров от нас также на скалу карабкались Коля с радиометристом. Их хорошо было видно. Наблюдать за ними действительно было страшно. Со стороны казалось, что они поднимаются почти на отвесную стенку. В одном месте у меня сердце замирало, когда Коля поднимался на уступ, лёжа на животе и болтая ногами. С большими трудностями поднялись на хребет. Источник обломков галенита я не нашёл. Вероятно, он был небольшим и в стороне от нашего подъёма. Спуск в долину Ярала был нетрудным. Прыгая по глыбовой россыпи, мы быстро спустились вниз.

Вышли на табор горняков. Они сказали, что наш караван уже прошёл вверх по долине для того, чтобы, как договаривались, начать съёмку с вершины. К вечеру мы пришли на уже оборудованный табор: палатки поставлены, нары сделаны, на тагане варился ужин.

В этих местах из деревьев росли только редкие чахлые пихты и лиственницы. Склоны были покрыты каменными россыпями, которые чередовались со скалами. Небольшие участки были покрыты малорослыми стлаником и карликовой берёзкой. В маршрутах вся вершина долины видна, «как на ладони».

Однажды в маршруте я увидел вдалеке сохатого. Вот, думаю, добыть бы его, а то тушёнка осточертела, да и вообще продуктов в обрез. Когда ещё придёт караван с базы? Начал подкрадываться, мой спутник за мной. Подошли метров на четыреста, а дальше открытое пространство. Если дальше двигаться, сохатый нас увидит и убежит. Решил стрелять. Залёг за камень, прицелился, выстрелил и попал в ногу. С нами была собачонка-дворняга. В это время она учуяла сохатого и бросилась к нему. Не добежав метров двадцать, собака остановилась и стала лаять. Сохатый уставился на неё и стоял не двигаясь. Пока он отвлёкся, я зашёл сбоку, подкрался

метров на пятьдесят, прицелился, выстрелил по лопаткам. Сохатый сразу упал замертво. Надо разделывать, а у нас только перочинный ножик. Подошла пара промывальщиков, возвращавшихся на табор, но тоже без солидного ножа. Я отправил рабочего на табор за подмогой. Благо, он был примерно в километре. Пришёл Андрей с ребятами. Образовалась группа из 8 человек. Уже стало темнеть. Только мы приступили к разделке, как из-за хребта вывалила чёрная туча и закрыла всё небо. Пошёл проливной дождь. Стало так темно, что мы еле различали друг друга. Делать нечего, надо возвращаться на табор, а за мясом приходить завтра. Но дороги совершенно не видно. Тогда мы построились цепочкой. Каждый ухватился за одежду впереди находящегося человека и буквально на ощупь поползли на табор. Андрей впереди, а я замыкающим, слежу, чтобы не потерять кого-нибудь. Этот километр мы ползли больше часа.

Утром нас разбудило Солнце. Мы быстро собрались, разделали сохатого, вернулись на табор с мясом и устроили пиршество. Молодёжь проинструктировали, что свежее дикое мясо надо есть помаленьку и ни в коем случае не запивать холодной водой, а то длительное расстройство желудка будет обеспечено. По пути посмотрели вчерашний ночной путь. Он прошёл, как всегда бывает в такой обстановке, по самым неудобным местам: по густым зарослям стланика, хотя рядом было голое пространство, через крупноглыбовые каменные завалы, а вблизи была мелкообломочная россыпь.

Все были рады добыче. Вечером сидели у костра и беседовали. В основном рассказывал Андрей о своих приключениях при поисках алмазов. Таборщица поставила варить мясо на утро и в маршруты. Получилось почти полное ведро. Она пошла спать, попросив нас следить, чтобы мясо кипело. Посидев у костра, подкидывая под ведро дрова, мы развели по больше костёр и тоже пошли спать.

Мне в поле не надо будильника. Во сколько бы я не лёг спать, в семь часов обязательно просыпался, будил таборщицу и разводил костёр. Вот и в этот раз я поднялся и пошёл к костру. Над потухшим костром висит ведро с кусками чёрного обуглившегося мяса с характерным запахом. Видать вечером, уходя, мы перестарались с костром. Пришлось нам завтракать традиционными макаронами с тушенкой и идти в маршруты с консервами.

Но впоследствии мы ели каждый день мяса досыта, пока оно не кончилось. Вместо надоевшей банки тушёнки (вес нетто 337 граммов) стали брать в маршрут по доброму куску мяса. Куль с мясом отправили и в горный отряд.

Отработав вершину Ярала, мы переехали ближе к выходу его из хребта, недалеко от табора горняков. Я уже отмечал, что долина хорошо просматривалась, и никто не видел в маршрутах медведя. А он, оказывается, ходил здесь же, наблюдая за нами. На другой день я, проходя через наш оставленный табор, увидел по середине бывших нарах «в знак презрения к нам» огромную медвежью кучу.

Присланное нами мясо, чтобы не портилось, горняки положили в ручей с ледяной водой. У каждого из них был свой инструмент, за которым они тщательно ухаживали. Хороший инструмент – хороший заработок. Топоры они держали ночью под головами. Был у нас горняк по фамилии Байрачный. Я о нём напишу в другом разделе.

– Слышу сквозь сон, что поднялась таборщица и забрякала ведром, – рассказывал он, – затем раздались звенящие звуки, понимаю: топором по камню. Сунул руку под голову – топора нет. Выскакиваю и вижу, что таборщица вытащила часть куля из воды на камень и, не вынимая мясо, рубит его сквозь мешок. Это переполнило чашу терпения горняков, и они первым же караваном отправили её на базу, чему она была бесконечно рада.

Завхоз привёз другую таборщицу. Это была семнадцатилетняя девушка, буквально сияющая красотой. Но оказалось, что она большая лентяйка, варила из рук вон плохо, вдобавок была большая грязнуля и распутница. К этому времени она уже завела ребёнка, подбросила его маме, а сама отправилась искать приключений, и попалась на глаза нашему завхозу. Она почти не умывалась.

– Ты бы хоть шею помыла, – как-то заметили ей рабочие.

– А она у меня загорела.

– Ну, пошли к ручью. И буквально помыли ей шею.

В общем, рабочие заявили, что и такая таборщица им не нужна. Решили, что лучше самим по очереди варить еду. Её также уволили и ближайшим вертолётом отправили из партии.

Мой радиометрист Толя, пока мы стояли рядом с горняками, без ума влюбился в эту таборщицу и заявил, что по окончанию полевого сезона женится на ней.

– Толя, что ты делаешь, – говорил я ему, – разве не видишь, что она за фрукт.

– Всё равно я её люблю!

Когда стал вопрос об её увольнении, то и Толя собрался увольняться. Не хотелось, чтобы парень сгоряча испортил себе жизнь. Тогда я, скрыл от него, что когда придут лошади, её отправят на базу, а затем вертолётом, который обещают как будто через 5 дней, в Казачинск. Уговорил его пойти со мной в трёхдневный маршрут. Когда мы вернулись, он обнаружил, что его возлюбленной нет, и тоже засобирался увольняться. Мы его обманули, что вертолёта в скорости не будет и если он сейчас уволится, то будет платить неустойку.

– Всё равно после возвращения из партии я её найду, – заявил он.

Толя благополучно доработал до конца сезона. Выполнил ли он своё обещание, мы не знаем.

При выходе из гольцов склоны Ярала неравномерно покрыты стлаником. В один из дней разразилась сухая гроза, и от молнии на правом склоне долины загорелся стланик. К ночи огонь широко распространился. Ночью красиво было смотреть, как склон снизу до верху был в огнях. Так как стланик рос неравномерно, то создавалось впечатление множества костров! Как будто огромная армия стала здесь бивуаком! Огонь распространялся сначала медленно по упавшей хвое и другого растительного мусора. Как бы подкрадывался. Достигал густых зарослей высокого стланика. Вдруг пламя взвивалось вверх более чем на 10 метров! В это время к огню ближе, чем на 20–30 метров подойти было невозможно. Затем огонь постепенно ослабевал и полз к новым зарослям стланика.

Утром огонь был не так заметен, но видно было, что он постепенно распространялся по склону к равнине, где была тайга. И тогда сгорел бы большой её участок. Этого нельзя было допустить! Решили остановить его продвижение. Выбрали борозду временного водотока, где не было стланика. Вырубили по её краям растительность, дождались, когда огонь на этой расселине остановится. С чувством выполненного долга отправились на табор, а двух ребят оставили следить, чтобы огонь не перевалил через расселину. Через час они бегут с «квадратными» глазами и кричат, что огонь прокрался через расселину. Оказывается, они заигрались

и не заметили, как огонь по мусору между камней пробрался на другую сторону расселины и пошёл гулять на просторе. Бросились мы к следующей расселине, сделали минерализованную полосу и поставили бдительный дозор. К вечеру пожар прекратился, оставив после себя обгорелые остатки кустов.

Следующий мой маршрут был по свежей гари, что случалось и в последующем. Ещё кое-где дымились корни и головёшки. Гнетущее впечатление! Мёртвое царство! Как будто идёшь по другой планете! Обычно в маршруте то пробежит мышка, то пискнет пищуха, свистнет бурундук, метнётся белка или горностай, щебечут птички, в небе парит птичий хищник, порхают бабочки, ползает всякая насекомая «нечисть», над головой вьётся толпа комаров и мошки, ветерок шелестит листьями и ветками. А тут нет ничего живого! И абсолютная тишина! Каждый шаг поднимает тучу пепла, который проникает во все поры в одежде. Каждый обгорелый куст стремится оставить на одежде чёрную метку. Приходишь на табор, как трубочист после работы. Кусты стланика обычно сгорают не полностью, остаются только, как растопыренные пальцы, небольшие чёрные заостренные, как пики обгорелые концы. Не дай бог запнуться и упасть на них!

Геологическая съёмка в долине р. Ярал показала, что с многокилометровыми надвигами я ошибся. Оказалось, что граниты слагали так называемую пластовую интрузию, когда магма внедрялась горизонтально по ослабленной плоскости. А надвиги здесь есть, но перемещения по ним незначительные, лишь так называемые срывы по контактам пород с разными физико-механическими свойствами. Я был доволен, что разобрался в этой сложной геологической ситуации. Карта приобрела снова другой вид.

Дальнейший путь наш лежал через базу в долину Нижней Ирели. На базе рассказали начальнику о новых геологических данных.

– Я уже доложил в экспедицию, что мы («мы пахали»!) выявили крупные надвиги, так что рисовать карту надо с этих позиций, – заявил он. Но я оставил на полевой карте свой вариант.

Дело шло к осени, уже был конец августа, начались ночные заморозки. Так как начальник не ходил в маршруты, то мы не успевали выполнить план по съёмке. Если же останется здесь какой-то участок не заснятым, то на следующий год придётся затра-

тить много сил и времени для его доработки, так как планировалось сделать базу за хребтом. Начальник пытался нас воодушевить на «стахановскую работу» и «горевал», что из-за болезни не может принять участие в маршрутах. Да мы и сами понимали пиковую ситуацию при его игнорировании участия в картировании. Чтобы выполнить план, мы решили увеличить расстояние между маршрутами. Это нарушало методику работ, но другого выхода не было. В общем-то, увеличение расстояния между маршрутами немного допускалось при однообразном геологическом строении участка, но нам пришлось кое-где оставлять «дыры» между маршрутами почти до километра. Это уже не допустимо!

По долине Нижней Ирели мы зашли как можно глубже в горы, пока была тропа для лошадей. Далее долина оказалась заваленной непроходимыми для них глыбами, выше располагался скальный уступ-ригель, за которым находилось обширное ледниковое озеро. Лошадей отправили вниз, где еще была пожухлая трава. Уже пробрасывал снежок, водораздел могло покрыть снегом. Поэтому решили начать съёмку с вершины Нижней Ирели и постепенно перемещаться вниз по долине. Для того, чтобы заснять долину верхнего течения реки, пришлось идти в многодневные маршруты. Поставили палатку за ледниковым озером. Около него был небольшой берёзовый лесок, украшавший корытообразную вершину долины. Спешили покрыть её маршрутами, опасаясь раннего снега. За три дня закартировали эту площадь до водораздела, увеличив расстояние между маршрутами чуть ли не до километра, и вернулись обратно.

Продолжили маршруты, доступные с табора. В самом начале одного из маршрутов, при подъёме в кар на правом склоне долины Н. Ирели, мы пробирались сквозь заросли стланика. Вдруг ветка вырвалась из рук и ударила мне по глазам. Преодолевая боль, я хотел определить, могу ли я видеть, но слёзы застилали глаза. Посидев около часа, я определил, что видеть могу, но всё сквозь слёзы было мутным. Бросать маршрут нельзя, теряется день. Пошли дальше маршрутом вдоль стенки кара. Отбивал образец, протирал глаза и подносил его к ним. Сквозь пелену определял породу, и мы шли дальше. Постепенно слёзы кончились, и я стал видеть более чётко. На другой день утром я уже видел нормально.

Один из моих маршрутов на левобережье Нижней Ирели пролегал через вершину более 2000 метров, возвышавшуюся в виде скалистого пика прямо над табором. Меня, как всегда, сопровождал Толя с радиометром. Был конец августа, дни стали короткими, а я на подъёме задержался (как мы говорили: «заколотился»), пытаясь разобраться во встреченных геологических «новостях». Достигли мы вершины уже в сумерках. Вскоре настала безлунная ночь. Спускаться пришлось в темноте по скалистым уступам, заросшим густым стлаником. Внизу была видна светящаяся точка – костёр на таборе, который нас приветливо манил к себе. Подойдя к очередному обрыву, мы кидали камешки, чтобы определить его высоту. Если обрыв был невысоким, то мы, цепляясь за стланик, спускались на следующий уступ, постоянно рискуя оборваться и полететь в неизвестность. Если нам казался обрыв высоким, то мы «шарашились» по горизонтали, ища возможный спуск. С каждым уступом светящаяся точка костра становилась ярче, воодушевляя нас на дальнейший путь.

Несмотря на то, что я ходил с карабином, для охраны от медведей Толя постоянно носил на поясе длинный кинжал, сделав к нему свинцовые ножны. Тяжесть приличная. Я выбирал путь, а он молча пробирался за мной. Вдруг слышу сзади от Толи первый раз за всё лето отборный громкий мат! Я понял, что с ним случилось что-то экстраординарное, и ринулся ему на помощь. Оказалось, что он повис вниз головой в стланике, шнур от радиометра и кинжал перекрутились, запутались в кустах и Толя не может двигаться. С моей помощью он освободился от пут, и мы продолжили путь. Этот спуск занял у нас почти 5 часов. В первом часу ночи, наконец, спустились в долину и устремились на табор. Наши товарищи не ложились спать, ждали нас, поддерживая костёр. Такое у нас было правило.

Время неумолимо двигалось к зиме. Начался сентябрь. Уже выпал первый снег, «посеребрив вершины». Работа наша тоже подходила к концу. Осталось заснять бассейн крупного левого притока Нижней Ирели. При выходе в долину реки ручей образовал красивый двадцатиметровый водопад с огромным уловом. Но по его борту была довольно сносная звериная тропа, которая вела в долину ручья. Постоянно опасаясь, что лошадь может полететь с

обрыва в водопад, с большим трудом мы смогли пройти туда с лошадьми, и нашли не очень удобное место среди камней для табора.

Был один из последних маршрутов в вершине ручья. На равнине близко горела тайга. Дым с равнины волнами переваливал через водораздел и заполнял всё вокруг. Мы, не обращая на него внимания, шли маршрутом вдоль стенки кара. Вдруг из этого дыма посыпал густой снег. Оказалось, снежная туча смешалась с дымом. Пришлось нам срочно поворачивать в сторону табора, оставив в стороне не заснятый угол кара, и уже по снегу завершать маршрут. Всё равно надо было отбивать образцы, периодически грея руки за пазухой. Камни стали скользкими, скорость движения уменьшилась, Когда мы вернулись на табор, толщина снега уже достигала 10 сантиметров. На другой день выглянуло Солнце, и снег в низу долины подтаял. Пошёл я маршрутом в другую вершину ручья. Из-под снега торчали камни, которые давали возможность определить породы. В километре до вершины снег лежал уже сплошным покрывалом. Было понятно, что этот участок мы уже не сможем отработать. Но получалась дыра в сетке маршрутов. Я взял грех на душу, нарисовал фиктивный конец маршрута, и описал его, как мне казалось, по окружающей геологической ситуации. То есть допустил брак. Но, чтобы туда добраться на следующий год, надо было бы затратить, как минимум неделю.

Остался один маршрут вдоль склона Нижней Ирели, где снег ещё не лежал. Утром облачность накрыла горы, шёл небольшой снег. Мы с Толей надели телогрейки, шапки и пошли в этот маршрут. Облачность опустилась, мы продвигались вдоль скалистого склона в тумане, где видимость была не более 10 метров. Вдруг из тумана послышался гогот гусей и стая, как привидение, вылетела на нас в 10–15 метрах. Даже почувствовали ветер от их крыльев. Завидев нас, они круто развернулись и исчезли в тумане. По-видимому, гуси летели на юг вдоль гор, но в тумане сбились с пути и повернули вдоль склона в долину Нижней Ирели. Как только они выбрались из неё?

Стали ждать лошадей, чтобы выбираться на базу. В течение нескольких суток по ночам шёл снег, а днём было ясно, и снег внизу таял. Каждое утро граница снега опускалась по склонам всё ниже. Нас было 10 человек. Еды оставалось мало. Утром каша перло-

вая, в обед щи из банки, вечером вермишель и каждый раз по одной банке тушёнки на всех. Хлеб выдавался по норме, большей, чем в осаждённом Ленинграде, но не достаточной, чтобы было досыта.

Нам снега нипочём!

Андрей Хайдуров увлекался киносъёмкой. У него был киноаппарат и вот он решил разыграть и заснять утро на таборе, кто как встаёт. Первой поднимается таборщица. Она первым делом, как и все последующие, смотрит на небо, определяя состояние погоды. Разводит костёр. Далее начинают подниматься сотрудники партии. Первый, по пояс голый, бодро выскакивает из палатки, делает зарядку и по пояс умывается в ручье. Второй тоже быстро выбирается из палатки, идёт сразу к ручью, моет лицо шею. Затем,

лениво потягиваясь, показывается следующий персонаж. Он, еле двигаясь, плетётся к ручью, промывает двумя пальцами холодной водой глаза и устремляется к костру. Наконец последнего в спальнике выносят из палатки, несут к ручью, там его вытряхивают из спальника и он, не умываясь, плетётся к костру. Когда зимой в экспедиции показали этот фильм, все были в восторге.

На четвёртый день снег лёг и на табор, а к вечеру пришёл караван лошадей во главе с начальником. На следующий день собирались до полудня. Пообедали и тронулись в путь. Конюха пустили лошадей идти самим, посчитали, что дорога одна и лошади сами найдут дорогу. Но при спуске в долину две лошади устремились по тропе вверх по долине. Пока их догоняли и возвращали, настала ночь. Андрей с двумя ребятами ушёл вперёд. На бугорке они развели костёр и стали ждать нас. Чтобы не идти в темноте, мы надрали бересты, сделали факела и при их свете продвигались вперёд.

– Развели мы костёр, сидим вокруг него, ждём Вас, – рассказывал Андрей, – уже слышим шум каравана, видим пылающие факелы. Вдруг на нас по тропе вылетает прыжками медведь. Скатился с бугра прямо к костру, сел на задницу и ошалело уставился на нас, затем кинулся в сторону и исчез. Мы успели только «разинуть» рты.

По-видимому, медведь уже устроился на зимовку. А тут такой шум, огонь. Пришлось ему бежать.

Через некоторое время туча ушла, из-за хребта вывалила полная луна, стало видно, как днём.

Потушили факелы, и тронулся дальше. Мы с Андреем с карабинами на всякий случай шли последними. Вдруг медведь одумается и захочет отомстить за беспокойство. Перед нами шёл умный старый конь, который не раз уже бывал в экспедициях. Звали его Председатель. Он шёл медленно и часто ложился отдохнуть. Мы сочувствовали, понимая, как ему тяжело. Все ушли вперёд, а мы с этим конём плетёмся позади. Запомнилась необыкновенная обстановка: полная луна, хоть газеты читай, кругом березняк, земля, покрытая ковром белого-белого снега и мы с Председателем впереди. Он очень устал, да и три дня уже не ел. Пройдёт метров двести и ложится. Мы стоим около него, даём ему минут пять отдохнуть. Жалко его, но надо идти на базу, как нам, так и ему.

– Пора, Председатель, поднимайся, надо идти, – наконец тихо говорим ему. Он, кряхтя, как старик, поднимался, шёл, покачиваясь, еще метров двести и снова ложился. Так с остановками к середине ночи мы последними пришли на базу.

На базе в зимовье располагался начальник с семьёй. С ними жила и Тося-лаборантка. Гена Косовичёв поставил себе палатку с печкой и нарами, а все остальные расположились в десятиместной палатке. В центре поставили печку из железной бочки из-под бензина, а по периферии нары. Устроились и решили отпраздновать окончание полевых работ. Выпили, попели!

При проектировании предполагалось проводить большой объём горных работ с применением взрывчатых веществ (ВВ). Для этого завезли тонну аммонита. Но достойного объекта не было обнаружено. Поэтому горняков в начале августа уволили, а около 800 килограмм ВВ осталось. Что с ним делать? Вывозить взрывчатку и сдавать соответствующим организациям – большие затраты средств и времени. Из экспедиции пришёл приказ: «Ликвидировать на месте».

Начали мы проводить различные эксперименты, определять сколько надо ВВ, чтобы расколоть тот или иной камень, срезать дерево различной толщины и т. п. Но видим, что так нам много времени надо для его ликвидации. Решили уничтожить всё ВВ разом. К востоку от базы было голое заболоченное пространство шириной около одного километра. Чтобы наблюдать за результатом, мы перетащили взрывчатку (около 600 кг) на край болота и расположились за деревьями. Раздался оглушительный взрыв, поднялся большой столб болотной грязи, а на базе от взрывной волны вылетели все стёкла в окошках, обращённых в сторону взрыва. Такой силы взрыв я видел один раз в жизни, хотя взрывчатку использовали неоднократно!

В первых числах октября все горы покрыло снегом, мы завершили камеральную обработку полевых материалов, всё упаковали. На вертолётную площадку перетащили всё имущество. Оставили лишь минимум для проживания. Заказали вертолёт.

Погода установилась ясная. Ночами был мороз, а днём светило солнце. Почти все южные склоны гор очистились от снега. Хоть снова ходи в маршруты. Озеро наполовину покрыло льдом. А вер-

толёт не летит. Так продолжалось до начала ноября. Полное безделье. Развлекались тем, что играли в «хоккей» на краю озера.

Из питания остались только мука, тушёнка и солянка, такая кислая, что «глаза на лоб лезли». Тося лаборантка стряпала хлеб. Три раза в день была солянка с тушёнкой, разогретые на сковородке. Две ложки съешь, больше не лезет! Остальное дополняли чаем с хлебом.

Пытались ловить рыбу. Но Финоген так всё озеро выцедил, что за ночь в сеть попадалось, и то не всегда, лишь по одному хариусу, редко ленку.

У меня разболелся зуб, раздуло щеку, как барабан. Кроме того, в экспедиции мне обещали выделить квартиру. До этого мы семьёй скитались по съёмным. Получить её была большая проблема! В экспедиции из-за них были целые баталии! Бывшие друзья часто становились врагами на всю жизнь! Вдруг без меня всё перерешат! Перефразируя классика: «В экспедиции работал хороший народ, его только портил квартирный вопрос». Я этот месяц ожидания вертолёта извёлся!

Наконец 2 ноября прилетел вертолёт Ми-1. Первую очередь уступили мне. Вылетел я в Казачинск. А на другой день началась непогода. До Иркутска раз в день летал самолёт Ан-2, который брал 10–12 человек. Пришёл в кассу, а там очередь человек пятьдесят! Что делать? Я пошёл в больницу к стоматологу. Там врачом была девушка, которая только что кончила Иркутский мединститут. Я рассказал о своём положении с квартирой, упирая на то, что жена у меня тоже молодой врач, только что кончившая тот же институт. Уговорил её, и она выписала мне фиктивное направление в челюстно-лицевую клинику в Иркутск на срочную операцию.

– А теперь, – говорю – вырвите мне этот больной зуб! Что она и сделала.

С этой справкой я попал в первый ряд очередников. Зуб прошёл, опухоль спала, а самолёт из-за погоды не летит. Я хожу с перевязанной щекой изображаю из себя сильно больного. Наконец, 5 ноября прилетел самолёт, и я первым же рейсом вылетел в Иркутск. Чтобы не увидели летевшие со мной жители Казачинска, я снял надоевшую мне повязку только когда сел в такси.

Мы снимали квартиру в конце предместья Радищево. Я приехал к дому, а он на замке. Сел на крыльцо, стал ждать. Потом решил, заглянуть в окно в комнату, а она оказалась пустая. Я опять сел на такси и поехал к друзьям Шиверским. К счастью у них оказалась дома мама. Она сказала, что дали квартиру и нам, и им, но где, она не знает. Скоро должен за ней приехать Юра. Через некоторое время он появился, и мы поехали на улицу Чайковского, где нам и им дали квартиры. Радость встречи с семьёй совпала с радостью обретения своего жилья! Наконец-то у нас появилась своя однокомнатная квартира!

1963 год (А)

В 1963 году Яральская партия продолжала свою работу. Произошли некоторые изменения в её кадровом составе. Начальника партии Юрия Васильевича Шемякина за грехи предыдущего полевого сезона понизили в должности до начальника отряда. Меня повысили до той же должности. Начальником партии назначили Николая Николаевича Вишнякова – человека доброжелательного, скромного, спокойного, застенчивого. Он был новичком в геологии Прибайкалья. Остальные кадры остались те же: геолог Андрей Хайдуров, прораб Гена Косовичёв, завхоз дядя Дима Ивернев. Прибавился геофизик, давно работавший в этой должности в других партиях, и геолог Витя Патюков, спокойный доброжелательный, трудолюбивый человек, мастер на все руки.

Мы успешно завершили камеральную обработку полевых материалов. Комиссия признала заслугой мой вариант геологической карты. За полевые работы получили премию. Лишь Юрий Васильевич остался без неё.

Полевые работы решили проводить двумя отрядами. Один отряд под руководством Юрия Васильевича с Витей Патюковым продолжит картирование западных склонов Байкальского хребта к югу от бассейна Нижней Ирели. Мой отряд должен проводить геологическую съёмку центральной части хребта. Кроме меня из ИТР в отряде был геолог Андрей Хайдуров и студенты, которые занимались шлиховым опробованием. Некоторое время при организации полевых работ в нашем отряде находился и начальник партии.

С нами был горный отряд во главе с Геной Косовичёвым, которому предстояло провести оценку редкометальных проявлений с помощью горных выработок. На базе оставался завхоз дядя Дима. Николай Николаевич ещё не закончил отчёт по предыдущей партии и потому после организации и начала работ был отозван в Иркутск.

Для нашего отряда ранней весной на реке Рели, которая впадает у села Байкальского в Байкал, у выхода из гор на краю наледи двумя рабочими была построена база: дом и склад. В начале мая вертолётом заброшен основной груз. Строители остались сторожами. Летом они хотели продолжить работу в партии в качестве горнорабочих.

До с. Байкальское мы плыли по Байкалу. В то время от порта Байкал до Нижнеангарска продолжал ходить пассажирский теплоход «Комсомолец» (см. раздел «1958 год»). Большую часть времени мы проводили на палубе, любуясь живописными берегами Байкала.

Жители села Байкальское отличались доброжелательностью, гостеприимством и честностью. Нам, главным образом завхозу, в течение лета по разной надобности приходилось выезжать в это село. В любом доме, в любое время нас встречали как желанных гостей, давали кров и угощали, отказываясь от платы. Никто не покушался на оставленное без охраны имущество.

В Байкальском мы арендовали лошадей и по хорошей дороге, а затем тропе за один день дошли до базы. В долине Рели снега уже не было, а горы ещё были в основном в снегу. Но весна делала своё дело. Стояли солнечные дни, и горы быстро теряли снежное покрывало. Вода в Рели стремительно поднялась и затопила наледь. Сюда из Байкала устремилась рыба: ленки и хариусы. Снег на склонах быстро сошёл. Вода на наледи стремительно пошла на убыль. Образовались большие бессточные лужи. Часть рыбы не успела «скатиться» и осталась в этих лужах лёгкой добычей для нас! Мы прямо руками наловили её и запустили в небольшой водоём за палаткой. Целую неделю у нас был ужин из свежей рыбы!

В Иркутске приняли на работу на полевой сезон конюха. Он уверял, что с лошадьми умеет обращаться. Но при первом же общении с этими животными стало понятно, что конюхом он работать не может. Да и вообще это был человеком со странностями. Похоже, что с психикой у него были проблемы.

Начальник и завхоз задержались в Байкальском. Не дожидаясь их, мы решили расчистить тропу в вершину Рели. Она оказалась завалена деревьями, образовавшими настоящие баррикады. Для приведения тропы в проходимое лошадьми состояние я направил Гену Косовичёва с горняками. Гена решил ускорить расчистку тропы с помощью взрывчатки. Тут стало ясно, что нанятый конюхом кадр не знает даже с какой стороны подойти к лошади, тем более, как её взнуздать и завьючить. Показали, как это делается, и Гена с горняками и лошадьми отправились вверх по долине. Через некоторое время пришёл конюх с лошадьми обратно. Он отпустил лошадей и молча сел отдыхать. Лошади во всей амуниции разбрелись по наледи в поисках травы.

– Надо же снять сёдла с лошадей и стреножить, иначе они уйдут домой в Байкальское, – строго указал я, – а как дела у Гены?

– Да там лес загорелся, он меня и отправил на базу, чтобы Вы шли на помощь, – лениво ответил он.

– Так что же ты молчишь? – возмутился я.

Скорее собрал всех, кто был на базе, взяли инструмент и кинулись вверх по тропе.

Гена заложил заряд под завал и взорвал его. Но разбросанные сухие обломки загорелись. Когда мы прибежали, они уже ограничили пожар, лишь догорали его остатки. Я предупредил Гену, чтобы больше взрывчаткой для расчистки тропы не пользовался.

Вернулись назад, а «конюх» ходит за лошадьми и не знает, что с ними делать.

Когда пришёл Николай Николаевич, я рассказал ему о случившемся. Пришлось нанять в Байкальском нового конюха.

Начальник, чтобы несостоявшийся конюх не сидел без дела, определил его дробить пробы. Работа нудная. Но он какое-то время исправно звенел ступой. При первой же возможности транспорта его уволили и отправили в Иркутск. Через некоторое время завхоз пошёл за кусты стланика, где была дробилка, а там большое количество мелких кусочков от проб. Дробильщик, чтобы ускорить процесс, часть проб кидал за стланик.

Из-за снега работы решили начать с базы, где его было уже мало. Отработали склоны долины Рели у базы и переместились в её вершину. Табор устроили у выхода из ледникового цирка в ле-

вой вершине Рели, где росли лишь редкие чахлые деревья и кучки стланика.

В самом цирке обнаружили спрятанное среди крупных каменных глыб полусгнившее маленькое зимовье. Было странно, что оно построено в таком удалённом тайном месте. Позже, в селе Байкальском нам рассказали, что в войну там несколько лет прятался дезертир из местных жителей. Родственники его снабжали едой и одеждой. Невольно вспомнился роман Валентина Распутина «Живи и помни». Трудно представить, что думал человек длинными зимними ночами, живя в тесной лачуге, изолированный от людей. Спасая свою жизнь, он выбрал себе страшную судьбу! Что с ним стало после войны, нам не удалось выяснить.

В одном из маршрутов в середине дня мы вышли на нашу тропу. Накрапывал дождь. Мы увидали два могучих кедра, под которыми укрылись от дождя и решили пообедать. Развели костёр, попили чай, залили костёр и отправились дальше. Относительно рано вернулись на табор, а там конюх привёз с базы продукты.

– Что же вы костёр до конца не потушили, – с укоризной спросил он, – подхожу, а он дымит, пришлось мне его заливать.

– Но мы ведь его тоже залили.

Пошли быстро по тропе к этому месту, благо оно было в километре от табора. Подходим и видим, что из-под кедра снова идёт дым. Раскопали мы это место, а там под дёрном корни кедра тлеют. Мы обнажили все тлеющие корни и вновь тщательно всё залили водой. Я понял, что во избежание лесного пожара под кедрами разводить костёр нельзя. Данный случай стал мне хорошим уроком на будущее. За многолетнюю полевую работу мне пришлось разводить сотни костров, но это был единственный случай, когда я чуть не устроил лесной пожар.

При планировании работ все западные склоны хребта должен был закартировать другой отряд, который перемещался с помощью лошадей. Но в середине лета от них поступила радиограмма, что они не могут с лошадьми пройти в бассейн Маркиной Ирели. Николай Николаевич попросил нас с Андреем провести геологосъёмочные работы в долине этой реки, что было на руку начальнику другого отряда, который не хотел утруждать себя маршрутами, особенно многодневными. В последующем, работая в этом же

районе, мы беспрепятственно проходили с лошадьми от Маркиной Ирели к северу. То есть Юрий Васильевич схитрил, чтобы меньше себя утруждать. В результате за лето мы закартировали площадь в полтора раза большую, чем его отряд.

Выполняя просьбу начальника, мы с лошадьми поднялись на водораздел с Маркиной Ирелью, чтобы затем спуститься вниз к выходу её из гор. Звериная тропа на водораздел оказалась хорошо натоптанной и проходила по узкому гребню с крутыми склонами. Чтобы лошади не скатились вниз, пришлось каждую из них вести под уздцы. На водоразделе среди остроугольных глыб и стланиковых зарослей нашлась ровная площадка, как раз для нашего табора. Приступили к маршрутам. Так как табор был на водоразделе, то подходы к маршрутам были относительно лёгкими, не надо было высоко подниматься. Правда, чтобы покрыть маршрутами площадь до территории другого отряда приходилось спускаться в долины ручьёв, а затем с рюкзаками, нагруженными камнями, подниматься к табору. Такие маршруты довольно трудные. Если табор расположен в долине, то утром со свежими силами и лёгкими рюкзаками легко подниматься вверх. Но если табор наверху, то к вечеру, приходится карабкаться в гору уже усталыми и с грузом.

Отработав площадь, доступную с водораздельного табора, решили переезжать вниз в долину Маркиной Ирели. Вначале звериная тропа была сносной. Лишь на одном участке она на расстоянии 10 метров проходила по гладкой плите с наклоном около 30 градусов. По этой плите лошади буквально сидя съезжали вниз, а мы всем отрядом цеплялись с обеих сторон за сбрую и за хвост, сдерживая их скольжение. Иначе, разогнавшись по плите, они могли бы повредить себе ноги о камни. Но через полкилометра звериная тропа терялась среди россыпей каменных глыб. Стало ясно, что нам на лошадях не добраться до запланированного места табора при выходе Маркиной Ирели из гор.

Мы лошадей отправили на базу и заказали из Нижнеангарска вертолёт Ми-4. В назначенный день он прилетел. Из кабины вышел командир пожилого возраста. Лицо его было в шрамах. Видно было, что он побывал в переделках.

– Ребята, вертолёт отлетал свой ресурс, делает последний рейс и отправляется на списание, поэтому на первый рейс, пока не

сгорит часть керосина (горючее для вертолёта), берите меньше груза, – предупредил он.

Но я подумал, что командир хочет сделать лишний рейс, налетать больше времени, и мы загрузили его как обычно. Этим рейсом полетел я выбирать площадку для посадки вертолёта и ещё двое ребят. Техник захлопнул за нами дверцы, и мы начали взлетать.

Для полёта вертолёт поднимается вертикально на несколько метров. После этого он должен зависнуть на одном месте, наклонить нос вперёд и только тогда полететь с подъёмом. Фиксация вертолёта на месте зависит от силы мотора, загруженности машины и плотности воздуха, которая связана с температурой и высотной отметкой взлётной площадки. В этот раз был жаркий день, высота площадки большая, мотор старый и груз, по моей вине, солидный. Вертолёт поднялся, а зависнуть не может. Только пилот хотел зафиксировать вертолёт, а он начинал опускаться. Его стало сносить с посадочной площадки, а там остроугольные глыбы размером по два-три метра и густой стланик. Уже стало слышно, что колёсами вертолёт шуршит по кустам. Оставались секунды до катастрофы. Ещё немного, задний винт заденет кусты, и вертолёт рухнет на камни. Остались бы мы живыми или нет – большой вопрос! Но вертолёт однозначно бы разбился и, возможно, загорелся. Я сразу понял это. Меня охватило сложное чувство собственной вины и страха перед гибелью, когда ничего не можешь сделать. Но тут вертолёт на мгновение завис, и опытный пилот сумел справиться с ситуацией. Он направил машину вперёд в сторону понижения рельефа, постепенно набрал скорость, и вертолёт начал подниматься. Помогло то, что надо было лететь вниз по долине, а ветер был встречный. Если бы не эти факторы, то катастрофа была бы неизбежной.

Прилетели на место, нашли подходящую площадку. Вертолёт сел, винты перестали крутиться, и мы начали разгрузку. Я чувствовал себя, как «нашкодившая собака». Вышел командир.

– Я же просил много не грузить, – только и сказал он тихо с укоризной.

Чувство стыда и раскаяния долго не покидало меня. С тех пор я всегда стремился чётко выполнять указания вертолётчиков, чем бы они ни были вызваны.

Следующие рейсы прошли без эксцессов.

В тот год в регионе произошло несколько аварий вертолётов. Были и смертельные случаи. Но геологи не могли работать без помощи вертолётами. Командир вертолётных отрядов издал такой приказ: «Запрещаю перевозить людей. Разрешаю перевозить груз, скот и геологов». Вышло, что геологи вроде и не люди!

В советское время на севере Иркутской области работало много геологических партий, которым для транспортировки требовался вертолёт. Особенно много вертолётных часов требовалось геологам-нефтяникам, которые проводили бурение во многих местах в глухой тайге. Вертолётчики к ним летали охотнее, так как у них могли работать полный рабочий для вертолётчиков день (не больше 6 часов в воздухе в сутки). Кроме геологов, потребность в вертолётах была и у других организаций. Вертолётов не хватало. Через определённое количество часов налёта им требовалось несколько дней профилактики. Вертолётчики тоже не могли больше определённого времени в день и суммарно в месяц находиться в воздухе. Они стремились скорее налетать месячную норму лётных часов и отдыхать в кругу семьи, поэтому более охотно летали к нефтяникам. У нас же они обычно дневную норму не выполняли. К этому добавлялась непогода, которая чаще бывала в горах. В общем, иногда приходилось ожидать вертолёт по нескольку дней. У нас бытовала поговорка: неделю сидишь, час летишь.

Если заказали вертолёт, то уже никто никуда не мог отлучиться. Оставляли на таборе только необходимое для жизни: палатки, спальники, личные вещи, посуду и минимум еды. Остальное всё складировали на вертолётной площадке и тщательно закрывали тентом. Все прислушивались, не возникнет ли рокот вертолёта. Приходилось ждать вертолёта по 7–10 дней. За это время изнервничаешься: работа стоит, а время идёт! Рабочие, конечно, были довольны отдыхом. Но если долго не было вертолёта, и им надоедало сидеть без дела.

Заслышав звуки мотора, торопливо скручивали спальники, паковали вещи, посуду, снимали палатки и всё это скорее переносили на посадочную площадку. Иногда вертолет садился, не выключая мотор. С частью вещей мы с рабочим садились в вертолёт, показывал командиру ориентировочное место посадки на карте.

Полетели! Выбрали площадку, разгрузились, и вертолёт летит обратно. Если есть близко к месту посадки деревья, то мы должны были их к следующему рейсу повалить. За час-два перевозили людей, груз и вертолёт отправлялся восвояси. При взлёте и посадке вертолёта надо было держать всё, что может взлететь от ветра вращающихся лопастей. Если что-то попадёт под винт – авария неизбежна. Такие случаи были, но не у нас. Вертолёт улетал, а мы оставались на куче вещей. Отдышавшись, начинали искать место для табора и приступали к его обустройству. Даже сейчас, как только заслышу рокот вертолёта, появляется тревожное щемящее чувство: надо что-то хватать и куда-то бежать.

Устроили табор, и приступили к работе. Чтобы не было не заснятых дыр на карте, наши маршруты должны были не доходить до маршрутов другого отряда около полкилометра.

Запомнился один маршрут, который проходил по левому притоку Маркиной Ирели. Надо было пройти по нему, в его вершине подняться на хребет и по нему спуститься к Маркиной Ирели. Долина этого ручья производила очень мрачное, угнетающее впечатление. Это было ущелье. Совершенно плоское днище шириной пять-шесть метров, засыпанное каменными глыбами, между которыми ручей распадался на множество мелких струй. Полное отсутствие какой-либо растительности. По бортам чёрные обрывистые скалы высотой по несколько сот метров. По ним сочилась вода. Вдобавок был пасмурный день, изредка моросил дождь. Замыкалось ущелье также обрывистыми скалами. С трудом нашли расселину. Показалось, что по ней мы сможем вскарабкаться на водораздел. Цепляясь за выступы, скользя по мокрым скалам, мы покинули это неприветливое место и кое-как выбрались на хребет, где росли кучки стланика и были снежники, то, что надо для обеда. Далее был обычный маршрут по скалистому гребню и крутому спуску в долину Маркиной Ирели.

После работы в долине Маркиной Ирели, наш отряд на вертолёте перебросили на водораздел рек Наледная (Голубичная) и Бира. Табор расположили на берегу озера, за которым возвышалась почти вертикальная скала. Вблизи берега оказался плоский камень с круглой поверхностью диаметром около метра. Мы его использовали в качестве стола. Каждый принёс понравившийся ему камень в качестве табуретки. Это был самый экзотичный стол в моей полевой жизни!

Выдача задания на шлиховой маршрут

На этот табор в отряд прилетели три сотрудника нормировочной партии Иркутского геологоуправления. Они должны были хронометрировать все наши действия от подъёма до отбоя в течение месяца. В поле у геологов-съёмщиков рабочий день не нормирован. Нормировщики должны определить, сколько 8-часовых рабочих дней у нас получалось за месяц. Один сотрудник был прикреплён ко мне, другой к Андрею, третий к студенту, проводившему шлиховое опробование.

Обычный маршрутный день. Подъём в 7 часов. Час на выдачу задания, сборы и завтрак. Что нужно в маршруте? Молоток, дневник, компас, карты, мешочки для образцов и проб, карабин с запасом патронов, котелок, нож, фонарик, свитер, еда (и на нормировщика) с запасом на случай задержки. В общем, груза набиралось прилично. Я брал всё для ведения маршрута, а радиометрист – для кухни. Около 8 часов выходили в маршрут. Сначала подход к маршруту, а в конце – выход из него. Протяжённость подходов-выходов бывала разная, максимально до 6 километров. По ходу

маршрута я собирал сведения о породах, брал образцы, пробы, радиометрист через 100 метров фиксировал значения радиоактивности пород. Периодически мы останавливались и записывали результаты наблюдений, этикетировали образцы и пробы и паковали их в мешочки. Радиометрист заполнял свой журнал.

Встретив удобное место, останавливались на обед. Для этого должны быть вода или снег, дрова и, желательно, хороший обзор. Я разводил костёр, затем описывал наблюдения и обрабатывал собранный материал. В это время радиометрист делал таган, варил чай, разогревал банку тушенки. Обычно к окончанию моих занятий всё бывало готово для обеда. Мы быстро обедали и шли далее. В пасмурный день обедали, когда находили хотя бы мало-мальское укрытие от дождя. Если дождь был периодический или одноразовый, чтобы не терять время, стремились обедать, пока он шёл.

Как правило, возвращались на табор от 7 до 9 часов вечера, иногда и позже. Приходилось возвращаться и по темноте, особенно ближе к осени, когда дни становились короче. Тогда либо шли, освещая путь фонариком, либо коротали ночь у костра и приходили на табор утром на другой день. Согласно технике безопасности, если кто-то вечером не возвращался из однодневного маршрута, то на другой день никто не шёл в маршрут. Всё ждали до обеда возвращения товарищей. Если к обеду они не появлялись, то отправлялись на поиски. При многодневном маршруте ждали сутки после контрольного срока, а затем уже начинали поиски.

Камералку – обработку собранного в маршрутах материала стремились приурочить к непогоде. В этот день я давал ребятам немного поспать, и подъём был на час позже. Обычно полевая камералка продолжалась с 9 утра до вечера.

В маршруте я стремился делить груз с радиометристом поровну. К концу маршрута набиралось несколько килограммов каменного материала. А если радиометристом была девушка, то основной груз брал себе. Сопровождавший нас нормировщик шёл с сумкой через плечо и записывал в свой кондуит время всех наших действий. Облегчить нам ношу он не пытался. Мы обливались потом, а он шёл, как на прогулке.

Перед этим нормировщик месяц ходил с геологом в партии на платформе. В первом маршруте, когда сразу после обеда мы засобирались идти дальше, он удивлённо спросил:

– А что, разве отдыхать не будем? В прежней партии после обеда один-два часа отдыхали.

– Если будем отдыхать, то к темноте можем не успеть вернуться на табор, – пояснил я.

В одном из маршрутов мне удалось подстрелить крупного оленя. Груза у нас уже было достаточно. Мы разделали зверя и закопали мясо в снег, чтобы на другой день взять ребят и принести его на табор. Наш нормировщик, чтобы уже сегодня на ужин было мясо, решил взять с собой ногу. Путь был неблизкий, да ещё через гору. Тут он почувствовал, что значит идти с грузом вверх, прыгая по камням. Пот лил с него в три ручья. Зато вечером на таборе он был «героем». На другой день мы дружной компанией отправились за добычей. К нашему возвращению девушки наделали пельменей, и мы наконец-то вкусно поужинали. Несколько дней обходились без надоевшей тушенки.

Месяц, когда у нас были нормировщики, выдался мало дождливым. Мы работали без выходных, ожидая каждый день, что погода испортится. В конце месяца нормировщики подсчитали, что у нас выходит 35 восьмичасовых рабочих дней в месяц. Проходили они месяц с нами и отправились в Иркутск, заверив, что будут добиваться сокращения площади работ в горной местности на полевой сезон или оплаты сверхурочных часов. Но это так и осталось словами, никаких изменений не произошло.

Андрей ходил в маршруты с мальчиком Эдиком-радиометристом.

Один раз они пришли из маршрута сильно возбуждённые и принесли полные рюкзаки медвежьего мяса. Вечером у костра Андрей рассказал о своих приключениях.

– В середине дня начался дождь. Мы нашли обширную нишу в скале и решили переждать его, а заодно и пообедать. Развели у входа костерок, чтобы разогреть консервы и сварить чай. Карабин я положил на плоский камень в стороне от входа. Только устроились, вдруг у входа показался медвежонок, а за ним и мамаша. Я кинулся за карабином, запнулся и упал на карабин. Надо бы соскочить с него, а я рву карабин из-под себя. Все ноги избил о край камня (ноги у Андрея были сбиты до крови). Медведица кинулась на Эдика и была так близко, что Эдик почувствовал её

зловонное дыхание. Он закрылся рюкзаком и закричал испуганным голосом: «Стреляй её, стреляй её»!

Медведица рявкнула, видимо, учуяв запах человека, развернулась и кинулась к выходу, от страха струёй поноса оставила у ног Эдика полосу и забрызгала его сапоги. Но через несколько секунд медведица вернулась и снова кинулась на нас. За это время я вырвал-таки из-под себя карабин и одним выстрелом уложил её на месте. А медвежата убежали. Мы разделали медведицу и взяли мяса, сколько могли унести. Преодолевая боль в ногах, продолжили маршрут.

Ребята потом шутили:

– Ну, Эдик, ты у нас теперь знаменитость! Первый раз видим человека, которого медведица об…ла!

Андрей Хайдуров задумал снять фильм «Мечты геолога». Так как ИТР в отряде было всего двое, то я согласился быть «артистом». Снимали фильм в камеральные дни во время перерывов, либо в дождливые.

Сцена первая. Жаркий солнечный день. Я поднимаюсь, прыгая по камням вверх по склону. Пот катится градом. Постоянно вытираю лицо рукавом. Вдруг вижу: на плоском камне стоит поднос, на нём запотевшая бутылка холодного пива, рядом стакан и салфетка. Я с жадностью бросаюсь к бутылке, зубами открываю её, начинаю наливать в стакан, затем бросаю это занятие и из горла опорожняю бутылку. Удовлетворённый, сажусь на камень и салфеткой вытираю лицо.

Сцена вторая. Я иду маршрутом с молотком в руках, а за мной летит по воздуху полный рюкзак. Вдруг рюкзак повисает на ветке, я поворачиваюсь, грожу ему молотком, он срывается и снова летит за мной. Подходим к стене трёхметрового стланика. Я развожу руками, стена стланика раздвигается. Я прохожу, и стланик за мной смыкается.

Сцена третья. Я сижу у подножия скалы, описываю маршрут, молоток лежит рядом. Я поднимаю голову, осматриваю нависшую скалу. Затем показываю рукой молотку участок над головой. Молоток срывается с места, подлетает к скале, отбивает образец и гонит его ко мне. Я беру образец, осматриваю его, недовольно отбрасываю и посылаю молоток к другому участку скалы. Сцена по-

вторяется. На этот раз образец меня удовлетворяет, и я поощрительно глажу молоток.

Сцена четвёртая. В скальном обнажении я сверху вниз слежу жилу пегматита, определяю её мощность, делаю в дневнике зарисовки, отколачиваю образцы и пробы. Дохожу до озера, где жила уходит под воду. Я протягиваю вверх руку, ко мне прилетают очки и маска. Я надеваю их и погружаюсь в воду, прослеживая жилу под водой.

У Андрея богатая фантазия, он всё это придумал и нашёл способы, как это сделать. Когда зимой показали этот фильм в экспедиции, коллеги были в восторге. Никто не мог понять, как это было сделано. Фантастика! Объяснять детали долго. В основном, всё делалось с помощью ниток, которые на экране не видны, и ассистентов.

С водораздела мы на вертолёте перебазировались в долину реки Голубичная и на террасе оборудовали табор. У реки была широкая, выпаханная ледником (троговая) долина. Плоское днище сплошь заросло рясной голубицей. Мы ею активно витаминизировались.

Был солнечный камеральный день. Пообедав, мы с Андреем продолжили камералку. Две девушки отправились побаловаться голубицей. Вдруг они бегут к нам.

– Там медведь! – сообщают возбуждённо, перебивая друг друга, но негромко, чтобы он не услышал.

Мы схватили карабины, выбежали вниз на голубичник. Видим, что в 50 метрах на задних лапах стоит медведь и активно нюхает воздух, пытаясь определить, что там за существа мелькают. Ветер был от него, а зрение у медведя слабое. Андрей выстрелил и уложил его наповал. И тут у него появилась мысль снять охоту на медведя.

Сцена пятая. Мы у палатки камеральничаем. Девушки спустились в голубичник, увидели медведя и побежали к нам, махая руками. Я с карабином выскочил из палатки. Из зарослей стланика показался медведь. Я как будто выстрелил, медведь кубарем скатился под гору. Мы всем отрядом победоносно окружили его тушу.

Как это делалось? У нас был здоровый студент. Он взвалил медведя себе на спину, благо медведь был некрупный, спрятался в стланике и пополз вперёд. Затемвысунул голову медведя из стланика, изображая движения зверя. После имитации выстрела сбросил его вниз по склону, оставаясь за кадром.

Это был последний табор в сезоне. Водоразделы покрыло снегом. Нас вертолётом вывезли на базу. Здесь мы провели камеральную подготовку полевого материала к приёмке комиссией.

Было понятно, что написал это письмо психически ненормальный человек. Посмеялся лейтенант и отпустил нашего начальника восвояси. Посмеялись и мы.

Несколько слов о геологических результатах полевого сезона. В то время в мировых геолого-научных кругах шла интенсивная дискуссия о происхождении гранитов. До этого считалось, что граниты являются только производными магмы, внедрившейся из глубин Земли. Но в литературе уже появились данные, что граниты могут возникнуть и без образования магмы, а под воздействием флюидов, привносивших из глубин элементы – главные составляющие гранитов (этот процесс называется метасоматозом): кремний, щёлочи, кальций, алюминий. Эта точка зрения меня заинтересовала. Сравнение собранных нами данных с опубликованными материалами показало, что и на нашей площади происходило образование гранитов в основном без перехода в магму, а в результате метасоматоза по разному субстрату. Лишь на заключительном этапе этого процесса возникли небольшие порции магмы и пегматиты с повышенными концентрациями редких металлов и редких земель, которые рекомендовались для оценки в следующий полевой сезон.

На приёмке полевых материалов доложенная мною точка зрения была встречена «в штыки» и признана, как необоснованная. Комиссия состояла в основном из маститых геологов. Они выделяли граниты, только как интрузивные (магматические) образования. При рассмотрении наших материалов сказывалась инерция в их взглядах на новые представления.

В другом отряде в одной из проб, отобранной Юрием Васильевичем, минералог установил наличие даналита-минерала бериллия. Мы проанализировали на бериллий все образцы с указанного на карте участка отбора данной пробы и обнаружили, что некоторые из них также содержат повышенные концентрации этого элемента. Мы рекомендовали этот участок для поисковых работ в дальнейшем. В будущем мне пришлось заниматься этим вопросом, о чём речь пойдёт в описании соответствующего года.

В камеральный период произошёл забавный случай, как отголосок полевого сезона. В ноябре вызвали нашего начальника в первый отдел, отвечавший за секретность, и сказали, что его приглашают в КГБ на улицу Литвинова в один из кабинетов. Из первого отдела он вернулся встревоженный. Хорошего от этой организации мы, выросшие в советское время, не ждали. Вернулся Николай Николаевич через два часа успокоенный и рассказал забавную историю.

Пришёл он в здание КГБ, представился дежурному. Тот выдал ему пропуск и указал, где искать соответствующий кабинет. В кабинете его встретил молодой лейтенант, пригласил садиться.

– Работал у Вас в партии летом такой-то (уволенный несостоявшийся конюх)?

– Да, работал

– Что он за человек?

Николай Николаевич откровенно рассказал о его поведении и проделках.

– Вот почитайте, – и подал ему письмо.

В письме, написанном горе-конюхом, говорилось примерно следующее: «Летом я работал в Яральской партии. Там начальники издеваются над людьми, как в немецких концлагерях: набивают рюкзаки камнями и заставляют ребятишек и девчонок таскать их по горам, приносят камни на табор и принуждают долбить их в муку, и т. д. Как патриот своей Родины, я обязан сообщить Вам об этом, чтобы Вы наказали этих извергов».

1964 год (А)

В камеральный период при обработке полевых материалов, химико-аналитических данных, просмотре шлифов и штудировании литературы я ещё более укрепился в своих представлениях о широком проявлении процессов метасоматического образования гранитоидов в нашем районе. В отчёте я отразил свои взгляды, подтвердив их обширным петрографическим материалом.

В 1964 году мы завершали работы Яральской партии. Состав партии остался тот же. Но оба прошлогодних отряда объединились в один. Оставались не заснятыми бассейны верхнего течения рек Кунерма и Слюдянка с притоками. База осталась на том же месте. Снова мы плыли по Байкалу до села Байкальское. Затем с лошадьми шли до базы. Геологическую съёмку решили начать с севера площади, с бассейна верхнего течения Кунермы. Оттуда предполагали постепенно передвигаться на юг и завершить работы с базы.

Геологосъёмочный отряд по хорошей тропе прошёл с лошадьми по долине р. Слюдянка до её вершины. Перевал в долину Кунермы представлял собой широкую ровную поляну, окруженную крутыми каменистыми склонами, покрытую мхом-ягелем с редкими могучими лиственницами. Здесь привольно гуляли ветра, что избавляло людей и животных от комаров и мошки. На поляне было небольшое озерко глубиной до полутора метров. Вода в нём была относительно тёплой, комфортной для купания. С окрестных гор стекали ручьи ледяной кристально чистой воды. Видно было, что на этом удобном и красивом месте неоднократно таборились люди. Отличная площадка и для нашего табора. Тем более что долина Кунермы не подходила для стоянки: была завалена каменными глыбами вперемежку с зарослями стланика. Только пришлось делать длинные подходы к маршрутам в её бассейне. Ну да нам не привыкать.

Единственный недостаток поляны – не было близко дров. Наши предшественники вырубили вблизи все сушины. До ближайших сушин было метров двести. Для их доставки приспособили лошадей. Пилили чурки длиной по метру и с обеих сторон привязывали по две штуки к вьючному седлу. Заготовили сразу побольше дров, чтобы не заниматься этим после маршрутов. Палки и жерди для палаток и кухни тоже пришлось приносить за несколько сот метров.

На другой день отправились в маршруты. На западе маршруты достигали водораздела, смыкаясь с маршрутами прошлых лет, и параллельными ходами спускаться обратно.

При полевой камералке, мои маршруты по геологической ситуации сбивались с маршрутами Андрея и начальника партии, а маршруты Юрия Васильевича, расположенные между ними, не увязывались с нашими. При рисовке геологической карты приходилось наносить предполагаемые разломы, формы контактов. В общем, подгонять карту под достоверную.

На востоке последовательность маршрутов осталась та же. Здесь надо было подняться на хребет, спуститься до другого ручья и параллельным ходом вернуться обратно. Опять наши данные с Андреем сбивались, а Юрия Васильевича неестественно выпирали на карте.

Однажды в конце работы с этого табора, сидя у костра (Юрий Васильевич был в палатке), его радиометрист, сказал, показывая на середину склона:

– Вон там мы пообедали и пошли обратно.

– Как там обедали? Ведь вы должны были подняться на хребет, спуститься к другому ручью и затем уже идти обратно? – с удивлением спросил я.

– Да нет, я хорошо помню, – заверил нас радиометрист.

Обсудив эту новость с Андреем, мы поняли, что Юрий Васильевич, вероятнее всего, не проходил полностью маршруты, а, помня карту масштаба 1 : 200 000, рисовал и описывал фиктивную геологию. После этого я стал рисовать карту, не обращая внимания на его маршруты.

Николай Николаевич был однокашником Юрия Васильевича. Они поселились в одной палатке. Не знаю, что говорил Юрий Васильевич ему о нас с Андреем, но вначале он относился к нам, мягко говоря, настороженно. Поэтому мы не стали ему говорить о вероятных хитростях Юрия Васильевича. Возможно, это было одноразовое нарушение, или радиометрист неправильно сориентировался.

Наблюдения в маршрутах подтверждали мою точку зрения, что большие поля гранитоидов в восточной части хребта возникли в результате метасоматической гранитизации, лишь кое-где появлялись небольшие порции магмы.

Полевая камералка. Слева направо: автор, начальник партии, Ю. В. Шемякин

Полевая камералка проводилась после трёх-четырёх маршрутных дней. Для этого расстилался брезент, на него раскладывались собранные в маршрутах образцы пород. Затем по очереди каждый читал свой дневник, демонстрируя каменный материал. Все его рассматривали и обсуждали. Часто разгорались бурные споры о справедливости выводов маршрутчика. Маршруты наносились на топокарту, цветами и знаками рисовали на ней геологические данные на заснятом участке. Этим занимался обычно я. Рисовать геологические карты по данным полевых исследований – моё любимое занятие. Большое удовольствие, когда маршрут за маршрутом вырисовывается геологическая ситуация!

Есть над чем подумать, наметить дальнейшие задачи.

При камеральной обработке маршрутов у нас возникали горячие споры с Юрием Васильевичем. Я доказывал свою правоту с камнями (т. е. образцами) в руках. Николай Николаевич вначале поддерживал Юрия Васильевича. Но затем занял нейтральную позицию, предоставив мне право рисовать геологическую карту. По-

видимому, мои доводы и собранный материал убедили его в достоверности моей точки зрения, но конфликтовать с однокашником он не хотел.

После завершения работы на этом таборе собрались переезжать вниз по долине р. Слюдянка. На прощанье с отличным местом решили один день сделать праздничным. Полный отдых! На наше счастье и день выдался солнечный. В одном из последних маршрутов Андрей добыл двух крупных оленей. Мяса оказалось довольно много. Возникла проблема, как его сохранить. При перевозке оно, несомненно, подвергнется атакам мух, которые поселят туда своих личинок-червяков. Этого нельзя было допустить. Решили, что надо его закоптить. Раньше никто из нас не коптил мясо. Я слышал, как это делается, и взял эту миссию на себя. Расстелили большой тент и нарезали мясо лентами. Я развёл костёр, сделал так, чтобы он только дымил. Над ним сделал навес и подвесил туда мясные ленты. Но ветер относил дым в сторону. Тогда я стал закрывать боковины брезентом. Постепенно образовался круглый шатёр. Дым выходил в узкое отверстие (дымоход) вверху и овевал ленты мяса. За полдня мясо прокоптилось, но стало, как резиновое. Мухи на него не зарились, но чтобы разжевать его, требовались значительные усилия скул. Эту трудность мы преодолели. Мясо использовали без потерь.

На обед нажарили много антрекотов и наелись до отвала. Главным поваром на этот раз был Андрей, так как таборщица за такое непростое дело не бралась. После обеда все отправились купаться и загорать. Вода в озерке прогрелась почти как на Чёрном море. Мы надули резиновые матрасы и до вечера наслаждались жизнью.

Надо сказать, что охота и рыбалка были для нас не спортом или развлечением, а суровой необходимостью. Уезжали мы в поле в мае, а возвращались к ноябрю. Представьте наш стандартный рацион. Утром на отряд 12–15 человек две банки тушёнки по 337 грамм с макаронами или кашей. В маршруте на обед банка тушёнки на двух-трёх человек, чай с сахаром или со сгущенным молоком, кусок хлеба или лепёшка. Вечером опять две банки тушёнки с консервированными щами. И так, с небольшими вариациями, изо дня в день в течение четырех-пяти месяцев. Надоедает такое пита-

ние «до чёртиков». И это, если с доставкой продуктов в отряд не было проблем.

Но часто бывало, что продукты в отряд своевременно не доставлялись. То вертолёта нет, то погоды, то кони (олени) разбежались, то наводнение, то пожар. Да мало ли что может случиться в горах! Тогда приходилось оставшиеся продукты нормировать, а порой и голодать. От такой диеты при большой физической нагрузке все становились стройными. Выходили в маршрут в 8 утра, а возвращались, дай бог, в семь-девять вечера, а то и позже. Маршрут с подходом к нему и выходом – 10–15 километров по горам: вверх, вниз, наискосок. В маршруте не просто идёшь, а постоянно колотишь камни, отбиваешь образцы, наколачиваешь пробы. К концу маршрута груза набирается 5–10 килограмм. Выручали охота и (или) рыбалка, если была возможность и удача. В таких условиях кусок мяса или пара хариусов совсем нелишние. Для маскировки мы покупали лицензию на отстрел одного сохатого, а там уж как сложится. Охотоведы к нам ни разу не заглядывали.

Наутро собрались кочевать. Лошадей было мало. Чтобы перевезти всё имущество, требовалось, как минимум, три рейса. Как всегда при переездах, в авангарде были мы с Андреем, а остальные ИТР в арьергарде. Упаковали вещи, завьючили лошадей. Андрей повёл караван, а я решил налегке идти на новый табор маршрутом по горам. Были некоторые неясности в геологии этого участка, которые мне хотелось прояснить. Пока собирался, кони сделали первый рейс и отправились во второй, захватив мои вещи и спальник. На таборе оставалась шестиместная палатка, четыре человека, в том числе начальник партии и Юрий Васильевич, и некоторая часть груза. За ними лошади должны были прийти на другой день. Только я начал подниматься на гору, прямо над табором, как полил проливной дождь. Я бегом спустился обратно и заскочил в палатку. Думал переждать непогоду. Но дождь зарядил на 5 дней.

Я оказался без спальника и личных вещей. Николай Николаевич разделил со мной свой спальником. Был лишь один брезентовый плащ на всех. Его использовали, если возникала суровая необходимость выбежать под дождь. Из еды у нас остались куль сухарей, два куля «резинового» мяса, сахар и чай.

Чтобы кипятить воду для чая, нужен был костёр, но проливной дождь не давал возможности развести его на старом месте. Тент-навес для него «уехал» на новый табор. Сначала развели костёр у входа палатки. Но дым шёл в внутрь и ел глаза. Все начали «плакать». Тогда подняли одну входную полу палатки в качестве примитивного навеса и начали костёр постепенно передвигать за палатку. Наконец нашли оптимальное его положение: дым не шёл в палатку и дождь не гасил костёр. Пришлось только постоянно следить, чтобы огонь не достал до поднятой полы палатки. Сухие дрова занесли в палатку, резко сократив жизненное пространство. Пять дней в полной бездеятельности мы провели впятером в этой палатке, развлекая друг друга рассказами из жизни и обсуждая «мировые проблемы». На шестой день погода наладилась, пришли лошади, и мы переехали на новый табор.

Как оказалось, на месте нового лагеря тоже были свои приключения. Первым рейсом увезли тент, на котором до этого резали мясо, и укрыли им вещи. Пришли вторым рейсом, а тента нет, все вещи разбросаны, промокли, частично порваны и вокруг следы медведя. По-видимому, он был недалеко, учуял запах мяса и пришёл к вещам. Услыхав приближающихся людей, он кинулся бежать, захватив с собою тент, который пах мясом. В кустах целую дорогу проложил. Андрей схватил карабин и побежал его догонять. Но медведь, даже с тентом в зубах, был быстрее. Андрей понял, что медведя ему не догнать и вернулся обратно. Мы шутили, представляя разочарование медведя, когда он начал жевать так аппетитно пахнущий брезент!

Начали работать с нового табора. В одном из маршрутов по левому борту долины руч. Каменистый – притока Слюдянки мы пересекали «живую» глыбовую россыпь. Проходя ниже одной из глыб длиной около трёх метров, я опёрся об неё рукой и почувствовал, что она начинает двигаться на меня. Я инстинктивно сделал прыжок с места, рекордный, по крайней мере, для меня и выскочил из-под неё. Глыба за моей спиной с угрожающим скрежетом перевернулась пару раз и застыла до следующей возможности двигаться дальше вниз. Самое ужасное, если бы глыба придавила мне ноги. Медленная смерть была бы неминуемой. Опять судьба ко мне была благосклонна.

В середине сезона нашу партию посетил с проверкой нашей деятельности главный геолог экспедиции Николай Иосифович Фомин. Пришлось отрываться от маршрутов и вести его показывать выходы редкометальных гранитоидов и их взаимоотношения с окружающими геологическими образованиями. Работой нашей партии он остался доволен.

В конце июля у меня на ноге образовался чирей. В маршруте я растёр его голенищем сапога. Началось воспаление. Срочно нужна была медицинская помощь. Я верхом на лошади отправился в село Байкальское. На середине пути встретил Михаила Петровича Лобанова – геолога нашей экспедиции, который занимался вблизи нашей площади тематическими исследованиями. Поговорили.

– Ты поосторожнее, я недалеко видел медведя, – предупредил он меня.

Карабин я не взял, так как по тропе за лето много раз ходили люди и лошади. Никто не замечал следов присутствия медведя. Поехал я дальше, держась настороже. Вдруг лошадь начала проявлять беспокойство. Я соскочил с неё и быстро привязал к дереву. Вдруг, думаю, понесётся со страху куда-нибудь. В кустах раздался треск, и всё стихло. По-видимому, медведь был вблизи, учуял запах человека и поспешил ретироваться. Подождав немного, я поехал дальше и благополучно доехал до села. Фельдшер обработал мне ногу. Я в одном из домов попросился на ночлег. Меня радушно приняли, накормили ужином и уложили спать. У них я первый и последний раз попробовал мясо тюленя. Оно мне очень не понравилось, неприятно пахло рыбой. На другой день без приключений вернулся в отряд.

В те годы профессия геолог была в большом почёте. Руководство области понимало всю важность и трудности их работы. В течение полевого сезона вечерами по субботам по радио была специальная передача «Для тех, кто в поле». На неё приглашали для геологов их жён и детей, чтобы они, находясь длительное время в разлуке с семьёй, за тысячи вёрст в глухой тайге или среди суровых гор, могли услышать родные голоса. Вечером каждую субботу геологи, если не были в маршруте, приникали к радиоприёмникам в надежде услышать весточку из дома. Одним из таких вечеров вдруг прозвучала и моя фамилия. Для меня спели заказанную

близкими песню, и я услышал тонкий, звонкий, такой знакомый и любимый голосок моей дочери, которая бойко рассказывала стихотворение! От этого, действительно, меня прошибла слеза! И весь вечер я ходил счастливым!

Однажды в партии закончились папиросы. Завхоз был некурящим и потому не обратил внимания на то, что их завезли мало. Да и трудно рассчитать их количество, не зная, сколько будет курящих летом в партии, и каковы их аппетиты. Для курящих это было настоящее бедствие! В ожидании транспорта с папиросами, горняки прекратили работу. Целыми днями они проводили эксперименты с растительностью, пытаясь найти хоть какую-то замену табаку. Брали листья разных растений, сушили, мяли и курили. Но ничего подходящего не находили. Главным стала трубка одного из горняков, в которой сохранялся хотя бы запах табака. Она переходила от одного к другому, как «трубка мира» у индейцев.

Николай Николаевич и Юрий Васильевич тоже были курящими. Мы в это время были на базе. В поисках «бычков», которые могли бросать строители, они палочками переворошили весь мусор вокруг построек, потом оторвали брёвна пола и под ним исследовали мусор. Нашли несколько «бычков» и были от счастья на седьмом небе. Во время поисков бычков под полом, они представляли очень забавную сцену. Мы с Андреем пошутили:

– Давай сфотографируем их и подпишем: «Начальник партии и начальник отряда на поисках», – пошутили мы с Андреем.

Но они дружно запротестовали.

Пытка для курящих продолжалась три дня, пока не прибыли лошади из села Байкальского с папиросами.

Другое бедствие представляли случаи, когда кончался чай. Большинство из горняков потребляло чифирь. Как только они узнавали, что чай кончается, а караван с продуктами задерживается, остатки его от заваривания (так называемую шару) бережно собирали, сушили и ссыпали в мешочек. Когда чай кончался, эти остатки тщательно кипятили и пили.

Хочу сказать несколько слов о тяжелой работе горняков. Под руководством Гены Косовичёва они должны были оценить несколько проявлений редких металлов и редких земель, выявленных в прошлом году и найденных в этот полевой сезон. Один из

таких участков, выявленный мною в прошлом году, располагался над базой на водоразделе, где были только каменные россыпи и жалкие кучки стланика. Всё, что нужно для работы и жизни, в том числе и взрывчатку, горняки заносили туда на себе по крутому каменистому склону с относительным превышением более 800 метров. Но горняки были закалённые, опытные, не ворчали и делали своё дело, копали канавы, взрывая и ворочая каменные глыбы. Надо было добраться до скального (коренного) ложа. Часто их мочило дождём. Гена занимался документацией и опробованием вскрытых пород. Занятие тоже не из лёгких. Попробуй отобрать бороздовую пробу длиной один метр, шириной 10 сантиметров и глубиной 5 сантиметров в гранитной скале! Обычно Гена насыпал порошок аммонита на будущую бороздовую пробу и взрывал его. Породы под ним дробились, и можно было брать пробу нужного размера. Отобранные пробы горняки сносили на базу.

На другом участке, расположенном у подножия относительно крутого склона для вскрытия коренных пород пришлось делать небольшой карьер. Горняки закончили работу, и Гена на утро должен был опробовать вскрытые породы. Пришёл утром на объект, а карьера нет, только ровный склон, покрытый каменными глыбами. Ночью каменная россыпь сползла и засыпала выработку. Образовалась «живая» россыпь. Нечего и думать, снова вскрывать коренные породы. Так и осталось это проявление неоценённым.

За лето горным отрядом была проделана большая работа. Как выяснилось после анализа отобранных на участках проб, содержание в них полезных металлов оказалось низким, не промышленным, поэтому их проявлениям была дана отрицательная оценка. Но, как говорится, отрицательный результат – тоже результат. Для более детальных поисков в последующем была создана специальная партия под руководством Николая Николаевича, которая в течение трёх лет проводила поисковые работы. Но и они промышленных объектов не нашли.

К снегам мы завершили полевые работы. Рабочих начали увольнять и отправлять в село Байкальское. Когда осенью начинал сокращаться контингент партии, у меня возникало какое-то сложное щемящее чувство. С одной стороны, радость окончания полевых работ и скорой встречи с семьёй, а с другой – чувство какой-то грусти, расставания с полюбившимися горами, простором, лю-

бимой работой, неустроенным, но таким привычным бивуачным бытом. Возникало чувство окончания ещё одного отрезка жизни, который уже не вернётся.

В первую очередь обычно увольняли горнорабочих. В поле в отрядах питание котловое. Осенью завхоз подсчитывал, на какую сумму он выдавал отряду продуктов, сколько дней в отряде провел каждый работник, стоимость человеко-дня. Начальник по нарядам подсчитывал, сколько заработал каждый, вычитал стоимость питания и авансы и выдавал оставшуюся сумму на руки.

Горнорабочие за свою тяжелую работу зарабатывали по тем временам неплохо, иногда больше, чем геологи. Заработок у каждого был свой, в зависимости от выработки. Казалось бы, что тут особенного в копании канав, шурфов. Как говорили горнорабочие про свою работу: «Бери больше, кидай дальше, отдыхай, пока летит». Но оказывается, в этом деле тоже необходимо мастерство. При равных условиях выработка существенно разнилась. Несколько лет ездил к нам в партию горнорабочий по фамилии Байрачный, невысокого роста, худощавый. Как шутили рабочие: «Тонкий, звонкий и прозрачный. Кто такой? То бич Байрачный». За ним в работе никто не мог угнаться. Один год был у нас рабочий, как говорится «косая сажень в плечах». За силу его прозвали «кузнец Вакула».

– Неужели я не смогу сделать больше Байрачного? – как-то заявил он.

Несколько дней он уходил на канавы чуть свет и приходил по темноте. Так уставал, что приходил и падал на нары, даже не поужинав. Всё равно Байрачного по выработке он догнать не смог.

Для того чтобы горнорабочие получили то, что заработали, прорабу и начальнику партии приходилось хитрить. Обычно норма выработки спускалась сверху в расчёте на 8-часовой рабочий день. Но рабочие, чтобы больше заработать, часто перевыполняли норму, да и работали больше восьми часов. Если актировать по правилам, то получалось перевыполнение нормы у умелых рабочих на день до 200 %. А это грозило увеличением нормы выработки на следующий год. Обычная повсеместная, советская практика. Вот и раскидывали выполненные объёмы на выходные дни, когда горняки должны были лежать на боку целыми днями, и на дожд-

ливые дни, когда они не должны работать, а им обязаны платить только половину тарифа. Для этого горняки писали заявление, что они добровольно работали по 12 часов в день и в выходные дни. А дождливых дней как будто всё лето не было. Надо было подогнать, чтобы переработка не превышала 10 %.

Вот и в этот раз выдали уволенным рабочим приличные деньги и отправили в село Байкальское, подгадывая к прибытию теплохода, чтобы они не задерживались в селе. Хотя рабочих и уволили, но всё равно перед жителями села партия отвечает за их поведение. А оно бывало далеко не безупречным. Как только они добирались до магазина, начинали праздновать окончание полевого сезона. При этом возникали разные эксцессы.

Рабочие пошли пешком. Личные вещи и часть партийного груза повёз на лошадях конюх Иванюта. На другой день он должен был вернуться. Но прошёл день, второй, а его всё нет. На его поиски отправился завхоз. Пришёл в село, но нигде не видно ни Иванюты, ни лошадей. Начал расспрашивать жителей, не видели ли они их.

– Пьяные рабочие все сели на теплоход, никто не остался, а лошади вон там за селом пасутся, – сказали они.

Прощай, база!

Оказалось, что рабочие, как только добрались до села, ринулись в магазин и загуляли. Иванюта тоже пустился с ними во все тяжкие, забыв даже развьючить лошадей. Теплоход в Байкальское приплывал ночью. К этому времени все они были пьяными. Иванюта, жаждавший «продолжения банкета», не захотел расставаться с друзьями и тоже уплыл на теплоходе, бросив лошадей.

Завхоз поймал лошадей, заскладировал у одного жителя села груз и отправился обратно. Все вьюки были нетронутыми, что лишний раз подтверждало порядочность жителей села.

На базе на камеральный период мы с Андреем поставили, как и на таборах, свою двухместную палатку, сделали нары по бокам, между ними поставили ящик-столик, в углу у входа – печку. В общем, приготовились встречать холодные осенние ночи.

Всё было бы хорошо, но нас одолели мыши! Они собрались на тепло в большом количестве и «хозяйничали», как у себя в норе. Я набрал домой кедровых орехов и положил в мешочке в рюкзак под нарами. Мыши прогрызли в рюкзаке через карман дыру и добрались до орехов. Как только мы тушили свечку, ложась спать, они начинали активную жизнь, бегая везде, в том числе и по нашим спальникам. Один раз вечером я лежал в спальнике и читал книгу. Вдруг между моим лицом и книгой возникла мышь и начала чиститься, не обращая внимания на меня. Такая наглость нас возмутила, и мы решили с ними бороться. Поставили на ночь на стол трёхлитровую банку и насыпали туда орехов. Утром я просыпаюсь, смотрю, а в банке сидит мышь и набивает рот орехами.

– Андрей, смотри, попалась одна! – воскликнул я радостно. Но мышь набила полный рот орехами, выпрыгнула из банки, и только её и видели. Тогда мы налила в банку на дно воды, и насыпали в неё орехов. Утром в банке оказалось 12 мышей. В следующую ночь их было пять, затем три и одна. Больше мыши нас не беспокоили.

В начале октября завершили полевые камеральные работы, вывезли груз, и сами отправились в село. Покинутые постройки сиротливо смотрели нам вслед распахнутыми дверями. Над зимовьем прибили «эмблему», отражающую полевую жизнь геологов: скрещенные молотки, рваный сапог, обойму от карабина, пустую

бутылку из-под коньяка и ветки стланика. Зимой наши постройки часто служили пристанищами для охотников.

Решили привезти домой близким в качестве гостинцев солёного омуля. У местных жителей его в избытке. Зашли к одному рыбаку. Он повёл нас в подвал, а там несколько бочек солёного омуля. Выбирай, какой омуль хочешь: малосольный, средне- или крепко солёный, с душком или без. Купили у него по ведру. Но как везти? В то время был запрет на ловлю омуля. На теплоходе вещи пассажиров проверяла милиция, отбирала и штрафовала, если находила его. Своим имуществом мы загрузили две каюты. В основном ящики с камнями и пробами. Упаковали рыбу в ящики под образцы. На дорогу купили несколько штук омуля с душком. Запах в каюте стоял! Зашли милиционеры, почувствовали запах омуля и спросили.

Эмблема геологов-съёмщиков

– Омуля везёте?

– Везём.

– Где он?

– А вот.

Подняли газетку на столе, а там три душистых омуля и бутылка водки. Хмыкнули они, развернулись и ушли. Так мы, нарушая запрет, смогли угостить близких хорошо посоленным вкусным омулем.

В поле я целенаправленно собирал материал для подтверждения своей точки зрения о метасоматическом происхождении гранитов, которые широко распространены в центре и на востоке площади. При полевых камералках пришлось убеждать собранным материалом Николая Николаевича и Юрия Васильевича в её справедливости.

По приезду в Иркутск через 7–10 дней комиссия принимала и оценивала полевые материалы. Она обычно состояла из «старых», опытных геологов, занимавших руководящие должности. Любой геолог мог присутствовать на приёмке в качестве слушателя. Обычно интересовались полученными материалами геологи, проводившие работы в том же регионе. На этот раз в комиссию вошли

П. И. Шамес – главный геолог экспедиции, И. Н. Власов – главный инженер экспедиции, И. В. Кожевников – заведующий отделом геологоуправления по редким металлам и Н. В. Суханова – районный геолог. Я докладывал результаты работ, изложил, теперь уже нашу общую партийную позицию о широком распространении метасоматических гранитов на площади. Комиссия вначале встретила эту точку зрения «в штыки». Существует инерция мышления. Они ещё оставались на прежних позициях об исключительно магматическом происхождении гранитов. Тем более, что на геологической карте масштаба 1 : 200 000 наших предшественников были нарисованы только магматические тела. Пришлось интенсивно доказывать нашу правоту с помощью каменного материала, описания маршрутов, зарисовок и фотографий. Нас заставили поднять всю каменную коллекцию и полевую документацию за три года работы партии. Обычно приёмка полевых материалов партий укладывалась в один день. Наша же приёмка продолжалась три дня и закончилась на третий день в 8 часов вечера. Я в эти дни приходил домой «измочаленный». Подискутируй-ка более восьми часов подряд! В конце концов, комиссия вынесла обтекаемую резолюцию: «точка зрения авторов имеет право на существование». Наши полевые материалы оценили на «хорошо», и репрессия в виде лишения премии не последовала.

В дальнейшем точка зрения о метасоматическом происхождении некоторых гранитоидов стала обычной в экспедиции. Особенно активно она отстаивалась «молодыми геологами». Её подтверждение стали находить и в других регионах складчатых областей юга Восточной Сибири.

1965 год (А)

В 1965 году была создана Домугдинская партия. Она должна проводить геологосъёмочные работы масштаба 1 : 50 000 в центральной части Акитканского хребта, где в 1960–1961 годах я участвовал в геологической съёмке масштаба 1 : 200 000. Места мне были знакомые, да и о геологическом строении площади я имел некоторое представление.

Как я уже писал, обычно в новой партии руководство экспедиции стремилось сохранить уже сработавшийся коллектив. В Домугдинскую же партию были направлены специалисты из разных подразделений экспедиции: начальник партии Анатолий Николаевич Дёмин, минералог – его супруга Тамара Васильевна, старший геолог – автор, начальник отряда Дмитрий Сергеевич Глюк (Дима), геологи Альберт Фомич Курносов (Алик) и Александр Иннокентьевич Могилёв (Саша), старший геофизик Степан Иосифович Морозов (Степан), старший лаборант – его супруга Инна Исаевна, техник-геолог по фамилии Поправка. Так как минералог и лаборант всё лето должны находиться на базе, то Дёмины и Морозовы взяли с собой детей: Дёмины Игоря и Пашу, а Морозовы Лёню и Наташу.

Никто не работал ранее друг с другом, мы даже не были знакомы. Я знал лишь со студенческих времён Анатолия Николаевича. Но у нас быстро сложился дружный, работящий коллектив, который с некоторыми вариациями сохранялся несколько лет. Случайно подобрались люди дружелюбные, добросовестные, работящие, заинтересованные в геологии, всегда готовые прийти на помощь в трудную минуту. За всё время, пока мы работали вместе, у нас не возникало конфликтных ситуаций, никогда мы не ругались, не оскорбляли друг друга. Мат в лексиконе ИТР отсутствовал. Лишь при обсуждении геологических вопросов иногда происходили споры. Но они не переходили на личности. А вот безобидно подшучивали друг над другом часто. Мы стали дружить, как говорится, семьями. И эта дружба сохраняется до настоящего времени. К сожалению, со временем нас становится всё меньше.

Если в партию приходил новый специалист, то он либо вливался в наш коллектив, если подходил нам по духу, либо отторгался, если его моральные качества не соответствовали нашим. В полевых условиях было достаточно недели, чтобы увидеть сущность человека. Проявлялась она, «как на лакмусовой бумажке». В этом году, был в нашей партии ещё старший техник-геолог Юра Худихин из категории тех, кто не стал своим в нашем коллективе: ленивый, всегда стремился, как говорится, проехать «на чужом горбу». Он продержался у нас недолго и был выгнан в середине второго полевого сезона.

Надо сказать, что снабжение партий к тому времени несколько улучшилось. Появились относительно лёгкие плащи, которые можно было брать в маршруты, не особенно увеличивая нагрузку. ИТР стали выдавать противоэнцефалитные костюмы, весьма удобные для маршрутов. Тяжелые, промокающие, непрочные кирзовые сапоги заменили более лёгкими эластичными непромокаемыми резиновыми. С войлочными стельками и шерстяными носками они оказались для нас незаменимой обувью. Стали выдавать жестяные печи, которые можно было устанавливать в палатках. Особенно они были нужны в непогоду и осенью, когда наступали холода. Часть ватных спальников заменили шерстяными, более тёплыми и лёгкими.

Для базы партии использовали брошенную базу Сосновской экспедиции при выходе р. Кутима из гольцов, где её сотрудники проводили поисково-разведочные работы на урановых рудопроявлениях. База состояла из двух добротных обширных домов с нарами вдоль стен. Дома стояли на взлобке. Ближе к реке располагались пекарня, склад и баня. Можно сказать, что нам повезло. Такой благоустроенной базы у нас никогда не было!

Залетели мы вертолётом из Киренска на базу в конце мая.

Сформировали два отряда. Горный отряд под руководством Худихина должен был с помощью горных выработок составлять разрез по осадочным породам в предгорье на водоразделе Кутимы и Нижней Моголи. Съёмочный отряд под моим руководством должен заниматься геологической съёмкой к северу от базы.

Разделили по отрядам снаряжение, отобрали необходимые продукты, напекли хлеба и сложили всё в пекарню. На завтра заказали вертолёт и легли спать. Последним погружался в спальник Дмитрий Сергеевич. Он начал снимать очки и вдруг заметил в них отблески пламени. Глянул в окно и увидел, что горит пекарня.

– Пожар! – воскликнул он.

Моментально все выскочили из спальников, кто в чём был, схватили посуду, которая попалась под руку: вёдра, кастрюли, тазы, и бросились тушить пожар. Прибежали и топографы, которые базировались здесь же. Пекарня располагалась метрах в двадцати от воды. Стихийно образовалось две цепочки от протоки к пекарне, и заработал конвейер, предавая тару с водой друг другу. Огонь стал стихать и, наконец, исчез. Убедившись, что пожар мы

победили, стали считать потери. Они к счастью оказались незначительными. Огонь распространялся в основном по сухим брёвнам стен и только начал перекидываться на сложенные вещи отрядов. Обгорело несколько ящиков с радиометрами и тушенкой, но приборы и банки остались целыми. Единственная потеря – от жара лопнул уровень у магнитометра, пришлось при работе использовать уровень компаса.

Оказалось, что когда выгребали жар из печи при выпечке хлеба, один из угольков завалился за печку и там тлел, пока огонь не добрался до стены. А пекарня была хорошо просушена несколькими выпечками хлеба. Ещё бы одна-две минуты и огонь мы не смогли бы потушить. Это привело бы к срыву полевых работ и соответствующим репрессиям по отношению к руководству партии.

Первый наш табор располагался на правом водоразделе р. Нижняя Моголь. Водораздел оказался относительно ровным, почти голым, покрытым светлой дресвой. Лишь редкие кучки стланика разбросаны по слабо наклонной плоскотине. Для посадки вертолёта место почти идеальное. Первым рейсом полетели я, Степан Морозов, который в этом сезоне в основном сопровождал меня с радиометром, Саша Могилев и его напарник-радиометрист. Взяли с собой двухместную палатку, радиостанцию РПМС с батареями (см. раздел «1960 год»), снаряжение для маршрутов и запас продуктов. Не помню почему, но второго рейса не было.

Вертолёт улетел. Мы стали искать ближайший источник воды и палки для палатки. Ещё было только начало лета, в горах повсюду виднелись обширные снежники. А здесь из-за открытости и мощного слоя дресвы вблизи не было ни снега, ни ручьёв. Не было и материала для палаток. Наконец нашли в ста метрах небольшой распадок, где тёк ручеёк, а ниже были берёзки. Из-за наклона местности поставить палатку вблизи воды было нельзя. Вырубили палки, поставили её возле места высадки. Расстелили спальники, которые заняли почти всю палатку, в головах поставили рацию, сложили продукты.

Утром проснулись под шум дождя, который продолжался четыре дня. Всё это время мы лежали в спальниках, выбираясь из палатки только по суровой необходимости, и быстрее ныряли обратно. В палатке особенно не распрямишься. Если заденешь её, то

в этом месте начнётся капель. А тогда куда от неё отодвинешься! Приходилось передвигаться только на четвереньках. В палатке всё постепенно отсырело. Костёр развести невозможно, Навес тоже невозможно соорудить из-за дресвяника, отсутствия камней и палок. Умывались мокрыми кустами. Утром по очереди выскакивали, бежали к кустам, быстро проводили лицом по веткам и бежали обратно. Питались холодными консервами с хлебом. За водой сбегал Саша, прилично вымокнув. Одно было развлечение: поговорить по рации с базой и другим отрядом.

На пятый день дождь кончился, но с утра всё закрыл густой туман. К обеду он рассеялся, и перед нами открылся изумительный вид! Так как табор располагался на склоне Акитканского хребта, то перед нами на западе, на равнине, как на экране, расстилалось море тайги! И она была голубая! Меня всегда удивляли слова песни: «а вокруг голубая, голубая тайга». Я её видел зелёной или (в непогоду) серой. А тут по-настоящему голубая тайга! Это было очаровательное зрелище! Воздух был абсолютно прозрачный! В сорока километрах было чётко видно Киренгу с её протоками, островами, деревнями и полями! А на востоке возвышался хребет с ущельями, обрывами, россыпями каменных глыб, звенящими ручьями, украшенный белыми снежниками. Разве это увидишь в городе? Ради таких минут можно переносить все тяготы походной жизни!

Вдруг смотрим, из-за склона показалась цепь людей. Это были Алик Курносов с тремя ребятами. Чтобы нас снабдить продуктами, они с полными рюкзаками шли через два перевала. На другой день прилетел вертолёт и привёз остальное имущество. Ближе к воде поставили палатки, оборудовали кухню и приступили к планомерной работе.

В Акитканском хребте большинство долин с плоским узким днищем, заросшим лесом или имеют вид ущелий. Вертолёт там без солидных лесопорубочных работ садиться не мог. А на водоразделах часто встречаются ровные безлесные площадки. Поэтому большинство таборов в этом году у нас было на водоразделах. Получалось, что когда мы усталые, нагруженные камнями возвращались из маршрутов, приходилось ещё к табору подниматься вверх несколько сот метров.

Один из таких маршрутов у меня проходил по левому водоразделу Нижней Моголи. На подходе к маршруту пришлось пересекать её долину, т. е. спускаться и подниматься по крутым склонам несколько сот метров. Как всегда, у меня за спиной были рюкзак и карабин, а в руках геологический молоток для отбора образцов и проб. Водораздел оказался почти полностью лишенным растительности, что весьма благоприятно для геологических наблюдений. На его крутых, часто обрывистых склонах располагались кары – дугообразные выемки со скалистыми стенками высотой в сотни метров, плоскими днищами с озерками. Такие формы рельефа выпаханы былыми ледниками.

Идя по гребню водораздела, на днище кара мы увидели медведя, который лежал на плоском камне, на берегу озерка и грелся на солнышке. Мы решили с ним поиграть в «страшилку». Надо сознаться, мне нравилось сталкивать глыбу, которая по силам, по крутому склону и наблюдать как она, увлекая за собой другие камни, с грохотом несётся к подножию крутого склона. При этом мы были уверены, что внизу нет наших товарищей, а больше никого не должно быть. Выбрали мы покрупнее камень, вдвоём столкнули его и стали наблюдать за реакцией медведя. Камень покатился по крутому склону, увлекая за собой другие камни. Возникла небольшая лавина, которая с грохотом понеслась вниз. Медведь вскочил, озираясь по сторонам. Было смешно наблюдать за ним. Так как каменная лавина остановилась довольно далеко от него, он успокоился и снова развалился на камне. Мы столкнули ещё один камень. Медведь снова вскочил, напуганный грохотом камней, и опять лёг. На третий раз медведю это надоело. Он вскочил, поозирался и пошёл прочь в ту же сторону, куда лежал и наш маршрут, но ниже метров на двести. Медведь скрылся за изгибом рельефа, а мы продолжили свой путь.

На повороте маршрута на спуск мы сели оформить его пройденную часть: записать в дневник наблюдения, заэтикитировать образцы и пробы, упаковать их, заполнить журнал радиометрических наблюдений.

Закончив эту работу, начали спускаться. Вначале надо было пересечь крутой снежник шириной 10–15 метров, который тянулся вдоль всего гребня. За ним лежала полоса стланика с выступами каменных россыпей.

Мы съехали по снежнику к стланику, оглянулись и увидели, как из-за поворота метрах в двухстах от нас на снежнике показался «наш» медведь. Он не спеша, косолапил в нашу сторону. Мы решили с ним не связываться и углубились в стланиковые заросли. Подумали, что пока медведь дойдёт до нашего маршрута, мы уже будем далеко от него. Медведь же, увидав шевеление в кустах, решил, что это его возможный обед, и прыжками кинулся в нашу сторону. Оглянувшись, я увидел, что он несётся к нам. Стрелять его из зарослей стланика, который был выше нас, невозможно, а его агрессивные намерения нам сильно не понравились.

– Быстрей на камни! – крикнул я.

И мы ринулись ломиться сквозь заросли. Выскочив на камни, я с разворота выстрелил в сторону медведя. Пуля попала в снег ему под ноги. Медведь сходу сел, проехав несколько метров на заднице. Некоторое время посидел, недоумевая, что бы это могло быть. Только что, не поскрёб лапой в затылке, как в мультике. Потом понюхал место, куда попала пуля. По-видимому, запах ему не пришёлся по вкусу. Затем, уже не спеша, двинулся дальше по снежнику в нашу сторону. Я отдышался, залёг за камень и стал держать его на мушке, подпуская ближе. Медведь дошёл до наших следов и, хватив человеческий запах, резко переменил скорость движения. Огромными прыжками понесся прочь и быстро скрылся с глаз. Ну а мы спокойно продолжили маршрут. К вечеру благополучно вернулись на табор, где нас ожидали традиционные макароны. За полевой сезон эти макароны, вермишели, каши и т. п. так надоедали, что зимой они в нашей семье были полностью исключены из меню.

В маршрутах по горам мы не знали дефицита воды. Кругом были снежники, озёра, ручьи и ручейки. На склонах среди россыпи камней вода в виде небольших источников выходила наружу и тут же пропадала. Эти места виднелись издалека кучками лиственных кустов или зелёной травы. По скальным выходам она стекала тонкими струйками.

Для сбора воды на скалах при мизерном её количестве использовали листья бадана.

На обеде в маршруте

Из них делали что-то типа желоба, прижимали рукой к скале и держали, пока вода не наполняла посуду. Иногда приходилось ждать несколько минут, чтобы наполнить котелок. Понятно, что воду в маршрут мы не брали. А вот на склонах хребта к равнине или к концу лета найти воду для обеда или в жаркий день, чтобы восстановить баланс влаги в организме, бывало затруднительно. Один из таких маршрутов у меня со Степаном Морозовым проходил по склону долины Нижней Моголи. Снег уже сошёл. День был жаркий. Приближалось время обеда, мы уже пропотели на семь рядов, во рту пересохло, а признаков воды на обозримом пространстве не наблюдалось. Поиски её вверх, вниз, наискосок по ходу маршрута результатов не давали. Только около трёх часов дня услыхали под камнями спасительную музыку журчащей воды. Мы начали разворачивать камни и на глубине около метра, поработав около получаса, наконец, добрались до маленькой струйки воды. Какое мы испытали наслаждение, напившись ледяной воды, может понять только тот, кто пережил такую же жажду! Вскипятили котелок чая и блаженствовали целых полчаса. Затем продолжили маршрут.

В один из дней с утра навалился густой туман, и признаков его рассеивания не было. В любую минуту из него мог посыпать

дождь Мы не пошли в маршруты. Ребята сидели у костра, а я в палатке читал книгу. Потом решил к ним присоединиться. Выглянул из палатки и вижу сквозь туман, что метрах в двадцати стоит олень и смотрит в сторону костра, «удивляясь», что это там возникло на привычно пустом месте. Я сразу кинулся назад, схватил карабин и одним выстрелом уложил оленя. На выстрел прибежали ребята.

– Что случилось?

– Да вот, мясо к нам само пришло, – обрадовал я их.

Отработали мы этот участок и собрались перелетать на новое место. Прилетел вертолёт Ми-1. День был жаркий и душный, какой обычно бывает перед непогодой. Как всегда, выбирать площадку полетел я. Взял с собою Сашу Могилева, необходимое снаряжение и питание на несколько дней. На середине пути пилот говорит, что с нами двумя он не сможет зависнуть и сесть. По-видимому, давление в атмосфере резко упало.

– Надо высадить одного, а я за ним вернусь.

На одной из вершин вертолёт снизился и сбавил скорость до минимума. Саша выпрыгнул и помахал нам вслед рукой. Мне было неспокойно, что оставили его на голой вершине. Мало ли что может случиться. Вдруг вертолёт не сможет вернуться за ним. Но другого выхода не было.

В нужном районе на остром мысу на склоне водораздела нашли ровную безлесную площадку. Я высадился. Вертолёт привёз Сашу, а затем и остальной отряд. Площадка оказалась несколько наклонной к центру. В пятидесяти метрах на мысу водораздела была каменная россыпь, из-под которой сочился небольшой ручеёк и тёк в нашу сторону. Ребята-радиометристы поставили палатку ближе к каменной россыпи, а мы – к центру площадки.

Вечером налетела туча с ливневым дождём и резкими порывами ветра. Среди ночи прибежали к нам ребята.

– Вы не замокли? А у нас под спальниками ручей течёт!

– Переносите палатку повыше, – посоветовал я им, что они и сделали под проливным дождём, забрались снова в мокрые спальники и спали до утра. Благо ночь была тёплая.

К утру вода подобралась и к нам. Та часть спальников, где помещаются ноги, промокла, пришлось поджимать ноги. Настало утро. Дождь постепенно стал стихать. Мы выбрались из палатки

на белый свет и видим, что тент над кухней сорвало ветром, с окружающих склонов стекает вода, дебит ручья резко возрос, а на месте палатки ребят образовалось озерко, по которому, как кораблики, плавают чьи-то тапочки. Снова натянули тент, разожгли под ним костёр и стали ждать окончание непогоды. Лишь Саша – большой любитель поспать остался в палатке.

– Саша, иди к костру греться и сушиться, – приглашали мы его.

– Не, я посплю, у меня ещё шея сухая!

К обеду дождь кончился, и засияло горячее Солнце. Мы расстелили спальники для просушки. Развели большой костёр. Вокруг него наделали перекладин и колышков для просушки одежды и обуви. Это обычное устройство на таборах. Часто ведь приходилось сушить одежду и обувь после маршрутов. Вечером у костра пили чай, беседовали и следили, чтобы одежда полностью просохла и не прогорела. Никому неохота было утром надевать сырое. Бррр!

Наши встречи с медведями не были редкостью. В одном из маршрутов меня сопровождала студентка с радиометром. На нашем пути оказалась стена густого стланика высотой до трёх метров. Делать нечего, надо было пробираться через него. Только мы забрались в заросли, как вдруг я увидел, что впереди метрах в пяти ходуном ходят вершинки стланика. Это мог быть только медведь! Я сдёрнул карабин с плеча и приготовился отразить возможное нападение. Но внизу из-за густоты веток ничего не было видно. Вблизи в стланике возвышалась скала.

– Давай скорее на вон ту скалу поднимайся, – скомандовал я студентке.

Она стала продираться туда, а я, пятясь и держа карабин наизготовку, последовал за ней. Только поднялись на скалу, увидели, как из стланика выскочил небольшой медведь и задал дёру от нас. Мы по этому поводу не очень огорчились и продолжили маршрут в том же направлении, предполагая, что медведь убежал достаточно далеко.

Параллельно с нами в том же районе работали топографы. Они строили вышки на вершинах, поднимая туда брёвна, цемент, приборы, и производили необходимые для создания топокарт наблюдения. Работа у них была потяжелее нашей.

Накануне описываемого эпизода один из моих маршрутов проходил через голую, каменистую вершину, где топографы только что построили вышку. Подошли к ней и увидели тушу убитого медведя, у которого отрезана лишь одна нога. При встрече с топографами мы выяснили, что произошло при строительстве вышки.

– Мы кончали строительство вышки, – рассказывал начальник отряда топографов. – Осталось работы на один день. Погода стояла хорошая, и мы решили, чтобы не спускаться до леса и не ставить палатку, заночевать под открытым небом около места работы. Когда начало светать, Коля (техник), спавший с краю почувствовал, что кто-то тащит его в спальнике. Высунувшись, он увидел, что его тащит медведь, ухватившись зубами за край спальника. Коля закричал. Я выскочил из спальника, схватил карабин и уложил медведя. Мяса взяли столько, сколько могли унести.

На следующий день мой отряд необходимо было перебросить вертолётом как раз в район той вершины. На этот раз прилетел пилотом вертолёта Ми-1 Володя Лобов. Об отношениях с вертолётчиками я ещё буду писать, так как они играли большую роль в нашей работе. А отношение к нам было у них различное и не всегда доброе. Володя Лобов – замечательный человек, отличный пилот. Я с ним работал ещё в 1961 году. Подружились мы ещё тогда. Володя всегда стремился облегчить нам работу и перебросить отряды именно туда, куда мы просили, конечно, если это было возможно для вертолёта.

Как всегда, я полетел вместе с Володей выбирать площадку для посадки вертолёта. С одной стороны, её надо было найти в намеченном участке работ, чтобы было место, где можно поставить палатку, не было проблем с водой и дровами, с другой – чтобы мог сесть вертолёт, т. е. ровная площадка с подлётами без препятствий. Со мной полетел один рабочий. Взяли, как положено, палатку, спальники, снаряжение и продукты на неделю. С вертолётом шутки плохие, может второй рейс и не сделать по какой-либо причине: испортилась погода, мотор забарахлил и т. п.

Долго кружились над нужным участком. Наконец нашли подходящую площадку почти на водоразделе. Она удовлетворяла всем требованиям, но только до леса было далеко. За кольями и перекладинами для палаток надо было спускаться метров двести. При-

летел вертолёт вторым рейсом, а снизу к нему привязаны нужные для палаток палки. Это Володя, понимая наши трудности, сказал ребятам на базе, чтобы они заготовили их. В вертолёт палки не помещались. Володя предложил привязать их снизу к вертолёту. Вряд ли кто-либо из вертолётчиков кроме него позаботился бы об этом.

Поставили мы две палатки, одну для ИТР, другую для радиометристов, оборудовали табор, поужинали и легли спать. Стемнело. Только стали засыпать, вдруг слышим за нашей палаткой в стланике какие-то шорохи и треск веток. Мы со Степаном сели, напряженно прислушиваясь. У меня карабин всегда лежал рядом со спальником стволом к выходу с четырьмя патронами в магазине. Я схватил карабин и выскочил из палатки. Темно, ничего не видно и не слышно никаких звуков. Вдруг слышу: в палатке у ребят тихое хихиканье. Стало всё понятно. Это они решили нас попугать. Я отчитал их как следует.

– Разве можно пугать в наших местах, где бродят медведи? А если бы я выстрелил на звуки?

Конечно, я бы не стал стрелять на звук. Есть железное правило техники безопасности: стрелять только по ясно видимой цели. Даже если бы выстрелил, то только вверх для отпугивания.

Больше в нашей партии никто не пугал друг друга. А при инструктаже по технике безопасности я всегда стал предупреждать рабочих, что пугать кого-либо в партии строго запрещено.

У меня была примета: никогда не собираться вечером в маршрут. Не помню, откуда она появилась. Возможно, было несколько совпадений. Но почему-то она срабатывала. Если собирались с вечера, то утром что-либо случалось, препятствующее маршруту. Чаще всего это была непогода. Геологи партии знали эту мою «причуду» и мирились с ней.

Обычно утром, позавтракав, шли ко мне с картами, я наносил им линии маршрутов и давал вводные указания, на что надо обратить особое внимание. При этом у нас было правило – нанесённая мною линия маршрута не догма, а руководство к действию. Ситуация могла быть разная. Всего на карте и аэрофотоснимках не увидишь. Могли встретиться непроходимые скальники, крутые снежники и т. п. Их надо обходить. Иногда выяснялось в ходе маршрута, что целесообразнее его изменить для более полной ха-

рактеристики геологической ситуации. На карте геолог должен нанести истинный ход маршрута.

На одном из таборов, когда откамеральничали, стало ясно: чтобы закрыть «дыру» в геологической карте, надо идти в двухдневные маршруты. Вообще-то мы старались избегать многодневных маршрутов. В них приходилось нести значительный груз: продукты, тент, запасную одежду и т. п. Идти и колотить камни с грузом на плечах намного тяжелее. Ночью обычно не выспишься, как следует. Набирается значительное количество каменного материала. Приходится брать его экономно. Притупляется внимание. А в результате страдает качество маршрута. Особенно это сказывается на второй и последующие дни. Но иногда всё же возникала необходимость делать такие маршруты, особенно в горах.

На завтра наметили выход в эти маршруты. Алик Курносов – человек обстоятельный. Ему надо заранее всё распланировать.

– Нарисуй мне маршрут. Мне надо знать, как собраться, что взять с собой, – пристал он ко мне вечером.

– Нарисую утром, успеешь собраться, – пытался я от него отбиться.

– Нет, мне надо сегодня знать, к чему готовиться, – не отставал он от меня.

В конце концов, достал он меня. Нарисовал я ему его маршрут. Утром просыпаемся под шум дождя.

– Ну что, выпросил непогоду? – спросил я его.

Запомнился один маршрут необычными видами. Была неустойчивая погода. Периодически налетал дождь. Облачность была низкая и временами накрывала нас туманом. На этот раз у меня было двое сопровождающих. Наш маршрут пересекал россыпь крупных камней, между которыми были большие щели. На сырость в тумане и редкий дождь мы старались не обращать внимания. Когда же он становился обильным, я давал команду:

– По щелям!

Каждый искал в камнях убежище и пережидал там налёт дождя. Дождь кончался. Я выбирался наверх и командовал:

– Вылезай!

Интересно было бы увидеть наблюдателю со стороны, как на поверхность на совершенно безжизненной каменной россыпи из глубины вдруг появлялись головы людей, а потом и они сами.

Подошли к узкой долине ручья с обрывистыми бортами, которая заканчивалась скалистым амфитеатром кара. При отсутствии Солнца, мокрые скалы выглядели очень мрачно. Это впечатление усиливали тёмные тучи, которые оборванными клочьями летали вокруг. Они неслись по долине ручья, а затем закручивались вдоль скал амфитеатра. Как будто кто-то огромной мешалкой гонял их, образуя круговерть!

– Смотрите, ребята! Это жилище беснующихся горных духов! – воскликнул я в восторге от увиденного.

Полюбовавшись необычной картиной, мы пошли дальше.

Был один опасный маршрут. Сопровождали меня Степан Морозов с радиометром и маршрутный рабочий-школьник. Степан отвечал в партии за радиометрию. Он наказывал ребятам-радиометристам, чтобы они в первую очередь берегли радиометры, точнее трубку с датчиком от ударов. Но в этом маршруте с ним произошёл конфуз. Спускались мы по крупноглыбовой россыпи. Надо сказать, что подниматься по камням труднее, чем спускаться, но безопаснее. При спуске не видна устойчивость камня, на который ступаешь или прыгаешь сверху. Вот и в этом маршруте Степан прыгнул на камень, а он начал двигаться. Пытаясь сохранить равновесие и не упасть, он закрутился винтом с камня на камень, размахивая руками, и со всего размаха ударил трубкой радиометра о камень. Я со страхом смотрел на вращение Степана, боясь, что он упадёт на камни и разобьётся. Но к счастью, он удержался на ногах. Если с тобой происходит подобное, то не успеваешь испугаться и действуешь инстинктивно. Но, если это случается с напарником, то сердце замирает от страха за него. Когда Степан остановился, он раскрутил трубку и высыпал из неё осколки стекла и кристалла датчика. Маршрут пришлось продолжать без радиометрии.

Дальше нам надо было пройти вдоль нижнего края скальной стенки кара, у подножия которой расположен шлейф каменной россыпи – результатов её разрушения. Нижний край скал неровный. У западин он намного выше, чем между ними. Приходилось то спускаться на десятки, а кое-где и на сотни метров, то подниматься. Это сильно изматывало. Если была возможность, то мы стремились пробраться по скалистому «языку» по горизонтали.

Вот и в этот раз, подойдя к очередному «языку», я увидел, что близко по горизонтали можно пройти несколько десятков метров. Дальше путь был не виден.

– Ну что, попробуем пробраться? – спросил я спутников.

Они согласились. Вначале мы по уступам пошли довольно быстро. Но чем дальше, тем становилось труднее, а уступы уводили нас вверх. Поворачивать назад не хотелось, казалось, что дальше будет безопаснее, и скальник скоро кончится. Наконец оказались на почти вертикальной стенке, где можно было двигаться очень медленно, распластавшись на скале и цепляясь за малейшие выступы, рискуя на каждом шагу сорваться. Я в душе проклинал себя за эту авантюру. Особенно страшно было за мальчика. Но повернуть назад уже было невозможно, так как надо было бы двигаться вниз, что ещё опаснее. В конце концов, мы достигли очередной каменной россыпи, затратив на 400 метров пути более двух часов. Немного посидели, отдыхая от внутреннего напряжения, унимая дрожь в коленках, и пошли дальше.

На «живой» каменной россыпи увидели следы схода каменной, возможно, снежно-каменной лавины. Среди камней были разбросаны части медведя: то лапа, то часть бока, то клочья шерсти. По-видимому, медведь попал в снежно-каменную лавину, и камни «растерзали» его на части.

К началу сентября полевые работы в основном были закончены и все собрались на базе. 5 сентября коллектив решил отметить окончание полевого сезона, а заодно и мой день рождения. Женщины провели соответствующую подготовку при необходимом участии мужчин. Вечером собрались за общим столом. Выпили за успешное завершение полевого сезона, поздравили меня с днём рождения, выпили и за моё здоровье. Затем, как водится, началась общая беседа о полевых приключениях и хоровое пение. Изрядно захмелев, мы продолжали веселиться до глубокой ночи! С этого года в нашей партии установился обычай отмечать формальное окончание полевого сезона в день моего рождения. После ещё бывали маршруты, но уже основная работа была завершена.

Во второй половине сентября, полностью закончив запланированные на этот год полевые исследования, мы все собрались на базе в тёплых домах. Уволили рабочих и начали обрабатывать со-

бранные за лето материалы, отрисовывать окончательный полевой вариант геологической карты, приводить в надлежащий вид документацию, дробить пробы, паковать образцы, пробы и снаряжение для транспортировки в Иркутск.

Геохимическое опробование мы проводили по первичным ореолам рассеивания, отбирая в маршруте сколки пород через 100 метров весом по 50 грамм в среднем. К концу сезона их набиралось несколько тысяч штук. Их надо было раздробить до одного миллиметра и поместить в пакеты из плотной бумаги крафт-кулей, чтобы они выдержали транспортировку до Иркутска. Кроме того, надо было раздробить несколько сот проб из пород с оруденением весом по несколько килограммов. В дроблении проб участвовали все сотрудники партии, невзирая на должность и занятость в камералке. Распределялись на пары: женщины подготавливали сколки и паковали раздробленный материал в пакеты, мужчины дробили пробы до кондиции. Составляли график по часу непрерывной работы. С восьми утра до пяти вечера на базе звенела чугунная ступа. Соревновались, кто больше раздробит за отведённый час.

За месяц все дела были сделаны. Заказали вертолёт, чтобы проститься на всю зиму с доставлявшим нам радости и огорчения Акитканом. Настроение у всех возбуждённое ожиданием встречи с близкими после долгой разлуки! Как говорится, «сидели на чемоданах», то бишь, на рюкзаках. Тем более что вертолёт нам обещали утром. Все напряженно слушали, не послышится ли рокот мотора. Обед, а вертолёта нет! Дело к вечеру, а в воздухе тишина. У всех настроение резко упало. Поужинали, расстелили снова спальники, сидим, понуро молчим.

Супруги Дёмины на базе жили в отдельной палатке, поставленной на помосте на столбах высотой около двух метров. Они рано улеглись спать. Мне хотелось, что-то сделать, чтобы переломить это настроение. Надоело так коротать длинный вечер.

– Инна, пойдём, сделаем вид, что подпиливаем столбы у помоста Дёминых, – предложил я.

Взяли пилу, потихоньку подкрались и начали ширкать пилой. Слышим, Дёмины зашевелились. Мы убежали в дом.

Через несколько минут приходят Дёмины, видят унылую обстановку.

– А ну кончайте кукситься, давай праздновать окончание полевого сезона, – предложил Анатолий Николаевич и достал пару бутылок водки. Все оживились, быстро соорудили стол. Выпили, закусили и почти до утра дружно пели песни. А утром прилетел вертолёт, и мы распрощались с полюбившимися горами.

Полевые материалы были приняты на «отлично». Мы расчленили ранее выделяемую, как единую, толщу вулканитов на составные части. За полевой сезон выявили большое количество радиоактивных аномалий и рудопроявлений урана. Рекомендовали их для детального изучения.

Вообще у нас была самая весёлая партия. Я по своей натуре с детства любил петь и в поле в любой обстановке не расставался с песнями. Чтобы я ни делал, всегда «мурлыкал» песни. Особенно мне нравилось в маршруте на вершине оглашать окрестности весёлой песней, а то и просто покричать от души:

– О-го-го! – чтобы слышали горы и всё звериное население, что мы пришли!

– Мол, будем знакомы!

– Вы думаете, что Владимир Васильевич хочет петь? Нет, у него болезнь такая! – шутил Алик Курносов.

Мы часто пели и хором вечерами у костра. Я запевал, а все подхватывали. Вот и зимой во время, как сейчас говорят, корпоративной экспедиционной вечеринки, наш партийный стол завоевал приз, как самый весёлый.

Зимой мы часто вспоминали наши маршруты, приключения. Трудности и опасности, а то и комичные ситуации оставались в нашей памяти, как самые дорогие воспоминания. Когда мы собирались своей партийной компанией по поводу праздников и дней рождения, мы всегда пели наши песни, слова которых сочинили супруги Дёмины. Главными были такие слова:

В тяжелый маршрут мы ходили не раз
В отрогах хребта Акиткана,
Мы пот проливали порой в три ручья
По плану, вне плана!

Хотелось, чтобы скорее наступила весна, чтобы снова оказаться на необъятных диких горных просторах!

1966 год (А)

Весной 1966 года мы успешно защитили отчёт по полевому сезону 1965 года и стали собираться на новый полевой сезон. Коллектив у нас в основном остался прежним, только Саша Могилев уволился из экспедиции, а Степан Морозов, учась на вечернем отделении Геологического факультета, стал работать геологом, т. е. самостоятельно ходить в маршруты. Так как минералог и лаборант всё лето находились на базе, то Дёмины и Морозовы опять взяли с собой детей: Дёмины Игоря и Павлика, Морозовы Леню и Наташу. Им, конечно, в поле было раздолье! Куда девать детей на лето, когда оба родителя едут в поле, проблема многих работников экспедиции. Если была возможность, как в нашей партии, то детей брали с собой. В других случаях чаще всего выручали бабушки.

В нашу партию на производственную практику были направлены четыре студента: две подружки-студентки геологического факультета Львовского университета Галя Сидорук и Люся Черняшук, студентка харьковского университета Нина и юноша Виталий из Иркутского горно-металлургического института. Как правило, в партиях предпочитали брать на практику ребят. Но студентов распределяли приказом сверху, и потому отказываться было нельзя. Мы тоже вначале были не очень довольны, что нам направили трёх девушек. Но эти девушки работали лучше других ребят. Их мы взяли радиометристами. Они оказались любознательными романтиками геологии, были в восторге, что попали в горы, безотказно выполняли любую работу, стойко переносили все невзгоды полевой жизни, всегда были весёлыми, неунывающими и не терялись в опасной ситуации. В первую очередь они попросили меня продиктовать им геологические песни, что я с удовольствием сделал. Виталию мы поручили шлиховое опробование. Он тоже добросовестно выполнял порученную работу.

База осталась на том же месте на р. Кутима при выходе её из гольцов. Работать предстояло только с использованием вертолёта. Согласно заданию, партию разделили на три отряда: горный, съёмочный и тематический.

Горному отряду под руководством Дмитрия Сергеевича Глюка предстояло оценить перспективы уранового оруденения в бас-

сейне Нижней Моголи, где мы со Степаном обнаружили развалы глыб с урановой минерализацией.

Надо было сделать вертолётную площадку в долине Нижней Моголи, чтобы табор горняков всё лето был с водой и дровами. Площадка на водоразделе, где мы таборились в 1965 году, из-за этих параметров не годилась. На поиски места для «аэродрома» и табора полетели на Ми-1 с пилотом Володей Лобовым Анатолий Николаевич, Степан и я. Захватили с собой пилу и топоры, если понадобится расчищать территорию. Сели на водоразделе, и спустились в долину Нижней Моголи. Нашли удобное место, но надо было свалить ряд толстых тополей с обширной кроной. Начали работать. Особенно с большим трудом свалили самый огромный тополь. Возились с ним более часа. Пила для него оказалась короткой, пришлось подпиливать и подрубать его со всех сторон, как это делают бобры. Когда уже почти насквозь перепилили, надо было определить, куда он упадёт, чтобы отбежать в безопасную сторону. Толя со Степаном стали допиливать, а я бегал вокруг на некотором удалении, чтобы определить сторону, куда начнёт валиться тополь. Наконец он покачнулся и стал валиться. Я вовремя крикнул ребятам, и они благополучно отбежали в сторону. К вечеру мы не успели вырубить достаточную площадку. Ветки деревьев нависали по краям, сокращая пространство для взлёта.

К концу дня за нами прилетел Володя Лобов. Он с трудом сел, хотя по инструкции не должен был этого делать. Сказал только, что площадку надо существенно расширить. Мы сели в кабину и вертолёт начал подниматься. Чтобы не задеть ветки ему пришлось вертолёт вести, отклоняясь то в одну сторону, то в другую. Было довольно неприятно!

– Выбираешься, как…, – сказал он только, когда сели на базе.

– Не страшно ли тебе бывает в таких ситуациях? – спросили мы Володю.

– Нет, – отвечал он, – я чувствую машину, как часть себя.

Отобрали необходимые снаряжение и продукты для горного отряда и отправили его вертолётом на участок предстоящих работ. Для проходки горных выработок завезли значительное количество взрывчатки. Рабочие довели посадочную площадку до нужных кондиций, оборудовали табор с расчётом на всё лето и приступили

к работе. Сделанный мною со Степаном «колодец» в камнях служил источником воды во время проходки горных выработок весь период работы на участке.

При проектировании работ партии были запланированы тематические работы по изучению закономерностей размещения уранового оруденения в пределах Северо-Байкальского вулканоплутонического пояса. Этим предстояло заниматься мне. Необходимо изучить известные рудопроявления урана не только на площади геологосъёмочных работ партии, но и за её пределами.

Вначале решили заняться геологической съёмкой, сделать существенный задел, после чего я должен был заняться тематическими исследованиями.

Съёмочный отряд должен начать работу к югу от долины Кутимы и закартировать предгорную часть, перемещаясь с помощью лошадей.

Кроме нас с начальником партии, в съёмочном отряде были Альберт Курносов, Степан Морозов и Юра Худихин.

Пока проводили организацию работ, я решил походить в маршруты на другой берег Кутимы. У нас была резиновая лодка грузоподъёмностью 800 кг. Мы её использовали для переправы через Кутиму. Первый маршрут прошёл благополучно. На завтра утром я с радиометристом решил сделать ещё один маршрут на другую сторону Кутимы. Подошли к лодке, Собрались её надувать. Смотрим, а пробки нет.

– Куда делась пробка от лодки? – вернувшись, громко спросил я.

Степан сразу понял, чья это работа.

– Лёня, иди сюда. Куда дел пробку от лодки? – строгим голосом сразу спросил он сына.

– Она провалилась вовнутрь,– со слезами на глазах сознался Лёня.

Пробку достали, всё кончилось благополучно. Только Лёня получил строгое внушение, больше не трогать ничего без разрешения.

Первый табор определили сделать на водоразделе двух вершин реки Безымянка при выходе её из гор, где у нас был табор в 1961 году (см. раздел «1961 год»). Там была хорошая вертолётная площадка и отличное место для табора.

Для переброски отрядов прилетел Ми-1. Пилотом был Володя Лобов, что меня обрадовало. Володя тоже был рад встрече с нами.

Вертолёт сделал первый рейс. Возвратился, пилот стремительно выскочил из кабины и полез под него.

– Вот сорванцы! И когда они успели? Ведь я всё время был около вертолёта, – с удивлением сказал он.

Внизу под кабиной расположена трубка, которая по скорости прохождения через неё воздуха показывала скорость вертолёта. Оказывается, пока мы грузили вертолёт, Игорь и Лёня забрались под него и пластилином залепили трубку.

– Поднялся я, – рассказывает Володя, – гляжу на землю, вижу, что лечу, а на приборе скорость ноль.

Досталось им, конечно, от родителей!

Я со спутником отправился на Безымянку маршрутом, для чего переправился на резинке на левый берег и оставил лодку на берегу. Перебросили отряд и приступили к маршрутам.

5 июня у Тамары Дёминой день рождения. Мы решили прийти с Безымянки и отметить этот день на базе. Сообщили по рации об том Тамаре, и они с Инной стали готовить праздничный стол. Утром Толя, Алик, Степан и я отправились на базу. К обеду достигли берега Кутимы. Тамара с Инной и детьми ходят по другому берегу, ждут, когда мы переплавимся. Начали надувать лодку, вначале насосом, а затем ртом. Ничего не выходит, лодка воздухом не наполняется! Мы в растерянности! В чём дело? Наконец, догадались перевернуть лодку, а в днище дыра около пяти сантиметров в диаметре. Откуда она взялась? Когда я переправлялся, её не было. Что делать? Решили заклеить дыру лейкопластырем. Использовали всю бабину. Наконец лодку надули. Поплыли, а дыра стала спускать воздух. Хорошо, что лодка секционная. Когда причалили, то секция с дырой была почти без воздуха.

Отметили день рождения Тамары: выпили за её здоровье, весь вечер пели песни. Утром заклеили дыру, как следует, и отправились обратно.

Так как от деревень на р. Киренга, где арендовали лошадей, на Безымянку тропы не было, то их завозили вертолётом Ми-4. По правилам техники безопасности в грузовой отсек вертолёта заводят две лошади, привязывают им ноги и голову. Их сопровождает

кто-либо из ИТР с карабином. Лошади могут в полёте испугаться и начать рваться с привязи. Это может привести к падению вертолёта. В таком случае сопровождающий обязан убить лошадь выстрелом в ухо. Но в нашем случае всё обошлось благополучно.

Завезли 6 лошадей и конюха, которого Анатолий Николаевич нанял в Киренске. Повесил в центре города объявление. Пришёл человек, готовый работать конюхом. Он оказался по профессии художником, но заверил, что с лошадьми имел дело в колхозе. Так как никого другого не было, Анатолий Николаевич принял его на работу и отправил в партию.

Отработали мы площадь, доступную с табора на Безымянке. Анатолий Николаевич отправился заниматься с базы разрезом через толщу вулканитов. Я остался руководить съёмочным отрядом.

Надо было продолжать вести съёмку склонов хребта к югу от Безымянки. Прорубили тропу на 8 километров, определили место очередного табора на берегу ручья. Чтобы перевезти отряд, надо было сделать два рейса лошадьми. И тут оказалось, что конюх не знает, как обуздать лошадь, тем более, как её завьючить. Мы сами занялись этим делом, заодно обучая и конюха этим премудростям.

Пришли на намеченное место, развьючили лошадей и начали устанавливать табор, а конюха отправили за оставшимся грузом. К вечеру конюх с лошадьми не появился. Предположили, что он не решился, на ночь глядя, идти и заночевал на старом таборе. Легли спать. Чуть начало светать, я услышал сквозь сон какие-то непонятные звуки у костра. Сон в партии чуткий, обращаешь внимание на малейший непонятный звук. Мало ли что может произойти. Вышел я из палатки и увидел: горит микрокостёр из щепочек и мелких палочек, у костра сидит босиком конюх и плачет, ноги все в крови.

– Что случилось? – с тревогой спросил я его.

– Я лошадей потерял, – сквозь слёзы прошептал он, – начальник сказал, что если я потеряю лошадей, то буду платить за них. Теперь мне всю жизнь не рассчитываться.

– А ноги почему в крови?

– Стёр.

Оказалось, что он надел сапоги на голые ноги и так шёл туда и обратно

– Почему же ты не обулся с портянками?

– Да я не знал, что их надо наматывать.

Оказался он совершенно неприспособленный к жизни человек вообще, а тем более в условиях партии.

Когда конюх вернулся на старый табор, кое-как завьючил лошадей, не затянув подпруги, как следует. Пошёл обратно, вьюки стали сползать, надо перевьючивать. Остановился, отошёл немного по нужде, лошадей не привязал. Вернулся, а лошадей нет. Надо было посмотреть следы, а конюх стал метаться по кустам, сбился с тропы и лишь к рассвету вышел на табор.

Развёл я нормальный костёр, вскипятил чай, напоил «конюха», обработал ранки, кое-как успокоил и решил пойти поискать лошадей, пока все спят. Взял карабин и отправился по тропе, рассматривая следы. Далеко лошади не могли уйти. Подошёл к ручью в полукилометре от табора и увидел на той стороне неторопливо идущего в кустах сохатого. Я залёг и стал ждать, когда сохатый выйдет в просвет между кустами. Вот в просвете показался сохатый. Я выстрелил, попал, но сохатый продолжал идти далее и скрылся за кустами. Перевёл карабин на следующий просвет. Показался сохатый. Я снова выстрелил и он упал. Убедившись, что сохатый убит, вернулся на табор, поднял всех, и мы отправились за мясом.

Разделали сохатого, упаковали добычу, позавтракали, и мы с Аликом пошли искать лошадей. Нашли их в двух километрах от табора, спокойно пасущихся на зелёной травке в ста метрах от тропы.

В маршрутах выяснили, что на лошадях мы никуда больше проехать не сможем. Надо дальше работать с помощью вертолёта. Вернулись на старый табор на Безымянку, где была вертолётная площадка. Заказали вертолёт, а конюха отправили пока пасти лошадей. К вечеру он должен был их привести на табор, чтобы завтра отправлять в колхоз. Приходит конюх, опять чуть не плачет. Он лошадей не может поймать.

– Я к ним пытаюсь подойти с уздечкой, а они от меня уходят, – пояснил конюх.

Я попросил Алика помочь поймать лошадей. Он взял немного овса, подманил им лошадей и через час привёл на табор.

– Ты же говорил, что с конями имел дело, а сам не знаешь с какого боку к ним подойти.

– Так мне запрягут лошадь в бричку, и я еду, куда надо.

– Зачем же ты нанялся конюхом?

– А мне некуда было податься. Вечером загулял со случайными собутыльниками, утром проснулся на улице без денег. Куда деваться? Увидел объявление и пошёл. Думал, подучусь и смогу.

Первый табор съёмочного отряда с помощью вертолёта Ми-4 сделали на широкой косе Кутимы. Около леса у края косы поставили палатки, а кухню оставили у берега реки примерно в 30 метрах от палаток. В один из дней погода стояла хорошая, и мы оставили всю посуду на месте ужина. Ночь выдалась безлунная, тёмная. Только стали засыпать, как я услышал бренчание посуды на берегу. Я вышел из палатки с карабином. Все проснулись и тоже высыпали из палаток. Из-за темноты ничего не было видно, лишь пригнувшись к песку, можно было заметить, что вроде бы кто-то шевелится у нашей кухни, Я выстрелил в воздух. Всё стихло. С полчаса мы ещё прислушивались, но всё было спокойно. Пошли спать. Утром, придя на место кухни, увидели на песке отчётливые медвежьи следы. Всё было целым, лишь чашки разбросаны. По-видимому, медведь набрёл на нашу кухню и стал вылизывать посуду, но выстрел его напугал, и он убежал.

Крутые скалистые или покрытые крупноглыбовыми россыпями склоны Кутимы, в значительной степени заросшие стлаником, представляли собой значительные препятствия, заставлявшие нас изрядно попотеть при подъёме на водоразделы притоков Кутимы. Вверху долин ручьёв располагались кары со скалистыми часто обрывистыми стенками и озёрами у их основания. Водоразделы между долинами ручьёв представляли слабо расчленённые поверхности, покрытыми каменными глыбами. Такие участки давали нам возможность легко и быстро проходить значительные участки маршрутов.

В одном месте на таком водоразделе впереди в десяти метрах выскочил заяц. Мы остановились, наблюдая за ним. Отбежав метров пять, он вскочил на камень, встал на задние лапы и с любопытством уставился на нас. Мы тронулись с места. Заяц, пропрыгав десяток метров, снова встал на камень в той же позе и вновь

стал нас рассматривать. Это было так забавно и так выразительно, что мы остановились, в восторге глядя на него. У меня не сработал даже инстинкт, что это добыча и не взялся за карабин. Он явно впервые видел людей, и, по-видимому, его удивлению не было предела. Через две-три минуты он, видать, удовлетворил своё любопытство, не спеша прыгнул в сторону и скрылся из глаз.

Следующий табор располагался на водоразделе Кутимы и Домугды. Место для него мы с вертолётчиками выбрали открытое вблизи небольшого леска. Отсюда был замечательный обзор, как центральной части хребта, так и низкогорный рельеф на много десятков километров к востоку от хребта.

Слагающие центральные части хребта эффузивы характеризуются плитчатой отдельностью. Из них мы соорудили печь для выпечки хлеба. Формы для этого взяли с собой. Дыры между плитами залепили глиной. Ещё на базе наши женщины научили таборщицу готовить тесто и выпекать хлеб. Таборщица быстро приспособилась. Пока мы были в маршрутах, она пекла хлеб на несколько дней.

Оборудовали мы табор на новом месте, как опорный, и приступили к работе. В камеральные дни я принимал маршруты. У Юры Худихина постоянно были одни глыбы и полное однообразие пород. Меня удивляло, что ему в маршрутах не встречались коренные обнажения и небыло вариаций в геологических образованиях. Ну что ж, бывает.

Отработали площадь, доступную с табора. Остался небольшой удалённый участок. Чтобы его закрыть, требовалось сделать пару двухдневных маршрутов. Я направил в них Алика Курносова и Юру Худихина. Утром они со своими радиометристами стали собираться в этот поход. Как обычно, брали свои вещи для ночлега и одежду переодеться в случае дождя. Общее снаряжение и продукты делили поровну. Каждый укладывал свой рюкзак.

– Это чья рубашка у меня в рюкзаке, – с удивлением спросил Алик, вынимая её из своего рюкзака.

– Это моя, нечаянно положил к тебе, – нисколько не смущаясь, отозвался Юра.

Оказывалось, чтобы облегчить свой груз, он незаметно часть своего имущества рассовывал по рюкзакам своих товарищей.

Пришлось ему своё имущество нести самому. Ночевать они должны были вместе.

По их возвращению я начал принимать маршруты. Первым читал свои описания наблюдений Юра. И всё время у него описаны только каменные глыбы.

– Почему у тебя описаны глыбовые россыпи? – С удивлением воскликнул Алик. – Я видел твой маршрут, и сочувствовал, что тебе пришлось лазить по сплошным скалам. Стало понятно, что Юра прошёл маршрутом не там, где я ему нарисовал, а где легче.

В середине июля съёмочный отряд разделился на три группы. Я должен был заниматься тематическими исследованиями. Мой отряд состоял из трёх человек. Кроме меня в нём были студентка Люся Черняшук и рабочий Виталий Забора. Один из куплетов самодельной песни был посвящён нам:

Тематики наши хотели узнать
Секрет старика Акиткана:
Следили руду, изучали разрез
И пели вне плана.

Оставшийся коллектив разделился на две группы. Одна группа под руководством Анатолия Николаевича, который закончил составление разреза, перелетела в восточную часть площади, другая – под руководством Алика Курносова высадилась в долину р. Домугда. Юра Худихин заявил, что у него разыгрался радикулит, и он не может ходить в маршруты. Хотя по его движениям этого не было заметно. Но так как медиков среди нас не было, то оставили его «выздоравливать» на основном таборе. Через некоторое время прилетел вертолёт. Он должен был перебросить отряды и снабдить их продуктами. Особенно напряжённое положение с ними было в отряде Курносова. У них кончались продукты, и они уже перешли на их нормирование. Прилетел вертолёт с продуктами и сел на таборе, где находился Юра, т. е. в шести километрах от табора Алика. Юра не сказал вертолётчику, что тот «промазал» с посадкой и не пошёл сообщать Алику о том, что вертолёт с продуктами сел у него. Такое поведение для нашей партии было недопустимым.

Анатолий Николаевич, когда узнал про это, приказал Юре:

– Садись в вертолёт, и чтобы духу твоего в партии не было!

Как сказал Толя мне потом:

– Ты знаешь, я не выдержал, я заматерился!

Надо сказать, что Толя никогда ни в каких перипетиях не употреблял, ни то, что мата, а даже грубых слов. Можно представить, как поведение Юры вывело его из себя.

И этот случай нашёл отражение в одном из куплетов самодеятельных песен, сочинённых супругами Дёминых:

Наш Худихин отдыхает,
А на Домугде доедают
Три дули-дули …

Юра с радостью покинул нас. Его направили в соседнюю партию, а через год его погнали и из неё.

Пора были заниматься тематическими работами. Рудопроявления урана на площади геологосъёмочных работ нашей партии я обследовал в процессе съёмки. Надо было отправляться за её пределы.

Один из участков, где было сосредоточено несколько урановых рудопроявлений, располагался в вершине р. Пихтовка – правом притоке Кутимы. Главные из них получили название от преобладающей растительности: Пихтовка, Еловка, Берёзка. Место было довольно открытое, относительно ровное, полукругом окружённое скалистыми горами. Небольшие участки леса или стланика чередовались с зарослями карликовой берёзки, прочей невысокой растительности и россыпями каменных глыб. По склонам ещё сохранялись довольно обширные снежники. Наши предшественники, открывшие эти рудопроявления, протоптали тропы на рудные объекты, так что подходы были не тяжёлыми.

Первый наш табор располагался вблизи рудопроявления Пихтовка на широкой задернованной поляне, окружённой со всех сторон стеной стланика. Вблизи этого места располагался наш табор в 1961 году (см. раздел «1961 год»), когда я ошибся и перевёз табор за пределы площади работ. У нас была шестиместная палатка, для троих места много. Колья для крепления палатки вбить не удавалось, так как под тонким слоем почвы были камни. В 40 метрах располагалась каменная россыпь, откуда мы брали камни, которые под силу унести, для крепления растяжек палатки. Её поставили как раз на оленьей тропе, другого места не было. Пока мы оборудовали табор, на нас два раза выбегали олени. Увидев нас на при-

вычной для них тропе, они резко разворачивались и уносились огромными прыжками. Я даже не успевал взять в руки карабин.

День был душный, безветренный как всегда перед большой непогодой. Когда же стемнело, налетела настоящая буря с проливным дождём. Ветер зарождался среди скал в каре в шести-семи километрах от лагеря и с нарастающим воем обрушивался на палатку, сотрясая её. На несколько минут наступало затишье, затем возникал далёкий быстро нарастающий гул, и новая порция ветра снова обрушивалась на нашу палатку. Сила ветра постепенно нарастала. Мы начали устраиваться на ночлег и уже погрузились в спальники, как вдруг я почувствовал, что полы палатки начинают сдвигаться под напором ветра, и она могла вот-вот упасть на нас. Надо срочно укреплять растяжки! Это можно было сделать, лишь добавив тяжелых камней.

Делать нечего. Я приказал Люсе держать палатку, пока она окончательно не завалилась, а мы с Виталием устремились под проливным дождём за камнями. За палаткой была абсолютная темнота. Нельзя было разглядеть даже собственные руки. Мы на четвереньках, преодолевая заросли стланика, ползли на россыпь камней. Там на ощупь выбирали камни по тяжелее и тащили их к палатке, укрепляя растяжки. Несколькими глыбами придавили также изнутри полы палатки. Сделали не менее десяти рейсов и промокли до нитки. После этого палатка лишь периодически вибрировала от шквального ветра. Переоделись в сухую одежду и улеглись спать. К утру буря резко кончилась, опять засияло солнце. Атмосфера очистилась, видимость исключительная, окружающие скалы и каменные россыпи стали будто контрастнее, воздух такой чистый, плотный и «вкусный», что дышать хотелось полной грудью! Умытые растения, казалось, тоже радовались такому утру и с наслаждением тянулись к солнцу.

Начался обычный трудовой день. Распорядок у нас был следующий. Утром в 7 часов я вставал, будил Люсю и Виталия и шёл разжигать костёр. Затем Люся принималась варить завтрак, я просматривал материалы, намечал на карте нитку маршрута, а Виталий собирал еду и снаряжение на маршрут.

Отработали один участок, надо было переезжать на другое место. Вертолёт не ожидался, а мне надо было посетить базу. Так

как мы находились за хребтом от базы, то связь была неустойчивая. Я решил туда «прогуляться», чтобы поторопить с заявкой на вертолёт. Это всего-то 25 километров. Взял Виталия и мы утром отправились в путь по узкой долине Пихтовки, а затем по широкой – Кутимы.

У меня разболелась грудь (как я сейчас понимаю, была межрёберная невралгия) и мне было больно нести карабин. Я отдал его спутнику, и он с карабином шёл сзади. Продвигались по долине Пихтовки, заросшей густым молодым пихтачом. С трудом продирались сквозь заросли. Вдруг недалеко в стороне услышали тявканье.

– О. собаки, откуда они здесь? – воскликнул Виталий.

Тявканье было знакомое. Я резко обернулся. На лице у Виталия было недоумение, видать моё лицо выдавало тревогу.

– Карабин давай! – крикнул я и, буквально, сорвал с него карабин. Только передёрнул затвор, как из-за бугорка в 15 метрах показалась медведица. Она бежала к нам вразвалку с явным намерением наказать нас за нарушение спокойствия её деток. Когда нападает медведь-самец, он обычно встаёт на задние лапы. Медведица же всегда нападает сходу, на бегу.

Я выстрелил, не целясь, и попал. Медведица повалилась на бок в кусты. У медведя лобная часть покатая. По краям кость тонкая, а в середине – толстая. При попадании в середину лба пуля часто делает рикошет, а медведь, оглушённый, падает как мёртвый. Но вскоре оживает и тогда может отомстить за нанесённую рану.

– Вдруг я её только ранил! Давай бегом, пока она не очухалась!

Мы бросились бежать сквозь заросли, не выбирая дороги. Виталий впереди, а я за ним, постоянно оглядываясь и держа карабин наизготовку. Успокоились метров через сто и далее спокойно продолжили свой путь.

Через пару дней прилетел вертолёт, забрал нас с базы и перебросил наш отряд на новое место, в район рудопроявления Берёзка. Здесь в одном из маршрутов мне посчастливилось добыть оленя. Возвращались, нагруженные добычей. Недалеко от табора на крутом снежнике я увидел свежий пропаханный след и сразу понял, что в нашу относительную низину пожаловал медведь. Своим попутчикам я ничего не сказал, чтобы не пугать, а сам насторожился.

Так как через день должен был прилететь за нами вертолёт, то мы решили разделить добытое мясо равномерно по отрядам. Вечером запаковали в отдельные мешки и всё сложили в один большой куль. Чтобы мясо не портилось, мы этот мешок погрузили в воду в ручей, где вода была ледяная, в тех условиях это обычный способ хранения скоропортящихся продуктов. Легли спать.

Утром я, как всегда, разбудил Люсю и пошел разжигать костёр, а она пошла к ручью умываться. Вдруг слышу испуганное «ой», и вижу, что от ручья бежит Люся с расширенными глазами.

– Там медведь!

Я сразу нырнул в палатку, схватил карабин, передёрнул затвор и бросился к ручью. Но там не оказалось ни медведя, ни куля с мясом. Видать медведь учуял запах мяса, пришёл по запаху к ручью. Увидев и учуяв человека, кинулся бежать, прихватив с собой куль с мясом. Я пробежал ещё метров сто по следам, а дальше на камнях след терялся. Пришлось возвращаться.

Нечего делать. У нас был ещё один день до вертолёта, надо было его использовать. Позавтракали, собрались и пошли на очередное рудопроявление урана. Путь к нему лежал в том же направлении, куда убежал медведь с добычей. Идём по тропе, кое-где видим следы, как медведь волок добычу. Я карабин, на всякий случай держал наизготовку со взведённым курком.

В одном месте тропа пересекала редкий лесок шириной метров двадцать. Подходим и видим: посередине леска на тропе сидит медведь, а кругом всё разрыто. Я сходу выстрелил, попал, медведь рявкнул и бросился бежать. Я за ним по следам крови. Пробежав с полкилометра, понял, что попал не в убойное место и медведя мне не догнать. Вернувшись, обнаружил, что на тропе медведь вырыл яму, затащил туда наш куль с мясом и засыпал его землёй и ветками. Сделал себе заначку на будущее. Так как куль был весь порван и мясо изжевано, то мы побрезговали и не стали его брать, а пошли дальше.

Ночь прошла спокойно, в середине следующего дня прилетел вертолёт, и мы покинули это место. А в партийной самодеятельной песне появились строки: «Булдыгеровцы всё пели, а медведи мясо съели».

В моё отсутствие в партию прилетела комиссия специалистов по радиоактивному сырью. Посмотрев результаты работ горного

отряда, они пришли к выводу, что здесь месторождения не предвидится, и рекомендовали работы прекратить. В середине сезона пришлось горнорабочих увольнять, чем они были очень недовольны.

По этому поводу в нашей песне были такие слова про начало работы горного отряда:

На Нижней Моголи был Глюка отряд,
Мечтал о больших он свершеньях.
Руду там искали, искали они
По плану, вне плана.

А в другой песне нашли отражение результаты работы:

На Моголи всё изрыто,
А руды то там открыто
Три дули-дули!..

Возникла проблема, что делать с оставшейся взрывчаткой. Получили распоряжение из экспедиции: использовать её для решения геологических вопросов. Решили вскрывать контакты разных геологических образований для определения их взаимоотношений. После окончания геологосъёмочных работ все ИТР, кроме Алика Курносова, который застрял на Домугде, вертолётом были переброшены в долину Нижней Моголи. Места, где было намечено вскрывать контакты, располагались на водоразделе. Каждое утро мы загружали рюкзаки взрывчаткой и поднимались к намеченному участку. Там щедро расходовали её, любуясь издалека взрывами. Отдача была от них небольшая, но приказ руководства экспедиции был выполнен.

По окончанию этой работы надо было вылетать на базу. Но зарядила непогода, низкая облачность заволокла водоразделы. В это время в нашем районе работали геофизики. На вертолёте Ми-4 они проводили аэромагнитогаммаспектрометрическую съёмку и часто контактировали с нами. Мы попросили их при первой возможности вывезти нас на базу. Они согласились. И вот в образовавшийся в тучах просвет показался вертолёт. Мы загрузились и полетели сквозь тучи на базу. Удивительное было впечатление! Поднялись и оказались в сплошном облаке. Ощущение неприятное, вдруг налетим на вершину. Но вот появлялся в стороне еле заметный просвет. Вертолёт поворачивает туда, вырывается из об-

лака и тут же снова попадает в новую сплошную хмарь. Опять пилоты находят просвет. И так от просвета к просвету мы долетели до долины Кутимы, где опустились ниже облаков и благополучно сели на базе.

Пришёл сентябрь с его снегами и заморозками. Все вылетели на базу. Остался только табор в узкой долине Домугды, где оставались Алик Курносов и студент Поправко. Продуктов у них было в обрез. Когда перебрасывали туда табор, то у вертолётчика никаких сомнений в пригодности площадки не возникло.

Для вывозки отряда заказали вертолёт. Полетел он забирать Алика, студента и груз. Покружился вертолёт над табором, вернулся обратно и вертолётчик сказал, что садиться в такой узкой долине нельзя. Вероятно, по существующим в авиации инструкциям безопасности он был прав. Но нам от этого было не легче. А тут начался многодневный снегопад. В долинах снег ещё таял, но перевалы уже были завалены. У ребят кончились продукты. Что делать? Создалась патовая ситуация. Если бы не снег, мы могли бы всем коллективом вытащить табор на себе. Нас обуяла тревога, в первую очередь, за ребят. Имущество и собранный каменный материал, в крайнем случае, можно было оставить до следующего сезона. Хотя это было весьма нежелательно. Но как вызволить оттуда ребят? Оставалось только надеяться, что непогода кончится и прилетит пилот, который сможет там сесть.

Прошло несколько дней в тревоге. Вдруг под вечер видим, вдоль берега медленно бредут, покачиваясь, Алик со студентом. Пока были силы, они решили идти на базу. Непогода могла продолжаться ещё долго. На перевале снег был уже выше колен. Можно только представить, как им было тяжело преодолевать такой снег, после нескольких дней без пищи. Вид у них был исхудавший, щёки ввалились, одежда болталась, как на вешалке. Студентки-хохлушки, увидав Алика, с испугом воскликнули:

– Ой, Альберт Фомич как исхудал, один нис (нос) остался!

Алик рассказал, с каким трудом они поднялись на водораздел, как брели, спотыкаясь и падая, по камням, засыпанным снегом. Мне это было хорошо знакомо.

– Когда спускались в долину Кутимы вдоль ручья, – рассказывал он, – на другой его стороне в 10–15 метрах увидели медведя,

который шёл навстречу. Но было такое состояние, что даже отсутствовало чувство страха. Медведь тоже не заинтересовался нами. Так и прошли, не обращая внимания друг на друга.

В эти годы из-за сокращения армии в гражданскую авиацию пришло много бывших военных пилотов. Они привыкли работать в экстремальных условиях и ещё не очень подчинялись жестким правилам гражданской авиации, которые с каждым годом становились всё более строгими. По-видимому, забрасывал табор один из бывших военных пилотов.

Кончилась непогода, и мы снова заказали вертолёт. Пролетел Ми-1 с пилотом, только что демобилизованным из армии. Он делал на гражданке только первые рейсы. Мы не стали ему говорить про то, что предыдущий пилот отказался садиться на Домугде, а просто показали точку на карте. Он полетел, взяв одного человека для погрузки. Прилетел назад, загруженный под завязку (около 400 килограмм), вышел из кабины и виновато говорит:

– Извините, ребята, не смог забрать всё за один рейс.

– Да ничего особенного, – заверили мы его, не выдавая чувство радости, что он вообще там смог сесть.

Полетел он за оставшимся грузом, а мы всем коллективом бросились собирать ему в подарок бруснику. Благо, она в большом изобилии была прямо у домов базы. Пока пилот летал, мы набрали ведёрко ягод и перед его отлётом вручили ему в знак благодарности. Он был очень доволен! Мы тоже!

Благополучно завершив полевые работы и полевую камералку, упаковали вещи, каменный материал и, как мне казалось, навсегда покинули базу на Кутиме. В середине октября мы вернулись в Иркутск и занялись камеральной обработкой собранного материала, с восторгом и грустью вспоминая полевые приключения и возбуждённо готовясь к полевому сезону 1967 года.

1967 год (А)

В 1967 году Анатолий Николаевич и Тамара Васильевна Дёмины уехали работать в Афганистан. Начальником партии стал Дмитрий Сергеевич Глюк (Дима). Предлагали мне возглавить партию, но я отказался. Во-первых, мне хотелось заниматься геологией, как можно меньше отвлекаясь на другие дела. Во-вторых, я не люблю командовать. Мой принцип: делай как я. Мне кажется, особенно в полевых условиях, человек должен сам видеть, что надо делать. Для меня лучше сделать самому, чем заставлять другого выполнять работу, которую он не хочет делать. Лишь при необходимости я приказывал другим выполнять ту или иную работу. Минералогом стала Ира Тулубьева. Это неунывающий добродушный человек. К любым жизненным перипетиям она относилась с юмором. Ира взяла с собой детей: Люду и Сашу. Супруги Морозовы также взяли детей: Лёню и Наташу.

В этом году в нашу партию пришла геолог Энгельсина Ивановна Могилева (Геля). Она оказалась близкой нам по отношению к жизни и работе и естественно вошла в наш дружный коллектив. Мы ласково звали её «наша марксисточка». Гелина бабушка была травницей. От неё Геля узнала лечебные свойства многих растений и в партии была главным лекарем. Поэтому прозвали её ещё «бабка». У Гели был первый разряд по лыжам. На всех лыжных соревнованиях она была главным представителем экспедиции.

На практику к нам снова прилетели две львовские студентки Галя Сидорук и Люся Черняшук, которые проходили в нашей партии практику в прошлом году. Они зарекомендовали себя с лучшей стороны, и мы с удовлетворением приняли их снова.

На полевой сезон взяли в качестве техника-геолога для отбора шлихов Валеру Сажина. Он окончил геологический факультет вместе с Дмитрием Сергеевичем и работал геологом. Позже он увлёкся водкой, и из геологии его уволили. После этого Валера работал во многих местах, но нигде долго не задерживался. В общем-то, он был довольно доброжелательным остроумным человеком и в партии, пока не было спиртного, работал добросовестно. Он сочинял стихи и печатался в местной прессе. Даже написал про меня очерк, который читали по радио. Про него говорили: «Среди геологов – поэт, среди поэтов он геолог».

Когда весной набирали на полевой сезон рабочих, пришли две девушки. Они приехали после окончания 10-го класса в одной из деревень Вятской (тогда Кировской) области в Иркутск за романтикой. Одну из них мы взяли в партию радиометристом и не ошиблись. Она представилась: «Нина Борисовна Попова». Так мы её часто и звали, не смотря на молодой возраст: «Нина Борисовна». Она сразу же органически вписалась в наш коллектив, была работящей, выносливой, жизнерадостной, впечатлительной, несколько наивной и доверчивой. Была рада, что попала в горы, в такую необычную для неё обстановку и в такой дружный, доброжелательный коллектив.

Нина была надёжным спутником и очень хорошим радиометристом. Северо-Байкальский вулканоплутонический пояс, в пределах которого мы работали, весьма богат урановыми проявлениями. Наша задача была не пропустить их и дать им предварительную оценку. В выявлении проявлений урановой минерализации главная роль принадлежала, главным образом, радиометристу. Визуально геологу установить её в маршруте удаётся далеко не всегда, так как минералы урана на поверхности плохо сохраняются.

Радиоактивность пород определяется радиометром по индикатору и по интенсивности щелчков в наушниках. Индикаторы обладают некоторой инертностью, и небольшие повышения радиоактивности не успевают зафиксировать. Да и не может радиометрист постоянно смотреть на стрелку индикатора. А вот в наушниках интенсивность радиоактивности ощущается сразу. Здесь многое зависело от добросовестности радиометриста. Среди них встречались и халтурщики. Они либо невнимательно слушали сигналы радиоактивности, либо даже сознательно не говорили геологу об изменении интенсивности щелчков в наушниках. Ведь выявление аномальной радиоактивности грозило отбором проб и образцов, которые надо было нести на себе.

Я стремился брать Нину Борисовну с собой в маршруты, зная, что она не пропустит радиоактивные аномалии, да и мне поможет не пропустить смену пород. Каждый вид пород имеет свою фоновую радиоактивность. Изменяется она незначительно и надо радиометристу быть весьма внимательным, чтобы не пропустить это

изменение. Если камни обнажены, то я видел смену пород. Но встречались задернованные участки и здесь смену пород легко пропустить. В этих случаях меня выручала Нина Борисовна.

– Владимир Васильевич! Породы сменились, – сообщала она мне по изменению радиоактивности. Я разрывал почву молотком (как мы говорили «копытил», по аналогии с оленем) и убеждался, что действительно породы сменились. Если у неё интенсивно затрещало в наушниках, то она сразу сообщала мне об этом. Я брал у неё радиометр и начинал исследовать аномалию: определял её размеры, интенсивность радиоактивности и её распределение в пространстве, устанавливал места отбора проб и образцов, отбирал их. Нина Борисовна, пока я исследовал аномалию, отдыхала.

– Хорошо ходить в маршруты со старшим геологом! Найдёшь ему аномалию и отдыхаешь, ешь ягоды или щёлкаешь орешки, – хвасталась она на таборе у костра.

Её восторженное отношение к приключениям характеризует такой случай. Один раз мы задержались в маршруте. К Домугде подошли в темноте, а табор на той стороне.

– Что будем делать: бродить или ночевать? – спросил я её. Мне надо было убедиться, что она не боится бродить в такой обстановке. Если человек боится препятствия: брода, узкого гребня, скалистого подъёма и т. п., то вероятность несчастного случая резко возрастает.

– Ой, Владимир Васильевич, давайте бродить! Никогда ещё ночью не бродила! – с восторгом попросила она.

– Тогда снимай сапоги и штаны.

Нина Борисовна с испугом смотрела на меня.

– Чтобы не замочить, – пояснил я ей.

Разулись, надели сапоги на голые ноги, штаны и носки (портянки) сложили в рюкзаки.

– Давай руку.

– Ой, что и за руку будем держаться? – воскликнула она.

И мы пошли вброд по каменистому перекату. Я шёл ниже по течению и для страховки, чтобы Нину Борисовну не сбило течением, крепко держал её за руку. Перебрели на другую сторону и около 12 часов ночи благополучно добрались до табора, где нас ждали

товарищи, заботливо подогревая на костре ужин и чай. У нас было принято: все ИТР до полуночи ждали запоздавших товарищей, поддерживая ужин горячим.

Зимой на правом борту долины Домугды при выходе её из гор была построена новая база. Залетели мы туда в начале июня. Так как на правом берегу посадочную площадку ещё не сделали, то вертолёт смог сесть только на левом берегу реки. Прошлось на резиновой лодке переправлять людей и всё имущество.

Стали ждать вертолёта для заброски отрядов к участкам работ. В горах ещё было полно больших снежников. Образовалось немного свободного времени, и мы с Дмитрием Сергеевичем решили поохотиться. Отправились в горы, я с карабином, а Дима с ружьём. Поднялись по долине ручья и на склоне, на снежнике заметили двух оленей. Стали к ним подкрадываться. На расстоянии около 50 м уже было открытое пространство. Дима выстрелил и ранил одного оленя, я же поторопился и промазал. Другой олень прыжками бросился в сторону.

От снежника, где были олени, по рытвине тянулась узкая полоса снега метров на 200 вплоть до русла ручья. Борта рытвины были покрыты густым стлаником. Раненый олень по снегу побежал вниз, а мы за ним. Выскочили в рытвину и видим, что в 20 метрах лежит наш олень, а на нём сидит медведь.

Как видно, медведь тоже скрадывал оленей, только с другой стороны. А тут олень сам бежит на него! Медведь прыгнул из кустов и вырвал ногу вместе с лопаткой, так что она болталась на шкуре. Вот силища! У него когти длиной, как у нас пальцы!

Я сходу выстрелил. Пуля попала медведю под ноги. Он соскочил с оленя и бросился в сторону. Мы решили, что разделывать оленя на этом месте опасно, вдруг медведь вернётся, да и неудобно: крутой склон и заросли стланика. Начали спускаться по снежнику вниз. Дима тащил за ноги оленя, а я шёл сзади, постоянно оборачиваясь, с карабином наизготовку. Мы благополучно спустились к ручью, разделали оленя и мясо доставили на базу, чем очень порадовали коллектив.

На другой день по следам на снегу мы увидели, что медведь вернулся к месту, где он бросился на оленя, но повернулся и ушёл, не стал нас преследовать. По-видимому, запах человека его отпугнул.

После «непроизвольного купания» в ледяной воде горной реки

В Киренске мы взяли пять щенков одного помёта. Распределили по маршрутным парам, закрепив их за радиометристами, а одного оставили детям на базе. Каждому щенку дали имя. Нине Борисовне достался щенок весьма экзотичного облика; несуразно длинная шея и широкое, но короткое туловище. Валера назвал его: «Кекосони», что расшифровывалось: кенгуру, корова, собака Нинина.

Первые маршруты наметили на другой стороне Домугды. Вода в реке была высокая и по-весеннему ледяная. Загрузились все в резиновую лодку. Я сел на носу. Когда подплывали к противоположному берегу, гребец упустил весло, и лодка отправилась в произвольное плавание. Я, не раздумывая, выпрыгнул с лодки и по пояс в воде подтащил её к берегу. Ноги от ледяной воды закоченели. Я быстро разделся до трусов и, пока ребята разводили костер, укутал ноги курткой, пытаясь их хоть немного согреть. Немного подсушившись у костра, надел полусырые штаны и обувь и тронулись в маршрут.

Меня сопровождала Нина Борисовна со своим щенком Кекосони. Он активно шустрил вокруг нас. Но на обратном пути мы спускались по узкой скалистой щели, где водопадики чередова-

лись с относительно пологими участками. Спустились с первого водопадика, а щенок вверху начал жалобно взвизгивать, боясь спуститься с уступа. Нина Борисовна пожалела его, вернулась, сняла с уступа. На другом уступе повторилось то же самое. Получалось, что на каждом уступе мы задерживались, а дело шло к ночи. Мне тоже было жаль щенка, но надо было его приучать выбираться самому. На третьем уступе я сказал:

– Хватит его баловать, так мы засветло не вернёмся на табор. Пусть выбирается сам!

Удаляясь, мы с сочувствием прислушивались к затихающему жалобному визгу. Но вот звуки исчезли. Я уже хотел вернуться за ним. Смотрим, а щенок уже крутится у наших ног. После пятого уступа щенок перестал визжать и не отставал от нас. С тех пор он всегда сам находил дорогу, будь то брод, скалы, глыбы и т. п.

Надо сказать несколько слов о комарах и мошке, которые доставляли нам много неприятностей. Эти насекомые сопровождали нас повсеместно. Их активность зависит от температуры и давления. Когда наступает похолодание, то гнус исчезает. Мало его и при очень большой жаре. Низкое давление благоприятно для их жизнедеятельности. При приближении непогоды гнус «свирепеет», залепляет все открытые части тела. Как мы иронически говорили в таких случаях: «не долетев полметра, комары уже кусают». Чем выше в горы, тем гнус более активный, так как давление с высотой понижается. Обычно в маршрутах над нами вилось «облако» из мошки и комара. Выручал, конечно, ветер, особенно если он встречный. В этих случаях весь гнус тучей вился сзади, прячась от ветра за спиной. Как только порыв ветра ослабевал, они дружно набрасывались на тебя, ища место, где можно добыть капельку крови.

Поведение мошки и комаров различное. Мошка стремится забраться в самые тесные места и там кусает. Обычно после маршрутов на поясе сплошные розовые зудящиеся пятна. Любит она забираться в сапоги и под ремешок часов. Но с закатом Солнца мошка отправляется на покой. Комары же свирепствуют целыми сутками. Ночью, если есть хоть малейшая дырочка, комар обязательно её найдёт и вопьётся в тело. Обычно, как только стемнеет, для спокойного сна, мы начинали борьбу с комарами. Устраивали в палатке дымокур, открывали окно или дверь и светили фонари-

ком за ними, а сами трясли палатку и махали в ней, чем только можно. Комары, спасаясь, летели на свет фонарика. И так до тех пор, пока всех не выгоняли. После этого плотно закрывали все ходы-выходы и ложились спать.

Защищала и от гнуса ДЭТА (см. раздел «1961 год»), которая действовала на кожу как лосьон. Все имели накомарники. Но я очень не любил закрывать им лицо. Он мешал рассматривать породы и писать в дневниках, а также затруднял обзор. Но за это приходилось расплачиваться глазами, куда часто попадала мошка.

В жаркие июльские дни нас атаковывали пауты. Они налетали целыми полчищами и искали малейшую возможность впиться в тело, прокусывая тонкую одежду. От них не спасала и ДЭТА. Укусы их весьма болезненные. Если не было ветра, то вокруг стоял сплошной гул, а одежда была облеплена паутами, которые ползали в поисках возможности добраться до наших тел. Благо, что период активности паутов был относительно коротким. После хорошей непогоды их количество резко уменьшалось.

Особую неприятность доставляла самая мелкая тварь – мокрец. Не чувствуешь, когда она садиться на тебя и кусает, забираясь в самые, казалось бы, недоступные места. В местах укусов начинается нестерпимый зуд. ДЭТА от неё тоже не помогала.

Первый наш табор располагался в долине р. Дорожная – правого притока р. Черепаниха, куда нас доставил вертолёт. Вначале мы собирались отработать предгорье. Затем вертолётом нас должны были перебросить на водораздел рек Дорожная и Гольцовая.

В одном маршруте в предгорье мы пересекали участок сухого леса. По-видимому, несколько лет назад он подвергся болезни или нападению насекомых, уничтоживших всё зелёное. В это время налетела туча с дождём и ураганным ветром. Кругом с треском и грохотом стали падать деревья. Летели сухие ветки. Мы не знали, куда бежать, где спасаться. Постоянно оглядываясь на вершины, мы пытались вырваться из сухостоя, но зелёного леса нигде не было видно. К счастью шквал быстро кончился, и мы благополучно выбрались из этого мёртвого леса. Только пришлось преодолевать завалы из упавших деревьев. Но эти трудности хоть не угрожали нашей жизни.

Интересный случай в маршруте произошёл с Гелей и Ниной Борисовной. Они вышли на обширную открытую поляну и увидели у другого её края медведя, который ел какую-то траву. Как рассказали они вначале: он увидел их и удалился, а они продолжили маршрут. Но потом Геля созналась, как всё было на самом деле.

– Только вышли мы на поляну, медведь увидел нас, встал на задние лапы и с любопытством смотрит на нас. Ветер был от него, и медведь не чуял человеческого запаха. Потом опустился на четыре лапы и неуверенно медленно двинулся в нашу сторону. Мы перепугались. Что делать? Вспомнили, что убегать нельзя. «Медведи боятся собак, давай изобразим их», – предложила я. Мы встали на четвереньки и стали лаять. Да ещё и ногами стали отбрасывать мусор назад, как это делают собаки. В это время ветер подул от нас. Медведь быстро развернулся и умчался прочь. Мы развели костёр и ещё долго сидели, приходя в себя от пережитого страха.

В следующем маршруте Геля упала грудью на дерево. Из-за сильной боли она бросила маршрут и вернулась на табор. При кашле у неё выделялась кровь. Когда я вернулся вечером на табор и узнал о случившемся, то подумал, что она повредила лёгкие. Стал настаивать, чтобы вызвать санитарный вертолёт и отправить её в Иркутск. Но она категорически отказалась. Два дня Геля лечилась на таборе, используя свои методы врачевания. Затем заявила, что всё прошло, она абсолютно здорова и может идти в маршрут.

К северу от табора располагался участок предгорья, где из-за леса не мог сесть вертолёт. Необходимо было делать выносной табор. Решили навалиться сразу всем маршрутчикам и в два дня заснять этот участок. Погода была хорошая. Взяли мы палатку-шестиместку, необходимое снаряжение для жизни и маршрутов, продукты на три дня и гурьбой дванадцать человек отправились на намеченное место в восьми километрах от табора. Коллектив у нас был дружный, работящий. Если надо, значит надо. Никто не ныл и не отказывался от тяжелой работы. Всё делали с шутками, дружески подтрунивая друг над другом. А в трудную минуту всегда были готовы прийти товарищу на помощь. Валеру Сажина с промывальщиком оставили на основном таборе, чтобы он проводил здесь шлиховое опробование.

Прибыв на место, поставили палатку. На ночь раскрыли максимально полы, у входа сделали костёр из толстых брёвен (у охотников это называется «надья») и улеглись в ряд у дальней стенки. Места хватило как раз на 12 человек. Но только спать всем приходилось на боку. И если кто-то поворачивался, то будил всех. Обычно 11 человек умещались довольно свободно. А когда ложился двенадцатый, им почему-то всегда был Алик Курносов, то приходилось устраиваться снова. И все беззлобно ворчали на него. Костёр у входа горел всю ночь, отапливая палатку, спать было тепло, и не донимали комары.

Проснулись под звуки дождя. Идёт он день, другой. Продукты подходят к концу. К вечеру решили идти по дождю на основной табор за продуктами.

У Димы во вьючном ящике была в заначке бутылка коньяка. Решили выпить за неудачный поход. Дима открыл ящик, а коньяка нет. Валера сидит в углу палатки, понурив голову, как нашкодившая собачонка. По-видимому, он знал об этой бутылке, и страсть к алкоголю переборола в нём чувство товарищества.

– Как ты мог? – с возмущением напустились мы на него.

В ответ было молчание. Ну что с ним сделаешь?

Утром ясная погода, набрали продуктов, и пошли обратно. Опять прежним порядком устроились на ночлег, а утром повторился прежний сценарий: снова дождь на три дня. И назвали мы этот табор «Тормоз коммунизма».

Вернулись снова на основной табор. А тут зарядил дождь на несколько дней. Все ИТР переживали, что время уходит, а работа стоит. Один Дмитрий Сергеевич спокоен.

– Всё образуется, – обычно говорил он.

Вообще он отличался среди нас спокойным отношениям ко всем перипетиям полевой жизни, по крайней мере, внешне.

– У Дмитрия Сергеевича одно нервное окончание и то в пятке! – как-то пошутила Геля.

Наконец установилась безоблачная погода. Как мы говорили про такие дни: «погода звенит».

Подумал я и предложил:

– Хватит, испытывать погоду. Загружаемся продуктами, приносим их на табор «Тормоз коммунизма» и идём обратно. Ты Геля

остаёшься с Ниной там и живёте, пока не разделаетесь с этим участком, а мы вызываем вертолёт и перебазируемся на водораздел. Так и сделали. Принесли возможный максимум продуктов, оставили Гелю с Ниной, а сами вернулись на основной табор.

Заказали вертолёт, а нам сообщили, что вертолётов «нет и неизвестно, когда будет известно, тоже неизвестно» (Такое выражение у нас бытовало в подобных случаях.) Что делать? План-то ведь «горит», а лето катится. Дни стоят солнечные.

– Неясно, сколько придётся ждать вертолёта. А время уходит. Будем переносить табор на себе, – предложил я. Дмитрий Сергеевич со мной согласился. Предполагалось, что сначала унесём всё для моей маршрутной пары, чтобы я мог начать работать. Для этого взяли несколько ребят, которые должны были вернуться обратно.

Утром загрузились, взяли шестиместную палатку (её я взял на себя), всё для маршрутов, необходимые личные вещи, продукты на три дня, и тронулись в путь. Надо было пройти 8 километров и при этом подняться на 600 метров. Главный подъём был в конце похода по крупным глыбам, по которым передвигаться можно было только прыжками или широкими шагами. С грузом это было делать очень нелегко. Изрядно попотев, пришли на намеченное место. Палатку поставили между двумя моренными (нагребёнными ледником) валами. С одной стороны, на всякий случай для защиты от возможного сильного ветра, что бывало нередко на водоразделах, из стланика сделали дополнительное заграждение.

Я пошёл посмотреть окрестности и спланировать маршрут на завтра. Чтобы не тащить сюда продукты в случае долгой задержки вертолёта, неплохо бы и поохотиться. Поднялся на моренный вал. Передо мной расстилалась «страна Лимония» (см. раздел «1960 год»): относительно слабо расчленённая местность с альпийскими лугами, прорезанными ручьями, невысокими скалами, кучками стланика и снежниками. Смотрю, а в 400 метрах у кучки стланика пасётся медведь. И перед ним открытое пространство, ближе незаметно не подберёшься. Я спустился назад, взял карабин, вернулся обратно, прицелился, выстрелил. Видно, что попал. Но медведь не уходит, а крутится на одном месте. Понаблюдал я за ним и решил подойти поближе, чтобы сразить его наверняка. Подошёл к медведю метров на пятьдесят, держа оружие наизготовку. Вижу,

что медведь сидит и с ненавистью смотрит на меня своими маленькими злыми глазами. Не двигаясь с места, лапами крушит стланик, который может достать, и «пашет землю», выворачивая корни и камни. Как оказалось, я перебил ему позвоночник, и задние лапы у него не действовали. Я залёг за камень, тщательно прицелился и выстрелил по лопаткам. Медведь был убит наповал. Его мясо оказалось нам большим подспорьем в питании.

На другой день пришёл Степан Морозов со своим спутником, а через день – Алик Курносов. Можно было вести планомерную съёмку. Каждого вновь прибывшего я водил на моренный вал, чтобы они полюбовались «страной Лимонией». Алик пришёл в сумерках. Повёл я его на вал. Только стали любоваться картиной, вдруг видим, что мимо на расстоянии нескольких десятков метров не спеша, идёт белёсый олень. Я скорее вернулся в палатку, схватил карабин, вернулся и уложил его с одного выстрела. Когда подошли к оленю, то увидели, что это альбинос! Я первый и последний раз видел зверя-альбиноса. Если бы он был не альбинос, то мы его, вероятно, не заметили бы в сумерках. Белый цвет погубил его, нас же надолго обеспечил калорийным питанием.

Через два дня пришла ещё одна маршрутная группа, принесла продукты. В общем, постепенно почти весь табор перекочевал на водораздел. Когда, наконец, прилетел вертолёт, то ему осталось сделать лишь один рейс. Прилетел вертолёт Ми-1 с экспериментальными пластмассовыми лопастями. Погода стояла жаркая. Загрузили его, он поднялся, а вращающиеся лопасти загнулись вверх, образовав венчик. Лететь вертолёт не может. Пришлось груз ополовинить. Кое-как вертолёт за несколько рейсов перевёз оставшийся груз. Если бы мы не стали переносить табор на себе, то навряд-ли успели выполнить план, а это ведь был последний год. И так мы еле-еле (см. далее) завершили геологическую съёмку площади.

Для того чтобы разобраться в строении Северо-Байкальского вулканоплутонического пояса, мы поперёк него составляли детальные разрезы. Обычно для составления разрезов выбирают наиболее обнажённые участки. В Акитканском хребте благоприятные участки для составления разрезов – скалистые водоразделы. Это тяжелое и довольно нудное дело.

Вот и на этот раз мы составляли разрез через высоту с отметкой 1467 метров. Двадцатиметровой тонкой крепкой верёвкой мы измеряли расстояние. Через 20 метров ставили туры. Я шёл впереди, проколачивая скальные выступы, отбирая образцы и пробы, документируя наблюдения. Верёвка у меня была привязана сзади за пояс. Другой конец верёвки был привязан у Димы тоже за пояс и поддерживался мизинцем. Галя, Люся и Нина Борисовна, фиксировали через 20 метров радиоактивность и упаковывали отобранный мною каменный материал.

Начал я спускаться с очередного скалистого уступа высотой около 10 метров, а он оказался сложенным неустойчивыми глыбами. Под моим весом камни посыпались, и я полетел со скалы вниз головой. Дима упёрся, и верёвка задержала моё падение. Этим, скорее всего, он спас мне жизнь. Отделался я только лёгкими ушибами. Как мы шутили потом: моя жизнь висела у Димы на мизинце. Судьба очередной раз сохранила мне жизнь на грани возможного.

В одном из маршрутов мы шли по скалистому гребню. С одной стороны, был вертикальный обрыв высотой около 150 метров, с другой наклонная каменная россыпь. На вершине радиометр «заверещал, как недорезанный поросёнок». Я начал осматривать обнажение и увидел минералы урана. Беглое исследование показало, что мы обнаружили рудопроявление с высокими его содержаниями. Глыбы с высокой радиоактивностью были распространены по россыпи на довольно большом пространстве. Но оставалось неясным, как далеко оруденение распространено вниз по склону и по обрыву.

На другой день я поручил Степану с Гелей провести по склону радиометрическую съёмку масштаба 1 : 10 000. Они взяли 50-метровую верёвку, с её помощью должны были разбить по склону профили через 100 метров, а по ним пройти маршрутами с радиометрией, с отбором проб и образцов. Я же отправился к подножию обрыва, чтобы определить, не прослеживается ли рудное тело вниз по нему.

Внизу оказались участки с повышенной радиоактивностью, но гнездового характера. Я с радиометром стал исследовать скалу. У её подножия остался мой напарник с вещами и карабином, а я, цепляясь за малейшие выступы, стал подниматься вверх, фиксируя радиоактивность пород. Этим делом я увлёкся, почти по отвесной

скале высотой около 30 метров поднялся на небольшую площадку и понял, что спуститься назад не смогу. Что делать? У нас было обусловлено, что если нужна помощь, то надо стрелять три раза подряд. По моему указанию мой напарник три раза выстрелил. Через 5 минут над обрывом показалась голова Степана.

– Чего надо?

– Кидай верёвку!

– Что, забрался? – с сарказмом спросил он.

– Ну да, не могу слезть со скалы!

– Какой чёрт тебя туда занёс?

Через 10 минут верёвка полетела вниз. После долгих попыток мой напарник забросил конец верёвки ко мне. Я привязал её к корням стланика и спустился с обрыва. Верёвка осталась свисать со скалы. Возможно, и сейчас ещё она там висит, если её не снесла каменная лавина.

Выявленное рудопроявление в дальнейшем было раскопано нашими последователями. Масштабы его оказались незначительными, хотя содержание урана – высокими. В общем, из-за малых запасов промышленного интереса оно не представляет.

Один раз к вечеру погромыхивая стала находить чёрная туча. Я поспешил на табор, где застал уже всех маршрутчиков, кроме Гели. Туча вскоре закрыла все дали, и полил дождь. Наступила кромешная темнота. Нас охватило беспокойство, где же Геля. Частые молнии мгновениями освещали всё вокруг. Я сидел у входа в палатку, полы которой были распахнуты, и смотрел, не покажутся ли Геля со спутником. Вдруг при одной вспышке увидел их. Они быстрыми шагами шли метрах в двадцати мимо палаток, не замечая их. Я закричал им, они повернулись и вскоре оказались в палатках, вымокшие почти до нитки. Если бы молния полыхнула чуть позже, то неизвестно, куда бы они ушли и как пережили непогоду.

Супруга Валеры Сажина Людмила работала начальником станции Майск. Свой отпуск она решила провести с Валерой в партии. Мы пошли Сажиным навстречу. Попутным вертолётом Людмилу доставили на базу. Там она в ожидании вертолёта, чтобы попасть в отряд к Валере, изнывала от безделья.

Вертолёта долго не было. Я пошёл на базу маршрутом, чтобы попытаться по рации попросить авиаотряд ускорить выделение

нам вертолёта. Встречаю супругу Валеры, а у неё синяк во всю щеку и один глаз заплыл, осталась лишь узкая щелочка. Оказалось, что рабочий, который был в то время на базе, пошёл заготавливать дрова. Людмила решила помочь ему. Они свалили сушину, а сучок при падении отломился и прилетел Людмиле прямо в лицо.

Людмила кинулась ко мне со слезами и вопросом, когда же будет вертолёт, ведь время отпуска убывает, как «шагреневая кожа». Я стремился, как мог, её успоить, обещая, что вертолёт вот-вот будет.

9 августа, наконец, прилетел вертолёт. Весь отряд перебросили в кар на востоке площади работ, а я с Люсей (радиометристом) и Геной (рабочим) остался на старом таборе. Надо было обследовать вблизи ряд проявлений урана.

На другой день выдалось солнечное утро. Мы отправились на ближайшее рудопроявление. В обед вдруг налетел шквальный ветер со снегом, который был таким густым, что в 20–30 метрах ничего не было видно. Мы поспешили на табор. Хорошо, что палатка стояла между двумя буграми и был заслон из стланика. Поэтому она устояла от сильного ветра. А вот тент над костром сорвало. Пришлось натянуть его пониже, на высоту около метра. Под ним я с большими трудностями сварил обед и накормил своих спутников. За всё время моей работы в Акитканском и Байкальском хребтах это был самый ранний осенний снег. Его навалило выше колен.

Труднее пришлось остальному отряду. Они на бровке кара, единственном относительно ровном месте установили палатки, выделив супругам Сажиным отдельные апартаменты. Натянули тент над кухней и костром. Утром Алик Курносов, Степан Морозов и Валера Сажин отправились в маршруты. На таборе остались таборщица и Людмила Сажина.

Налетевший шквал сорвал тент и палатки. Все вещи завалило снегом. Женщины надели на себя всё, что можно, укрылись мокрой палаткой и, дрожа от холода, стали ждать ребят. Их непогода застала в самой дальней части маршрута. Как рассказывал Степан, был такой ветер, что впервые нёс его в гору. С ним был радиометристом весьма необычный для того времени парнишка. К своим восемнадцати годам он уже испытал все «прелести» бродячей жизни: пил в неограниченном объёме водку, курил наркотики (я от

него узнал впервые об их существовании), не мог двух слов связать без мата и т. п. Когда налетел шквал со снегом, надо было подниматься по скользким, засыпанным снегом камням вверх. Одежда намокла и тут же стала от холода коробом, руки и ноги замёрзли. Он раскис, сел и, плача заявил Степану, что дальше идти не может, будет здесь замерзать. Степан пинками поднял его и погнал бегом в гору, чтобы согреться самому и согреть его.

Первыми на табор возвратились Валера с промывальщиком. Они подняли палатку, но ветер её постоянно валил. Вчетвером они, изнутри, взявшись за углы, еле её удерживали, мотаясь вместе с ней в унисон с порывами ветра. Пришли Степан с Аликом. Люди опытные. Быстро укрепили растяжки у одной из палаток, собрали туда вещи, и все сгрудились в ней. Кое-как дождались утра. Непогода на рассвете кончилась. Выглянуло Солнце, активно стало «съедать» снежный покров и сушить вещи. Через два дня снег уже растаял настолько, что можно было идти в маршруты, чем мы и занялись. А над Людмилой Сажиной шутили, что она не зря провела отпуск, познала все «удовольствия» полевой жизни. У неё уже он кончался, и через пару дней она полетела в «цивилизацию». Получилось так, что почти весь её отпуск прошёл в дороге, ожидании и приключениях.

Начинать полевые работы я стремились с самых удалённых мест, оставляя территорию вокруг базы на осень. Вот и на этот раз мы засняли почти всю площадь. Остался небольшой участок около базы. Работы всеми маршрутными парами на два дня. 18 августа мы вылетели на базу. Два дня решили отдохнуть. В первый день сделали баню, хорошо попарились, а вечером за дружеским столом отметили близость окончания полевых работ. Второй день посвятили личным делам: стирали одежду, починялись или просто отдыхали.

Наутро собрались идти в маршруты, но проснулись под шум дождя. Ну, думаем, ничего, у нас в запасе время много. Обычно снег в Акиткане покрывает горы в конце сентября, а то и в начале октября. Дождь шёл непрерывно три дня, а потом сменился снегом. Тоже не беда, бывало, выпадал снег, да таял. Но снег идёт день, два, неделю, вторую. Сначала он таял. Затем покрыл вершины и стал быстро спускаться в долину. Через 10 дней он уже лежал на базе, не таял, а всё прибывал. Уже на базе снега стало

до колен, а сколько его в горах! Нас охватило беспокойство и в первую очередь меня, ведь я отвечаю за геологическую карту и её качество. Последний ведь год, а тут получается незаснятая дыра в середине карты. И ничего не сделаешь! Если сказать, что я извёлся от безысходности, значить ничего не сказать. Каждое утро я с надеждой смотрел в окно. Но там по-прежнему всё было белым. Хоть богу молись!

Наконец 18 сентября утром снег прекратился и настал ясный, тёплый, солнечный день! Но горы все были в снегу. Три дня стояла такая погода. Снег внизу растаял. На склонах он подтаял в основном на каменных россыпях, заросшие участки оставались в плену снега. Несмотря на это, надо идти в маршруты. Теперь, если снова пойдёт снег, то уже ляжет на зиму.

Получалось, что половина маршрута была покрыта снегом. Качество, конечно, страдало, но делать было нечего. С этим пришлось мириться. Всё равно надо было успевать, сделать хоть какие-то маршруты. Конечно, при приёмке полевых материалов в экспедиции мы низкое качество этих маршрутов не обнародовали.

Маршруты оказались трудными. Камни были мокрыми и скользкими, а между ними лежал подтаявший снег. Приходилось брести по мокрому снегу. Одежда быстро промокла. Особенно трудно было преодолевать участки, заросшие густым стлаником. Снег его придавил, образуя сплошной покров, а внизу была пустота. В одном месте Люся, сопровождавшая меня с радиометром, провалилась и повисла на стланике. Роста она была небольшого, и ноги до земли не доставали. Она не могла двигаться ни назад, ни вперёд, лишь болтала в пустоте ногами, «изображая езду на велосипеде». Из заснеженного стланика торчали только голова и рука с трубкой радиометра. Пришлось её вытаскивать, расчищая стланик от снега.

«Небесная канцелярия» сжалилась над нами и дала необходимые нам два дня хорошей погоды. Опять судьба меня на пределе возможного выручила. Мы с облегчением вздохнули. Правда, приходили из маршрутов мокрые по пояс с застывшими ногами и руками. А затем снова повалил снег и до весны покрыл горы белым «покрывалом».

Мы рассчитали рабочих. Таборщицу по её желанию тоже уволили. В Киренске на время камералки, чтобы нам не отвлекать-

ся на приготовление пищи, наняли бабу Тоню – женщину лет 50. Готовила она хорошо, но была страшная матерщинница. Приходилось мириться с этим. Нину Борисовну оставили, потому что ей некуда было в Иркутске притулиться, хотя бы на первое время. А мы стремились ей помочь, чтобы и на следующий год она смогла поехать с нами. Договорились с Аликом Курносовым, чтобы он попросил в письме своих родителей, чтобы Нина зиму пожила у них. Они согласились и были Ниной очень довольны. Она прожила у них несколько лет, пока не вышла замуж и не получила квартиру.

Мы провели полевую камералку и приготовились навсегда покинуть нашу базу на Домугде. Дмитрий Сергеевич вылетел в Киренск, чтобы «выбивать» вертолёт для вывозки имущества и людей. На базе нас осталось 7 человек: Алик Курносов, супруги Морозовы, Геля, Нина Борисовна, баба Тоня, я и пять собак.

Для кухни, столовой и пекарни у нас был отдельный домик, где жила баба Тоня. За лето на запах съестного туда собралось неимоверное количество мышей. Они бегали, почти не боясь людей. Пришлось продукты подвешивать в мешочках к потолку.

– Они меня когда-нибудь съедят,– говорила баба Тоня.

Я предложил уничтожать их старым проверенным деревенским способом. Налили в ведро на треть воды и насыпали туда кедровых орех. До самого отлёта в течение 10 ночей попадало их по 12 штук. А количество мышей как будто и не уменьшалось.

Вертолёт постепенно вывозил наше имущество. Осталось груза вместе с нами на четыре рейса. С утра был хороший осенний, солнечный, прохладный день Настроение у всех приподнятое, возбуждённое. Утром по рации нам сообщили, что вертолёта в этот день не будет.

Посадочная площадка была в 150 метрах от домов. Путь к ней был извилистым, прорубленным в сплошном завале деревьев. Туда мы отнесли всё лишнее имущество на два рейса и спокойно принялись заниматься делами. Я разложил полевую документацию, дорисовывая геологическую карту и прочую графику.

Вдруг слышим звук вертолёта. Смотрим, вертолёт садится у нас.

– Я летел из Казачинска в Киренск пустым рейсом. По дороге получил указание, залететь к Вам, – объяснил вертолётчик.

– А ещё будет вертолёт? – спросили мы его.

– Нет, на сегодня все вертолёты заняты. Только ваш начальник просит прислать ему в помощь кого-нибудь.

– Ну, кто полетит? – спросил я народ.

Никто не хотел отрываться от коллектива.

– А давай, ради шутки, отправим бабу Тоню, – предложил кто-то.

Все согласились. Я тоже не стал возражать.

– Нина Борисовна, беги, скажи бабушке, чтобы собиралась домой.

Бежит Нина Борисовна обратно и давится от смеха.

– Я ей только сказала, чтобы скорее собиралась вылетать, как она начала материться! Бегает по кухне, складывает свои вещи и без перерыва матерится!

Смотрим, бежит баба Тоня и вспоминает всех святых «всуе».

Загрузили мы вертолёт и спокойно отправились обедать. Степан сидел напротив окошка.

– Летит, – вдруг неуверенно заявил он, увидев вдалеке в небе точку.

Все бросились на улицу и видим, что на горизонте показалась точка, которая быстро увеличивалась в размерах. Вот послышался и звук мотора. Мы кинулись на площадку.

– Залетел по пути, – объяснил вертолётчик.

– А будет ещё вертолёт? – с надеждой спросили мы.

– Нет, больше не будет.

Ну не будет, так не будет. Делать нечего. Пошли доедать обед.

После обеда Инна решила побаловать нас пирожками. Поставила тесто и к вечеру начала печь пирожки. Мы в ожидании вкусного ужина занимались своими делами. Вдруг послышался звук вертолёта. Смотрим, к нам садится Ми-4. Мы подбежали к нему.

– Давайте грузитесь скорее! Сейчас будет второй борт! – заявил вертолётчик.

Это значит, что база должна сейчас быть ликвидирована. А у нас все вещи и спальники разобраны! Ну и заносились мы! Бегом до домов и с грузом бегом же обратно. Надо всё паковать и таскать до посадочной площадки. Не успели загрузить вертолёт, а второй уже кружится над площадкой. Кое-как набили грузовой отсек.

Первый вертолёт взлетел и сразу же сел другой.

– Грузите скорее, а то светлое время выходит.

Тут уже не до упаковки! Спальники, тенты комом, посуду как попало. Бумаги, карты, чертежи, канцелярию кучей во вьючные ящики. Вертолёт не выключал мотор. Набили грузовую кабину доверху. Я последний раз оббежал помещения базы, чтобы проверить, не оставили ли что-нибудь. Вроде всё в порядке. Запыхавшись, забрались мы на гору груза под самый верх, касаясь спиной потолка вертолёта, с двумя тазами: в одном тесто, в другом свежие пирожки. Затащили туда же пять собак и полетели. Отдышались.

– Ну что, давайте есть пирожки.

И вот летим мы, расположившись кругом под крышей вертолёта на куче вещей. Поставили таз с пирожками посередине и давай пировать.

Прилетели в Киренск, где нас встретил Дмитрий Сергеевич с машиной. Перегрузили в машину имущество и поехали на место нашей дислокации. Едем на машине, а сзади полукругом бежит эскорт из пяти собак!

Только разгрузились, приходит сын бабы Тони и зовёт нас к себе в гости, по случаю счастливого возвращения матери. Мы помылись, переоделись и пошли. Стол уже был уставлен яствами, и местные гости расположились за ним. Баба Тоня сидела во главе стола. Она встала, обвела нас рукой и провозгласила:

– Вот это всё мои начальники!

Усадили нас за стол, и началось пиршество. Мы посидели, спели несколько песен. Когда увидели, что некоторые гости уже пошли в разнос, мы по-английски, не прощаясь, тихо удалились.

На другой день я стал разбирать бумаги и обнаружил, что не хватает одной секретной карты. Вероятно, в суматохе со сборами, карта упала на пол, а среди вороха бумаг я её пропустил. Хотя и быстро, но достаточно тщательно осмотрел я всё на прощанье. Дело неприятное, и грозило серьёзными последствиями. Обычно за потерю секретной карты лишали допуска к секретной документации на несколько месяцев. А это значило практическое отстранение от главных дел. Можно было лишь смотреть шлифы и перебирать бумажки. Отвечал то за секретную документацию я. Что делать? Не лететь же снова на базу. Решил сочинить «сказку» про

потерю карты, которую я и изложил в объяснительной записке в первый отдел.

«В одном из маршрутов мы остановились над береговым обрывом р. Домугды. Я достал карту и стал описывать пройденный маршрут. Вдруг резкий порыв ветра вырвал карту у меня из рук, и её унесло вниз на реку. Спустившись с обрыва, мы обшарили весь берег на расстоянии одного километра, но карты не нашли. По-видимому, она упала в реку, и её унесло течением».

Вероятно, «сказка» была достаточно убедительной, и репрессий не последовало.

Грузовым самолётом отправили весь партийный груз, а сами на рейсовом самолёте вылетели в Иркутск, где нас ждала радостная встреча с семьями.

1968 год (А)

Весной 1968 года мы успешно завершили отчёт по работам Домугдинской партии и сдали его в фонды геологоуправления. В нём нашли отражения наши новые представления о строении Северо-Байкальского вулканоплутонического пояса, Нами были закартированы огромные по размерам поля эффузивов и пород интрузивного облика, которые различались только степенью раскристаллизации (размером минералов). Благодаря составлению серии разрезов по скалистым водоразделам мы установили, что эти образования имеют между собой постепенные переходы и возникли одновременно. Выяснили, что на западных склонах Акитканского хребта широко распространены туфы – продукты вулканических взрывов и другие вулканические разности, слагающие древние вулканы центрального типа. Выявлены также закономерности образования и размещения широко распространённого в пределах пояса уранового оруденения. Эти достижения признаны нашей заслугой.

Попутно с написанием отчёта, я составил проект на новую Ревуньскую партию, площадь работ которой располагалась сразу к югу от Домугдинской площади. Базу выбрали на устье р. Гольцовая – левого притока р. Черепаниха, впадающей в Киренгу. Для строительства базы в конце марта наняли рабочих, чтобы

они остались летом в партии горняками. Они построили два добротных дома. Они располагались на возвышении, которое с одной стороны было ограничено скалистым обрывом. С другой стороны был спуск к р. Гольцовая, где на невысокой террасе построили баню, пекарню и кухню с обширным столом, скамейками и навесом. База была открыта всем ветрам, успешно отгонявшим гнус. С неё был отличный обзор долины рек Гольцовая и Черепаниха. Последняя, вырываясь из горных теснин, и распадаясь на множество проток, образовала здесь широкую плоскую пойму. В половодье она в горах с берегов смывала деревья и кусты, выносила их в это расширение. Ей в этом активно помогала Гольцовая. Образовались высокие заломы, по которым легко можно было перейти на другой берег.

При организации новой партии её обеспечивают снаряжением строго в зависимости от проекта. Каждый предмет снаряжения имеет свой срок эксплуатации, после которого его списывают с баланса. Создаётся комиссия, и остатки снаряжения уничтожаются. Часто эти предметы ещё могут служить, но закон неотвратим. Обычно в партии создаётся фиктивная комиссия и фиктивный акт уничтожения. В партии накапливается несписанное снаряжение, которое часто выручает в процессе новых полевых работ. Так в Ревуньской партии, которой перешло имущество Домугдинской партии, оказалось довольно много запасного оборудования. Согласно акту уничтожения оно было изрублено и сожжено. Благодаря этому, можно было свободно разместить сотрудников, натянуть лишний тент, создать запасной табор и т. п.

Коллектив ИТР в основном остался тот же. Только начальником поискового отряда к нам был направлен Саша Томилов – опытный, трудолюбивый специалист, хороший человек, отличный семьянин. Он взял с собой супругу с грудным ребёнком, которые жили на базе. На другой год, из-за отсутствия квартиры и для большего заработка Саша устроился в Сосновскую экспедицию, уехал в Краснокаменск, где у них родилось ещё четверо детей, заработал квартиру в Иркутске и стал работать в аппарате этой экспедиции.

Минералогом к нам опять назначили Иру Тулубьеву, которая должна быть на базе и по совместительству обслуживать рацию.

Как и в 1967 году, она взяла с собой детей: Люду и Сашу. Так как Инна Морозова, работая старшим лаборантом, оставалась на базе, Морозовы тоже взяли детей: Лёню и Наташу. В общем, на базе сложился довольно обширный детский коллектив.

Когда в 1967 году уезжали с преддипломной практики студентки Львовского университета Люся и Галя, мы попросили их рекомендовать к нам на практику хороших студентов. Приехали трое неплохих ребят. От работы они не отлынивали от неё. Один из них Коля Зинчук после окончания университета распределился в Якутию, где занялся научной работой и стал доктором, специалистом по алмазоносным кимберлитам. К нам на практику направили несколько меланхоличную, спокойную студентку Воронежского университета Нину и молчаливую, добросовестную студентку Иркутского политехнического института Галю Дорогину. Работу они выполняли не торопясь, но добросовестно.

В этом году в нашу партию устроился на производственную практику студент вечернего отделения Геологического факультета ИГУ замечательный человек Юра Пономарёв. Он вырос в тайге у деда, который был лесничим. Юра был страстный рыбак и охотник и мечтал жить в тайге, которая для него была родным домом! Но вышло так, что он женился, родились двое детей. Надо было их растить. Юра поступил на алюминиевый комбинат в г. Шелехов, на высоко оплачиваемую работу. Но тайга манила его к себе, а в городе он тосковал. Для того, чтобы осуществить свою мечту, он поступил учиться на геолога. После четвёртого курса Юра уволился с комбината и устроился к нам в партию на лето радиометристом. Я взял его себе в сопровождающие. За всё время работ в партии это был мой лучший маршрутный компаньон! Мы с ним проходили два полевых сезона, подружились, зимой ездили друг другу в гости.

Юра был неунывающий, надёжный, трудолюбивый, физически сильный, выросший в тайге человек. Он не мог сидеть без дела. На каждом новом таборе Юра организовывал ребят и вместе с ними оборудовал кухню: делал стол, скамейки, навесы и прочее. Ему не надо было напоминать, что надо делать. Он видел это сам. Этим Юра показывал пример другим ребятам.

– Завтра будет камеральный день, – бывало, объявлял я. Значит, подъём на час позже. Я всё равно просыпался в семь часов, во сколько бы ни ложился. Таборщица обычно в это время уже возилась у костра. А Юры на таборе нет.

– А где Юра? – спрашивал её.

– Да он уже в шесть часов убежал на рыбалку.

К завтраку Юра приносил связку хариусов.

В маршрут он всегда брал двустволку.

– Зачем ты её берёшь? – спрашивал я его, – ведь у меня карабин.

– А вдруг попадётся рябчик.

Весной, когда набирали рабочих на полевой сезон, пришла Люда – женщина лет тридцати наниматься таборщицей. Она уже неоднократно ездила в партии и Дмитрию Сергеевичу сразу заявила:

– Мной Вы будете довольны, но я себе цену знаю и должна получать больше, чем обыкновенная таборщица.

Дима согласился. Действительно, она готовила отлично, и питание нам обошлось относительно дёшево. В партии ведь котловое питание, стоимость которого в конце сезона разбрасывалась на всех, в зависимости от количества «едко/дней» – пребывания в партии. Стоимость едко/дня зависела во многом от умения, аккуратности и старания таборщицы. Люда постоянно что-либо стряпала. Когда стояли на берегу реки Черепаниха, то почти у каждого была настроена удочка. Все в маршруте. Люда забрасывала эти удочки, что-либо делала и следила за ними. Как только заплещется хариус на крючке, она его выдёргивала. За день штук 12–15 поймает. Люда хариусов заворачивала в плотную бумагу от крафт-кулей и помещала в песок под костёр. Вечером на ужин каждому было по хариусу в собственном соку. Когда разворачиваешь бумагу, такой аромат! А вкус – наслаждение! Люда тоже была довольна нашим коллективом.

На следующий год мы нашли Люду и просили снова поехать с нами в партию. Но она сказала, что больше в партию не поедет: она вышла замуж, и будет устраивать свою жизнь в городе.

В этом году со мной на время отпуска поехала радиометристом моя жена Лена. Она работала преподавателем в пединституте, отпуск у неё был два месяца. До этого Лена много лет проработала врачом. Её медицинский опыт не раз выручал нас в случаях

травм и других проблем со здоровьем. Надо сказать, что Лена, как и Юра, не могла сидеть без дела. Если был камеральный день, то она обрабатывала образцы, наводила порядок на таборе, помогала варить еду и т. д.

Залетели мы на базу вместе со снаряжением и продуктами в начале июня.

В первый год запланировали проводить геологическую съёмку на западных склонах хребта, начиная с бассейна р. Гольцовая, где я работал в 1960 году. Тропа вверх по Гольцовой была прорублена ещё тогда. Но за прошедшее время она кое-где заросла или была завалена, надо было её подчистить. Саша Томилов, Алик Курносов, Володя Мирошниченко – техник-геолог (на следующий год мы от него избавились, как не подходящего для нашего коллектива) и я собрались выполнить эту работу. С нами попросилась и Лена варить обед.

– Что я буду тут торчать целый день без дела? – заявила она.

Вода в реке была по-весеннему высокая. На резиновой лодке мы переправились на другой берег и приступили к работе.

Возвращались обратно вечером. Уселись в лодку. Лена нарвала букет цветов, ей дали в руки топоры, чтобы они не повредили лодку, и усадили на носу. Я сел на вёсла. Передо мной сидел Алик, а сзади Саша и Володя. День был жаркий, вода в реке поднялась из-за таяния снегов в горах и подмыла противоположный берег, образовав обрыв высотой больше полметра. Как только лодка причалила боком к берегу, Алик на носу лодки, а Саша на корме одной ногой стали на берег, а другой – упёрлись в борт лодки, и лодка перевернулась. Я успел выскочить на берег, оглянулся – по реке плывёт лодка вверх дном, впереди неё плывёт вдоль реки Володя и вопит от страха, а Лены нигде не видно. Плавать она не умеет. Я автоматически прыгнул в воду и нырнул под лодку. Лена оказалась там. Я схватил её за волосы, вытащил из-под лодки и вытолкнул на берег. Вода ледяная! Бррр! Всё произошло настолько быстро, что я даже не успел ничего подумать. Почему я сразу сообразил, что Лена под лодкой?

– Беги скорее в дом, переодевайся, – крикнул я ей и кинулся за лодкой. Саша в это время бросился в воду, вытащил на берег Володю. Я подтащил лодку к берегу, и увидел, что мой рюкзак с одеждой уплывает вниз по реке.

Моя жена – радиометрист

– Там же секретные карты! – крикнул я, столкнул лодку в воду и прыгнул в неё одновременно с Аликом. Мы, гребя руками, кинулись догонять рюкзак. А по берегу побежала Нина Борисовна. Рюкзак зацепился за выступающие из воды кусты, где его, опередив нас, поймала Нина Борисовна.

Как вспоминает Лена это событие.

– Сижу я спокойно на носу лодки с букетом цветов в руках в обнимку с топорами и вдруг оказалась в ледяной воде. А плавать я не умею. Топоры сразу из рук выпали. Периодически всплываю вверх, упираюсь в дно лодки и снова погружаюсь в воду, приговаривая: «Ну всё, ну всё». Мелькнула лишь мысль: «Скажут в экспедиции: Булдыгеров повёз жену в партию и утопил».

Несколько комичных и драматичных эпизодов из полевой жизни этого года.

Я уже писал, что Нина Борисовна была довольно наивной девушкой и верила всему, что ей скажут. Мы для лучшего вкуса часто варили сгущенное молоко в банках до коричневого цвета. Нина Борисовна ещё не видела этого. За ужином она поинтересовалась, как получают вкусное густое вареное сгущенное молоко. Степан, шутя, сказал, что банку с молоком кидают в костёр и через

час получают нужную консистенцию. Все разошлись, а Нина Борисовна решила «сварить» сгущенку. Бросила банку в костёр, постояла и пошла в дом. Только отошла метров на десять, как раздался взрыв, который разметал весь костёр. Банка разлетелась на мелкие стружки. Хорошо, что она успела отойти, а то могла бы получить серьёзные травмы. Но кто бы мог подумать, что Нина Борисовна поверит в такой способ?!

В этом году к нам был также направлен на практику весёлый, неунывающий, с большим чувством юмора студент геологического факультета Саша Бажин. (По окончанию учёбы он начал работать в нашей экспедиции и профессионально быстро вырос до начальника партии. Потом поехал работать в одну из стран Африки, где попал в плен враждующего с государством племени. Вернулся, проведя в неволе несколько лет.)

Он немного заикался. Придя из первого маршрута, он с восторгом стал рассказывать об увиденном:

– Какие там ка-ка-кары!

– А что это за какары? – не поняв, наивно спросила Нина Борисовна.

– Ка-ка-как дам! – нисколько не обидевшись, ответил Саша, решил, наверное, что Нина его передразнивает.

В одном из маршрутов Степана Морозова сопровождали Лена с радиометром и в качестве маршрутного рабочего Саша Бажин. В середине маршрута им надо было подняться на относительно небольшую округлую высотку, которую топографы ласково назвали Малыш. Вершина её было покрыта каменными глыбами, а по периметру она окружена густыми зарослями стланика. Степан с Леной продрались сквозь стланик, и присели на вершинке ожидать Сашу, который запутался в зарослях.

– Ну, где ты там? Долго тебя ждать? – крикнул Степан.

– Ка-как вы выбрались отсюда? Я п-п-преклоняюсь п-п-перед вами, – ответил Саша с юмором из зарослей, которые ходили ходуном.

В одном из маршрутов на водоразделе я добыл небольшого оленя. Мы с Юрой разделали его. Но надо было завершить маршрут. Решили закопать мясо в снег, а завтра послать туда ребят за ним. Но тут недалеко оказались в маршруте Володя Мирошниченко и Нина Борисовна. Они проводили шлиховое опробование.

Нина Борисовна быстро овладела промывкой шлихов и в необходимых случаях заменяла промывальщика. Я предложил им маршрут закончить, взять мяса, сколько смогут унести и идти на табор. Им надо было возвращаться по крутому спуску, по каменным глыбам в долину Гольцовой. Когда мы удалились, Володя отказался брать мясо, мол слишком тяжело. Тогда Нина Борисовна, обругав Володю, загрузила всё мясо в свой рюкзак и понесла его на табор. Мы, конечно, осудили поступок Мирошниченко. Но с него, как с гуся вода.

Мы предупредили студентов быть осторожными со свежениной, но не все послушались. После ужина у Коли началось расстройство желудка. На другой день мы пошли в маршрут. У меня, Алика и Саши был общий подход. Сашу сопровождал с радиометром Коля, который иногда отставал, и мы, сочувствуя, поджидали его. Вдруг недалеко на снежнике увидали оленя. Стали подкрадываться. Коля продвигался сзади.

– Хоть бы не убили, хоть бы не убили, – тихо бормотал он.

Но его желание не осуществилось. Правда, с помощью народного средства – отвара бадана, с его болезнью удалось быстро справиться.

Закончили мы работы в долине Гольцовой. Надо перебираться в долину Черепанихи. Наметили устроить табор в устье руч. Парусный – левого притока Черепанихи. Утром я взял трёх ребят, и мы пошли рубить тропу. Остальные стали делать вьюки и запрягать лошадей. Я им наказывал не торопиться, чтобы мы успели прорубить тропу и раньше их добраться до намеченного места. Но начало пути оказалось густо заросшим и заваленным деревьями, привнесёнными в половодье реками. Пока мы прорубались сквозь эти препятствия, караван догнал нас. Его замыкали студентка Нина, Юра, таборщица Люда и Лена. При выходе из гор река делала крутой поворот и подмывала скалу, где образовалось улово глубиной больше метра. Чтобы пройти это место, надо было на расстоянии 50 метров два раза перебрести реку. Я крикнул женщинам и Юре, чтобы они не бродили реку, а обошли скалу. После этого мы продолжили прокладывать тропу. Лошади шли прямо за нами. День был жаркий, полчища паутов атаковали нас и лошадей. Из-за их укусов лошади стали метаться, вьюки сползать. Приходилось

часто их перевьючивать. Надо было форсировать прокладку тропы. Мы стали её вести по косам с бродами через мелкие протоки, трассируя путь туриками из камней. Ясно было, что в высокую воду такая тропа была бы непроходимой. Но сейчас нам ничего не оставалось, как идти кратчайшим путём.

Четверых замыкающих, которых я послал в обход скалы, не было видно. Мы решили, что они где-нибудь присели отдохнуть и к вечеру нас догонят. Но вот пришли на намеченное место. Для табора оно было удобным. Ровная площадка на террасе с редкими кустиками, хороший спуск к реке, близко полно сухостоя. В реке повсеместно плескалась рыба. В течение всего времени, пока мы работали в бассейне р. Черепанихи, наше меню разнообразили уха, малосольные и жареные хариусы. Таборщица Люда радовалась, что это сократит расходы на питание.

Обустроили табор, наступил вечер, а четвёрки отставших всё нет. Стало тревожно! Что могло случиться? Ведь обойти скалу – это всего лишние сто метров. Ночь я провёл беспокойно, постоянно прислушиваясь к малейшим звукам.

Чуть стало светать, я разбудил студентов. Мы запрягли лошадей, взяли продукты, ведь отставшие уже второй день без еды, и верхом поехали по тропе обратно. Периодически кричали. Долина широкая, а тропа ещё слабо натоптана. Вдруг они сбились с неё! В трёх километрах увидели всех четверых живыми и здоровыми, медленно бредущими нам навстречу.

Мы соскочили с лошадей. Я первым делом стал потерявшихся кормить, а студенты – разводить костёр, чтобы напоить их чаем. Торопясь, я открывал банку сгущенного молока, консервный нож сорвался и глубоко располосовал мне руку между большим и указательным пальцами. Лена сразу зажала рану, из которой сочилась кровь и смешивалась со сгущенным молоком. Достали глазную тетрациклиновую мазь, Лена выдавили её прямо на рану и туго перевязала. Через несколько дней повязку сняли, всё зажило, только шрам остался на всю жизнь.

После того, как накормили людей, они рассказали о своих приключениях. Вместо того чтобы обойти скалу, перевалить через небольшой бугорок и выйти снова к реке, они отклонились к западу, где была абсолютно ровная местность, заросшая высоким гу-

стым лесом. И тут начались приключения. Гор не стало видно, они потеряли ориентиры и стали кружить по этой плоскотине. Они несколько раз останавливались, пытаясь сориентироваться по карте. В суматохе на одной остановке оставили топор, на другой – Юра снял своё неизменное ружьё, поставил его к дереву и забыл о нём. Отойдя несколько десятков метров, он хватился ружья, кинулся его искать. Женщины активно ему в этом помогали. Но однообразный ландшафт запутал их. Потеряв достаточно много времени, они снова пошли, по-видимому, кругами. К вечеру встретилось небольшое возвышение. Поднявшись на него, они увидели горы. Ура! Направление определилось. Переночевали, сидя на этом бугорке, боясь потерять вид на горы. С рассветом женщины переоделись одежду на левую сторону, вспомнив примету, что это помогает заблудившимся, пошли к горам и вышли к тому же броду. Обходить они её на всякий случай не стали, а побрели через реку, взявшись за руки. Так закончилась эта эпопея, доставившая нам большое волненье.

В вершине ручья Парусного была красивая гора треугольной формы, которую топографы (по-видимому, они были людьми романтичными и часто давали вершинам красивые названия) назвали Алый Парус. Действительно, если смотреть с запада, со стороны долины Черепаних, она имела вид треугольника и алела в лучах заходящего Солнца, когда внизу уже царствовал мрак. У подножия стекавший с неё ручей образовал в скалистом ущелье красивый водопад высотой более 10 метров.

Мне пришлось побывать на этой вершине три раза, поднимаясь на неё с разных сторон. Один раз, пересекая Алый Парус, я залюбовался открывшимся видом, а кувалду держал на плече, споткнулся и упал. Кувалда догнала меня и ударила по затылку в наказание за невнимание, да так, что я потерял сознание. Сопровождающий меня радиометрист перепугался и не знал, что делать. Но через несколько минут я очнулся, ощупал хорошую шишку на голове, с трудом поднялся и, превозмогая боль, продолжил маршрут. Благо, уже надо было идти вниз.

С табора в устье руч. Парусный мы двумя маршрутными парами на лошадях заехали в долину соседнего притока Черепанихи. Взяли продуктов на неделю при 6-ти днях работы. Но три дня лил

дождь. Затем 3 дня маршрутов. Возник дефицит продуктов. Я отправил лошадей за ними на базовый табор. Всего 12 километров, можно обернуться за один день. Проходит два дня, а лошадей нет, и продуктов уже тоже нет. Утром маршрутами решили выходить на базовый табор. Разделили по жребию оставшиеся банку сгущёнки и сливового компота и без завтрака пошли, оставив палатку и вещи. Нам с Юрой досталась на обед банка компота.

К вечеру мы пришли на табор и узнали причину задержки. А случилось следующее. В этом месте долина Черепанихи узкая. Тропу пришлось вести с берега на берег с бродами по перекатам, которые чередовались с достаточно глубокими уловами. Для того чтобы вести караван лошадей одному конюху он их привязал друг за другом. При этом надо знать особенности характера животных. Конюх не учёл этого и поставил осторожного тихоходного коня впереди более шустрого. Тот на перекате пошёл быстрее, начал обгонять тихоходного коня и вьюком столкнул его в улово. Конь поплыл и замочил вьюки. Конюх заторопился, кинулся выводить тихоню на берег, споткнулся и упал. Быстрая лошадь, стремясь скорее выбраться на берег, наступила конюху на ногу в районе паха. Он кое-как привязал коней к деревьям и два дня лежал, не мог двигать ногой. Наконец нога немного поджила, он смог забраться на лошадь и приехать на табор. О его возвращении в ближайшие дни нечего было и думать. Пришлось нам самим вести лошадей, чтобы завершить работу в долине этого ручья.

Территория вокруг табора в устье руч. Парусного была насыщена рудопроявлениями урана и радиоактивными аномалиями. Каждому объекту надо было дать оценку: определить площадные размеры, распределение радиоактивности и опробовать. Обычно оценить выявленный объект я брался сам. Приходилось это делать в разных условиях.

В наиболее экзотичных условиях проявление урана было выявлено радиометристом Леной и геологом Степаном Морозовым. Оно располагалось в скальных выходах в ущелье небольшого ручья. На другой день я пошёл его обследовать. Повышенная радиоактивность распространялась вверх по ущелью, где ручей тёк среди скалистых берегов без заберегов. Пришлось мне раздеться по пояс и по ледяной воде проследить её по вертикальным

скалистым бортам ручья до выклинивания. В это время мои спутники выше скал развели большой костёр. Выбравшись из ущелья, я кинулся бегом к костру, чтобы скорее согреться. Как всегда, никаких болезненных последствий ледяной купели не было.

В дальнейшем наши находки несколько лет оценивала специализированная партия, которая рекомендовала продолжить их изучение с более тяжёлыми работами. В 2008–2009 годах там проводили работы с горными выработками и бурением геологи специализированной Сосновской экспедиции. Было установлено наличие мелких месторождений урана. Но из-за удалённости и малых его запасов их разработка была признана экономически нецелесообразной.

Один из таборов пришлось делать в долине левого притока р. Черепанихи при выходе её из гор. Разбили табор и отправились в маршруты. Мой маршрут проходил по долине небольшого ручья. В вершине его мы должны были подняться на водораздел. Начали подъём по крутому скалистому склону, сложенному древними лавами. Они были разбиты на прямоугольные блоки в среднем размером 1× 0,5×0,5 метров. Образовались как бы ступеньки. Поднимались, как по лестнице. В середине склона я взялся за такой уступ, помогая руками подняться на очередную ступень, и вдруг почувствовал, что глыба валится на меня. При воспоминании мне казалось, что дальнейшее происходило, как в замедленной киносъёмке. Я пытаюсь задержать руками глыбу, но не могу, медленно оборачиваюсь, чтобы увидеть, не покатится ли глыба на радиометриста. Вижу, что он поднимается несколько в стороне. Начинаю медленно отходить в сторону, чтобы дать глыбе дорогу. Глыба медленно перекатывается через ногу, и я сижу, сжимая зубы от боли. Но на самом деле всё это происходило в течение нескольких секунд.

Боль постепенно стала стихать. Через некоторое время я попытался встать, но боль заставила меня снова сесть. Надо возвращаться на табор. Просидев около часа, я снова попытался встать, боль была сильной, но уже терпимой. Мой напарник срезал мне палку-костыль и мы медленно стали спускаться вниз. Самое трудное было достичь ручья по глыбам. После каждого шага приходилось останавливаться и ждать, пока боль несколько утихнет. Когда спустились к ручью, путь стал более ровным, и мы пошли быстрее. На та-

боре кое-как стащили сапог. Нога распухла и покраснела. Пришлось два дня отлёживаться. По-видимому, ногу только придавило. Время не позволяло дольше «поболеть». Через два дня я, хромая, пошёл сначала в короткий маршрут, а затем уже в полноценный.

В этом году в пределах Северо-Байкальского вулканоплутонического пояса, кроме нашей партии, проводили геологосъёмочные работы ещё две партии, В одной партии старшим геологом был Иван Кириллович Глотов, в другой – Альберт Серафимович Киренский. Работал также отряд по оценке ранее выявленных нами рудопроявлений урана под руководством Валерия Лифанова. Точки зрения каждого, как и моя, на внутреннее строение пояса и историю его формирования были не во всём одинаковыми. В камеральный период между нами часто возникали бурные споры, при этом мы оставались друзьями. Районный геолог Надежда Васильевна Суханова называла нас «генералами» и стремилась, чтобы мы выработали единые точки зрения. В этом году она решила организовать полевую «конференцию», собрав нас вместе. По рации наметили её проведение у Лифанова, так как у него был благоустроенный табор, рассчитанный на всё лето. В намеченный день Надежда Васильевна вертолётом собрала нас вместе, и мы приземлились на табор Валеры. Там в палатке, где был обширный стол, скамейки и постоянно топилась печь, мы разложили свои карту и приступили к дискуссии. Бурные споры продолжались с обеда до вечера! Как всегда, кое в чём мы пришли к общему мнению, а в чём-то остались каждый при своём мнении. Вечером гостеприимные хозяева устроили застолье, которое продолжалось далеко за полночь. На другой день прилетел вертолёт, и мы отправились в свои пенаты, оставив продолжение споров до зимы. Такое мероприятие в полевой период было, пожалуй, единственным в истории экспедиции.

Был конец августа. В горах уже наступила полноправная осень. Лиственные деревья сбросили свой летний наряд. По утрам траву серебрил иней. Для умывания приходилось разбивать ледок. Вершины побелил первый снежок.

Мы в основном закончили работу. Осталось только провести рекогносцировку на правом борту ручья Мрачного, правого притока р. Миня. Там нашими предшественниками в отложениях ру-

чьёв был установлен поток касситерита – минерала олова, а также минералов редких земель, тантала и ниобия. Надо было найти и оценить коренной источник. Работы было на 5–7 дней хорошей погоды. Для оперативности исследования шлихов взяли с собой минералога Иру Тулубьеву.

Выбросил нас вертолёт в трех километрах от места работ. Только поставили палатки и печи, как уже стемнело. На следующее утро мы пошли на место работ, чтобы определиться что, где и как делать. Впереди я с карабином за спиной и кувалдой в руках, за мной Степан с молотком, замыкала нашу колонну студентка Галя Дорогина с радиометром. Остальные остались дооборудовать табор.

Подходы были неплохие, частично по звериным тропам, только в двух км от табора была полоса густого стланика шириной метров сто, а за ней глыбовая россыпь. Только мы продрались через эти заросли и вышли на камни, как услышали сзади испуганное «ой». Обернулись и увидели: Галя лежит на спине среди камней, подняв руки и ноги, а над ней на камне на задних лапах стоит, покачиваясь, медведь как бы в раздумье, что же дальше делать. Как она рассказала: только вслед за нами выбралась из стланика, как услышала сзади шорох. Обернулась, а перед ней стоит на задних лапах медведь, готовый её «обнять». Она и повалилась назад. Хорошо, что на ней был рюкзак, который смягчил падение. По-видимому, мы прошли в двух шагах от него и в густых зарослях не заметили. Он пропустил нас со Степаном, а Галей решил поживиться. Запах человека его, вероятно, несколько смутил, поэтому медведь сразу не напал.

Я сорвал карабин, передёрнул затвор, щелчок и… осечка. Это было единственный раз за всю мою полевую жизнь, когда мой карабин нас чуть не подвёл. По-видимому, попался бракованный патрон. Степан замахал молотком, угрожающе закричал. Такой агрессивности медведь не ожидал. Пока я передёргивал затвор, медведь опустился на лапы и скрылся в стланике.

Встал вопрос, что делать дальше. Нам по этому пути ходить каждый день, и не у всех было оружие. Да и с оружием не всегда успеешь выстрелить, если он бросится из засады. Надо его убивать! Но как его увидеть в стланике? Среди зарослей в десяти мет-

рах от их края возвышалась скала метра 3 высотой. Я решил на неё забраться. Подумал, что сверху я увижу медведя в зарослях и уложу его. Но как быть со спутниками? Вдруг я его сразу не убью, и он кинется на них.

– Давайте все на скалу. Я впереди, с карабином наизготовку, а вы за мной. Только плотно друг за другом.

Ниже по склону в двадцати метрах за стеной стланика была открытая поляна. За ней простиралась многокилометровая марь. Только мы приготовились к «нырянию» в стланик, смотрим, а медведь выходит на эту поляну. Идёт, не торопясь, глядя на нас. Но тут я прицелился, выстрелил по лопаткам и попал в сердце. Он был убит наповал. Оказалось, что этот медведь не нагулял жиру, был потенциальным шатуном, и нападение его на кого-нибудь из нас было весьма вероятным.

Надо разделывать медведя и нести мясо на табор. Для троих это займёт много времени. Я выстрелил три раза подряд, давая сигнал на табор, что нужна помощь. В ожидании её мы присели отдохнуть. Вдруг я увидел не спеша бегущего по звериной тропе через марь оленя. Он направлялся как раз в ту сторону, откуда должны прийти ребята. Олень добежал до зарослей стланика и скрылся из виду. Я понял, что сейчас олень столкнётся с ребятами и кинется назад по тропе, побежал к месту, где тропа выходит из кустов, и залёг за камни. Послышались разговоры ребят. Олень, убегая от них, выскочил на меня. Здесь я его и застрелил. Таким образом, мы оказались обеспеченными мясом медведя и оленя. Из медвежатины делали котлеты, а с олениной варили суп.

На другой день распланировали линию шурфов и приступили к работе. Чтобы скорее сделать её, работали все. Надо было пройти шурфы до коренных пород и поинтервально, через полметра брать пробы. Их носили к ручью, протекавшему в ста метрах, промывали и получали шлихи, в которых могли содержаться нужные нам тяжелые минералы. Их доставляли на табор, где Ира Тулубьева сразу просматривала, чтобы корректировать нашу работу. Мы со Степаном копали шурфы, Алик Курносов документировал их, ребята носили материал в рюкзаках к воде, Нина Борисовна промывала. В общем, дело было поставлено на поток. Погода нам благоприятствовала.

– Давай не зажимай метраж проходки шурфов, – шутя, говорили мы Алику.

Шурфы задокументировали за хорошую работу на студенток, как будто они их проходили. Они получили дополнительную плату.

Приближалось 5 сентября, день моего рождения. Каждый год, если позволяла обстановка, эту дату отмечали застольем и как близкое окончание полевого сезона. После этого ещё оставались кое-какие доделки, но основной объём работ обычно был выполнен. Вот и в этот раз Дмитрий Сергеевич, находясь в Казачинске, обещал обязательно нас вывезти на базу для «банкета» в качестве подарка мне. 1 сентября прилетел вертолёт и привёз нам недостающие продукты. Прилетела Инна Морозова. Вертолёт не выключался. Инна подавала нам, что привезли. В конце она подала мне крафт-куль с чем-то.

– А это что? – спросил я её.

– Это тебе на день рождения: бутылка шампанского и прочие гостинцы.

– Забирай обратно. Дима обещал вывезти нас 5 сентября, значит, вертолёт будет.

– А вдруг не будет?

– Ничего не знаю, Дима обещал, значит, будет, – и затолкал крафт-куль с подарками обратно в вертолёт.

Наступило 5 сентября. Мы приготовились вылетать, свернули спальные мешки, тенты, всё имущество. Оставили только одну палатку с печкой. Дело к вечеру, а вертолёта нет. Геологи начали на меня ворчать: «Почему не взял куль с праздничным ужином?». Я виновато молчал, но до заката Солнца всё же надеялся. Но вот надежда вместе с Солнцем угасла. Настроение у всех грустное. Вдруг из-за ближайшей горы вывалил вертолёт и начал садиться. Дверцы открылись, высунулся Дима.

– Давай скорее грузитесь, светлое время уходит!

Мы быстро всё скрутили, погрузились и полетели уже в сумерках. По дороге Дима рассказал, что вертолётчики собрались лететь к нам ещё утром, но обнаружилась поломка. Дима им пообещал, что если сегодня вывезут нас, то в качестве презента мы им подарим оленье стегно. К вечеру они устранили поломку и полетели. На базу садились по темноте. Вертолётчики включили

прожектор. Я впервые участвовал в ночной посадке вертолёта. Зрелище непривычное и романтичное! Было ощущение чего-то нереально, загадочного. Кругом непроницаемая темнота, и лишь вокруг вертолёта яркое пятно света. Быстро разгрузились, оставив оленью ногу вертолётчикам, и они улетели.

На базе женщины готовились весь день к празднованию: топили баню, пекли пироги и т. п. Мы быстро помылись, переоделись и уселись за праздничный стол. Такого изобилия и разнообразия еды у нас ещё никогда не было! Мясо было оленье, медвежье. Дима настрелял 12 рябчиков и утку. Их поместили на лист и запекли. Рыба была жареная и солёная. Дима привёз разнообразные овощи и фрукты, молодой картофель. Выпивка была тоже разнообразная. В общем, повеселились мы на славу. Как обычно пели песни, которые разносились среди дикой природы до самого утра.

Осенью, когда мы вернулись на базу, нас одолели медведи. Вблизи часто видели свежие следы и продукты их жизнедеятельности.

Ещё до этого, когда на базе оставались только Ира Тулубьева и Инна Морозова с детьми, медведь приходил на базу. В течение часа они работали и не выходили из дома. А когда вышли, то увидели, что брезентовая дверь в туалете разорвана снизу доверху. По счастливой случайности, туалет в это время был пуст.

Закончив маршруты, мы решили отметить окончание полевых работ. Благо, было чем. Вечером, когда уже стемнело, возникла необходимость добавить спиртного, а оно было на складе. Туда за ней отправился с фонариком Дмитрий Сергеевич.

– Подхожу я к складу, – вернувшись, рассказывает он, – свечу фонариком и вижу медведя у противоположного угла склада. Через мгновение он скрылся. Я открыл склад, взял, что нужно и пошёл обратно.

– Может тебе в темноте медведь показался с пьяных глаз? – пошутили мы, но поверили.

Утром следы медведя у склада убедили нас в правдивости Диминого рассказа.

Осенью распорядок на базе у нас был такой. Женщины по очереди дежурили на кухне, а мужчины обеспечивали дровами дома, кухню, пекарню и баню. Ну и, само собой, по очереди дробили пробы. В один из дней дежурила флегматичная студентка

Нина Воронежская. Как положено, она в 7 часов пошла к тагану готовить завтрак.

– Пришла я к тагану и собираюсь разжигать костёр, – рассказывала она, – смотрю, а из-за бани вышел медведь (это метрах в двадцати), за ним ещё один. Думаю, что же делать? Подойти поближе посмотреть, пойти Вам сказать о медведях или не обращать внимания и продолжать разжигать костёр. Решила всё же, что надо пойти и Вам сказать.

Мы ещё спали. Она поднялась в дом.

– Там у бани медведи, – спокойно, без эмоций говорит она.

Мы выскочили из спальников, похватали карабины и бегом на берег. Смотрим, а медведица с двумя медвежатами по залому переходит Черепаниху и находится уже у противоположного берега. Дмитрий Сергеевич успел выстрелить. Медведица взмахнула лапой и скрылась на том берегу в лесу. Перебравшись на другой берег, мы никаких следов медведей не обнаружили и вернулись обратно.

Так как у меня разболелся живот, то я первым улетел в Иркутск. По приезду в город у меня продолжались небольшие боли в животе. Лена привела меня в больницу, где работала. Хирурги определили воспалившийся аппендицит и срочно вырезали его. Они сказали, что промедление могло кончиться разрывом аппендицита. Так что опять судьба спасла меня. Если бы аппендицит лопнул в партии, то скорее всего меня бы не стало.

Раз такое нашествие медведей, оставшиеся ребята решили поставить на них самострел. Сделали загородку, положили туда кусок мяса, настроили ружьё, чтобы оно выстрелило в сторону медведя, если потянуть мясо. Под утро услышали выстрел. Прибежали с оружием туда. Мяса нет и следов крови тоже нет. Следовательно, плохо настроили оружие, медведь безнаказанно поживился мясом. На другой день более тщательно настроили ружьё. На рассвете снова выстрел. Видать медведю понравились такие гостинца. Прибежали и видят, что на этот раз выстрел достиг цели, но только ранил медведя. Пошли по кровавым следам. Медведь уходя от них, периодически ложился.

Была у нас собачка. Она тоже решила преследовать раненого медведя. Опережая всех, с лаем кинулась по следу. Медведь залёг за деревом, а она сходу прыгнула к нему. Он хватил её лапой и

собака со смертельно разорванным боком, вывернутой ногой и визгом покатилась прочь. Пройдя по следам больше километра, ребята поняли, что ранение не убойное, и прекратили преследование.

В конце октября вся партия вернулась в Иркутск, и мы стали готовиться к приёмке полевых материалов. В этом году у нас появились данные, существенно изменяющие представление о строении Северо-Байкальского пояса. Ранее считалось, что он сложен в основном однообразными лавами. Ещё в Домугдинской партии у нас зародились сомнения в такой трактовке геологического строения пояса. Но материалов для ревизии бытовавших представлений было мало. Наши исследования этого года показали, что наряду с лавами, которые изливались на поверхность, значительные площади занимают так называемые субвулканические образования, слагающие приповерхностные интрузивы. Они прорывают вмещающие образования и постепенно переходят в эффузивы. На приёмке полевых материалов мы пытались доказать новую точку зрения на строение пояса. Несмотря на обилие доказательного материала, комиссия признала нашу точку зрения ошибочной и оценила наши полевые работы, как посредственные. А это привело к лишению нашего коллектива премии. Вышло, что я своими новациями лишил коллектив денежной дотации. Но все ИТР были со мной согласны, я не увидел у ребят обиды. Надо сказать, что в конце работы Ревуньской партии наша точка зрения была принята геологической общественностью и оценена как серьёзное достижение.

По приезду в Иркутск нас обеспокоила судьба Нины Борисовны. Она хотела остаться в геологии и именно в нашей партии. Нина была принята на временную работу, и её надо было уволить по окончанию полевых работ. Но в трудовом законодательстве была статья, по которой принятый на временную работу человек, проработав более 6 месяцев, становился постоянным работником со всеми правами. Мы хотели её оставить в нашей партии. Главную роль в этом должен играть начальник партии Дмитрий Сергеевич. Благоприятным моментом для Нины Борисовны стало его желание перейти в Институт геохимии и заняться наукой. В связи с этим Дмитрию Сергеевичу были уже безразличны репрессии начальства. Он о своём уходе руководство экспедиции не оповещал, специально тянул с собственным увольнением и не увольнял

Нину Борисовну. В общем, было, как в миниатюре Аркадия Райкина. Вызывает начальник экспедиции Дмитрия Сергеевича.

– У Вас до сих пор числится временный рабочий Н. Б. Попова. Надо уволить.

– Будет сделано (по Райкину: «бу сделано»), – отвечал Дмитрий Сергеевич.

Проходит неделя. Сцена повторяется.

– Почему до сих пор не уволена Н. Б. Попова?

– Будет сделано (по Райкину: «бу сделано, бу сде-ла-но!»)

Проходит ещё неделя.

– Почему до сих пор не уволена Н. Б. Попова? – уже сердито спрашивает начальник экспедиции.

– Так я её уволить не могу, она числится уже более 6 месяцев и теперь является постоянным работником. А вот моё заявление об уходе.

Её должен был увольнять уже отдел кадров, а оснований для этого не было. Так и осталась Нина Борисовна в нашей партии. Через год она вышла замуж, затем родила двух детей, кончила вечернее отделение геологического факультета ИГУ и стала специалистом по геологическому дешифрированию аэрофотоснимков.

К нашему большому горю, Нина Борисовна заболела скоротечным видом рака и рано ушла из жизни. Уже находясь при смерти и зная, что скоро умрёт, она дома, через силу, борясь с болезнью, затеяла генеральную уборку.

– Зачем ты это делаешь? Ведь тебе так трудно! – говорили ей.

– Ну, как же, я умру, на похороны придут мои друзья, а у меня дома не убрано!

Даже в таком состоянии она думала о том, как её дом встретит друзей. Воспоминания о ней согревают наши души!

1969 год (А)

В полевой сезон 1969 года Ревуньская партия продолжила геологосъёмочные работы в пределах Акитканского хребта. Коллектив остался почти тот же. Дмитрий Сергеевич ушёл в институт Геохимии заниматься экспериментами по геохимии золота. Мне снова предложили возглавить партию, и я снова отказался. Тогда начальником партии назначили Славу Буровича. Он был человек покладистый, на работе «не горел», но выполнял свои обязанности добросовестно. Часто употребляемое им выражение, отражавшее суть его отношения к делу, было: «Не будем брать на себя повышенные обязательства». Нам он не мешал с энтузиазмом заниматься геологией и, по необходимости, участвовал в маршрутах.

База осталась на том же месте, при впадении р. Гольцовая в р. Черепаниха. Во второй половине марта, пока вертолёты не были загружены работой, решили забросить на базу основное снаряжение и продукты на лето, а также двух рабочих: Юру Пономарёва и его родственника. Они должны были принять груз, заскладировать его, охранять до нашего прибытия и заготовить для базы дрова на лето. До Качуга груз довезли на машинах, затем самолётом до Казачинска и заказали вертолёт.

Прилетел вертолёт Ми-4. Надо было сделать несколько рейсов. Первым рейсом полетели Юра с родственником, собакой и частью груза. Я полетел с ними, чтобы указать место базы и посадочной площадки. Впервые я увидел Акиткан в зимнем наряде, укутанный ослепительно белым покрывалом, в котором, как дыры, чернели скальные обрывы. Посадочная площадка располагалась на террасе, возвышавшейся примерно на метр над руслом. Гольцовой. Но снег сравнял русло реки с этой террасой, образуя единую ровную поверхность. Не зная расположения площадки, можно было сесть на реку.

В Акиткане из-за раннего и обильного снега реки не покрываются льдом. Осенью они мелеют, и крупные валуны выступают из воды. Когда начинается осенний снегопад, то на валунах сначала возникают снежные «шапки». Они постепенно разрастаются и соединяются друг с другом, образуя единый покров. Мощность снежного покрова быстро нарастает и укрывает текущую воду.

Толщина снега на реках достигает полтора-два метра, и даже в лютые морозы он предохраняет их от промерзания до дна. Поэтому наледи не образуются.

Вертолёт завис на значительной высоте над посадочной площадкой и начал медленно вертикально опускаться, создавая всё усиливающуюся метель. Садился он уже в сплошной снежной мгле. Как говорится: «Не видно ни зги». Наконец почувствовав твёрдую основу, начал замедлять вращение винтов. Постепенно стало видно окружающую местность. Окрыли дверцу, собака тут же прыгнула в снег, и пропала. Только снег бурлил вокруг места её погружения. Наконец показалась голова, и она стала пытаться забраться назад в вертолёт.

Бросили мы первый ящик с тушенкой. Он исчез в снегу, второй постигла та же участь. Третий ящик лишь краешком торчал из снега. Быстро разгрузили вертолёт, выпрыгнули сами. Винты вертолёта закрутились в возрастающем темпе, и мы погрузились в снежную тьму. Но вот вертолёт взмыл в небо, и видимость стала нормальной. Мы начали топтать снег, создавая плотную основу для посадки вертолёта. Когда снег под ногами достиг нужной плотности, мы оказались в снежной яме глубиной по грудь.

Посадочная площадка располагалась на расстоянии около двухсот метров от домов базы. Мы начали торить туда дорогу, сменяя друг друга, протаптывать траншею в снежном покрове. Работа эта была тяжелой. Потребовалось почти два часа, пока мы, все мокрые от пота, добрались до нашей кухни. Образовалась траншея с бортами высотой больше метра. По пути мы должны были пересечь ручей, но его не было видно. Когда же пошли обратно, продолжая утаптывать дорогу, то стали проваливаться в воду. Вот тогда и увидели, что ручей спокойно течёт под снегом.

Послышался звук вертолёта, и мы поспешили к посадочной площадке. Разгрузили его и, захватив по ящику, пошли топтать тропу к бане, где предполагалось жить ребятам. На нашем пути первым строением была пекарня. Уезжая, мы заколотили дверь крупными гвоздями. Осталось открытым лишь окошко шириной не более полуметра. Добравшись до пекарни, мы увидели, что по периметру окна видны клочья медвежьей шерсти. Неужели медведь облюбовал пекарню в качестве зимней квартиры? Юра при-

готовил свою двустволку для стрельбы и осторожно заглянул в окно. В полумраке ничего не было видно. Осветили фонариком углы пекарни, всё было пусто. Тогда мы открыли дверь и вошли внутрь. В пекарне всегда много горелых корок, кусков засохшего теста. Но сейчас здесь была чистота, лишь на полу валялась длинная тряпка, на которой, как гирлянда, были нанизаны «колбаски» медвежьего помёта.

Восстанавливается следующая картина. После того, как мы покинули базу, её посетил небольшой медведь, скорее всего пестун. Учуяв запах еды, он с трудом протиснулся в окошко и подобрал всё съестное, которого было немало, в том числе и тряпку, которой вытирали листы и формы для хлеба. Раздувшись от еды, он не смог выбраться через окно. В общем, картина, как у Винни Пуха после угощения у Кролика. Постепенно съеденное выходило наружу вместе с тряпкой. Когда же медведь достаточно похудел, он смог протиснуться в окно, оставив нам на память тряпку с «колбасками».

Третьим рейсом прилетел вертолёт, я попрощался с мужиками и отправился в цивилизацию, а они остались на три месяца среди снегов дожидаться лета.

Для жилья Юра со спутником приспособили баню, которая была сделана добротно, с двумя скамейками-лежанками, плотной дверью, печкой, обложенной камнями. Они в этой бане благополучно дождались нас. Их снабдили охотничьими лыжами, и они могли передвигаться по окрестностям, несмотря на глубокий снег. Недалеко в улове-заливе Черепанихи ветрами сдуло снег, обнажив прозрачный лёд, в который вмёрзли 7 солидных ленков, не успевших осенью скатиться вниз по течению. Хорошая была добавка к их рациону. Кроме того, они добыли сохатого, мясо которого частично сохранили до нашего прилёта в начале июня. Мы были им за это благодарны.

Так как Слава Бурович до этого работал на платформе, то мы решили, что он займётся равнинной частью площади, расположенной на западе, будет с горняками вскрывать разрез платформенных образований и их картировать. Основной состав партии под моим руководством займётся геологической съёмкой центральной части Акитканского хребта. Таким раскладом Слава был доволен, так как лазить по горам ему не очень-то хотелось.

Главным транспортным средством в этот полевой сезон у нас был вертолёт. Первый табор сделали в бассейне ручья Мрачный, на том месте, где я в 1968 году добыл оленя и медведя. Место было удобное. С одной стороны располагались стеной заросли, с другой – обширная марь, откуда дул ветер и разгонял гнус. Около зарослей были в беспорядке навалены глыбы по два-три метра в диаметре, создавая экзотичный пейзаж. Но ровных площадок было достаточно для устройства табора и посадки вертолёта. Рядом из-под камней вытекал ручеёк с кристально чистой ледяной водой. Сухого стланика для костра тоже было достаточно.

Только мы обустроились, как налетела гроза, небо закрыла низкая чёрная туча, в которой почти непрерывно сверкали ослепительные молнии, и гремел оглушительный гром. К утру непогода кончилась, и мы приступили к работе.

В первый маршрут после грозы я пошёл с Юрой Пономарёвым. Пересекли марь и подошли к неширокой полосе редкого лесочка, который просматривался насквозь. Только мы вошли в него, как буквально из-под ног с огромным шумом взлетели два глухаря. От неожиданности мы чуть не сели. Юра схватился за двустволку, но они были уже далеко.

Здесь увидели последствия грозы. Некоторые деревья были молнией расколоты до корней, а обломки разлетелись метров на двадцать. Хорошо, что табор располагался не в лесу. Не хотелось бы находиться там в такую грозу!

В другой маршрут я пошёл с Ниной Борисовной. День был на редкость жаркий и душный. Стояло то, что называют марево, даль, словно слегка подёрнута дымкой и никакого движения воздуха. Степан Морозов, который в этот день работал с магнитометром, сказал вечером, что термометр на нём показывал максимально 35 градусов. В такие дни ходить в маршруты очень тяжело.

Только мы пересекли марь, как нам наперерез выскочил олень. Я сходу выстрелил и уложил его. Начали разделывать оленя. Я работал ножом, а Нина Борисовна оттягивала шкуру. Вдруг нож у меня сорвался и полосонул по костяшкам пальцев Нины Борисовны, срезал кожу. На среднем пальце кожа оказалась срезана с одной стороны и повисла. Я быстро достал тетрациклиновую мазь, выдавил её на рану, приложил повисшую кожу и забинтовал. Чув-

ствовал я себя виноватым, но ничего не поделаешь. Маршрут пришлось прекратить. Я докончил разделку оленя. Мы загрузились мясом и вернулись на табор.

Впоследствии оказалось, что частично срезанная кожа приросла другим концом, а посередине нет. И там началось нагноение. Как вылечить палец? Ведь последствия могли быть весьма серьёзными. Геля сказала, что надо кожу срезать и взялась за это дело. Мы пытались успокоить Нину Борисовну перед операцией. Геля в огне продезинфицировала острый нож. Затем мгновенно резким движением она срезала неприросшую кожу. Нина Борисовна только вскрикнула, а операция уже завершилась. После этого Геля продезинфицировала рану и перевязала. Рана быстро зажила.

Катя — студентка-радиометрист ходила с Гелей. У неё приключился, как я сейчас понимаю, цистит. Мы поужинали и готовились ко сну. Стемнело. В это время туча заволокла небо, готовился пойти дождь. Наступила абсолютная темнота. Геля в маршруте собрала необходимые травы и после ужина стала готовить лекарство для Кати. Мы сидели в палатке с открытым входом и наблюдали за действиями Гели. Представьте себе картину: в абсолютной темноте горит маленький костерок, над которым висит котелочек. Геля с распущенными волосами склонилась над котелком и, помешивая, готовит лечебное зелье. Картинка, достойная кадра из сказочного фильма.

– Бабка-ведьма, – тихо резюмировал Юра.

Приготовленным зельем она Катю вылечила.

В это время уже была организована довольно устойчивая связь между подразделениями экспедиции и центром. В Киренске располагалась кустовая радиостанция. Она связывалась с партиями, которые работали вокруг Киренска, и с экспедицией в Иркутске. Для связи с кустовой радиостанцией на базах партий были относительно мощные рации. Обычно минералоги или лаборанты, которые постоянно находились на базах, по совместительству были и радистами. Отряды уже имели походные рации – «Караты» с фиксированной частотой. Они обеспечивали связь между отрядами и с базой. У «Каратов» был только один большой недостаток. Для них в горах существовали «тени» для радиоволн. Случалось, что соседние отряды, расположенные в десяти или немногим более

километрах и разделённые хребтом, не могли связаться друг с другом и с базой, в то время как могли связаться с партиями, расположенными в нескольких сотнях километрах. В этих случаях отряды передавали информацию друг другу и на базу через посредников. В назначенное время включались все радиостанции. Вначале все слушали сообщения кустовой радиостанции, а затем начинались местные переговоры, иногда мешающие друг другу. Тогда, если нужна была срочная информация, либо просили другие рации помолчать, либо назначали другое время связи. Все были в курсе новостей соседних партий. В общем, «Караты» во многом нам облегчили организацию работу.

Отработали мы участок, надо перебираться на новое место, в долину среднего течения Черепанихи. На аэрофотоснимках нашли в нужном месте расширение её долины и голый остров – подходящее место для посадочной площадки вертолёта. Из Киренска передали, что в ближайшее время вертолёт для нас не ожидается. Решили идти туда на несколько дней и работать. Пошли вчетвером: я с Юрой и Геля с Катей. Взяли продуктов на три дня и необходимое снаряжение. Остальное должен был доставить вертолёт.

Перевалили через водораздел и по крутому борту долины Черепанихи спустились к намеченному острову. Но он за время, которое прошло после аэрофотосъёмки, оказался заросшим густым топольником, высотой более трёх метров. Лишь нижнее его окончание было без растительности. Вертолёт мог приземлиться, но с определёнными трудностями. А мы не захватили топор.

На коренном берегу у скалы поставили палатку, натянули тент над костром. Из-под скалы вытекал ручеёк с ледяной водой. В реке было полно хариусов. Наловили их, насолили полный таз и поместили в ручеёк. Утром отправились в маршруты. Мы с Юрой в каре увидали тарбаганов и добыли трёх штук. Это нам помогло растянуть питание на неделю.

Один из ручьёв, текущих вблизи табора по скалистому ложу, оказался благоприятным для составления разреза. Я взял Гелю с Катей и мы пошли налегке по этому ручью до самого верха, чтобы с составлением разреза постепенно спускаться к Черепанихе. Юру оставили на таборе. Он должен был ловить рыбу и солить её, варить обед из тарбаганов и нести нам на обед вместе с солёной ры-

бой, а обратно захватить собранный нами каменный материал. Ужин тоже был на нём. Такая организация работы, облегчала и ускоряла составление разреза. Мы справились с ним за три дня.

– Ты у нас как мужик, который трёх генералов накормил, – шутили мы, когда он показывался с обедом.

Катя занималась измерением радиоактивности пород. Как всегда, радиометр был у неё на груди, а наушник – на одном ухе. На второй день она, поскользнувшись на мокром камне, упала головой на каменный выступ. Удар пришёлся на наушник, который раскололся на мелкие части. Это спасло Катю от серьёзного ранения, а может и от смерти. Она потеряла сознание. Мы подняли её, посадили, конечно, перепугались, но через несколько минут сознание возвратилось к ней. Идти она смогла только после часа отдыха. Мы прервали работу, и пошли на табор, поддерживая Катю. К вечеру она уже окончательно пришла в норму. Никаких последствий падения не было.

Через неделю нам по рации сообщили, что будет вертолёт. В ожидании его, мы остались на таборе. На открытом «хвостике» острова у самой воды палками выложили квадрат, обозначив место приземления вертолёта. К обеду он прилетел, долго кружился и, наконец, сел. Мы стали разгружать вертолёт, но топора среди груза не было. Вышел уже знакомый нам пилот. Он был низенький, толстенький и относился к нам, геологам, свысока. Между собой мы его звали «Наполеончиком».

– Ну, я сюда сел только ради спортивного интереса. Больше я сюда не прилечу, – заявил он, постукивая носком туфли.

– Вы нам топор, хотя бы сбросьте, не приземляясь, пока Вы будете делать очередной рейс, мы площадку расчистим, – попросил я его.

– Нет, сюда я садиться не буду.

Поднялся в кабину и улетел.

Мы загоревали. Хоть иди специально за топором. Через полчаса, слышим, снова летит вертолёт. Пилот смилостивился над нами, привёз груз и топоры. Пока он делал следующий очередной рейс, мы полострова очистили от топольника. К последнему рейсу посадочная площадка уже отвечала необходимым требованиям.

В одном из маршрутов поднимались мы с Юрой по долине левого притока Черепанихи. Вышли из-за скалки и увидели метрах

в сорока медведя. Он ел какую-то траву на берегу ручья и нас не чуял. Я прицелился, выстрелил, попал, но только ранил его. Медведь стал уходить от нас вверх по ручью и скрылся за поворотом. С оружием наизготовку подошли к тому месту, где он пасся. На траве много крови, значит, ранен он крепко и скоро должен лечь. Осторожно пошли по следам крови, я по одному берегу ручья, Юра по другому. Вдруг он за камнем или за поворотом залёг и может броситься на нас.

Прошли метров двести. Впереди показалось расширение долины и пятно густой заросли стланика размером 10 на 30 метров. След вёл в эти заросли. Медленно, с оружием наизготовку обошли эти заросли кругом, выхода кровяного следа нет. Следовательно, он залёг в этих зарослях. Что делать? Соваться в эти заросли опасно. Не успеешь выстрелить, как медведь может наброситься. Выстрелили по зарослям, никакой реакции. Делать нечего. Покрутились мы вокруг этих зарослей, да и пошли своим маршрутом. Медведь, скорее всего, не выжил, а мы остались без существенной добавки к тушенке.

На другой день я эту «оплошность» исправил. Мы шли подходом к маршрутам вместе с Гелей. Я, как всегда, шёл первым. Поднявшись на плоскотину, увидел медленно шедшего оленя с огромными рогами. Я сорвал карабин, выстрелил по лопаткам и убил оленя наповал. Маршрут, конечно, пришлось отставить, Разделали зверя, загрузились мясом под завязку. А Геля решила взять роскошные рога.

– Как ты будешь с ними идти через заросли, – пытался я отговорить её. Но она была непреклонной.

– Проберусь как-нибудь, – настаивала она.

Привязала к рюкзаку рога. Мы взяли у неё часть мяса и тронулись на табор. Вид у Гели был весьма примечательный! Над головой из-за спины возвышались ветвистые рога. Несмотря на многочисленные трудности, Геля привезла рога в Иркутск и подарила их брату, который выделал их и повесил в квартире на стенку. Этот подарок служил постоянным предметом зависти гостей.

Следующий наш маршрут был на правый водораздел Черепанихи. С утра погода была отличная. Мы поднялись на водораздел. В ряде мест для выяснения геологических вопросов пришлось за-

держаться. Когда повернули обратно, дело было уже к вечеру. А тут вывалилась из-за гор туча, закрыла всё небо, полил проливной дождь. Мы надели плащи и устремились к спуску. Но по мокрым камням сильно не разбежишься. Пообедали мы давно, поэтому были нестерпимо голодными.

– Юрка, есть охота, мочи нет, – говорю я спутнику.

– И мне тоже.

Разводить костёр не было ни условий, ни времени.

– Доставай банку сгущенного молока, – предложил я.

Под проливным дождём соединились мы головами в капюшонах, сделали две дырки в банке, высосали молоко, сколько можно было и пошли дальше. К склону мы подошли уже в кромешной темноте. Начали спускаться по скалистому распадку. Вода по нему уже неслась мощным потоком. Темнота была такая, что друг друга мы видели лишь на расстоянии первых метров в виде тёмных силуэтов. По краям скальников были сплошные заросли стланика. Спускались буквально на ощупь, скользя по скале вместе с потоками воды. В середине склона я крикнул Юре, что попробую посмотреть, может по борту ручья передвигаться легче. Как выяснили мы потом, Юра меня не понял, и продолжал спускаться по ручью. Так в темноте мы потеряли друг друга.

Юра, не видя меня, вернее моего силуэта, начал кричать, но из-за шума воды и дождя я его не слышал. Он решил, что я, вероятно, сорвался со скалы и погиб. Первая его мысль, как он рассказывал, была: «Что же я скажу Елене Игнатьевне?». Он решил выстрелить из ружья. Я услышал, ответил выстрелом из карабина и стал пробираться к нему. Внизу на таборе товарищи беспокоились, что нас долго нет. Услыхав наши выстрелы, они разожгли большой костёр и стали стрелять из карабина и ракетницы, сигналя нам. Я спустился в ручей, нашёл Юру, и мы вместе поползли вниз. Мы были уже с ног до головы мокрые. Насыщенные водой плащи не столько защищали от дождя, сколько мешали движению.

Спустились к Черепанихе. Надо переходить на другую сторону. А вода уже значительно поднялась и неслась бурным потоком. Бродить, как мы сделали утром, было опасно. Поискав по берегу, обнаружили дерево, которое лежало поперёк русла. Противоположного берега не видно. Вода поднялась уже под самое дерево. Делать нечего, надо идти. Я благополучно перешел по нему на другую сторону, а Юра что-то задержался.

«А путь и далёк, и долог»

– Юра, ты где? – кричу ему, – выбирайся сюда!

– Да сейчас, – отвечает он.

Я наклонился над деревом и увидал Юрин силуэт, как будто он сидит на дереве. Встану – его не вижу. Наконец на четвереньках по дереву он добрался до меня.

– Что ты там задержался? – спросил я его.

– Да, понимаешь, на середине бревна я поскользнулся и свалился с дерева со стороны течения. Поток сильный и мои ноги затащил под дерево, пытаясь туда же отправить и меня. Я борюсь, но никак не могу преодолеть течение. Наконец, кое-как выбрался на дерево, и уже не вставая, перемещаясь верхом, добрался до тебя.

– Что же ты не позвал меня на помощь?

– Да я подумал, что смогу и сам выбраться.

Табор был уже близко. Мы быстро дошли до него, где наши товарищи уже были в панике и собирались идти нас выручать. Переоделись в сухую одежду, поужинали, возбуждённо рассказывая о своих приключениях, и пошли спать.

В этом году надо было заснять восточную окраину площади, занимающую центральную часть Акитканского хребта, чтобы в следующем году осталась компактная площадь на западных его склонах. Времени оставалось мало, а смена таборов и ожидание при этом вертолёта отнимали много времени. Если работать всем

отрядом вместе, то потребуется, как минимум, три перетаборовки. Мы оказываемся явно в цейтноте, снег может нам помешать завершить запланированную работу. Мы решили: когда прилетит очередной вертолёт, сразу сделать три табора и этим сэкономить, как минимум, неделю. Для каждого маршрутчика наметили отдельный табор, с которого он должен заснять определённый участок. Один участок для Гели, второй – для Степана, третий – для Алика. Каждому из них я нарисовал сетку маршрутов, а себе же зарезервировал линии маршрутов от одного геолога к другому. Также будет действовать и шлиховой отряд, сначала проведёт опробование речной сети с одного табора, потом перейдёт на второй табор и затем на третий. Благо к тому времени у нас накопилось достаточно списанных, но ещё годных палаток и спальников. Мы могли идти налегке, зная, что на очередном таборе есть для нас «и стол, и дом». Так и сделали.

Мы с Юрой начали работу с табора Гели. Высадились на относительно ровном водоразделе, покрытом в основном каменными россыпями с редкими зарослями стланика. Вулканиты, слагающие Акитканский хребет, обычно при разрушении образуют плиты разного размера. Из этих плит на каждом таборе мы делали печи для выпечки хлеба, замазывая щели между ними глиной. Возили с собой формы для хлеба, а при их отсутствии использовали чашки. Для того чтобы получился хороший хлеб, надо, чтобы тесто выходилось. А для этого необходимо тепло. В тёплую погоду достаточно было держать тесто в палатке на подставке. В холодную погоду посуду с тестом укутывали подручным материалом и постоянно топили в палатке печь. Раньше это делала таборщица, а здесь пришлось всё делать самим, так как она осталась в горном отряде.

Так как хлеб кончался, и на этом таборе решили сделать такую печку. Нашли подходящие плиты, установили, а для заделки щелей глины в округе не оказалось. Как быть? Через дыры печь быстро остынет, и хлеб получится полусырой. Нашли следующий выход из положения. После того, как посадили формы в печь, намочили кули и «закутали» ими её. Как только они высыхали и готовились вспыхнуть, их меняли. Хлеб получался отличный!

Сделали несколько маршрутов с табора Гели, откамеральничали, и мы с Юрой отправились маршрутом на табор Степана. Там

я нанёс маршруты Степана на свою карту, просмотрел собранные образцы и дневники и мы отправился к Алику, а затем снова к Геле. Свои маршруты я спланировал так, чтобы между участками разных исполнителей на карте не оказалось «дыр». Я сделал всего два круга, и площадь была заснята до снегов. Заказали вертолёт и в один его прилёт в начале сентября все отряды вывезли на базу. 5 сентября, как было принято у нас в партии, отметили хорошим застольем окончание полевых работ и мой день рождения. Затем провели полевую камералку, издробили пробы. А в середине октября были уже в Иркутске.

1970 год (А)

1970 год был последним для Ревуньской партии. Мы завершили отчёт по 1969 году, сохранив в нём полученные данные о наличии постепенных переходов покровных разностей в интрузивные образования и широком распространении в поясе интрузивных полей. Постепенно накапливался опыт по реконструкции палеовулканов. При оценке отчёта нас активно критиковали. Но постепенно наши данные убеждали «старых геологов» в новых представлениях о внутреннем строении пояса. Хорошую оценку мы заслужили!

Коллектив остался в основном прежним. Промывальщиком второй год был Гена Панарин. Так как Юра Понамарев, который два года руководил обустройством таборов, в этот полевой сезон отсутствовал, мы сказали Панарину, что он должен заменить его и организовывать ребят на работы по обустройству таборов. Это прибавило ему авторитета, и он с удовольствием командовал ребятами, которые были в основном школьниками и моложе его. На практике был Виталий – студент Иркутского политехнического института, Надя – студентка ИГУ и Галя – студентка Харьковского университета. Надя была бойкая, смелая крепкого сложения девушка, но увлекалась ребятами. Галя наоборот была миниатюрная, физически слабая и не очень охочая до работы. Таборщицей взяли молодую женщину Люду. Она поварскими способностями не блистала, но еду варила сносно.

База располагалась также на прежнем месте, в приустьевой части Гольцовой. Осталось заснять западные склоны Акитканского хребта в междуречье Черепанихи и Мини и юго-восточный угол площади. Работать решили на лошадях, которых арендовали в колхозе на Киренге. В необходимых случаях планировали использовать вертолёт.

На базу залетели в начале июня. В предгорье открытые места уже освободились от снега, а в лесу и в горах его ещё было много.

Вдоль хребта прорубили тропу до р. Ревунья – правого притока р. Миня. Расстояние получилось значительным. Отобрали необходимое снаряжение, продукты на первое время и тронулись в путь. Я шёл за лошадьми и вдруг на одной из полян почуял резкий запах черемши. Оказалось, мы пересекали открытое поле размером около 20 метров сплошь покрытое этим растением. Больше нигде за всё время работы в Акиткане я не видел ни одного листика черемши. Мы нарвали её полкуля, на долгое время обеспечив себя витаминами.

На водоразделе рек Ревунья и Солянка сделали первый табор. В этом месте была обширная поляна, окружённая зарослями. На поляне из-за сырости палатки ставить было нельзя. Решили ставить их на снегу в лесу. Утоптали снег, поставили палатки, как всегда, сделали нары. Но когда растаял снег, оказалось, что палатки стоят на камнях, покрытых мхом. Нары перекосились. Ходить в палатках было очень неудобно. Но переносить их не было ни время, ни места. Пришлось мириться с неудобствами.

Радиометристом я взял себе Сергея – исполнительного, молчаливого молодого человека. Я проработал с ним всё лето и был им доволен. Первый мой маршрут был в долину Ревуньи. Во второй половине дня мы спустились к реке. Погода стояла солнечная, снег быстро освобождал горы. Из-за интенсивного таяния снега в горах Ревунья представляла собой глубокий широкий поток, который нельзя было перейти.

Дней через десять начальнику партии и завхозу понадобилось выбраться в Казачинск.

– Можно по Ревунье сплавиться до Мини на резиновой лодке, – спросили они меня.

– Конечно можно, она такая полноводная, – ответил я, помня её широкое русло.

Они взяли резиновую лодку с вёслами и на себе понесли её до Ревуньи. Через 10 дней они вернулись вертолётом.

– Ты куда нас послал? – набросились они на меня с упрёками, – целых 16 километров до Мини нам пришлось тащить лодку с вёслами на себе.

Оказалось, что за 10 дней вода в Ревунье спала настолько, что сплавляться по ней было уже невозможно. Этого я не учёл.

Галю я вначале определил радиометристом к Алику Курносову. После первого маршрута он пришёл возмущённый и рассказывает:

– Начали маршрут. Галя отстаёт и отстаёт, приходится её ждать. Я ей говорю: «Иди быстрее!» А она в ответ: «А куда торопиться, я должна от маршрута получать удовольствие». Меня это возмутило, приказал идти быстрее. Она несколько поторопилась, но всё равно отставала.

Из другого маршрута они запоздали, пришли по темноте. Алик удовлетворённо заявил:

– Ну, кажется, Галя исправляется, в конце маршрута шла вплотную.

А Галя рассказывает:

– Стало темнеть, мне боязно, давай я догонять Альберта Фомича и уже не отставала от него.

Вижу, что маршрутчик из неё никакой, только забота геологу, чтоб не потерялась при отставании. Поручил я ей заняться шлиховым опробованием с Геной Панариным. Гена ходил быстро, а Галя всё время отставала уже просто из-за своих физических данных. Он шлих возьмёт и ждёт её. А ему скорее на табор охота. Придёт из маршрута, а через полчаса появляется она. Благо, по ручью не заблудишься.

– Я её поколочу, – как-то раз заявил Гена.

– Не вздумай, – строго предупредил я его, – будешь отвечать по суду.

Как-то раз пришёл Гена, а через некоторое время показалась Галя. Вся щека у неё тёмно-фиолетовая, а глаз заплыл, что его не видно.

– Ты что сделал? – с возмущением закричал я и чуть не кинулся на него с кулаками.

– Владимир Васильевич, это не я, это не я! – отпрянул он от меня, – она сама упала на камень!

Действительно, Галя упала щекой на камень, долго плакала от боли, а Гена сидел рядом, жалел её, мочил тряпку в холодной воде и прикладывал ей к лицу.

В общем, мы при первой возможности Галю уволили и отправили в Иркутск, чем она была несказанно довольна.

Следующий табор решили устроить на берегу р. Мини вблизи устья Ревуньи. До Ревуньи прорубили тропу, завьючили лошадей и спустились в её долину. Вода в ней спала, и мы по заберегам и сухим протокам беспрепятственно дошли до Мини. Уже по дороге к Мини на лошадей навалилась какая-то болезнь. Одна лошадь начала качаться, затем ложиться и прекратила своё существование, затем другая. До Мини дошли только три лошади. Да и там мы ещё одну потеряли. Осталось только две лошади.

Для доказательства гибели лошадей от болезни, необходимо иметь заключение ветеринара. Но как его доставить на табор, да ещё провести по тропе до всех лошадиных трупов? По правилам ветеринар должен осмотреть всех павших лошадей. А они находились на разных участках тропы. Везти его на вертолёте дорого, да и посадочной площадки вблизи нет. Зачем ветеринару надо тащиться в такую даль? Это ведь надо нам, а не ему.

Начальник партии с завхозом поплыли в колхоз, откуда были взяты лошади, там нашли ветеринара и устроили ему «банкет», во время которого уговорили сплавать по Мини до табора. Затем арендовали моторную лодку и привезли ветеринара на табор. Он вышел из лодки, подошёл к павшей лошади на пять метров, убедился, что мы её не съели, до остальных павших лошадей идти отказался, подписал акт, сел снова в лодку и отбыл восвояси.

Пришлось нам оставшуюся часть сезона переезжать на сохранившихся двух лошадях. Грузили на них только самое необходимое для работы, загружались сами и переезжали. Остальное складывали в кучу и закрывали брезентом от дождей. Если была возможность, то конюх делал несколько рейсов. Чаще всего оставались собранные нами в маршрутах образцы и пробы. В результате

оказалось несколько оставленных в разных местах куч, которые осенью конюх постепенно свозил на базу. Всё было в целости и сохранности, только на Солянке медведь порвал тент и разворочал несколько ящиков с камнями. Там не было ничего съестного. Интересно, что он искал среди камней?

Один из маршрутов на правый водораздел Ревуньи мы делали втроём: я, Сергей и Надя. Возвращались по её сухим протокам, покрытым мелкими валунами. Спустились к реке и встретили Гелю с двумя ребятами, также возвращавшихся из маршрута. Дальнейший путь, вниз по сухому руслу продолжили вшестером. В двух километрах от устья Ревуньи увидели в русле яму с водой, глубиной около метра. Половина её была покрыта баррикадой высотой больше метра из привнесённых в половодье деревьев. Подошли к яме, а в ней плавает большое количество хариусов.

– Давайте попробуем поймать рыбу руками, – предложил кто-то из ребят.

Я согласился. Мы с Гелей уселись на берегу, а ребята, раздевшись до трусов, бросились в воду и начали ловить хариусов. Поймав первых рыб, они вошли в азарт. С визгами, криками восторга стали хватать рыб и выбрасывать их нам. Мы с Гелей только успевали их пороть, выбрасывать внутренности и складывать в пакет. Поймали 48 штук довольно крупных хариусов. Такая необычная рыбалка уж точно всем участникам запомнилась.

– Вот как надо ловить рыбу, – шутя заявили мы, придя на табор, – зачем нам удочки, когда руками быстрее можно её поймать!

Другой маршрут мы делали с Сергеем вдвоём на голец Ламбор. Поднимались по небольшому ручью, впадавшему в Миню. Долина ручья была весьма интересной своими контрастами. Отдельные отрезки её были каньонами с вертикальными стенками высотой в десятки метров. Плоское днище шириной до 5 метров было покрыто камнями, между которыми струилась прозрачная холодная вода. В половодье такие участки были бы непроходимыми. Они заканчивались либо водопадами, либо крутыми сливами. По выступам мы поднимались из каньонов. Таких участков было четыре. Особенно запомнился последний каньон, который заканчивался почти вертикальным уступом высотой около 25 метров. Поток воды стекал по нему, закручиваясь винтом. Невиданный

мною феномен! Подняться здесь мы не смогли, пришлось возвратиться на несколько десятков метров, пока нашли возможность выбраться из каньона.

Поднявшись из каньонов, мы попадали в довольно широкие участки долины со спокойно текущим ручьём и весёлым пейзажем. Кругом росли невысокие берёзки с лужайками, покрытыми травой. Было впечатление, что мы находимся в окрестностях Иркутска. Но через несколько сот метров мы вновь попадали в узкий каньон с мрачными вертикальными, часто мокрыми стенками.

Каньонообразные участки отражают периоды резкого подъёма хребта, а участки спокойного течения – реликты долины, существовавшей до его поднятия. В одном из каньонов мы увидели окатанную глыбу гранитов диаметром три метра. Такие граниты выходят на восточных отрогах Акитканского хребта. Глыба была доставлена сюда ледником ещё тогда, когда не было хребта, и скатилась в каньон после его образования.

В районе гольца Ламбор аэромагнитной съёмкой была выявлена интенсивная аэромагнитная аномалия. Поднявшись на него, я увидел, что голец сложен породами, так называемыми монцонитами. Образец, поднесённый к компасу, заставлял его стрелку метаться, как бешенную, как будто она хотела вырваться из компаса и убежать, куда глаза глядят от этого камня.

На другой день мы с Сергеем пошли в долину ручья Ламборского на три дня. Степана и Гелю с ребятами я отправил на голец Ламбор, чтобы они определили интенсивность и размеры магнитной аномалии, отобрали образцы и пробы. В первый день наш маршрут проходил по хребту, противоположному гольцу Ламбор. Был безветренный ясный день. В обед ребята на острой вершине гольца развели костёр. Дым вертикально поднимался вверх. С нашей стороны было полное впечатления, что там «проснулся» и дымит вулкан. Около 1800 миллионов лет назад их здесь было в изобилии.

Мы сделали два маршрута, но оказалось, что нужен ещё один маршрут, а у нас кончились продукты. Идти на табор за продуктами, затем возвращаться и терять два дня? На левом берегу Мини, немного ниже устья руч. Ламборский была база соседней партии. Но как перебраться на другой берег? Миня в устье ручья Ламборского разлилась широко и видно, что мелкий перекат как будто

прослеживается до другого берега. Я решил перебрести Миню и позаимствовать у соседей продуктов на один день. Перекат оказался глубиной чуть ниже колен, и я спокойно добрался, как я считал, до другого берега. Но оказалось, что это остров, а за ним глубокая протока шириной около 10 метров с мощным течением. Делать нечего, надо её преодолевать, не возвращаться же назад. Только вошёл в поток, как меня вода сбило с ног и потащило вниз по течению, где было глубокое улово. Хорошо, что глубина в протоке оказалась по грудь, а то одежда и карабин утащили бы меня на дно. Борясь с течением, кое-как я добрался до противоположного берега, выжал одежду, надел её и пошёл на базу соседней партии. Опять судьба была ко мне благосклонной. Я ведь был «на волосок» от гибели.

На базе никого не было, только скучала лаборантка-радист. Она обрадовалась возможности поговорить, приветливо встретила меня, накормила, повела на склад и снабдила необходимыми продуктами. Пока я пил чай, лаборантка включила рацию и всем окружающим партиям сообщила новость, что к ней на базу пожаловал Булдыгеров, который перебрёл Миню и при этом чуть не утонул. Радисты на базах от скуки часто в радиоэфире устраивали «конференции», обмениваясь партийными новостями. Около базы было огромное улово со спокойным течением. Лаборантка перевезла меня на лодке на другой берег, и я благополучно вернулся обратно с продуктами.

С Мини мы переехали в долину Ревуньи. Решили сначала заехать как можно выше по её долине, а затем спускаться вниз по течению. Долина Ревуньи делится на четыре непохожих друг на друга отрезка. Её вершина имеет вид обширной равнины, сужающейся и полого понижающейся к западу. По ней текут многочисленные ручейки, как растопыренные пальцы, соединяющиеся ниже в единый поток. Далее река течёт в узкой прямолинейной долине. По обе её стороны тянутся террасы шириной 2–5 метров, возвышающаяся над руслом меньше метра и прилегающие к крутому склону, покрытому каменными россыпями Течение здесь относительно спокойное. По-видимому, вода в весенний паводок скатывается поверх мощной толщи снега, заполнявшего днище долины.

При выходе из гор на коротком отрезке дорогу Ревунье преграждает поперечное поднятие. «Рассвирепев», река набрасывается на него, образуя скалистое труднопроходимое ущелье. Течение здесь бурное, с громким шумом (рёвом), откуда и возникло название реки. Вырываясь из ущелья в широкую долину, река успокаивается. С удалением от ущелья река постепенно мелеет, вода уходит в наносы и русло, разделённое на ряд проток, становится сухим, и наполняется водой только в паводки. Лишь на отдельных участках сохраняются ямы с баррикадами наносника, заполненные водой. Интересно, что в весеннее половодье в вершину Ревуньи заходят хариусы. Они пережидают в ямах лето. Осенние дожди снова вызывают паводки, и рыба скатывается в Миню на зимовку.

На узкой невысокой терраске в вершине реки поставили в ряд палатки, а ниже оборудовали кухню. Вообще-то по технике безопасности на таком месте нельзя было ставить табор, но другого места не было.

На другой день пошли в маршруты. На таборе осталась только таборщица. На подходе к маршруту мы пересекли приток Ревуньи с обрывистыми берегами. Воды в нём было немного, течение спокойное. В резиновых сапогах мы беспрепятственно его перебрели. Поднялись на водораздел. И тут налетела чёрная туча, начался ливень, который перешёл в град. Укрыться было негде, а градины больно колотили нас по головам и плечам . Затем град прекратился, а дождь лил, как из ведра, ещё 2 часа, затем резко кончился.

Пока возвращались по камням, было спокойно. Подошли к ручью-притоку Ревуньи, а он превратился в бурный поток глубиной более метра. Перейти его вброд невозможно. Выше по течению нашли дерево, которое легло поперёк течения на высоте двух метров над руслом и по нему перешли на другой берег. Увидел, как резко поднялась вода в ручье, и меня охватила паника. Если такой же подъём воды и в Ревунье, то наш табор сейчас плывёт уже далеко внизу. И что стало с таборщицей? Может сидит она сейчас промокшая насквозь на склоне над беснующей рекой, не зная что делать? Подошли к Ревунье, а в ней вода почти не поднялась. Это меня успокоило. А через полкилометра исчезли даже следы дождя. На таборе же вообще не упало ни капли. Видно, на

наше счастье, туча была резко ограничена, и край её пришелся на устье ручья. В который раз судьба меня хранила.

– Ну, «слава богу», пронесло, и беда нас миновала, – подумал я, не высказывая эту мысль вслух, чтобы не пугать таборщицу.

Поднимаясь в маршруте на левый водораздел Ревуньи, Геля услыхала впереди близкий свирепый медвежий рёв. Пришлось скорее изменить ход маршрута, чтобы обогнуть это место. Вечером она рассказала об этом. На другой день мой маршрут проходил по левому водоразделу над тем местом, где Геля слышала медвежий рёв. Метров двести ниже водораздела была небольшая ровная голая площадка. На ней мы увидали тушу медведя. Понаблюдали за ним, скатили несколько камней. Никакой реакции. Мы поняли, что он мёртвый. По-видимому, накануне сошлись два медведя и устроили «потасовку» за участок. Один из них оказался слабее и поплатился жизнью за то, что забрёл на чужую территорию. Медведь-победитель был, вероятно, близко, поэтому мы не стали спускаться, а пошли своим маршрутом.

Отработав вершину Ревуньи, мы возвратились на табор на берегу Мини. Нам надо было переместиться на водораздел Ревуньи и Солянки. Из-за малого количества лошадей мы решили перебросить туда вертолётом. Подходящая площадка для вертолёта была на первом нашем таборе. Заказали вертолёт. Удивительно, но он прилетел на другой день, ждать его не пришлось.

Сделав с этого табора по несколько маршрутов, мы устроили камеральный день, а заодно решили организовать баню. Для неё мы из плоских камней обычно складывали сооружение типа печки, только без трубы, на него наваливали кучу камней и долго жгли в ней костёр. Рядом делали таган, где грели воду. Потом натягивали над этой кучей камней палатку, тщательно придавливали её полы, чтобы пар быстро не выходил, и плескали на камни воду, создавая парилку. Знатоки говорили, что получалась отличная парная. Другой способ: заносить на лопате раскалённые камни в палатку и там их поливать для пара.

Работая в Акитканском хребте, мы использовали для банного костра плоские камни вулканитов. Строили что-то типа печки, сверху наваливали камни и в «печи» жгли дрова, нагревая камни. И никаких эксцессов не было. Здесь же вулканиты отсутствовали. Но рядом с табором была гряда, сложенная сверху плитами белых

кварцитов, образовавшихся из кварцевого песка древних рек. Мы из них соорудили печку, навалили кучу камней, разожгли огонь, оставили двух ребят поддерживать его, а сами занялись камералкой. Через полчаса эти ребята бегут ко мне.

– Владимир Васильевич, камни стреляют! – кричали они с возбуждением.

– Как это стреляют? – удивился я.

– Периодически раздаются взрывы, и мелкие осколки разлетаются во все стороны. Мы еле успели отбежать.

– Ну, пойдём, посмотрим.

Оказалось, действительно камни взрывались. А осколки летели на десять и более метров. По-видимому, при превращении песка в кварцит были законсервированы капельки воды. При нагревании они превращались в пар и разрывали камни. Пришлось нам в этот раз мыться без парилки.

Приближалась осень. По ночам уже появлялся иней, а стоячая вода покрывалась ледком. Мы завершали полевые работы. Оставался небольшой участок вблизи базы. Надо было переезжать туда. Я отправился первым рейсом. Взял с собой одну палатку, студента Виталия, таборщицу Люду и троих радиометристов: девушку Надю и двух юношей. Не доходя 10 км до базы, разбили табор на берегу ручья на обширной поляне, покрытой мелким кустарником. Ниже табора ручей втекал в яму, глубиной больше метра. Далее никаких следов русла не было. На дне полметра воды и плавал хариус. Ручей, по-видимому, промыл под поверхностью в карбонатах карстовое русло и где-то на равнине выходил на поверхность. Весной в большую воду хариус пробрался до ямы. Вода упала, вход заилило. Остался он погибать, замерзать вместе с водой.

У нас кончился хлеб. Я решил пойти на базу, чтобы напечь его. К тому времени минералог и лаборант уже покинули её и вылетели в Иркутск. База была пустая, но там находилась пекарня. Я взял с собой Люду и Надю, и мы рано утром отправились туда. Тропа была торная, и мы быстро дошли до базы. Я затопил печь, а девушки замесили тесто. Как мы не торопились, всё равно вышли обратно, когда солнце уже садилось. Тесто ведь не поторопишь, ему надо созреть.

На тропе, по которой утром мы шли, вдруг увидели свежие следы медведя со всеми атрибутами его жизнедеятельности. Когда мы шли на базу, их не было. Делать нечего, идём по медвежьим следам. Стало темнеть, и пошёл дождь. Видимость уменьшилась почти до нуля. Люда была большая трусиха.

– Боюсь, боюсь, – постоянно причитала она, цепляясь за мой плащ и не отпуская его. Надя – девушка более смелая, спокойно шла сзади. В кромешной темноте добрались до табора.

Утром погода наладилась, и мы пошли в маршруты. Вернувшись из маршрутов, поужинали и легли спать. Я, как всегда, спал с краю с карабином под боком. Вдруг среди ночи за палаткой у самой моей головы раздался громкий тяжелый топот. Все проснулись и с испугом смотрят на меня. Я выскочил из спальника, схватил карабин и передёрнул затвор.

– Виталий, откидывай быстро входную полу палатки и держи, – приказал ему.

С карабином наготове, выскочил из палатки. На небе полная Луна. Видимость, хоть газеты читай! Кругом всё в серебристом инее, и абсолютная тишина. Красота! Оглянулся вокруг, никого не видно и следов нет никаких. С нами была маленькая собачонка. Смотрю, она бежит ко мне, радостно виляя хвостом. Край палатки, откинутый наружу, был замёрзшим и покрыт инеем. Когда собачка побежала по нему, то раздался такой же топот, какой мы услышали. Стало всё понятно. Мы успокоились и легли досыпать.

К октябрю вся партия собралась на базе, и мы приступили к окончательной обработке полевых материалов. Алик Курносов предложил сделать заездок на Черепанихе, чтобы привезти домой рыбы. Все поддержали эту идею. Решили запастись рыбой, а потом открыть остальной свободный ход на зимовку в Киренгу. Черепаниха у базы имеет несколько проток, одна из которых основная. Горы уже были покрыты снегом. Вода в реке упала. Вечером мы перегородили мелкие протоки, а на основной соорудили слив в короб.

Река несла много опавших листьев, которые забивали все щели в загородках, вода поднималась, грозя пойти поверх наших сооружений. Приходилось каждый вечер с фонариками чистить загородки. Хариус стал спускаться к заездку, но на слив не шёл. По-видимому, его пугал шум падающей воды. Ночью хариусы не боялись нас, когда мы забредали к ним в улово, и не обращали внимания на свет фонарика. Тыкались носом в сапоги.

На зимней камералке

Мы изобрели новый вид их ловли. Светили фонариком в воду около берега, а когда в освещённое пространство заплывал хариус, мы быстрым движением выбрасывали его на берег. Таким образом, в ожидании массового хода рыбы у нас постоянным добавком к стандартной еде была солёная рыба.

Так продолжалось до 19 октября. В этот день к нам «вернулось» лето. Температура воздуха поднялась до +20 градусов. В горах активно начал таять снег. К вечеру вода в Черепанихе стала стремительно прибывать, неся массу листьев и прочего мусора. Вначале мы пытались бороться с этим, постоянно чистили загородки. Но быстро поняли, что перебороть стихию нам не удастся, и бросили это дело. Утром пошли посмотреть на наши построения, но не было на реке даже их следов, как не было и рыбы в ней. Река текла свободно. Так провалилась наша попытка привезти близким в качестве гостинцев Акиткана рыбы.

По приезду в Иркутск мы на «отлично» защитили свои полевые материалы. Наши новые данные о строении древних вулканических толщ, которые позволили нам реконструировать палеовулканы, на этот раз были приняты как большое достижение. Кроме того, выявили несколько рудопроявлений урана и радиоактивных

аномалий, которые были признаны перспективными на открытие месторождений.

Мы приступили к составлению окончательного отчёта по работам партии. Но весной у меня заболело сердце. Я провёл почти три месяца на больничном, а затем ещё взял за два года отпуск. Только к осени я смог приступить к работе над отчётом. Партия ещё весной была расформирована. Так как я был основным исполнителем в Ревуньской партии, то отчёт дожидался меня. Мне в помощь дали Гелю, чертёжника и машинистку и мы закончили отчёт только в сентябре 1972 года. Защитили его на «отлично» и даже получили солидную премию.

С осени 1972 года до весны 1974 года мы с Иваном Кирилловичем Глотовым занимались тематическими работами без выезда в поле, обобщением материалов по геологии и металлогении Северо-Байкальского вулканоплутонического пояса. После болезни я, постепенно увеличивая физические нагрузки, стал приходить в норму. Каждые выходные дни мы всей семьёй в любую погоду уезжали на электричке и бродили по Олхинскому плато. Для меня проводить лето в городе было каторгой. Хотелось скорее снова попасть в горы и заняться полевыми геологическими исследованиями. К началу 1974 года я уже чувствовал себя полностью здоровым, готовым к работе летом в горах, к чему я и стремился.

1974 год (А)

Весной 1974 года, завершив отчёт по обобщению материалов по геологии и металлогении Северо-Байкальского вулканоплутонического пояса, я попросил руководство экспедиции отправить меня на полевые работы в какую-либо партию, работающую в складчатой области. В то время ещё не требовали справки о здоровье для работы в поле. Некоторые сотрудники экспедиции, не желая ехать на полевые работы, всякими правдами и неправдами стремились получить справку, что по состоянию здоровья они не могут работать в поле. С меня же потребовали (единственный случай в экспедиции), зная мои сердечные дела, справку от врачей, что я могу работать в горах. Идти за такой справкой в поликлинику – нечего было и думать. Лена, видя моё состояние, и как я стра-

даю летом в городе, сделала мне липовую справку, но с условием, что она в этом году поедет со мной в партию и будет за мной наблюдать. В дальнейшем она делала справки о моём здоровье каждый год. Её приняли на работу на время отпуска в пединституте таборщицей. Лена запаслась всеми необходимыми лекарствами и оборудованием для экстренной помощи. Дочь Наташу после 7 класса мы взяли с собой, решили, что она будет с мамой на таборе.

Меня направили на должность начальника отряда в Даванскую партию, которая занималась геологическим доизучением центральной части Северо-Байкальского пояса. Этот вид работ проводился по уже закартированным площадям и заключался в решении спорных вопросов геологии, оценке ранее выявленных рудопроявлений и поисках новых рудных объектов. Коллектив партии оказался дружным, работящим и состоял в основном из опытных специалистов. Я оказался в ней, как говорится, ко двору. Мы быстро нашли общий язык. Правда, семьями, как в Домугдинской партии, не дружили.

Начальник партии Константин Николаевич Кузнецов (Костя), имел уже большой опыт руководства крупными партиями, был весёлым, неунывающим человеком, заботливым по отношению к коллективу. Старший геолог Владилен Диамидович Номоконов (Вадим) – энтузиаст поисков полезных ископаемых. Он был готов всё светлое время суток заниматься ими, и не хотел отвлекаться на другие дела.

Партия состояла из трёх отрядов. Начальники отрядов: Степан Иосифович Морозов (Степан), Виталий Леонидович Патюков (Виталий) и я. Степан читателю уже знаком. Виталий – человек спокойный, дружелюбный, мастер на все руки.

Геофизиком был Дмитрий Галиченко. Это весьма примечательная личность. Он был большим хвастуном и фантазёром. По его словам, он всё мог достать, все известные личности Иркутска – его лучшие друзья, хотя он с ними не был даже знаком. Рассказчиком Дима был замечательным, придумывал различные истории, где был главным героем, и верил в них. Развлекал нас красочными картинками из «своей жизни». Рассказывал весьма остроумно и убедительно, так, что хотелось верить. Например, утверждал, что учился в Щукинском училище, и приводил примеры совместных

сцен со знаменитыми актёрами, а мама его – прима Иркутского драмтеатра, хотя она работала там швеёй и т. п. Когда ловили его на вранье, он не обижался, а просто прекращал об этом рассказывать. В партии его прозвали Штирлицом. Но свою работу он выполнял исправно.

Некоторые его «афоризмы» запомнились своей оригинальностью и затем часто употреблялись нами в сходных ситуациях. Приведу запомнившийся пример.

К нам в партию устроились двое мужчин из Украины. Они приехали заработать денег на БАМе. Но там принимали на работу только по путёвкам комсомола и их не взяли. Одного из них забросили вертолётом в отряд Морозова, который располагался в днище кара. Там Галиченко в это время составлял магнитометрический профиль по скалистому водоразделу. Украинца прикрепили к нему записатором. Представьте себе человека, выросшего в степных просторах Таврии и вдруг попавшего в горы, где табор располагался в днище кара, окружённого крутыми каменистыми склонами до полкилометра высотой.

– Сегодня мы пойдём вон туда, – утром на другой день после прилёта сказал украинцу Штирлиц, указывая на водораздел.

– А как мы туда пойдём?! – с удивлением спросил украинец.

– Как пойдем? Молча!

Исчерпывающее объяснение! С тех пор это стало у нас крылатым выражением в сходных ситуациях. Его я часто употребляю и сейчас.

Галиченко вначале работал в отряде у Морозова, а потом был переброшен к нам. Здесь он нашёл заинтересованного слушателя своим фантазиям в лице нашей дочери. Вечерами приглашал её к себе в палатку, угощал компотом и с увлечением рассказывал о своих «героических приключениях». Например, в один из вечеров Наташа пришла от Штирлица и с возбуждением передала нам рассказ, как он охотился на белых медведей. Он приглашал Наташу по приезду в Иркутск в гости, чтобы показать шкуру белого медведя в его трёхкомнатной квартире на улице Советской. А жил он на улице Сухе-Батора в комнате-пенале вместе с мамой. Так как Наташе его рассказы были интересны, то мы не возражали против этих посещений. Мы объяснили ей достоверность его рассказов, что очень её разочаровало.

Однажды надо было переносить груз. Для этого был мобилизован весь отряд, невзирая на должности, а Штирлиц отказался, ссылаясь на рану. Он её получил, нечаянно задев топором ногу. При осмотре этой «раны» Леной выяснилось, что это лишь небольшая царапина, какие у каждого бывали неоднократно. После этого героический ореол Штирлица в глазах дочери потух окончательно.

В нашем отряде был ещё один техник-геофизик Толя Порошин, энтузиастом геофизики не был, но работу свою выполнял исправно и не отлынивал от бытовых дел.

База партии располагалась в селе Карам – самое верхнее село на Киренге. Добраться до Карама можно было либо самолётом, либо по реке. Отряды работали на значительном расстоянии друг от друга и в поле не пересекались. Для полевых работ в качестве транспорта в Даванской партии в основном использовались вертолёт, а в моём отряде – ещё коней.

Наш отряд занимался, главным образом, поисками месторождений бериллия в междуречье Маркиной и Нижней Ирели. Там в 1964 году Юрием Васильевичем Шемякиным была взята проба с высоким содержанием этого металла, и установленным минералогами бериллиевым минералом даналитом, который встречается в совокупности с другим минералом фенакитом. Они содержат более 50 % окиси бериллия. Эти минералы в настоящее время являются главными источниками бериллия. Были также определены повышенные содержания бериллия в некоторых образцах с этого участка. Поиски подобных месторождений весьма затруднительны, так как даналит и фенакит обычно бывают мелкими и визуально очень похожи на полевые шпаты. Различить их при полевых исследованиях невозможно. Это можно сделать только под бинокуляром. Зоны, которые могли содержать высокие концентрации этого минерала, приходилось опробовать «вслепую». Вадим отправился с нашим отрядом. Он увлёкся поисками бериллиевого оруденения. Другие отряды, где не было признаков этого вида полезного ископаемого, его не интересовали. Хотя по должности он был обязан контролировать работу всех подразделений партии.

База моего отряда располагалась в долине Маркиной Ирели при выходе её из гольцов, где в 1964 году был наш табор. В то время в этом месте на повороте реки было довольно большое уло-

во с пологим песчаным берегом. Отличное место для купания! Прилетев туда, я не увидел никакого улова. Русло реки было прямое, берег обрывистый, заросший лесом. Река за 10 лет изменила русло, и изменилось всё вокруг.

Во время работ Яральской партии все реки и ручьи, вытекающие из гор: Нижняя и Маркина Ирель, Ошекон, Тылымай – были богаты рыбой и мы надеялись, что она будет хорошей добавкой к нашему рациону. Но каково было наше удивление, когда оказалось, что в них нет ни одного хариуса. Когда мы осенью вернулись в Карам, то узнали следующее. В последние годы в этих местах охотился приезжий человек, который каждую зиму переезжал с одной реки на другую. Осенью, когда рыба скатывалась вниз, он делал заездок и выцеживал всю рыбу, которая была в них. Ею он кормил собак и разбрасывал приманку для соболей. Они собирались на «дармовое угощение». Рыбой он заправлял ловушки и капканы на соболя. В результате сезон у охотника каждый год был богатым, а мы остались без рыбы.

На базу отряда вертолётом, в первую очередь, доставили ИТР и часть рабочих с основным грузом. Остальные остались ожидать своей очереди в Караме. Лошади уже были на базе. Чтобы не терять время на ожидание следующего вертолёта, мы решили идти с лошадьми в долину Тылымая, откуда предполагалось начать работы. Это как раз тот участок, куда в 1963 году «не смог пройти» Юрий Васильевич Шемякин с отрядом. За день мы не дошли до места. Пришлось заночевать. На другой день над нами пролетел вертолёт с оставшимися в Караме рабочими и грузом. Он сел в самой вершине Тылымая на участке предполагаемых поисковых работ. В этот день Лена с Наташей прилетели из Иркутска в Карам, как раз успели к вертолёту и сразу оказались в горах.

Участок, куда сел вертолёт представлял собой цветущую поляну, с редкими низкими пихтами, С одной стороны её ограничивали скальные выходы и глыбы высотой до двух метров. Далее рассказывает Лена.

– Вертолёт сел. Мы выскочили из него и начали разгрузку (надо заметить, что в такой обстановке Лена, конечно, приняла самое активное участие в разгрузке). Когда вертолёт улетел, я оглянулась, а Наташи нигде нет! Сразу за поляной огромные кам-

ни и скалы. Покричала. Не откликается! Меня охватил ужас! Куда идти и где искать дочь? Мало ли что может произойти в лабиринте из огромных камней: упадёт в расселину, ударится о камни, нападёт медведь. Кинулась к камням, стала пробираться между ними, периодически выкрикивая: «Наташа!» И вдруг из-за очередного камня она вываливает с цветочками в руках. Я села и заплакала. Несколько минут отсутствия дочери показались для меня вечностью! Эти чёрные, стоящие стеной камни до сих пор у меня перед глазами!

Так началась полевая жизнь у моих близких.

С трудом поставили одну палатку. Сложили и укрыли груз.

Когда мы пришли на место, то увидели, что оно для длительного табора весьма неподходящее, относительно ровная площадка среди огромных камней была недостаточна для всех палаток и кухни, дров не было, росли только невысокие пихты, мы называли их «морковками». Они росли обычно в суровых условиях самых вершин ручьёв, внизу толстые, а вверх быстро становились тонкими. Для палаток, нар и обустройства кухни они не годились. Решили переехать на полкилометра ниже по течению, где оборудовали и посадочную площадку для вертолёта.

Когда приступили к работе, Вадим сказал:

– Ты распоряжайся отрядом, как хочешь, а я займусь поисками бериллиевого оруденения и вмешиваться не буду.

Он хотел ходить один. Но, согласно правилам техники безопасности, этого делать было нельзя. Я настоял, чтобы с ним ходила радиометристом студентка Зоя. В первом же маршруте он умудрился её потерять, искал два часа, пришёл на табор в середине дня разгневанный и сказал, что будет ходить только один. А Зоя, не предупредив, задержалась за глыбой и потеряла его. Вернулась она на табор чуть позже Вадима. Я подозревал, что Вадим сделал это специально, чтобы ходить одному. Пришлось мне с этим смириться.

Для поисков бериллиевого оруденения нам был выдан гамма-спектрометр, который был настроен на определение содержания бериллия и некоторых других редких элементов непосредственно в обнажениях. Для этого после замеров на обнажении надо было только сделать некоторые вычисления по определённой формуле.

Толя Порошин должен был работать с этим прибором на перспективных объектах. Оказалось так, что ему не нашлось записатора, а Наташа целыми днями была без дела. Так как объекты для бериллометрии располагались вблизи табора, то мы предложили Наташе сопровождать Толю в качестве записатора. Она с радостью согласилась и была очень горда тем, что занимается таким важным делом. Костя, узнав, что Наташа выполняет работу, сказал, что будет ей выписывать оплату на фиктивного рабочего. Наташу ведь нельзя было брать на работу в поле, так как ей было только 14 лет. А по технике безопасности для работы в горах можно принимать людей с возрастом не менее 16 лет. Когда же узнала, что ей за это ещё и заплатят, то она была в восторге (кстати, на эти деньги были куплены её первые «взрослые» зимние сапоги – немалый повод для её гордости). Толя днём производил замеры, а вечером должен был заниматься расчётами. Наташа быстро освоила несложную технику пересчёта. С математикой у неё был полный порядок. Толя охотно переложил расчёты на Наташу, чем она с удовольствием и занималась вечерами. А Толя в это время «травил баланду» у костра. Так как это было с пользой для работы и доставляло Наташе удовольствие, то мы не возражали против такой постановки дела. При приёмке полевых материалов документация Наташи была особо отмечена, как наиболее аккуратная.

Приступив к работе, мы с Вадимом, в первую очередь отправились на точку, где по данным Юрия Васильевича была взята проба с даналитом. Тщательно обследовали всю окрестность, но обнаружили только небольшую пегматитовую жилку с кристаллами берилла. Где он взял эту пробу, нам так и не удалось выяснить, хотя зимой «пытали его с пристрастием». Похоже, он сам удивлялся, откуда она взялась.

При обследовании этой территории были выявлены зоны с повышенной радиоактивностью. Их стали вскрывать канавами с помощью взрывчатки и отбирали бороздовые пробы. Анализ проб показал, что природа радиоактивности была ториевая. Торий тогда ещё не использовался. Зимой при лабораторных исследованиях проб в них были установлены небольшие повышения содержаний бериллия, ниобия и редких земель, не представлявшие интереса.

Запомнился горнорабочий Володя Коканов – весёлый, бесшабашный человек. Трудился он хорошо, выполнял любую ра-

боту безотказно, с юмором. Но крепко дружил с водкой. Как он говорил: ездил на лето в партии, чтобы отдохнуть от неё. Когда я приходил к нему документировать канаву, он встречал меня обычным возгласом:

– Василич, дал Родине два (три, четыре) метра полотна канавы!

Как-то заболел у него зуб, опухла щека, а тут как раз работал у нас вертолёт. Костя выдал ему тысячу рублей и отправил в Казачинск к стоматологу. Через неделю Володя возвратился с тем же больным зубом, но без денег. Спрашивали у него, почему не выдернул зуб.

– Понимаете, прилетел, вечером выпил, утром пошёл в больницу, а она ещё закрыта. Посидел, стало скучно, пошёл, взял бутылку, а как к врачу идти выпимши? Пошёл в столовую и продолжил. На другой день повторилось тоже самое. Так всю неделю. Деньги подходили к концу, а тут вертолёт должен лететь к нам. Я купил на оставшиеся деньги водки и полетел, не вылечив зуб, обратно.

Продолжение истории про этот его «гостинец» смотрите далее.

Таким образом, зуб обошёлся Володе в тысячу рублей и остался на месте. После этого горняки стали звать Володю «Золотой клык». А зуб через несколько дней перестал болеть без помощи стоматологов.

После переезда на новое место конюха с конями отправили на базу, чтобы он привёз нам дополнительные продукты. Прошло назначенное время прихода каравана, а его нет. Радиосвязи с базой из-за разделявшего нас хребта не было. Продукты кончались. Надо было выяснить, в чём дело. Я решил идти на базу маршрутом напрямую через два хребта. Со мной пошла Лена. За нами увязалась собака.

Стали подниматься на первый хребет. Чем выше, тем круче становился склон. Ближе к водоразделу пошли «живые» каменные россыпи, где каждый камень при малейшем прикосновении начинал двигаться. Кругом были скалы, готовые обрушиться. Лена бойко следовала за мной, иногда напевая: «И можно свернуть, обрыв обогнуть, но мы выбираем трудный путь…». Собака часто скользила по камням, пытаясь когтями зацепиться. Но мы ничем не могли ей помочь. Пытались прогнать назад, но она продолжала следовать за нами. Вдруг метрах в пятидесяти от нас по западине

загрохотала каменная лавина. Стало страшно: вдруг обрушившиеся скалы похоронят нас под каменными глыбами! Лене, как она говорила позже, почему-то сразу расхотелось петь про «трудный путь».

Наконец мы выбрались на водораздел! Другой склон оказался относительно пологим, и россыпи камней были устойчивыми. Кое-где виднелись обширные снежники. Перебегая их, собака оставляла кровавые следы. Осмотрев её лапы, мы увидели, что часть когтей у неё обломаны, и подушечки лап кровоточат.

Спустились в долину ручья, где сливались две его вершины. Над их слиянием возвышалась ровная площадка, покрытая зелёной травой с небольшим бассейном кристально чистой холодной воды. Чудесное место! Солнечный безоблачный день, лёгкий ветерок отгонял кровососов. Вниз открывался вид на всю долину до самого выхода из гор, а далее темнела тайга. Эта восхитительная картина до сих пор стоит у меня перед глазами! Для обеда места лучше не придумаешь! Развели костёр, разогрели неизменную тушенку, сварили чай и стали обедать, наслаждаясь отличными видами и погодой.

Отдохнув после обеда, поднялись без приключений на следующий водораздел. Далее перед нами на довольно крутом склоне от вершины донизу лежал снежник, шириной более 100 метров. Надо было его пересекать.

– Иди строго по моим следам, – предупредил я Лену, и двинулся вперёд, выбивая ногами в снегу ровные площадки. На середине снежника вдруг услышал позади вскрик. Оглянулся и вижу, что Лена упала и, задрав ноги и руки, быстро скользит на спине по снегу. А внизу снежника обрыв и огромная глыба, величиной с двухэтажный дом. Под ней, как раскрытая огромная пасть, темнела ниша с острыми камнями на дне. Реакция была мгновенная. Я кинулся вдогонку, схватил Лену за волосы, а сам ногами врезался в снег, тормозя скольжение. Когда остановились, я поднял Лену, поставил на ноги. Только отпустил, она снова упала и покатилась вниз. Пришлось повторить маневр. Догнав, на этот раз я ногами выбил ровную площадку и укрепил на ней Лену. Тщательно вырабатывая ровные площадки ногами, постоянно оглядываясь, я двинулся дальше, и мы благополучно достигли края снежника. Так второй раз (см. раздел «1968 год») мне пришлось спасать в поле свою жену от неминуемой гибели.

В середине лета нам доставили новую таборщицу Валю, а Лена стала ходить со мной в маршруты радиометристом. Надо было стряпать хлеб, а Валя этого ни разу не делала. Пришлось мне её учить. Показал, как замешивать тесто, как подбивать его, до какого состояния топить печь и т. д. Посадили хлеб в печь, и я занялся своими делами. Через короткое время бежит Валя:

– Владимир Васильевич, хлеб горит! – с возбуждением крикнула она.

– Что сгорит, то не сгниёт, – спокойно ответил я.

Дело в том, что я на первый раз перестраховался и перетопил печь. Но это небольшая беда. С булок соскребли горелое, зато хлеб оказался гарантированно пропечённым. К каждой новой печи надо приноровиться. А не дотопишь, хлеб будет сыроватым.

– Да ты и хлеб умеешь стряпать?! – удивилась Лена.

– Приходилось, – скромно ответил я

В дальнем конце маршрута в 10 км от табора за водоразделом мне удалось добыть крупного оленя. Можно было некоторое время отдохнуть от надоевшей тушёнки. Захватив немного мяса, мы вернулись на табор. Горняки очень обрадовались свеженине и утром решили все идти за мясом. Вернувшись уставшие до изнеможения обратно, они, шутя, предупредили меня, чтобы в следующий раз я добывал мясо не далее 2 км от табора. Для них ходить по горам оказалось тяжелее, чем копать канавы.

Как-то Валя решила нас порадовать пирожками с мясом. С утра настряпала их большую кучу и выставила на вольный воздух, чтобы вечером пожарить и накормить ими нас. А день был солнечный и жаркий. Вечером все радостно набросились на эти пирожки. Я съел почему-то лишь один. Ночью у всех начался понос, а у некоторых, особенно усердствовавших в поедании пирожков, и рвота. Отравились! Эпидемия! Надо прерывать работу и вызывать санитарный вертолёт! Я, конечно, сразу кинулся к Лене:

– Что делать?

После некоторых сомнений, так как у тех, кто мало съел пирожков, последствия были незначительными, она предложила немного подождать. Срочно заварили бадан – растение, незаменимое в таком случае. Стали его настоем поить пострадавших. Работы в этот день, конечно, не было. Постепенно наметилось улучшение

здоровья, и к вечеру все выздоровели. Это стало уроком для меня и таборщицы.

Интересный случай! У нас был щенок по имени Даван. Как-то раз вернулись из маршрута и застали Наташу в слезах. Она кинулась к маме:

– Мама, спаси Давана!

Щенок весь день ничего не ел, визжал, елозил задом по земле и никого к себе не подпускал. Оказалось, что у него на выходе застряла кость. Лена взяла плоскогубцы и стала к Давану подкрадываться, но он ей не давался. Так она охотилась за ним часа два. Наконец смогла подкрасться, захватить плоскогубцами кость и вынуть её. Даван сразу ожил! Щенок был спасён!

Другой случай с собакой. Увязалась она с нами на канаву. Мы осматривали канаву, а собака улеглась на отвалы в её верхнем крае и дремала, наслаждалась теплом. Надо было взрывать. Взрывник заложил шпуры. Мы поднялись на склон на безопасное расстояние, чтобы наблюдать взрывы. Сколько ни звали с собой собаку, но она только лениво поднимала морду, смотрела на нас «укоризненно», мол, что вы мешаете отдыхать, и снова закрыла глаза. Хорошо, что взрывы начались с нижнего края канавы. Прогремел первый взрыв. Собака подпрыгнула, её как бы подбросило на полметра, и дала такого стрекоча, что мы её только и видели. Больше она с нами на канавы не ходила.

Обследовав долину Тылымая, мы перелетели на руч. Ошекон, оставив базовый табор на Тылымае. На левом борту долины Ошекона в каре, почти на водоразделе Вадим нашёл мощную зону флюоритизации. Флюорит же является постоянным спутником бериллиевого оруденения. Он увлёкся её обследованиям. Для вскрытия этой зоны направили горняков. Провели опробование. Было отобрано 1200 кг проб. Вывозили их из кара вертолётом. Из-за большой высоты пришлось делать несколько рейсов. Вадим был уверен, что наконец-то нашёл месторождение этого полезного ископаемого, в чём убедил и нас. К сожалению, промышленных концентраций бериллия в них не было обнаружено. Был установлен только его повышенный фон.

Районный геолог Надежда Васильевна Суханова настаивала, чтобы Вадим выполнял работу старшего геолога, контролировал

геологическую работу всей партии и посетил другие отряды. Он же всячески этого пытался избежать, не хотел отрываться от обследования найденной зоны и оставлять её для изучения мне. В один из дней утром я связался по рации с Карамом и узнал, что Надежда Васильевна собирается посетить наш отряд. В этот день Вадим раньше меня вернулся на табор. Придя из маршрута, я попытался связаться с Карамом. Рация почему-то не работала. Я начал искать причину и обнаружил, что в месте соединения блока питания с рацией два проводка «поменялись» местами. Я поставил их на место, и рация заработала.

– Ты это сделал? – спросил я Вадима.

– Нет, я рацию не трогал.

– Но кроме тебя некому это сделать. Ведь надо раскрутить соединение, знать какие проводки куда пересоединить, чтобы было незаметно, а рация не работала.

– Нет, я этого не делал.

Так он и не сознался в содеянном, хотя я был уверен, что больше такое сделать некому. Он думал, что отсутствие связи заставит районного геолога лететь в другой отряд.

На другой день Надежда Васильевна прилетела. Претензий к нашей работе не было. Она стала настаивать, чтобы Вадим посетил другие отряды. Он долго отказывался, но, в конце концов, дал согласие со следующим прилётом вертолёта отправиться в отряд Виталия Патюкова. Надежда Васильевна улетела в Казачинск, а Вадим остался на таборе ждать вертолёта.

На завтра я был в маршруте и видел, что к нам прилетал вертолёт. Этим же вертолётом «после лечения» вернулся Володя Коканов. Когда возвратился вечером из маршрута, то увидел такую картину. Держась за таган, стоит, покачиваясь, Володя Коканов с мутными глазами и посылает всех далеко-далеко. Кругом следы пьяной оргии. Вдруг из кустов с песней вылезает пьяная «в стельку» таборщица Валя. Вадима нет. На таборе оставалась ещё девушка из села Байкальского Валя Боброва. Через некоторое время она тоже появилась из кустов, где она пряталась от пьяной оргии, и рассказала о событиях этого дня на таборе.

Когда прилетел вертолёт, выпивший Коканов, который летал лечить зуб, вышел из него и достал бутылки. Началась пьянка, в

которой участвовали, кроме него, таборщица Валя и Вадим. Валя Боброва убежала, чтобы не участвовать в «сабантуе», и наблюдала происходящее со стороны. Так как вертолётчик торопил Вадима, то они быстро опорожнили тару. Уже пьяный Вадим, подошёл к вертолёту, зачем-то вытащил куль с продуктами для отряда Патюкова, сел в вертолёт, и они улетели.

Про дальнейшую историю полёта Вадима я узнал позднее, когда попал к Морозову. Его отряд располагался значительно ближе к нашему отряду, чем отряд Патюкова и несколько в стороне от прямого пути к нему.

– Смотрю, к нам без разворота садится незапланированный вертолет, – рассказывал Степан. Мы подбегаем, вертолётчик открывает дверцу и говорит:

– Заберите его, – указывая на Вадима, – он не даёт мне лететь, требует в агрессивной форме дать ему порулить.

Вот пилот и вынужден был сесть на ближайшую площадку.

Вадима вытащили из вертолёта, увели в палатку и положили спать. Утром он проснулся и уставился на Степана.

– А ты как здесь оказался? – спросил он удивлённо.

– Я-то здесь и должен быть, а ты помнишь, как здесь оказался? – ответил Степан.

– Не помню!

В конечном счёте, он так и не попал к Патюкову, а вернулся на Талымай.

Было начало сентября. На Тылымае остались не оценённые зоны с повышенной радиоактивностью. Туда вернулся весь отряд. Горняки занялся вскрытием и опробованием этих зон под руководством Вадима.

А мне хотелось обследовать вершину Нижней Ирели, где мы в Яральской партии выявили несколько рудных точек и перспективные геохимические ореолы полезных ископаемых. Я с тех пор жаждал обследовать это место, предполагая, что там могут быть интересные рудные объекты. Вначале Костя не возражал против этого. Я собрался туда залететь на неделю, приготовил всё необходимое для двоих: палатку, печку, тент, спальники, всё для маршрутов. Продуктов взял с запасом на полмесяца. Но здесь вмешалось в мои планы руководство экспедиции. Главный геолог

П. И. Шамес настоял: «Как это так, партия Даванская, а работ на перевале Даван партия не проводила?!» Хотя этот перевал находился за пределами запланированной площади. Почему назвали партию Даванской, мне было непонятно. И вместо вершины Нижней Ирели начальник партии приказал мне лететь на перевал Даван. Так я со всем бутором и студенткой Зоей оказался на этом перевале.

Здесь я впервые встретился со строителями БАМа, с которыми в будущем несколько лет имел дело. Это были замечательные, отзывчивые люди, с энтузиазмом выполнявшие свою работу и всегда готовые нам помочь. В то же время я увидел и услышал от строителей БАМа много нелестного о руководителях «стройки века», затраченных ими бездарно огромных средствах. Главное у их руководителей было, как можно скорее доложить об окончании определённого объекта, не считаясь с затратами и качеством.

Для определения условий проходки туннеля Новосибирский проектный институт по его траверсу пробурил 12 скважин. Керн, как и положено, был в полном порядке уложен в ящики. Это был уникальный материал по строению зоны Даванского глубинного разлома! Мы застали на перевале сотрудников Московского научно-исследовательского института (ИГЕМа) докторов наук Казанского и Прохорова и моего хорошего знакомого В. Н. Собаченко – сотрудника Иркутского института геохимии. Учёные уже полмесяца изучали керн и детально опробовали его для дальнейшего петрогеохимического анализа. Понятно, что для нормального исследования керна требуется длительное время, мы бы дублировали их более квалифицированную работу, которая, в общем-то, не входила в планы Даванской партии. Получилось, что я прилетел сюда, как на экскурсию.

Научные сотрудники располагались в большом доме – бывшей метеостанции. В нём все стены были оббиты палочками берёзок, что выглядело очень красиво! Нас они встретили доброжелательно, отвели в доме отдельную комнату.

На другой день сюда прилетела комиссия, во главе с замминистра. В составе её был и директор Новосибирского проектного института, сотрудники которого бурили скважины. Казанский стал говорить об уникальности керна скважин и что его надо сохранить, как памятник. Замминистра обратился к директору институ-

та, который тут же заверил его, что они собирались это сделать: упаковать керн и отправить на сохранение в институт. Хотя было ясно, что он об этом и не думал. Когда комиссия улетела, начальник участка нам сказал, что, как только придёт бульдозер, он распорядится сгрудить ящики с керном в сторону, так как они мешают устройству лагеря и развёртыванию работ. А пока бамовцы активно использовали керн, чтобы придавливать полы палаток. Уникальный геологический материал остался бесхозным и погиб.

Пробыв три дня на перевале, я понял бесцельность своего присутствия здесь. Связи с партией не было, и мы отправились маршрутом в отряд Морозова, который базировался на достижимом расстоянии. Там я застал и Вадима. Через пару дней прилетел вертолёт. Я слетал на перевал Даван, забрал своё снаряжение, и мы вместе с Вадимом вновь оказались на Тылымае, где продолжались горные работы. О десанте в вершину Нижней Ирели нечего было и думать. Время ушло. Вот-вот должен был лечь повсеместно в горах снег, а тем более в намеченном участке. Так и остался он неоценённым. Как всегда, кажется, что вот там-то и может быть месторождение!

В начале октября время от времени уже шёл снег, покрыл водоразделы, но днём в долинах он почти полностью таял. По утрам стоячая вода покрывалась льдом, трава была в инее. Горных работ осталось на три дня, а у нас кончались продукты. Я по рации заказал их, на всякий случай, с запасом на неделю. 5 октября вертолёт вывез отряд Патюкова в Карам, затем залетел к нам, привёз начальника партии и никаких продуктов.

– Что ты тут назаказывал? Через два дня прилетит вертолёт и вывезет отряд. А я эти дни побуду здесь, – заявил Костя.

8 октября должен был прилететь вертолёт, но утром всё закрыли тучи, облачность опустилась почти до палаток, и повалил густой снег. Снег валил непрерывно до 18 октября. Температура опускалась ночами до -20°. У нас было две двойные палатки, и каждый спал в двойном спальнике. В одной палатке жили 5 рабочих, в другой – 5 ИТР. Перед тем, как ложиться спать заготавливали растопку: бересту и лучину. Как только печь переставала топиться, через 10–15 минут температура в палатке становилась близкой к той, что снаружи. Утром у выхода из спальника у каж-

дого от дыхания возникал ореол инея, а палатка изнутри покрывалась его кругами. Я впервые увидел, как «палатка звёздами мохнатыми усеяна».

Просыпался первым я, выскакивал из спальника, быстро загружал печку, поджигал и снова нырял обратно. Минут через 10 в палатке становилось достаточно тепло. Весь день печки топились непрерывно.

Умываться можно было только снегом, так как ручей – наш поильник, промерз до дна. Затем варили завтрак. Каждое утро мы принимались топтать тропу к очередной сушине. Благо они располагались в нескольких десятках метров. Но всё равно, пока добирались до подходящего дерева, были мокрыми от пота. Двух сушин как раз хватало нам до следующего утра. Затем шли топтать посадочную площадку для вертолёта. Снегу навалило почти два метра. Из снега торчали только вершины палаток, которые оттаивали за день топления печей.

Питание быстро сокращалось. Через два дня у нас осталось только несколько банок сгущенного молока и полкуля муки. Делали клёцки со сгущенным молоком. На пятый день молоко кончилось. Стали печь лепёшки на печке. Но, так как не было соды, то они получались с одной стороны горелыми, с другой – полусырыми. Мука быстро убывала. На 7 день перешли на двухразовое питание и лепёшки стали выдавать по норме. Когда, наконец, 18 октября после обеда снегопад прекратился, у нас осталось лишь несколько горсток муки. Её хватило бы только на один день.

Весь этот день периодически мы связывались по рации с базой и с отрядом Степана Морозова, чтобы быть в курсе возможного прилёта вертолёта, подавая SOS. У них положение было хуже нашего. Сухой лес у них располагался метрах в 400-х. Так что работы у них хватало на весь день! Из питания у них была лишь тушенка, которая быстро шла к концу.

Так как дни стали короткими, и в 17 часов уже темнело, то вертолёт мог вывезти только один отряд. Посовещавшись по рации, мы решили, что первым будет вылетать отряд Морозова. Вертолёт прилетел в Карам во второй половине дня. Виталий показал на карте вертолётчику точку, где находится отряд Морозова. Мы считали, что нас сегодня вывезти не успеют, и готовились к ночлегу. Рация была постоянно включённой. Вдруг слышим рокот вертолёта.

– Где вертолёт? – возбуждённо спрашивает Степан по рации!

– Ничего не понимаю, он у нас садится, – отвечаю я.

В ответ послышались непечатные выражения. Но было уже не до дискуссий. Скорее свернули рацию, спальники, палатки и бегом начали носить всё на посадочную площадку. В тучах поднятого снега сел вертолёт. Как обычно в этих случаях, сначала ничего не видно кроме пелены снежного вихря, потом из неё начал проявляться, как на фотографии, вертолёт.

Вертолётчик высунулся из кабины:

– Скорее грузитесь, уже темнеет!

Мы спешно закрыли оставшийся груз брезентом, хорошо придавили края и уселись в вертолёт. Через полчаса были в Караме. Здесь стали разбираться в случившемся. Виталий говорил, что он точно указал место табора отряда Морозова, а вертолётчик утверждал, что он показал табор в семи километрах ниже по ручью.

– Я прилетел на указанное место, сделал круг и никакого табора не увидел. Пришлось лететь к Вам, – объяснял пилот.

Степан рассказал нам, что происходило у них.

– Мы услышали рокот вертолёта, увидели, как он повернул в низовьях долины, решили, что он пошёл на разворот, и сейчас будет садиться у нас. Срочно свернули рацию, вытряхнули угли из печек и стали сворачивать палатки. Так как крепёжные верёвки заледенели, то пришлось их разрезать. Ждём пять-десять минут, а вертолёта нет, и его гул затих. Я срочно развернул рацию и узнал, что он садится у Вас. Снова стали ставить палатки, а крепёжные верёвки порезаны. Давай их наращивать! Уже темнеет, мороз крепчает! Скорее поставили печки и затопили их! Доев последние банки тушенки, стали ждать утра.

Утром вертолёт уже без ошибки долетел до табора отряда Морозова и вся партия, наконец-то, собралась в Караме. Для рабочих и для ИТР арендовали дома. Вечером по традиции сделали застолье. Я, как самый малопьющий, заведовал разливом алкоголя, старался не частить. Володя Коканов сидел рядом. Пока не выпили водку, он постоянно толкал меня под локоть:

– Ну, давай, наливай!

Как только понял, что водка кончилась, стал веселиться, петь песни.

На другой день вечером рабочие без ИТР продолжили «банкет». В завершении его устроили драку! При этом разбили окна, поломали мебель. Утром к нам прибежала хозяйка с жалобой на погром. Пошли, посмотрели на результаты оргии. Рабочие сидели по углам, виновато поглядывая на Костю.

– Сколько стоит поломанное? – спросил Костя хозяйку.

Она назвала цифру, раза в два превышающую нанесённый ущерб. Костя без разговоров отдал ей названную сумму, составил ведомость, разделив эту сумму на участников «сабантуя».

– Распишитесь, – приказал он рабочим. Они, не возражая, расписались.

После нашего ухода хозяйка, увидев выгоду в пьянке рабочих, стала предлагать им похмелиться. Но драки больше не было.

Костя рассчитал рабочих, чтобы утром следующего дня они отправились на самолёте в Иркутск. Мы сидели камеральничали. Вдруг прибегают местные женщины.

– Там, в магазине на полу валяется ваш рабочий, заберите его.

Вроде бы рабочие уже рассчитаны, и они не являются сотрудниками партии. Но для жителей Карама они всё равно считались нашими. Пошли мы в магазин. Посередине его в позе «пьяного запорожца» лежал рабочий Андрей из отряда Морозова – типичный «бич» без определённого места жительства. В поле он был весёлым безотказным маршрутным рабочим. Поднимая рюкзак перед походом, он обычно приговаривал: «Картина Рэпина – попэрли! То бишь, бурлаки на Волге».

– Куда ты приедешь после поля? – спрашивали мы его.

– Для меня все подвалы и чердаки Иркутска – родной дом!

Что с ним делать? Кое-как привели его в чувство, довели до аэродрома и хотели посадить в самолёт. Пилот отказывался брать на борт пьяного. Еле-еле мы его уговорили взять Андрея, и он улетел в Иркутск. Дальнейшая его судьба нам неизвестна.

Прилетев в Иркутск, мы успешно защитили полевые материалы и приступили к камеральным работам. Из-за обилия материала они продолжались больше года и закончились только весной 1976 года.

1976 год (А)

Весной 1976 года мне поручили составить проект новой Малоакитканской партии, которая должна была проводить геологосъёмочные работы масштаба 1 : 50 000 на восточных отрогах Акитканского хребта, в бассейне верхнего течения р. Кутима. Рельеф здесь был пониже, чем в хребте и менее расчленённый. Зато зарослей было больше и обнажённость похуже. Лишь на западе отмечались вершины около 2000 метров, да в юго-восточном углу площади возвышался, как огромный вал, горный массив Малый Акиткан, почти лишённый растительности.

Составляя проект, я познакомился с отчётом Л. П. Серова, под руководством которого отряд геологов проводил поиски слюды-мусковита в регионе в военные годы, и восхитился их мужеством. Отряд начал свой поход с караваном оленей в начале мая с Мамы и дошёл до Западной Кутимы в конце сентября. При выходе отряд получил продукты военного времени, исходя из существовавших тогда норм. Главными источниками питания у них были, несомненно, охота и рыбалка. Почти 5 месяцев отряд работал без всякой связи. Судя по представленной в отчёте карте, топографическая основа у них была во многом ошибочной. Легко было заблудиться в горах Байкальской горной области. Отчёт написан на высоком профессиональном уровне.

Закончив проект, я отдал его на проверку в плановый отдел геологоуправления. Здесь проверяющий придирался к каждой цифре сметы, пытаясь сократить запланированные расходы. Мне было важно запланировать как можно более дорогие работы, чтобы у рабочих была достойная зарплата. Ему же надо было найти возможность сократить расходы. Это являлось показателем эффективности его работы и влияло на размер его премии. По каждому пункту расходов возникали дискуссии. После защиты проекта оказалось, что на него пал выбор проверки в Министерстве. Для меня это было новостью, но объяснило «сражение» плановика управления за каждый рубль. Здесь же я оказался союзниками с плановым отделом геологоуправления. Начальник планового отдела управления вместе со мной тщательно проверил все обоснования и расчёты. Подводя «итого» по смете он специально допустил ошибку, превысив смету на 10 000 рублей.

– При проверке в министерстве проверяющему обязательно надо найти возможность сократить расходы, – пояснил он, – ведь они получают премию, размер которой зависит от размера сокращения расходов по проверяемым проектам.

Проверяющий «нашёл» 10 000 рублей в пользу государства, что его удовлетворило. В результате проверка была проведена успешно, и проект вернулся почти без изменений, чем я тоже был доволен.

Мне снова предлагали должность начальника партии, но я отказался и предложил кандидатуру Степана Морозова. Это предложение было принято. Начальником отряда стал Виталий Патюков. Геологами были супруги Валентин и Таня Самсоненко. Таня руководила шлиховым отрядом, в котором, кроме неё была техник-геолог Капа, приехавшая с Кольского полуострова. Старшим техником-геофизиком был назначен спокойный, доброжелательный, работящий и выносливый Сергей Десятов. На практику в партию направили студента геологического факультета ИГУ Славу Киселёва. Это был надёжный, выносливый, безотказный, доброжелательный молодой человек, с которым мы подружились. После окончания университета его направили в нашу экспедицию, где он быстро стал начальником партии. Таборщицей в партию была принята моя жена Лена и радиометристом – дочь Наташа.

Базу сделали в долине р. Кутима, где раньше была база партии, проводившей под руководством Анатолия Николаевича Дёмина геологосъёмочные работы масштаба 1 : 200 000. От них сохранились дом и пекарня.

В начале весны на базу завезли двух рабочих и основной груз. Они построили ещё один дом и баню. Для транспортировки на площади решили использовать вертолёт Ми-2 и лошадей. База располагалась достаточно далеко от Киренска, где находился авиаотряд. Вертолёт будет расходовать много горючего (керосина) на полёт до базы партии и обратно. Получалось, что горючего будет не хватать на транспортировку отрядов в один прилёт. Чтобы этого избежать, закупили у авиаотряда 18 бочек керосина, получили на него сертификат годности на всё лето и завезли на базу. В дополнение к вертолёту арендовали в колхозе деревни Кутима ещё и несколько лошадей.

В начале июня залетели на базу, подготовили снаряжение и продукты для отрядов и стали ждать вертолёт. Решили начать работы с юго-западного угла площади. Первый общий табор наметили сделать в устье р. Малая Акитканка, впадающая в р. Западная Кутима – левый приток р. Кутима. Там как раз располагались объекты для горного отряда.

Проходит день, второй, а вертолёт нам не выделяют. Мне как обычно не сидится, надо начинать маршруты. Чтобы не терять время, я решил идти через перевал на устье Малой Акитканки, выбрать и оборудовать посадочную площадку для вертолёта, и там начать маршруты. Взял с собою Сергея Десятого и рабочего Алексея. Мне он показался достаточно сильным и выносливым для такого перехода. Взяли с собой тент, чехлы от спальников, смену одежды, походную рацию, снаряжение для маршрутов, продуктов на неделю. Груза получилось по 15–20 килограмм на каждого. У меня, сверх того был ещё карабин с патронами.

День для похода выдался жаркий. На базе снег уже полностью стаял. Долго пробирались и вышли уже во второй половине дня. Стали подниматься по долине ручья. Я думал за день перевалить через водораздел. С середины склона пошли заросли стланика. Это резко замедлило нашу скорость. Ближе к водоразделу начали встречаться участки набухшего влагой снега. Проваливаясь в него, быстро намокли почти по пояс. Идти было тяжело, сказывалось зимнее отсутствие тренировки. Приходилось часто останавливаться, отдыхать. Ночь застала нас под перевалом, где только редкие кустики стланика. Резко похолодало. Поднялся принизывающий ветер. Надо было искать место для ночлега. Нашли небольшую западину, где хотя бы можно было укрыться от ветра. Собрали сколько можно сухого стланика. Немного подсушили одежду, поужинали и начали коротать ночь, благо она была короткой. Холод не давал заснуть, лишь дремали. Поддерживали хилый костерок, возле которого хоть с одного бока было тепло. Стланик быстро прогорал, надо было через короткие промежутки времени подкладывать его в костёр, чтобы он не потух. Но делать это приходилось экономно, чтобы хватило на всю ночь. Когда начало светать, увидели, что вода покрыта довольно толстым слоем льда. Стало ясно, что ночью температура опускалась значительно ниже нуля.

Выглянуло Солнце и согрело нас. Наскоро позавтракав, двинулись в путь. Быстро перевалили через водораздел, и пошли на спуск в долину Малой Акитканки. Идти вниз, конечно легче, но Алексей начал отставать, приходилось постоянно его ждать. Когда спустились к реке, он совсем раскис, еле плёлся, покачиваясь. Мы с Сергеем тоже чувствовали себя весьма уставшими. Но надо было дойти до намеченного места, чтобы там отдохнуть и оборудовать ночлег. Взяли часть груза у Алексея, однако всё равно он сильно отставал. Так как путь лежал вдоль реки, то заблудиться было невозможно. Мы не стали его ждать и быстрее пошли по долине Малой Акитканки. Хорошо, что проходимость была сносной.

В 3 часа дня мы достигли устья Малой Акитканки. Алексей приплёлся через полчаса. Место было замечательное! Вдоль берега шириной десять-двадцать метров стояли редкие высокие сосны. Пространство между ними покрыто толстым слоем белого ягеля и продувалось ветром, разгоняя гнус. Дальше простиралась открытая площадка, покрытая травой и мелким кустарником. Готовое место для посадочной площадки вертолёта. Посередине его виднелось озеро Хайрюзовое. Светило ласковое Солнце! Мы упали на белое покрывало ягеля, как на перину, и сразу заснули крепким сном. Проснулись около 8 часов вечера. На случай дождя оборудовали навес и устроились на нормальный ночлег. Попытались связаться с базой, но мы оказались в радиотени. Утром проснулись полные энергии. Трудного похода и перенесённого холодного ночлега, как не бывало! Пошли в маршрут, захватив рацию. Когда поднялись на гору, в назначенное время связались с базой. Слышимость была отличная.

На следующий день прилетела первая группа сотрудников партии. Через три дня должны были прилететь остальные. В день прилёта вертолёта я остался его ждать, а Сергей Десятов с Виталием Патюковым пошли в маршрут, чтобы определить место горных выработок. Вдруг Сергей прибегает с неестественно вывернутой рукой. Оказалось, он её вывихнул в плечевом суставе. Что делать? Никто из нас никогда вывихи не вправлял. Не знали даже, как к этому подступиться. В это время сел вертолёт, в котором прилетела Лена. Я кинулся к ней.

Моя жена – таборщица

– Ты когда-нибудь вправляла вывихи?

– Нет, не приходилось.

– Пойдём, посмотри, что можно сделать.

Вошли в десятиместную палатку, где посередине на чурке весь в поту, морщась от боли, сидел Сергей в ожидании помощи. Лена поняла, что кроме неё, никто ему не поможет. Хотя раньше она не вправляла вывихи, но надо было пытаться. Спросила его, были ли раньше вывихи. Оказалось, что два дня назад в маршруте у него уже был вывих. Сопровождавший его рабочий попытался вставить руку на место, дёргал, крутил, а Сергей терпел сильную боль. Вдруг рука щёлкнула и стала на место. Позвали рабочего – «костоправа». Лена спросила его, как он смог вправить руку, но он ничего не мог вспомнить, говорил только, что крутил и дёргал руку, и вдруг она встала на место.

Лена стала вспоминать расположение околосуставных связок и как учили в институте вправлять вывихи. Вспомнив последовательность действий, потянула руку, резко повернула её в нужном направлении, и она встала на место. Боль у Сергея сразу прошла. Чтобы не развился «привычный вывих», Лена подвесила ему руку

на косынку и наказала Сергею дней десять руку беречь. С тех пор у Сергея с рукой всё было в порядке.

Наконец, почти вся партия оказалась на этом таборе. Было около 40 человек. Так как таборщицу для горного отряда ещё не привезли, то Лене пришлось готовить на всех. Только разворачивайся! Горняки начали копать канавы, шлиховой отряд – промывать речную сеть, а геологи – маршрутить.

На второй день после прилёта на завтрак Лена для разнообразия сварила два ведра молочного вермишелевого супа. Горняки демонстративно отставили чашки, взяли по банке тушёнки и пошли на выработки без завтрака, показав тем самым, что такой едой их не удовлетворишь. После этого, пока были на одном таборе с горняками, молочный суп в нашем меню отсутствовал.

Через некоторое время работы с табора в устье Малой Акитканки завершились. В маршрутах в вершине этой речушки был выявлен горизонт рутилоносных сланцев, представлявших руду на титан. Для его вскрытия и опробования туда решили перебросить горный отряд во главе с Виталием Патюковым.

Пришло время перемещаться съёмочному и шлиховому отрядам на новое место. Необходимо было отработать бассейн верхнего течения р. Домугда. К этому времени уже пришли лошади. Для транспортировки съёмочного отряда заказали вертолёт, а шлиховой отряд должен перемещаться на лошадях с попутным шлиховым опробованием гидросети. Кроме меня, в съёмочном отряде были в качестве маршрутчика Слава Киселёв, радиометристы Лена и Наташа, и маршрутные рабочие Володя и Толя. Лена согласилась по совместительству готовить еду.

Прилетел вертолёт Ми-2. Пилотом был опытный командир эскадрильи этих вертолётов. Вертолёт сел на базе, чтобы дозаправиться для длительной работы. Как рассказал Степан, который прилетел этим вертолётом, командир просмотрел сопровождающие документы на качество горючего, недоумённо пожал плечами и приказал технику заливать топливо. После заправки вертолёт был готов к переброске нашего отряда, для чего надо сделать три рейса.

Первым рейсом полетели я и Толя с топорами и минимальным количеством груза. Надо было выбрать посадочную площадку, удовлетворяющую нас и пилота. В нужном нам месте был ред-

кий лес. Вертолёт приземлился между деревьями почти вертикально, высадил нас с указанием обозначить посадочную площадку срубленными жердями и вырубить лес вокруг, главным образом, в направлении подлёта и взлёта машины.

Вертолёт улетел, а мы в темпе стали валить деревья, утирая пот. У Толи сорвался топор, и он довольно сильно разрубил себе ногу чуть выше колена. Я срочно перебинтовал рану, отправил его отдыхать, а сам скорее продолжил работу. К следующему рейсу вертолёта посадочная площадка в основном была готова. Прилетели Лена, Наташа, Володя с полной кабиной груза. Надо было сделать ещё один рейс, привезти Славу и оставшийся груз.

Время полёта небольшое, вместе с погрузкой должно составлять меньше часа. Сидим, ждём. Вертолёт уже должен прилететь, но никакого рокота мотора не слышно. Проходит час, другой, вертолёта нет. Меня охватило беспокойство: что-то случилось непредвиденное. Развернул рацию, но в эфире тишина. Старый табор располагался в долине с крутыми бортами и оказался относительно нас в радиотени.

Через три часа услышали и увидели вертолёт Ми-8, который летел со стороны Киренска. Он пролетел высоко над нами и скрылся в сторону старого табора. Часа через два вертолёт пролетел обратно, а на подвесе болтался вертолёт Ми-2 без лопастей с несуразно длинным хвостом. Мы оставались в неведении, пока не пришёл караван лошадей, который доставил оставшийся груз и Славу с рукой на косынке. Слава поведал нам о случившемся:

– Загрузили вертолёт. Груза немного, весь поместился в хвостовой части. Я хотел сесть там же, но пилот сказал мне, чтобы я сел рядом с ним. Раскрутились лопасти, и вертолёт пошёл на взлёт. Я сижу, смотрю в окно на проносящийся мимо пейзаж. Только пролетели озеро, как прекратился гул мотора. Я почувствовал, что вертолёт падает, затем ударился голове о борт, а сзади на меня упал ящик, и я потерял сознание. Очнулся, меня трясёт пилот и спрашивает: «Парень, ты жив?», вытащил из кабины и бросился землёй тушить пламя из выхлопной трубы. Я поднялся, чувствую, что рукой не могу владеть, и голова болит, вертолёт лежит почти на боку, упираясь сломанными лопастями в землю, а хвост отвалился. Хорошо, что я сидел рядом с пилотом! Если бы сидел в хво-

сте, могло быть и хуже. Хорошо также, что уже пролетели озеро, а высота ещё была относительно небольшой. Если бы упали в озеро, то могли бы погибнуть. У вертолёта внезапно заглох мотор, и он упал с высоты около 60 метров.

Упавший вертолёт. На переднем плане пострадавший Слава Киселёв

Пилот по рации связался с аэропортом и рассказал о случившемся. Прилетела комиссия и начала расследование. В первую очередь выясняли действия пилота. Нет ли в них ошибки. Расспрашивали Славу, видел ли он, как действовал пилот. Но Слава ответил, что смотрел в окно и не видел, что он делал. Затем взвесили груз, не было ли перегрузки машины. При грузоподъёмности 600 килограмм, груза оказалось около 150 килограмм. Эта версия тоже отпадала. Проверили документы на горючее, насколько оно соответствует нормам. Проверял эти документы сотрудник, который и выдавал их. Соответственно, ошибки в них тоже «не нашёл». Отвинтили лопасти, в хвост вертолёта вставили здоровую сосну для противовеса и полетели обратно в Киренск с остатками вертолёта на подвесе. В Киренске проверили мотор, он тоже был в порядке. Получалось, что причину не нашли, но пилота, на всякий случай, отстранили от полётов. Осенью в Киренске мы встретили

его. Он был сильно обижен на руководство: и виноватым его в аварии не находят, и к полётам не допускают. Потом мы узнали, что только в ноябре его допустили к полётам, но он, обиженный на руководство, сразу же перевёлся в Бодайбинский авиаотряд.

После этого случая, если мы заказывали вертолёт с дозаправкой у нас на базе, нам его не присылали. Если заказывали вертолёт на время, чтобы хватило заправки для полёта из Киренска и обратно с небольшими рейсами внутри площади работ, то его нам присылали безоговорочно. Пилоты нам по секрету сказали, что они у нас заправляться не будут. Мы поняли, что, по их мнению, падение вертолёта связано с качеством горючего, несмотря на то, что его признали годным. Как было указано в документации, срок хранения выданного нам горючего истекал как раз летом. По правилам его нам не должны были выдавать, так как работать мы собирались весь сезон. Но проверяющий горючее не мог же себя обвинить. Скорее всего, нам сплавили сознательно горючее, срок хранения которого был на пределе. Его пришлось бы списывать летом, а это чревато лишними расходами, и, соответственно, наказанием должностных лиц. Так и осталось 18 бочек керосина на берегу Кутимы. Его использовали лишь мы и охотники зимой для керосиновых ламп, что для них было редкой удачей.

Вблизи посадочной площадки оказалось отличное место для табора. Открытый бугорок на берегу Домугды с ровным участком наверху. Сухостоя вблизи в избытке. Так как стоять здесь надо было долго, то табор оборудовали основательно: поставили две палатки с печками, сделали таган и около него стол со скамейками, над ними навес, в склоне приготовили печь для выпечки хлеба. Лена приспособилась выпекать очень вкусный хлеб.

Для маршрутов мы распределились так. Я взял радиометристом Наташу, чтобы она была под моим присмотром. Маршрутным рабочим у нас был Толя. Радиометристом у Славы стала Лена, а маршрутным рабочим Володя. У Славы рука уже поджила, и он был готов ходить в маршруты. Но беспокоила рана у Толи. Взялась за её обработку, конечно, Лена. Когда отмочили и сняли повязку, то оказалась рана довольно глубокой с разошедшимися краями. Надо её зашивать! Если не зашивать, то надо Толю вывозить в больницу. По правилам для зашивания раны требовались игло-

держатель и специальная хирургическая игла. Но так как этого не было, то Лена продезинфицировала в спирте швейную иглу, плоскогубцы, обычные нитки и спросила Толю, будет ли он терпеть, так как обезболивать было нечем. Он согласился, и Лена принялась за дело. Боль была сильная, но Толя мужественно терпел. Было наложено несколько швов, которые Лена сняла через неделю. Всё это время Толя оставался на таборе.

Моя дочь – радиометрист

После снятия швов Толя снова стал ходить со мной в маршруты. Когда собирались полноценной группой в первый маршрут, я увидал, что Толя берёт с собой мешок.

– А это зачем берёшь? – спросил я его.

– Буду в маршруте собирать лиственничную смолу, а на таборе из неё варить серу. Вернусь в Иркутск, буду серу продавать. Я ему ничего не сказал, пусть сам убедится, что представляют собой наши маршруты. Уже после первого маршрута, в котором пришлось продираться сквозь заросли стланика или прыгать по камням, Толя понял невозможность своей предпринимательской деятельности, и больше мешок в маршруты не брал.

Домугда когда-то начиналась от массива Малый Акиткан, расположенного около 15 километров восточнее современной её вершины. Полноводная в то время река выработала довольно широкую долину, по которой сползал к западу ледник. Он ещё больше расширил долину и выровнял её днище. Но в последующем Левая Кутима перехватила вершину Домугды, дебит которой резко упал. В результате образовалась корытообразная долина с плоским днищем, где широкое развитие получили болота. Русло Домугды представляло чередование уловов с участками, где оно не имело чётко выраженных границ с болотами. Болота были покрыты травой и водой, глубина которой 10–20 сантиметров, а ниже был лёд. По этим болотам надо было подходить к началам маршрутов до пяти километров, хлюпая по ледяной воде. Идти по ним было легко. Но, чтобы не застудиться, обязательно нужны резиновые сапоги. У всех в отряде они были, кроме Наташи. Мы не ожидали такой обстановки и не позаботились об этом в Иркутске. Возникла патовая ситуация: с одной стороны, надо, чтобы она ходила в маршруты, с другой – невозможно это сделать, чтобы она не простудилась и не заболела!

Для того чтобы показать Славе как вести документацию, первый маршрут мы решили сделать всем вместе по хребтику, который подходил к самой Домугде слева, т. е. без подхода по болотам. Дошли до вершины, где расположена топовышка. Около неё увидели остатки ночёвки топографов и там же лежали брошенные новые резиновые сапожки 37-го размера. Как раз то, что надо Наташе! Нашей семейной радости не было предела! Это было как со-

вершенно неожиданный подарок свыше!!! По-видимому, топографом была маленькая женщина. Обычно топографов высаживали с вертолёта в район топовышки, а дальше, до следующей топовышки они должны были идти пешком. Поэтому они часто бросали лишний груз, что оказалось нам очень кстати.

Начались трудовые будни. Лена вставала раньше всех, варила завтрак, собирала всем продукты в поход и будила нас. Затем она шла со Славой в маршруты. Ей, конечно, приходилось труднее всех. Мы быстро собирались, завтракали и отправлялись на работу. Кто приходил первым, начинал готовить ужин. Вечером, если оставалось светлое время, или в камеральный день я пробегал с удочкой по ближайшим уловам, богатым рыбой. Малосольным хариусом мы были обеспечены почти постоянно.

В одном из маршрутов пробирались мы сквозь заросли. Вдруг впереди в 20 метрах я увидел медведя. Стоя на задних лапах и положив передние лапы на поваленное дерево, он с любопытством смотрел на нас.

– Быстро назад, – приказал я спутникам, и сорвал с плеча карабин. Они остановились, недоумённо глядя на меня. Но медведь, не дожидаясь выстрела, спокойно опустился за дерево и бесшумно исчез. Подождав немного, мы продолжили маршрут. Некоторое время я держал карабин наизготовку, но медведь, по-видимому, ушёл с нашего пути.

Из воспоминаний Наташи.

– Однажды в маршруте нам встретился олень. Он бежал вдоль снежника ниже нашего пути. И ты сначала закричал: «Наташка, смотри! Олень!» А потом уже подумал, что это же мясо. Схватился за карабин, но олень уже скрылся из виду. Я до этого никогда не видела оленя. Это было удивительное зрелище. Такой красивый, сильный, с гордо посаженной головой. Хорошо, что он успел убежать!

Второе воспоминание – горностай в летней «одёжке»: бежевая спинка и какое-то прямо лимонное брюшко. Мы остановились на обед, а он сновал вокруг нас, потрясающе гибкий, тоненький. Такой грациозный! Он то исчезал в камнях, то возникал на новом месте, становясь на задние лапки. Конечно, любопытничал, осматривая нас со всех сторон.

В середине сезона у нас отказалась работать рация. Надо было узнать, как идут дела в горном отряде. По тропе, которая делает большой крюк, путь длинный. Решил идти напрямик. Так что, пока меня не будет, отряду выпадает двухдневный отдых. Полное безделье! Лена с Наташей захотели меня сопровождать. Путь был физически не трудный: пройти пять километров по равнине, покрытой кустарником и спуститься в долину Западной Кутимы. А там до табора горняков рукой подать. Я согласился. Но день выдался жарким, безветренным. Как только вошли в кустарник, на нас набросились тучи паутов. Они висели над нами сплошной толпой с голодным гулом, облепили всю одежду в поисках уязвимого места и не позволяли открыть накомарники. А Солнце палило нещадно! Приходилось постоянно обмахиваться вениками. Пот заливал глаза, одежда промокла от него насквозь. Наши страдания усугублял стланик, который как раз в это время цвёл. При малейшем движении веток с них поднимались облака жёлтой пыльцы, которая проникала под накомарник, залепляла лицо, мешала смотреть и дышать.

Чтобы вызвать ветерок, Лена в такт шагам нудно пыталась свистеть (есть такое поверье, что свист вызывает ветер), но результатов, конечно, не было. Этот свист накладывался на наши страдания и раздражал.

– Мама, не надо! – наконец взмолилась Наташа.

– Я хотела вызвать хоть какой-то ветерок, – оправдывалась Лена, но свистеть перестала.

Наконец, начали спускаться в долину Западной Кутимы. Потянул ветерок, стало прохладнее. На открытом месте пауты от нас отстали, и мы вздохнули с облегчением. На завтра по тропе мы вернулись обратно.

Отработав с этого табора близлежащую часть долины Домугды, мы решили переехать на лошадях в вершину её правого протока. Взяли одну палатку, печку и запас продуктов. В намеченном участке стали искать место для табора. Но кругом было всё заболочено, текли ручьи, а склон весь в каменных глыбах. Наконец у края каменной россыпи нашли относительно ровную площадку, покрытую травянистым дёрном. Поставили палатку, у входа печку, по краям сделали нары. Коней отправили в шлиховой отряд,

указав конюху день, когда нам надо будет возвращаться на старый табор.

Это была самая экзотичная палатка! Утром, когда проснулись и стали ходить, то дёрн провалился между камнями, а под ним оказался ручей. Никогда ещё не было так, чтобы посередине палатки тёк ручей! За палаткой места для костра тоже не было. Еду готовили на печке в палатке. Хлеб быстро кончился. Поэтому утром Лена затапливала печь, открывала полы палатки, чтобы не было большой жары, стряпала пирожки и (или) лепёшки на весь день, в том числе и в маршруты, готовила завтрак, собирала маршрутный обед. Затем мы разбегались по маршрутам. По отзывам «потребителей», пирожки всегда бывали изумительно вкусными.

Один раз, поднимаясь в маршруте по ущелью, набрели на рясную, чёрную смородину, так называемую «каменушку». Она имеет весьма приятный горьковато-сладкий вкус. Когда смородина созревает, то под воздействием ветра и непогоды быстро опадает. А здесь она оказалась укрытой крутыми бортами ущелья от этой напасти. Для нас это была большая удача и мы вволю насладились этим даром природы.

В конце августа Лена с Наташей улетели в Иркутск, а мы остались завершать работы на Домугде. Для этого перевезли табор на 5 км ниже по долине. Кроме геологических результатов, на правобережье Домугды в этот сезон нами были выявлены зоны повышенной радиоактивности. Отобранные из них пробы показали повышенные содержания редких и редкоземельных металлов. Эти зоны послужили объектом детальных работ на следующий год.

Пришла осень. В ночь на 18 сентября был мороз, вода покрылась льдом. Я утром решил половить рыбу. Но все улова оказались пустыми, рыба за одну ночь вся скатилась вниз, спасаясь от холодов.

К октябрю все собрались на базе, уволили почти всех рабочих, и приступили к обработке полевых материалов. Для этого поставили десятиместную палатку. В ней сделали стеллажи, где разложили всю каменную коллекцию, собранную за лето. Посередине установили печь – бочку из-под керосина. Наступили холода, выпал снег. Утром затапливали печку в камеральной палатке и топили её целыми днями. Геологи собирались в этой палатке, читали свои полевые дневники, демонстрировали собранные образцы, об-

суждали возникавшие вопросы, и я по своим и их данным отрисовывал окончательный вариант геологической карты.

Под навесом установили дробилку, как всегда, распределились по парам и начали дробление. Участвовали все, невзирая на должность. Каждая пара по очереди по часу дробила собранные пробы. На это время геологи, чья очередь наступала дробить, отрывались от камеральных работ. Когда приходила моя очередь, то остальные ИТР приводили свои дневники в нужный порядок или занимались хозяйственными делами. Так как дробить было холодно, и замерзали ноги, то вокруг места дробления разводили три костра, которые горели весь рабочий день.

Почти постоянно топились печи в двух домах, а в определённые дни топили пекарню и баню. Расход дров был большой, сухой же лес вблизи был вырублен ещё нашими предшественниками. После обеда всё мужское население отправлялось на заготовку дров за несколько сот метров. Протаптывали в снегу тропу, разделывали лесины и носили брёвна на базу, где распиливали их на чурки и кололи. В общем, занятия дровами отнимали два-три часа в день.

В старом доме было довольно тепло. В нём мы поселили женщин. Только что построенное зимовье, в котором жило мужское население, было без завалинок, и под домом свободно гулял ветер. Пока топили печь, на нарах было жарко, а под ними по углам дома – лёд. Ночами, конечно, было холодно, приходилось вставать и подтапливать печь.

В конце октября прилетел вертолёт. За несколько рейсов вертолёта всю партию и груз вывезли в Казачинск. Там мы не задержались и вскоре оказались дома.

1977 год (А)

В 1977 году состав партии остался прежним, только потеряли мы хорошего человека и товарища! Заболел и умер Виталий Патюков. Вместо него начальником отряда стал Валентин Самсоненко.

Распределили нам на практику несколько студентов. Из Вильнюсского университета приехал студент Сергей Чуев, хороший, работящий, уживчивый парень. После равнинных освоенных пространств Прибалтики его приводила в восторг окружающая

дикая природа. На первом таборе, когда я срубил берёзку для тагана, он пришёл в недоумение: разве можно рубить берёзу, в Прибалтике каждая берёза на учёте. Я объяснил ему, что это необходимо, так как для тагана нельзя использовать хвойное дерево, которое выделяет смолу. Я взял его себе радиометристом. Мы с ним быстро подружились. После практики в нашей партии Сергей покинул Прибалтику, перевёлся в Иркутский университет, который успешно закончил, и устроился на работу в Мамско-Чуйскую экспедицию. Зимой во время учёбы и позже, приезжая с Мамы, он бывал у нас в гостях.

Из Ростовского университета приехала студентка-осетинка Бэла, тоненькая, как тростиночка. Мы удивлялись: на чём у неё штаны держатся? Но она была выносливая, работящая и спокойная, держалась обособленно, улыбалась редко и никаких вольностей себе не позволяла. Были ещё четверо ребят из Иркутского геологоразведочного техникума, которые составляли вместе шлиховой отряд. Кроме них в этом отряде промывальщиком был Валера—бывший студент Иркутского политехнического института, выгнанный оттуда за пьянку. Мы Бэле поручили руководить шлиховым отрядом.

База партии осталась на том же месте. Забросили нас на базу в начале июня. Стали ждать вертолёт для транспортировки отрядов. Приготовились, наметили место высадки съёмочного отряда на водоразделе, а вертолёта нет. И в скором будущем не обещают. Время уходит. Мне, как всегда, не сиделось, хотелось скорее начать маршруты. Я решил сплавиться по Кутиме к месту намеченного первого табора и приступить к работе.

У базы Кутима широкая, течение относительно спокойное. Подумал, что перекаты сейчас перекрыты высокой весенней водой, и мы спокойно доплывём до намеченного участка в устье Западной Кутимы. Взяли 800-килограмовую секционную резиновую лодку, загрузили её на полмесяца работы четырёх человек. Снаряжение и продукты упаковали в непромокаемые целлофановые пакеты. Студентов Сергея и Бэлу я отправил по берегу до устья Западной Кутимы. Радиометриста Сашу посадил на нос лодки, сам сел на вёсла и мы поплыли.

Вначале плыть было одно удовольствие: течение спокойное, Солнышко светит, река несёт нас, покачивая! Подплыли к устью Восточной Кутимы. Впереди справа показался перекат, сплошные буруны, а вдоль левого берега видно спокойное течение. Направил лодку туда, ближе к берегу. Саша смотрел вперёд, вдруг приподнялся, повернулся ко мне с широко раскрытыми глазами и испуганно закричал:

– Водопад!

Теперь и я его увидел. Высота его около полутора метров.

– Держись крепче за лодку! – успел я скомандовать ему, и сам уцепился за её борта. Мелькнула мысль: «Только бы лодка не перевернулась!» В следующий момент лодка плашмя прыгнула с уступа, на мгновение погрузилась в воду, всплыла до бортов наполненная водой, и мы оказались по пояс в ледяной ванне. Погрёб скорее к берегу. Выскочили, зуб на зуб не попадает. Быстро развели большой костёр. Согрелись, немного обсушились, дождались студентов, благополучно переплавились через Левую Кутиму и поплыли дальше. Подумал, что Левая Кутима прибавила воды в основной Кутиме, теперь спокойно поплывём.

Но в полукилометре ниже устья Левой Кутимы увидел, что в русле сплошные буруны и торчат острые камни! Причалили к берегу. Я пошёл посмотреть, можно ли сплавиться через перекат. Ниже бурунов оказалась горловина, где вся река собирается в мощный, узкий поток и образует высокие валы. Сплавляться опасно. Решил спустить лодку на бечеве. У нас был альпинистский фал 50 метров длиной. Я привязал его за проушины лодки и пустил её по волнам. Благополучно сплавил лодку между камнями. Когда лодка запрыгала на валах горловины, фала оказалось мало. Я придержал лодку, чтобы перейти вперёд. Этого оказалось достаточно, чтобы течение вырвало проушины. Верёвка осталась у меня в руках, а лодка со всем грузом отправилась в свободное плавание. Я кинулся бежать вдоль берега, надеясь её поймать. Несмотря на болотные сапоги, я, вероятно, был «близок к мировому рекорду по бегу с препятствиями». На моё счастье, после горловины течение вновь стало спокойным и лодку относило к моему берегу. Но впереди с нашей стороны впадал ручей. Я понял, что если не поймаю лодку до ручья, то её течением ручья отнесёт на середину реки и она уплывёт безвозвратно. Перед самым ручьём я забрёл в реку,

сколько возможно, на пределе вытянутой рукой успел ухватить борт лодки и подтащил её к берегу.

Далее опять река текла спокойно, без перекатов. На этот раз я взял в лодку Сергея. Бэлу и Сашу переправили на правый берег. Они пошли по берегу, а мы поплыли. Возникла нужда пристать к берегу. Я передал вёсла Сергею, а сам приготовился десантироваться на берег. Понадеявшись на болотные сапоги, я, не доплывая до берега, шагнул из лодки и погрузился по грудь в воду. Там оказалась яма. Сергей никогда не плавал на лодках, растерялся и упустил весло. Одним веслом он никак не мог справиться с лодкой, и её понесло вдоль берега вниз по течению. Я выбрался на берег. Попытался бежать вдогонку. Но сапоги, полные воды, не давали мне это сделать. Я упал на спину, задрал ноги, вся вода из сапог вылилась, конечно, на меня, быстро вскочил и кинулся вдоль берега догонять лодку. Сергей пытался руководить лодкой, но она ему не подчинялась. Спринтерским бегом я обогнал лодку, забрёл, как можно дальше в реку и поймал сначала весло, а затем и лодку. Сергей чувствовал себя виноватым, но я не стал его упрекать. Он же был не виноват, что впервые оказался в резиновой лодке на горной реке в качестве лоцмана. Я причалил лодку, выжал одежду, снова её надел, сел на вёсла и мы поплыли дальше.

Приплыли к устью Восточной Кутимы, где собирались работать. Надо табориться. Но кругом сгоревший стланик. В результате пожара сгорела почва, повсюду обнажились острые каменные глыбы. Лишь около устья Восточной Кутимы была ровная площадка, как раз для шестиместной палатки. Но на ней располагалась большая муравьиная куча. Другого места нет. Пришлось муравьёв выселить «без права предоставления жилплощади». Прямо на куче развели большой костёр, муравьиная куча сгорела вместе с муравьями. Варварский, конечно, метод, но другого выхода у нас не было. Оборудовали табор. Ночью налетела сильная гроза, а утро было ясное, и мы приступили к работе: я с Сергеем пошли в геологический маршрут, а Бэла с Сашей занялись шлиховым опробованием водотоков.

Первый наш маршрут вначале проходил по ровной местности, где рос относительно редкий пихтовый лес. Все деревья примерно одной высоты без подлеска. Нижние части стволов ниже полутора метров, как по линейке, тёмные, что показывало глубину снежного

покрова. Видимость на многие сотни метров. Вдруг увидели вдалеке дым. Кто-то развёл костёр? Но здесь не должно никого быть! Могли присутствовать только опасные люди типа сбежавших заключённых. Им обычно нужны продукты и оружие, и они не остановятся ни перед чем. Стало тревожно. Но надо было выяснить степень опасности. Мы стали, прячась за деревьями, осторожно подходить к этому месту. Когда подошли близко, то увидели, что дымит лежащее бревно, а рядом дерево, расщеплённое молнией Ясно, что здесь «похозяйничала» гроза. Успокоились и продолжили маршрут.

На третий день увидели вертолёт, который перебрасывал отряд на водораздел над Кутимой. Мы свернули табор, загрузили лодку и сплавились ближе к месту высадки отряда, до поворота реки. Оттуда поднялись к ним. Сверху было видно, что от места высадки река до следующего поворота течёт спокойно, никаких перекатов. На дальнем повороте впадает крупный левый приток, откуда планировалось начать работу. Я подумал: “Раз течение спокойное, то можно доверить студентам плыть на лодке до поворота, а в устье левого притока установить табор и назавтра ждать нас”. Это сэкономило бы нам время.

Наметив план работ остававшегося отряда, мы с Сергеем рано утром отправились по водоразделу к намеченному табору. Вышли на небольшую поляну. Вдруг увидел капалуху (глухарку) с птенцами, которые выходили из зарослей, чтобы пересечь поляну. Я сделал Сергею знак, и мы застыли на месте, наблюдая за птицами. Впереди шла мама, а за ней строем шествовали шесть птенцов размером с курицу. Где ещё такое увидишь? Когда они прошли поляну и скрылись в кустах, мы двинулись дальше.

Подошли к крутому склону долины реки. Противоположный берег был виден, как на ладони: устье ручья с редким лесом и никаких следов студентов. Вниз по течению тоже не было видно признаков ребят. Меня охватило беспокойство! Что случилось? Где они могли быть? Мне и в голову не пришло, что можно пропустить русло такого крупного ручья, да и впадающего на повороте. Студентам ведь были даны чёткие указания. Значит, что-то случилось до поворота.

Мы вернулись на табор, подняли всех и стали прочёсывать берега. Правый борт прошли, облазив все скальные выходы. Другой берег тщательно просмотрели в бинокль. Никаких следов лодки и людей не было. Понять моё состояние может только тот, кто испытал что-либо подобное, кто терял людей.

Я решил пройти вниз по течению. Пройдя полкилометра, я услышал шум переката. По мере приближения, шум нарастал. Вдалеке я увидел, что русло реки в белой пене завалено огромными острыми глыбами. Меня охватила паника: вдруг лодка с ребятами попала в этот водоворот! Быстрее поспешил к перекату и у самого его начала на другом берегу увидел палатку и всех ребят живыми.

Радости не было предела! Напряжение спало. Я знаками указал студентам, чтобы тащили пустую лодку вдоль берега на верёвке вверх по течению. Через полкилометра они переплавились на мою сторону, и я с ними переплыл обратно.

Как рассказали студенты, легкое покачивание лодки при спокойном течении убаюкивало. Студенты задремали и проплыли мимо устья ручья. Проснулись от шума переката и успели причалить перед самым началом стремнины. Так закончился сплав по Кутиме. Мог этот вояж кончиться и трагически. Но мне, как во многих случаях, повезло на пределе возможного. В случае несчастья погибли бы ребята, а мне тюрьмы было бы не избежать! Но судьба ребят и меня сохранила.

Загрузили лодку, оставили двух ребят с наказом ждать меня и потащили её вдоль берега вверх по течению к устью намеченного ручья. Против течения тащить груженую лодку тяжело, да ещё надо было преодолеть несколько прижимов. Работа бурлаков! Коекак, все мокрые от пота, притащили лодку к устью ручья, переплавились через него.

В это время с табора на водоразделе подошли Степан с остальными сотрудниками. Они взяли только необходимое, остальное оставили на водоразделе в палатке. Перевезли их на этот берег и стали оборудовать табор.

Для того, чтобы ходить в маршруты на другую сторону ручья, надо делать переправу. Пила осталась на таборе на водоразделе. Я выбрал дерево, по высоте достаточное для того, чтобы достать до

другого берега, свалил его топором, но оно ветками оказалось в воде, а вода высокая и его снесло вниз. Выбрал другое дерево. Опять тот же результат. Тогда я нашёл самую высокую и толстую сосну и начал её подрубать. Потребовалось более получаса непрерывной работы и большое количество пота, чтобы его свалить. Но зато переправа была надёжной.

Дело уже шло к вечеру. Мы с Сергеем отправились за оставленными ребятами. Чтобы сократить путь, мы пошли напрямую по склону долины. Начался дождь, да к тому же стало темнеть, видимость резко сократилась. Пришли к палатке, а ребят нет. Печка ещё тёплая. Покричали, никто не откликнулся. Решили, что ребятам надоело ждать, и они отправились в сторону табора. Если они пошли по берегу, то там много скальников, преодолевая их, можно легко оборваться. Возможно, они пошли по склону и мы в дожде с ними разминулись. Я начал беспокоиться. Решил, что пойду по берегу, а Сергей – по склону, периодически подавая звуковые сигналы. Почти у ручья, где был наш табор, я догнал ребят. Пришли на табор уже по темноте, а Сергея нет. Опять беспокойство. Пошёл навстречу и уже вблизи переправы встретил его. Оказалось, что мокрые камни и темнота, резко уменьшили его скорость. Так весь день прошёл в тревогах, поисках людей и напряжённом труде. Но, главное, всё закончилось благополучно.

Начались маршруты. Для шлихового опробования бассейна р. Промышленная – левого притока Кутимы я отправил шлиховой отряд во главе с Бэлой. Кроме неё в него входили четверо студентов техникума и Валера. Через несколько дней я пошёл туда маршрутом, а заодно проверить работу отряда. Я беспокоился, как Бэла справится с мальчиками, ожидал увидеть анархию. Но Бэла установила железную дисциплину, обязанности были чётко распределены, ребята её слушались беспрекословно. Осталось промыть вершину реки Промышленной. Чтобы это сделать, надо идти туда на два дня.

– Саша, Игорь и Валера, собирайтесь в двухдневный маршрут, – строгим голосом приказала Бэла.

Ребята беспрекословно стали собираться, хотя было видно, что это им не нравится. Лишь Валера тихо в сторону пробурчал:

– Опять ночевать под забором.

Следующий мой поход был в горный отряд, который вскрывал канавами и опробовал редкометальные зоны на правом водоразделе Домугды, выявленные мною в 1976 году. На подходе к табору горняков мне удалось подстрелить оленя. Мы пришли к горнякам с полными рюкзаками мяса и были встречены с восторгом. У них как раз кончалась тушенка, а лошади, которые доставляли им продукты с базы, могли задержаться. Возникла проблема сохранения оленины, так как снежники вблизи уже растаяли, а ручьи были мелкие. Горняки подвесили куски оленины над костром и целый день поддерживали, чтобы он интенсивно дымил. Мясо закоптилось, стало чёрным и обладало запахом копоти. Но мухи на него не садились. Благодаря такому методу, мясо сохранялось 10 дней, и было использовано полностью.

Надо было закрывать маршрутами и шлиховым опробованием северо-западный угол площади. Наш отряд перебросился туда вертолётом. Кроме меня с Сергеем, в отряде была Таня Самсоненко с радиометристом Сашей, три студента техникума и промывальщик Валера. Бэла к тому времени отпросилась и улетела в родной город Орджоникидзе (ныне Владикавказ). Как она сказала, её там ждал жених, чтобы сыграть свадьбу. Довод убедительный.

Взяли продуктов на неделю. Начали обычную работу. Я и Таня ходили в геологические маршруты, а ребята занимались шлиховым опробованием.

В одном из маршрутов на водоразделе мне удалось добыть небольшого оленя. Пока его разделывали, начался мелкий нудный дождичек. Загрузились мясом и с тяжелыми рюкзаками стали осторожно спускаться по мокрым камням. Каменная россыпь внизу сменялась поляной, покрытой травой. Я спустился на траву и вдруг услышал сзади крик боли. Обернулся, а Сергей сидит на траве, держит руку на весу и мотает головой, стиснув зубы. Я подбежал к нему и увидел, что вся рука у него в крови. Оказалось, Сергей только ступил с камня на траву, поскользнулся и упал ладонью на острый камень. На руке была глубокая рана! Я скорее достал свою походную аптечку, вынул тюбик глазной тетрациклиновой мази, выдавил прямо на рану и туго забинтовал. Эта мазь дезинфицирует и утоляет боль. Я предложил Сергею оставить его

груз, а на другой день сходить за ним, но он отказался. На табор мы вернулись с добычей.

Работа на этом участке заканчивалась, осталось сделать один маршрут. Вечером ко мне подошёл Валера.

– У меня сегодня день рождения.

– Поздравляю.

– Хотелось бы отметить.

– Рад бы, да нечем.

– Да у меня есть немного бражки.

– Откуда? – удивлённо спросил я.

– Да когда были у горняков, я у них взял.

– Ну что ж, на завтра у вас работы нет, отмечайте.

– А вы?

– Нет, я не буду.

Отказались также Таня и Сергей. Я подумал, что раз нет работы, то пусть немного расслабятся. В общем, они вчетвером в своей палатке стали отмечать день рождения с песнями и громкими разговорами.

Утром я вышел и увидел, что вокруг их палатки всё загажено результатами выпивки. К завтраку они еле «выползли» из палатки. Оказалось, что Валера взял у горняков целлофановый куль из-под взрывчатки, не вымыл его, как следует, от остатков взрывчатки, туда заправил все составляющие для бражки, туго завязал и, скрывая от меня, привёз с собой. Отсюда и был результат. Я виноват, конечно, поверил Валере, что у него немного качественной бражки.

– Отпаивай их крепким чаем, – наказал я Тане и отправился с Сергеем в маршрут.

На завтра мы по рации заказали вертолёт, но нам сказали, что он в ближайшем будущем не ожидается. Как говорилось у нас: «Нет и неизвестно, когда будет известно, тоже неизвестно». А из продуктов, кроме добытого мяса, остались только чай, да соль.

– Пойдём на основной табор, там «цивиль», есть масло и можно испечь хлеб! – попросила Таня. Да я и сам понимал, что надо выходить туда.

Утром собрались, взяли самые необходимые свои вещи, остальное сложили на площадке для вертолёта, закрыли тентом от дождя, взяли остатки мяса и тронулись в путь. Перебрели ручей, и

начали подниматься в гору. Ребята ещё не отошли от результатов пьянки, подъём им давался с большим трудом, приходилось часто отдыхать. Но во второй половине дня всё же добрались до основного табора, где стали ждать вертолёта. Наконец он прилетел и перебросил нас на базу. Валеру я предложил Степану уволить, чтобы он больше не мутил ребят, что он и сделал.

Сезон подходил к концу. Надо было закрывать восточную часть площади, в основном горный массив Малый Акиткан. Но эти места были покрыты лесом или густым кустарником, подходящей посадочной площадки там не оказалось. Решили туда перебираться лошадьми. Прорубили тропу до долины Большой Акитканки, протекавшего у подножия горного массива. Пришлось потрудиться, так как многие участки пути оказались заросшими густым высоким кустарником.

Правый борт долины этой речки представлял собой склон хребта Малый Акиткан, покрытый крупноглыбовыми россыпями. Проходимость была хорошая, хотя и приходилось попотеть, пока поднимешься на хребет. Большая часть левого борта её долины покрыта густыми зарослями. Ранее я не встречал таких зарослей: преобладали либо заросли стланика, либо карликовой берёзки часто высотой не выше пояса. Но здесь они росли совместно, переплетаясь друг с другом, и высота их достигала трёх метров. Пробираться сквозь эти заросли было очень трудно. Скорость движения резко падала. Лишь отдельные участки оказались покрытыми каменными россыпями. На них мы отдыхали.

Через какое-то время у нас кончился хлеб, который взяли с базы, а лошади должны были прийти только для вывоза нас на базу. Если в Акитканском хребте мы делали печи для выпечки хлеба из плоских камней, в изобилии встречавшихся там, то здесь таких камней не было. Придумали новый способ его выпечки. В камеральный день разожгли костёр, и целый день его поддерживали, чтобы прокалить под ним песок. У нас была сковорода диаметром около полуметра. Замесили тесто. Когда оно подошло, налили его в сковороду, разгребли костёр, поставили сковороду на раскалённый песок, накрыли тазом и завалили ещё горящими углями. Через час получился хорошо пропеченный вкусный каравай.

Таборщицы у нас не было, поэтому готовили еду сами. Каждое утро я просыпался в одно и то же время.

– Вставай, уже семь часов, – будил я Таню.

– Ох, как надоели мне эти «семь часов»! – как-то сказала она мне утром. Но ничего не поделаешь. Мы с ней готовили завтрак, будили остальных и отправлялись по маршрутам. Ужин готовил тот, кто раньше приходил на табор.

В одном из маршрутов на склонах Малого Акиткана Сергей запнулся и упал, успев вперёд выставить трубку датчика радиометра. Был такой удар при падении, что трубка согнулась посередине на 90 градусов. Это спасло Сергея от тяжелой травмы, но радиометр, конечно, вышел из строя навсегда.

У подножия хребта Малый Акиткан выходит на поверхность горизонт интенсивно перемятых сланцев, который опоясывал его по периферии. В этих сланцах я нашёл кристаллы ювелирного кордиерита. Это тёмные призмы высотой до 20 см, в тонком срезе имели приятный голубой цвет, что было видно в краевых частях кристалла.

В одном ручье под слоем воды глубиной полметра лежала глыба диаметром около метра, в которой был виден кристалл кордиерита нежного василькового цвета. Добыть его не представлялось возможным. Покрутились мы вокруг, полюбовались, да и пошли дальше.

В те годы не было большого бума с камнесамоцветным сырьём. Ювелирные кордиериты – большая редкость. В Иркутской области они не были известны. При приёмке полевых материалов наши находки приёмную комиссию не заинтересовали. Кристаллы кордиерита даже не взяли на исследования. (В начале 90-х годов отношение к ювелирным и поделочным камнями резко изменилось. Узнав про ювелирный кордиерит, редприимчивые люди устремились на склоны Малого Акиткана. Прилетали на вертолётах, собирали кристаллы кордиерита, которые можно добыть с поверхности, и увозили для частного производства украшений).

В начале сентября мы закончили геологическую съёмку и выехали на базу. Рабочих в основном рассчитали и отправили в Иркутск. Как принято в нашем коллективе, 5 сентября отметили окончание полевых работ и мой день рождения. Веселились, пели песни, все были довольны, что кончились полевые работы и скоро

поедем домой. Только концовку этого вечера подпортил Саша-радиометрист. Оказалось, что после определённой доли спиртного он терял над собой контроль. Начал материться и лезть на всех в драку. Пришлось его связать. Наутро Саша не мог вспомнить, что он делал, но понимал, что натворил что-то нехорошее. Выглядел, как нашкодивший котёнок, и усердным трудом старался искупить свою вину.

Надо было приступать к камеральной обработке материалов. Лошади нам уже были не нужны и их отправили в родной колхоз. Путь лошадей домой пролегал через устье Малой Акитканки, где был наш лагерь в 1976 году, и находилось озеро Хайрюзовое, полное рыбы. Там надо было сделать несколько контрольных маршрутов. Я отправился туда сделать эти маршруты и заодно в озере половить рыбу. Взял с собой Таню Самсоненко и Сашу, палатку, печку, продукты на 10 дней, резиновую лодку, сети, и мы с лошадьми отправились туда. А через 10 дней вертолёт должен был нас вывезти на базу.

Прибыли на место, устроились. Погода стояла хорошая. Мы сделали нужные маршруты и приступили к рыбной ловле. Пока стояла хорошая погода, рыбалка была не очень успешная. Вблизи в реке не было подходящего улова. В озере хариус видел меня и на мушку не кидался. В сети тоже попадались лишь по несколько рыб. Прячась за кусты, ещё можно было выловить несколько штук. Когда же дул ветер и на озере появлялась рябь, то хариус бросался на любую мушку безотказно. Я выяснил, что основная масса рыбы плавает на перегибе, где по крутому уступу дно озера резко погружается, а у берега плавают только одиночки. Я надул резиновую лодку, оделся потеплее, в качестве якоря набил камнями мешочек приплыл в район перегиба дна. Бросил «якорь» и стал ждать. Как только начинал дуть ветер, я кидал мушку и вытаскивал хариусов одно за другим. Ветер стихал, я отдыхал.

Началась непогода, пошёл дождь, временами переходящий в снег. Рыбе было меня не видно, и она стала хвататься за мушку наперегонки. Я одевался потеплее и плыл на лодке до места рыбалки. Ловил рыбу часа два. Одежда промокала, становилось холодно. Я возвращался в палатку, где постоянно топилась печка, переодевался в сухое, отдавал рыбу Тане с Сашей. Они её потрошили, солили, укладывали в целлофановые кули и в ящики из-под

взрывчатки. А я снова направлялся к месту ловли. За три дня я выловил около тысячи штук хариусов, а рыбы в озере как будто не уменьшилось.

Погода наладилась, и вертолёт прилетел вовремя. Мы вернулись на базу с богатым уловом. Рыбу решили привезти домой в качестве подарка своим родным. Распределили поровну между ИТР, каждому получилось по ведру вкусного малосольного хариуса.

Почти весь конец сентября и большая половина октября заняла полевая камералка, дробление проб и упаковка снаряжения. Этот процесс детально описан в рассказе о 1976 годе. 20 октября, согласно графику, я должен был первым заняться дроблением проб. Позавтракав, я отправился выполнять эту работу, как обычно развёл три костра по периметру и начал дробить пробы. Было необыкновенно холодно, но я думал, что поднимется Солнце и согреет нас. Солнце поднималось, а мороз не ослабевал, а усиливался. От холода стало невозможно заниматься работой на вольном воздухе. Пришлось её прекратить. Когда включили рацию, то узнали, что в Киренске температура – 36 градусов. Значит и у нас не выше, а, скорее всего, ниже.

В середине дня со стороны Кутимы послышался шум, как от движущегося поезда, и он постепенно нарастал. Мы пошли к реке и увидели необыкновенное явление! Вниз по реке со скоростью пешехода двигался вал пропитанного водой мелкого льда и снега высотой более метра. Он сгребал с берегов весь мусор: ветки, небольшой валёжник, вырывал кустарник. Всё это вал либо утаскивал с собой, либо отодвигал в стороны. Это сооружение ледяного крошева и снега проползло мимо нас и скрылось за поворотом, а за ним текла вода, свободная ото льда. Лишь вдоль берега остался невысокий вал ледяного крошева и мусора.

Поразмыслив, я понял причину такого природного явления. В местах нашего пребывания снег выпадает рано, когда ещё реки не покрыты льдом. Они мелеют, на перекатах выступают крупные валуны. На них образуются снежные шапки, которые соединяются между собой, и подпруживают реку. Вода взламывает эту запруду и несёт её вниз по течению, ломая лёд на тихих участках. В результате образуются валы, которые вода толкает вниз по течению, очищая берега от валёжника и кустарника.

Летом вдоль берега Кутимы и её крупных притоков ходить было, как по хорошо утоптанной дороге, покрытой травой. Каждой осенью берега очищались от растительности и мусора такими валами. Теперь я понял, как образовались удобные для хождения берега.

Наступившие зимние холода заставили нас поторопиться с вылетом из гор. Оставшиеся пробы решили додробить уже в Иркутске. Груза, конечно, это добавило, но что поделаешь. Накануне дня Октябрьской революции мы оказались в Иркутске и с удовольствием приняли участие в демонстрации. Полевые материалы были приняты на «отлично».

Это был мой последний полевой сезон в Геологосъёмочной экспедиции, которой я отдал 18 лет своей жизни. В начале 1978 года я перевёлся в ВостСибНИИГиМС

1978 год (А)

В процессе многолетних геологосъёмочных работ в Северо-Байкальском вулканоплутоническом поясе у меня накопился большой новый материал по реконструкции древних вулканических построек, по его строению и формированию. Ещё в 60-е годы у меня появилось желание обобщить этот материал в виде кандидатской диссертации. Но большой объём производственной работы (полевые работы и составление отчётов) не оставлял времени для её написания. Лишь вечерами и в воскресенье можно было заниматься диссертацией, да и они часто были заняты составлением отчётов, ведь надо было их заканчивать в установленные сроки.

В конце 60-х годов я поступил в заочную аспирантуру в Институт земной коры к Петру Михайловичу Хренову. За три года я только успел сдать кандидатские экзамены и наметить контуры диссертации. Дальше работа продвигалась медленно. Для завершения диссертации я решил перейти в ВостСибНИИГиМС, директором которого к тому времени стал П. М. Хренов. В 1976 году я обратился к нему с просьбой взять меня в институт. Он согласился. Но, чтобы меня приняли переводом (при переходе из одной организации в другую переводом сохранялся непрерывный трудовой стаж, что имело значение для определения размера пенсии в будущем), надо было согласие руководства экспедиции. Пётр Ми-

хайлович созвонился с главным геологом экспедиции Петром Иосифовичем Шамесом с просьбой относительно моего перевода в институт. Пётр Иосифович согласился, но поставил условие, что я проведу ещё год в должности старшего геолога Малоакитканской партии. После полевого сезона 1977 года я обратился к Петру Иосифовичу и напомнил ему о его согласии на перевод меня в институт.

– Ну, раз обещал, надо выполнять, – сказал он.

Так в начале 1978 года я оказался в ВостСибНИИГиМСе в должности старшего инженера и был направлен к Николаю Анатольевичу Срывцеву, который занимался изучением золотоносности Северо-Байкальского пояса в теме по изучению золотоносности зоны БАМ. Моей задачей было изучение палеовулканических структур пояса, что являлось и темой моей диссертации. Таким образом, выполняя исследования по теме, я занимался и написанием диссертации. Николай Анатольевич предоставил мне полную свободу и особенно не загружал меня текущими делами, за что я ему очень благодарен.

В 1979 году я закончил диссертацию и отдал Петру Михайловичу на проверку. Проходило время, а от него не было никакой информации. Мне неудобно было ему напоминать о себе. Прошёл почти год, и я решил, что всё-таки пора это сделать. Оказалось, что Пётр Михайлович забыл о моей диссертации. Через месяц после моего напоминания, он вызвал меня, отдал диссертацию, сказал, чтобы я не стирал его замечания и отдал исправленный вариант. Я добросовестно переделал согласно его замечаниям диссертацию и отдал ему снова, положив текст с замечаниями сверху. Через несколько дней мне позвонила секретарь Петра Михайловича, сказав, что меня требует директор института. Когда я вошёл к нему в кабинет, то Пётр Михайлович набросился на меня с гневом.

– Что я Вам мальчишка?! Вы совершенно не учли мои замечания. Заберите свою писанину и больше ко мне не приходите!

На меня это подействовало, как ушат холодной воды. В растерянности, ничего не понимая, я пошёл к себе, открыл папку, начал листать и понял, что Пётр Михайлович не заметил, что исправленный текст лежит ниже, увидел свою правку и решил, что я вернул диссертацию, совершенно не учитывая его замечания. Я переложил исправленный текст так, чтобы он был сверху, пошёл к нему снова, показал, что и исправленный текст был в папке.

– Да? Ну ладно, оставляйте текст, я посмотрю, – хмурясь, пробурчал Пётр Михайлович. Ему явно было неудобно за свою вспышку.

Исправленный текст его удовлетворил, и он дал добро на защиту диссертации. Оппонентами у меня были два доктора геолого-минералогических наук: Владимир Александрович Наумов и Юрий Васильевич Комаров.

– Для того чтобы Вас опровергнуть, надо пройти по вашим маршрутам, которые Вы сделали за 18 лет, – сказал Юрий Васильевич, прочитав мою диссертацию, и дал положительный отзыв без серьёзных замечаний. От Владимира Александровича отзыв был тоже доброжелательный. В начале 1981 года я в Институте земной коры успешно защитил кандидатскую диссертацию, не имея ни одного чёрного шара, и вскоре получил учёное звание кандидата геолого-минералогических наук.

Но вернёмся в 1978 год. В этом году мы должны были работать на объектах в разных частях Северо-Байкальском поясе, которые могли быть перспективными на золото. Кроме нас с Николаем Анатольевичем, в отряде были два студента: Саша и Таня, и Паша Дёмин, тогда ещё ученик десятого класса. Тамара – мама Паши не хотела, чтобы он после окончания школы учился на геолога. Она просила, чтобы Паша ходил в маршруты со мной, и чтобы я показал ему все отрицательные стороны профессии геолога, убедил его не поступать учиться на геологический факультет. Я добросовестно старался это сделать. Но однажды мы сидели на вершине, любуясь открывшимися суровыми и в тоже время прекрасными видами гор, и Паша сказал:

– Надо же, туристы платят деньги, чтобы добраться до таких мест и полюбоваться их красотой, а мы любуемся открывшимися картинами, да нам за это ещё деньги платят!

Я понял, что Пашу покорила красота этих мест, а трудности его не пугают. Поэтому мои слова о негативных сторонах профессии геолога ему не страшны. Он уже заразился романтикой нашей бродячей жизни.

Мы с Николаем Анатольевичем и грузом на всё лето в конце июня прилетели в Казачинск, а наши рабочие должны прилететь позднее. В Казачинске как раз оказался свободный вертолёт Ми-2. Чтобы сократить расходы на вертолёт мы решили забросить про-

дукты сразу на два участка работ: на реки Черепаниха и Безымянка, в те места, где я в 60-е годы занимался геологосъёмочными работами. Так что намеченные участки мне были хорошо знакомы. Николай, как начальник, должен был встречать студентов и Пашу. Значит, надо лететь мне. А у меня разыгралась ангина и температура было под 39 градусов. Чувствовал я себя отвратительно: болела голова и горло, ломило суставы, чувствовалась слабость, всё было, как в тумане. Но вертолёт ждать не будет.

Загрузились мы и полетели. Первый пункт посадки был на Черепанихе. Там стояло зимовьё, в нём я и решил оставить часть продуктов и снаряжения. Вертолёт сел метрах в пятидесяти от зимовья и не выключал мотора. Мне надо было сделать несколько рейсов до зимовья. Я брал куль на плечи, тащил до зимовья, сбрасывал его и сам падал на мешок. Такая была слабость во всём теле и кружилась голова. Немного отдышавшись, я бежал за следующим кулём.

Перетащив весь груз, я закрыл всё тентом, и мы полетели на Безымянку. Там было проще, я выгрузил всё добро, вертолёт взмыл вверх и скрылся за горизонтом. Я отдохнул и стал ставить палатку-шестиместку. Обычно такую палатку ставят несколько человек, а тут мне надо было с ней справиться одному. Но к вечеру, промучившись часа два, я её всё же поставил.

Это было место, где при геологической съёмке масштаба 1 : 200 000, а затем – 1 : 50 000 у нас был табор. Посадочная площадка располагалась в 300 метрах от него. Я на месте будущего табора установил под деревом рацию. Два раза в день надо было выходить на связь с Николаем.

Наутро я почувствовал себя лучше, но тут разыгралась непогода на несколько дней. И вот вечером, в темноте я надевал плащ и шёл к рации. Представьте себе, человек в безлюдных горах, накрывшись плащом с капюшоном, в темноте, под дождём посылает позывные в эфир. Прямо, как в фильме про шпионов!

Через несколько дней непогода кончилась, прилетели все члены отряда. Расположились и начали работу. Были данные наших предшественников, что здесь урановое оруденение ассоциирует с золотом. Мы обследовали известные здесь выходы пород с урановым оруденением и опробовали их на золото.

Табор располагался на краю поляны, заросшей ярко-оранжевыми цветами – жарками. В начале июля налетела непого-

да, и дождь перешёл в снег. Навалило его более полуметра, все жарки скрылись под снегом. Наутро мы проснулись от яркого Солнца. Снег быстро стал таять. И вот на поляне, покрытой снегом, стали обнажаться жарки. Неповторимая картина! Сплошной покров снега, а из него густо высунулись ярко-оранжевые цветы! Они совершенно не замёрзли, по-видимому, к таким фокусам погоды оказались приспособленными.

В назначенное время прилетел вертолёт, и мы перебазировались на Черепаниху. Этот участок был выбран потому, что здесь выявлено нами при геологосъёмочных работах большое количество проявлений урановой минерализации. Они затем изучались специализированной партией, но отобранные ими пробы на золото не анализировались.

Я помнил по предыдущим работам, что Черепаниха – река весьма богатая рыбой и обнадёжил своих товарищей, что рыбой мы будем обеспечены. Но на этот раз река оказалась совершенно безрыбной. Меня это очень удивило! Впоследствии я выяснил, с чем это было связано. Когда работала здесь партия по оценке урановых проявлений, то взрывник тайком от руководителей партии глушил рыбу взрывчаткой, и она в следующие годы вверх по Черепанихе перестала подниматься.

Для переправы через Черепаниху наши предшественники сделали подвесной мост. К нашему посещению он был разрушен во время паводков. Остались лишь два троса, один над другим. Их мы использовали для переправы. Держась за верхний трос, надо было по одному медленно перемещаться по нижнему. Трос под нашей тяжестью провисал и во время дождей погружался в воду. Мне посчастливилось ещё раз побывать на горе Алый Парус и полюбоваться открывавшейся с неё панорамой гор и прилегающей равнины, покрытой тайгой.

Для того чтобы обследовать объекты на водоразделе рек Черепанихи и Гольцовой, пришлось сделать многодневный маршрут. У меня ещё с геологосъёмочных работ сохранился лёгкий целлофановый тент размером 5×2,5 метров. Мы брали его в многодневные маршруты для ночлега, делали наклонную основу из палок и её покрывали этим тентом. По краям его придавливали камнями. Получался шалаш, открытый в одну сторону. Перед ним разжигали костёр. Было тепло, несмотря на то что здесь ещё местами лежал снег.

В совместном маршруте. Слева направо: Н. А. Срывцев, Паша Дёмин, автор

Купание в горном озере в маршруте. Слева на право: автор, Паша Дёмин, Н. А. Срывцев, студент

В одном маршруте мы даже смогли искупаться в каровом озере, хотя на берегу северной экспозиции ещё лежал снег. Мне удавалось купаться в таких озёрах и раньше (см. раздел «1962 год»). Вот и сейчас можно было поплавать. Какое удовольствие в маршруте смыть пот и охладить тело!!!

В середине августа мы перелетели на третий участок. Он располагался на правобережье р. Большая Миня. Посадочную площадку нашли в среднем течении ручья Ветвистого – правого притока Б. Мини. Долина его широкая, поросшая кустарником и лесом. Вблизи русла она заросла высокой густой травой, достигавшей пояса.

Уже приближалась осень. Ночи стали холодными, по утрам трава была покрыта вначале обильной росой, а позднее – инеем. Маршруты надо проходить по окрестным водоразделам, покрытым каменными россыпями. Для того чтобы до них добраться, приходилось преодолевать заросли мокрой травы. Вымокнешь по пояс! Благо, у нас были резиновые сапоги с длинными голяшками. Но они довольно тяжелые, и целый день ходить в них по горам трудно. Поэтому мы в этих сапогах преодолевали заросли травы, у подножия склона переобувались, оставляя их до вечера, и шли дальше в более лёгкой обуви.

В конце августа мы закончили полевые работы, вылетели в Казачинск, а оттуда в Иркутск. За полевой сезон мы получили новые сведения по строению вулканоплутонического пояса, собрали богатый каменный материал, который предстояло подвергнуть химико-аналитическим исследованиям. По результатам полевых и химико-аналитических исследований следовало дать обоснованные рекомендации о золотоносности пояса.

Полевые работы в институте после бурных полевых работ в геологосъёмочных партиях показались мне скучными. Конечно, здесь они были менее регламентированы. Даётся общее задание по теме. Выбор же объектов исследования, количество времени, маршрутов и методики изучения полностью определялись исполнителем в зависимости от их информативности, возможностей транспорта, погоды, наличия снаряжения и продуктов. В отряде обычно один или два ИТР и два-три маршрутных рабочих. Полевые работы продолжались два, максимум три месяца. Выезжали в

конце июня, когда снег в основном уже стаивал, и возвращались в конце августа, не дожидаясь осенних снегопадов.

В Геологосъёмочной экспедиции я чувствовал себя частью большого коллектива. Была постоянная связь с экспедицией и соседними партиями. От руководства постоянно шли «ценные указания». Надо было периодически отчитываться о ходе работ. Но было и чувство какой-то защищенности, если что-то случится экстраординарное, то всегда придёт помощь. Кроме того, был начальник партии и завхоз, которые решали большинство организационных вопросов. А в институте на полевых работах ты был предоставлен сам себе. Главные проблемы возникали с транспортом, каждый год свои.

При геологосъёмочных работах весной выдавалось задание. В нём определялась площадь работ, её надо было покрыть относительно равномерной сеткой маршрутов в среднем через 500 метров, геохимическим и шлиховым опробованием с определённым расстоянием между пробами. Намечались поисковые работы с точным видов и объёмом горных выработок. Иногда приходилось делать маршруты, для меня совершенно неинтересные. В партии бывало два и более отрядов, а в отрядах – по десять и более человек. Забот – полон рот. Утром связь по рации с отрядами и базой. Выяснялись проблемы и пути их решения. Главными были транспортные дела: на какое число заказывать вертолёт, очерёдность его полётов по отрядам, куда направить лошадей (если они есть), что доставить с базы и т. д. Затем следовала выдача заданий на маршруты, сборы. У нас они обычно проходили весело с шутками и прибаутками. В маршруте, поднявшись на вершину, я намечал будущие маршруты свои и товарищей, в зависимости от обнажённости и геологической обстановки. Вечерами собирались у костра, ждали задержавшихся в маршруте, пили чай, делились дневными впечатлениями, вели разговоры «за жизнь», балагурили, пели песни. В камеральный день обычно заготавливали дрова, делали баню, на обед, если была возможность, готовили что-нибудь повкуснее. Обед и ужин проходили шумно, весело.

В камеральный период в партии оставались только ИТР. Среди них распределялась работа над отчётом. Каждому геологу в зависимости от квалификации и способностей поручался определённый его раздел и сопровождающая графика. Техники выполняли

подсобные работы: сдача проб на анализы и прослеживание их выполнения, их математическая обработка, вычерчивание второстепенной графики и т. п. Начальнику партии и мне надо было постоянно организовывать и контролировать их работу. Общая редакция отчёта и составление окончательного варианта геологической карты входили в мои обязанности. Вопросы геологии региона обсуждались с сотрудниками соседних партий. Возникающие при этом разногласия бурно обсуждались. Дискуссии иногда продолжались часами. Один-два раза в день работа прерывалась чаепитиями. Они служили хорошей разрядкой, обычно проходили шумно, весело с шутками, анекдотами и обсуждением насущных вопросов нашей и международной жизни.

Мне этих забот и большого коллектива на новом месте работы очень не хватало.

В институте в зимний период в комнатах сидели по два-три специалиста. Каждый был углублён в свои исследования, определял объём, методы и время только для себя. Конечно, были и беседы, обмен мнениями по проводимым исследованиям. Но всё это проходило как-то сухо, без задора и дружеского общения. В общем, скучал я по геологической съёмке!

1980 год (С)

В течение 1979 года мы занимались составлением отчёта по золотоносности зоны влияния БАМ. Обобщали все проведённые в регионе геологические работы, анализировали их с позиции своих исследований. Результатом был отчёт, где обосновывались закономерности золотого оруднения и перспективы выявления его месторождений. Я в основном занимался реконструкциями палеовулканических построек в пределах Северо-Байкальского вулканоплутонического пояса, что непосредственно соответствовало теме моей диссертации.

В мае 1980 года я защитил кандидатскую диссертацию и был переведён на должность старшего научного сотрудника. Меня назначили основным исполнителем темы «Составление схемы магматизма Северного Прибайкалья». Для её выполнения надо было провести полевые исследования. В связи со строительством

БАМ и геолоразведочными работами в этом районе появилось довольно много дорог, и можно было использовать для наших полевых работ автомашину.

В институте был довольно большой автопарк. Машины использовались в основном в летний период, поэтому большую часть водителей принимали весной на временную работу. Для проведения полевых работ мне была выделена автомашина ГАЗ-66 с шофером, только что принятым на работу в институт. Что он за человек, было неясно.

В то время в связи со строительством Байкало-Амурской магистрали большое количество грузов и техники перевозили по Байкалу самоходными баржами от порта Култук до порта Нижнеангарск. После соответствующей оплаты выделенную мне машину погрузили на такую баржу. Сопровождать её мог только один человек – шофер. Остальные должны были плыть на знакомом теплоходе «Комсомолец». Кроме меня в отряде была ещё старший лаборант Таня Кольцова, окончившая геологоразведочный техникум, студенты на практике: Юра и Игорь со второго курса Иркутского политехнического института и Витя из Иркутского геологоразведочного техникума. Моя жена Лена поехала на время отпуска со мной работать таборщицей. Мы взяли с собой внука Мишу, которому осенью должно было исполниться три года.

«Комсомолец» отправлялся от порта Байкал в 6 часов утра. Для того, чтобы на него успеть, надо было со всем полевым грузом прибыть в этот порт накануне. Нас вместе с грузом доставили на машине до Листвянки. Там мы погрузились на теплоход, который курсировал между Листвянкой и портом Байкал. В порту все ожидающие «Комсомолец» располагались в тесном зале ожидания. Я упросил капитана погрузить груз на теплоход с вечера, а сами ночевали вповалку на полу в зале ожидания.

Через двое с половиной суток мы приплыли в Нижнеангарск. Здесь располагалась база института Земной коры, которая была в ведении моего однокурсника Александра Алексеевича Бухарова. Я договорился с ним, чтобы мы могли расположиться на этой базе. Заведовал базой Кофейников. У него в распоряжении была машина. За определённую плату он перевёз нас на базу и поселил в вагончик. Рядом с базой располагалась свиноферма, где расплоди-

лись кусачие мухи. Укусы их были весьма болезненными. Пока жили на базе, приходилось с ними бороться и не пускать их в вагончик.

По прибытию в Нижнеангарск я направился в Северобайкальскую экспедицию представиться и познакомиться с геологами, чтобы обсудить мои задачи. Здесь я познакомился с главным геологом В. Г. Филатовым и знатоками Олокитского прогиба А. Г. Крапивиным, А. Г. Стёпиным. Геологи встретили меня недоброжелательно, мол, мы излазили прогиб вдоль и поперёк, а тут приехал ещё один «варяг» мутить воду. Но когда мы познакомились поближе, мнение их обо мне изменилось, и они стали относиться ко мне по-дружески.

Через несколько дней приплыла баржа с машиной. Оказалось, что шофер был родом из Нижнеангарска. Здесь жили его родители, и было много родни. Он вместе с машиной остановился у родителей. Я договорился с ним, что день он проведёт с родственниками, а потом повезёт нас в посёлок Перевал, жители которого занимались разведкой крупного свинцово-цинкового Холоднинского месторождения. Я решил начать свои исследования с так называемого Олокитского прогиба, в пределах которого располагалось это месторождение.

В назначенный день мы собрались, и я пошёл за машиной. Шофер был с глубокого похмелья, но сказал, что через час он подъедет к нам. Прошёл час-другой, а машины нет. Я пошёл за ней и обнаружил, что шофер уже «в стельку» пьяный. Пришлось отложить выезд на другой день. Но сцена повторилась на второй и на третий день. Стало понятно, что так можно просидеть в Нижнеангарске всё лето. Я послал телеграмму руководству института с описанием ситуации и попросил разрешения арендовать постороннюю машину. Получив разрешения, заключил договор с Кофейниковым, и мы отправились в посёлок Перевал.

Дорога проходила по живописной долине реки Холодная. В четырех километрах от устья Холодной с левого борта долины спускается крутая россыпь гигантских чёрных глыб, достигающих в поперечнике пять и более метров. Между глыбами зияют пустоты, уходящие вглубь склона на многие метры. Вид был довольно мрачный! Россыпь прослеживалась почти до самого верха, где сменялась чёрными обрывистыми скалами. В дальнейшем у меня

вверх по этой россыпи проходил маршрут. Чтобы не оборваться в расселины, приходилось подниматься зигзагами. Рассказывали, что один пьяный рабочий решил совершить «подвиг»: подняться по этой россыпи до верха. Назад он не вернулся. Найти его не смогли.

Внизу из-под этих глыб вытекает небольшой ручеёк кристально чистой ледяной воды, не замерзающий даже в лютые морозы. У выхода источника на поверхность сделана небольшая ямка. Вокруг всё усеяно пустыми бутылками из-под водки и прочего алкоголя, а также консервными банками и остатками продуктов – следами пьяных оргий. В посёлке Перевал был сухой закон. Поэтому существовала традиция: каждый возвращавшийся из отпуска работяга у этого источника выпивал последнюю бутылку, как правило, не одну, а затем уже ехал дальше.

Дорога из долины Холодной к посёлку шла по крутому склону и была проложена живописным серпантином. Сверху открывался вид на всю долину Холодной до самого устья. Это типичная, так называемая, троговая долина, выпаханная ледником: с плоским покрытым лесом днищем, по которому петляет река с протоками, и крутыми скалистыми или покрытыми крупноглыбовыми россыпями склонами с редкими зарослями стланика. Вдали виднелись озёрно-болотная Кичерская впадина и озеро Байкал.

Посёлок Перевал располагался на относительно ровной площадке на берегу р. Тыя. В нём было довольно большое количество вагончиков и хибар, где обитали рабочие, приличных домов для ИТР, общежитие, контора, совмещённая с камеральным помещением, вместительный дом культуры, магазин, столовая, медпункт и начальная школа. По прибытию я представился начальству и попросил выделить нам помещение для временной дислокации.

– Школа свободная, располагайтесь в ней хоть на всё лето, – ответили мне.

Так мы и сделали.

Нужные нам объекты находились в районе водоразделов рек Тыи с Олокитом и Чаей. Дорога в вершину Тыи за посёлком было проложена по болоту. Его можно было преодолеть только на вездеходе. В посёлке было три вездехода в разных подразделениях. Я пошёл «с протянутой рукой» по руководителям этих подразделений с просьбой перевезти нас в вершину р. Тыи, но везде получал

отказ. Наконец выяснил, что туда на вездеходе в выходной на рыбалку собирается ехать группа работников посёлка. Я упросил их взять и нас.

Под вечер в субботу мы загрузились в вездеход, и он помчался в нужное нам место. Мы вначале пересекли болото, а за ним шла довольно хорошая лесная дорога. Её проложили геологи, когда разведывали Довыренское медно-никелевое месторождение. Оно оказалось небольшим, и потому работы на нём прекратились.

Уже в сумерках нас высадили на берегу Тыи. Место оказалось покрытое ерником, где обитало большое количество гнуса. Мошка уже отправилась на покой, а комары тучами налетели на «дармовое угощение». Маленький Миша не мог понять, кто это его всё время тыкает иголками, и только вскрикивал: «А-а-а-а». Лена быстро надела на него накомарник, рукава завязала, доступ комаров к его телу оказался полностью закрыт, и он успокоился.

Быстро поставили две палатки и устроились спать. С этого табора я предполагал работать месяц. Поэтому надо было устраиваться основательно. На другой день поставили в палатки печки, сделали таган, стол и скамейки из палок, натянули над ними тент. Постепенно вытоптали вокруг кустарник, и гнус на таборе исчез. Но при возвращении из маршрута нас обычно сопровождала туча гнуса. Мы его доставляли на табор. Некоторое время после нашего возвращения он продолжал нас атаковывать, а потом исчезал в окружающей растительности. Мы придумали следующий метод его обмана. Наш табор располагался метрах в двадцати от дороги. Дойдя до сворота на табор, мы поворачивались и метров 50 шли обратно. Сопровождавшая свора гнуса тоже устремлялась за нами. Затем мы резко поворачивались и прытко бежали на табор. Обманутый гнус не успевал сориентироваться и оставался над дорогой.

Территория табора была неровная: выступали камни, корни деревьев. Миша, ещё недостаточно уверенно ходивший, быстро вернулся в своё недалёкое прошлое и стал передвигаться преимущественно на четвереньках. Даже когда мы вернулись через месяц в посёлок, он часто использовал этот метод передвижения.

В общем-то, у Миши мало было развлечений. Мы почти каждый день ходили в маршруты. Лена в наше отсутствие читала ему книжки, которые мы прихватили с собой, или он сам находил себе

занятие. Одним из развлечений Миши была имитация ловли рыбы. Он периодически с прутом в руках устремлялся к речке, которая у табора была шириной два-три метра и глубиной по колено.

– Ты куда? – спрашивали его.

– Посол ибачить.

И с деловым видом начинал хлестать воду прутом.

В один из дождливых дней, когда мы не пошли в маршрут, и дождь на некоторое время перестал, я пошёл с Мишей к недалёкому небольшому озерку. Там в воде было бревно.

– Давай будем пускать пароход, – предложил я Мише.

И мы стали играть, изображая, что бревно – это пароход. Отталкивали его от берега, и оно плыло к другому берегу. Мы шли туда и толкали его обратно. Миша был в восторге от этого занятия. Как он говорит сейчас, это самое раннее, что он помнит из своего детства.

Как только начались маршруты, сразу стало ясно, кто из моего отряда, что стоит. Я думал, что Таня будет мне помощником, и станет ходить в самостоятельные маршруты. Но оказалось, что ей не хватает элементарных знаний по геологии. Я решил её использовать только для отбора проб. Это работа трудоёмкая, и ответственная. Чтобы получить качественный материал для дальнейших исследований, в пробу должны быть отобраны осколки камней без корочек выветривания и посторонних налётов. В этом отношении на Таню можно было положиться. Как правило, я из скального массива кувалдой наколачивал мелкие обломки, а Таня и ребята затем молотками сколачивали корочки выветривания. Иногда набирать пробу приходилось буквально по крупицам. На отбор одного килограмма пробы три человека тратили до двух часов работы молотками, а на отбор пяти килограммов пробы уходило обычно полдня.

Другая трудоёмкая полевая работа – отбор материала для палеомагнитных исследований. Для этого надо было из единого скального массива отобрать не менее тридцати ориентированных в пространстве образцов, чтобы получить статистически значимые данные. На две плоскости наносились маркёром направления их наклона и ориентировки в пространстве, эти параметры замерялись с помощью компаса и заносились в журнал. Затем надо было

выколоть образец так, чтобы эти плоскости сохранились. Бывало, что при выколачивании образца разрушалась плоскость с замерами, приходилось выколачивать новый образец. Эту ответственную работу я не мог поручить кому-либо и выполнял сам.

По своему характеру и отношению к работе студенты значительно различались. Юра был человеком спортивного склада, занимался альпинизмом. Поэтому он с большим энтузиазмом ходил по горам и стремился участвовать в самых тяжелых маршрутах. В бытовом отношении он также был приспособленным. На него можно было положиться и в экстремальной обстановке. Игорь – типичный городской парень, к полевым условиям был мало приспособлен. По характеру это был шустрый добродушный весельчак, от работы не отлынивал и в маршрутах обязанности выполнял добросовестно. Довольно быстро освоился и в полевой жизни. Витя же был этим ребятам антиподом. Это был ленивый, трусливый нытик. Главной его задачей было увильнуть от маршрутов. Мне было неприятно, когда он был со мной в маршруте. Но, так как он был на практике, надо ему дать некоторые представления о геологии. Да, кроме того, у него оказалась язва желудка. И он иногда страдал от нашего полевого питания. В этих случаях я с удовольствием оставлял его на таборе на попечение Лены.

Рельеф в пределах Олокитского прогиба представляет собой горные массивы, разделённые широкими выпаханными ледниками долинами. Главным для нас был Иняптукский массив, с высотами до 2,5 км. Он возвышался как раз на пути наполненных влагой ветров, дующих от Байкала. Поэтому часто в долинах была солнечная погода, а на горном массиве моросил дождь. Чтобы познакомить ребят с геологией района, я брал с собой их по переменке.

Показателен один маршрут. В него я взял Юру и Витю.

На таборе была хорошая погода, но Иняптукский массив был окутан дождевыми облаками. Поднимаясь по склону, мы дошли до устья кара, где мне надо было осмотреть породы. Здесь мы достигли облачности, всё вокруг было в измороси. Одежда на нас тоже постепенно пропитывалась влагой. Юра бойко шёл за мной, а Витя плёлся сзади с несчастным видом. Пока мы поднимались, было жарко, и мы изрядно пропотели. Но, как только остановились, стало холодно.

– Разводите скорее костёр, грейтесь и варите чай, – велел я ребятам, – а я поднимусь в кар, часа через два вернусь. Юра тотчас же начал искать относительно сухие ветки, быстро развёл костёр. Витя же сидел, скорчившись, и дрожал.

– Что ты сидишь, мёрзнешь, иди, собирай сухой стланик, будешь двигаться, быстро согреешься, – попытался я подбодрить его.

Он медленно поднялся и, еле волоча ноги, пошёл искать дрова. Но, как только костёр загорелся, он сел около него, чтобы согреться.

Через намеченное время, обойдя кар по краю скальников, я вернулся. Облачность несколько рассеялась, изморось прекратилась. Весело горел большой костёр, на тагане висел котелок с готовым чаем. Как рассказал потом Юра, Витя так и не отходил от костра. Стараясь быть поближе к костру, он опрокинул котелок с чаем, и Юре пришлось кипятить его снова.

Несколько дней мы составляли разрез по одному из скалистых хребтов Иняптукского массива. Каждый день нам приходилось подниматься более 800 метров по вертикали и лишь потом приступать к работе. Конечно, тратилось много времени на подход, но зато получили качественный материал по геологическому строению массива. Выяснилось, что он представляет собой сложную вулканическую постройку. Более 600 миллионов лет назад здесь гремели взрывы, из глубин выбрасывались обломки до нескольких метров в поперечнике, которые разлетались на многие сотни метров, а мелкие обломки даже на километры. Тучи вулканического пепла закрывали небо и покрывали окружающее пространство. Периодически из трещин изливалась базальтовая лава, потоки её заливали долины и распадки. У части магмы не хватало сил преодолеть сопротивление твёрдых пород и вырваться на поверхность. Тогда она искала малейшую лазейку и внедрялась по ослабленным зонам в окружающие породы, пронизывая и прогревая их.

Запомнился один экзотический маршрут. Я хотел пройти маршрутом на высоту 2464 метра. Для этого предстояло подняться по вертикали 1000 метров по крутому, часто скалистому склону, да плюс ещё длинный подход и выход из маршрута. В этот маршрут я взял только Юру, зная, что он его выдержит. День был сол-

нечный. Учитывая, что вверху уже не будет кустарника, набрали сухого стланика целый рюкзак и стали подниматься по крупноглыбовым россыпям и скальным выступам. Оставалось подняться около сотни метров, когда нам преградила путь сплошная скалистая стена высотой около 10 метров. На неё можно было подняться, только цепляясь за выступы. Если бы я был один, я бы рискнул подняться на эту стену. Но меня беспокоил Юра.

– Что ж, придётся вернуться, – сказал я ему, осмотрев скалу.

– Владимир Васильевич, давайте поднимемся на скалу, – стал он упрашивать меня, – для меня это будет практика по альпинизму.

– Ну что ж попробуем, – согласился я, поняв, что Юра не боится – только если почувствуешь, что дальше подниматься тебе рискованно, то сразу скажи.

– Хорошо.

Начали подниматься по щели, с трудом, но благополучно преодолели скалистую стенку. Зато были вознаграждены открывшимися видами! Выбрались мы на относительно ровную площадку, полого поднимавшуюся к вершине. Здесь царила весна. Большую часть поверхности занимали снежники, вырываясь из-под которых, звенели ручьи. Между снежниками обнажалась горная тундра, покрытая ослепительно зелёной травкой. Кое-где виднелись живописные скалки. Дополняли картину близкое безоблачное небо и сияющее Солнце. К северу возвышались скалистые гребни, разделённые троговыми долинами с озёрами, обрывистыми склонами и гигантоглыбовыми россыпями у их подножия. К югу открывался вид на широкие долины Тыи и Олокита с их притоками, разделённые мрачным чёрным Довыренским горным массивом. Хорошо был виден посёлок Перевал и петляющие дороги. Вдали виднелась долина реки Холодной, на горизонте темнел Байкал.

Кустарник совершенно отсутствовал, поэтому на принесённом стланике мы вскипятили чай и с удовольствием пообедали. Под скалой Юра нашёл консервную банку, где была записка, кто посетил вершину до нас. Юра сказал, что это обычай альпинистов: каждый следующий достигший вершины уничтожал записку и оставлял свою с указанием посетителей, что он и сделал. Туда же запрятали под скалку от дождя оставшийся сухой стланик. Не хотелось уходить с этого прекрасного места. Но надо было возвра-

щаться, чтобы успеть засветло добраться до табора. Спустились мы по другому, более безопасному пути.

Через несколько лет мне рассказал преподаватель геологического факультета ИГУ В. В. Андреев, что он был на этой вершине, нашёл нашу записку и, как положено, заменил своей, поблагодарил нас за оставленный сухой стланик, на котором они тоже приготовили чай.

Один из объектов, которые я хотел исследовать, располагался в 10 км от нашего табора, в бассейне р. Абчада. Надо было идти в многодневный маршрут. Со мной отправились Юра и Игорь. Мы взяли 2-х местную палатку, продуктов на четыре дня, свитера, чехлы от спальников и отправились туда. В многодневные маршруты я обязательно брал припасённый для них маленький топорик. Как сказано в одной из поговорок охотников: «С топором мы всё могём». До заброшенного посёлка геологоразведчиков Озёрного мы шли по хорошей дороге. Нас до этого места провожали Лена с Мишей.

Такие брошенные поселения представляли собой угнетающее зрелище. Большие голые площади, полуразрушенные и полностью разрушенные постройки, остатки поломанной техники и огромные чёрные пятна, залитые горюче-смазочными материалами. Как говорил ослик Иа-Иа: «Довольно унылое зрелище». Окружающая растительность постепенно возвращала себе отнятые у неё территории. В зависимости от времени, которое прошло с момента прекращения жизни посёлков, они покрывались вначале травами, затем появлялись кустарники и, наконец, деревья. Но залитые горюче-смазочными жидкостями «раны» сохранялись голыми долгое время, пока вода не вымывала их полностью. При виде таких посёлков меня посещали грустные мысли. Когда-то в них кипела жизнь, полная эмоций и страстей. Их присутствие как будто ещё витало здесь в воздухе. В таких посёлках, как Перевал, люди влюблялись, женились, рожали детей. Для этих детей здесь была Родина! А теперь там только ветер гуляет. Моё детство прошло на прииске, давно уже заброшенном. Теперь там, где был родной дом, где мы когда-то бегали по улицам, играли, ходили в школу, переживали мелкие неприятности и т. п., сейчас, вероятно, шумит густая тайга.

За бывшим посёлком дорога кончилась и мы пошли через перевал, пробираясь сквозь густые заросли. Чтобы не терять время даром, я подход шёл обычным маршрутом, хотя груз затруднял работу. К вечеру дошли до намеченного места. На невысокой террасе одного из притоков Абчады поставили палатку, а перед ней сделали кострище и таган. Тут топорик нам как раз помог. Пришлось им потюкать, но зато заготовили толстые двухметровые чурки для костра, сделали так называемую нодью, раскрыли полы палатки, чтобы тепло костра обогревало нас, забрались в чехлы от спальников, и спокойно спали всю ночь. Лишь два раза приходилось подправлять костёр.

Утром пошли в маршрут, но в середине дня начался дождь, и пришлось вернуться. Дождь с короткими промежутками продолжался двое суток. В эти промежутки я успевал осмотреть и отобрать пробы лишь из расположенных вблизи обнажений. Всё время мы поддерживали костёр, чтобы не возиться с разжиганием нового под дождём. На четвёртый день мы также проснулись под шум дождя. Делать нечего, продукты кончались, надо возвращаться. Собрали рюкзака, свернули мокрую палатку и пошли по мокрым кустам обратно. Только поднялись на водораздел, дождь кончился, и выглянуло Солнце. А к вечеру мы уже были на таборе.

Так с малым результатом кончился наш поход. «По-видимому, злой дух Абчады был обижен на то, что мы нарушили его покой». В нашей работе такие безрезультатные или мало результативные походы случались нередко. Но с небесами не поспоришь.

Подходя к табору, увидели у сворота с дороги мотоцикл. Я спросил у Лены, откуда он взялся. Оказывается, во время нашего отсутствия у нас были гости. В один из вечеров здесь разразилась гроза с ливневым дождём. Лена готовилась ко сну, когда вдруг заскочили двое мужчин и попросили убежища от дождя. Они ездили на рыбалку, и как раз около нас у них заглох мотоцикл. Лена их накормила, устроила на ночлег. А утром они пошли пешком до посёлка.

Через день эти мужики пришли за мотоциклом, и я познакомился с ними. Оказалось, что один из них был главный инженер партии. Звали его Валерий. Я обратился к нему с просьбой помочь вывезти нас отсюда. Он пообещал сделать, что будет в его силах.

Через несколько дней я отправился в посёлок и пришёл к Валерию. Он пояснил мне ситуацию с вездеходами: один сломался, другой вне подчинения партии, а у третьего водитель находится в отпуске и в глубоком запое. Несмотря на сухой закон, сотрудники партии умудрялись найти возможность выпить. Но, если узнавало начальство, что работник выпивал, то его моментально увольняли. Однако водитель вездехода был в отпуске, да и другого водителя взять было неоткуда. Поэтому на его запой смотрели сквозь пальцы. Достать алкоголь в посёлке было трудно, поэтому Валера предложил мне пойти к водителю и пообещать бутылку водки, если он вывезет нас в посёлок. На такие случаи я постоянно возил с собой в качестве «валюты» несколько бутылок. Я пошёл к водителю и договорился с ним, что если он нас вывезет, то я ему выдам вожделенную бутылку.

На другой день вездеход прибыл. Водитель был уже прилично пьян. Он приехал с товарищем, который был только выпивши. Водитель потребовал сразу выдать ему обещанную бутылку. Я попытался отсрочить выдачу до посёлка, но он сказал, что пока бутылка не будет на столе, он никуда не поедет. Только я выдал бутылку, как водитель её быстро опорожнил и стал практически невменяемым. Его товарищ выпил немного и был вполне адекватным.

– Да ты не беспокойся, – успокаивал он меня, – нормально доедем.

Пока они расправлялись с бутылкой, мы собрали вещи и погрузили их в вездеход, а сами уселись наверху. Товарищ водителя хотел сесть за руль, но водитель сказал, что он поведёт вездеход сам. Только тронулись, как водитель спьяну налетел на огромный валун, поставил вездеход на дыбы под углом около 45 градусов. Но затем дал задний ход, товарищ сменил водителя, и мы поехали. Через некоторое время у вездехода отказал правый поворот. Чтобы вписаться в такие повороты, водитель сдавал назад, поворачивая при этом машину влево. Вездеход крушил мелкие деревья и кустарник. На нас обильно сыпались ветки. Но иначе нельзя было повернуть в нужную сторону.

При подъезде к посёлку вездеход, преодолевая болото, сел днищем на огромный валун и остановился. Получилось, что машина оказалась как бы на весу, гусеницы бесполезно крутились в

«жидкой каше». Водитель пошёл за помощью в посёлок, а мы остались сидеть в ожидании освобождения посреди болота, через которое можно было перебраться, замокнув выше колен. Наконец он приехал на другом вездеходе и сдёрнул свою машину с валуна.

К вечеру пришёл Валера и пригласил нас с Леной на вечер к себе. Мы уложили Мишу спать под пологом от комаров, наказав ребятам следить за ним, и отправились в гости. Жена Валеры оказалась гостеприимной, весёлой хозяйкой, организовала богатый стол. Супруги были такими же песенниками, как и мы. Немного выпили и почти до утра пели песни. Репертуар у нас оказался одинаковый, мы запевали, они подхватывали, затем они запевали, мы подхватывали. На дорогу нас хозяйка нагрузила пирожками. Когда под утро мы вернулись, ребята не спали, а ждали нас, охраняя Мишу. Мы быстро вскипятили чай и угостили ребят пирожками.

На другой день я с Леной и Мишей отправились на попутной машине в Нижнеангарск. Там нас ждала машина с новым шофером. Я проводил Лену с Мишей в Иркутск, а сам на машине отправился обратно.

Мне надо было обследовать бассейн р. Ондоко. Машина нас довезла лишь до ущелья в горном массиве Довырен, дальше дорога была непроезжей, и нам пришлось идти в многодневный маршрут. Наш Витя еле плёлся, постоянно отставал, приходилось его ждать. В результате на намеченное место пришли уже в темноте. Благо, там оказался старый табор и остов палатки с настилом, нарами и столом. Отработали этот участок без особых происшествий, не считая дождей, которые нас несколько раз мочили в маршрутах, и вернулись обратно.

По дороге в Нижнеангарск мы сделали несколько маршрутов на левый борт долины Холодной до водораздела. В Нижнеангарске не стали задерживаться и отправились по БАМу в долину р. Гоуджекит. В день отъезда был бурятский праздник сухарбан. К этому дню приурочили прибытие первого тепловоза в Нижнеангарск, который по плану должен оказаться на станции в 10 часов. На импровизированных сценах выступали местные артисты. Кругом были расставлены палатки, где шла бойкая торговля. На фоне повсеместного дефицита в стране на БАМе было изобилие продуктов и товаров. Казалось, не только страна, но и весь социалистиче-

ский лагерь снабжали БАМ. Пока все местные жители веселились, мы запасались продуктами для дальнейшей работы: российским сгущенным молоком, болгарскими фруктовыми, венгерскими овощными консервами и т. п. Хотелось и домой привезти что-нибудь вкусное. При нынешнем ассортименте продуктов в магазинах трудно представить, насколько тяжело было достать (тогда говорили «достать», а не «купить») в те времена какую-нибудь банку компота «Ассорти», «Лечо» или сгущенного молока. Настоящее лакомство по тем временам!

Запаслись мы продуктами и поехали в долину Гоуджекита. Вдоль левого борта его долины начали составлять разрез. Шофер остался на таборе. Я ему наказал к 7 часам вечера сварить суп. Когда вернулись, суп был готов. Он оказался с грибами. Когда мы его попробовали, то сразу захотелось его выплюнуть. Он был непереносимо горьким. Оказалось, шофер сварил его с груздями. После этого я стал оставлять на таборе Таню.

В одном из последних маршрутов в долине Гоуджекита вышли на поляну, сплошь заросшую голубичником. Поляна была буквально синей от ягод! Мне захотелось привезти ягоды домой, но не было тары. И вдруг увидел, что посередине поляны, как подарок, на пне стояла пустая 5-литровая бутыль. Пока ребята лакомились ягодами, я за час набрал её полную ягоды и благополучно привёз домой в качестве подарка с БАМа.

В конце августа закончили полевой сезон, и вернулись в Нижнеангарск. Здесь я устроил автомашину со снаряжением и шофером на баржу, а сам с ребятами дождались «Комсомольца», на нём без приключений доплыли до порта Байкал и через Листвянку вернулись в Иркутск.

1981 год (С)

В 1981 году продолжались работы по теме «Составление схемы магматизма Северного Прибайкалья». Мне в помощь направили молодого специалиста Диму Дудкинского, окончившего Геологический факультет ИГУ. Это был интеллигентный, выносливый молодой человек, способный, грамотный геолог, обладающий спокойным, доброжелательным характером. Его роди-

тели были геологами и возили его с собой в партии, так что к полевой жизни он был приспособлен. Я ему был рад.

Проходить практику в тему были распределены два студента политехнического института: Юра и Володя. Ребята были нормальные, хорошо работали, без нытья переносили тяготы полевой жизни и трудности маршрутов. Только Володя отличался тем, что постоянно что-либо терял. Так он потерял свой перочинный нож. А в маршрутах он был необходим. Я ему выдал другой ножик, но он и его потерял. Когда же он потерял третий нож, то я сказал, что больше запасных ножей у нас нет. Тогда Володя взял стальную ложку и в течение нескольких вечеров из её ручки выточил острое лезвие, которым и пользовался, как ножом, до конца сезона.

Для решения поставленных перед темой задач, надо было попасть в бассейн р. Олокит, как продолжение исследований прошлого года. На машине туда добраться нельзя. Поэтому надо было использовать вертолёт. В это же место должен залететь Алексей Николаевич Житков с отрядом. Он занимался в институте палеомагнитными исследованиями. Для аренды вертолёта мы решили объединиться.

Я со своим отрядом выехал в первой половине июня, а Алексей Николаевич должен был подъехать в начале июля. В Нижнеангарске мы снова устроились на базе Земной коры. Чтобы не терять время даром, я решил провести изучение магматических образований на правом борту долины Верхней Ангары в районе горы Кирон, возвышавшейся на 1300 метров над долиной. Мимо этой горы как раз проходила трасса БАМ. Договорился с Кофейниковым и он за плату (оформлялся договор) отвёз нас к устью руч. Кирон, где мы и обосновались. Таня была у нас за таборщицу, а я и Дима со студентами должны были ходить в маршруты.

Народ на БАМе был весьма отзывчивый, всегда готовый бескорыстно помочь нам. В основном это были молодые люди со всех концов Советского Союза. Они верили, что делают нужное для страны дело и собирались обосноваться на БАМе на всю жизнь. Жаль, что с началом перестройки всё, что они построили, стало никому не нужным и быстро разрушалось. Мы, шутя, говорили, что на БАМе уже царит коммунизм. А вот в Нижнеангарске были советские порядки, всё делалось за плату, чаще всего за бутылку.

Чтобы добраться до начала маршрута, мы выходили на трассу, голосовали, и первая же машина, если было место в кабине или кузове, подвозила нас до нужного места. Таким же образом мы возвращались из маршрута. Это значительно помогало в работе: не надо было делать многокилометровые подходы к маршрутам и выходы из них.

Вначале мы обследовали склоны г. Кирон. Затем я решил сделать через её вершину разрез. К ней вёл скалистый хребтик, что нам и нужно для составления разреза. В первый день мы смогли подняться до высоты 1200 метров. Только выбрались на водораздел, как начался дождь со снегом и ветром. Пришлось ретироваться вниз. На другой день продолжили составление разреза с частым опробованием. Успели пройти до высоты 1500 метров. На третий день поднялись до этой отметки и по гребню продолжили разрез. Далее путь был по довольно однообразным гранитам, что значительно ускорило наше продвижение. Поэтому решили пообедать на самой вершине, чтобы полюбоваться открывающимися видами. Но наверху дул пронизывающий ветер, который периодически бросался в нас снежной крупой. Вершина, где была топовышка, оказалась плоской, покрытой камнями. Растительность отсутствовала. Укрыться было негде. Мы быстро продрогли и вынуждены были спускаться вниз без обеда, продолжая при этом составление разреза. Спустившись на 200 метров, нашли в скалах укромное место, где не было ветра, а рядом был снежник, собрали стланик, развели костёр, согрелись, сварили чай, открыли традиционные консервы и наконец-то пообедали.

Вид со склона Кирона открывался замечательный. Перед нами расстилались расширяющиеся к Байкалу поймы рек Верхняя Ангара и Кичера с многочисленными озёрами, протоками, болотами и тайгой по склонам. Вдали виднелась водная гладь Байкала и поселения на его берегах. С севера низина окаймлялась крутыми скалистыми склонами Верхнеангарского хребта, на вершине которого мы были, а с юга – отрогами Баргузинского хребта с его вершинами, в большинстве ещё покрытыми снежниками, на горизонте. Вдоль Верхнеангарского хребта видна была почти прямолинейная автодорога, по которой в клубах пыли шёл поток машин в обе стороны. Ближе к пойме параллельно ей тянулась насыпь для

будущей железной дороги. На склонах видна была широкая просека с линией электропередачи.

Отроги Баргузинского хребта, постепенно понижаясь, как бы устремлялись к г. Кирон, сужая долину Верхней Ангары и отделяя Байкало-Кичерскую впадину от Верхнеангарской, которая также изобиловала озёрами-старицами, протоками и густой тайгой. Вдоль дороги были разбросаны временные посёлки строителей.

После обследования района г. Кирон надо было возвращаться в Нижнеангарск к приезду группы Алексея Николаевича. Ещё при заезде мы решили возвращаться самосплавом по Верхней Ангаре. Для этого взяли с собой 800-килограмовую резиновую лодку. Груза оказалось много для неё. Да и плыть с ящиками, набитыми камнями, опасно, можно было пропороть лодку. Я вышел на тракт и стал голосовать, чтобы отправить каменный груз в Нижнеангарск. Первая же грузовая машина остановилась. Я попросил шофера за плату довести каменный материал в ящиках до базы, рассказав, насколько он для нас важен.

– Да не беспокойтесь, довезу в цельности и сохранности, – заверил меня он, – никакой платы не надо.

Когда загрузили лодку, то оказалось, что оставшийся груз бугром возвышается над бортами. Я сел на вёсла. А остальные расположились на горе спальников. Течение было очень медленное, русло извилистое. Для ускорения я постоянно грёб, но всё равно продвигались медленно. Да кроме того поднялся довольно сильный встречный ветер. В одном месте, едва мы выплыли из-за поворота, порыв ветра погнал нас обратно за поворот. И только с третьего раза мы преодолели это место. Стало ясно, что за два дня, как мы планировали, нам до Нижнеангарска не доплыть.

Пришло время обедать. Русло изобиловало островами, часто густо заросшими топольником. Обычно верхняя их часть завалена баррикадами высотой иногда более двух метров из принесённых рекой в половодье деревьев. К одному такому острову мы и причалили. Сварили кашу, чай. Только начали обедать, как сверху послышался звук мотора и из-за поворота показался катер. Я помахал ему, он причалил.

– Что надо?

– Возьмите нас до Нижнеангарска

– Грузитесь.

Мы быстро всё свернули, груз сбросали на палубу и поплыли. Катер был строителей БАМа и плыл в Северобайкальск. По дороге мы рассказали, чем занимаемся. Узнав, что катер плывёт в Северобайкальск, я забеспокоился, что нас провезут мимо Нижнеангарска. Капитан заверил нас, что доставит, куда нам надо. Действительно, он причалил прямо против базы. Когда я заикнулся насчёт платы, капитан только сказал:

– Какая плата, Вы же ведь здесь по работе, а не какие-нибудь там туристы.

Дело в том, что все эти левые расходы мне приходилось оплачивать из собственного кармана. С Кофейниковым мы составляли договор, заверенный в сельсовете, и этот документ был достаточным для оправдания расходов. А вот такие расходы никакими документами не подтверждались. Благо, на БАМе люди помогали нам бескорыстно.

Через день приплыли А. Н. Житков с командой, и мы одним рейсом прилетели на устье р. Овгол, впадающей в Олокит. Места оказались благодатными. Эти реки были богаты рыбой, их берега – голубицей, а водоразделы – грибами-маслятами. Интересно, что уже в начале августа по утрам бывал иней, и мы лакомились мороженой голубицей. Это растение здесь было приспособлено к таким ранним заморозкам. Как только пригревало Солнце, его кусты зеленели, а ягоды продолжали спеть, будто мороза и не было.

В этом году нашу страну посетило солнечное затмение, и полная его фаза приходилась на Северное Прибайкалье. Мы готовились встретить это редкое явление, запаслись затемнёнными плёнками. Для большего эффекта решили его встретить на одной из вершин. Утром, быстро позавтракав, мы рванули на гору. Чтобы проследить весь процесс затмения, мы торопились подняться как можно выше. Были разгорячённые, все в поту. На горе дул холодный ветерок. Меня, мокрого от пота, хорошо продуло, через 5 минут после подъёма я почувствовал боль в пояснице. Она постепенно нарастала. Но впечатление от затмения отвлекало от боли. Постепенно диск Солнца закрывала тень. Как только оно закрылось полностью, всё вокруг стало тёмно-лиловым. Появилось какое-то тревожное чувство, ожидание чего-то волшебного, необычно

страшного. Не зря нашим предкам в такие минуты казалось, что наступает конец света. Всё затихло. Удивительно, но даже комары исчезли. Это продолжалось пару минут, но впечатление осталось на всю жизнь! Показался краешек Солнца, и наваждение исчезло.

Мы хотели после встречи с затмением идти дальше маршрутом. Но я уже еле поднялся и от боли мог передвигаться с трудом. Диму с ребятами отправил в маршрут, а сам, превозмогая боль, начал спускаться к табору. Один из студентов меня сопровождал. Так как склон был покрыт крупноглыбовой россыпью, то надо было постоянно прыгать с камня на камень. Каждый такой прыжок отзывался в пояснице резкой болью. Я ждал, когда она утихнет, и прыгал дальше. Так я допрыгал до палатки.

На другой день я с трудом смог подняться. Мои спутники смотрели на меня с сочувствием. Я отправил их в маршрут, а сам принялся за лечение. Набрал два мешочка мелкого песка, взял сковороду, насыпал в неё песок. Когда он достаточно нагрелся, я привязал мешочек с ним к пояснице, а на скороду высыпал другую порцию. Так постоянно меняя их, я к обеду почувствовал, что мне становится легче, а к трём часам дня боль прошла почти совсем. Раз боль прошла, то я решил пойти осмотреть ближайшее обнажение, потом другое. Постепенно увлёкся и поднялся в гору довольно далеко. Вернулся на табор поздно. Ребята уже пришли. Но, смотрю, что-то все хмурые и на меня не глядят.

– Что случилось? – спросил я с тревогой.

– Что случилось? – ответил Дима. – Когда мы уходили, Вы еле передвигались, а пришли, Вас нет, и неизвестно, где Вы. Что мы могли подумать? А смотрим, Вы идёте, как ни в чём не бывало!

– Ну, извините, пошёл посмотреть обнажение вблизи, да увлёкся. Благо, спина отошла.

Рассказал, как я её лечил, и мы помирились. Меня тронула забота ребят.

Места в геологическом отношении оказались весьма интересными. Хорошая обнажённость помогала разобраться в хитросплетении вулканитов и интрузивов. Здесь мы занялись исследованием центральной части вулканической структуры, юг которой изучали в прошлом году. Для того, чтобы забраться в самую её сердцевину, пошли в многодневный маршрут. Остановились на водоразделе ручьёв Овгол и Асектамур.

Несколько дней затратили на составление детального разреза поперёк палеовулканической постройки, что помогло нам разобраться в последовательности её формирования. Стало ясно, что преобладал взрывной характер извержений. Базальтовые бомбы размером до метра выбрасывались из многочисленных жерл и разлетались вокруг. Их выбросы чередовались с излиянием лавы из трещин длиной в сотни метров. Эти трещины были заполнены магмой, которая застывала в приповерхностных условиях. Возникла система параллельных узких, но протяжённых тел, которые называются дайками.

В одном из маршрутов мы с Юрой направились в кар у подножия горы Иняптук, откуда берёт начало Овгол. Долина его здесь весьма примечательная. Относительно широкое плоское её днище завалено огромными глыбами. Ограничено оно ровными обрывистыми стенами-скалами, в которых вода ещё не сделала расселин и борозд. То есть ледник здесь полз по долине по геологическим меркам совсем недавно, всего несколько десятков тысяч лет назад. Вверху скалы резко сменялись относительно пологим водоразделом, покрытым глыбами. Гора Иняптук со стороны вершины Овгола имеет почти отвесную стенку высотой в сотни метров. Подножие её завалено гигантскими глыбами до многих метров в поперечнике. В днище кара расположены выпаханные ледником озёра с холодной кристально чистой водой. У подножия скал сверкали на Солнце довольно большие снежники.

С утра была хорошая погода. По дороге пересекли сухое русло ручейка. Но к обеду пошёл дождь. Мы нашли нишу под огромной глыбой, где было сухо, развели костёр, не торопясь, пообедали. Надеялись, что дождь кончится. Но он всё усиливался. Смотрим, а под нами среди камней уже ручей течёт. Надели плащи, которые всегда были с нами, и выбрались из-под глыбы. Никаких просветов. Надо уходить на табор. Вода, собираясь под камнями на водоразделе, сплошным шлейфом стекала по отвесным скалам. Я впервые видел, как по скалистой стенке, на всем её видимой протяжении в сотни метров стекает неразрывный поток воды! Мы подошли к руслу ручья, которое утром было сухим, а по нему несется вода высокими валами! Надо бродить. Взялись за руки, чтобы поддерживать друг друга, и пошли. Вода чуть не сбивала с

ног, но всё же мы выбрались на другой берег. Сапоги полны водой. Пришлось под дождём разуваться, выливать воду и снова обуваться. Так наш маршрут в вершину р. Овгол оказался незаконченным. Пришлось ещё раз туда идти по хорошей погоде.

Отработав этот участок, Алексей Николаевич со своей командой отправились вниз по Олокиту, неся на себе байдарки, снаряжение и продукты. А мы продолжили маршруты.

Чтобы обследовать восточный край палеовулканической постройки, мы прошли на восточную сторону гольца Иняптук за Асектамурское озеро. Там на наше счастье стояло довольно хорошее большое зимовье. Вечером ребята так натопили печь, что от жары было невозможно спать. Я вышел и устроился на ночлег под кустом. Ночь оказалась довольно тёплая, и я хорошо выспался. На ночь поставили в озере рыболовную сеть. Утром в ней оказалось около 50 хариусов. Мы их засолили и, благодаря улову, смогли задержаться там лишний день. Обследовав восточный склон гольца, мы вернулись обратно.

В назначенный день должен был прилететь за нами вертолёт. Утром в этот день проснулись: всё небо закрыто тучами. Решили, что вертолёта не будет, и не стали собираться. Вдруг в обед послышался шум мотора и из-под туч вынырнул вертолёт. Оказывается, на Байкале хорошая погода и лишь Иняптук в тучах. Вертолётчики начали ругаться, что мы не собрались. Мы, конечно, заносились: вытряхнули горящие головёшки из печки, быстро свернули спальники, собрали рюкзаки и снаряжение, сняли палатки и тенты и всё это бегом стали носить к вертолёту. Задержали вертолёт лишь на 10–15 минут, а через час уже были в Нижнеангарске.

В оставшуюся часть полевого сезона я решил обследовать правый борт долины р Кичеры. Здесь широкая заболоченная пойма реки с многочисленными озёрами резко, как по линейке, обрывалась Верхнеангарским хребтом. Скалистые горы на границе с поймой обрамлены шлейфом конусов выноса, сложенных преимущественно валунами до двух метров в поперечнике и в основном покрыты лесом. Ручьи, вырываясь из ущелий, распадаются на множество проток. Вода на поверхности по ним течёт лишь в половодье, а в межень она «прячется» в наносах. С поверхности здесь русла представляют собой сухие валунные потоки. У края

склона была уже отсыпана насыпь под рельсы, выше проходила автомобильная дорога, а ещё выше – просека и линия электропередачи. Когда прорубали эту просеку, то срубленные деревья сгружали к её краям. В результате её обрамляли метровые баррикады из лесин. В маршрутах приходилось преодолевать их. Занятие не из приятных.

Мы снова арендовали машину. Она завезла нас по конусу выноса до выхода из ущелья ручья с красивым названием Аюлинда. Там мы устроили табор. Уже начало смеркаться. Вдруг слышим человеческий монотонный, периодически повторяющийся крик: «а-а-а». Мы решили, что кому-то плохо и нужна помощь. Начали кричать, человек отзывается. Я взял Володю и мы в уже сгустившейся темноте начали пробираться по валунам и зарослям на голос, перекликаясь с неизвестным. Наконец в десяти метрах увидели мужика, сидящего на огромном валуне и периодически подающего голос.

– Что случилось? – с тревогой спросил я его.

– Ничего, – был его краткий ответ.

– А зачем кричишь?

– Так скучно же.

Плюнул я с досадой, и мы повернули обратно уже в почти полной темноте. Тем и закончился наш «спасательный поход».

Сделали мы по всем близлежащим ущельям маршруты. В каждом маршруте вначале поднимались по валунам конуса выноса, затем пару сотен метров пробирались по ущелью, составляя разрез. Вверху располагалась чаша из скал с крупноглыбовыми осыпями у их подножия. По глыбам добирались до скалистых склонов и по ним поднимались на водоразделы. Полюбовавшись на Кичеро-Байкальскую впадину (см. выше описание горы Кирон) на юге и горные сооружения на севере, спускались в ущелье и по нему выходили к открывавшемуся простору.

В назначенное время пришла машина. Мы вернулись в Нижнеангарск, через день погрузились на «Комсомолец» и через три дня привычным путём прибыли в Иркутск к своим близким.

1983 год (С, М)

В 1982 году я не ездил в поле. Мы составляли отчёт по теме, который зимой 1983 года защитили на «отлично». Весной этого же года в ВостСибНИИГИМСе была открыта тема «Составление карты магматических формаций юга Восточной Сибири и Северной части МНР» под руководством Г. Я. Абрамовича. Был создан коллектив, назначены основные исполнители по регионам. Мне досталась территория зоны БАМ в районе Северного Прибайкалья и Средне-Витимской горной страны. В пределах этой темы надо провести полевые исследования, собрать материал для решения неясных и спорных вопросов по магматическим образованиям.

Параллельно с этим я курировал Забайкальскую часть карты. Ею занимались специалисты Читинского и Бурятского геологоуправлений и расположенных там научно-исследовательских институтов. Геологию этого региона я не знал детально. Для того, чтобы вникнуть в существующие разногласия и детально познакомиться с геологией этой территории, пришлось значительную часть времени провести в фондах Читинского и Бурятского геологоуправлений. В процессе работы по теме я познакомился со многими знатоками геологии Забайкалья, с которыми обсуждались как частные, так и общие проблемы геологии. Кроме того, в 80-е годы я был членом экспертно-редакционного совета (РЭС) и был экспертом ряда геологосъёмочных отчётов по разным регионам Восточной Сибири. Всё это расширило мой кругозор по складчатому обрамлению Сибирской платформы, что помогло мне при преподавании в университете.

В полевой период 1983 года мой отряд состоял в основном из членов моей семьи: Наташа была маршрутным рабочим, Лена – таборщицей, 5-летний Миша – в роли «свободного туриста». В отряде также были сотрудник лаборатории изотопии Николай Семёнович Герасимов и студент Иркутского политехнического университета Андрей. Николай Семёнович – обходительный, добродушный, культурный специалист. Я был рад его участию в моих исследованиях. Андрея за «аристократические» замашки отлынивания от работы и заносчивое поведение мы прозвали «сэр». Его надо было постоянно толкать, указывать, что делать.

Во второй половине июня мы выехали на полевые работы. Мне выделили автомашину ГАЗ-66, шофера звали Витя. Это был постоянный работник института, свои обязанности выполнял добросовестно, безотказно занимался и хозяйственными делами. Как и раньше, машину с шофером я устроил на баржу, а сам с командой отправился на "Комете" в плавание до Нижнеангарска.

В Нижнеангарске мы встретились с отрядом Татьяны Александровны Дольник. Она занималась изучением палеонтологии докембрия. Татьяна Александровна была увлечённым своим делом специалистом, добрым, отзывчивым, щепетильно порядочным человеком. Общение с ней доставляло мне удовольствие. У её отряда свой транспорт отсутствовал, и Татьяна Александровна попросила меня использовать наш транспорт. Так как наши исследования в некоторых вопросах пересекались, то решили их посетить совместно, что Татьяне Александровне было весьма кстати. Когда прибыла машина, мы совместно отправились на ней по БАМу.

По автодороге вдоль трассы БАМ в обе стороны шёл густой поток машин, который превратил её в, так называемую, «стиральную доску», т. е. была с большим количеством ямок. Постоянно участками проводили текущий ремонт, но его хватало лишь на несколько дней. Весенние бурные потоки размыли подходы к мостам. Изолированные мосты повисли над руслами, а автомашины были вынуждены преодолевать русла ручьёв, заваленных валунами, вброд.

Вот по такой дороге в густых клубах пыли мы и двинулись на восток. Вблизи впереди идущей машины и при встречных машинах пыль часто была такой густой, что становилось не видно полотна дороги. Лишь в дождь или сразу после него пыль на какое-то время исчезала. Мы почти постоянно были в пыли, которая проникала во все поры одежды. Она толстым слоем покрывала наши вещи. Закрытый брезентом кузов не спасал от этой напасти.

Первую остановку мы сделали около горы Кирон. Я хотел, чтобы Татьяна Александровна посмотрела найденные мною взаимоотношения разновозрастных пород и подтвердила сделанные мною выводы или указала на их ошибочность. Главным оппонентом у меня был я сам. При своих исследованиях я часто проверял себя либо повторным посещением отдельных мест, либо стремился, чтобы другие геологи посетили их и убедились в моей правоте.

Без ложной скромности могу сказать, что все мои наблюдения другими геологами подтверждались. Так и в этот раз Татьяна Александровна подтвердила правоту моих наблюдений.

После Кирона мы отправились в бассейн р. Котеры. Дорога туда отворачивала от БАМа в 6 км после Нового Уояна. По мосту пересекли Котеру, полюбовались ею. Встретив препятствие, Котера нашла слабое место, пропилила хребтик и, зажатая скальными выходами, с «победным рёвом» огромными валами вырывалась на равнину. Здесь река сразу успокаивалась, широко разливалась и ласково журча, продолжала свой путь к Верхней Ангаре. Здесь через неё построен мост, который не раз сносило во время весеннего паводка. В бассейне руч. Чопко свернули по лесовозной дороге подъехали, насколько было можно, ближе к горам.

Первый маршрут мы сделали совместно с Татьяной Александровной в долину руч. Иликан. При выходе из гор долина имеет обрывистые берега. Дойдя до такого обрыва, мы с его высоты заглянули в долину. На противоположном берегу ручья, на небольшом ровном мыске, заросшем тополями, увидели медведя, который тоже направлялся по долине вверх. Нам это не понравилось. Мы «возмущённо» стали кричать на него, мол, поворачивай обратно. Медведь остановился, встал на задние лапы и стал энергично нюхать воздух. Решив, что идти дальше опасно, он повернулся и, не спеша, скрылся в зарослях. Мы спустились с обрыва и на мыске, где был медведь, увидели настороженный медвежий капкан с приманкой. По-видимому, медведь шёл на запах. Мы его спугнули, и, получилось, спасли от гибели. Спустили капкан и отправились вверх по долине ручья. Днище его ещё было покрыто наледью, лишь по бортам виднелись скалки.

Дальнейшие маршруты мы с Татьяной Александровной делали порознь. Удовлетворив своё любопытство на этом участке, мы расстались с её отрядом и отправились по ухабистой дороге на Витим, предварительно вернувшись в Нижнеангарск, чтобы заправиться бензином. Его проблема для нас на БАМе была самой острой. Последняя государственная бензозаправка была в Нижнеангарске. Дальше каждая организация снабжала себя горючим бензовозами. На БАМе нам достать бензин было практически невозможно.

Правда, наш институт заключал договор с Таксиминской геологической партией о снабжении нас бензином. Но у них часто бывали задержки с его доставкой, а свои подразделения снабжались в первую очередь. Нас заправляли по остаточному принципу. Поэтому приходилось заправляться в Нижнеангарске. Я брал с собой пустые бочки, благо, их по БАМу валялось много. ГАЗ-66 был с будкой, разделённой перегородкой на два отсека. В задний отсек входило четыре бочки. Мы заливали их бензином в Нижнеангарске. Его хватало на месяц работы, а там уже я шёл с протянутой рукой в Таксиминскую партию.

При поездках на машине я обычно садился в кабину и брал с собой Мишу, чтобы он наслаждался открывавшимися видами. Миша с удовольствием ехал в кабине и никогда в ней не засыпал, а мы ехали по двенадцать и более часов. Преодолев за два дня ухабистый путь до Витима, мы переехали на его правый борт. Остановиться решили на месте бывшей деревни Спицино, где на высокой незатапливаемой террасе располагалась большая ровная поляна – бывшие огороды. Место привлекательное. Поляна была покрыта невысокой травкой, её окружал весёлый березняк. Мише было, где побегать и поиграть.

Вода в Витиме была довольно тёплой, а течение возле нашего табора медленное. В дни камералки в качестве развлечения мы надували резиновые матрацы, которые в те времена стелили под спальники для изоляции от земли, поднимались вверх по течению и оттуда сплавлялись до табора. На одном матраце плыл Миша, а я или Наташа рядом на втором оберегали его от переворачивания и следили, чтобы он не проплыл мимо табора. Миша, конечно, был в восторге!

На левом берегу у моста стоял довольно большой посёлок строителей железнодорожного моста и трассы БАМ. Назывался он Витим. Там был магазин с непривычным по тем временам за пределами БАМа изобилием продуктов. В большом выборе были овощи, фрукты, как в натуральном, так и в консервированном виде, мясо самое разнообразное: телятина, свинина, баранина, курятина, индюшатина, гусятина. Наконец-то мы могли отдохнуть от надоевшей тушенки!

– Берите больше, – предлагала нам продавщица, – мне это мясо девать некуда.

Жители посёлка – весьма доброжелательные, при нужде бескорыстно нам помогали. Они о нас всё знали: кто мы такие, сколько нас, что мы делали, куда поехали, хотя, в общем-то, мы с ними почти не общались, так как находились на другом берегу. Правда, наш табор с другого берега хорошо просматривался, и им, по-видимому, было любопытно наблюдать за нами.

Сначала я решил сделать разрез по левому борту ручья Верхний Усмун, где по данным предшественников была хорошая обнажённость. Долина этого ручья при выходе из гор была сильно заболоченная. Машина нам очень помогала в работе, сокращая время на подходы и выходы. Мы могли с её помощью обследовать значительно большую территорию вдоль дорог.

Так и в этот раз, чтобы добраться до разреза, мы на машине подъезжали 8 км по автодороге, где горы подходят к ней. Далее шли 3 км по сухому редкому лесу с кустарником.

Все впадины по БАМу: Кичеро-Байкальская, Верхнеангарская и Муйско-Куандинская, в пределах которой мы находились, отличались огромным количеством гнуса. Как только мы высаживались из машины и вступали в кустарник, тучи комаров и мошки атаковывали нас. Приходилось опускать сетки накомарников, хотя это и не очень приятно.

– Маленькие крылатые друзья встречают нас радостным гулом, – приговаривал обычно Николай Семёнович, как только мы покидали машину и вступали в кустарник.

Разрез составляли по скалистой стенке, у подножия левого борта долины которой протекал ручей. Правый борт долины был относительно ровным, заросшим голубичником. Открытое пространство, ветер отгонял кровососов, что нам значительно облегчало работу. А в обед мы лакомились ягодами. Работать здесь – одно удовольствие. Тем более что разрез оказался весьма информативным.

В одном месте в верхней части скалы мы увидели рельефный рисунок, похожий на ракушку брахиоподы. Такая находка была бы большой удачей для определения возраста породы! А это в значительной степени помогло бы разобраться в строении региона. Мы с Николаем Семёновичем начали забираться на скалу, по ходу об-

мениваясь восторженными предположениями! Но когда подобрались ближе, то разглядели, что это старое осиное гнездо. Без внешней стенки внутренние перегородки гнезда издалека действительно были похожи на раковину. Разочарованные и смущённые, мы молча спустились обратно.

После составления разреза мы обследовали левобережье Витима. Здесь машина могла подвозить нас только до карьера в одном километре за посёлком, а дальше мы к маршруту уже шли пешком через болото, либо через густые заросли. В назначенное время машина ждала нас в том же месте из маршрута и везла на табор.

В 4 км от посёлка вверх по Витиму находится узкий скалистый гребень, почти вертикально обрывающийся в реку. Мы его назвали «Марьин утёс». (Нам показалось, что этот утёс похож на Марьин из кинофильма «Тени исчезают в полдень».) Перед ним было ущелье, из которого вверх по весьма крутому склону, заросшему стлаником, вилась почти вертикальная узкая экзотичная каборожья тропка, по которой нам приходилось несколько раз подниматься, цепляясь за ветки. Наверху были площадки, откуда открывался великолепный вид. Внизу под обрывом высотой более 100 метров нёс свои воды на север зажатый скалами могучий Витим. Проплывавшая по его центру лодка казалась совсем крохотной. Напротив стеной возвышался скалистый, изрезанный бороздами временных водотоков склон с кучками деревьев и стланика и голыми каменистыми вершинами. Налево открывался вид на Муйско-Куандинскую впадину, где Витим разделялся на множество проток, образуя бесчисленные острова. По сторонам от его долины лесные массивы чередовались с обширными болотами с озёрами. Направо чернел мрачный, «загадочный», величественный Шаманский массив.

От «Марьиного утёса» прослеживался узкий скалистый гребень, по которому я составил разрез. Это был наш самый дальний объект с табора.

При возвращении из одного дальнего маршрута надо было пройти по наклонному дереву. Шедшая за мной Наташа сорвалась с этого дерева и сильно ушибла ногу. Отёк был таким сильным, что на таборе с трудом удалось снять сапог. В таких случаях я чув-

ствовал себя виноватым, что выбрал опасный путь. Пришлось Наташе несколько дней сидеть на таборе.

После того как мы обследовали все доступные с помощью машины места, надо было продвигаться дальше. Интересующие нас объекты располагались выше по Витиму. Но туда можно было попасть только с помощью моторной лодки. У жителей посёлка они были. Я пошёл в посёлок и обратился к начальнику с просьбой помочь нам в этом деле. Он мне подсказал, у кого были моторные лодки. Первый же житель посёлка, к кому мы обратились, согласился нам помочь и обещал после работы подъехать к нам на лодке. Мы приготовились и стали ждать. Обратно мы решили возвратиться самосплавом, для чего прихватили резиновую лодку. Работа у него заканчивалась в пять часов вечера. Уже восемь часов, а его нет. Я стал волноваться. Неужели он меня обманул? Но вот в девять часов моторист с лодкой, наконец, приплыл.

– Извините за опоздание, – оправдывался моторист, – работа была спешная, начальник попросил сегодня её сделать, вот и задержался.

Оказалось, он даже не поужинал. Пока мы грузились, Лена накормила его, и мы вчетвером (Николай Семёнович, Наташа, Сэр и я) поплыли. Остановились напротив Шаманского массива, выше по течению был Шаманский порог, непроходимый для моторки. Поблагодарили моториста за доставку. Я предложил ему деньги, но он с возмущением отказался.

Место было примечательное. Мы поставили палатку на границе поймы с лесом. Берег был песчаный, заросший тальником. Чуть выше нашего табора шумел Шаманский порог. В этом месте русло Витима сужалось. По обе стороны из воды выступали скалистые гребни, на которых вода образовывала высокие валы. А на середине русла течение было относительно спокойное. Вверх по Витиму выше порога виднелось непроходимое ущелье со скалистыми обрывами высотой в десятки метров. Напротив табора возвышались чёрные скалы Шаманского массива, изрезанные бороздами.

Мы втроём стали ходить в маршруты, а Наташа выполняла роль таборщицы. При возвращении из одного маршрута нас встретила испуганная Наташа. Она рассказала, что с противоположной стороны, где чёрные скалы подступают к воде, периодически раз-

даётся какой-то вой. Вскоре и мы его услышали. Трудно описать доносившиеся жуткие звуки! Это была какая-то невообразимая звуковая какофония, от которой шёл мороз по коже. Казалось, как в сказке, там жила угрожающая нечистая сила. Наташу можно было понять.

На другой день приплыла лодка, и всё разъяснилось. Оказалось, что в воскресенье семья из посёлка отдыхала на том берегу. С ними была собака. Она убежала по своим делам. Когда хозяева собрались уплывать, то не могли её дозваться. Решили, что потом за нею приплывут. Собака, потерявшая своих хозяев, затосковала и периодически стала выражать своё горе воем. А он, отражаясь эхом от неровных скал, создавал эту жуткую какофонию.

Так как каменного материала мы собрали уже довольно много, мы попросили лодочников, приплывших за собакой, отвести образцы и пробы на наш табор. Они охотно согласились, заверив нас, что доставят груз до места сразу же.

Нам ещё надо было посмотреть обнажения на противоположной стороне ниже устья р. Таксима. Мы надули лодку, втроём поплыли на ту сторону и вниз по течению. Причалили ниже устья Таксимы и пошли в маршрут. Когда вернулись обратно, то увидели, что уровень воды в Витиме стал заметно выше. Эта река берёт начало в Забайкалье. Пока течёт до нас, забирает воду большого количества притоков. Когда в Забайкалье идут дожди, то вода в Витиме значительно поднимается, даже если у нас отличная погода. По-видимому, и на этот раз в Забайкалье шли дожди.

Мы переправились на наш берег, но нас значительно снесло течение, которое стало более стремительным. Плыть против течения на резиновой лодке на вёслах – нечего было и думать. Мы привязали к лодке верёвки и потащили её бурлацким способом вверх. Причём тащили мы с Николаем, а Сэр шёл по суше. Так как верёвок было только две, то третьему делать было нечего, а заставлять Сэра тянуть лодку вместо себя было не в моих правилах. В таких случаях я чувствовал себя неловко: кто-то работает, а я нет. Вода поднялась так, что затопила кусты. Лодку по кустам тащить было опасно, могли её порвать. Поэтому пришлось нам брести по кустам, чтобы лодка плыла по чистой воде, которая местами была выше колен. Благо, она нагрелась в Забайкалье. Промучавшись часа три, мы сильно устали и изрядно пропотели, пока добрались до табора.

Настало время возвращаться. Чтобы не терять время даром, я отправил Николая Семёновича с Сэром на резинке с грузом на табор, а сам с Наташей пошёл вдоль берега Витима маршрутом. Мимо нас медленно проплыла наша лодка, на которой кейфовали наши спутники. Они благополучно доплыли до табора и сообщили о нашем намерении идти маршрутом.

С утра была хорошая погода, но к обеду она стала хмуриться. Не доходя до «Марьиного утёса», мы пообедали. Дальше надо было преодолевать этот высокий прижим. Я хотел осмотреть скалу «Марьиного утёса» как можно детальнее. Подумал, что сможем подняться наверх вблизи обрыва. Но оказалось, что там почти отвесные скалы. Рисковать подниматься по ним с Наташей я не решился. Пришлось возвращаться до удобного для подъёма места. К этому времени пошёл нудный моросящий дождь. Вначале подъём был сносный, но выше он стал круче, да ещё заросший стлаником. В любой момент можно было оборваться. Я очень беспокоился за Наташу, но она мужественно преодолевала опасные места, успокаивая меня. Вскоре, несмотря на плащи, мы изрядно промокли. Но останавливаться было нельзя, сразу замёрзнешь. Когда выбрались наверх, то уже стало темнеть, чему способствовали низкие тучи и непрекращающийся дождь.

Засветло мы успели только спуститься с «Марьиного утёса». На наше счастье, вода в Витиме была ещё не очень высокая, можно значительную часть пути идти по берегу, где относительно светло. Но приходилось отдельные участки облазить по кустам. Хотя дождь к этому времени прекратился, но кусты были все мокрые. Как у Кольцова: «Куст заденешь плечом, на лицо тебе вдруг с листьев брызнет вода серебристая». Это хорошо тёплым утром. А тут в темноте … Бр-р-р.

Дело близилось к полуночи. На таборе поднялась тревога. Посланная машина, как только стемнело, доехав до карьера, вернулась без нас. Лена накормила шофера и отправила обратно, наказав дожидаться нас в карьере хоть до утра. Последний километр нам пришлось почти в полной темноте пробираться по лесу. Но в полночь мы выбрались к машине и поехали на табор, где в тревоге все ждали нашего возвращения. Быстро переоделись в сухую одежду, поужинали и отправились спать. Утром проснулись

бодрыми, как будто и не было этого тяжелого, опасного, долгого маршрута.

В начале августа мы отправились в обратный путь. По дороге заехали на Котеру, где я сделал пару маршрутов, и поехали в Нижнеангарск, где встретились с Татьяной Александровной. Здесь я отправил в Иркутск мою семью и Николая Семёновича, остался только с Сэром.

У нас были большие разногласия по трактовке геологического строения Олокитского прогиба с геологами Северобайкальской экспедиции. Для их разрешения были запланированы совместные маршруты с её специалистами. Со стороны института в них должны участвовать я и Татьяна Александровна, со стороны экспедиции – знатоки геологии прогиба Анатолий Григорьевич Крапивин и Анатолий Гаврилович Степин. Машина с шофером и Сэром должна была дожидаться меня в Нижнеангарске.

В середине августа мы вчетвером на вертолёте залетели на водораздел Олокита и Чаи. Там сделали несколько совместных маршрутов. Как это часто бывает, даже на обнажениях мы не всегда могли договориться по единообразию их трактовки. Но всё же некоторые разногласия были устранены и мы расстались с уважением друг к другу.

Вернувшись в Нижнеангарск, я сделал несколько маршрутов по бортам р. Холодная и по борту Кичерской впадины. Затем обычным путём, нагруженную собранным каменным материалом и отрядным имуществом машину с шофером отправили на барже в Култук, а сами поплыли на «Комете» в порт Байкал и оттуда рейсовым теплоходом в Иркутск.

1984 год (С)

В 1984 году продолжались работы в теме «Составление карты магматических формаций юга Восточной Сибири и Северной части МНР». Ко мне в отряд был направлен геолог Игорь Анатольевич Дёмин. В качестве таборщицы поехала Таня Кольцова. Она взяла с собой дочь пяти лет. На практику также был направлен в отряд студент. Для полевых работ моему отряду была выделена автомашина ГАЗ-66 с кузовом, крытым брезентом. Шофера звали Слава.

В этом году знатоки магматический геологии Забайкалья из Улан-Удэ супруги Борис Абрамович Литвиновский и Ада Наумовна Занвилевич организовали в июле для учёных из институтов СССР экскурсию по магматическим объектам этого региона. Такая поездка для работы по нашей теме была весьма кстати. Мы с Григорием Яковлевичем Абрамовичем договорились в назначенное время присоединиться к ним с моей машиной. После поездки по Забайкалью я должен был встретить в Нижнеангарске свою семью: жену Лену в качестве таборщицы, дочь Наташу – маршрутного рабочего, и 6-летнего внука Мишу – «туриста», а Таню с ребёнком отправить в Иркутск.

Для ускоренного строительства БАМа начали делать автодорогу через бассейн р. Баргузин с выходом её в район Нового Уояна. Оттуда хотели прокладывать железную дорогу в обе стороны. Провели большую работу: отсыпали полотно с дренажными канавами, построили мосты через реки, трубы слива воды для малых ручьёв. Затрачены большие средства. Дорога была готова почти на 80 %. Но за это время БАМ подошёл к Новому Уояну с запада. Необходимость в этой дороге для строительства БАМа отпала, и все работы по её строительству прекратили. Без соответствующего надзора дорога постепенно стала разрушаться: насыпи размывались, мосты в половодье сносились и т. п. До поездки по Забайкалью я решил провести полевые работы по этой дороге. Отправились из Иркутска на машине во второй половине июня. По хорошей дороге проехали вдоль Байкала, любуясь его красотами. Затем дорога проходит вдоль правого борта долины р. Баргузин. Здесь с одной стороны возвышается скалистый Баргузинский хребет, достигающий 2500 метров, с другой простирается ровная, как стол, равнина, покрытая ярко-зелёной травой. Граница между хребтом и равниной прямая, почти как по линейке, осложнённая лишь конусами выноса ручьёв, вытекающих из гор, с кристально чистой ледяной водой.

Во время нашей поездки погода стояла преимущественно хорошая. В вершине Баргузинской впадины мы остановились, сделали несколько маршрутов и отправились дальше. Дорога пересекала р. Баргузин дважды. В месте первой переправы автомобильный мост был разрушен. Существовал лишь пеший переход по подвес-

ному мосту. Вода была невысокой, и мы беспрепятственно переехали на другую сторону. Дальше дорога была относительно хорошей. Второй раз мы пересекли р. Баргузин по ещё существовавшему в то время мосту (позднее и этот мост был снесен в половодье). Мы благополучно доехали до долины р. Намама. Здесь я сделал один маршрут, дал задание Игорю и с машиной отправился обратно на встречу с экскурсионной компанией.

Поездка по Забайкалью была полна впечатлений как от геологических и природных, так и от культурных объектов (например, дацан). Завершали эту поездку в бассейне р. Баргузин. В правом борту её долины был один из объектов, который располагался на крутом склоне, где выступали скалки и отдельные глыбы. Мы расползлись по склону, рассматривая обнажения. Вдруг у меня из под ног вывалилась глыба и покатилась вниз, набирая скорость. Я обернулся и увидел, что ниже меня в нескольких десятков метров расколачивает глыбу Ада Наумовна, и глыба катится прямо на неё.

– Берегитесь!!! – крикнул я и сел, не имея возможности что-либо предпринять. Пытаясь увернуться от катящейся глыбы, Ада Наумовна кинулась в сторону, и глыба покатилась в ту же сторону. Ада Наумовна повернула в другую сторону и глыба туда же, как будто гоняясь за ней. Я в ужасе смотрел на это. Наконец Ада Наумовна увернулась от глыбы, и та прокатилась буквально в одном метре от неё. Ноги у меня, как будто отнялись, я сидел, утирая холодный пот, не в силах подняться. Все, в том числе и Ада Наумовна, видя моё состояние, стали меня утешать: ведь ничего же не случилось. В общем-то, было прямое нарушение техники безопасности: на таком склоне нельзя находиться друг под другом

Затем мы поехали в Усть-Баргузин, оттуда на теплоходе поплыли на полуостров Святой Нос, любуясь Байкалом и его живописными берегами. Сплавали на Ушканьи острова. Там поднялись на водораздел, понаблюдали за многочисленными нерпами в естественных условиях, прячась за камни, и вернулись обратно в Усть-Баргузин. Здесь я расстался со спутниками по экскурсии и отправился на автомашине к своему отряду.

В последнее время в Баргузинском хребте шли обильные дожди. Лишь в день нашего отъезда они прекратились. Когда подъехали к переправе, то увидели там скопление автомашин (около 20

штук) разного класса, в том числе и легковых. Вода в реке поднялась, переехать её было невозможно. Одна машина попыталась переправиться на другой берег, но её потащило течением и снесло метров на пятьдесят на перекат. Оттуда её вытащили на канате другими машинами. Шофера в основном пили водку, постоянно восполняя её запас в магазине ближайшего села. Мы расположились неподалёку и стали ждать спада воды.

Неподалёку проводились работы по строительству дороги. Там работал трактор на высоких колёсах. Высота их достигала почти двух метров. На другой день шофера туда снарядили нарочных. Они уговорили тракториста помочь им переправиться на другой берег. При такой высоте колёс трактор свободно мог преодолеть реку. Да и вода стала спадать. Вечером тракторист приехал. Целую ночь его угощали, а утром он за 5 рублей тогдашних денег с машины стал перетаскивать их на другой берег.

Мы тоже встали в очередь. Я перешёл на другую сторону по подвесному мосту. Большинство машин, перетащенные через реку, не могли сразу ехать, им было необходимо просушить контакты. Наш шофер был довольно опытным. Он замотал изолентой все контакты, которые могли намокнуть. Наконец пришла наша очередь. Глубина в реке была такая, что шофер в кабине оказался по пояс в воде. Вытащили нас на другой берег, вода стекла, шофер размотал изоленты на контактах, включил зажигание, и мы сразу тронулись в путь. Кроме нас, только ещё одна машина была готова к поездке. Остальные остались на берегу, а шофера продолжили «банкет». Таким образом, только две машины были готовы следовать дальше. Мы, помогая друг другу на труднопроезжих участках, достигли долины Намамы. Здесь мы свернули к своему отряду, где Игорь Дёмин отлично справился с поставленными задачами. Три дня ещё здесь походили в маршруты и отправились далее в сторону Нового Уояна.

Выехав на основную трассу, мы попали в середину колонны тех машин, с которыми расстались после переправы. Дорога шла по берегу р. Светлая, названной так, по-видимому, из-за бурного течения в сплошных белых бурунах. Вначале дорога пересекала конус выноса. Под обрывом высотой около 20 метров вся в пене бурлила река. Далее дорога была проложена по берегу реки, по скалистому ложу, участками залитому водой.

Когда выехали в долину р. Срамная, начались новые приключения. Эта река не зря получила такое название. У неё узкая V-образная долина. Река почти не имеет террас, и крутые склоны начинаются прямо от русла, которое завалено огромными валунами. Дорогу здесь только начали делать по склону долины и бросили. Рабочая ветка была проложена прямо по руслу. После каждого половодья бульдозером раздвигали валуны, освобождая проезд. Но с каждым новым наводнением река восстанавливала валунные преграды. Вот и теперь приходилось постоянно преодолевать их.

Выручала взаимопомощь шоферов. На одном участке валуны были такими крупными, что их преодолеть самостоятельно многие машины с низко расположенным мостом не могли. Тогда машины с высоко расположенным мостом стали перетаскивать через трудный участок другие машины.

Нашу ГАЗ-66 тоже потащили на тросе через валуны. Шофер, чтобы не было большого напряжения троса, всё время поддерживал машину на своём ходу, благодаря чему она преодолела опасный участок без последствий.

При выходе из гор дорога была проложена по лесу, где почва легко прорезалась большегрузными машинами. В результате образовались колеи глубиной до метра. Машина ехала, переваливаясь с боку на бок. Постоянно было ощущение, что она может перевернуться.

Настала ночь, а впереди одна машина застряла в грязи, заклинив путь. Машины стояли в ряд, почти упираясь друг в друга. Наша машина, попав одним колесом в глубокую колею, почти лежала на боку. Пришлось в таком положении ночевать. Меня беспокоила маленькая дочь Тани, но она стойко переносила тяготы пути. Наконец рассвело. Шофера начали организовывать вызволение застрявшей машины. Нас они пропустили обходным путём, только пришлось прорубать дорогу в зарослях. Наконец мы вырвались на хорошую дорогу, ведущую от Уояна до деревни Кумора, и помчались в Нижнеангарск. Там я встретил свою семью. Наташа стала работать моим маршрутным рабочим, Лена – таборщицей, а Миша – «добровольным помощником» Лены. Таню с дочкой, как и планировалось, я отправил в Иркутск. Заправили все бочки бензином и поехали обратно в Кумору.

С Наташей училась Лена Таничева, приехавшая в Иркутск из Куморы. В Иркутске она часто бывала у нас. Через неё мы договорились, что сможем остановиться в Куморе у её родителей, которые много лет работали там на метеостанции. Приехали мы в Кумору поздно вечером и постучались к Таничевым. Михаил Николаевич и Людмила Карповна, очень добрые, приветливые люди, встретили нас с «распростёртыми объятьями», накормили и устроили на ночлег. Машину оставили в переулке.

Михаил Николаевич построил прекрасный двухэтажный дом, похожий на терем, совершенно не характерный для посёлков того времени. Во дворе был ещё обычный просторный бревенчатый дом, где располагалась сама метеостанция. Нас поселили в ней с условием, что мы не будем трогать ничего из оборудования.

– Располагайтесь, как дома, и живите, сколько Вам надо, – сказали они.

В первую же ночь я услыхал какие-то звуки у машины. Вышел и увидел, что сосед Таничевых сцеживает из бака машины в канистру бензин. Я заругался на него, и он скрылся в своём дворе. Утром он пришёл извиняться, мол хотел взять для моторной лодки только один литр. Он хотел заплатить за взятый бензин, но я отказался, взяв с него обещание больше бензин у нас не воровать. На всякий случай мы стали машину заводить во двор. Слава тоже решил торговать бензином за бутылку. Я поймал его на этом деле, бутылку отобрал и пригрозил ему, что если подобное повториться, то я посылаю телеграмму в экспедицию, чтобы его уволили, а мне прислали другого водителя. Расходы за бензин, истраченный при поездке для дозаправки баков в Нижнеангарске, и дорога обратно будет за его счёт. Он смирился и дал обещание больше бензином не торговать.

От метеостанции мы стали ездить к горам в маршруты. С машиной мы были более мобильными и могли охватить большую территорию. На ней мы утром подъезжали за 10–15 километров к маршрутам, а вечером машина в назначенное время приезжала за нами.

При выходе Срамной из гор вытекал из земли минеральный источник с тёплой водой. Там построена небольшая крытая ванна и отрытый небольшой бассейн со срубом. Мы иногда после маршрута купались в них, смывая дневной пот.

Источник облюбовали змеи. Если тихо подойти, то можно было увидеть, как несколько змей грелись на скамейках и на брёвнах по периметру ванны. Достаточно было громкого звука, как змеи мгновенно исчезали, и можно было спокойно купаться. По уходу людей змеи снова занимали облюбованные места.

Закончив работу на этом участке, мы попрощались с Таничевыми и отправились по трассе БАМ к г. Кирон. Там на берегу Верхней Ангары нашли обширную поляну без растительности, где и устроили лагерь. На ней гнус нас практически не донимал. Можно было даже загорать. Поляну окружали заросли травы и кустарника. Как только кто-либо подходил к краю поляны, из травы с мерным гулом поднималась туча комаров, стремящихся поживиться.

У Таничевых мы подружились с лесником Сергеем Ахметовым. Этот замечательный человек обладал очень приветливым, добрым, весёлым характером. Молодёжь между собой ласково прозвала его «Каштанка». Он часто проводил с нами вечера у костра. Иногда, если рано возвращались из маршрутов, возил желающих на моторной лодке в бамовский посёлок Огней в кино. Так как он хорошо знал фарватер, то без приключений привозил людей обратно и в темноте.

У Наташи это одно из самых запомнившихся воспоминаний того лета: лодка летит вдоль тёмных извилистых берегов, а сверху яркие-яркие звёзды! Ощущение волшебства! Нереальности!

При строительстве БАМа заготавливали лес, для чего проложили лесовозные дороги до самых гор. По этим дорогам мы подъезжали к горам и шли в маршруты. Шофер возвращался на табор, а в назначенное время ехал нас встречать.

В одном из маршрутов в жаркий день мы с Наташей спускались вниз по ручью. У Игоря со студентом маршрут пролегал по соседнему водоразделу. Вдруг сверху вниз они с шумом бегом, ломая кусты, чуть не сбив нас с ног, не обращая на нас внимания, промчались к ручью, упали на землю и стали жадно пить воду. Мы с удивлением наблюдали за ними, ожидая каких-то объяснений. Наконец, напившись, они обрели дар речи. Оказалось, что весь день они были без воды. Жажда замучила их. Лишь в конце маршрута они услышали внизу журчание ручья и кинулись к нему.

Вернувшись в Нижнеангарск, я отправил всех в Иркутск, и остался только с Игорем. Мы с ним отправились на машине в посёлок Перевал, где сделали несколько маршрутов. Запомнился один из них через голец Довырен. Вначале мы перебрели р. Тыя и стали подниматься по узкой щели, пропиленной в чёрных скалах временным водотоком. Невысокие водопады чередовались с небольшими расширениями щели. Выше скалистая щель сменилась каменистой горной тундрой, где между камнями виднелись лишь кучки травы с бледными голубенькими цветочками.

Поражает приспособляемость этих растений к суровым условиям на каменистых вершинах. Ведь всего их существованию природой отводится один-два месяца! Только сходит снег, как эти маленькие растения быстро вылезают на Солнышко. Надо успеть в этот краткий бесснежный промежуток расцвести, созреть и развеять семена вокруг. Да и в межснежье ночами температура часто опускается ниже нуля

Мы поднялись на относительно плоский водораздел. Пришла пора обедать. Вода между камнями и снежные участки была в избытке, но не было ни кустика. Развести костёр, чтобы разогреть тушёнку и сварить чай, было не из чего. А холодную тушёнку есть не очень-то хочется.

Но нам повезло: Довыренский массив содержит медно-никелевую руду, которую детально изучали в 60-е годы. Для этого проходили геолого-геофизические маршруты строго через сто метров. Чтобы выдерживать расстояние, предварительно разбивали сетку, обозначая ходы через 20 метров плоскими палочками. Мы собрали эти палочки и на них сделали себе обед.

На обратном пути в Нижнеангарск мы сделали несколько маршрутов по бортам долины р. Холодная, на чём и закончили полевой сезон. Машину с шофером и имуществом погрузили на баржу. Сами отправились на «Комете» в порт Байкал, затем в Листвянку и в Иркутск.

1986 год (М)

В 1985 году я собрался ехать в поле. Но за три дня до намеченного выезда у меня начались сильные боли в желудке. При обследовании обнаружилась язва двенадцатипёрстной кишки, и я вместо поля попал на больничную койку. Пришлось целый год продолжать заниматься картой магматических формаций, выделенных мне территорий в стенах института.

В поле я смог поехать только на следующий 1986 год. Продолжил изучение магматических образований, как тогда формулировалось, зоны влияния БАМ, которая охватывала полосу по сто километров к северу и югу от неё.

Кроме меня в отряде из ИТР оставался геолог Игорь Анатольевич Дёмин. Нас сопровождали три студента и таборщица – моя жена Лена. Мы взяли с собой и внука Мишу. Лена с Мишей должны были подъехать в Нижнеангарск позднее, когда у неё начнётся отпуск. Она преподавала медицину в Иркутском пединституте, у неё был отпуск два месяца, в течение которых могла работать в моём отряде.

Нам была выделена автомашина ГАЗ-66 с будкой и шофером. Отправились мы к месту работы своим ходом на автомашине через Баргузинскую долину. Дорога от последней деревни в этой долине до выезда на трассу Новый Уоян – Кумора стала намного хуже, чем в 1984 году. Местами она выглядела, как после бомбёжки или артобстрела: перевёрнутые мосты с искореженными металлическими фермами, вывернутые погнутые трубы, металлические предметы непонятного назначения и т. п. Насыпи были частично размыты дождями, кое-где образовались заболоченные участки. На наше счастье погода стояла хорошая, и такие участки мы преодолели без проблем.

Вместе с нами ехала группа учёных из Читинского НИИ также на ГАЗ-66. На трудных участках мы помогали друг другу. В одном месте дорога шла по высокой террасе р. Светлая. В двадцати метрах внизу бушевала в белой пене река. Выше дороги был крутой откос террасы. Сверху на дорогу скатился валун около метра в поперечнике и частично перегородил её. Оставался узкий проезд для машин по самой кромке обрыва в реку. Машина читин-

цев ехала первой. Их шофер оказался трусоватым. Видя обрыв в бушующую реку, он стал прижиматься к склону террасы и наехал передним колесом на валун, поставив переднюю часть машины под большим наклоном в сторону реки, испугался, выскочил из кабины и убежал назад, бросив машину с включённым мотором. Наш шофер сел на его место, медленно сдал машину назад, съехал с валуна и благополучно обогнул его по краю откоса. Затем также проехал и на нашей машине. Дальше хорошая дорога проложена по берегу р. Светлая (см. раздел «1983 год»). Долину р. Срамная также преодолели беспрепятственно.

Выехав к Новому Уояну, мы развернулись и отправились в Нижнеангарск. Здесь залили четыре бочки бензином, встретили Лену с Мишей и отправились по пыльной, ухабистой дороге в Таксимо. Детальное описание геологических, геоморфологических и экологических достопримечательностей этого пути можно найти по адресу http://www.transsib.ru/trip-bam.htm (мой геолого-геоморфологический путеводитель по центральному БАМу).

За дорогу от Нижнеангарска до Таксимо длиной более 400 километров израсходовали полную заправку автомашины. Я обратился с просьбой о горючем к руководству Таксиминской партии. Оно встретило нас доброжелательно, предоставило нам помещение на время пребывания в Таксимо, но с бензином дела у них были плохи.

– Рады бы помочь, но у самих машины стоят на приколе, со дня на день ждём бензовоз, да и хватит ли доставленного им бензина обеспечить свои отряды, – развёл руками главный геолог партии. Пришлось нам расходовать свой ограниченный запас.

Отправились мы по дороге Таксимо – Бодайбо, которую только начали прокладывать. Лишь по долине Келяны она была относительно сносной. Далее существовала только необустроенная рабочая дорога, так называемый пролаз. Основные работы по прокладке дороги шли по долине левого притока Келяны – ручья Золотой. Вся долина ручья была полна разнообразной техники и рабочих. Здесь трудились сотни людей: в одном месте отсыпали полотно, в другом делали выемки в склоне, в третьем – сваривали и прокладывали трубы для временных водотоков, в четвёртом – строили мостовые переходы через ручьи. Повсюду стоял шум тех-

ники, грохот выгружаемых самосвалами камней, сверкали огни электросварки. Наша машина с трудом лавировала между этими объектами и техникой. Наконец мы выбрались из этого технического аврала, преодолели перевал и спустились в долину р. Джалту.

Ниже дороги долину этой реки занимала огромная наледь, ещё в большей части покрытая сверкающим на солнце льдом. По краям ледяного поля чернели вытаявшие чёрные огромные валуны. Обрамляли наледь заросли голубичника, осенью богатого ягодами. Ширина наледи достигала более ста метров, а протяжённость – нескольких километров. После того, как лёд растаивал, её вдоль и поперёк можно было легко пересечь, перепрыгивая по камням. Между ними текла прозрачная холодная вода, в которой тогда ещё мелькали хариусы. В последующие годы их выловили почти полностью.

Переехав Джалту, мы поднялись на склон и по отвороту от основной дороги спустились к ней ниже наледи, желая проехать в долину Среднего Мамакана. Ниже крутого спуска был небольшой заболоченный участок, который автомашина сходу легко преодолела. Подъехав к реке, увидели, что мост через неё разрушен, а русло непроезжее из-за огромных валунов. Остановились на ночлег и стали решать, что делать дальше. Работы здесь для двух маршрутчиков было немного. Решили разделиться: Игорь с двумя студентами отправился в многодневный маршрут в вершину р. Средний Мамакан, а я со студентом Сашей и своим семейством отправился дальше по дороге в сторону Бодайбо.

Саша – работящий, приветливый мальчик, с которым я всё лето делил тяготы маршрутов и был им очень доволен. После окончания техникума он работал геологом на Ирокиндинском золотом месторождении. Позднее я встретился с ним, когда он поступил к нам на факультет на заочное отделение, которое благополучно закончил.

Только начали преодолевать болотце, которое было перед подъёмом, как машина села днищем на камень. Колёса бестолку молотили грязь. Чтобы стащить машину с камня, принялись рубить деревья и создавать опору для домкрата. Провозились около часа. Установили домкрат, подняли зад машины, она сдвинулась с камня, но тут же села на следующий камень. Снова мы повторили

операцию. Камни в грязи не видны, а машина, как заколдованная, прыгала с камня на камень. В общем, мы провозились около 6 часов, преодолевая 10 метров. Наконец машина выбралась на сухое место, и мы отправились дальше.

Дорога была в камнях и ухабах, а иногда шла по скальным, лишь слегка сглаженным выходам. Реки и ручьи преодолевали вброд по валунам. Особое впечатление произвело ущелье Мрачное на повороте долины р. Каалу к северу. Река здесь с рёвом разрезала лишённые растительности чёрные скалы карбонатных пород. Вид ущелья вполне соответствовал его названию. В дальнейшем при обустройстве дороги скалы правого борта реки разрушили, и это место уже не производило былого впечатления.

Особенно трудно преодолеваемая дорога началась после перевала из Каалу в Якру. Здесь раньше была сплошная россыпь огромных глыб до двух метров в поперечнике. Для проезда их засыпали мелкообломочным материалом. Он в большинстве провалился между этими глыбами. Скорость движения упала до пешеходной. Машина на глыбах раскачивалась из стороны в сторону, рискуя лечь на бок. Мы пошли пешком, не отставая от машины. 12 километров автомашина преодолела за два часа! Подходящего места для табора нигде не было. Лишь переехав первый левый приток Якры, увидели расширение долины и относительно ровную площадку. Там уже располагался табор, как мы узнали после знакомства, изыскателей из Новосибирска. Они определяли путь будущей линии электропередачи Таксимо – Бодайбо, намечали места установки опор и подъезды к ним. Нашлось место и для нашего табора.

От нашего табора вниз по течению долина Якры узкая, склоны крутые, покрытые крупными глыбами с выступающими скалами. Место благоприятное для изучения магматических образований и их взаимоотношений с осадочными породами. Я решил составить разрез поперёк долины Якры до водоразделов. Начали мы с правого борта. Сразу за рекой, в пятидесяти метрах от табора начинался крутой склон до первой вершинки высотой над рекой около 150 метров. С неё открывался отличный вид на всю долину Якры. Хорошо был виден и наш табор.

Подход к маршруту приходилось начинать с подъёма на эту высотку, при этом сразу же хорошо попотеть. С каждым днём

подход к продолжению разреза увеличивался. В конце разреза подход и выход занимали почти по 2 часа непрерывного хода. Так довели разрез до водораздела Якры с Правым Мамаканом.

Внизу под крутым склоном этого водораздела увидели участок округлой формы, покрытый глыбами размером до десяти метров. Этот участок хорошо выделялся светлым пятном на аэрофотоснимках. Глыбы были ещё со свежими сколами без какой-либо растительности. Явно, что это результат огромного оползня, образовавшегося при очередном землетрясении. Последнее мощное землетрясение здесь произошло в 1956 году. Эпицентр находился где-то вблизи этого места. Можно представить какой грохот стоял здесь в то время, когда такие огромные глыбы катились вниз, сталкиваясь друг с другом! Находиться там тогда было бы очень неуютно. Свежие обвалы я видел и на других участках района, но такой масштабный оползень мне не встречался. Мы спустились на эти глыбы, я осмотрел их, отобрал образцы и записал свои наблюдения. Затем мы отправились обратно.

Во второй половине этого дня с вершины долины Якры стало наносить дым и запах гари. Постепенно дым густел, заволакивая даль. При возвращении из маршрута, когда вышли на горку над табором, и открылась вся долина, стало видно, что горят заросли стланика по всей вершине долины Якры. Огонь постепенно продвигался вниз по долине к нашему табору. Мы остановились, полюбоваться стихией огня. Зрелище было впечатляющее! Огонь фронтом медленно перемещался по долине вниз. Когда достигал очередных густых зарослей стланика, пламя вдруг вздымалось столбом вверх на многие метры, рассыпая вокруг дождь искр! Затем огонь медленно ослабевал и полз к следующему скоплению кустов стланика.

Столбы пламени периодически вспыхивали на разных участках склона, создавая видимость гигантского фейерверка. Издалека это выглядело фантастически красиво! Но любоваться долго нам было некогда. Мы поспешили на табор, чтобы определить степень опасности для нас. На таборе Лена спокойно готовила ужин, а машина стояла на дороге готовая к бегству вниз по долине. Оказалось, что шофер подготовился убегать от огня, даже не побеспокоившись о судьбе людей и имущества.

– Ты бы хоть вьючный ящик с секретными картами взял, – предложила Лена. Но он сидел в кабине, не обращая на внимания на её слова. Я его начал стыдить, взывая к совести, но он лишь понуро смотрел мимо меня.

Табор наш располагался на обширной поляне, заросшей травой, за ней текла река, по обеим сторонам которой росли лиственные кусты. Мне показалось, что огонь нам не страшен. А в случае опасности сможем быстро эвакуироваться. Действительно, пожар дошёл только до ручья и остановился, так что наш табор не подвергся опасности.

Пожар сотворили наши соседи-изыскатели. Как это произошло, я их не расспрашивал.

– Когда они приехали на обед, – рассказала Лена, – в том месте, где они работали, показался столб дыма. Изыскатели бросили обед, кинулись к машине и устремились тушить пожар. Часа через два они вернулись, но дымовая завеса продолжала расти. По-видимому, поняли, что справиться с огнём они уже не смогут.

Следы пожаров по периферии БАМа и дороги на Бодайбо мы наблюдали во многих местах. С огнём строители дорог обращались весьма небрежно. К сожалению, они наносили окружающей природе большой вред. Кроме выгоревших участков, после них оставались обширные площадки, захламленные бытовым и техническим мусором и залитые ГСМ, котлованы, где брался материал для отсыпки дорог, окружённые обширными пространствами без растительности, лесосеки, заваленные остатками вырубленного леса, часто брошенные штабеля заготовленных брёвен и т. п. Реки и озёра, до прихода строителей буквально набитые рыбой, становились почти безрыбными. В окружающих лесах и горах встречались брошенные настороженные капканы, иногда с останками попавших в них животных. Природа постепенно залечивала нанесённые ей раны, но следы их будут видны ещё много лет.

На другой день я продолжил разрез по левому борту долины до водораздела с ручьём Малый Якорь. Здесь надо было отобрать пробы на определение изотопного возраста встреченных там гранитов. Для этого нужно было взять 5 проб весом не менее 5 килограммов каждая. Довольно скучное занятие: сидеть почти на одном месте и механически дробить глыбы, а затем обколачивать

корки выветривания, добираясь до неизменённой породы. На это пришлось потратить два дня.

Закончив составление разреза, мы отправились в обратный путь. По обеим сторонам дороги дымились догоравшие корни и упавшие деревья. Некоторые ещё тлеющие лесины перегораживали путь. Приходилось их разрубать и оттаскивать.

Следующая остановка была на Среднем Мамакане, где я хотел обследовать долины его левых притоков. Табор поставили в редком молодом сосняке на обрывистой террасе высотой более пяти метров, на ровной площадке, покрытой белым ягелем. Место было весёлое, продуваемое ветрами. Поэтому комары и мошка не досаждали. Только вот, набрав воды в реке, приходилось карабкаться к табору по крутому откосу. Чтобы облегчить подъём, мы привязали верёвку. Сверху открывался отличный вид на русло Среднего Мамакана и противоположный скалистый борт долины.

Мы с Сашей начали ходить в маршруты. Где было возможно, к маршруту подъезжали на машине. Лена с Мишей и возвращавшимся шофером коротали время на таборе. Лена готовила еду, обрабатывала и упаковывала образцы и пробы, собранные нами в маршрутах. В общем, работа шла заведённым порядком.

В этот год по всему югу Восточной Сибири в течение полутора месяцев стояла жаркая погода без дождей. Как следствие этого, возникли многочисленные лесные пожары. Горы заволокло дымом так, что в 100 метрах уже ничего не было видно. Солнце едва просвечивало сквозь пелену дыма. Нельзя было понять, как далеко горит лес. Целый месяц в Таксимо из-за дыма не летали самолёты. Некоторое время даже Иркутск не принимал их.

В маршрутах ориентироваться можно было только по водораздельным гребням и по долинам рек и ручьёв. Благо топокарты в то время уже рисовались по аэрофотоснимкам приборами и были высокого качества. На них отражены в масштабе карты малейшие изменения рельефа. Создавалось впечатление, что пожар где-то совсем рядом, хотя дым наносило за десятки, а то и сотни километров. Но мы этого не могли знать. В каждом маршруте нам казалась, что огонь близок. Всё время приходилось быть настороже.

Слева в Средний Мамакан впадал ряд крупных притоков, имевших большую протяжённость долин. Интересовавшие меня

объекты располагались в вершинах этих притоков. По долинам ручьёв в своё время проводилась разведка золотоносных россыпей, а кое-где и добыча золота, для чего прокладывали дороги. Но эти работы были давно и дороги пришли в негодность. Местами они превратились в болото. На машине из-за опасности застрять на заболоченных участках, можно было проехать вверх по долинам лишь на небольшие расстояния. Если бы машина попала в болото, то вызволить её оттуда было бы трудно. Поэтому приходилось нам ходить в многодневные маршруты.

Мы уходили на три-четыре дня с целофановым тентом. На выбранном участке из него делали шалаш, открытый в одну сторону, из веток сооружали постель. Перед шалашом оборудовали кострище с таганом. Каждый раз, уходя в маршрут, я опасался, как бы пал не добрался до нашего табора. Из-за дыма ведь не видно, где горит. Но горело, по-видимому, где-то далеко.

Первый многодневный выход сделали в вершину р. Дяля, в район месторождения золота Юбилейный. Там в семидесятых годах проводились геологоразведочные работы. Но оказалось, что оруденение убогое, месторождение мелкое и работы прекратились. Во время разведки месторождения туда была проложена дорога, но она оказалась уже не проезжей. Пришлось нам идти в вершину Дяли на три дня. Устроились на ночлег, а утром отправились в маршрут.

Поднимались по долине ручья в сплошном дыму. Был сильный запах гари. Казалось, что горит где-то совсем рядом. Саша запаниковал.

– Владимир Васильевич, впереди горит, давайте вернёмся, – попросил меня он.

– Пройдём ещё немного, посмотрим, если и горит, то попробуем пожар обойти по каменистому склону, – успокаивал я его.

– Уже и тепло идёт сверху, вон и пламя показалось! – с испугом закричал Саша.

Но я понял, что это Солнце вышло из-за горы в вершине распадка и просвечивало сквозь дымовую завесу. Успокоил Сашу, успокоился сам, и мы продолжили маршрут. Постепенно ручей уменьшался. В маршруте, когда основные снежники уже растаивали, для того, чтобы утолить жажду и пообедать с чаем и разогретой тушенкой, надо уловить момент, когда будет кончаться вода в

распадке. Рано обедать ведь тоже не рационально. На этот раз, ввиду многодневного отсутствия дождей, вода в распадке кончилась далеко до водораздела. Подходило время обедать, а кругом было сухо. В надежде найти воду, мы начали исследовать вершину распадка. Наконец нашли воду, сочившуюся по скале. В таких случаях мы делали «водопровод». Брали лист бадана, прижимали его к мокрому месту, чтобы вода стекала по листу, подставляли котелок и ждали, когда он наполнится. Это мне приходилось делать неоднократно. Иногда ждали по 10–15 минут, пока наполнится котелок. Обычно в жаркий день так интенсивно проливали пот, что трёхлитрового котелка чая не хватала для восстановления баланса влаги в организме. Вечерами же опорожняли не один котелок чая.

После бассейна Дяли надо было обследовать долину р. Мочи – следующего притока Среднего Мамакана. При разведке золотоносных россыпей в долину Мочи была проложена дорога с мостом через Средний Мамакан. Но он оказался разрушенным, поэтому машина не могла подвезти нас к маршрутам. Из-за продолжительной жары вода в Среднем Мамакане стала низкая, в русле обнажились валуны, по которым можно, прыгая, передвигаться по руслу вдоль и поперёк, как по мостовой. Так мы подходили к устью Мочи, более километра, прыгая с камня на камень. Это ведь с грузом на несколько дней. Тоже занятие не из лёгких. Обратно возвращались тем же путём, но уже нагруженные камнями. Отработали долину Мочи без особых происшествий.

До начала строительства дороги Таксимо – Бодайбо реки бассейна Мамакана были очень богаты рыбой (см. раздел «1959 год»). В описываемое время рыба в Среднем Мамакане ещё водилась в незначительных количествах. У всех шоферов, ездивших по трассе Таксимо – Бодайбо, к машине были прикреплены удочки. В удобных местах они останавливались и рыбачили. Мы тоже добыли немного хариусов. Из года в год количество рыбы сокращалось. В более поздние годы в бассейне Мамакана я уже не пытался рыбачить, в виду бесполезности этого занятия.

В верховья Среднего Мамакана машина смогла проехать лишь три километра. Дальше мы пошли на три дня пешком. Нашли удобное место для табора. На террасе при слиянии двух ручьёв была ровная поляна, покрытая «подушкой» белого ягеля мощностью около полуметра. Спать на такой подушке было очень

удобно. Но в пожарном отношении место опасное. Было очень сухо. Ягель при малейшем давлении крошился в муку. А сухой ягель загорался от малейшей искры, или тлеющей спичечной головки. Горит он почти бесцветным пламенем, которое распространяется очень быстро. Только видно, как чернота от сгоревшего ягеля быстро расползается во все стороны.

Мы соорудили навес из целлофана. Надо было оборудовать место для костра. Чтобы обезопасить его от пожара, пришлось сдирать весь мох на месте предполагаемого костра и вокруг него на значительной площади. Возились мы с этим делом около двух часов. Только закончили это занятие, как из-за горы показалась чёрная туча, первая за весь месяц, и начался ливень, который продолжался более полутора часов. Мокрый ягель уже не представлял пожарной опасности. Его теперь, даже если очень захочешь, не подожжешь. Переждав дождь под тентом, мы развели перед ним большой костёр и зажили обычной бивуачной жизнью. Сделали два маршрута и вернулись к месту, где нас ждала машина.

Лето подходило к концу, пора было возвращаться домой. По дороге взяли Игоря с ребятами, которые ждали нас на старом таборе, как мы и договаривались. Возвратившись в Таксимо, остановились в предоставленном нам помещении.

В то время уже ввели так называемый сухой закон, когда продавалась водка по талонам, по две бутылки на талон. В Таксимо торговали водкой лишь в одном киоске и всего один день в месяц. Конечно, все мужики, жаждущие выпить и имеющие талоны, скопились у этого киоска. Нашему шоферу тоже загорелось выпить. Талон у него был, а денег не было. Он стал просить у меня аванс. В принципе я был не против его выпивки, так как в тот день ехать нам не нужно. Но не хотелось, чтобы мои подчинённые шатались пьяными на территории экспедиции, которая предоставила нам помещение, и чтобы студенты участвовали в этом мероприятии. Я выдал шоферу деньги на водку, но с условием, что пить её он будет за пределами территории посёлка, а завтра утром будет готовым к поездке.

К вечеру мы пошли семьёй погулять по Таксимо. Подошли к киоску, где реализовывали водку, увидели унылую очередь мужиков, жаждущих отоварить свои талоны. В конце её понуро стоял наш шофер. Была опасность, что его очередь до закрытия киоска

могла не подойти. Для него это было бы большое горе. Лена решила помочь ему.

– Давай талон и деньги, – подойдя к нему, сказала шоферу, – попробую помочь тебе.

После длительных уговоров он с сомнением, думая, что она может лишить его выпивки, отдал талон и деньги.

Лена стала пробиваться сквозь толпу мужиков к заветному окошку. Мужики неохотно уступали ей дорогу.

– Ну, раз это единственная женщина, то ладно, пропустим её без очереди.

Миша, увидев, что его бабушка собирается купить водку, закричал с осуждением:

– Баба Лена, зачем ты покупаешь водку, ведь ты же вступила в общество трезвости!

(Тогда повсеместно создавались ячейки общества трезвости. Преподавателей пединститута, где работала Лена, обязали вступить в него, заплатив вступительный взнос.) Толпа мужиков дружно расхохоталась, и уже беспрепятственно пропустила Лену к окошку, где она получила две бутылки водки. Отоварившись, мы отдали их шоферу, который был безмерно рад. Утром, как и договаривались, машина и шофер были готовы к работе.

Сделав несколько маршрутов из Таксимо, в конце августа мы отправились обычным путём на автомашине до Нижнеангарска. Затем машину отправили самоходом в Иркутск, а сами на «Комете» по Байкалу поплыли туда же.

1987 год (М)

Летом 1987 года я продолжал сбор материалов по магматическим образованиям зоны БАМ. В мой полевой отряд входил старший техник-геолог Паша и студент Слава – исполнительные уживчивые работники. Как и в предыдущие годы со мной поехала на время отпуска в качестве таборщицы моя жена Лена. С собой мы взяли и внука Мишу. Нам была выделена автомашина ГАЗ-66 с шофером Витей.

Работы я хотел провести по долине Витима от Парамского порога до левого его притока ручья Каралон. Туда же собрались

ехать Татьяна Александровна Дольник и Аркадий Михайлович Станевич со своими отрядами. В отряд Татьяны Александровны входил геолог Толя Рябцев, весьма приятный молодой человек, доброжелательный, неунывающий, уже поработавший с Татьяной Александровной в поле. Он отвечал у них в отряде за хозяйственные и финансовые дела. Кроме того в отряде Татьяны Александровны было пять маршрутных рабочих-студентов. Среди них выделялась студентка Иркутского геолого-разведочного техникума Наташа Гусельникова. Она была родом из Магаданской области, провела детство на золотом прииске, где приобрела хорошую физическую и житейскую закалку. Многое, необходимое в полевой работе, умела делать, с удовольствием ходила в маршруты, ладила с людьми, себя в обиду не давала. В общем, в поле была в своей стихии!

Так как наши интересы совпадали, то мы решили объединиться. Машина было только в моём распоряжении. В связи с этим само собой получилось, что все заботы с транспортировкой и организацией легли на меня. Раз собрались ехать вместе, то и питание стало общим, а так как таборщица была только в моём отряде, то Лене пришлось варить на весь коллектив.

По прибытию в Нижнеангарск надо было найти место, где можно расположиться таким немаленьким коллективом. В геологических организациях для такого большого отряда места не нашлось. Нам сказали, что есть брошеный домик, где нет хозяев. Туда мы и направились. Наведя порядок в домике и вокруг него, стали готовиться к поездке на Витим. Ввиду малого помещения спать пришлось вповалку на полу. Таган сделали во дворе, где крутилась целый день Лена, готовя еду на такой большой кагал.

Первой заботой было снабдить машину горючим с учётом того, что с удалением от Нижнеангарска его ни за какие деньги не купишь. Надежды на Таксиминскую партию, с которой был заключён договор о снабжении нас бензином, учитывая предыдущий опыт, были призрачными. В предшествующие годы по обочинам дороги было полно брошенных бочек для бензина. Я понадеялся на это и в Иркутске ими не запасся. Но оказалось, что в этом году на Холоднинском свинцово-цинковом месторождении отбирали технологическую пробу весом в тысячу тонн. И все бочки по обочинам дорог собрали для её транспортировки. После нескольких

дней поисков с большим трудом мы нашли необходимые нам четыре бочки, выменяв их у частников на пару бутылок водки. После этого началась «беготня» по Нижнеангарску в поисках тормозной жидкости, которую по настоянию шофера надо было взять в запас. Опросив местных людей, установили, что её можно достать только у одного из жителей Нижнеангарска. Разыскав его, после долгих уговоров, смогли обменять бутылку тормозной жидкости на две бутылки водки. Эти хлопоты были мне отвратительны. Я так не люблю что-то выпрашивать! Но чтобы начать полевые исследования, другого выхода не было. Приходилось этим заниматься.

Наконец всё образовалось, мы собрались и тронулись в путь. Представьте себе нашу машину. Она была с будкой. У задней стенки будки стояли 4 бочки, наполненные бензином, заваленные снаряжением и продуктами. Они заполняли будку до половины. Во второй половине на горе вещей располагалось 12 человек. Мы с Мишей ехали в кабине, так как надо было указывать шоферу дорогу. Учитывая её качество, можно представить, что испытывали пассажиры в будке. Тем более, что окна открывать было нельзя из-за пыли от встречных машин.

По дороге решили заехать в магазин в Новом Уояне. Пока мы покупали кое-какие продукты, к нам привязалась здоровая овчарка, явно определив себе в хозяина студента Славу. Когда начали садиться в будку, она вслед за Славой тоже туда заскочила. Таким образом, у нас в отряде оказалась ещё и собака.

В Таксимо нам во дворе Таксиминской партии выделили сарай, где мы и расположились. Надо было найти транспорт, чтобы сплавиться по Витиму. Мы узнали, что в селе Усть-Муя есть семья, которая владела большим катером, и только они на нём могли преодолевать Парамский порог – главное препятствие в плавании по Витиму ниже Муйско-Куандинской впадины. Отправился я туда: на машине до переправы через Мую, на пароме переехал на левый берег и пошёл пешком 8 км до посёлка Усть-Муя. Нашёл там эту семью. Дома был только дед. Я его долго уговаривал доставить нас до Каралона, за плату, конечно, которую они назначат. Старик сказал, что на катере теперь плавает сын. Пришёл сын. Я и его уговаривал. Они долго ломались, явно чувствуя себя хозяевами положения. Но другого варианта достичь Каралона у нас не было.

Приходилось терпеть. Наконец сын согласился и заверил, что довезёт нас до нужного места. Договорились, что мы доедем на машине до Парамского порога, там будем ждать катер. Назначили число. Только сын сказал, что сейчас вода очень низкая (давно не было дождей) и катеру опасно преодолевать порог. Как только вода поднимется, катер к нам прибудет. Вообще-то мне эта семейка не понравилась. Как-то не совсем уверенно они обещали. У меня закрались сомнения, выполнят ли они своё обещание.

На другой день мы собрались и поехали к порогу. Вначале ехали по довольно ухоженной трассе Таксимо–Бодайбо, по правому борту долины р. Келяна. От трассы Таксимо–Бодайбо наш путь сворачивал на дорогу по ручью Адян Келянский и пересекал долину Келяны под прямым углом. Пойма Келяны здесь вся в буграх-отвалах, образованных при добыче россыпного золота и разделивших реку на ряд проток. Между ними возникли мелкие озера. Из поймы дорога круто поднималась на террасу, образованную конусом выноса ручья Адян Келянский. По ходу слева на террасе был когда-то посёлок добытчиков золота. От него остались развалины построек, груды поломанной техники и участки, залитые горюче-смазочным материалом.

По долине Адяна Келянского дорога вначале пересекала многочисленные бугры, намытые в разные годы при добыче россыпного золота. Одни бугры уже заросли высоким лесом, другие – еще безлесные. Далее дорога проходила по скальному днищу долины, обнаженному при добыче золота, затем входила в экзотичное ущелье. Скалистые стенки высотой три-пять метров сложены чёрными карбонатными породами. Днище ущелья представляло собой русло ручья шириной три-четыре метра. Скальное ложе неровное с уступами и наклонами. Автомашина на них раскачивалась, почти касаясь бортами скал.

При выходе из ущелья дорога по левому борту долины ручья постепенно поднималась на перевал из долины Адяна Келянского в долину Адяна Парамского – правого притока р. Парама. Спуск с перевала очень крутой, опасный. Дорогу здесь постоянно использовали временные водотоки, на одних участках вымывая глубокие канавы, на других – нагромождая крупноглыбовые наносы. Соблюдая технику безопасности, шофер в этом месте всех нас выса-

дил и медленно стал спускаться на машине с крутяка. Мы следовали за машиной.

Долина Адяна Парамского трапецевидная, с относительно пологим днищем и крутыми, часто обрывистыми склонами. Отложения, заполняющие днище, при добыче россыпного золота неоднократно перемывались. В результате образовался холмистый рельеф, с участками отмытого скального ложа ручья. У левого борта долины были видны остатки посёлка золотодобытчиков. Здесь обстановка была такая же, как и на устье Адяна Келянского, только осталось несколько неразрушенных построек.

При впадении Адяна Парамского в Параму долина расширяется и соединяется с Парамской впадиной. Дорога круто поворачивает на восток и следует вдоль крутого левого борта этой впадины, пересекая реки Саку, Самокут и Булунда.

В междуречье Саку и Самокута дорога на значительном протяжении проходит по заболоченной местности. После нескольких поездок по одной колее дорога размочаливалась и становилась непроезжей. Машинам приходилось торить новую дорогу. В результате образовались участки, где широкое пространство было изрезано колеями с глубокими ямами, заполненными водой или глинистой жижей. Наша машина с трудом преодолевала их, рискуя застрять.

На одном участке мы увидели трактор, наполовину погружённый задней частью под 45° в такую яму. Как будто он пытается выбраться из недр Земли. Его безрезультатно пытались вытащить две автомашины. С помощью еще и нашей, трактор удалось вытащить на относительно твёрдое место.

При выходе Самокута из гор в результате добычи россыпного золота, которая с перерывами продолжалась здесь с 1898 по 1994 год, возник весьма примечательный рельеф с беспорядочно расположенными валами и буграми рыхлого валунно-песчаного материала высотой более 10 метров. В западинах между ними во многих местах образовались озерки, в которых в жаркий день приятно было купаться.

После Самокута мы уже без приключений доехали до Витима, остановились в 2-х километрах от порога, разбили лагерь и стали ждать обещанный катер.

При выходе в долину Витим дорога проходит вдоль ее левого борта. Витим здесь пересекает Северо-Муйский хребет, долина его имеет ущельеобразный характер и весьма живописная: с одной стороны крутой склон к реке, с другой – обрыв в коренных породах, образованный при её прокладке. Далее она огибает самый впечатляющий и самый опасный на Витиме Парамский порог, возникший при пересечении рекой чёрных ультраосновных пород Парамского массива. По рассказам местных жителей при попытках сплавиться через этот порог смельчаки иногда погибали.

Вначале русло реки постепенно сужается. Перед порогом по левому борту реки образовалось заливообразное расширение. На правом берегу напротив залива начинается тропа, обходящая порог. Ниже русло вновь резко сужается, упирается в черные скалы и под прямым углом поворачивает вправо. Здесь оно завалено гигантскими глыбами черных пород до 3-5 метров в поперечнике. В малую воду они выступают из воды, в большую – на них образуются буруны, которые могут достигать 5 метров в высоту. Река постоянно подтачивает скалистый левый берег, откуда периодически обрушиваются глыбы, пытаясь преградить ей путь. Река, прокладывая себе дорогу, с оглушительным ревом набрасывается на них. Ниже порога русло резко расширяется, река образует огромный водоворот с возвратным течением у правого берега. В большую воду на весельной лодке из этого водоворота можно выбраться с большим трудом.

Дорога поднимается на скалу, преграждающую путь реке. Отсюда открывается великолепный вид на порог. Особенно впечатляет он в период большой воды. Весь порог представляет собой сплошные высокие буруны, покрытые белой пеной. Вблизи воды из-за рева реки невозможно разговаривать. В нижней части порога в Витим впадает руч. Крутой. В большую воду дорога через него покрывается водой и становится непроезжей. Берега ручья в приустьевой части песчаные, постоянно подмываемые в большую воду. В 50 метрах выше устья ручей течет в каменной непроходимой «трубе». Через этот ручей был построен мост, который снесло в большую воду.

За порогом на левом берегу образовался отличный пляж, который затапливается в большую воду. В малую воду здесь хорошее место для отдыха, купания и загорания.

В ожидании намеченного числа прибытия катера мы сделали по несколько маршрутов на левый борт Витима. На таборе оставались Лена с Мишей и овчарка, которая сторожила палатку, где жил Слава. Лена звала её. Она приходила, съедала корм. Но затем, несмотря на уговоры Лены, виновато оглядываясь, возвращалась на своё место у входа в Славину палатку.

Наконец настал назначенный день, но катера не было. Вода в Витиме стала очень низкой. Прошло ещё два дня, вода спала ещё больше. Порог успокоился, лишь глухо «ворчал». Вдоль скалистого обрыва выступили большие глыбы. Мы думали, что пока вода в Витиме не поднимется, катера не будет. А так как признаки приближения непогоды отсутствовали, и порог стал довольно спокойным, то решили рискнуть сплавиться через него на резиновых лодках. У нас их было целых три. Аркадий Михайлович был самым опытным по сплаву. Он командовал оборудованием лодок. Две лодки снизу и с боков закрыли брезентом, закрепили его палками по бортам. Получились продолговатые остроносые лодки, которыми было легче управлять. Толю Рябцева со студентами оставили ждать катер, а сами: Татьяна Александровна, Аркадий Михайлович, Наташа Гусельникова, один студент и я с Леной и Мишей тронулись в путь. Люди пошли в обход порога. А мы с Аркадием привязали длинные верёвки к носу и корме лодки, прыгая по выступающим из воды глыбам, благополучно спустили их с грузом под порог. Это оказалось возможным только благодаря низкой воде.

Ниже порога все разместились в лодках и поплыли вниз по течению. На одной лодке на вёсла сел Аркадий, на другой – я. По Витиму чередуются перекаты с участками спокойного течения. На перекатах течение быстрое с бурунами и выступающими камнями, приходилось быть осторожными и лавировать между ними. Особенно опасными были камни, лишь слегка покрытые водой. Издалека их не видно. На перекатах приходилось быть всё время настороже. Тем более что вода малая, и таких камней оказалось много.

Сплав по Витиму доставил нам большое удовольствие. Река быстро несла лодку вниз по течению, а по берегам открывались один за другим живописные виды: скалистые крутые борта долины высотой сотни метров иногда тянулись по нескольку километров. Они изрезаны ущельями временных водотоков. Кое-где были видны в них сверкающие на солнце потоки воды, часто образующие водопады. На таких участках было замечательное эхо! Любой громкий звук возвращался к нам почти без изменения по силе и тональности. Мы с восторгом занимались звуковыми экспериментами.

О наиболее опасных местах мы были проинформированы заранее. Одно из таких мест называется «Венчальное улово». Там течение образует закручивающуюся спираль с огромной воронкой посередине. В большую воду туда попадает всё, что плавает. Если оказаться близко к центру спирали на вёсельной лодке, то можно не выгрести и исчезнуть в ней вместе с лодкой. Местные жители рассказывали, что такие случаи были. Ниже по течению находили перевёрнутые лодки, а люди исчезали бесследно. Так как вода была малая, то спираль была «ленивая», но мы, проплывая этот участок, на всякий случай прижались к противоположному берегу.

Другим опасным местом, был «Янгудский бык», о котором мы тоже были предупреждены. За десять километров до устья р. Янгуда появился шум, который, по мере сплава вниз по течению усиливался. Когда мы выплыли из-за поворота, нам открылся весьма экзотичный вид. В русле Витима ближе к правому берегу возвышалась, как дредноут, треугольная скала высотой около пяти метров, направленная острым углом навстречу течения. На ней росли высокие сосны, как снасти парусного судна, что зрительно делало скалу ещё выше. Это и был «Янгудский бык». Создавалось впечатление, что скала плывет вверх по течению. Река разделяется ею на две части, образуя огромные валы («усы») по обе стороны от скалы. Вниз по течению они постепенно уменьшаются. Чем выше вода, тем сильнее «рев» «быка», выше валы и дальше вниз по течению они видны. Близко подплывать к «быку» опасно, лодку может опрокинуть или захлестнуть волной. На скале поставлен памятник погибшему в водах Витима рыбаку. Мы заранее направились ближе к левому берегу. Нас лишь покачали волны, отходящие от «быка» и мы благополучно его миновали.

– Деда, а можно это (имеется в виду наш сплав) считать борьбой за жизнь? – в одном месте спросил меня Миша.

– В некотором отношении да, – подумав, ответил я.

Доплыли мы до намеченного места, причалили и устроили лагерь на косе в устье Малой Падоры – правого притока Витима, заливаемой в большую воду: поставили две палатки, сделали таган и натянули над ним тент.

В течение трёх дней мы совместно составляли разрез по Малой Падоре, где по берегам были почти сплошные скалы. В реке вода была небольшая, можно было свободно бродить с берега на берег. На обратном пути я ловил хариусов. Малосольная рыба разнообразила наш рацион. Лена с Мишей оставались на таборе. В небольшие маршруты я Мишу брал с собой. Мы собирались ждать катер лишь два-три дня. Поэтому одежду взяли минимально необходимую. Погода стояла жаркая. Лена поплыла в купальнике, захватив только телогрейку. А оказалось, что мы там были больше недели. Благо коса, была без растительности и хорошо продувалась. Поэтому комары на таборе нас не донимали.

Каждое утро я связывался по рации «Карат» с оставшимися у порога членами отряда. У Толи позывной был «Беседа один», у нас – «Беседа два».

– «Беседа один», я «Беседа два». Как дела? – но радостных известий не было.

– Ждём воду, ждём воду, – отвечал каждый раз Толя Рябцев.

Когда приходили из маршрута, Лена жаловалась.

– Ежедневно примерно в пять часов с верховий налетает шквальный ветер, грозя сорвать палатки и тент, разбрасывая все незакреплённые вещи, в том числе и посуду. Он резко начинается и резко заканчивается.

Мы на это внимания не обращали и шутили: подумаешь, налетел порыв ветра. На четвёртый день Аркадий Михайлович остался на таборе камеральничать. Налетел особо сильный порыв ветра, сорвал тент и разорвал одну палатку. Тогда мы поняли, что ветер нешуточный, и Лена не зря жаловалась. Она ведь оставалась только с Мишей и бороться с таким ветром не могла. Но предотвратить ветер мы тоже не могли, оставалось только терпеть.

На пятый день я вернулся из маршрута раньше всех. Уже начинало темнеть. Вдруг бежит студент.

– Скорее кипятите воду!

– Кто? – сразу поняв, в чем дело, спросила Лена.

– Наташа!

Через 10 минут показался Аркадий. Он нёс на спине Наташу. Оказалось, что она поскользнулась и села на острый сучок. От боли Наташа не могла идти. Крови набралось полный сапог. Никто, кроме Лены, не знал, что делать. Она сразу поняла опасность раны, ведь могли быть повреждены жизненно важные органы, быстро начала действовать, приказала освободить единственную палатку, принести кипячёную воду, при свече затампонировала рану подручными средствами, использовав два марлевых полога. Кровотечение остановилось. Главные опасения Лены было, не повреждены ли мочевой пузырь и прямая кишка. В этом случае жизнь Наташи висела бы на волоске. Лена сказала мне о своих опасениях. Мы сгрудились в палатке, с тревогой ожидая утра и заключения Лены. Они с Наташей не спали всю ночь, наблюдая за раной.

Что можно было сделать в такой ситуации? Было лишь два весьма ненадёжных варианта: сплавиться на резинке до Каралона и с помощью старателей вызвать санитарный вертолёт, утром связаться с Толей, чтобы он пошёл на расположенную в трёх километрах метеостанцию и попытался вызвать санвертолёт. Любой вариант требовал времени, которого могло не быть. Главная тревога Лены была, сможет ли Наташа безболезненно сходить в туалет. Утром у Наташи всё осуществилось благополучно, что успокоило Лену, а она успокоила нас. Последствием этого события было лишь то, что Наташа несколько дней не ходила в маршруты. Она уже на третий день стала рваться в маршрут, но Лена категорически настояла на том, чтобы отложить любые походы до полного заживления раны.

К концу седьмого дня ожидания, к нам приплыли на резиновых лодках остальные наши товарищи во главе с Толей Рябцевым. Им надоело ждать, тем более, что вода в Витиме ещё спала и порог «успокоился». Они загрузили лодку и благополучно проплыли через порог. Ребята пошли по берегу, а Толя со студентом поплыли. Снова мы собрались вместе. Надежды на катер уже не было, мы

стали готовиться сплавляться до Каралона. Решили, что часть людей пойдёт по левому берегу Витима, а часть поплывёт на резиновых лодках.

Мне интересно было посмотреть обнажения вдоль берега Витима, поэтому я с частью людей переплавились на левый берег и отправились вдоль берега. Уже отошли довольно далеко, вдруг видим, что сверху плывёт катер, и наши люди машут нам с него. Но я решил продолжить поход по берегу. Они благополучно доплыли до устья Каралона, а к вечеру и мы пришли туда.

Я думаю, что владельцы катера играли у нас на нервах. А когда узнали, что мы самостоятельно уплыли, решили не упускать заработок. Возможно, они выжидали, может ещё появятся желающие плыть вниз по реке. Тогда они заработали бы больше. Низкая вода им явно была не помеха. Такие вот ненадёжные, хитрые люди. Не зря они мне сразу не понравились.

Хочу остановиться на описании тропы вдоль Витима, которую я от устья Парамы до Каралона прошёл пешком, а некоторые её отрезки – по нескольку раз. Это примечательный, местами весьма экзотичный объект. Тропу проложили ещё в конце девятнадцатого столетия, когда открыли прииск Каралон (подробнее смотрите 1994 год). По ней вьюками на лошадях и верблюдах снабжали этот прииск всем необходимым. Для того, чтобы завьюченные животные могли беспрепятственно ходить по этой тропе, ширина её должна была быть больше метра.

По залесённым участкам тропу проложить не представляло больших трудностей. Но местами крупноглыбовые россыпи подступают к самому руслу реки. На этих участках тропу прокладывали серпантином, ворочая огромные глыбы, а полотно тропы выкладывали мелкими камешками. Полотно тропы должно быть ровным, а верхние глыбы не должны, хотя бы какое-то время сползать на тропу. Такая тропа была перед Янгудой. Сейчас она почти полностью скрыта под сползшими глыбами. Проложить тропу здесь представляло немалые трудности. Вероятно, её периодически приходилось освобождать от скатившихся глыб. Впечатляет гигантский труд по прокладке дороги на таких участках.

Другая крупноглыбовая россыпь расположена после конуса выноса реки Падора. Она внизу ограничена скалистым обрывом, у

подножия которого бушует Витим. На этом участке тропа сохранилась почти полностью. Лишь кое-где на неё сползли каменные глыбы. Красиво смотрится она здесь, серпантином вьющаяся среди каменных глыб.

Мелкие ручьи тропа пересекала вброд. Более крупные притоки Витима представляли серьёзные препятствия. Перед впадением в Витим они текут в непроходимых ущельях. Резко вырываясь в долину Витима, реки образовали крупновалунные конуса выноса. Большую часть летнего времени лошади не могли эти реки преодолевать вброд. Для их преодоления на участках, где реки вытекали из ущелий, были построены мосты. Ширина между скалистыми стенками ущелья часто превышала 10 метров. Сюда доставляли достаточно длинные и толстые брёвна. Их, вероятно, заготавливали далеко в Муйской впадине. Тоже не лёгкий труд! Эти брёвна перебрасывали через ущелья, на них делали настил. Сейчас эти мосты разрушены. Лишь на берегах видны кое-где их остатки.

Только пара уже слегка провисших брёвен сохранилась над ущельем Падоры. Мы с Аркадием по этим брёвнам два раза перебирались на другой берег. Было страшновато ползти по провисшим бревнам на высоте 20 метров, когда внизу под тобой между двумя скальными стенками «бесится в истерике» белый от пены поток воды в поисках выхода. Первый раз было особенно страшно и оттого, что не знали, выдержат ли нас уже изрядно подгнившие брёвна. Но очень хотелось посмотреть породы на правобережье Падоры и потому преодолевали страх.

В устье Каралона работали старатели. Там было несколько добротных обширных домов, баня, пекарня и несколько теплиц. Нас встретили доброжелательно, отвели нам пустующий дом с печкой из бочки посередине, где мы и расположились. Старатели позволили нам помыться в бане, но только днём, так как вечерами там мылись рабочие. А работа у них весьма грязная! Мы устроили выходной. Для нас это был настоящий праздник!

Толя Рябцев – кассир в отряде Татьяны Александровны при сплаве деньги положил на дно вьючного ящика, а его поставил на дно лодки. Во время сплава лодку иногда захлёстывало водой. В результате деньги подмокли. Они были в пачках трехрублевыми купюрами. По приезду на Каралон Толя достал деньги и стал су-

шить, разложив на подоконнике и полу. Оказался весь угол покрыт деньгами. Картина была занимательная.

– Ты зачем все деньги разложил? – спросили мы, придя из маршрута.

– Да, вот напечатал, теперь сушу, – пошутил он.

Среди старателей был парень-повар, который любил, но очень плохо играл в шахматы. Вечерами после работы Миша составлял ему компанию. За это «шахматист» угощал Мишу конфетами, хлебом или огурцами. Миша гордо приносил свой «заработок» и отдавал в общий котёл. Хлеб у нас давно кончился и Лене приходилось каждое утро стряпать гору блинов на всю ораву, так что булка хлеба была нам не лишней.

Блинов иногда не хватало.

– Вкусные блины, – шутили в таких случаях ребята, – только есть один недостаток – куча маленькая.

Я составил разрез вниз по берегу Витима до притока Нижнего Орлова. Пришла пора выбираться с Каралона. Но как это сделать? В те годы на каждом прииске были сооружения, где хранилось золото. Обычно это был добротный дом, окружённый вертикально поставленными трёхметровыми брёвнами с заострёнными верхушками. Охранялся он круглосуточно. В неделю раз прилетал вертолёт Ми-2 с двумя милиционерами. Пассажиров брать им категорически запрещалось.

Прилетел вертолёт за золотом и на Каралон. А приискатели намыли лишь несколько грамм золота. То есть охранять было нечего. Мы стали упрашивать милиционеров, взять несколько человек. Но все уговоры были бесполезны. На наше счастье на другой день прилетел вертолёт Ми-8 с продуктами для приискателей. Он и вывез нас на «Большую землю». Ему это было выгодно, так как экипаж получил двойную плату.

Сделав несколько маршрутов из Таксимо с подъездами к ним по ухабистым дорогам, мы всем огромным коллективом отправились в обратный путь, в Нижнеангарск. За день доехали до р. Дзелинда. Стало темнеть, мы собрались переночевать. Только остановились, как на нас набросились тучи комаров, не продохнуть.

– Не хочу я здесь ночевать, – не выдержав, завопил шофер, – забирайтесь в будку и спите, а я поеду. Так мы и сделали. Через некоторое время на одном из ухабов машина прыгнула так, что

лопнула одна пружина у кабины. Кабина перекосилась. Затем отказал ножной тормоз. Шофер быстро преодолевал подъёмы, а спускался очень медленно, буквально «ползком» на ручном тормозе. Так мы доехали до Нижнеангарска и устроились в том же домике, в котором жили при заезде.

На другой день по приезду стали готовиться к отплытию в Иркутск. Я на некоторое время отлучился по делам. Возвращаюсь, а мне шофер сообщает, что он поехал в магазин за продуктами, а машину арестовала милиция. Пошёл я выяснять, в чём дело.

– На такой машине нельзя ездить, – с возмущением сказал мне капитан. Действительно, вид у машины был весьма непривлекательный: кабина перекошена, бока помяты, тормоз не работает. А как мне её переправить в Иркутск?

– Товарищ капитан, – взмолился я, – мне надо отправить машину в Иркутск. Разрешите доехать лишь до пристани в Северобайкальске, где её можно погрузить на баржу.

– Ладно, пусть едет до пристани, – смилостивился капитан, – но если я её увижу в Нижнеангарске или Северобайкальске, арестую и до декабря, т. е. пока не станет лёд на Байкале, вы её не получите.

На другой день должен был прийти теплоход, и нам надо было уезжать. Я поехал с шофером на пристань, оплатил доставку машины с шофером на барже до Култука, закупил ему продуктов на неделю и строго наказал, чтобы он на машине никуда не ездил. Он выполнил мой наказ и через неделю был в Иркутске, где благополучно доехал до институтского гаража. Мы же с пересадками раньше машины добрались до дому.

1988 год (М)

Когда прибывали в партию на практику студенты, я всегда с большим желанием делился своими знаниями геологии региона, где проводились работы, и опытом полевых исследований. Перед началом геологической съёмки обязательно, вводил их в курс стоящих перед нами задач и методов их решения. Всегда испытывал большое удовлетворение, когда студентам это было интересно, и они задавали мне вопросы.

В конце 1987 года на геологическом факультете Иркутского государственного университета появилась вакансия, и мне предложили её занять. Я решил, что смогу передать свои знания и опыт большему числу студентов, и согласился. В январе 1988 года я прошёл по конкурсу на преподавательскую работу на геологический факультет ИГУ. Но, как говорит Л. С. Каневский, это уже совсем другая история.

Мне хотелось продолжать полевые исследования геологии Байкальской горной области. Так как на факультете средств для этого не было, то я по совместительству в течение ещё многих лет остался заниматься научными исследованиями в ВСНИИГГиМСе в должности старшего научного сотрудника на полставки. В летние периоды, когда в университете у меня был отпуск два месяца, я ездил от института на полевые исследования.

В институте я, как и раньше, продолжал работу в теме по составлению карты магматических формаций юга Восточной Сибири и Северной части Монголии, занимался регионами зоны БАМ. В летний период 1988 года у меня было задание разобраться с вулканогенными образованиями, так называемой, Падринской структуры. Для этого надо было попасть в вершину р. Падора – левого притока р. Витим. Там же были интересы сотрудника института Аркадия Михайловича Станевича. Попасть туда можно было только вертолётом. Для сокращения расходов мы решили объединиться. Меня сопровождал рабочий Толя и моя жена Лена в должности таборщицы. Мы взяли с собой внука Мишу. Ему было уже почти 11 лет. У Аркадия был похожий состав отряда. Он прихватил с собой сына Алёшу 12 лет. В качестве таборщицы у него была сотрудница института Лилия Михайловна Шестакова.

Я приехал пораньше в Таксимо, чтобы подготовиться лететь на вертолёте вместе с отрядом Аркадия в вершину Падоры, Лена должна была подъехать позднее, а Миша в начале лета отправился с мамой Наташей и ее мужем Сергеем на БАМ в посёлок Леприндо. Договорились о сроках, чтобы к полёту в вершину Падоры собраться вместе.

Сергей занимается изучением гольцов на территории Байкальской горной области. В том году он отправился в поселок Леприндо, чтобы посетить ряд близлежащих озёр, где водились

гольцы. В начале июля Сергей должен был закончить свои дела, и они с Наташей собирались возвращаться в Москву самолётом из Тынды. Договорились, что Лена в назначенный день прибудет в Лепринда и заберёт Мишу. Этот день был выбран с запасом на непредвиденные случаи. Но, как оказалось, «запас» был маловат.

Сквозного движения поездов по БАМу тогда ещё не было. Поезд шёл из Северобайкальска до посёлка Ангаракан, располагавшегося в 10 км к западу от портала прокладываемого Северомуйского тоннеля. Далее надо было на машине переезжать через перевал в Окусикан у восточного портала тоннеля. Оттуда уже поезд шёл дальше на восток. Единственный поезд между станцией Окусикан и Тындой шёл две ночи, отстаиваясь на день в Новой Чаре, чтобы не мешать подготовке к вводу железной дороги в постоянную эксплуатацию. Сейчас подобное невозможно: согласно современному законодательству до ввода дороги в постоянную эксплуатацию по ней разрешена перевозка только грузов, необходимых для строительства и обустройства самой дороги. После сильных дождей полотно размыло, и поезда не ходили больше двух суток.

В ожидании поезда Лене пришлось ночевать в Окусикане. Оттуда позвонила на станцию Лепринда, описала ситуацию и попросила телефонистку разыскать родных и сообщить им, что она задерживается. На всякий случай оставила в Окусикане записку, если Наташа с Сергеем позвонят туда. С этого времени все телефонные станции и дежурные по станциям от Окусикана до Лепринда включились в процесс организации связи между Леной, мной и Наташей с Сергеем, пытаясь нам помочь. Такие небезразличные люди в то время работали на БАМе!

Когда Лена приехала в Таксимо, и мы обратились к дежурному по станции, там уже знали о нашей проблеме. Нам сообщили, что в Лепринда нашли наших родных, где они базировались на метеостанции. Наташа с Сергеем не могли задерживаться в Лепринда, так как у них были билеты на самолёт из Тынды. Поменять билеты или купить другие в летний период на БАМе не было никакой возможности. Лена ехала в Лепринда на том же поезде, на котором Наташа с Сергеем, должны были ехать в Чару и там пересаживаться на поезд в Тынду. И это был последний из трёх воз-

можных дней Лениного приезда, когда еще можно было передать Мишу «из рук в руки», а не оставлять, как пришлось договариваться, у надежных знакомых на метеостанции до приезда бабушки. Миша очень боялся оставаться один у малознакомых ему людей, и беспокоился, что баба Лена его не найдёт. Он понуро стоял на перроне, и решил, как он потом сознался, в последний момент заскочить к ним в поезд. Последствия этого для нас были бы весьма проблематичными.

Когда поезд прибыл в Леприндо, Лена чуть не прозевала станцию, выскочила на перрон, когда Наташа уже решила, что и на этом поезде ей приехать не удалось. Все предыдущие дни до того, как появлялась хоть какая-то информация (кстати, телефонистка разыскала Наташу с Сергеем у знакомого Сергею начальника мехколонны, где они были в это время в гостях), они этот поезд встречали в надежде, что хоть сейчас Лена уже приедет. Радость Миши, да и не только Миши, была неописуемой! Все вместе доехали до Чары, откуда с разницей в час тем же вечером разъехались: одни в Тынду, другие в Таксимо. Телеграмму от меня о времени вылета вертолета Лене в Чаре принесли в кафе, где все увлеченно ели мороженое, хотя посылал я её в Леприндо. Нас тогда поразила готовность совершенно незнакомых людей помогать нам.

Проблема с передачей Миши разрешилась! Но возникла проблема у меня. Нам выделили вертолёт, который ждать не будет, как раз в день приезда Лены с Мишей. И вот я на перроне, волнуясь, жду поезда из Чары и молю бога, чтобы он не опоздал. К нашему счастью, поезд прибыл вовремя. Мы сразу отправились в аэропорт, где вертолётчик уже разогревал мотор. Аркадий со своим отрядом уже погрузился. Мы быстро последовали его примеру и через час выгружались на наледь в вершине Падоры.

Арендовать вертолёт нам помог главный геолог Таксиминской партии Евгений Алганаевич Намолов. С ним же договорились о сроках, когда он отправит нам вертолёт для возвращения. Евгений Алганаевич и Мария Михайловна Намоловы – замечательные гостеприимные люди, готовые всегда оказать посильную помощь! Они не раз выручали нас с транспортом, мы останавливались у них при заезде на полевые работы и выезде с них. Большая удача, когда на твоем пути встречаются такие люди!

Залетели мы в вершину Падоры в начале июля. Высадились в верхнем конце наледи у границы леса в долине и установили табор у крутого склона горы, заросшего густым стлаником. Лёд на наледи уже почти полностью сошёл, лишь у её края под тенью моренного вала сохранился длинный мощный снежник, который не растаял до нашего вылета. В средней части растаявшей наледи из-под воды выступали валуны, по которым её легко было преодолевать.

Так как работать здесь мы собирались около двух месяцев, то устроились капитально. Поставили палатки с печками и нарами, кухню оборудовали навесом и столом. Аркадий в ближайшем стланике соорудил даже подобие туалета. У края наледи в 100–120 метрах от табора оборудовали баню из палатки.

По периферии рос мелкий кустарник и голубичник, усыпанный ягодами, которые вскоре после нашего прилёта стали быстро созревать. По сухим протокам росли в большом количестве маслята и прочие съедобные грибы. Причём только мы их соберем, а уже через два-три дня вырастало новое поколение.

В реке в изобилии плескались хариусы. В самом начале работы я решил выделить день для рыбалки, чтобы сделать запас рыбы. За полдня я поймал 180 штук! Вечерами, придя из маршрута, мы прямо у табора вылавливали по 15–20 штук. Так что наше меню было постоянно с рыбными блюдами. Утром Лена угощала нас жареными хариусами, которых мы брали и в маршруты на обед, вечерами баловались малосольной рыбой.

Отправившись в маршрут на озеро Падринское, расположенное в пяти километрах от табора, мы взяли рыболовную сеть. Поставили её, и пошли по своим делам, а на другой день вытащили. Кроме хариусов в сеть попалось несколько необычных рыб с красной окраской. Раньше я таких рыб не видел. Как узнал потом, это были гольцы. Один из них поразил нас необычными для этого места размерами. Он весил более двух килограммов. Гольцы были намного вкуснее хариусов. Но удалённость озера и необходимость ходить в маршруты в другие стороны, не позволили нам больше насладиться этой вкусной рыбой. В общем, место оказалось благодатным! Погода тоже в основном нас «баловала», дожди были редкими.

Обычно около восьми часов утра мы уходили в маршруты, а женщины и дети оставались на таборе. Возвращались, в зависимости от результативности маршрута, его трудности и погоды в шесть-десять часов вечера. Из оружия у нас была только ракетница, которую мы оставляли на таборе для защиты женщин и детей.

Я быстро обследовал ближайшие склоны. С каждым днём подходы к маршрутам становились всё длиннее, приходилось уходить всё дальше. К самым дальним маршрутам надо было идти шесть-восемь километров. По долине Падоры подходы были нетрудными. От табора после небольшого перелеска располагалась широкая наледь длиной около пяти километров. Лёд уже растаял и валуны торчали так густо, что, прыгая по ним, можно было бежать, как по мостовой. Подходы в этом направлении занимали мало времени. Но в маршрутах приходилось подниматься по крутым скалистым или покрытым крупными глыбами склонам до тысячи метров.

После подхода к началу маршрутов начинался подъём. Низы склонов обычно покрыты крупными глыбами либо конусами выноса, часто стлаником. Обливаясь потом, мы быстро поднимались к скалам. Самое отвратительное было в солнечный безветренный день преодолевать заросли стланика. Создавалось впечатление, что он аккумулирует жар. А во время его цветения поднималась туча желтой пыльцы, которая садилась на мокрое лицо. Да ещё при этом вокруг вилось облако комаров, каждый из которых жаждал напиться нашей кровью. Какое наслаждение, если подует ветерок!

Наконец достигали скалистых обнажений. Здесь обычно какое-то время можно отдышаться. Хорошо, если по скалам струилась вода, можно было умыться, охладить разгоряченное лицо. Дальше мы не спеша поднимались вверх. Я проколачивал скальные выступы, рассматривал отбитые обломки, решал, какие из них надо брать с собой. Через определённое расстояние, чаще всего в интересных для меня местах или для взятия пробы, я садился описывать пройденный участок, наколачивал своей кувалдой кучу обломков. Толя отбивал с них корочки выветривания, чтобы проба была достоверная, этикитировал образцы, заворачивал их в бумагу и укладывал в рюкзаки.

Часто приходилось карабкаться по щелям в скалах, либо по скалистым гребням, преодолевать «живые» каменные потоки (так называемые курумы). Часть маршрутов надо было делать за водоразделы. В этих случаях приходилось к началу маршрута подняться на водораздел, а потом маршрутом спускаться по противоположному склону. Затем, также маршрутом, уже нагруженными камнями подниматься на водораздел и пустым ходом спускаться к табору. То есть работа была не из лёгких! А надо было успеть исследовать как можно большую площадь. Ведь забраться сюда, как я думал, больше не придётся.

Когда приходило время обеда, выбирали место поудобнее. Надо, чтобы были вода, дрова, место для костра и для нашего размещения. Да и обзор желательно, чтобы был отличный. В некоторых маршрутах такое место выбрать затруднительно: есть вода, нет дров или наоборот, скальники, где нет места для костра и негде сесть. Тогда обед мог запаздывать на несколько часов. Лучше всего обед на вершинах, благо снежники там постоянные. Какое наслаждение пить горячий чай, любуясь видами! Ты как будто паришь над горами! Тишина до звона в ушах, и полное безлюдье! Вспоминаются строки: «Отсели я вижу потоков рожденья…» и так далее! Меню было обычным: пачка «Доширака», банка тушенки и банка сгущенки, сухари, чай, сахар, соль. Доширак заливали кипятком, добавляли туда тушенку. Затем чай «на три Г» (горький, густой, горячий) со сгущёнкой или сахаром. На десерт обычно делали «мороженое», смешивали остатки сгущенного молока со снегом, охлаждая себя изнутри.

Благодаря хорошей обнаженности в скалистых склонах и водоразделах, я смог детально изучить внутреннее строение древних вулканов от глубоких корней до палеовершин, последовательность их образования и взаимодействие с осадочными отложениями. Результатами нашей работы были данные о древних вулканических постройках. Как я установил, они имели форму конусов, где перемежались вулканиты основного и кислого составов. Магма основного состава, как более подвижная, текла по склонам, захватывая обломки предыдущих извержений. Реже происходили взрывы, образуя весьма разнообразные туфы. Обломки более ранних пород и куски магмы самой разной, часто причудливой формы разлетались

на значительные расстояния. Магма кислого состава более вязкая. Поэтому она образовывала короткие потоки, чаще выбрасывалась из жерла взрывом. Обычно поднимались над вулканами тучи пепла, которые рассеивались на значительные расстояния, смешиваясь с речными и озёрными осадками. Иногда соседние вулканы одновременно извергали магму разного состава. Обломки их смешивались, образуя гибридные туфы. Эрозия вскрыла подводящие каналы округлой (штоки) или вытянутой (дайки) формы, по которым магма прорывалась на поверхность. Происходило чередование извержений магмы разного состава. В подводящих каналах они часто, чередуясь во времени, прорывали друг друга. В общем, накапливались данные, позволявшие реставрировать «дела давно минувших дней». Для меня каждый маршрут был интересен, так как открывал что-то новое в строении палеовулканов, а для постороннего наблюдателя – рутинная однообразная работа.

Из полезных ископаемых было только проявление горного хрусталя. Его в своё время разведывали и назвали ручей, в бассейне которого оно располагалось, «Хрустальный». Канавами вскрыты кварцевые жилы, на стенках пустот и трещин которых выросли щётки кристалликов прозрачного кварца. Но, так как они были мелкими (до пяти миллиметров), то проявление было забраковано.

На водоразделе Падоры с Малым Гукитом и Догалдыном стоял отряд Иркутской геологосъёмочной экспедиции, который занимался оценкой проявлений золота. Для того, чтобы обследовать этот участок, мы с Толей, прихватив Мишу, отправились на несколько дней к коллегам. Встретили нас доброжелательно, устроили в палатку, накормили. Мы прожили у них три дня, сделав маршруты в вершину Малого Гукита.

На обратном пути начался дождь. Мы достали накидки, но всё равно по кустам и траве до пояса быстро промокли. У Миши намокшие штаны сползали, и он стал отставать. Тогда Толя посадил его на спину и большую часть пути нёс на себе.

Раз в неделю мы устраивали «выходной», топили баню, заготавливали дрова, обрабатывали собранный материал, обсуждали с Аркадием полученные результаты.

Однажды, возвратившись из маршрута, мы застали на таборе большое возбуждение. Все наперебой стали рассказывать, что

вблизи табора был медведь, и как все мужественно держались. В конце концов, как мы поняли, события развивались следующим образом.

Когда мы ушли в маршрут, Лена отправилась в стланик, где был оборудован туалет. Только она там устроилась, как почувствовала сбоку чьё-то присутствие. Повернулась, густые заросли стланика мешали обзору, сделала шаг вперёд и увидела, что почти рядом, не обращая на неё внимание, опустив морду, что-то ищет медведь. Ветер был от него, и он не чуял человека. Подхватив руками штаны, Лена молча, чтобы не побеспокоить медведя, побежала на табор. Выбежав на открытое место, она закричала, что близко в кустах медведь. Всё население табора выскочило из палаток. Возникла дискуссия, что делать. Молодёжь настаивала на радикальных мерах: стрелять из ракетницы вверх, чтобы напугать медведя. Женщины утверждали, что это может раздразнить медведя, и он придёт выяснять отношения. Они настаивали на шумовом эффекте. Победили взрослые. Все дружно устроили какофонию на кастрюлях и тазах. Но медведь не проявил никаких признаков присутствия. Мы сказали, что, судя по такому поведению, медведь просто шёл по своим делам, а при таком обильном урожае ягод, который был в том году, он ведёт себя мирно и избегает встреч с человеком.

Далее продолжалась обычная работа. Лена вставала первой и часто видела на той стороне реки, где были обширные ягодники (вероятно, медведь и шёл туда), качающиеся кусты, а иногда там мелькало что-то бурое. То есть медведь подходил к реке. Это было где-то в 30–50 метрах от палаток. Но когда начиналась активная жизнь на таборе, его присутствие не обнаруживалось. По-видимому, он удалялся от шумных соседей подальше. Другими словами, у нас с медведем установилось мирное сосуществование. В своих походах мы старались обходить место пастбища медведя, а он избегал нас. В общем, это сосуществование продолжалось почти до нашего вылета. Только под конец работы произошла встреча с ним.

Мы с Толей возвращались из маршрута по тропе за моренным валом, за которым располагался табор. Уже подходя к табору, на тропе увидели медвежью кучу, явно только что возникшую, и дальше свежие следы медведя. Видимо, он услыхал нас, когда мы

были совсем близко, испугался и решил дать дёру. А медведи при испуге стремятся облегчить свой вес, чтобы быстрее бежать. Думаю, про «медвежью болезнь» многие слышали. Я предупредил Толю, чтобы о присутствии медведя уже в другой стороне от табора он не говорил.

Сели ужинать, и Миша захотел на десерт сделать «мороженое» – смесь сгущенного молока со снегом. Для этого надо было идти к снежнику в сторону банной палатки. В её сторону и убежал от нас медведь. Я подумал, что он уже далеко, но на всякий случай пошёл с Мишей. Снежник был на половине пути до банной палатки. Когда мы были уже у снежника, я увидел метрах в пятидесяти у края моренного вала медведя.

– Давай быстро возвращайся на табор, – как можно спокойнее, но достаточно напряжённо сказал я Мише. А сам решил остаться прикрывать его отход.

Миша с удивлённым вниманием смотрел на меня, не понимая, почему вместо изготовления мороженого надо быстро возвращаться обратно.

Но медведь учуял нас и прыжками понёсся прочь вниз по долине.

– Посмотри, Миша, медведя, – тогда уже веселее сказал я ему. Но Миша не стал его рассматривать и шустро поспешил к табору, забыв про «мороженое». Я пошёл к банной палатке и увидел, что она разорвана пополам. Так медведь отомстил нам за то, что мы его напугали.

К этому времени уже стали созревать шишки на кедровом стланике. Медведь, по-видимому, решил покинуть ягодную поляну и перейти на питание шишками. Это главная пища медведей для набора жира на зимовку. А шишки раньше созревают в нижних частях долины. Медведь, похоже, туда и направлялся. Больше на этом таборе до конца работы присутствия медведя мы не замечали.

В течение всего полевого сезона мы ни разу не слышали звука вертолёта. Наступил день, когда по договору с Евгением Алганаевичем за нами должен прилететь вертолёт. С утра все прислушивались, не послышится ли звук его мотора. Но всё было тихо. Вдруг после обеда услышали долгожданный рокот. Мы бросились собираться: сворачивать спальники, вытряхивать золу из печек, разбирать трубы, укладывать рюкзаки. Показался вертолёт. Он летел почти на нас, но почему-то не снижался. Так и пролетел мимо.

На таборе воцарилось унынье. Но через некоторое время все оживились, решили, что горевать не стоит, часто вертолёт не прилетает в намеченный день. Ожидание его – занятие тоскливое. Всё время надо быть начеку и с табора не отлучаться. К вечеру началась непогода с перерывами. Прошло три дня. Возникла перспектива «голода», так как продукты кончались. Правда, оставались неограниченные запасы рыбы, ягод и грибов.

Чтобы заполнить время, я решил набрать в Иркутск голубицы. Благо в десятках метрах от палаток рос голубичник, синий от ягод. За несколько часов я набрал полное ведро. Толя тоже решил запастись ягодой. Минут через двадцать возвратился с полным ведром. Мы с удивлением спросили, как он так быстро сумел набрать ведро ягод. Оказалось, что он подставлял ведро под куст и с силой его тряс. Ведро быстро наполнилось, но ягода была наполовину с листьями. Долго он их разделял. Миша придумал выпускать ежедневную газету о нашем житье-бытье, а Алёша её иллюстрировал.

Наконец погода установилась, и прилетел вертолёт Ми-2. Он не мог забрать нас всех. Поэтому отправили с ним только женщин и детей. На другой день прилетел Ми-8 и забрал нас вместе со всем грузом.

Из Таксимо женщин и детей отправили в Иркутск, а сами продолжили маршруты по бортам долины Келяны. Дома я оказался только в конце августа.

1990 год (М)

Полевые исследования в 1989 году у меня опять выпали из-за болезни. Вдруг стали сильно болеть плечевые суставы. Я пошёл в поликлинику к хирургу, и он рекомендовал мне максимальный покой для плечевых суставов. Я держал их в покое до того, что возникла контрактура, стало проблемой даже ложку ко рту подносить.

Лена помогла мне попасть на консультацию к доктору медицинских наук в институт травматологии и ортопедии. Там сделали рентген, обнаружили в кости руки затемнение и решили, что у меня саркома. Доктор медицинских наук сказал, что нужна срочная операция. Но на всякий случай рекомендовал поехать в Томск, где есть онкологический центр, на консультацию.

В Томске у нас живёт школьный друг Слава Малянов, тогда он был деканом радиотехнического факультета Томского университета. Мы с Леной приехал к нему со своей бедой. Оказалось, что у него есть хорошие друзья в онкологическом центре. Он связался с ними, и я попал на консультацию к лучшему специалисту по саркомам. Там сделали рентген и никакой саркомы не обнаружили. Оказалось, что в Иркутске сделали снимок неправильного ракурса, потому на снимке возникла тень на кости, которую признали саркомой. Мы, конечно, были безмерно счастливы. Рекомендовали мне через боль делать интенсивные движения в плечевых суставах. Я стал по нескольку раз на дню заниматься лечебной гимнастикой, которую Лена нашла в книгах. Через боль стал пытаться вдоль стенки поднимать руки максимально вверх, старался делать вращательные движения в плечах и т. п. Постепенно контрактура ослабла, а потом полностью исчезла. Руки стали действовать, как и прежде. Но ещё один полевой сезон для меня был потерян.

Несмотря на болезнь, я продолжал преподавать в университете и по совместительству работать в ВСНИИГГиМСе в должности старшего научного сотрудника в теме «Составление карты магматических формаций юга Восточной Сибири и северной части Монголии». В 1989 году эти работы закончились изданием карты и объяснительной записки к ней.

В 1990 году в ВСНИИГГиМСе была открыта тема: «Разработка схемы магматизма, как основы рабочей легенды Муйской серии листов Государственной геологической карты РФ масштаба 1 : 200 000», где я стал работать в должности старшего научного сотрудника на полставки.

В этом же году Бодайбинская поисково-съёмочная экспедиция проводила работы по геологическому доизучению северной части Средне-Витимской горной страны масштаба 1 : 50 000 (ГДП-50). В помощь партии, проводившей эти работы, Бодайбинская экспедиция заключила договор с ВСНИИГГиМСом по изучению северной части Падринского прогиба, где я уже проводил исследования в 1988 году. Соответственно, эту работу поручили мне.

До площади работ можно было добраться только вертолётом. Обеспечить доставку до места исследований должна была Бодайбинская экспедиция.

В качестве рабочих я взял четырёх студентов второго курса для прохождения практики: два Серёжи, Саша и Юра. Чтобы различать Сергеев, одного, ярко выраженного блондина ребята звали «Серёжа белый», ну другого по аналогии – «Серёжа серый». Таборщицей была принята моя жена – Лена. Мы, как обычно, взяли с собой внука Мишу.

Мне была выделена автомашина с шофером. Он мне сразу не понравился. Видно было, что это человек нагловатый, активно выпивающий.

Чтобы кое-что сделать ещё и для темы, решил ехать до Бодайбо машиной. Оптимальный вариант, как я думал, – ехать на машине по известной мне дороге через Баргузинскую долину до Уояна, затем через Таксимо до Бодайбо с маршрутами в интересных мне местах. Лена должна была прилететь самолётом в Бодайбо, где мы наметили день встречи. Погода стояла солнечная. Я думал, что мы беспрепятственно переедем р. Баргузин.

Шофер взял у меня денег на покупку необходимого ему в дороге снаряжения. Выехали поздно, и потому пришлось заночевать на берегу Байкала. Поставили две палатки: одну для меня с Мишей, другую для остальных. Устроились. Я уже стал засыпать, как услышал шум, громкий разговор в соседней палатке. Пошёл посмотреть, что происходит, а там пир горой. На выданные мною деньги шофер купил пару бутылок водки и организовал ребят на выпивку. Я приказал прекратить это безобразие. Утром провёл воспитательную беседу с ребятами, а шофера предупредил, что при повторении пьянки я его отправлю в Иркутск за свой счёт. Попрошу прислать водителя на замену. Всех предупредил, что наличные выдавать не буду, питание будет котловое.

Отправились дальше. При въезде в Баргузинскую долину начался дождь, который вскоре превратился в ливень. Я понял, что вода в Баргузине поднимется и переправиться через него будет невозможно. Ждать, пока кончится непогода и спадёт вода можно очень долго, а время уйдёт. Мы развернулись и поехали до Култука. Баржа, которая возила технику на БАМ, ещё не вернулась из Нижнеангарска. Я оформил машину с шофером на баржу, снабдил минимальными ресурсами для пропитания и приказал ждать её. Сами поехали до порта Байкал на «Мотане». Так называется у

местных жителей поезд Слюдянка – порт Байкал. Ввиду неухоженности путей, этот поезд в пути прилично качало. Отсюда и название. В Порту Байкал сели на «Комету» и через десять часов были в Нижнеангарске.

Приплыв в Нижнеангарск, увидели там баржу, на которой должна была приплыть наша автомашина. Я сразу понял, что дело плохо. Так и оказалось, баржа сломалась и ремонтировалась. Пришлось устраиваться в гостиницу, за которую надо было платить из своего кармана. Считалось, что мы находимся на полевых работах, потому живём в палатках и получаем за это так называемые «полевые надбавки». Следовательно, гостиница нам не может быть оплачена. Чтобы не терять времени, я стал ходить со студентами в маршруты вокруг Нижнеангарска и Северобайкальска.

Наконец прибыла наша машина. Мы заправились под завязку бензином и отправились в путь вдоль БАМа. До Бодайбо, сделав несколько остановок и маршрутов, добрались без приключений. Лена была уже там. Я отправился к руководству экспедиции, чтобы нам нашли место для ожидания вертолёта.

Ребята расположились в общежитии для рабочих, которые в это время были в поле. Можно представить, какой вид имела выделенная им комната! Ряды коек, покрытые рваными матрацами, повсюду остатки пиршества перед отправкой в отряды, и огромные полчища мух! Меня с семьёй приютила минералог из Иркутска, у которой на базе был отдельный домик. Все мухи из него были выселены, и вход для них был воспрещён.

Я пытался организовать ребят на борьбу с беспорядком и мухами, но они предпочитали бездельничать. Первой задачей было расстаться с шофером, зная его наклонности, и, соответственно, с машиной. Отправлять его в долгую дорогу обратно своим ходом я не решился. Поэтому пришлось устроить машину с ним на баржу, которая должна была плыть до Усть-Кута, снабдив его минимальными средствами для жизни.

В Бодайбинской экспедиции было большое количество отрядов. Чтобы работа у них шла без остановок, им требовался вертолёт. То есть он был нарасхват. А тут ещё мы вклинились! Вроде бы она должна нас обеспечить транспортом, но ей важнее обеспечить вертолётом свои отряды. Каждое утро я отправлялся в экспе-

дицию, где меня заверяли, что при первой возможности нам выделят вертолёт. Дни шли, а мы ждали эту возможность, находясь в готовности № 1. Стояла жуткая жара, ветер поднимал тучи пыли, мухи не давали спокойно жить и спать. Ребята стали роптать от такой жизни. Приходилось их уговаривать потерпеть ещё немного. В общем, сплошная нервотрёпка.

Уже была вторая половина июля, когда, наконец, черёд дошёл до нас. По-видимому, я руководству порядком надоел. Когда вертолёт потребовался в отряд, работавший вблизи вершины р. Падора, нас по пути забросили на табор, который был у нас в 1988 году.

Мы договорились с руководством партии, по заданию которой работали, что вертолёт за нами прилетит 20 августа. При сборе на полевые работы встал вопрос связи. Я посчитал, что договоренность с руководством этой партии твёрдая и рация нам ни к чему. Но Лена настояла, чтобы я взял у них рацию, что нас в дальнейшем и выручило.

Устроили лагерь и приступили к работе. Я с ребятами ходил в маршруты, собирал материал по неясным вопросам геологического строения Падринской вулканно-тектонической структуры. Лена с Мишей оставались на таборе, готовили нам еду.

Каждое утро и вечер мы слушали переговоры отрядов партии, на которую мы работали, и были в курсе напряженного состояния с вертолётным транспортом у них. Но Лену беспокоил вопрос, как выбраться отсюда к концу отпуска. Ясно было, что вертолёт для вывозки Лены нам вряд ли выделят. Один из отрядов партии стоял в 5 км от нас на Падринском озере. Другие отряды базировались на значительном расстоянии. По рации мы услыхали, что за отрядом на Падринском озере завтра будет вертолёт. Это была единственная возможность Лене улететь. Утром они с Мишей собрались и отправились в этот отряд. Путь туда был нами много раз хоженый, большей частью проходил по тропе без особых препятствий. Местность открытая. Признаков присутствия медведей в округе мы не встречали. Я предложил их проводить.

– Что мы сами не дойдём, дорога нам известная, – заявила Лена.

Я подумал, что действительно дорога знакомая, место открытое, а у озера уже есть люди. Погода пока стояла хорошая. Меня

беспокоило возможное длительное ненастье, что часто случается в этих краях. Тогда могли возникнуть трудности с выполнением задания. Чтобы не терять времени, я с ребятами отправился в маршрут. Специально выбрал его, чтобы просматривать весь путь моих родных. С высоты, куда мы поднялись, видна была почти вся дорога к Падринскому озеру. Пронаблюдали, как две маленькие фигурки двигались вверх по долине, почти до самого озера.

Обещанный вертолёт в этот день не прилетел. Лена с Мишей переночевали у геологов. Но на другой день его тоже не было. Отряду сообщили, что вертолёт будет через два дня. Лена с Мишей вернулись на наш табор. Через два дня снова отправились на Падринское озеро.

Когда прилетел вертолёт, то вертолётчики их не хотели брать, как не работников отряда. Но Лена с Мишей, несмотря на их противодействие, «с боем» забрались в вертолёт и не хотели выходить. Не выбрасывать же их силой! Пилотам ничего не оставалось делать, как увезти их в Бодайбо. Тем более что это им ничего не стоило.

Я со студентами продолжил маршруты. Условия их подробно описаны в разделе 1988 год Каждый день брал по переменке двух ребят и шёл с ними в маршрут. Погода стояла солнечная, и я стремился, как можно больше территории охватить маршрутами и детальнее изучить строение древних вулканов, зная, что уже больше сюда не попаду.

В маршрутах я уточнял данные, которые собрал в 1988 году, продолжал выявлять и исследовать новые палеовулканы, искал взаимоотношения разных пород и т. п.

Но вот наступило 20 августа, когда по договоренности должен был прилететь за нами вертолёт. Мы прекратили работу, упаковали камни и пробы, собрали всё лишнее имущество и заскладировали его на вертолётной площадке. Стали ждать обещанного вертолёта. Погода стояла отличная. На небе целыми днями ни облачка. Каждое утро я связывался с руководством партии. Оно «кормило меня завтраками» либо сообщало о возможности прилёта вертолёта сегодня. Но проходили день за днём, а горизонт был чист. Как всегда в таких случаях, у нас были «ушки на макушке», ловили каждый звук, пытаясь услышать в звонких трелях бегущей по камням воды и шелеста ветра в кустах, далёкий гул вертолёта.

Но ничего не было слышно. Полное безделье, кроме приготовления еды и рыбалки, не дальше 100 метров от табора, заняться нечем. Можно ещё полакомиться голубицей.

Чтобы занять ребят, я стал им читать лекции. Каждый день после обеда мы рассаживались вокруг костра, и я рассказывал им, что помнил из различных дисциплин геологии. Расположил лекции в последовательности, как их преподают на факультете. Каждый день рассказывал им по одной из дисциплин. Начал с общего строения Земли, затем рассказал о минералогии, палеонтологии, литологии и т. д.

28 августа с утра резко усилился ветер, из-за хребта показались тёмные облака, которые вскоре опустились до 100–200 метров над днищем долины. Периодически шёл мелкий, нудный моросящий дождь. О вертолёте не могло быть и речи. Быстро похолодало. По утрам на воде появлялся ледок. Пришлось сидеть в палатках и топить печки. На тепло собирались со всей округи мухи. Весь день они гудели в палатке. Выгнать их было невозможно. Они упорно не хотели лететь на улицу. На ночь мухи собирались в правильный круг 15–20 сантиметров в поперечнике на палатке над печкой, а также вдоль конька палатки и там застывали. Прежде, чем затопить печь, я собирал их и выбрасывал на улицу. Но на следующее утро их снова было столько же.

31 августа дождь сменился снегом, который с переменным успехом валил днём и ночью. Облачность висела над долиной также не выше ста метров. Продукты катастрофически убывали. Правда, рыба «озверела» и стала кидаться на любую мушку. Рацион стал преимущественно рыбный. Но надолго ли? Вот-вот река покроется льдом, и рыба отправится на зимовку в озеро. Что делать? Вначале я думал сложить всё имущество на посадочной площадке и выходить налегке в отряд, который располагался в тридцати километрах. Но каждый день была вероятность, что непогода кончится и прилетит долгожданный вертолёт. А когда снега в горах стало выше колен, то выходить пешком стало невозможным.

От переживаний у меня обострилась язва желудка. Начались боли. Тогда я подумал, что могу обоснованно вызвать санитарный вертолёт. 9 сентября я послал соответствующую телеграмму. В это время в Бодайбо находился другой отряд нашей темы во главе с

начальником В. И. Переляевым. Как я узнал потом, он, получив мою радиограмму, стал настаивать на санрейсе, пообещав его оплатить. Это вертолётчиков подвигло на выполнение рейса.

10 сентября проснувшись утром, увидели, что обстановка в погоде не изменилась. Также долина на высоте 100–200 метров была закрыта плотной пеленой туч, и сыпал редкий мелкий снежок. Мы решили, что вертолёта ждать бесполезно. И вдруг послышался шум мотора. Снизу по долине под облаками, т. е. на высоте 100 метров крался вертолёт. Пока он крутился, прицеливаясь на посадку, мы свернули спальники, вытряхнули угли из печек, сняли палатки и всё сносили на площадку. Вертолёт сел, не выключая мотора. Вышел командир. Я крикнул ребятам, чтобы грузили вещи в вертолёт. И тут командир мне говорит:

– Я выполняю санрейс, могу взять только больного.

– Да Вы что, – возмутился я, – как я могу оставить ребят, из еды осталось всего 12 банок тушенки! Я не полечу тоже. Давай, ребята, выгружайте обратно!

– Ну ладно, – смиловался командир, – но груз не возьму.

– Хорошо, складываем всё в кучу, – приказал я ребятам, – закрываем брезентом, придавливаем края.

Командир поговорил со вторым пилотом.

– Ладно, грузите всё.

Мы быстро забросали имущество в вертолёт, расселись сами. Вертолёт поднялся и под тучами полетел вниз по долине. Чем ближе к Витиму, тем выше летели над днищем долины. Тучи оставались на одной высоте, а днище долины как бы опускалось. Над Витимом мы уже летели достаточно высоко, хотя вершины ещё были выше трассы полёта. Ближе к Бодайбо облачность стала менее плотной, появились просветы, а снег прекратился.

Когда вертолёт сел, к нему подъехала машина скорой помощи. Я сел в неё и отправился в больницу, а ребят с грузом забрал В. И. Переляев. В больнице врач выслушал меня.

– Надо провести обследование, – сказал он, – ложитесь в больницу на три дня.

– Вы знаете, у меня жена врач, я сяду в самолёт и к вечеру буду в Иркутске, где и проведут обследование. Зачем я буду здесь лежать. Всё равно лечиться я буду в Иркутске. Поэтому отпустите меня.

– Ладно, подпишите бумагу, что Вы отказались от обследования.

Я подписал эту бумагу и провёл ещё три дня в Бодайбо, пока отправляли груз и ребят. А язва, как только кончились переживания, успокоилась и через день перестала меня тревожить. Так что я 14 сентября оказался дома, где в домашних условиях мне провели профилактическое лечение.

1991 год (М)

В 1991 году я продолжал работать в теме «Разработка схемы магматизма как основы рабочей легенды Муйской серии листов Государственной геологической карты РФ масштаба 1 : 200 000», где оставался на должности старшего научного сотрудника на полставки.

На полевые работы мне была выделена автомашина ГАЗ-66 с будкой. Шофер Володя безоговорочно выполнял свои обязанности, хозяйственные работы, а при необходимости был за повара. В помощники мне выделили старшего лаборанта Виталия, окончившего геологоразведочный техникум. Все работы он выполнял добросовестно, тяготы полевой жизни переносил безропотно, хотя особого интереса к работе не проявлял, и работать в геологии не собирался. Таким образом, мой отряд состоял из трёх человек.

Решили ехать до Таксимо своим ходом, получили снаряжение, закупили продукты и отправились в путь. Дорога до Усть-Кута была отличная. А дальше она была ухабистая, лишь изредка попадались относительно неплохие участки. Бамовцы уже прекратили работы, ухаживать за ней стало некому.

Пересекли Байкальский хребет и подъехали к месту, где раньше в бассейне р. Гауджикит был большой посёлок строителей Даванского туннеля с магазином и столовой, а там вместо него лишь обширная ровная голая площадка. Оказывается, так как строительство туннеля закончилось, его строителей со всем имуществом и техникой перебросили на новое место.

В долинах рек Гоуджекит и Тыя 70-километровый участок дороги неожиданно оказался частным. Какой-то предприимчивый деятель арендовал его у местной власти, обязуясь содержать в порядке. За проезд он брал мзду. Поставил шлагбаум и двух охранников. Расценки зависели от типа машины. Пришлось раскоше-

литься. Квитанций они, естественно, не выдавали. Правда, дорога на этом участке была неплохая. В Нижнеангарске залили четыре бочки бензином, заправили баки и отправились в Таксимо. До Нового Уояна дорога была относительно сносной. Дальше она состояла почти из сплошных ухабов. Будку качало, как на качелях.

В Таксимо располагалась Таксиминская поисково-разведочная комплексная партия. Коллектив её был дружный, так сказать «семейный». Нас они всегда встречали приветливо и, как могли, помогали. Особенно хочется отметить супругов Марию Михайловну и Евгения Алганаевича Намоловых, встречавших нас, как друзей. В то время Евгений Алганаевич был главным геологом партии. Он помог нам поселиться в доме на базе их партии. Там уже располагался А. М. Станевич со своим сотрудником. Оказалось, что у нас намеченные участки исследований пространственно совпадают.

Решили вместе добираться до места работы. Договорились с Евгением Алганаевичем, что в условленное время он пришлёт за нами на устье Падоры вертолёт.

Первый пункт был в устье ручья Каменный – левого притока Витима. Погода стояла хорошая, и мы решили ехать туда на нашей машине. Экзотичная дорога через долины Адянов Келянского и Парамского, вдоль Северо-Муйского хребта, вокруг Парамского порога и по долине Витима описана мною раньше (см. раздел «1987 год»). Так как много дней стояла сухая погода, то мы доехали до устья Каменного без особых приключений. Оборудовали табор, и пошли в маршруты.

Мы со Станевичем собрались посетить у Парамского порога участок, где сотрудники Московского геологического института Г. С. Гусев и К^{o} нашли структуры «дайка в дайке», что считается реликтом древнего океана, и опубликовали это в печати. Нам было интересно убедиться в этом. На этот поход к нам присоединился аспирант Института земной коры Дмитрий Петрович Гладкочуб. В 1988 году, когда я первый год преподавал на геологическом факультете ИГУ, он был там студентом 4-го курса. Сейчас он уже член-корреспондент РАН и директор Института земной коры.

Когда начинаются обильные дожди в Забайкалье, откуда берёт начало Витим, вода в нём поднимается иногда на несколько метров, затапливая все косы и пляжи, подбирается к коренному

берегу и вгрызается в него. Вода насыщается глиной и становится коричневой. Скорость течения резко возрастает. Бурлящий поток с постоянно меняющейся поверхностью, резко увеличивает скорость, с шумом несёт разный хлам. Слышен грохот перекатывающихся по днищу реки камней. Иногда плывут сплетённые друг с другом корнями причудливые сооружения из деревьев, где-то подмывается лесистый берег. Они поворачиваются то одним боком, то другим, периодически ныряют в пучину и всплывают ниже по течению. Зрелище этой могучей стихии завораживает. Можно часами смотреть на разбушевавшуюся реку.

В такой период мы отправились на Парамский порог, который находился от нас в двенадцати километрах. Зная, что там есть зимовье, решили идти налегке. Благо дорога на этом участке была удалена от русла, и высокая вода в Витиме нам не препятствовала. Притоки Витима в это время подпруживались, вода в них поднималась, заливая берега. Обычно ручей Каменный легко можно было перебродить. А тут нам пришлось переплавляться через него на резиновой лодке.

Далее путь был лёгким. В одном месте дорога вывела нас на берег подпруженного ручья. Вдоль его русла образовалось проточное озеро. Вода в нём была чистой. Мутные воды Витима озера не достигали. Рыба, спасаясь от глинистой суспензии в Витиме, устремилась в подобные заводи. Вода в них буквально кишела рыбой. Мы не ожидали такого рыбного изобилия и не захватили с собой рыболовные снасти. Любуясь на рыбную карусель и «облизываясь», попили лишь чай на берегу.

Перед порогом в Витим впадает ручей Крутой, текущий в скалистом ущелье. Обычно его легко можно переходить в устье по камням. Но тут подпруженный поток образовал довольно глубокий залив Витима. Пришлось нам поупражняться в скалолазании выше по течению. Полюбовавшись с высоты на ревущий, беснующий Витим у Парамского порога, добрались до зимовья. Оно оказалось довольно просторным, и мы спокойно переночевали.

Наутро мы устремились исследовать место, где на карте Г. С. Гусева были показано наличие структур «дайка в дайке». Нас ожидал крутой склон в большей части с живыми россыпями камней между скалами. Целый день лазили по этому склону, но ниче-

го похожего на структуры «дайка в дайке» не обнаружили. Весь склон был сложен тектонитами, которые возникают при образовании разломов, когда при движении блоков земной коры на их границе породы дробятся, перетираются, а затее превращаются в милониты – тонколистоватые породы, сложенные низкотемпературными минералами. При большом желании в них можно увидеть структуры, которых там нет. Разрешив эту загадку, на другой день мы вернулись на устье Каменного.

Тем временем вода в Витиме начала спадать и стала светлой. Деревья и их сплетения уже не плыли по реке, а причалив гденибудь к берегу или острову, образовывали нагромождения высотой в несколько метров. Стало безопасно плыть по реке на резиновых лодках. И мы отправились вниз по течению до устья р. Падора. Доплыли без приключений, любуясь уже знакомыми красотами склонов долины Витима.

Устье Падоры весьма экзотично. Эта река, вырываясь из ущелья, нагромоздила по правому борту большой конус выноса, сложенный огромными валунами до трёх метров в поперечнике. В малую воду он возвышается на три-четыре метра над руслом Витима. По левому борту Падора образовала огромную ровную косу валунов шириной в 100–150 метров и протяженностью вдоль Витима почти на два километра. Кристально чистая вода Падоры растекается среди валунов на мелкие протоки. Между конусом выноса и этой косой образовалось узкое русло, которое легко можно перебродить.

Конус выноса прижимает Витим к правому борту. Огибая его, Витим вгрызается в обрывистый скалистый берег. Скалы возвышаются над руслом на десятки метров, а у подножия их образовалось глубокое улово.

Причалив к берегу, мы пошли искать место для табора. Ближе к надпойменной террасе валуны сменились узкой полоской песка, заросшего тальником. У края террасы в лесу нашли отличную ровную площадку для палаток. Оборудовали табор и начали работать. Я занялся составлением разреза вверх по Падоре.

В нижней части ущелья ещё сохранились остатки моста, по которому мы в 1987 году перебирались через Падору. Но в этом году мы уже не стали рисковать. Непроходимую часть ущелья

надо было облазить по правому борту, забираясь довольно высоко в гору, а затем спускаться к руслу, либо бродить в приустьевой части Падоры, а затем пробираться по левому борту, где можно было обойти ущелье. Выше ущелья долина расширяется, по ней можно легко идти вверх по течению. Приходилось лишь кое-где бродить с берега на берег. Перед устьем правого притока Падоры ручья Шумного долина реки вновь превращается в ущелье и надо подниматься довольно высоко в гору. Чтобы не тратить время на трудные длительные подходы и выходы, решили пойти в вершину Падоры в многодневный маршрут.

Выше ущелья Падора богата хариусами. Возвращаясь из маршрутов, обычно останавливались отдохнуть у уловов, а заодно и половить рыбу. Наловили её довольно много. Перед походом в многодневный маршрут я засолил свои уловы, а Аркадий, подержав рыбу в крепком солёном растворе, развесил на верёвочке, чтобы завялить на Солнце.

Отправились на четыре дня. В устье Шумного оказалась большая ровная площадка, покрытая густой высокой травой. Место идеальное для палатки. Там мы и затаборились.

Падора выше устья Шумного течёт по скальному ложу. Вода была низкая, по берегам образовались сухие узкие скальные площадки. Идти по ним было легко, как по тротуару, а заодно и изучать геологическое строение участка.

В устье ручья Ханко – следующего выше устья Шумного притока Падоры мы сделали ещё один выносной табор. К воде был небольшой обрывчик. Вечером после водных процедур я повесил пакет с умывальными принадлежностями на выступавший из обрывчика корень. Утром, отправившись умываться, я их не обнаружил. Куда они могли деться? Вокруг не было никаких следов людей или зверей. Заглянув под корень, я увидел там свой пакет, торчащий из углубления. Вытащил его, а там оказался вход в нору. Кто позарился на мои умывальные принадлежности, мы не установили. Хотя было интересно, что это за «чистоплотная» зверюшка.

Нагруженные камнями и снаряжением мы возвращались на базовый табор. Облезли узкую часть ущелья, усталые и мокрые от пота пришли на табор. Сбросили рюкзаки и пошли на косу к Падоре, чтобы смыть пот и напиться ледяной воды. Вышли с Арка-

дием на косу и увидели, как медведь, стоя к нам спиной на задних лапах, аккуратно снимает с верёвочки одну за другой рыбу, которую Аркадий повесил вялить, и отправляет её в рот. Уже половину верёвочки очистил. От такой наглости Аркадий рассвирепел, не раздумывая, громко нецензурно выражаясь и размахивая молотком, кинулся к нему, желая, по-видимому, вступить с ним в рукопашную схватку. Медведь от неожиданности навалил большую кучу и, не оглянувшись, ринулся от нас. Перемахнул через Падору, подняв тучу брызг, и огромными прыжками быстро скрылся с глаз. Аркадию ничего не оставалось делать, как собрать остатки рыбы и на этом успокоиться.

За оставшееся до прилёта вертолёта время я составил разрез по ущелью ручья Батракан с отбором пятикилограммовых проб на определение возраста пород. Наконец он прилетел с опозданием на два дня, в течение которых мы отдыхали, постоянно прислушиваясь, не послышится ли звук вертолёта, и рассматривали небо на юге, не покажется ли точка вертолёта. Евгений Алганаевич выполнил своё обещание. Мы быстро загрузились и через час приземлились в Таксимо, где нас ждала машина.

Пока стояла хорошая погода, я решил ещё сделать несколько маршрутов в бассейне Келяны. Там оставалось ещё несколько неясных вопросов геологического строения. На левом водоразделе ручья Золотого – левого притока р. Келяна выявили мощную вертикальную тектоническую зону, так называемый взброс, по которой был поднят блок древних пород, представлявших фундамент Байкало-Муйского вулканоплутонического пояса. Это решало вопрос о природе пород, слагавших его фундамент.

Затем отправились в бассейн ручья Среднего, правого притока Келяны. Доехали до предела дороги и остановились на старом таборе геологов Таксиминской партии, проводивших несколько лет назад поиски россыпных месторождений золота. Участок оказался бесперспективным. На старом таборе сохранились стол со скамейками, таган, колья и жерди для палатки, нары. Можно было не тратить время на оборудование табора.

Сделав пару маршрутов по бортам долины ручья Среднего, мы с Виталием отправились в длительный маршрут к его истоку. Маршрут лежал через вершину высотой более 2000 метров. Из-

рядно попотев, к середине дня мы её достигли. Там отдохнули, пообедали, полюбовались красивыми горными видами, спустились в самую вершину ручья Среднего. Там решили попить чаю, так как предстоял выход более семи километров. Спасаясь от гнуса, намазались обильно репеллентом и принялись за чай со сгущённым молоком и хлебом. Виталию, видать, вместе с молоком в желудок попала изрядная доза репеллента. Только пошли, ему стало плохо, появились боли в желудке, началась рвота. Он сказал мне, что у него была язва желудка, по-видимому, недостаточно залеченная. Я запаниковал. А вдруг будет прободение язвы?! Вытащить его на себе я не смогу. Да и помощь нужна срочная. Опять разжег костёр, вскипятил чай, крепко его заварил и дал Виталию попить. Ему стало легче. Я забрал у него рюкзак, и мы медленно двинулись дальше. Почти по темноте дошли до табора. На другой день Виталий сказал, что он чувствует себя вполне здоровым. Тем не менее, я решил быстрее вернуться в Таксимо.

Чтобы не терять время даром, я решил ещё посмотреть кое-какие геологические объекты, доступные на машине из Таксимо. Они располагались в основном вдоль дороги Таксимо – Бодайбо. У Виталия рецидивов не было, но я решил оставить его в Таксимо. Утром со студентом А. М. Станевича собрались в трёхдневный маршрут, составить разрез по р. Аикта – левому притоку Келяны. Включили радио, а там сплошные тревожные сообщения о ГКЧП. В Москве «заваруха»! Тревожно, конечно, стало. Чем там это дело обернётся. Ну а нам, что делать? Сидеть и ждать результатов?

– Посмотрим, как дело обернётся, а нам надо своё дело делать, – заявил я, – собираемся и едем, как наметили.

Приехали к месту выхода Аикты из ущелья, на конусе выноса нашли полуразвалившееся зимовье, незаметное с дороги, и там решили ночевать. Машину отправили обратно, чтобы и Аркадий мог съездить, куда ему надо. На всякий случай вещи спрятали подальше от зимовья. Мало ли кто захочет сюда прогуляться. Отправились в маршрут по ущелью Аикты. Здесь я смог составить разрез через зону глубинного разлома.

Обычно над долиной Келяны, самолёты летают очень редко. А тут один за другим над нами гудят самолёты, как одиночные, так и группами. Летят в одном направлении с востока на запад. Стало тревожно! Неужели действительно внутри страны началась

война и идёт переброска войск? Самолёты гудели и ночью! А на другой день была тишина. Мы сделали намеченные маршруты, разобравшись со строением вулканогенной толщи на этом участке и зоны глубинного разлома, вернулись в Таксимо. Там услышали, что в Москве всё кончилось благополучно. Почему в тот день летели самолёты на запад, для нас осталось загадкой.

В конце августа вершины хребтов уже посеребрил снежок, по утрам на воде появлялся ледок, лес в долинах расцвёл осенними красками. Настала пора возвращаться в Иркутск. Мы с Виталием отправились домой на машине, так как я хотел кое-что посмотреть и опробовать породы в Северо-Байкальском вулканоплутоническом поясе, который дорога пересекает по долине р. Кунерма.

По дороге до Нижнеангарска нас застала ночь. Около ручья Кирон решили заночевать. Поставили палатку на песчаной косе, около входа соорудили костерок, поужинали и легли спать. Мы беспокоились, что нам кровососы не дадут спокойно выспаться. Но ночь прошла удивительно спокойно. Когда утром вышли из палатки, то увидели на углях нашего костра шевелящуюся тёмно-серую массу толщиной в два пальца. Оказалось, что это куча мокреца. Они садились на горячие угли, погибали, а сверху на них садились новые полчища тварей. Верхние части ещё представляли шевелящуюся массу. Сколько же здесь погибло этих насекомых?! Потухший костерок и дал нам возможность выспаться!

Переехав через Байкальский хребет, мы остановились для работы вблизи устья р. Дельбичинда – правого притока р. Кунерма. Я решил составить разрез по небольшому притоку Кунермы, текущему по скалистому ложу в слабо выраженном ущелье, и отобрать пробы на различные виды анализов. В русле ручья чередовались водопадики с крутыми скатами. У подножия водопадиков, как правило, были выдолблены водой чаши глубиной до полутора метров.

Виталий продвигался впереди с 20-метровой веревкой, которой мерили расстояние. Другой конец был у меня. Когда верёвка натягивалась, Виталий останавливался, а я проколачивал это расстояние, опробовал и описывал. Так мы продвигались вверх по распадку.

На одном из двухметровых уступов я, стоя под уступом, начал колотить, как мне показалось, крепкую скалу. Вдруг скала стала распадаться на отдельные обломки, и они ринулись на меня. Я начал падать, успев развернуться лицом вниз. Упал в ледяную воду и погрузился на дно. Камни догнали меня в воде и обрушились в основном на руки и ноги. Вода смягчила удары, что спасло меня от более серьёзных травм. На какое-то мгновение я потерял сознание. Но, по-видимому, холодная ванна меня быстро вывела из этого состояния. Я смог подняться. Первым делом неосознанно выбросил кувалду на сушу. Превозмогая боль и дрожа от холода, я выбрался из воды и закричал Виталию:

– Скорее спускайся сюда, разводи костер!

Благо, по бортам щели рос стланик. Виталий быстро соорудил костёр, помог мне раздеться и выжать мокрую одежду. Удары камней пришлись в основном на руки и ноги. Немного согревшись и обсушившись, мы стали спускаться вниз. Боль тоже немного утихла, но при движении давала себя знать. В руках я не мог ничего держать, а ноги были, как налитые свинцом. При поддержке Виталия я медленно спустился вниз, и мы добрались до табора. Если бы не улово, то мне пришлось бы плохо. Опять судьба была ко мне благосклонна.

«Посовещавшись с народом», я решил съездить в посёлок Кунерма, который расположен при выходе её из гор, показаться медперсоналу, если он там есть. Но был уже вечер, и я решил подождать до утра. Утром боль была уже не такой сильной, хотя при движении усиливалась. Отправились в посёлок. Там оказался медпункт с молодой фельдшерицей. Сзади я был весь в синяках. Осмотрев их и заставив меня подвигать конечностями, она вынесла вердикт, что кости целые, а синяки пройдут. Действительно, отдохнув два дня, я снова смог отправиться в маршрут. Небольшие болезненные ощущения были не в счёт.

Выполнив то, что я наметил сделать в бассейне Кунермы, мы отправились дальше и через несколько дней мы были в Иркутске, где меня ждала встреча с семьёй.

1992 год (С, М)

В 1992 году в ВСНИИГГиМСе меня направили в тему по составлению рабочей легенды Муйской серии листов масштаба 1 : 200 000 на должность старшего научного сотрудника на полставки. Это как раз тот регион, геология которого меня в основном и интересовала. Руководителем темы назначили Н. Н. Митрофанову. Активное участие в обсуждении спорных вопросов геологии региона принимал её супруг Г. Л. Митрофанов, занимавший должность заместителя директора института. Они имели одинаковые точки зрения на геологию региона. У меня же с ними были разногласия по ряду позиций при составлении легенды. Поэтому между нами возникали частые жаркие споры. Несмотря на их «диктаторские» замашки, мне удалось доказать некоторые положения, которые нашли отражение в легенде. Так в неё вошёл выделенный мною среднинский метасоматический комплекс, внесены предложенные мною светлинский и батраканский интрузивные комплексы, признан полихронный генезис Ангаро-Витимского батолита, возраст падринской серии, хотя и под вопросом, показан более молодым, чем считался ранее.

Деньги на полевые работы в институте пришли поздно. Но мне удалось получить грант в Университете на изучение геологического строения зоны БАМ. На средства гранта я смог взять двух маршрутных рабочих и уже в июне поехать на полевые работы. Принимать и увольнять рабочих, выплачивать им зарплату я мог сам, представляя лишь документы в бухгалтерию университета. Сотрудники ВСНИИГГиМСа смогли выехать на полевые работы только в середине июля.

Так как наш внук Миша на всё лето оказался без дела, я взял его с собой в качестве маршрутного рабочего. В предыдущие полевые сезоны он уже ходил со мной в маршруты в качестве туриста. Поэтому я был уверен, что он сможет исполнять свои обязанности и преодолевать трудности полевой работы. Ему ещё не исполнилось 15 лет, и по закону я, конечно, не мог этого делать. Пришлось «смухлевать», оформил маршрутным рабочим свою супругу, а работал Миша. Кроме Миши, вторым маршрутным рабочим я взял студента первого курса геологического факультета Политехнического университетаАртёма Комарова.

В начале июля мы втроём отправились на полевые работы. На поезде доехали до Северобайкальска, там пересели на местный поезд и оказались в Новом Уояне.

Вначале я хотел уточнить строение так называемой Иликанской структуры, которая была выявлена мною недалеко от деревни Кумора в предыдущие полевые сезоны (см. разделы «1983 год» и «1984 год»). Она расположена на южном борту Верхнеангарской впадины, в вершине руч. Иликан – притока р. Котера. Путь туда от Нового Уояна не близкий. Денег на аренду автомашины у меня не было предусмотрено, поэтому надо было пытаться двигаться автостопом. Сворот на Кумору находился в шести километрах от основной автодороги вдоль БАМа. Пытаться поймать автомашину в Новом Уояне, следующую в Кумору, не имело смысла, так как большинство их следовало на восток. Решили до сворота на Кумору идти пешком. Подняли рюкзаки и тронулись в путь, обдаваемые облаками пыли, поднятыми часто проносившимися мимо автомобилями.

Верхнеангарская впадина заполнена глинисто-песчаными отложениями, заросшими сосняком. При прокладке дорог, лесозаготовке и строительстве тонкий почвенный слой легко разрушался, в сухую погоду автомашины поднимали тучи пыли, которая в виде постепенно рассеивающегося облака сопровождала их. Благо, если дует ветерок поперёк дороги, который уносит её в сторону. В результате прилегающие к дорогам леса покрыты пылью, которая смывается дождями. Автомашины и всё, что находилось в них, включая пассажиров, покрывалось толстым слоем пыли.

День был жаркий, мы изрядно устали, пропотели и пропылились, пока дошли до сворота на Кумору. Недалеко от этого сворота и несколько в стороне от дороги было озеро, где обычно в воскресные дни проводили пикники жители Нового Уояна. Там мы отдохнули, умылись, стряхнули пыль с рюкзаков и одежды, вернулись на дорогу и стали поджидать попутный транспорт. По дороге лишь изредка проносились, не останавливаясь, легковые автомобили, как правило, заполненные людьми. Наконец показалась грузовая автомашина, я поднял руку, и она остановилась. Водитель следовал в Кумору и согласился нас подвести. Дорога была пустая, пылевое облако, поднятое машиной, вилось сзади, и мы, наслаждаясь тёплым ветром, неслись к своей цели.

Переехали по мосту Котеру, полюбовавшись видом, где путь реке перегородил скальный гребень (см. раздел «1983 год»).

Пересекая песчаные бугры, разделённые высохшими слабо выраженными в рельефе руслами ручьёв, мы помчались дальше. Я следил по карте наш путь, боясь пропустить русло ручья Иликан. Наконец достигли нужного нам места, высадились, рассчитались с водителем и тронулись к горам, до которых было несколько километров.

Сначала русло представляло ряд нешироких сухих песчаных проток, разделённых зарослями кустарника. Ближе к горам эти протоки постепенно соединились в единое русло с приподнятыми бортами, а вдали виднелась его долина, врезанная в Северо-Муйский хребет. До этого места у меня были сомнения, что мы идём по нужному нам руслу ручья. Пытаясь сориентироваться, постоянно смотрел карту. Здесь я понял, что мы идём правильно, и успокоился. В русле песок постепенно сменился галечником, ближе к горам появились валуны, а в русле – вода. Дошли до подножия горы, где сливаются две вершины Иликана. В приустьевой части между ними была ровная площадка с деревьями, где в предыдущее посещение мы спугнули медведя и спустили капкан на крупного зверя (см. раздел «1983 год»). В этот раз на площадке звериных следов не оказалось, что нас успокоило. Место было весьма привлекательное, продуваемое ветрами, что уменьшало количество гнуса. На север открывался отличный вид почти на всю покрытую лесом Верхнеангарскую впадину, пронизанную Верхней Ангарой с её притоками, протоками, островами и старичными озёрами. Вдали стеной стоял Верхнеангарский хребет с ущельями, карами, скалистыми склонами и гребнями, разрозненными пиками вершин, ещё покрытых снегом.

Мы оборудовали табор и на другой день начали «маршрутить» с обычными трудностями и неудобствами. Как всегда на полевых работах, я вставал в 7 часов. На этот раз мне пришлось выполнять и обязанности повара. Чтобы ребята подольше поспали, я готовил завтрак и потом уже будил их. Дорога располагалась близко, могли пожаловать не всегда порядочные «гости». В маршруты мы ходили втроём, а на палатке я оставлял, на всякий случай, записку с просьбой ничего не трогать, так как мы геологи и находимся на работе.

Первый маршрут пролегал по левой вершине Иликана. Долина его оказалась узкой, внизу V-образной, заросшей кустарником. Ночью прошёл дождь и замочил кусты. Продираясь сквозь них, изрядно вымокли. Солнце туда ещё не проникало, и потому гнус чувствовал себя вольготно. Спасали репелленты. Выше долина расширялась, кустарник, кроме отдельных зарослей стланика, остался позади. С вершины ручья в лицо дул ветерок, отгоняя гнус. Настроение поднялось. Русло здесь заполнено крупными валунами. Склоны ручьёв покрыты глыбами, среди которых выходят скальники. Я проколачивал их, определяя и описывая породы. На солнышке мы быстро обсохли, лишь спины были мокрыми от пота. Прыгая по валунам и глыбам, продолжали маршрут. Обед устроили в самой вершине ручья. Здесь я выяснил взаимоотношения вулканитов с конгломератами (порода, состоящая из сцементированных валунов и галек), что было важно для понимания истории района. Отдохнули, перевалили хребтик, и по соседнему ручью спустились вниз.

На другой день опять поднялись вверх по тому же ручью. В намеченном в предыдущем маршруте месте отобрали образцы на палеомагнитные и палинологические исследования.

Долина правой вершины Иликана, куда мы пошли на третий день, представляла собой обширную котловину, выпаханную ледником. Половина её ещё была покрыта льдом толщиной более метра. В обнаженной части виднелись скальные выходы, сглаженные ледником. С крутых склонов стекали ручьи, пропилившие скальные борозды. Местность была весьма благоприятной для моей цели. Обследовав её почти до самого водораздела, мы вернулись на табор.

Строение Иликанской структуры мне стало окончательно ясным. Можно было двигаться дальше. Мы быстро свернули табор, и пошли к дороге. Первая же легковая машина остановилась, ехала супружеская пара в Новый Уоян. Глядя на наш полевой вид, они не очень охотно, но согласились нас подвезти.

Я решил добраться до выхода р. Анамакит из гор, где был в 1958 году студентом на практике, чтобы отобрать пробы на палеомагнитные исследования из выходящих там пород. Анамакит течёт с севера на юг, пересекает Верхнеангарский хребет и впа-

дает в Верхнюю Ангару у посёлка Уоян. На местном поезде мы доехали до разъезда Анамакит, расположенного в шести километрах от пересечения реки железной дорогой. Там дежурила женщина, которая согласилась, чтобы мы оставили у неё лишний груз. Загрузившись продуктами на три дня и снаряжением для ночлега, мы отправились в поход.

По насыпи дошли до моста через Анамакит. Русло реки у пересечения его железной дорогой шириной в несколько десятков метров, было заполнено валунами. Воды в нём не было. Чтобы не размыло железную дорогу во время паводка, по берегам сооружены расходящиеся защитные насыпи, как у всех русел рек и ручьёв на БАМе. Берега заросли кустарником.

Прыгая по валунам, мы двинулись по руслу к горам. Ночь застала нас в километре от нужного места. Переночевав, отправились к выходу реки из гор.

Знакомое мне место было неузнаваемым. В 1958 году река имела довольно узкое, но глубокое русло. Левый берег скалистый, обрывистый, откуда периодически с оглушительным грохотом срывались каменные лавины, справа была заросшая терраса шириной в десятки метров и высотой более метра. По этой террасе и проходила тропа, уходившая вглубь гор. Сейчас терраса оказалось смыта, русло реки занимало всё днище долины со скалистыми, возвышавшимися на десятки метров обрывами с обеих сторон. Создавалось мрачное впечатление тёмных ворот в горы. Русло было покрыто разноразмерными валунами и глыбами, между которыми струилась вода. Перейти реку можно было, даже не замочив сапоги. Здесь мы отобрали необходимый для исследования материал. На другой день сходили в маршрут по ручью Тукалами – притоку Анамакита. Ничего интересного я не увидел, только скалы карбонатных пород. Контакт их с другими породами был выше по течению. Из-за недостатка времени мы туда не дошли.

Вернувшись из похода по Анамакиту, мы отправились на местном поезде в Таксимо и 15 июля были там. В Таксимо мы пришли к Намоловым. Мария Михайловна и Евгений Алганаевич встретили нас, как всегда, приветливо, разместили на веранде. Вечером истопили баньку, где мы с наслаждением смыли дорожную пыль. Стали ждать прибытия В. И. Переляева с коллективом и ав-

томашиной. Днём помогали Марии Михайловне по хозяйству: пололи и поливали огород, кололи дрова и др.

Наконец, 22 июля прибыли сотрудники института с автомашиной, и я со своими ребятами на ней отправился в путь, наметив число, когда она приедет за нами. Машина, поднимая клубы пыли, доставила нас до долины р. Каалу.

Интересно, как изменился вид ущелья Мрачного (см. раздел «1986 год»). При строительстве дороги мрачные чёрные скалы, воздымавшиеся над руслом реки, были снесены, и оно совершенно потеряло экзотический вид.

Выше ущелья Мрачного долина реки постепенно расширяется. Вверху она довольно широкая. Окружающие горы образуют дугообразный амфитеатр. С них стекают многочисленные ручьи, которые, сливаясь к центру долины, образуют начало довольно полноводной реке.

Бассейн Каалу сложен породами, состав и возрастное положение которых вызывали споры. Моей задачей было собрать материал для однозначного решения этих вопросов. Я выбрал место для табора в верхнем течении реки, где сливаются многочисленные ручьи, чтобы была доступна маршрутам как можно большая площадь. Так как в маршрут нам надо ходить втроём, место табора должно быть, хотя и вблизи дороги, но достаточно замаскированным, чтобы посещение его людьми было маловероятным. У дороги был карьер, откуда брали материал для отсыпки полотна дороги, а за ним ближе к ручью рос густой кустарник. Среди него мы и расположились.

Коренные выходы пород в виде крупноглыбовых россыпей и скал, которые надо обследовать, располагались по бортам и водоразделу долины. Для подхода к ним следовало преодолевать два-три километра зарослей. Неясно, где через них легче пробраться. В первом же маршруте до коренного склона пошли по кратчайшему пути. Пришлось буквально продираться через густые заросли стланика. Сверху стало видно, что это был не самый лёгкий путь.

На второй день подход проходил по дороге. Нас подвезла попутная машина. Мы составляли разрез по гребню водораздела, где много было скальных выходов. Превышения там относительно небольшие, день был ясный, ветерок отгонял гнус, виды замеча-

тельные. Обычно, поднявшись на вершину, я намечал следующие маршруты, выбирая наиболее обнаженные участки. Вернулись на табор почти в сумерках, несмотря на продолжительный летний день.

Чтобы нарастить разрез, надо было спускаться за водораздел в сторону долины Правого Мамакана. Подъём на водораздел занял много времени, а надо было засветло вернуться. Я взял интенсивный темп. Когда поднялись на водораздел, у меня сердце заколотилось, как сумасшедшее. Это был у меня первый приступ тахикардии. Я прилёг и отлёживался более часа, пока сердце не успокоилось. Затем оставил ребят ждать меня и готовить обед, не торопясь, начал спускаться в долину Правого Мамакана. Когда кончились коренные выходы, я повернул обратно, без эксцессов поднялся до ребят. Составление разреза было закончено, и мы пошли к своему табору.

Назавтра, мало отдохнувшие, снова пошли в маршрут, на этот раз на другой борт долины. Надо было успевать сделать максимум маршрутов до прихода транспорта, чтобы исследовать, как можно большую территорию. На подходе к маршруту пришлось бродить реку. Благо, вчера с водораздела увидели, что она выше по течению разделяется на ряд рукавов. В этом месте мы смогли перейти её, не замочив ног.

Сделали ещё несколько маршрутов. Один из них посвятили отбору проб на палеомагнитный анализ. Я установил, что слагающая бассейн р. Каалу толща обильна вулканитами, которые раньше были неизвестны, нашёл несколько жерловин – подводящих каналов древних вулканов. Залегает эта толща на карбонатных породах, которые считались моложе её.

29 июля, как и ожидали, прибыла машина и перевезла нас на ручей Средний – правый приток р. Келяна. Туда вела хорошо накатанная дорога, проложенная при поисках месторождений россыпного золота. Вначале от сворота с основной дороги в устье руч. Золотого она идёт по растаявшей наледи, покрытой мелким кустарником, пересекает Келяну, разделявшуюся здесь на несколько мелких проток, и следует по ровной дороге среди невысокого сосняка. Доехали до конца дороги и устроились на бывшем таборе геологов (см. раздел «1991 год»). Понадеялись, что туда никто не заглянет, так как там нет ни рыбы, ни богатых ягодников.

На этом участке намечалось собрать материал о строении и возрастных взаимоотношениях пород и отобрать пробы на различные анализы. Как было установлено в 1991 году, лучше всего это можно сделать в вершине руч. Средний, куда автодороги нет. Расстояние туда от табора около десяти километров. Надо идти в многодневный маршрут. Взяли продуктов на несколько дней, стандартное снаряжение для маршрутов и ночёвок. Груз получился значительный. Самое ценное спрятали в кустах и отправились в путь. Чтобы не бродить широкий и бурный в нижнем течении руч. Средний, отправились по его левому берегу. Участками пришлось облазить скальные прижимы. Вода была низкая. «Живые» крупноглыбовые россыпи, спускавшиеся до ручья, оказались легко проходимы по берегу.

В верхнем течении долина ручья расширялась, мы нашли дерево, упавшее поперёк русла, и легко перебрались на другой берег. Там обнаружили полуразрушенное зимовье с нарами и печуркой. Решили здесь остановиться. Крыша зимовья наполовину разрушилась, но угол над нарами оставался целым. Добавив сухого пространства целлофановым покрытием, мы могли спокойно спать и в дождь. Печурка, правда, оказалась в мокрой зоне, поэтому, когда шли дожди, еду приходилось готовить на костре. Развести его представляло значительные, но преодолимые трудности.

Интересная закономерность в погоде наблюдалась в эти дни. Утром нас встречало ясное небо, ничто не предвещает непогоду. Мы собирались и шли в маршрут. Затем с юга, со стороны Муйско-Куандинской впадины, появлялись и проплывали над нами небольшие облачка. К обеду мы поднимались на водораздел и видели, как эти облачка, «упирались» на севере в Делюн-Уранский хребет, густели, превращались в чёрную тучу со вспышками молний. Эта туча разворачивалась, устремлялась к нам и начинала нас поливать сильным дождём, сопровождаемым ослепительными молниями и оглушительным громом. Мы, конечно, спешили на нашу стоянку. Дождь продолжался весь следующий день. Мы сидели или лежали на нарах, выбегая, накинув плащ, только по жестокой необходимости. Мне приходилось под дождём разводить костёр и готовить три раза в день пищу. Затем опять с утра сияло ясное небо, и сценарий повторялся.

Пока были продукты, мы успели сделать три маршрута. В первом маршруте мы поднялись по крутому левому склону долины, покрытому крупными глыбами, на высоту более двух тысяч метров (подъём более 500 метров по вертикали). Там выявили жерло древнего вулкана, отобрали пробы и по дождю спустились обратно. Во втором маршруте на правый борт долины подъём был примерно таким же потообильным. Зато достигли относительно плоского водораздела, где идти было легко, а ветерок отгонял от нас насекомых. Здесь установили, что осадочно-вулканическая толща граничит по крутому разлому с массивом гранитов. Отобрали пробы из гранитов и вулканитов. Опять же по дождю вернулись обратно. Третий маршрут проходил до вершины Среднего и через перевал продолжался вниз по долине руч. Горелый. По ней мы спустились на небольшое расстояние из расчёта вернуться засветло на стоянку.

На пятый день мы позавтракали последними продуктами и, несмотря на периодический дождь, отправились обратно на основной табор. Чтобы не терять время даром и охватить своими исследованиями большее пространство, я пошёл маршрутом по правому склону долины. Ребят отправил по левому берегу, чтобы им не переправляться ниже по течению через ручей. Вода в нём значительно поднялась. Меня беспокоило, как ребята пройдут «живые» каменные россыпи, которые теперь спускались прямо в воду. Поднявшись по склону, я видел их и следил за их движением. Всё было нормально. Лишь в одном месте поднявшаяся вода стала подмывать «живую» крупноглыбовую россыпь. Я с беспокойством следил, как они её преодолевали. Подсказать, что надо подняться по россыпи повыше, я не мог. Они сами сообразили, поднялись выше и благополучно пересекли эту россыпь. Внизу мне пришлось бродить ручей. В холодной воде, преодолевая бурное течение, вымок по пояс. На таборе быстро переоделся, и жизнь вошла в свою колею.

Наутро отправились в маршрут по долине ручья Весёлого – левого притока ручья Среднего. В нижнем течении долина его действительно отвечала своему названию. Здесь она имела плоское днище шириной в первые десятки метров с редкими могучими тополями и крутыми склонами, покрытыми крупноглыбовыми россыпями. В их основании обнажались скальные выходы. Ручей

приветливо журчал среди мелких камней в нешироком русле. С обеих сторон от русла тянулись пологие терраски высотой до одного метра. По долине шла хорошо набитая широкая ровная тропа, переходящая с берега на берег. Её проторили геологи, которые разведывали на водоразделе золотое рудопроявление. Идти по ней было легко, как по асфальту. На тропе были видны оленьи и медвежьи следы, по-видимому, тропа им тоже нравилась. Был ясный солнечный день и это усиливало хорошее настроение.

Мы быстро поднимались по долине ручья, осматривая скальные выходы. Они были сложены метасоматитами гранитного состава. В камеральный период после петрогеохимических исследований пород я выделил их в новый самостоятельный среднинский комплекс, который был внесён в рабочую легенду. Оказалось, что породы этого комплекса широко распространены в регионе, что ранее не отмечалось.

Здесь же впервые в регионе мной были выявлены небольшие выходы пород–карбонатитов. С ними обычно связан широкий круг месторождений полезных ископаемых: тантало-ниобиевые, редкоземельные и другие. При предшествующих геологических работах их принимали за осадочные карбонатные породы и не опробовали.

Выше по течению подъём становился всё круче, деревья остались позади, их сменили заросли стланика, среди которых вилась тропа. В верхнем течении ручья мы свернули на склон и стали подниматься по глыбовым россыпям на водораздел. Сразу обильно вспотели, дыхание участилось, и «сердце было готово к вершине бежать из груди». Приходилось часто останавливаться, чтобы дыхание и сердцебиение вошли в норму.

Поднявшись на относительно плоский водораздел, мы по нему двинулись в обратную сторону. На одном участке встретились горные выработки: канавы, расчистки, остатки табора. Вскрывалась и опробовалась зона изменённых пород с признаками золотоносности. Высотная отметка этой части водораздела превышала 1800 метров, а превышение над долиной более 500 метров. Вокруг были камни, покрытые лишайником и мхом, с редкими кустиками стланика высотой 2–5 сантиметров. Местность, открытая всем ветрам, температура редко поднимается выше 10 градусов, в непогоду, даже в июле мог пойти снег. Взрывчатку, инстру-

мент, еду, снаряжение приходилось поднимать на себе. В таких суровых условиях работали геологи и рабочие, искали необходимые Родине полезные ископаемые. В 1964 году на Байкальском хребте у нас был участок горных работ в подобных условиях, и я представлял все трудности работ в таких местах. Здесь разведчики ничего существенного не нашли. Но, как говорится, отрицательный результат тоже результат.

К вечеру, нагруженные каменным материалом, по крупноглыбовым россыпям пошли вниз. Спускаться обычно легче, чем подниматься, но по каменным россыпям значительно опаснее, особенно с грузом. Прыгая на камень, не можешь определить его устойчивость. Обычно более надёжно спускаться серпантином или «след в след». Я всегда шёл первым и предупреждал следом идущих, если камень был ненадёжным.

День просидели под дождём. 4 августа пришла машина, и мы переехали в долину Келяны. Здесь участок долины был более посещаемый, поэтому постарались выбрать место для палатки в зарослях, чтобы её не было видно издалека. Я решил, что в таких условиях на всякий случай надо оставлять кого-нибудь на таборе. Оставил Артёма, а с Мишей сделали пару маршрутов на гранитоидный массив по реке Тани, чтобы разобраться с его строением и отобрать пробы на петрогеохимические и изотопные исследования.

Возвращались мы по руслу Тани. Я шёл впереди, проколачивая коренные выходы пород, а Миша – сзади. Ружьё мне мешало колотить камни, и я отдал его Мише. Для солидности, как я думал. В какой-то момент Миша отстал метров на 50. Вдруг слышу выстрел в его стороне. Я в тревоге кинулся к нему. Вижу, он, побледневший, сидит на земле со страхом в глазах, а ружьё, откинутое в сторону, валяется на земле. Я убедился, что он цел, стал расспрашивать его.

– Что случилось?

– Я поскользнулся и сел. В это время раздался выстрел. Я сильно испугался, сорвал ружьё и отбросил в сторону. Больше я никогда не буду носить ружьё!

Как я понял, при падении ружьё курком ударилось о камень, произошёл выстрел. Больше я нести ружьё Мише не предлагал.

Последний маршрут я сделал с Мишей по р. Аикта. На машине доехали до её русла. При выходе в долину Келяны Аикта

течёт несколько сот метров в скалистом ущелье (см. раздел «1990 год»). Русло занимает почти всё днище и часто приходилось брести по воде. Вода была малая, и это не представляло для нас трудности. Но зато я повторно просмотрел и опробовал полный разрез глубинного разлома. Перемещение по нему достигало многих сотен метров по вертикали. Выше по течению после ущелья долина резко расширяется, по бортам выходят карбонаты, в которых есть известная Аиктинская пещера. Мы пытались искать её вход, но безуспешно. В вершине Аикта снова образовала ущелье, прорезав Аиктинскую гряду. Здесь мы увидели разрушенную бревенчатую ловушку на медведя. Медведь, видать, в неё попался, видны были остатки шерсти и лап с когтями. Миша взял себе один коготь длиной с палец, чтобы показать знакомым, с чем мы встречались при полевых работах.

Отправив Мишу и Артёма домой в Иркутск, я присоединился к основной группе. Совместно с В. И. Переляевым сделали маршрут на Танинский массив гранитов, где я демонстрировал ему выявленные мною особенности строения массива. Здесь нам встретилась необычная структура «дайка в дайке», когда дайка габбро прорывает другую дайку такого же состава посередине. Обычно это показатель растяжения земной коры. При раздвижении материков «дайка в дайке» образуют целые пласты – «лежачие лестницы», и возникают океаны. А здесь это образование оказалось единичным и располагалось среди гранитоидов, что весьма необычно, не описанное ранее в геологической литературе.

Затем мы отправились на машине в долину ручья Сунуёкит, где по данным Г. С. Гусева и К°, был второй в регионе пункт наличия структур «дайка в дайке», что подтверждало его точку зрения о наличии на месте региона древнего океана. На машине смогли доехать только до места, где Сунуёкит вырывается из ущелья на равнину. Там и организовали стоянку.

Долина этого ручья своеобразная. В верхнем течении у него две вершины. Там, где они соединяются, путь ручью преграждает скала высотой около десяти метров. В этой скале Г. С. Гусев и «увидел» структуру типа «дайка в дайке». По-видимому, долину Сунуёкита посещают люди, скорее всего, охотники. Чтобы преодолеть эту скалу, закреплён трос, держась за который можно

подняться на скалу и продолжить путь. Ручей пропилил в скале узкое ущелье, где он бушевал, стремясь углубить и расширить себе дорогу. Ниже по течению долина ручья резко расширяется до 50–100 метров с относительно ровным днищем и крутыми, в большинстве скалистыми бортами. Протяженность такого участка несколько километров, а далее путь ручью преграждает новая скала высотой несколько десятков метров. Её ручей также пропилил, образовав непроходимое ущелье протяженностью около 50 метров. Вырвавшись с рёвом и высокими пенистыми валами из ущелья, ручей устремляется в Муйско-Куандинскую впадину. Здесь его течение моментально успокаивается, русло распадается на большое число проток, кое-где исчезает в собственных часто валунных наносах. В обход скалы проложена узкая тропа, которую используют кабарожки. На ней мы встретили одну из них, погибшую в петле. Человек, поставивший петлю, забыл или не смог её вовремя проверить.

Бассейн Сунуёкита занимает массив габброидов, прорываемый по периферии гранитами. На участке, где были указаны образования «дайка в дайке», при отличной обнаженности, никаких признаков наличия этой структуры мы не нашли. Там просто массив габбро прорван ветвящимися дайками двух возрастов без всяких признаков «дайка в дайке». Я тщательно зарисовал обнажение, отобрал образцы и пробы, анализы которых подтвердили, что дайки имеют разный возраст и разное происхождение. Затем составил разрез по долине ручья через массив, отобрал пробы для различных исследований.

Этим мы завершили полевой сезон, вернулись в Таксимо, запаковали снаряжение, собранные коллекции и пробы и отправили машину с грузом в Иркутск, а сами поехали домой по железной дороге.

1993 год (М)

В 1993 году я продолжал работать в теме по составлению рабочей легенды для Муйского региона. В этом году удалось получить средства для полевых работ. Как и в прошлые годы, полевыми работами я мог заниматься, только находясь в отпуске в университете. Отпуск продолжался два месяца: июль и август. Я прихватывал ещё и половину июня, так как это время в университете я не был занят. В качестве маршрутных рабочих, как и в 1992 году, я взял внука Мишу и ещё студента.

Частично закупили продукты в Иркутске, где они были дешевле, чем на БАМе, на поезде отправились знакомой дорогой до Северобайкальска и далее на местном поезде до Таксимо. Там Намоловы нас встретили, как всегда, приветливо и помогали, чем могли.

В Таксимо у геологов Корчиновых нашей темой был арендован склад, где хранилось полевое снаряжение предшествующих лет. Мы взяли всё необходимое для полевых работ, в том числе и резиновую лодку.

В первую очередь я хотел добраться до устья р. Падора, где уже бывал не один раз. Туда можно было добраться, только сплавляясь по Витиму, начиная ниже Парамского порога. Надо было попасть за этот порог. Е. А. Намолов согласился помочь нам в этом. В Таксиминской партии, где он был главным геологом, в устье ручья Каменного работал отряд и туда периодически завозили груз на вездеходах. Евгений Алганаевич распорядился попутным вездеходом доставить туда и нас. Вездеход загрузили. Но туда же направляли ещё одного геолога партии. Его долго искали, затем будили, так как он был предельно пьян. Наконец его привели в чувство, и мы поехали знакомой дорогой. Из-за задержки мы выехали поздно. Геолог жаждал похмелиться. Как только отъехали, он начал приставать ко мне, предполагая, что у меня есть водка. Она у меня, как всегда, была. Я всегда брал несколько бутылок в качестве «валюты». Но выдавать ему бутылку у меня не было никакого желания. Он грозил, если мы его не «спасём», высадить нас по пути. Но я ответил, что не он нас посадил в вездеход, не ему и высаживать. По пути страдающий похмельем геолог проверял все зимовья, надеясь застать там людей, которые могут ему помочь. Но все зимовья были пустыми.

Эти проверки зимовий нас сильно задержали, и дальше пришлось ехать уже по темноте с включёнными фарами по вездеходному следу в мелком березняке. Вездеход, проложивший след, ехал встречным курсом и повалил мелкий березняк, который немного поднялся и торчал, как пики, нам навстречу. В одном месте одна из берёзок, поднявшаяся выше других, пробила стекло и вонзилась между Мишей и студентом. Чуть в сторону и была бы беда. Но всё обошлось и мы к полночи доехали до ручья Каменного. На устье было зимовье, мы там переночевали. Здесь к нам присоединился Костя Константинов – специалист по палеомагнитным исследованиям.

Вода в Витиме была низкая. Наутро загрузились в лодку и поплыли до устья Падоры, любуясь уже знакомыми видами и огибая опасные места. Путь этот уже описан мною ранее (см. раздел «1987 год»). Причалили к валунному конусу выноса Падоры, где мы таборились в 1991 году. Тогда у края конуса выноса на террасе была ровная площадка, окруженная лесом – единственное удобное место для палатки. Мы пошли туда. В предшествующий год был пожар, лес весь обгорел, деревья завалили площадку, вся мягкая хвойная подстилка выгорела. Пришлось ставить палатку у края конуса выноса среди тальника на песке. Устроились и приступили к маршрутам. Я в маршруты ходил с Мишей, а студента отдал Косте, чтобы он не ходил один.

Первый маршрут решили сделать на Малую Падору, впадающую справа в Витим. Там мы были в 1987 году. Мне надо было уточнить кое-какие детали и отобрать пробы на определение возраста, а Косте – на палеомагнитные исследования.

Стрежень течения Витима огибает конус выноса Падоры (см. раздел «1991 год»), разворачивается к правому берегу и продолжается до устья Малой Падоры. Мы накачали лодку, выплыли на стрежень и далее почти не гребли, Витим сам доставил нас к её устью.

В самом устье Малой Падоры, на её правом берегу я выявил вулканический центр в виде экструзивного (выдавленной тестообразной магмы) купола риолитов (вулканитов с высоким содержанием кремнекислоты). С него отобрал пять килограммовых проб для определения изотопного возраста. Полкилометра выше по течению исследовал толщу базальтов (вулканитов с высоким содер-

жанием кремнекислоты). Установил, что эта толща состоит из ряда лавовых потоков мощностью первые метры. Детально эту толщу задокументировал: описал, зарисовал, отобрал образцы и пробы на различные анализы.

На обратной переправе течение Витима, несмотря на наши усилия, отнесло лодку довольно далеко вниз. Пришлось её около километра тащить на себе, прыгая по валунам экзотичного «пляжа».

Ниже по течению в нескольких километрах от устья Падоры на левом водоразделе Витима возвышалась самая высокая в окрестности Сопи-гора. Высота её около 1900 метров и возвышалась она над Витимом на 1600 метров. Мне очень хотелось посмотреть, какими породами она сложена. Миша хотел её покорить и полюбоваться с неё видами. Меня это тоже привлекало.

Подход был несколько километров. Вначале мы перебрели Падору, прыгая по валунам, пересекли её конус выноса, затем шли по экзотичной тропе, (см. раздел «1987 год»). Подошли к исходной точке маршрута и начали подъём. День выдался жарким и совершенно безветренным, что значительно усиливало потовыделение, да и мошкара нас доставала. Приходилось опускать накомарник, что в жару тоже не очень приятно.

Поднимались медленно, с частыми остановками. Водораздел у подножия Сопи-горы был плоским, ожидать там снежник или другой источник воды не приходилось. Поэтому воду для обеда несли в бутылках. А обедать решили на водоразделе, где ожидали, что будет ветерок и прохлада, да и мошка несколько утихнет. Уже во второй половине дня, в значительной степени уставшие, добрались до водораздела. Но там также было безветренно, и солнце палило нещадно. Впереди оказался плоский камень около десяти метров в поперечнике и высотой полтора-два метра, наполовину заросший стлаником. Надеялись, что там будет хоть какое-то колебание воздуха. Но наши надежды были напрасными. Разожгли костёр, чтобы приготовить обед. А огонь между камнями прокрался до стланика и тот запылал. Мы кинулись его тушить, с трудом справились с огнём. Бодрости это нам не прибавило. Пообедали, использовав всю воду, и пошли по плоскому водоразделу к основанию Сопи-горы. Она возвышалась над плоским водоразделом на 600 метров. А уже было 17 часов. Если подниматься на неё, то

придётся встретить ночь на вершине, что не сулило нам ничего хорошего. Да и чувствовал я себя уже усталым. На солнце мы потеряли довольно много влаги, а пополнить её было негде. Видно было, что склон Сопи-горы тоже безводный и бесснежный. Учитывая всё это, я решил оставить Сопи-гору в покое и спускаться к Витиму. Миша очень расстроился, что не осуществилось его желание. До сих пор упрекает меня, что я обещал сводить его на эту вершину, а не выполнил обещание. Спустившись по распадку до первой воды, устроили пиршество с водяным фейерверком и чаем. Сразу стало легче. Распадок оказался заваленным огромными глыбами разрушенной скалы. Прыгая по ним или сползая с очередного обломка скалы, спустились вниз и, еле волоча ноги, к темноте добрались до табора.

Ещё в пятидесятые годы изучением геологии Байкало-Патомского нагорья, которая тогда во многом была «белым пятном», занималась группа учёных из Ленинграда, под руководством Л. И. Салопа. Можно только восхищаться их самоотверженным трудом! Они с оленями прошли через всё нагорье, побывали во многих местах, где не ступала нога человека, открыли много нового в геологии региона. Их выводы по геологии стали руководящими и незыблемыми для геологов, проводивших в последующем работы в Байкало-Патомском нагорье. Исследовали они и бассейн Падоры, где выделили вулканогенно-осадочную падринскую серию с характерными красными вулканитами, прорванную гранитами весьма специфичного розового цвета. Они нашли визуально похожие на эти вулканиты и граниты валуны и гальки в распространённых здесь конгломератах. Соответственно, решили, что падринская серия древнее этих конгломератов. Такой же точки зрения придерживались супруги Митрофановы, которые здесь проводили геологосъёмочные работы.

В предыдущие годы и в этом году я сделал ряд маршрутов для изучения обломков в конгломератах, проследил их на расстоянии более километра, расколотил несколько сот валунов и галек, просмотрел с них шлифы, сделал десятки петрогеохимических анализов. Там действительно есть обломки гранитов, визуально похожих на граниты, которые моложе падринской серии. Но при изучении шлифов под микроскопом мною и опытным петрогра-

фом Натальей Леонидовной Серовой было установлено, что они имеют совершенно другой состав. Под воздействием этого факта супруги Митрофановы согласились, что граниты в гальках не те, что прорывают падринскую серию. Но Г. Л. Митрофанов заявил, что в вершине ручья Малый Качо – притока Янгуды – левого притока Витима в конгломератах он наблюдал обломки риолитов ярко красного цвета, характерных для падринской серии. Для того, чтобы убедиться в этом, надо было идти в многодневный маршрут на расстояние около 12 километров через перевал.

В этом году в долине ручья Большой Качо артель из Таксимо готовилась к добыче россыпного золота. Они проложили туда от Витима автодорогу, что нам значительно облегчило подход к месту намеченных маршрутов. При сборах в многодневные маршруты борются две тенденции: с одной стороны надо взять вещи, чтобы спокойно ночевать и питаться, с другой – чтобы вес рюкзаков был как можно меньше. Была середина лета и ожидалось, что ночи будут относительно тёплыми. Как обычно, мы взяли маленькую палатку, чехлы от спальников, запас тёплых вещей и т. д. Питания взяли на пять дней: день подхода и день выхода, два-три маршрута, в зависимости от погоды. В общем, груз был значительный

Подход по дороге вначале шёл всё время в гору, что заставило нас изрядно потрудиться. Затем дорога перевалила через небольшой хребтик и начала спускаться к Янгуде. Склон здесь был относительно пологий, заросший сплошным кустарником. Под тонким почвенным слоем сохранялась мерзлота. Там, где проезжали машины, почвенный слой разрушался, мерзлота таяла и дорога превращалась в мелкое болото. После нескольких проездов приходилось прокладывать новый путь. Весь склон оказался испещрённым заболоченными дорогами. Приходилось при спуске либо хлюпать по грязи, либо ломиться сквозь кустарник.

Спустились к Янгуде. Надо было переправиться на правый берег. Пришлось бродить. Глубина была явно выше колен. Как обычно в этих случаях разулись, сняли носки, надели резиновые сапоги на голые ноги, засучили штаны и вошли в довольно холодную воду. Самое острое ощущение при броде через холодную воду, первые струйки, которые проникают в сапоги. Когда они наполняются водой, она немного согревается, ноги привыкают к

холоду и острота ощущения холода уменьшается. На той стороне вблизи Янгуды поставили палатку, приготовились к ночлегу. Ночь выдалась довольно холодная, сказалась и высота, так что часто просыпались и прижимались друг к другу. Наконец солнечные лучи достигли нашего ночлега, и жизнь сразу стала веселей.

В первом маршруте пошли по руслу Малого Качо, достигли указанного Геннадием Лукичом обнажения конгломератов. Я стал проколачивать его, внимательно рассматривая отколотые обломки, нашёл гальки красных пород. Когда их расколол, то увидел, что они очень похожи на вулканиты падринской серии. Значит, я оказался неправ, конгломераты действительно залегают на вулканитах этой серии и, следовательно, моложе её. Отобрал образцы и пробы из них.

Зимой, посмотрев шлифы, я и Наталья Леонидовна Серова, установили, что это глинисто-гематитовые (гематит – минерал железа) окатыши и ничего общего не имеют с вулканитами. Химические анализы подтвердили это. Таким образом, выявленный факт опровергал точку зрения Геннадия Лукича.

Вторая ночь была относительно тёплая, и мы хорошо отдохнули. Следующий маршрут проходил по долине Большого Качо. В одном километре от устья старатели уже начали вскрывать пески и готовить их к промывке. Выше нас догнал геолог с карабином и, спросил, видели ли мы здесь каких-либо людей. Свой вопрос объяснил тем, что по ручью кто-то копает шурфы и тайком моет золото, которое теперь принадлежит им. Далее ничего особенного с нами не происходило.

Надо было возвращаться на основной табор. Мы собрались и начали бродить Янгуду. В середине русла я оступился и повалился на бок, замочив рюкзак. Миша подал мне палку, которой упирался, и помог мне встать. Выбравшись, мы выжали замокшие вещи и разложили их на песке сушить. Благо день был солнечным. Чтобы не месить грязь на подъёме из долины Янгуды, я решил пойти прямым путём по указанному на карте распадку. Но он оказался не лучше, так как был очень крутым и заваленным поваленными деревьями. Выбравшись из него, дошли до дороги, и обратным путём всё время под гору благополучно добрались до табора.

В вершине ручья Батрокан, впадавшего в Витим в километре выше Падоры на карте Г. Л. Митрофанова был показан тектонический контакт двух разновозрастных осадочных толщ. Я решил проверить его наличие. Мы быстро поднялись по дороге до места, где она пересекает ручей Батрокан. Дальше путь наш лежал по долине этого ручья к его истокам. Как я видел в предыдущих маршрутах, верхняя часть долины была покрыта сплошными густыми зарослями стланика. Решил идти по руслу ручья, предполагая, что путь будет легче. Но оказалось, что заросли стланика нависают над его руслом. Пришлось пробираться через них, а участками идти по руслу. Ручей здесь был мелким и потому мы не замочили ног. Вершина долины оказалась почти без зарослей, и мы легко добрались до водораздела. Он оказался плоским, голым, покрытым мелкими обломками сланцев. Пересекли показанную на карте линию контакта, но никакой разницы в породах не обнаружили. Для доказательства, что это одна и та же толща, отобрали образцы пород и пошли маршрутом обратно.

Уже спустились в долину Витима, когда Миша одной ногой попал в яму и почувствовал острую боль. Оказалось, что он растянул связки. Я ничем не мог ему помочь. Немного посидели, боль несколько уменьшилась. Но надо идти до табора. Миша сильно хромал и превозмогал боль в ноге. До табора было около полукилометра по лесу, где были поваленные деревья. Надо было их преодолевать, что Мише давалось с большой болью. Наконец добрались до палатки, где он мог особенно не двигаться.

В это время на Витиме начала подниматься вода. По-видимому, в Забайкалье шли обильные дожди. Вода стала мутной, поплыли мимо деревья, коряги. День за днём вода заливала конус выноса Падоры, постепенно подбираясь к нашей палатке. Миша следил за подъёмом воды, отмечая её границу. Уже готовились эвакуироваться на террасу. Но вода, не дойдя до палатки пару метров, начала спадать. Мы вздохнули с облегчением.

Мы взяли с собой продуктов из определённого расчёта, связанного с транспортом плюс запас на несколько дней. Правда, хорошим подспорьем была рыба (см. раздел «1991 год»). А тут у Кости подоспел день рождения. Отметить его было нечем. Решили состряпать рыбный пирог. Миша в качестве сковородки полдня

грел плоский камень, потом полчаса его остужал, так как при попадании на него загоралась мука. Наконец камень остыл до нужных кондиций. Поместили на него подготовленный пирог. В скорости он был готов, и мы с восторгом съели его за Костино здоровье!

Подошёл срок прибытия катера для нашего возвращения «на большую землю». Мы прекратили работу и стали его ждать. Шли день за днём, но катер не появлялся. Продукты подходили к концу. Встал вопрос, что же делать? Была возможность загрузиться в резиновую лодку и отправиться вниз по Витиму до Бодайбо. Но ниже по течению был опасный Оронский порог! Да и плыть пришлось бы несколько суток. Другой вариант: идти пешком до жилья, искать катер, который должен был нас вывезти, как договаривались, или искать и нанимать моторную лодку. Сколько времени это займёт? Но, думали, что катер вот-вот придёт. А время шло, и с каждым днём нарастало беспокойство. Наконец катер пришёл, что было большой радостью! Как говорит пословица: лучше поздно, чем никогда. Пришлось заплатить, сколько затребовал капитан. Я взял с него расписку для отчёта, съездил потом в посёлок Муя, где её заверил печатью в сельсовете. Катер довёз нас до ручья Подкаменного, откуда мы попутной машиной вернулись в Таксимо. Здесь Костя нас покинул, и мы остались втроём.

Евгений Алганаевич дал нам машину, на которой мы поехали по трассе Таксимо-Бодайбо до реки Правый Мамакан. Разбили табор на его правом берегу у моста. На этом участке я продолжил изучение внутреннего строения выделенной в бассейне р. Каалу вулканогенно-осадочной толщи и её взаимоотношений с другими геологическими образованиями. На сей раз, я ходил в маршруты со студентом, а Миша, так как у него не зажила ещё нога, оставался караульным на таборе

Маршруты я прокладывал по обоим склонам долины Правого Мамакана от русла до водораздела и обратно. Склоны его крутые, покрытые глыбовыми россыпями с выходами скальников и относительно редкими участками зарослей стланика. Так что проходимость не представляла особой трудности. Но подъёмы на водоразделы достигали многие сотни метров, так что приходилось нелегко. Подходы к маршрутам по берегам Правого Мамакана также не составляли затруднений, кроме того, что тратилось на них много

времени, сокращая маршруты. Расстояние подходов постепенно возрастало и в конце превышало пять километров.

Машина за нами пришла, как договаривались, и мы поехали в долину реки Нижней Сидольты – правого притока Правого Мамакана. Дорога туда отворачивала от основной магистрали сразу за мостом. Её проложили для добычи россыпного золота в долине р. Чаянгра и её притоков. Туда протянули линию электропередачи, а дорогу поддерживали в сносном состоянии. Но всё равно качество её оставляло желать лучшего.

Вначале она шла вдоль склона долины Правого Мамакана, где пересекала ряд его притоков, выработавших довольно глубокие русла с крутыми склонами. Дорога то ныряла вниз, то взбиралась на очередной водораздельчик, пересекая ручьи. После отворота от долины Правого Мамакана дорога была относительно ровная, но с грязевыми участками, где машины постоянно прокладывали новые колеи. Здесь легко можно было застрять в грязевой яме или глубокой колее. Спуск в долину Нижней Сидольты довольно крутой с промоинами временных водотоков. Далее дорога следовала вдоль правого борта её долины. Здесь она пересекала ряд конусов выноса мелких ручьёв с многочисленными валунами, которые золотодобытчикам периодически приходилось сдвигать с дороги.

Мы подъехали к Нижней Сидольте и стали искать место для табора. Долина её оказалась для этого неблагоприятной. Она имела V-образный профиль с равномерным наклоном без расширений, заваленная глыбами, и покрытая густыми зарослями стланика и деревьев. После долгих поисков нашли ровную площадку, где и затаборились. Как мы в дальнейшем убедились, это было единственное подходящее для табора место.

Задача у меня оставалась та же – собрать материал по внутреннему строению вулканогенно-осадочной толщи и её взаимоотношениям с другими породами. Для этого надо сделать несколько маршрутов через водораздел Нижней и Верхней Сидольты. Надо подняться на водораздел, спуститься к Верхней Сидольте и обратно. Вниз по течению водораздел понижается, и первые маршруты были довольно лёгкими. Но затем они становились всё труднее, подъёмы более протяжёнными. Не доставляли удовольствия частые здесь заросли стланика. Возрастала и протяжённость подходов к маршрутам.

Вообще, подобные маршруты самые неприятные. Надо подняться на водораздел и спуститься, а затем уже порядком усталые и нагруженные камнями должны снова подниматься в гору.

Когда подходы к маршрутам стали превышать 5 километров, чтобы исследовать вершину долины Нижней Сидольте, я решил пойти в многодневный маршрут. На водоразделе с Чаянгрой находится примечательное озеро, выпаханное ледником, длиной более двух километров при ширине около полукилометра. Собрались на несколько дней и отправились к этому озеру. Около него обнаружили вагончик с печкой, что нас обрадовало, так как на водоразделе ночные температуры близки к нулю. В первую ночь мы хорошо натопили печь, натолкали в неё дров до отказа и легли спать. Вскоре в вагончике стало нестерпимо жарко. Пришлось открывать дверь на длительное время. В общем, выспались мы плохо. Но утром надо идти в маршрут!

В первом маршруте мы по скалистому хребтику поднялись на водораздел, спустились к Верхней Сидольте и параллельным ходом вернулись обратно. Следующий маршрут был в вершину Нижней Сидольты на пик с отметкой более 2 километров, расположенный на водоразделе трёх водотоков: Нижней и Верхней Сидольт и ручья Хасан. Последний течёт уже на восток в сторону Витима. Надо сказать, что верхняя часть долины Н. Сидольты имеет вид цирка, окруженного обрывистыми скалами и крутыми каменными, участками «живыми» россыпями. Нижняя часть цирка представляет собой слабо наклонную поверхность, густо заросшую стлаником, карликовой берёзкой и тальником. Такой «винегрет» весьма трудно проходим. Подход к маршруту по этим зарослям в тот день был относительно коротким. Затем по крутому склону, с большими трудностями поднялись на плоский каменистый водораздел, лишенный растительности. Только лишайники покрывали кое-где камни. Пришла пора обедать, но не было ни дров для костра, ни воды. Обычные в таких условиях снежники уже отсутствовали. Было около четырёх часов, когда мы на обратном пути спустились по распадку, нашли воду и дрова. Пообедали, отдохнули и погрузились в дебри кустарника. В нём нам часто встречались звериные тропы, которые шли в разные стороны и быстро пропадали. Мы начали пробираться через заросли, вышли

на одну из таких троп, которая шла в нужную нам сторону, как по асфальту прошли пару сотен метров, и тропа исчезла. Пришлось снова продираться через заросли. И так повторялось несколько раз: либо тропа выклинивалась, либо поворачивала в сторону от нужного нам направления. Кое-где шли по руслу одного из ручьёв, пока можно было. Часто приходилось использовать компас, чтобы не сбиться с нужного направления. С большим трудом, уже у самого озера выбрались из дебрей.

Сделав ещё один относительно лёгкий маршрут, мы возвратились к палатке.

Остался день до намеченного прибытия машины. Меня интересовало одно место, где можно найти контакт двух толщ. Расположено оно в 10 километрах по дороге вверх по долине Нижней Сидольты. Я решил дать ребятам отдохнуть и сходить туда одному. Взял с собой ружьё двустволку, которое у нас было. Я носил её в маршруты. Мешала она здорово, особенно в зарослях стланика, но постоянно встречающиеся медвежьи следы заставляли с этим мириться. Поднялся на водораздел, где было нужное мне место со скальным выходом, изучил его, отобрал образцы.

Для описания обнажения выбрал открытое место на склоне у снежника, окруженное дугообразной стенкой стланика. Ружьё положил рядом. Сижу тихо, пишу дневник. Вдруг слышу знакомый стук копыт по камням и вижу, как снизу на открытую площадку неторопливо поднимается большой олень-бык с огромным кустом рогов на голове. Расстояние от меня 10–15 метров. Олень повёрнут ко мне боком. Цель отличная! Я потихоньку взял ружьё: стрелять или не стрелять. Взвёл курки. Олень услыхал щелчки, вскинул голову, увидел меня. Я не шевелюсь, любуюсь им, а олень, повернув голову ко мне, продолжал, не ускоряя хода, бежать вдоль стенки стланика. Я представил, как упадёт этот красавец и не станет его на Земле. Мне стало его жалко. Положил ружьё на колени и продолжал им любоваться. Олень дошёл до моих следов, учуял запах человека, вскинул голову, положив рога на спину, огромными прыжками кинулся через заросли и моментально исчез. А у меня осталось очень хорошее настроение. По-моему, я улыбался.

Спускался по щелевидному распадку, заваленному огромными глыбами и заросшему разнообразным кустарником, вышел на дорогу и часа через полтора вернулся на табор.

На другой день машина не пришла, а Мише надо было возвращаться, чтобы приготовиться к новому учебному году. На следующий день продолжалось ожидание. Неизвестно, когда машина придёт. Вдруг услыхали звук мотора. Вышли на дорогу. Сверху шёл скрепер. Я попросил доставить Мишу в Таксимо. Водитель согласился. Но он мог довезти его только до трассы Таксимо-Бодайбо. В кабине скрепера нет места для пассажира. Водитель постелил доски, и Миша сидел, согнувшись, ударясь на всех ухабах головой о потолок кабины. А рюкзак с двумя 3-литровыми банками варёной голубицы ехал кум-королём в камере, лежавшей в ковше скрепера. На трассе Миша стал голосовать, и одна из легковушек довезла его до Таксимо. Там, не задерживаясь, он сел в поезд и отправился домой

Через день пришла машина, и мы тоже оказались в Таксимо. Там была машина института. Мы упаковали каменный материал, снаряжение и налегке отправились на поезде домой. Это был последний мой полевой сезон, который продолжался всё лето!

1994 год (М)

В 1994 году я продолжал работать в теме по разработке серийной рабочей легенды для Муйской серии листов масштаба 1 : 200 000. Ещё в 1993 году в ВСНИИГГиМСе была открыта тема по доизучению листов O-50-XXXI, O50-XXXII в масштабе 1 : 200 000 (сокращённо ГДП-200). В. И. Переляев, числившийся значительное время руководителем темы, уволился, ничего не сделав по теме. Работы по ней остались на нуле и без руководства. Чтобы проводить работы по ней, надо было срочно составить проект с рабочим вариантом геологической карты и защитить его. Руководителем темы назначили В. Г. Окорокова – опытного геолога. Но он всё время работал в Саянах и совершенно не знал геологию Муйского региона. Составлять проект и геологическую карту оказалось некому. Сроки поджимали. Грозило закрытие темы. Было понятно, что кроме меня эту работу в институте никто сделать не мог.

Начальник отдела региональных работ института, куда входила открытая тема, Н. К. Коробейников попросил меня выручить институт и заняться составлением проекта. Я понимал сложившу-

юся патовую ситуацию и согласился, хотя объём работы и обусловленные дефицитом времени трудности были большие. Проект был составлен в срок, но мне пришлось заниматься им всё свободное от занятий в университете время, прихватывая вечера. Проект я защитил, можно было ехать на полевые работы.

В этом году в связи с кризисом в государстве срочно сворачивали большую часть геологических работ. Закрывали в первую очередь партии, которые занимались широко распространёнными работами по геологическому доизучению площадей масштаба 1 : 50 000 (ГДП-50). Такая партия была в Таксимо. Она проводила ГДП-50 на площади листа О-50-XXXI. Эта партия проработала два года, собрала весьма объёмный материал. Из центра пришёл приказ принять все материалы нашей темой, а её ликвидировать.

Чтобы выполнить приказ, надо было ехать в Таксимо. Я попросился поехать раньше, чтобы сделать кое-где уточняющие маршруты. Получив разрешение, я взял маршрутным рабочим внука Мишу и отправился на полевые работы. Прибыв в Таксимо, мы поселились, как и раньше, у Намоловых. Я попросил Евгения Алганаевича Намолова – главного геолога Таксиминской партии отвезти нас на ручей Средний. Он устроил нас на попутную машину, и она завезла в нужное место.

Первый маршрут мы сделали по ручью Младенцевскому – левому притоку Келяны. Для этого пришлось обходить его водораздел с ручьём Средний. По долине Младенцевского была старая дорога. При выходе его в долину Келяны она была размочалена транспортом, превратившим её в сплошное болото. Пришлось преодолевать полкилометра, выдирая ноги из чёрной вязкой глины. Довольно трудное, угнетающее, бесцельное в отношении геологии занятие!

Далее дорога была лёгкая каменистая. Её края заросли малиной. Спелая ягода подняла наше настроение. Тем более, что у бортов долины были скальные обнажения или глыбняк и можно было определить, какими породами они сложены. По долине ручья поднялись на водораздел и по крутому склону спустились к ручью Среднему. Но здесь нам пришлось его бродить почти по пояс.

Сделали несколько маршрутов. Поднимались, проливая пот и отмахиваясь от гнуса, по крутым бортам долины Среднего до во-

дораздeлов. Здесь они широкие слабо бугристые каменистые с редкими кустами низкого стланика. Ходить по ним легко. Почти постоянный ветерок отгонял кровососов. Открывались бескрайние дали гор. В общем, приятная прогулка! Но надо было спускаться вниз, прыгая по каменным россыпям, что тоже доставляло мало удовольствия.

В назначенное время пришла машина, и мы вернулись в Таксимо. Через пару дней прибыли под руководством Г. Л. Митрофанова все сотрудники темы и автомашина с полевым снаряжением. Вначале решили принять материалы закрывающейся партии: дневники, карты, результаты петрогеохимических анализов, каменную коллекцию, а затем немного заняться полевыми исследованиями. Денежных средств, а следовательно, и времени нам было отпущено немного. Передавал материалы С. М. Циркунов – старший геолог закрывающейся партии. Чтобы не везти огромную кучу материалов, решили исследовать их на месте, делая выписки и выкопировки, просматривая коллекции и т. д. Распределили площадь между геологами по участкам и занялись делом. Сидели с утра до вечера. Так как Мише делать было нечего, я отправил его домой.

Я спешил выполнить свою часть работы, чтобы побольше заняться полевыми исследованиями. Кончил раньше всех и отправился уже на своей машине с двумя маршрутными рабочими на Адян Парамский для изучения геологии его долины. У борта долины ещё сохранились целые домики золотодобытчиков (см. раздел «1987 год»). В одном из них мы и поселились.

Здесь я с ребятами занимался три дня рутинной работой – составлением разреза по осадочной толще вдоль основания левого борта Адяна Парамского. Работа заключалась в проколачивании обнажений, отборе образцов из всех разновидностей пород, описании их вида, состава и залегания. Набрали довольно много каменного материала. Благо, нести его до табора было недалеко и по дороге.

В оставшееся время до прихода машины я сделал пару маршрутов на левый водораздел ручья Адян Парамский, где нашёл рвущий контакт гранитов с осадочной толщей, детально его задокументировал, отобрал сколки пород на шлифы и пробы на петрогеохимические анализы.

В одном маршруте надо было пройти вдоль склона, который оказался густо заросшим высоким багульником. Ветки его переплелись, через них пробраться было весьма затруднительно. Потребовалось бы много времени, сил и пота. Выручили нас узкие, покрытые переплетёнными ветками багульника, как тентом, кабарожьи тропы. Пришлось передвигаться по ним на четвереньках, уподобляясь этим животинкам. Не очень удобно, на зато значительно быстрее и легче, чем ломиться через заросли.

Наконец к нам прибыли на автомашине сотрудники темы вместе с Геннадием Лукичом. Решили сделать коллективный маршрут для проверки данных предшественников. В результате в вершине ручья в осадочной толще были найдены вулканиты, что ранее не было известно. Это позволяло считать, что данная толща является одновозрастной осадочно-вулканогенной толще в долине ручья Адян Келянский. На левом борту долины Адяна Парамского канавой было вскрыто налегание конгломератов кембрия на докембрийскую осадочно-вулканогенную толщу. Мы решили проверить достоверность этого контакта. Канава оказалась слегка засыпанной. Пришлось расчистить её. Убедились в справедливости наблюдений геологов, работавших здесь до нас. После этого отправились в Таксимо. Там помылись в баньке у гостеприимных геологов, после чего организовали совместное с ними застолье. Дружно повеселились.

Один день отдохнули и отправились всем коллективом обследовать некоторые участки в Южно-Муйском хребте. Туда шла автодорога на месторождение Ирокинда, где добывали из коренных пород золото. Вначале дорога пересекала южную часть Муйско-Куандинской впадины. Её центр занимают песчаные холмы, поросшие молодым сосняком. Старый лес был почти нацело уничтожен при строительстве БАМа. Постоянно встречались карьеры, где брали песок для отсыпки полотна железной и автомобильных дорог. Большинство из них превратились в мелкие, зарастающие озерки.

Ближе к Южно-Муйскому хребту дорога пересекала заболоченную местность. При поднятии хребта и опускании днища впадины в недалёком прошлом по геологическим меркам здесь были большие озёра. Они постепенно зарастали и превратились в торфяные болота с небольшими озерами и чахлыми, часто засохшими деревцами, наклонёнными в разные стороны – так называемый пьяный лес.

Затем дорога начала подниматься по лесистому склону хребта. Внизу вся поверхность представляла собой ковер брусничника. Ягода здесь участками уже поспела и мы остановились на часок, чтобы «попастись». По мере подъёма на хребет дорога становилась всё круче. Вскоре лесная растительность сменилась стланиковыми зарослями в чередовании с крупноглыбовыми россыпями. Кое-где встречались скальные выемки дороги. Около них мы останавливались, чтобы взять образцы для определения пород.

За одним из поворотов открылся вид на продолжение трассы до водораздела. Она имела здесь весьма впечатляющий вид. На крутом голом склоне, покрытом крупноглыбовыми россыпями, вилась серпантином дорога. Я насчитал 13 её отрезков, расположенных друг над другом! На поворотах сделаны расширенные площадки, чтобы машины могли разминуться.

Видно было, что дорога здесь весьма неустойчивая. На неё постоянно сползают каменные глыбы, особенно в непогоду и после неё. Поэтому на трассе постоянно дежурил бульдозер. Можно представить, что будет при землетрясениях, которые здесь случаются довольно часто. Хребты в регионе толчками продолжают расти, периодически сотрясая земную кору.

На водоразделе можно было полюбоваться открывающейся панорамой гор и Муйско-Куандинской впадины. Но было холодно, периодически пробрасывал снег, дул пронзительный ветер, и мы поспешили вниз. Дорога спускалась по долине ручья Киндикан с узким днищем и крутыми склонами. На всём протяжении долины её рыхлые отложения были перелопачены в результате добычи россыпного золота. На отдельных участках продолжались промывочные работы. Чтобы им не мешать, приходилось ехать по руслу. Вниз по течению долина Киндикана стала расширяться. Дело шло к ночи. Встретили небольшую ровную площадку, там и решили заночевать. Тем более, что здесь можно было посмотреть участок контакта древней вулканогенной толщи с более молодыми отложениями. Недалеко расположено «замаскированное» устье правого притока. Этот приток перед впадением в Киндикан разворачивается и несколько сот метров течёт параллельно ему. Лишь затем соединяется с ним. Причём устье его в долине Киндикана трудно заметить. Поэтому назвали его: ручей Потаённый.

Утром пошли в маршрут в вершину этого ручья. Туда вела тропа по хребтику, где прошёл пал, и местность была почти голой. Лишь кое-где торчали обугленные остатки стланика, да мелкие кустики новой поросли. Хребтик сложен древними, интенсивно перемятыми вулканогенными породами. В верховьях ручья расположен кар – котловина, выпаханная ледником. Ограничен он дугообразной скалистой стенкой.

У входа в кар как раз и расположен нужный нам контакт. Он, оказалось, проходит по небольшому разлому. Но за ним выходят конгломераты с валунами ранее встреченных изменённых вулканитов, дополнительно интенсивно рассланцованных у разлома. Конгломераты же не подверглись воздействию разлома. Эти факты свидетельствовали о более молодой толще конгломератов. Цемент в них, по моему мнению, был представлен пепловым туфом с примесью песчинок. То есть осадки накапливались совместно с вулканическими извержениями. Геннадий Лукич же отрицал наличие вулканического материала в конгломератах, ибо это противоречило его взглядам на геологию региона. По его мнению, вулканитов в этой толще быть не должно. Так что каждый остался при своём мнении. Ближе к центру кара конгломераты сменились песчаниками, среди которых присутствовали породы, похожие на туфы, Просмотр шлифов зимой подтвердил мою точку зрения. Несмотря на явные факты, взгляды Геннадия Лукича не изменились.

В Таксимо работал геолог Игорь Аполлонович Охотников – давний товарищ Геннадия Лукича. У Игоря Аполлоновича была книга Я. Д. Фризера (предприниматель и организатор добычи золота в Среднем Привитимье) об истории открытия месторождений россыпного золота в этом краю. Он дал нам её почитать. В ней изложены только факты. Я. Д. Фризер писал лишь вскользь о своей любви к Среднему Привитимью – этому суровому, но такому привлекательному горно-таёжному краю.

Вечерами после ужина мы располагались вокруг костра и Геннадий Лукич, пока было светло, читал вслух эту увлекательную книгу. Читая её, представляешь, сколько за этими сухими фактами было житейских коллизий, приключений, страстей и преступлений, достойных пера Джека Лондона! К сожалению, такого здесь не нашлось. Книга представляет библиографическую редкость. Я безуспешно пытался найти её в Иркутске.

В поисках золота отчаянные первопроходцы впервые проникли на Витим из долины Баргузина. Выше Шаманского порога они открыли богатые россыпи. Как только это стало известно, туда ринулись тысячи жаждущих быстрого обогащения. За ними шли предприниматели, которые за бесценок выкупали у государства, так называемые отводы, становились их хозяевами и организовывали промышленную добычу золота, создавали прииски. Главным из них был Я. Д. Фризер.

Первый прииск на Витиме назывался Многообещающая Коса. Туда из долины р. Баргузин под руководством Я. Д. Фризера была проложена дорога для конного транспорта. Вдоль дороги через 30–40 километров построили дома, где поселили людей, снабжавших путников едой, ночлегом, кормом для лошадей. Впечатляют труды по прокладке и поддержке в рабочем состоянии дорог снабжения приисков в этих суровых условиях по горам и тайге, удалённых на сотни километров от обжитых мест!

Продвигаясь вниз по Витиму, охотники за золотом достигли Каралона, где также обнаружили золотые россыпи. Здесь закипела бурная жизнь. Существует легенда, что предприниматель назвал ручей в честь своей дочери Каролины. Сюда устремилась армия любителей лёгкой добычи, так называемого фарта, и разгульного образа жизни. За ними по горным тропам из Бодайбо проникали спиртоносы и женщины лёгкого поведения. Я. Д. Фризер стал владельцем прииска. Он пытался бороться с вольными старателями, но силы были неравными. Тогда он для охраны прииска нанял отряд из 50 казаков. Но старатели стали добывать золота тайком ночами. В отдельные периоды на Каралоне было до полутора тысяч людей!

От Муи до Каралона была проложена тропа, по которой вьюками на лошадях и верблюдах доставляли на прииски снаряжение и продукты. Сведений о ней нет у Я. Д. Фризера, но она из-за своей экзотичности достойна особого внимания. Я как мог описал её (см. раздел «1987 год»).

Я. Д. Фризер заботился о своих рабочих, пытался создать им хорошие условия. На Каралоне он построил приличные дома, дом отдыха, школу, магазин, столовую. Да и зарплата у его рабочих была, по меркам того времени, высокая. После революции, когда стали отбирать прииски у их владетелях, Я. Д. Фризер уехал из

Каралона в Читу, а затем в Харбин, но до самой смерти тосковал по Среднему Привитимью.

На уступе над долиной Каралона была построена церковь, руины которой ещё были видны, когда мы там были. Рядом расположено кладбище. Кое-где сохранились остатки памятников. На одном из них ещё была вида надпись: «Здесь покоится безвинно убиенный…»

На следующий день мы поехали вниз по Киндикану до его впадения в р. Тулуя. По мосту переехали на правый берег. Здесь находился базовый табор геологосъёмочной партии Багдаринской экспедиции. Табор располагался в очень красивом месте, на скальных выступах, «облизанных» в половодья Тулуёй. Образовалось несколько плоских площадок на скальных выступах, где и находились под навесом кухня и палатка для камеральных работ.

Начальник партии находился на таборе. Он приветливо встретил нас, тем более, что он работал раньше с Геннадием Лукичом. Обсудив вопросы геологии региона, начальник партии повёл нас на расположенный вблизи участок, где ранее проводились работы по вскрытию золотоносных зон. Это представляло для нас большой интерес. На другой день съездили на близко расположенное золотое месторождение Кедровка, где также с интересом облазили и простучали молотками рудоносные зоны и вмещающие их породы. В последующем это месторождение стали разрабатывать и возник посёлок. В этот же день отправились обратно и к вечеру вернулись в Таксимо. Геннадий Лукич вернулся в Иркутск, а мы ещё несколько дней походили в маршруты.

Я использовал это время, чтобы пополнить мои наблюдения по бассейну р. Каалу. В предыдущем году мною был обнаружен контакт вулканогенно-осадочной толщи с карбонатами. Считалось, что карбонаты моложе их. Я же нашёл место, где вулканогенно-осадочные отложения залегают на карбонатах. Геннадий Лукич считал мои выводы ошибочными. Я решил ещё раз посетить это обнажение, чтобы проверить свои наблюдения и собрать более убедительный материал.

Я неоднократно посещал обнажения, где наблюдал важные для геологии региона взаимоотношения, чтобы проверить ещё раз правильность своих выводов. Для меня главным оппонентом был я

сам, поэтому стремился проверить справедливость своих выводов, если они вызывали сомнения у моих коллег. Когда мог, я водил на важные обнажения других исследователей, чтобы они подтвердили или опровергли правильность моих выводов. Или просил посетить других геологов такие обнажения, чтобы они проверили справедливость моих наблюдений. Обычно оказывалось, что я был прав.

В начале августа мы были уже в Иркутске.

1995 год(М)

В 1995 году предполагалось провести полевые работы по составлению серийной легенды Муйской серии листов масштаба 1 : 200 000. Мне давали возможность поехать на полевые работы для уточнения ряда спорных вопросов геологического строения региона. Но деньги из центра пришли лишь в начале августа. То есть время для полевых исследований оказалось резко сокращённым. Выехал я с маршрутным рабочим лишь в начале августа. В Нижнеангарске запасся 4-мя бочками бензина, чтобы не искать в Таксимо, где бы разжиться горючим.

По приезду в Таксимо 6 августа, мы, навестив Намоловых, не задерживаясь, отправились в бассейн реки Верхняя Сидольта. Надо было проверить свои ранее полученные на правом склоне долины Верхней Сидольты наблюдения о более молодом возрасте вулканогенно-осадочных пород, чем карбонатных отложений с палеонтологическими остатками кембрийского возраста. Для надёжности своих выводов мне надо было найти такие же данные на левом склоне долины реки. 7 августа пошли в маршрут вверх по Верхней Сидольте, поднимаясь на левый склон её долины, где я до этого не был. Склон оказался сильно заросшим стлаником. Пришлось потрудиться, продираясь через него. Наконец нашли обнажение, где я убедился, что был прав.

8 августа лил дождь, пришлось отдыхать, лёжа в палатке. Три раза в день в периоды ослабления дождя, надев плащ, я выбирался из палатки, чтобы сварить еду. Развести костёр под дождём – нелёгкая задача! Но был уже опыт по преодолению этой трудности. Да и лежать без дела надоедало. Так что это было своего рода развлечение. К концу дня погода наладилась.

Утром 9 августа мы быстро собрались и тронулись в обратный путь. По дороге с водораздела Якры и Каалу я решил сделать многодневный маршрут через перевал в долину реки Большой Якорь, чтобы посмотреть строение толщи вулканитов, их взаимоотношения с окружающими образованиями и отобрать пробы на определение возраста пород. Оставив машину с шофером у тракта Таксимо – Бодайбо, мы, загрузившись всем необходимым для многодневного маршрута, отправились в поход. Вначале путь лежал по днищу широкой долины, выпаханной древним ледником, с каром вверху. Идти было относительно легко. Но подъём по стенке кара был довольно крутой. Подниматься пришлось по крупноглыбовой россыпи, где не всегда можно пройти прямо. Пришлось идти зигзагом. На перевале отдохнули, полюбовавшись ступенчатым каром с озёрами и обрывистыми склонами. Внизу вдоль Якры виднелась дорога, по которой в клубах пыли проезжали машины. Далее по плоскому водоразделу и открытому склону идти было легко, и мы быстро достигли намеченного места. Устроили лагерь, и пошли в небольшой маршрут.

На следующий день в ущелье Большого Якоря я с большим интересом изучал строение вулканической толщи. Взаимоотношения пород в скальных выходах определялись чётко. Всё это я описал и зарисовал. Много труда и времени пришлось затратить на отбор проб для изучения состава пород и определения их возраста. Для этого мы на другой день с перерывом на обед дробили камни, выкалывая нужные кусочки. Переночевав, 11 августа пошли обратно, возвратились к машине, быстро собрались и к вечеру были в Таксимо. Как всегда на подходах и переходах я старался знакомиться с встречающимися на пути скальными выходами пород, бегло осматривал их. Если видел что-то интересное, задерживался. Мои спутники отдыхали, а я проколачивал обнажения.

12 августа мы сделали день отдыха, в бане у Намоловых смыли пот маршрутов и пыль дорог. 13 августа выехали к Витиму. На террасе, где у нас в 1983 году был табор, остановились на ночлег. Намечены были маршруты в бассейне ручья Верхний Усмун, где я уже бывал. Надо было уточнить взаимоотношение выходов мраморов и осадочно-вулканогенной толщи, а также изучить строение палеовулканических построек. Путь известный: на машине по до-

роге подъезжали к подножию хребта, где сухо, а дальше шли пешком к нужному обнажению. Количество гнуса на нашем пути с того времени, когда мы здесь были в прошлый раз, не уменьшилось. Только сошли с дороги, как из кустов с мерным гулом поднялась туча комаров и мошки. Пришлось надеть накомарники. Облазив обнажение «вверх, вниз, наискосок» я выяснил, что древнее скальное обнажение мраморов с неровной поверхностью с карманами до одного метра глубиной было засыпано валунно-галечными отложениями разнообразных пород с примесью вулканического пепла. В основании они смешались с глыбовым элювием, создав впечатление постепенного перехода от более древних мраморов к более молодым осадочно-вулканогенным отложениям. Эти отложения прорваны массивом габброидов приповерхностного магматического очага, поставлявшего на поверхность, где накапливались осадки, вулканический материал.

В следующем маршруте я разбирался со строением вулканической толщи в долине правого притока Верхнего Усмуна. Выявил центр древней вулканической постройки, откуда выбрасывались туфы и изливались лавы. Отобрал пробы на анализы. Вулканиты отлагались в пределах впадины, куда сносился обломочный материал, смешивались с осадками. В результате образовалась сложная по строению толща. Положение вулканогенно-осадочной толщи на этом участке и её строение стало ясным. Оставались ещё места, которые надо бы посетить, чтобы уточнить кое-какие детали геологии региона. Но пора было возвращаться в Иркутск.

Геологическое строение Байкальской горной области весьма сложное, обнаженность часто не позволяла с ним до конца разобраться. Посетить все обнажения тоже не было возможности. Поэтому приходилось интерполировать полученные данные на весь регион. И чем больше собрано материала, тем точнее были наши геологические карты – основа для поисков полезных ископаемых и других видов хозяйственной деятельности.

1996 год (М)

В 1996 году деньги на полевые работы в институте отсутствовали. Впереди маячило провести всё лето в городе, собирая ягоды и грибы. Занятие, конечно интересное, но мне хотелось снова оказаться в горах и разбираться в геологическом строении отдельных участков Байкало-Патомского нагорья.

На моё счастье в начале лета из Москвы приехали Сергей Алексеев – сотрудник института биологии развития Академии наук РФ и Михаил Пичугин – сотрудник кафедры ихтиологии Биологического факультета МГУ, которые остановились у нас. Они занимались изучением гольцов в озёрах Байкальской горной области. Ловля его, как краснокнижного вида, здесь запрещена, но Сергей (руководитель) получил разрешение на отлов гольцов для научных целей.

Так как я хорошо знал регион их исследований, они предложили поработать летом у них проводником. Я должен приводить их на определённое озеро, где по данным местных жителей водились гольцы. Там они будут заниматься своими делами, а мне предоставлялась свобода. Я подумал, что это время могу использовать для изучения геологии окрестностей, и с радостью согласился. Они предупредили, что надо будет до озёр с гольцами заходить пешком и, соответственно, нести солидный груз. Меня это не испугало, так как мне не привыкать носить большие грузы по горам и лесам. Снаряжение: палатка, тент, спальники, посуда, одежда — у них было современное, т. е. лёгкое. Продукты тоже были в облегчённом варианте: сухое молотое мясо, сухари, галеты, порошки и другое. Кроме того, у них были ещё резиновая лодка с вёслами и восемь сетей по десять метров, химикаты, пробирки и т. п. Ребята взяли большую часть груза, но всё равно у меня получился рюкзак весом более 20 килограммов.

Поездом отправились в Таксимо. Утром 11 июня были там. Мне показалось неудобным идти к Намоловым с незнакомыми им людьми. У нашего институтского отряда ранее в Таксимо был арендован дом. Считая, что он в полном порядке, я повёл ребят туда. Оказалось, что вокруг дома образовалось болото, дом захламлен, печь полуразрушенная, хотя топить её было можно.

Оставив ребят в этом доме, я пошёл навестить Намоловых. Дома была Мария Михайловна. Она укорила меня, что я сразу не пришёл к ним, и приказала, чтобы вёл ребят сюда. Я пошёл обратно. Мы быстро собрались и пришли к Намоловым. Мария Михайловна встретила нас приветливо, и мы почувствовали себя, как дома.

В обед пришёл Евгений Алганаевич, который был главным геологом Таксиминской геолого-разведочной партии. Нас интересовала возможность подъехать, как можно ближе к первому объекту – озеру Ирбо, расположенному на правом водоразделе реки Средний Мамакан. Алганаевич пообещал, что при первой возможности он нас отправит. Только мы собрались отобрать груз для похода на это озеро и оставить остальное у Намоловых, как раздался звонок телефона. Алганаевич сообщил, что в нужном нам направлении скоро пойдёт машина и надо срочно идти на базу партии. Делить груз уже было некогда. Мы быстро собрались и со всем грузом отправились туда. Машина оказалась ещё не готова, надо подождать. Да ещё пошёл мелкий дождь. В общем, выехали по дождю уже поздно вечером.

Высадились в указанном мною месте в сумерках. Спустились метров 100 по склону и начали отбирать то, что необходимо для похода на озеро Ирбо, до которого было 20 километров. Остальное в непромокаемой таре замаскировали в кустарнике. Спустились до реки Джалту – правого притока реки Средний Мамакан, переправились через неё по бревну и заночевали. Утром быстро собрались и двинулись вверх вдоль правого борта долины Среднего Мамакана. Вначале шли по дороге, потом по длинной наледи. Идти было легко.

У верхнего края наледи основная дорога ушла на левый борт долины. По правому склону была только дорога от вездеходов. Так как озеро Ирбо расположено на правом водоразделе Среднего Мамакана, то она нам подходила. По ней мы и пошли. Склон долины здесь оказался пологим, в значительной степени покрытым мхом, травой и кустарником с буграми вспучивания. Подо мхом часто образуются проталины мерзлоты, куда проваливаешься выше щиколотки. Идти по таким местам, да ещё с солидным грузом тяжело. Как везде в таких местах, вездеходы прорезали моховой покров, образовывая грязевые колеи. Мерзлота на этих участках протаяла, колеи стали глубокими. Вездеходы объезжали эти участки, расши-

ряя взбаламученные широкие ямы. По такой дороге тоже идти трудно. Так что мы за день пути по такой местности сильно устали.

Перед озером склон стал более крутым, каменистым. Идти стало легче. Наконец вышли на северный берег озера, представляющий собой пологий вал высотой пару метров, сложенный коренными породами и заросший мелким кустарником. Нашли ровную площадку на берегу и начали её обживать.

Западный берег озера каменистый. На нём построен добротный домик и баня. Растительность в нижней части склона была уничтожена. Как только мы появились, из домика вышел пожилой мужик и направился к нам выведать, что за люди появились в его пенатах. Познакомились. Мы рассказали, зачем сюда пришли. А он рассказал, что они здесь живут вдвоём круглый год. Сейчас его напарник отправился в Таксимо за продуктами. Между нами установились добрососедские отношения.

Когда-то это озеро и Средний Мамакан славились рыбным богатством, но здесь в 60–80-е годы проводили геологосъёмочные и поисковые работы. Геологи интенсивно ловили рыбу. Когда же проложили дорогу Таксимо-Бодайбо, озеро стало более доступно и для рыболовов-любителей. Поэтому рыбы в озере осталось мало. Живущие здесь мужики тоже ловят её в возможных количествах. Так что богатого улова ждать не приходилось.

Ребята стали готовиться к постановке сетей. Большая часть озера ещё была покрыта льдом. Но вдоль нашего берега уже образовалось довольно широкое открытое пространство. Для облегчения груза, который надо нести на себе, сети у ребят были лишены грузил. Вместо них к сетям пришивали мешочки, которые перед постановкой заполнялись камешками, а при транспортировке на другое место камешки выбрасывались. Занятие это довольно нудное и продолжительное. Я же стал готовить ужин. Поставили сети, поужинали и легли спать. Погода стояла безоблачная и ночью температура упала ниже нуля. По данным местного жителя она была минус пять градусов. Наши лёгкие спальники не спасали от холода. Приходилось часто просыпаться и надевать на себя всё, что можно. Мы согрелись лишь, когда выглянуло Солнце.

Утром, выйдя из палатки, обнаружили, что всё озеро покрыто льдом. Сети оказались под ним. Пришлось ждать, когда Солнце

растопит молодой лёд. К обеду лёд начал расходиться, можно было вытаскивать сети. Ребята занялись этим делом, а я пошёл в маршрут посмотреть породы на западном от озера водоразделе. Попыхтев на подъёме, вышел на широкое, покрытое каменными глыбами водораздельное пространство с редкими кустиками стланика и пятнами снега. Светило Солнце, дул лёгкий ветерок, отгоняя кровососов. Я с удовольствием «погулял» по водоразделу, раскалывая глыбы и определяя породы. Образцы я брал только в крайнем случае и небольших размеров. Нести их придётся на себе. А груза и так много. У снежничка развёл костёр, вскипятил чай и сел обедать, наслаждаясь открывшейся панорамой. Передо мной водораздельное пространство обрывалось глубоко врезанной вершиной Среднего Мамакана. За ней возвышался скалистый хребет, ещё покрытый снежным покрывалом – водораздел Среднего и Левого Мамаканов. Лишь кое-где чернели пятна вытаявших скал. Внизу уже обнажённый крутой склон прорезали ручьи в скалистых щелях. Местами образовались водопады. Не хотелось уходить! Но надо возвращаться.

В последующие два дня Солнце почти полностью «съело» лёд на озере, и ребята стали ставить сети на ночь в разных частях озера. Уловы были небольшие, гольцов –единицы. Их обрабатывали химикатами, брали образцы на генетический и другие анализы, взвешивали, измеряли и пр. Другая рыба шла в пищу.

На второй день я спустился в долину Среднего Мамакана на огромную наледь. Если нижняя наледь, которую мы пересекли на подходе, в большей части растаяла, то верхняя наледь подтаяла только с краёв. В середине наледи река промыла во льду извилистое ущелье, с вертикальными стенками голубого льда до трёх метров высотой. На отдельных участках ещё сохранились ледяные мосты. Я нашёл промоину в стенке ледяного ущелья, спустился к руслу Среднего Мамакана и пошёл по нему вверх по течению, как в каньоне, любуясь красивыми ледяными стенами. Зрелище незабываемое! Хорошее настроение усиливало отсутствие мошки, благодаря идущей ото льда прохлады.

У конца наледи Средний Мамакан раздваивался. Здесь на левом берегу когда-то располагался большой лагерь геологов, которые занимались разведкой золоторудного месторождения Юби-

лейного. Сюда как раз и приходит дорога, по которой мы шли вначале. Она продолжается вверх до водораздела и спускается в долину ручья, в вершине которого располагается месторождение. Когда его открыли, был большой шум. Ожидали здесь найти крупный объект. Но оказалось, что оно имеет гнездовый характер и по запасам золота соответствует только мелкому месторождению. А в связи с его удалённостью и суровыми горными условиями его эксплуатацию посчитали нецелесообразной. Работы по его освоению были прекращены. Я прошёлся по дороге вверх, познакомился с зонами оруденения, вскрытыми канавами, вмещающими их породами, и пошёл обратно.

На третий день я решил сходить на водораздел вершин Среднего и Левого Мамакана, посмотреть с высоты на места, где проходил практику в 1957 году, вспомнить молодость. Для этого я снова спустился в долину Среднего Мамакана, прошёлся ещё раз по ледяному каньону и затем правой вершине реки. Там поднялся по скалистой щели в кар, с западной стенки которого можно было взглянуть на долину Левого Мамакана. В щели обнажались интересные для меня породы. Я даже взял несколько образцов для шлифов. Днище кара вместе с озёрами и склонами было покрыто толстым слоем снега, который на Солнце подтаял и стал рыхлым. Идти по нему тяжело. Я понял, что до водораздела мне не добраться. На оттаявшем бугорочке развёл костерок, сварил чай, пообедал, посидел вдвоём с грустью, что невозможно вернуться в молодые годы, полюбовался снежной пеленой и панорамой гор и пошёл обратно.

Улов у ребят был очень маленький, не удовлетворивший их. Но надо было возвращаться. Впереди были и другие озёра, которые надо было посетить. Мы быстро собрались, спустились в долину Среднего Мамакана, перешли на левый берег и вышли на дорогу. Обратный путь был значительно легче, и мы к вечеру вышли на трассу Таксимо-Бодайбо. Здесь нас подобрала автомашина, мы быстро добрались до усадьбы гостеприимных Намоловых, истопили баню, смыли пот и грязь и хорошо выспались.

Следующим объектом было Падринское озеро, расположенное в вершине р. Падора, где я побывал в 1988 и 1990 годах. Кратчайший путь туда лежал по долине Падоры, которую я в разные

годы прошёл от устья до вершины. Но сначала надо было попасть на её устье. Опять же помог Алганаевич. У них были поисковые работы в бассейне ручья Подкаменного, и туда периодически ходил автотранспорт. На очередной машине он устроил нас. Мы проехали за Парамский порог, где покинули автотранспорт. Оттуда решили груз сплавить на резиновой лодке, а двоим идти пешком. Сергей отправился в плавание, мы же с Мишей пошли вдоль берега Витима.

Без приключений дошли до устья Батракана, где дождались Сергея с лодкой.

Наутро двинулись в путь вверх по Падоре, который был для меня знаком. Только отошли от табора, начал периодически моросить мелкий дождь. Надели на себя плащи и накидки на рюкзаки. До устья ручья Шумного пришлось облазить два довольно высоких прижима.

Мне помнилось, что выше ручья Шумного ходить вверх по Падоре, где она течет по коренным породам, было легко, как по асфальту. Поэтому я обнадёжил ребят: дальше путь будет лёгким. Но прошли дожди, вода в Падоре поднялась и затопила берега, а выше – густые заросли мокрого стланика. Пришлось нам пробираться сквозь него. Плащи закрывали от дождя только спину и голову. Но «куст заденешь плечом, на лицо тебе вдруг с веток брызнет» ушат воды. В общем, мокрые мы стали почти с ног до головы. Только спина, прикрытая плащом и рюкзаком, была мокрая не от дождя, а от пота. Дошли до ручья Ханка. Вода в нём тоже поднялась. Но нам было уже всё равно, побрели напрямую. Рюкзаки не давали течению сбить нас с ног.

Далее мы вышли на длинную (5 км) и широкую (0,5 км) наледь, где лёд полностью растаял, из воды выступали огромные камни. По ним мы в прежние годы легко подбегали к маршрутам. Хотя вода и поднялась, но по выступающим камням можно было прыжками передвигаться. Уже стало смеркаться. Решили преодолеть наледь и остановиться на ночлег. На середине наледи Сергей поскользнулся и упал с рюкзаком в воду. Благо, все вещи были у нас в целлофановых пакетах, вставленных в рюкзаки, и потому остались сухими. Мы помогли ему выбраться и быстрее направились к берегу.

Добрались до берега. Пока Сергей переодевался, натянули тент, нашли сухой корень, сделали с него стружку и вскоре запылал костёр. Дождь перестал. Можно было подсушиться. Мы сделали большой костёр, благо сухого стланика вокруг было полно, переоделись, просушили мокрые вещи, поставили палатку и устроились на ночлег.

Утром быстро собрались и отправились к озеру. Дальше путь проходил по звериным тропам, а преграждающие заросли стланика мы прорубили ещё в 1988 году. Последние километры преодолели по каменной россыпи. Через три часа добрались до озера и расположились на старом таборе геологов.

Озеро почти всё было покрыто льдом. Лишь вдоль берегов существовало узкое открытое пространство. Ветер гонял лёд по озеру, периодически прибивая его то к одному берегу, то к другому. С нашей стороны ветер отогнал лёд на пару десятков метров, поэтому ребята смогли поставить сети. Но утром лёд пригнало ветром к нашему берегу и сети оказались недоступными. Стали ждать. Через пару часов ветер переменился и отогнал лёд. Стали выбирать сети. Они оказались битком набиты гольцами и хариусами. Хариусов ребята вынимали из сетей и кидали мне, а я их тут же потрошил и солил. Гольцов оказалось более 100 штук, так что ребята целый день обрабатывали их. Даже выделили часть гольцов на ужин. Эта рыба самая вкусная в регионе. Я её зажарил, и мы вечером устроили «праздник живота».

На другой день ребята продолжали обрабатывать пойманную рыбу, а я решил подняться на водораздел с ручьём Каралон, нарастить площадь, исследованную в прошлые посещения этих мест. Заодно Сергей меня попросил посмотреть признаки наличия рыбы в озере, которое располагается в каре над Падринским озером. Оттуда стекал ручей водопадом. Понятно, что голец не мог туда зайти. Но я добросовестно обошёл озеро вокруг, никаких признаков присутствия рыбы в нём не обнаружил. Затем по каменной россыпи я достиг водораздела, полюбовался вершиной Каралона с узкой долиной, уходящей на восток, карами, соединяющимися в амфитеатр цирка, каровыми озёрами, скалистыми обрывами и возвратился обратно.

Задача по гольцам Падринского озера была полностью выполнена. Утром следующего дня наметили выход. Встали пораньше, сети вытащили и просушили, рыбу обработали и упаковали. Вышли уже после обеда. Пока мы были на Падринском озере, стояла солнечная погода. Вышли обратно тоже по сухой погоде. Но к вечеру пошёл дождь. Пришлось снова идти по дождю. Перебрели р. Ханка и стали ломиться сквозь заросли мокрого стланика. Уже темнело. Надо бы остановиться на ночлег, а подходящего места не встречалось. Наконец на пути оказался небольшой лесок, в нём и остановились на ночлег. Как только рассвело, снова отправились в путь. Думали к вечеру дойти до Витима, но скорость по мокрому стланику и камням была небольшая. Когда стемнело, нам оставалось пройти ещё пару километров. По камням надо было обойти каньон Падоры с подъёмом и спуском. В темноте это преодолевать было опасно. Остановились, натянули полукругом тент, перед ним развели костёр и стали коротать в полудрёме ночь. Так как моросил слабый дождь, то всё было мокрым. И если дать костру потухнуть, придётся приложить немалые усилия его восстановить. Костёр мужественно поддерживал Сергей, давая нам подремать. Как только начало светать, быстро собрались и через пару часов были уже на берегу Витима. Дождь кончился. Мы просушили одежду и завалились отсыпаться.

Мы рассчитывали выехать с Падоры машиной старателей, но их машины всё ещё стояли без движения из-за высокой воды в Витиме. Другая возможность – уплыть на катере, который иногда ходил по Витиму. Непонятно только, где он находится, когда будет и возьмёт ли нас. На совете решили, что мы с Мишей пойдём до устья Парамы, где живёт семейная пара. У Сергея в предыдущие годы завязались дружеские отношения с одним из жителей посёлка Неляты, расположенного на правом берегу Витима. Будем звать его Петрович. А он дружил с парой, живущей на устье Парамы. Через этих людей мы решили попытаться ускорить прибытие катера, если найдём его. Сергей же будет ждать катер на месте. За день мы дошли до устья Парамы. Узнав, что мы знакомы с Петровичем из Нелят, эти люди предоставили нам стол, кров и баню.

Как звали этих людей, я забыл. Пусть хозяин будет Степан Иванович. Интересная история этой супружеской пары. Они жили

в каком-то большом городе, он был успешным ученым: то ли доктор наук, то ли даже академик. Ещё довольно молодым он заболел туберкулёзом. Врачи рекомендовали ему либо лечебное заведение на несколько лет при неясном исходе, либо жить вдалеке от населённых пунктов и питаться естественными продуктами, используя народные лечебные средства.

Каким-то образом супруги узнали, что на Витиме в красивом месте есть метеостанция, куда требуются люди, обслуживающие её круглый год. Они приехали сюда, оформились на работу, привезли корову, кур, пчёл и завели другое хозяйство, разработали огород, научились ловить рыбу и стали жить. Болезнь прошла, но они прикипели к Витиму и не захотели покидать это место. Остались там жить даже после ликвидации метеостанции. Были слухи, что в двухтысячные годы в связи с преклонным возрастом они всё же покинули это место. Наверное, грустно им было расставаться с этим красивым краем, где прожили много лет.

Степан Иванович по рации связался с Петровичем. Тот сказал, что за нами приедет его брат через три дня. Делать нечего.

– Степан Иванович, дайте мне какую-нибудь работу, что же я буду целый день сидеть, – попросил я.

– Косить умеете?

– Приходилось по молодости.

– Я сейчас подготовлю косу. Вон там огороженный участок, покрытый травой. Надо её скосить.

– Отлично, – обрадовался я.

Приятно было вспомнить молодость. На том и порешили. Я два дня косил сено.

К вечеру первого дня вдруг видим, что снизу медленно идёт человек с огромным рюкзаком. Это оказался Сергей. Он не захотел ждать «у моря погоды», на второй день собрался и пошёл к нам пешком. Мы хоть и взяли часть груза, но всё равно у него получился рюкзак, наверное, килограмм сорок! Как он его только дотащил?

В назначенное время приплыл брат Петровича и мы поплыли вверх по Витиму. У него в дельте реки Бахтарнак – левый приток Витима, была заимка. Причалили туда. На заимке он жил лето с семьёй. Были добротные постройки и большое поле картошки. Они заготавливали её на продажу. Осенью из Бодайбо, где карто-

фель не вырастает, приезжают покупатели и по высокой цене скупают картофель. Там нам устроили обильный обед с выпивкой. Дальше нас передавали, как по эстафете. Сын хозяина хутора доставил нас до Нелят. Там Петрович устроил обед с возлияниями и передал нас своему сыну. Сын довёз нас до посёлка Муя. У него переночевали и на другой день доехали до Таксимо.

Была ещё половина лета, а у Сергея с Мишей командировка уже кончалась. Им надо было возвращаться в Москву. Осталась целая серия озёр, где наличие гольца твёрдо не установлено, но возможно.

– Вот была бы возможность их исследовать, – горевал Сергей.

– А давайте я пройдусь по этим озёрам и проверю наличие гольца, – предложил я, – только мне нужен спутник.

– Хорошо, я пришлю Вам спутника, – заверил он.

Сергей тщательно проинструктировал меня, как обрабатывать гольцов, оставил мне лодку, сети, химикаты, походное снаряжение, продукты, и с Мишей отправился в Москву. Я остался у Намоловых ждать спутника. Через неделю прилетел Алексей – сотрудник института, где работал Сергей. Познакомились. Я стал расспрашивать, насколько он приспособлен к походу. Оказалось, что он бывал в экспедиции, но только не отрываясь от цивилизации. Сергей ему наказал, чтобы он безоговорочно подчинялся во всём мне, что он чётко выполнял. Если я обращался к нему с каким-нибудь предложением, его ответ был однозначным: «Как скажете, Владимир Васильевич». Так что я должен был все вопросы решать самостоятельно.

Я наметил круиз по озёрам на 15–20 дней. Из этого расчёта взяли продукты. Евгений Алганаевич устроил нас на попутную машину и 4 августа под вечер мы отправились по дороге Таксимо – Бодайбо до реки Сиры. Груз у нас был, вероятно, килограмм по двадцать пять – тридцать. Выгрузились уже по темноте. Отошли от дороги метров на сто, где было относительно ровное место, быстро поставили палатку и устроились спать.

Алёша никогда не готовил еду на костре, эту миссию пришлось выполнять мне.

Утром я приготовил завтрак, и мы медленно, сгибаясь под огромными рюкзаками, отправились вверх по Сире. В её вершине

было значительное озеро, наметили его первым проверить на наличие гольцов. Вначале долина реки была довольно широкая. Километра три была довольно утоптанная тропинка. А затем мы её потеряли. Тропа, конечно, должна продолжаться до вершины реки, но какая она и где находится? Чтобы не терять времени на её поиски, я решил идти напрямик, может где-нибудь на неё наткнёмся. Но через час мы попали в густой стланик. Я направился к реке, надеясь, что там будут свободные от стланика забереги. Оказалось, что Сира здесь имеет узкое русло, заваленное выступающими из воды валунами, а берега покрыты высоким стлаником, который наклонён к воде. Кое-где вершинки его соединялись, образуя тунель. Пришлось нам осторожно пробираться по этим валунам. Выбрались мы из зарослей стланика уже вечером. Устали неимоверно! Еле двигались. Пересекли заболоченное поле. Впереди перед озером виден был невысокий покрытый глыбами и стлаником со скальными выступами вал–ригель. Он образуется, когда ледник, выпахивая котловину будущего озера, упирается в более крепкие породы, переваливается через него. В результате образованное при таянии ледника озеро ограничено скальным уступом. Из переполненного водой озера вода, обнаружив понижение в ригеле, даёт начало ручью, который постепенно пилит его. У внешнего склона обычно возникает водопад или очень крутой сток. Рыба не может преодолеть его, а тем более водопад. Поэтому в каровых озёрах она обычно отсутствует.

До озера оставалось полкилометра, но силы были на исходе. Остановились на первой относительно ровной и сухой площадке под ригелем. Быстро поставили палатку, сварили ужин и скорее легли спать.

Утром встали с трудом. Постепенно размялись, но усталость чувствовалась во всём теле. Кое-как собрались и поплелись к озеру. Гольца в нём нельзя было ожидать из-за высокого скалистого ригеля с крутым стоком. Но я добросовестно обошёл озеро по периметру, тщательно просматривая отмели. Если в озере есть рыба, то на отмелях можно увидеть стаи мальков. Но признаков рыбы не было. Ставить сети, по моему мнению, было бессмысленно.

Далее наш путь лежал через хребет в вершину р. Парама, где была цепочка ледниковых озёр. Мы медленно двинулись вверх по

долине ручья, подошли к основанию крутого подъёма. Я чувствую, что нам его без отдыха не преодолеть. Поэтому объявил дневной отдых. Расположились. К обеду я почувствовал, что усталость проходит. После обеда решил не терять время даром, оставил Алексея отдыхать, а сам налегке пошёл посмотреть породы у основания склона.

Утром проснулись бодрыми, усталости, как не бывало. Быстро собрались и легко преодолели крутой подъём на водораздел. Правда, Алексей отставал, сказывалось отсутствие тренировки. Другая сторона водораздела представляла собой ровный, относительно пологий склон, покрытый зелёной травяной растительностью. Ручьи ещё не выработали здесь русла, господствовал так называемый плоскостной сток. Среди серых скал и камней располагался весёлый зелёный уголок! Я нигде не видел такого обширного альпийского луга. Зелёный склон имел форму треугольника с ровной стороной у водораздела. Две другие стороны – невысокие постепенно понижающиеся скалистые гребни, образующие острый угол внизу. Глаза радовались такой красоте!

Мы спустились по этой зелёной лужайке к острому углу треугольника. Там мелкие ручейки сливаются в единый ручей. Ниже по течению мы увидели гранитную скалу, разделённую трещинами на огромные блоки. Ручей скрывается в этих трещинах, разработанная им долина исчезает, упираясь в эту скалу. Со скалы открывается вид на вершину реки Парама, в нижнем течении которой проходит дорога к Витиму. У подножия скалы видна цепочка озёр, из которых вытекает река. Одно из них нам надо обследовать на наличие гольца.

Скала трещинами разбита на блоки, которые образуют уступы высотой до двух метров, создавая гигантскую лестницу к озеру. Выискивая подходящие скальные уступы, мы стали спускаться. Небольшие уступы преодолевали прыжками с высоты. Можно представить, как после приземления на тебя как бы обрушивался рюкзак весом более 25 кг. Более высокие уступы преодолевали, сползая. В особо опасных местах я пытался страховать Алексея. Поупражнявшись в скалолазании, наконец, достигли берега озера у подножия скалы. Оно называется Утиное. Надо найти место для стоянки. Берег, на который мы спустились, был для этого непод-

ходящим, заросшим кустарником и заболоченным. Пошли вдоль берега к северному краю озера, где виднелись сосны. Там озеро невысоким песчаным валом, по-видимому, намытым волнами, отделялось от вершины реки Янгуда. Сток же из этого озера был к югу в другое озеро, а далее начиналась река Парама. Ледник, выпахавший озёра, двигался к югу без всяких уступов, поэтому в озёрах после таяния ледника заселись рыбы, мальки в изобилии резвились на мелководье.

Место для стоянки оказалось подходящим. Устроившись, мы начали готовиться к постановке сетей. Их связали между собой в единую сеть. Длина её стала более 50 метров. Набили мешочки внизу сетей камешками, накачали резиновую лодку. К ней привязали конец сети. Я должен был грести, чтобы сеть удалялась от берега, а Алёша – постепенно травить сеть. Гольцы держатся у дна. Чем глубже поставить сеть, тем больше вероятности поймать гольцов, если они есть. Алексей должен был зайти в воду, как можно глубже. Но тут оказалось, что он в детстве тонул и теперь паталогически боится водного пространства. На все мои уговоры он глубже, чем по колено, заходить не соглашался, хотя дно здесь погружалось полого. Ничего не поделаешь, пришлось ограничиваться возможным.

Наутро вытащили сеть. В ней оказалось большое количество хариусов и несколько ленков. Но гольцы отсутствовали. Мы сварили уху, а остальную рыбу, отрезав голову, хвост и выпотрошив внутренности для облегчения веса, посолили и поместили в целлофановый пакет. Собрались и пошли через перевал к озеру в вершине р. Саку.

Только перешли через песчаный бугор, как увидели: метрах в двадцати стоит на задних лапах здоровый медведь, смотрит на нас и нюхает воздух, пытаясь определить, что это за существа тут бродят. Стало неуютно. Я скорее вынул из кармана спички, чтобы попытаться зажечь стланик. Вдруг ветерок пахнул от нас. Он уловил людской запах, быстро повернулся и исчез в стланике. Мы вздохнули с облегчением и продолжили поход.

Перед подъёмом на водораздел пробрались через небольшой каньончик и вышли на такой же склон, как и описанный в предшествующий день. Но там он был зелёный, а здесь белый, весь по-

крытый только ягелем. То же весьма впечатляющая картина. Я подумал: «Вот хорошее пастбище для оленей».

Без приключений перевалили в вершину реки Саку. Здесь тоже была цепочка озёр. Мы спустились к самому верхнему. От нижних озёр его отделял крутой склон высотой более ста метров. Было ясно, что рыбы здесь нет. Но уже наступал вечер. Поэтому мы здесь заночевали. Для очистки совести поставили сети. Они, как и ожидалось, оказались пустыми. Надо бы проверить нижние озёра. Они не имели таких уступов, следовательно, должны быть рыбными. Но тогда бы мы теряли два дня, и нам бы не хватило продуктов. Нас и так выручала рыба.

Преодолев невысокий перевал, мы вышли к Гусиному озеру в вершине ручья Илеир – правого притока реки Янгуда. Сток из него был пологим, на берегах были видны остатки таборов рыбаков и лес вокруг был вырублен.

Поставив сети на ночь, вытащили их утром с богатым уловом. Но гольцы опять отсутствовали. Быстро обработав пойманную рыбу и, засолив её, двинулись вниз по Илеиру. Долина здесь была широкая, слабо наклонённая почти без древесной растительности. По ней извивалось сухое русло Илеира с берегами высотой около метра, сложенными песком с рассеянными гальками и валунами – перемытыми ледниковыми отложениями. Идти было легко и вскоре мы достигли ручья – притока Илеира, который в пяти километрах вытекал без особых препятствий из Самокутского озера. Мы знали, что в нём также водится рыба.

Я решил, что это озеро надо проверить на наличие гольца. Утром встали, погода безоблачная. Собрались в поход к Самокутскому озеру, расстояние небольшое. Взяли с собой еды из расчёта, что завтра к обеду вернёмся, палатку с тентом, спальники и рыбацкие принадлежности. Засоленную рыбу в целлофановом куле опустили в воду, придавили камнями, чтобы в куль не попала вода, крепко завязали, а концы целлофана оставили наружу и привязали к дереву. Рюкзак с продуктами привязали повыше к дереву, чтобы до продуктов не добрались мыши, бурундуки и другие «хулиганы».

Пришли на озеро быстро. Но у него по берегам растёт только стланик. Пришлось за палками для палатки идти почти за полкилометра. Нашли относительно ровную площадку среди стланика,

кое-как поставили палатку, натянули тент и занялись сетями. С камешками для грузил тоже оказалась проблема, пришлось ходить по берегу, их собирать. Когда начали ставить сети, уже темнело. В это время из-за горы выползла чёрная туча, налетел шквальный ветер и пошёл дождь. Мы скорее поставили сети. Алёша забрался в палатку, а я, накинув плащ, ещё собирал кое-какие вещи, чтобы их ветром не унесло. Вдруг слышу, Алёша кричит. Кинулся туда, а крепления палатки и тента с одного края вырвало ветром. Давай я под проливным дождём снова крепить их. Закрепил надёжно и нырнул в палатку. Заснули под шум дождя.

Утром проснулись, я высунулся из палатки, а кругом белым-бело. Ночью дождь сменился снегом. Озеро у берега покрыто тонким льдом. Холод приличный. Для Алёши такое приключение непривычно. Решил, пусть поспит. С большим трудом развёл костёр, приготовил завтрак и позвал Алексея. Тут из-за горы выплыло Солнце. Сразу стало теплее. Надо выбирать сети. Вода ледяная. Вытащили их, они, как на грех, оказались битком набиты хариусами. Гольцов опять нет. Начал вытаскивать рыбу из сети, периодически грея руки у костра. Алёша стал обрабатывать добычу и складывать их в целлофановый пакет. К обеду снег сошёл, палатка и тент высохли, мы собрались и пошли обратно. На таборе всё было в порядке, кроме того, что часть целлофанового куля с рыбой, выступавшая из воды, была съедена почти до её уровня.

Переночевав, мы отправились вниз по Илеиру. Вначале путь по его берегу был без приключений, кроме того, что Алексей отставал. Периодически надо было его ждать. Он подходил и просил передохнуть. Согласившись на такой вояж, он, конечно, не представлял какие физические нагрузки и трудности быта его ожидают. Сказывалась и его страсть к курению. Алёша сознался мне, что не раз пожалел, что согласился участвовать в такой экспедиции. Его отставания значительно задерживали нас, а продуктов у нас становилось всё меньше.

Ближе к впадению Илеира в Янгуду начались прижимы. Их приходилось облазить. У довольно высокой скалы встретилось большое и глубокое улово. У её подножия река нагромоздила высокий завал из лесин. Я решил, что лучше перебраться через этот завал, чем высоко подниматься, огибая прижим. В середине завала

оказалось, что на расстоянии пяти-семи метров можно пройти только по бревну, возвышавшемуся над водой на два с лишним метра. Балансируя с огромным рюкзаком, я прошёл по нему. Только когда я перешёл его и спустился на берег, понял, какой опасности подвергал свою жизнь. Если бы я свалился с бревна, то вполне мог расстаться с нею! А Алёша один, не зная местности, навряд ли смог бы выйти к людям. Надо сознаться, что в своих походах и маршрутах я часто бывал на грани жизни и смерти, не всегда оправданно. Рисковал не только собой, но и спутниками, в чём каюсь. Мне везло, и я выходил из этих ситуаций целым и невредимым.

Я дождался отставшего Алёшу и заставил его подняться в гору и обойти скалу. Наконец, вышли в широкую долину реки Янгуда, где были хорошо натоптанные тропы со следами оленей, а кое-где и медведей. Прошли несколько бывших таборов, работавших здесь более десяти лет назад геологов под руководством Г. Л. Митрофанова. Они уже начали зарастать, но всё ещё были узнаваемыми. У входа Янгуды в ущелье мы перебрели её и устроились на ночлег.

На другой день нам надо было перевалить в долину ручья Большой Гукит – левый приток Янгуды. Через перевал шла тропа. Вначале подъёма она была широкая и торная. Но выше тропа постепенно становилась всё уже и разделялась на несколько троп. Подъём становился всё круче. Склон оказался покрытым стлаником вкупе с карликовой берёзкой и багульником. Заросли становились всё гуще, а кое-где приходилось их раздвигать. Перед самым перевалом тропа вообще потерялась. Пришлось ломиться через эти заросли. Алёша сильно отставал. Я боялся, что он уйдёт в сторону и потому периодически криком указывал ему направление. Обильно попотев, мы выбрались на голый водораздел, немного отдохнули и начали спуск. Он оказался ещё круче, тропа, которую было видно на водоразделе, сразу потерялась. Мы стали ломиться напрямик, участками, чтобы не упасть, спускались, лишь цепляясь за кусты. Наконец, склон стал более пологим, а заросли менее густыми.

Вскоре вышли на хорошую тропу и по ней быстро и легко достигли долины Большого Гукита. Она оказалась широкой, на несколько километров простиралась наледь, виднелись следы вездехода, что нам весьма облегчило путь. Но после наледи его русло прижалось к левому крутому склону, правый пологий склон ока-

зался заболоченным. Вездеходная дорога стала трудно проходимой. Чавкая сапогами, часто увязая в грязи, мы медленно пересекали заболоченное пространство протяжённостью около двух километров.

Далее предстоял нам ещё один перевал, время было позднее, а мы уже порядком устали. Кроме того, мне в этом месте надо было сходить в маршрут, поискать контакт двух толщ. В устье ручья Хасан – правого притока Большого Гукита увидели зимовье. В нём заночевали. На другой день я оставил Алёшу отдыхать и набираться сил, а сам отправился в маршрут. После похода с тяжелым рюкзаком, идти почти пустым было легко, «как на крыльях», подъёмы были невысокими. В общем, не маршрут, а прогулка. Посмотрев, что хотел, я рано вернулся. Алёша уже научился готовить еду на костре и накормил меня ужином.

Перевал в долину реки Чаянгра оказался относительно лёгким, так как шли по хорошей для этих мест дороге. На подъёме по ней тёк ручей, размывал её, но ещё не выработал глубокое русло. Обычно только проложат дорогу, тут же её начинают разрушать ручьи, вымывают глубокие канавы и рытвины, нагромождают валы камней, в конце концов, делают её непроезжей. Под самым перевалом пересекли редкий невысокий весёлый березняк, как где-нибудь под Иркутском. Спуск проходил по долине ручья Загалдын – правого притока Чаянгры, тоже по хорошей дороге. Недалеко от перевала прошли бывшую круглогодичную стоянку геологов, проводивших здесь поиски месторождений золота. Но, видать, ничего путного не нашли. Осталось несколько целых добротных домов.

В среднем течении долина Загалдына расширяется. Здесь был временный прииск, добывали россыпное золото. На левом борту долины ещё сохранились постройки посёлка золотодобытчиков. Он состоял из нескольких бараков, столовой, мастерской и гаража. Обособленно, чуть выше был построен очень красивый двухэтажный дом, по-видимому, начальника (владельца?) прииска. Вокруг дома шла веранда, а на второй этаж вела лестница, украшенная резьбой. Там тоже была веранда, с неё весь прииск был виден, как на ладони. Можно было наблюдать, не выходя из дома, за всем ходом работ, кто как трудится.

В верхней части россыпи все отложения ручья были смыты. Обнажено очень красивое скалистое ложе, сложенное белыми

мраморами с полосами (дайками) и линзами чёрных габбро. Вид, как картинка из учебника для первого курса геологического факультета. А ниже по течению на несколько километров простиралась беспорядочно холмистая песчано-валунная пустыня, но только небезводная. В отдельных местах среди холмов образовались бессточные озерки. С веранды домика начальника мы полюбовались видами, отдохнули и тронулись дальше.

В устье Загалдына оказалась расположена временно оставленная база золотодобытчиков: несколько вполне пригодных для жилья домов, готовая к действию техника. Базу охранял сторож. Он весьма радушно встретил нас. Видать соскучился по общению с людьми. Разрешил нам переночевать в одном из домов, угостил нас ужином. За это мы расплатились беседой. На следующий день по укатанной дороге пошли вверх по Чаянгре. Затем дорога уходила по долине притока Чаянгры на перевал в долину Нижней Сидольты. Нам же надо было идти к озёрам, расположенным в вершине Чаянгры. У верхнего озера мы заночевали, поставили сети, но в них попалось только несколько мелких хариусов.

Далее надо было преодолеть два перевала и по притоку Правого Мамакана спуститься к дороге, которая приведёт нас к трассе Таксимо – Бодайбо. Поднялись на невысокий первый перевал. Он был почти без растительности, покрытый дресвой, а над голой площадкой возвышались на два-три метра гранитные столбы. Пересекли глубоко врезанную узкую долину ручья и вдоль склона двинулись дальше.

В одном месте пришлось преодолевать полосу густого стланика высотой более трёх метров, с выступавшими над поверхностью корнями толщиной до полуметра. Ширина стены стланика была более 100 метров. Обилие такого могучего стланика я ещё не встречал. Пришлось нам поупражняться в перелазании через переплетения толстых корней, тогда как стланик «цеплялся за наши рюкзаки, пытаясь нас остановить»! Кое-как зигзагами мы преодолели это препятствие, вышли на камни, посидели, отдышались и тронулись дальше. Прошли метров сто. Вдруг Алёша впервые за весь поход громко выругался, в голосе слышалось отчаяние. У Алёши был рюкзак с пристёгнутыми карманами. В одном из них располагался весь запас его курева. Когда преодолевали стену

стланика, рюкзак, видать, зацепился за стланик и карман с куревом оторвался.

– Владимир Васильевич, давай вернёмся к стланику! – взмолился Алексей.

– Да где ты его найдёшь в этих зарослях?

– Найду, Вы только приведите меня к месту, где мы выбрались из них.

Я уже знал, что бывает с курящими без табака, видел его отчаяние! Делать нечего, пришлось вернуться. Привёл к месту нашего выхода из дебрей стланика. Алексей скинул рюкзак и ринулся в стланик. Я тоже начал снимать рюкзак, чтобы прийти ему на помощь. Он только вошёл в заросли и сразу увидел оторванный карман. С радостными воплями Алексей вернулся обратно. На наше счастье карман оторвался на последних метрах зарослей. В таких дебрях при нашем зигзагообразном пути можно было много часов искать потерю.

Заночевали мы в вершине ручья, к устью которого стремились. Утром проснулись под шум дождя. Так как продуктов у нас осталось на один день, надо было идти. Да и неизвестно, сколько продлится дождь. Может он зарядил надолго. Быстро собрались и пошли. Но долина ручья оказалась трудно проходимой. А я раньше ходил здесь и знал, что по водоразделу идти легче. Поднялись туда. Алексей совсем раскис, всё время отставал. Я шёл, постоянно оглядываясь. Когда расстояние между нами становилось на пределе видимости, я садился и ждал его, хотя под дождём было неуютно. Но кое-как к вечеру под непрерывным дождём мы спустились на дорогу.

Я знал, что вблизи устья ручья есть добротное зимовье. Мы пошли туда. Затопили печь, по всему дому развесили мокрые вещи, приготовили ужин. Только собрались ужинать, как подъехал газик. Из него вышли двое мужчин, представились. Оказалось, что это начальник милиции и начальник райисполкома Бодайбинского района. Они потребовали у нас документы. Сергей снабдил нас командировками и разрешением на ловлю рыбы. Начальники сказали, что приехали ловить рыбу и спросили, знаем ли мы рыбные места. Я сказал, что в Правом Мамакане рыбы почти не осталось. Они посовещались между собой и сказали, что поедут дальше. Су-

дя по всему, они приехали не на рыбалку, а на нелегальную охоту, да ещё и на территорию Бурятии.

Утром мы быстро собрались, к обеду достигли тракта Таксимо–Бодайбо, где нас подобрала машина. К вечеру были уже у Намоловых, а на другой день поездом поехали по домам.

Так благополучно закончился один из самых трудных моих походов! Опять судьба меня берегла! Что бы мы делали, если бы кто-то из нас подвернул ногу, крепко ударился о камни или случились другие напасти? Ведь никакой связи у нас не было. Всё могло бы кончиться трагически.

1997 год (С, М, Ч)

В 1997 году снова в институте было безденежье, и я опять нанялся проводником к Сергею, который продолжал собирать материал о гольцах в Байкальской горной области. На этот раз он исследования проводил совместно с сотрудником биолого-почвенного факультета Иркутского госуниверситета Виталием Самусёнком. Это очень приятный, доброжелательный, неунывающий, выносливый учёный, как и Сергей, увлечённый наукой. Они решили начать полевые работы в первых числах июня с бассейна верхнего течения р. Чая. Туда можно попасть только из Нижнеангарска через вершину р. Холодная. Предполагалось нанять автомашину, на которой можно подъехать как можно ближе к озёрам, где, по данным опросов местного населения, водились гольцы.

У меня в Нижнеангарске были знакомые геологи, с которыми сложились дружеские отношения. Я связался с Владимиром Петровичем Зиновьевым, попросил нас приютить и помочь найти машину для транспортировки. Он охотно согласился. Утром по приезду мы пришли к нему. Его семья встретила нас гостеприимно, накормили и отвели место для ночлега. Владимир Петрович сразу активно включился в поиски транспорта для нас, начал обзванивать знакомых, искать шофера с автомашиной. Вскоре его поиски увенчались успехом: он нашёл шофера с грузовой машиной, который в этот же день мог повезти нас в нужном направлении. Так что нам не пришлось даже ночевать в Нижнеангарске.

Вначале путь лежал по долине р. Холодная по наезженной дороге (см. раздел «1980 год»). В 1980 году велась активная разведка крупнейшего Холодненского месторождения свинца и цинка. На водоразделе рек Холодная и Тыя располагался довольно большой посёлок Перевал. Месторождение представлено ядовитыми сернистыми соединениями. При его разработке эти соединения будут реками выноситься в Байкал. Это было учтено и в 1984 году месторождение законсервировали. В район месторождения мы увидели голое пространство с остатками бытового мусора и частей поломанной техники. Все постройки, кроме одного домика, вывезли. Только ветер беспрепятственно гулял там, где несколько лет назад кипела бурная жизнь.

Без особых трудностей мы перевалили в бассейн р. Чая. Но здесь дорога была похуже. Стали попадаться заболоченные участки, из которых машина выбиралась с трудом. Наконец перед большим таким участком шофёр отказался дальше ехать.

– Если я застряну, то кто меня отсюда вытащит?

Пришлось нам выгружаться. Машина уехала, а мы, сгибаясь под тяжестью рюкзаков, тронулись в путь. Перед нами лежала широкая постепенно понижающаяся равнина. Слева возвышался во всём своём величии ещё почти весь в снегу горный массив с острой вершиной гольца Иняптук с отметкой 2575 метров (см. разделы «1980 год» и «1981 год»). Справа громоздились вершины Верхнеангарского хребта. Наш путь лежал к озеру Намама, где водились гольцы.

Пообедав, мы двинулись в путь вниз по долине. Автодорога была неплохая, если не считать бурных ручьев, которые надо было бродить. Судя по карте, из озера Намама вытекал ручей. Мы решили сократить путь и по тропке пошли к нему напрямик.

Уже в сумерках вышли к озеру, перебрели вытекающий из него ручей, нашли благоприятное место для табора и устроились на ночлег. Озеро было ещё почти всё во льду, только в истоках ручья виднелось открытое пространство. Утром обнаружили на берегу лодку с вёслами, решили использовать её. Поставили сети.

Вдоль правого борта ручья оказалась хорошо натоптанная тропа. Сергей пошёл посмотреть, куда она ведёт. Через час он по-

казался на тропе, а за ним шёл молодой эвенк с ружьём наизготовку, т. е. вёл его под конвоем.

– Кто такие? Что вы здесь делаете? Почему взяли лодку без разрешения? – строго спросил эвенк, держа нас под прицелом.

Сергей рассказал, кто мы и зачем здесь находимся, показал документы. Эвенк смягчился, опустил ружьё. Разговорились. Он рассказал, что это территория передана им во владение для разведения оленей, что иногда сюда проникают браконьеры, как за рыбой, так и за зверем и могут убить домашнего оленя. Мы угостили его чаем, а он разрешил пользоваться их лодкой и пригласил нас в гости.

В течение трёх дней ловили рыбу, попалось приличное количество гольцов. Кроме того, брали пробы планктона специальным приспособлением. Я тоже участвовал в этих мероприятиях и в деталях освоил их методику. На четвёртый день собрались и покинули это озеро.

В 5 километрах мы вышли на хутор семьи эвенков из двух капитальных домов, гаража, кухни с навесом, длинным обеденным столом и других хозяйственных построек. Везде чистота и порядок. Чувствовалось, что здесь живёт заботливый хозяин, который устроился надолго. Семья состояла из супружеской пары 45–50 лет и четырёх сыновей – погодков. Самому младшему было лет восемнадцать. Кроме того, здесь же гостили три девушки славянской внешности. Играло радио, был телевизор со спутниковой антенной, домашний кинотеатр, работал движок, поставлявший электричество.

Хозяева встретили нас радушно. Накормили сытным обедом. Хозяин оказался интересным человеком. Когда-то в деревне Холодная жили в основном эвенки. У них был довольно богатый оленеводческий колхоз. Вершины рек Холодной, Чаи, Тыи и других были их пастбищами. Когда в районе развернулись геологические работы, эвенки стали зарабатывать большие деньги на транспортировке геологов оленями, снабжении их мясом и других работах в геологических партиях. Среди них распространилось повальное пьянство. Оленей либо пустили на мясо, либо растеряли. Лишь единицы сохранили небольшие собственные стада оленей. Одним из них был наш гостеприимный хозяин.

В восьмидесятые годы Советская власть хватилась, стала пытаться сохранить оленеводство в регионе, помогая субсидиями и льготами сохранившимся оленеводам. Среди них был и наш хозяин, который сумел построить свой хутор, сохранить и увеличить поголовье оленей. Хозяин считался авторитетом среди оленеводов. Как представитель региона ездил на слёт оленеводов мира в Канаду. Там заключил договора об обмене быками-производителями, чтобы не деградировали стада оленей. Одна забота беспокоила его: кто продолжит его дело.

– У меня четыре сына. Они с охотой занимаются оленеводством, а зимой промышляют пушных зверей. Но им пора жениться, значит надо выезжать в селение и искать жену. А какая девушка захочет поменять жизнь в цивилизованном мире на изолированное житьё-бытьё в глуши?

Распрощавшись с гостеприимными хозяевами, мы отправились через вершину Чаи в долину р. Огиенда, где были озёра с гольцами. К вечеру дошли до бывшего посёлка разведчиков, имевшего сейчас довольно унылый вид. Здесь, как и в долине Огиенды, длительное время с перерывами разведывали медно-никелевое месторождение. В связи с периодическим недостатком средств и неопределёнными оценками его перспективности разведку несколько раз прекращали, а затем начинали снова, что приводило к большим дополнительным затратам. Уже в двухтысячные годы, наконец, закончили оценку Чайского месторождения, признали его значительным. Кроме меди и цинка попутно можно извлекать платиноиды и кобальт. Теперь оно ждёт того, кто вложит средства в его разработку.

Один дом был целый и, как видно, обитаемый, другой – немного разрушенный, но ночевать в нём было можно. Далее, чтобы попасть в долину Огиенды, надо было перевалить через хребет. Светлого времени для этого оставалось явно мало. Поэтому мы устроились на ночлег в нежилой домик. Расположились. Стемнело. И тут Сергей объявил, что у него сегодня день рождения. Решили устроить «пир». Сергей извлёк пузырёк спирта из запасов для обработки гольцов. Мы приготовили на костре ужин. Расположились у маленького окошка, зажгли фонарик, поздравили именинника, пожелали, чокнулись, выпили, закусили и легли спать.

Утром мы быстро собрались и ринулись на штурм хребта по заваленному глыбами ручейку. С водораздела увидели серию озёр в долине Огиенды. У каждого озера виднелись разрушенные лагеря геологов. Спустились к озёрам. Нижнее озеро было окружено развалинами лагерей геологов, признаки рыб в нём отсутствовали. Видать, всю рыбу геологи выцедили.

Пошли ко второму озеру, У берегов в нём плавали мальки. Остановились у него и поставили на ночь сети. С вечера стало ясно, что ночь будет холодная. Как всегда в этих случаях, перед тем, как погрузиться в спальник, надели на себя всё, что можно. Но всё равно периодически просыпались от холода и теснее прижимались друг к другу. Утром тонкий ледок покрыл всё озеро, но он быстро растаял. В сети попалось только 4 гольца. День ребята отдыхали, а я знакомился с керном скважин, которые были пробурены, чтобы определить распространение оруденения на глубину. На следующую ночь в сетях не было ни одного гольца.

Сергей решил проверить наличие гольцов в верхних озёрах. Дошли до третьего снизу озера. Там увидели хариусов. Видно было, что озеро мелкое, неблагоприятное для гольцов. Но Сергей настоял, чтобы поставили часть сетей. А с их остатком пошли к самому верхнему озеру в каре, окруженному с трёх сторон скалистыми обрывами. Оно оказалось покрыто толстым льдом с небольшими проталинами. Ясно было, что сети не поставишь. Через проталины взяли пробы планктона. На обратном пути сняли сети с третьего озера. В них попалось лишь несколько хариусов. К вечеру вернулись в долину Чаи. Здесь встретили двух хозяев обустроенного дома. Оказалось, что вершину этой долины занимали другие оленеводы. У них был русский владелец небольшого стада оленей, который нанял их пастухами. К вечеру мы пришли на гостеприимный хуторок, где и заночевали.

На другой день пришла автомашина повышенной проходимости, которая привозила необходимую еду и снаряжение для эвенков, а увозила мясо. Она забрала нас. 27 июня мы оказались в Нижнеангарске, где сели на поезд и поехали на станцию Куанда.

В Куанде у Сергея были хорошие знакомые супруги Коля и Рая. Они встретили нас радушно, и мы поселились у них. Сергей стал искать возможность попасть на озеро Даватчан (даватчаном

здесь называли гольца). Для этого была нужна машина повышенной проходимости. На наше счастье на станцию по разнарядке прислали автомашину, приспособленную для ремонта железной дороги. Она оказалась совершенно ненужной здесь и стояла вместе с шофером в гараже без дела. Эта автомашина имела форму прямоугольника с закрытым вместительным помещением для людей, обладала очень высокой проходимости, могла преодолевать болота, каменные россыпи и обрывы высотой до метра. Высота машины достигала трёх метров.

Начальник станции согласился сдать эту машину Сергею в аренду по договору за определённую сумму. Негласным условием было взять с собой его сына, который перешёл в последний класс и болтался лето без дела. Мужики звали его Малый. Он вместе с шофером параллельно с нами должен был ловить рыбу и иметь её пай по возвращению. Коля тоже решил ехать с нами на рыбалку.

3 июля, закупив недостающие продукты, мы отправились в путь. В машине из кабины были люки. Открыв их, Виталий, Малый и я устроились сидеть на крыше, свесив ноги. Так мы ехали почти всё время, любуясь видами. На высоте трёх метров нас обдувало ветерком, спасая от жары и комаров. Благодать!

Вначале мы ехали по наезженной лесовозной дороге. Затем свернули на вездеходные пути. Местность была ровная, покрытая кустарником и мелкими деревьями. В заболоченных участках вездеходы образовали глубокие грязевые колеи и многочисленные объезды. Наша машина такие участки проезжала без всяких затруднений. Только струи и ошмётки грязи разлетались во все стороны. Так как расстояние между колёсами у нашей машины было шире, чем у обычных вездеходов, то она постоянно ломала деревья с диаметром до 10 сантиметров. Далее дорога стала твёрдой с многочисленными высыхающими лужами. Грязевые оторочки луж были покрыты белым ковром бабочек. При приближении машины тучи бабочек поднимались в воздух, залепляя стекло у водителя. Такого количества бабочек я не видел!

Дорога часто разветвлялась, и каждый раз возникали споры, по какой из них ехать. Особенно часто наши разногласия происходили с Колей. Ему хотелось показать свою осведомлённость. Я лишь высказывал своё мнение в виде совета. Шофер подчинялся его

мнению. В результате мы несколько раз попадали в тупик. Приходилось возвращаться и ехать по пути, предложенному мной. Подъехали к руслу реки Бахтарнак. Оно было сухим, а плоские валуны выстилали его, как мостовую. Вид довольно примечательный!

Без особых приключений достигли реки Таллая. Русло её было завалено большими валунами. Видно было, что вездеходы в основном сворачивали вверх по течению. По-видимому, там была более удобная переправа. Я предложил ехать туда. Но шофер решил показать возможность его машины и начал переправляться здесь. Несмотря на высокую проходимость, машина с большим трудом смогла преодолеть реку. Да и на другом берегу оказался ров с крутыми склонами. Это тоже доставило большие трудности. Наконец, выехали на дорогу, которая пришла с другого берега. Вдоль этой реки была проложена довольно сносная дорога. По ней мы быстро продвигались. Но местами дорога оказывалась заваленной деревьями, приходилось объезжать эти участки по руслу. Благо отложения реки здесь были песчано-галечные.

Поздно вечером мы достигли озера Даватчан, расположенного между двумя узкими скалистыми хребтами. В устье реки Девачанда было зимовье и стояли плакаты, что это территория заповедника, охота и рыбалка запрещены. В зимовье поселились Коля и Малый, шофер устроился в кабине, а мы поставили палатки. В течение трёх дней шла активная ловля рыбы. Гольцов в озере было достаточно.

Утрами я просыпался первым, разводил костёр, готовил завтрак, будил публику, а потом шёл в маршрут. В первый день я осмотрел обнажения по берегам озера. Во второй – пошёл по хребту, расположенному к востоку от озера. День был солнечный, узкий голый хребет продувался ветерком, с хребта открывались виды гор во все стороны. В такие маршруты ходить доставляло мне большое удовольствие, хотя и приходилось изрядно попотеть. По пути попадались интересные зоны окварцевания с сульфидным оруденением. Видно было, что их расчищали и опробовали. В отдельных обнажениях выходили зоны чистого кварца мощностью до пяти метров. Вероятно, их тоже опробовали на кварцевое сырьё, хотя в этих удалённых местах они наврядли могли представлять интерес. Постепенно поднимаясь и простукивая скальные вы-

ходы, я достиг острого скалистого пика – наиболее высокой точки хребта с высотной отметкой более 2000 метров. Про такие острые пики в шутливой песне есть слова: «…а как присел, штанишки сразу разорвал».

Вид с него открывался на десятки километров! Кругом простиралась вздыбленная земля, разрезанная долинами на узкие скалистые гребни с острыми пиками. По этим долинам совсем недавно (в геологическом отношении) ползли ледники, выпахивая широкие, относительно плоские днища, сейчас заросшие густой растительностью. С высоты виднелись извилистые «нитки» водотоков.

Насладившись панорамой, я стал спускаться в вершину ручья, который впадал в озеро Даватчан. Просматривая предстоящий путь, я увидел, что по долине ручья медленно бредёт медведь. Периодически он останавливался для поисков чего-нибудь съедобного, а затем продолжал путь вверх по ручью. Мне не хотелось с ним встречаться, поэтому я отвернул в сторону, чтобы спуститься к ручью в 200–300 метрах ниже него, где уже был кустарник, и он меня не мог увидеть.

Ниже скальников склон зарос мелким кустарником. Спустившись до него, я увидел, что это сплошные заросли сахандайли с характерным для него пряным запахом. Как только я присел, чтобы понаблюдать за медведем, запах стал очень резким, удушающим. Я почувствовал головокружение и тошноту, явно из-за аромата этого растения, скорее поднялся и выбрался на камни. Недомогание через 10–15 минут прекратилось. Ясно стало, что в малых дозах запах сахан-дайли доставляет удовольствие, а при высокой концентрации он вызывает неприятные ощущения. Оставив медведя в стороне, я к вечеру вернулся на табор.

С озера Даватчан нам надо было перевалить в вершину реки Таллаи и по её притоку попасть на озеро Огородное. На третий день я пошёл разведать начало дороги туда. Прошёл вдоль склона и нашёл один только старый след вездехода. Он уже сильно зарос, но увидеть его ещё было можно.

Утром собрались и тронулись в путь. По найденному мною следу вездехода с большими трудностями заехали наверх. Там простиралась широкая сквозная долина. Она заросла густым стлаником высотой до трёх метров. В отдельных участках дорогу пре-

граждали каменные россыпи и рытвины ручьёв. Наша машина заросли стланика крушила, как танк, а мы, как и раньше, сидели на верху машины и поражались её мощью. Когда встречались труднопроходимые участки, я шёл вперёд, искал подходящий путь. Встретились несколько полян, где были табора геологов с вертолётными площадками.

Ближе к водоразделу с Таллаи стали попадаться поляны, усыпанные жарками. Они, видно, являлись пастбищами медведей, так как были усеяны кучами медвежьих экскрементов. Вдруг на другом склоне среди кустарника метрах в двухстах увидели напуганного нами бегущего медведя. Коля схватил карабин, несколько раз выстрелил, но медведь не обратил на выстрелы внимания. Вероятно, пули просвистели в стороне от него.

Под перевалом нам путь преградил широкий снежник. Ехать прямо через него было опасно. Неясно, что там под ним. Машина прокралась по краю снежника. С перевала открылась красивая картина вершины реки Таллая. Перед нами лежал широкий альпийский луг с пологими склонами, покрытый зелёной травой и цветами, по которому струились мелкие ручьи. С севера его дугообразно обрамляли скалистые гребни системы каров. Форма луга напоминала электролампочку. К югу цветущее поле постепенно сужалось, ручейки собирались в единый поток, образуя начало реки Таллая. Далее было видно, что долина Таллаи становится уже и река врезается в её днище.

Нам надо было спуститься вниз по долине на несколько километров, чтобы затем свернуть на восток по притоку реки к озеру Огородному. Я предполагал, что там следует ожидать узкое русло реки с крутыми, возможно даже обрывистыми склонами. С такими же руслами будут и боковые притоки. Учитывая свой опыт, я предложил сразу спускаться по долине вдоль восточного борта. Но Коля и шофер, понадеявшись на мощь машины, настояли, что надо ехать по западному более широкому борту и против устья нужного нам ручья пересечь реку. Не доезжая километр до предполагаемой переправы, мы упёрлись в долину притока реки с обрывистыми бортами. Пришлось нам возвратиться и продолжить путь, как предлагал я.

Когда достигли нужного нам ручья, у нас снова возникли разногласия, по какому его борту ехать дальше. По обе стороны ручья были видны колеи вездеходов. Причём след вездехода вдоль левого берега ручья был более выразительным. Однако было видно, что левый борт долины ручья более крутой, а след вездехода справа слабо выраженный потому, что здесь местность более каменистая. Я предложил ехать по правому борту ручья, но мои оппоненты опять настояли, что надо ехать по левому борту. Дело шло к ночи, и мы торопились засветло достичь озера. По левому борту ручья путь вездехода быстро сократился и исчез. Мы попали в густые заросли с камнями, а впереди виднелся прижим. Уже темнело, а потому решили здесь заночевать. Утром я поднялся пораньше. Пока ещё все спали, я пошёл на другой борт долины, нашёл довольно приличную вездеходную дорогу, проследил до места, где на неё можно было выехать нашему вездеходу, и вернулся обратно. Доложил результаты разведки. Наша машина, пятясь задом, достигла места, где можно было переправиться на другой берег. Выехали на следы вездеходов и через час были на берегу озера.

Там, как обычно, рыбаки занялись своими делами, а я походил по окрестностям, знакомился с геологией. Через три дня рыбаки утолили свои потребности и решили возвращаться. Так как вниз по долине Таллаи видны были следы вездеходов, то решили и мы двигаться по их следам. Долина Таллаи оказалась довольно широкой, путь был лёгким и быстрым. Лишь в одном месте река текла в ущелье, как по коридору, со скалистыми бортами высотой до пяти метров. Русло здесь было широким, а дно реки покрыто мелкими камешками и песком. Поэтому около полукилометра ехали по руслу. Мы сидели наверху и с интересом любовались необычной дорогой-«коридором» со скалистыми стенками.

В одном месте вездеход спугнул выводок капалухи с птенцами, которые были размером почти с курицу. Капалуха (глухарка) подала сигнал, и птенцы попрятались в кочках. Сергей хотел заснять птенцов на киноплёнку. Мы выгнали их из схронов. Они вспорхнули и спрятались снова. А один птенец решил, что самое надежное место под машиной. Там Сергей вдоволь его наснимал. Он ещё хотел заснять птенца в движении. Мы выгоняли его из-под машины, но он упорно не хотел оттуда выбираться и бегом воз-

вращался обратно. А бедная капалуха всё это время металась по кругу на расстоянии 20–30 метров и квохтала. Наконец, Сергей закончил фотоохоту, и мы отправились дальше, оставив капалуху собирать своё семейство.

Вскоре мы выехали на наш путь сюда и быстро оказались в Куанде. На этом завершился наш круиз по дебрям и горам бассейна реки Таллаи. Я был очень доволен, что мне удалось побывать в новых местах, повидать много нового, познакомиться, хотя и поверхностно, с геологией района, расширить свои представления о геологическом строении региона.

Следующий наш поход был по долине реки Сюльбан. Сергею кто-то сказал, что в озёрах в вершине этой реки водится голец. Идти надо было на семь-восемь дней, поэтому загрузились порядком. Ранним утром сели на местный поезд и доехали до остановочного пункта Сюльбан у входа в туннель. Там были построены два дома. Вход в туннель опутывала проволока с вышками для охранников. Но дома и вышки оказались безлюдными. Охрана, вероятно, была занята своими делами.

Вверх по долине Сюльбана шла хорошо наезженная дорога, по которой мы и отправились. Через четыре километра вышли к руслу Сюльбана, где была экзотичная метеостанция. В этом месте река делает крутой поворот. Правый её борт скалистый с пологими площадками. На одной такой площадке и располагалась метеостанция в виде одного дома. Площадка возвышалась над водой более 10 метров. Через реку была построена канатная дорога с открытой площадкой для людей. Переправа устроена так, что желающий переправиться канатом тянул площадку к другому берегу. Метеостанцию обслуживали супруги, у которых было трое детей: двенадцатилетняя девочка, мальчики десяти и шести лет. Нас метеорологи встретили приветливо, угостили обедом. Мы тоже не остались в долгу, поделились деликатесами, угостили детей конфетами.

В трёх километрах от основной дороги среди скал расположено довольно глубокое и значительное по ширине озеро. Сергей решил проверить его на предмет наличия гольца. Мы отправились туда, чтобы там поставить сети и переночевать. Девочка и старший мальчик увязались за нами. Дорога к озеру была усыпана грибами: маслятами и моховиками. Мы решили набрать их на ужин.

Пришли на озеро, стали распаковываться. И тут Виталий обнаружил, что один резиновый сапог оставил в Куанде. Чувствуя себя виноватым, он сказал, что пойдёт в одном сапоге, а другую ногу обмотает тряпками. Но мы отвергли этот вариант, как вредный для здоровья. Тут мы сообразили, что можно успеть на вечерний местный поезд, а утром вернуться. Виталий засобирался идти на станцию, но я предложил свою кандидатуру. Ясно, что Виталий больше пользы принесёт здесь.

Я поспешил на поезд с пустым рюкзаком, по пути собирая маслята. Ребята бежали впереди и показывали мне молодые грибы, а я на бегу срезал их и бросал в рюкзак. Так до основной дороги я набрал полный рюкзак, поблагодарил ребят за помощь и поспешил на остановку. Поезд ещё пришлось ждать. К вечеру я явился к гостеприимным хозяевам. Коля был в отлучки, а мы с Раей до часу ночи чистили и варили грибы. К обеду я с сапогом вернулся на озеро. В сети попалось лишь несколько хариусов, которых мы тут же зажарили на палочках, вкусно пообедали и отправились в путь.

Долина Сюльбана произвела на меня огромное впечатление. Она имеет довольно широкое плоское днище, выпаханное ледником. По обеим сторонам долина ограничена красивыми скалистыми стенами с прорезанными ручьями щелями с водопадиками. Можно без конца любоваться ими!

Дорога была в основном хорошая, но местами заболоченная, или по ней текли ручьи. Сергей ходил медленнее нас и потому мы с Виталием постоянно уходили вперёд и ждали его. Он подходил и без отдыха шёл дальше. Так мы шли быстрыми рывками, а он шёл медленно, но с редкими остановками. По краям дороги было полно спелой голубицы. На остановках мы вдоволь полакомились ею.

Наконец вышли к хутору эвенков, который состоял из трёх домов и хозяйственных построек. У них Сергей хотел уточнить, где есть голец. Но хутор оказался безлюдным. Они с оленями куда-то откочевали. Мы осмотрели хозяйство оленеводов. Видно было, что здешние эвенки семейные, аккуратные и трудолюбивые хозяева. По-видимому, хутор был приготовлен для житья зимой.

Через пару километров подошли к левому притоку Сюльбана – реке Хатканда. На её берегах когда-то был лагерь заключённых. Как я выяснил потом, они здесь добывали уран для первых

атомных бомб Советского союза. Вокруг виднелись остатки колючей проволоки, поваленные сторожевые вышки, берега завалены рыхлыми отходами горных выработок. Кругом лежали вагонетки, рельсы и другие остатки производства. Вентиляционные трубы указывали на шахтный способ добычи руды урана. На топокарте посёлок был показан в километре выше по течению. Я пошел его искать и через пару сотен метров уткнулся в непроходимое ущелье. Дорога же шла вниз по Хатканде к её устью. Скорее всего, там были жилые постройки для заключённых и охраны, а дома на хуторе эвенков представляли жильё для начальства. Неправильный показ на топокарте расположения посёлка добытчиков урана обусловлен, по-видимому, секретностью объекта, чтобы запутать шпионов.

По выступающим из воды камням переправились на другой берег. Я посмотрел породы в отвалах, и мы пошли дальше. Вскоре наезженная дорога кончилась. Но дальше шла широкая утоптанная тропа, явно сделанная для беспрепятственного проезда верхом на олене. По пути попадались оборудованные загоны для оленей. Тропа на расширенных участках была сплошь покрыта грибами. Местами даже ногу некуда было поставить, чтобы не затоптать их. Такого обилия грибов, как на Сюльбане в своих походах и маршрутах я не встречал.

Солнце уже покинуло долину, но окрасило самые верхние части зубчатых гребней в ярко алый цвет. Стоило не пожалеть сил, чтобы прийти сюда и полюбоваться этой картиной!

В сумерках достигли развилка Сюльбана и там устроились на ночлег. Утром пошли вверх по долине левой основной его вершины, в истоке которой было озеро. В двухстах метрах от ночлега долину пересекал крутой скалистый уступ высотой более 50 метров, по которому отдельными струями стекала вода. Увидев такое препятствие, я сказал Сергею, что ожидать гольцов в верхнем озере бесполезно. Рыба не смогла бы преодолеть такой крутой и высокий слив. Но Сергей решил всё же проверить озёра в верхней части долины. Преодолев крутой подъём, мы продолжали идти к намеченному озеру по хорошо натоптанной, но узкой тропе. Было видно, что эвенки сюда с оленями не заходят, а посещают эти места только для охоты.

К вечеру стало ясно, что до темноты мы до озера не дойдём, поэтому решили остановиться на ночлег пораньше. Светлого времени хватило, чтобы Сергей заснял на видео местных жителей: бурундука и пищуху. Интересно было наблюдать за ними. Они вели себя по-разному. Бурундук явно проявлял любопытство, носился вокруг нас, подпускал близко Сергея с видеокамерой, прыгал по камням, выступавших из воды. Такой маленький зверёк, а прыгал на расстояние до метра. Пищухи же вели себя осторожно, прятались в камнях при нашем приближении ближе пяти метров. Эти трудяги запасали корм на долгую зиму, целыми днями собирали траву и складывали в кучи под камни. Не зря их ещё называют сеноставками.

На другой день, наконец, мы достигли желанного озера. С одной стороны его обрамляли обрывистые скалы высотой сто и более метров, с другой – пологий песчаный берег, где мы и устроились. Песчаную поляну окружали заросли стланика. Редкие маленькие берёзки и пихты росли на удалении, так что за палками пришлось идти за несколько сот метров.

Ребята стали готовить сети, а я пошёл с ружьём и тремя последними патронами в кары, посмотреть породы, полюбоваться видами и может добыть что-либо съестное. Поднявшись на ригель (уступ в устье кара) я услыхал свисты тарбаганов, а потом увидел их, стоявших столбиками, наблюдая за мной. Я подкрался и ранил одного, но он скатился в щель между камнями. Остальные зверьки попрятались в камнях. Я пошёл дальше в кар, где был большой снежник. Вдруг увидел в вершине кара медведя, который похозяйски обходил его, шарясь между камнями в поисках съестного. Я не стал испытывать судьбу с двумя патронами, издалека понаблюдал за его действиями и пошёл обратно.

Семейство тарбаганов снова свистело на том же месте. Я выстрелил в одного. На этот раз убил наповал. Когда подошёл к нему, то увидел, что и первый зверёк лежит бездыханный рядом. Два тарбагана – неплохое подспорье для нас.

Утром на другой день я поднялся, как всегда первым, развёл костёр, пошёл к озеру и застыл в изумлении! Стоял полный штиль, озеро было гладкое, как стекло. На другой его стороне от воды вверх возвышалась скала. Она отражалась в воде, как вогнутая.

Создавалась полная иллюзия искривлённого пространства! Впечатление поразительное!!! Полюбовавшись необычной картиной, я кинулся к палатке, растормошил Сергея.

– Вставай скорее, бери фотоаппарат: такая необычная картина!

Но пока Сергей собирался, потянул ветерок и иллюзия исчезла. Было очень жаль, что не успели запечатлеть эту красоту.

Как я и предполагал, сети вытащили пустыми. Сергей настоял зайти в вершину правого притока Сюльбана, где на карте также показано озеро. Собрались и двинулись в путь. Пробравшись через кустарник, мы вышли в ложе цирка. Его плоское широкое днище, выпаханное ледником, оказалось покрытым сплошным ковром жарков, и окружённым скалистыми стенками. Красота, не налюбуешься! Среди цветника возвышались отдельные невысокие нагромождения камней, на которых виднелись столбики тарбаганов, приветствовавших нас мелодичным свистом. В 40–50 метрах от скопления тарбаганов из камней были сделаны невысокие стенки с амбразурами – явное приспособление для охоты эвенков на этих зверьков.

Дальняя стенка цирка была осложнена небольшим каром. В его днище и располагается озеро, которое решил посетить Сергей. Кар обрывается скалистой почти вертикальной трещиноватой стенкой высотой более 50 метров. В нижней половине скалы из всех трещин фонтанировали сверкающие на Солнце струи воды. Вид необыкновенный!!!

В кар среди скальных выступов вела узкая звериная извивающаяся серпантином почти вертикальная тропка, которая тоже производила оригинальное впечатление. В некоторых местах между каменными выступами еле-еле втискивалась нога.

Озеро в каре отделено от обрыва плоским скальным выступом шириной несколько метров, в щелях которого исчезал вытекающий из него ручей. На этом выступе лежит округлая глыба около трёх метров в диаметре. Мне сразу припомнилась голова Ленина на центральной площади Улан-Удэ. Как говорят скульпторы, надо только убрать лишнее.

При почти вертикальном высоком стоке из озера ставить сети явно бесполезно. Но Сергей настоял, чтобы проверить отсутствие

гольца. Через два часа сети вытащили. В них даже водорослей не было.

Отсюда мы планировали перевалить в правую вершину Сюльбана, где у подножия водораздела тоже было озеро. Но водораздел с нашей стороны заканчивался повсеместно вертикальной стенкой высотой 30–40 метров. Пришлось отказаться от этого плана и обратным путём вернуться в долину Левого Сюльбана. Остановились на ночлег на старом таборе у развилка реки. Утром отправились к намеченному озеру. Долина Правого Сюльбана тоже имела красивый вид: широкое плоское днище – цветочная поляна, по бортам скальные или покрытые каменными россыпями склоны, часто заросшие кустарником.

К намеченному озеру надо было подняться по круто стекающему ручью. Я сразу сказал, что поход наш бесполезен. Но Сергея это не остановило. Озеро было окружено каменными россыпями, кустарниковая растительность почти полностью отсутствовала. Лишь местами были полянки, с тонкими кустиками до 20 сантиметров высотой. Пока ребята ставили сети, я собирал тонкие сухие палочки, сделал из камней таган. После долгих трудов собрал достаточное количество горючего материала и вскипятил чай. Благо температура кипения воды здесь была значительно ниже 100 градусов. Пока вытаскивали пустые сети, начался дождь, который сопровождал нас до табора.

На другой день мы вернулись к Хатканде, в вершине которой тоже было большое озеро. Сергей предположил, что раз нет гольцов в озёрах в самой долине Сюльбана, то, наверное, говорили об их наличии в озере в вершине Хатканды. Сергей хотел проконсультироваться у местных оленеводов, предполагал, что они могут находиться в поселении, показанном на карте выше по этой реке. Я пытался его убедить, что посёлок показан неверно, но Сергей настаивал, что надо проверить, нет ли его на указанном месте на карте выше ущелья по Хатканде. А если посёлка там нет, то проверить озеро в вершине Хатканды на наличие гольца.

Вверх по правому склону Хатканды шла широкая тропа для поездок верхом на оленях. Мы стали подниматься по ней. Долгое время шли по довольно крутой тропе, постепенно удалялась от долины Хатканды. Мы уже стали сомневаться идёт ли она к её

вершине. Наконец тропа пошла вдоль склона значительно выше русла реки. Уже вечерело, а мы всё шли по лесу вдалеке от него и уже явно прошли место, где указано расположение посёлка.

– Если ты хочешь поискать посёлок в долине Хатканды, то уже пора спускаться к руслу реки, а то мы уйдём далеко от предполагаемого места его расположения, – наконец, сказал я, – да и вообще, пора ночевать, а здесь нет воды.

Виталий меня поддержал. Мы убедили Сергея и стали спускаться по крутому склону. Нижняя часть склона оказалась обрывистой и мы какое-то время искали место для спуска. Оказалось, что мы спустились на почти полностью растаявшую наледь, покрытую огромными глыбами и валунами. Так как уже становилось темно, мы с Виталием настаивали на поиске места для ночлега, чтобы утром уже искать виртуальный посёлок, Сергей решил сбегать вниз по течению, посмотреть его наличие. Пока он отсутствовал, я пробежался вверх по наледи и обнаружил у борта долины идеальную площадку для табора: невысокую и ровную, как стол терраску, с редкими небольшими соснами. Уже стемнело. Виталий как ориентир развёл сигнальный костёр. Сергей вернулся, убедившись, что посёлка здесь быть не может. Ниже полкилометра река устремляется в ущелье. По темноте оборудовали табор на найденном мною месте.

Утром увидели, что у противоположного борта долины сохранилась наледь, радующая глаз сияющей голубизной. Быстро собрались и по краю наледи двинулись вверх по долине. В вершине наледи вышли на оставленную нами вчера тропу. По ней довольно быстро пришли к устью притока Хатканды, где обнаружили остатки табора геологов и лабаз эвенков. Забравшись на него, обнаружили там продукты и снаряжение. Так как наши продукты подходили к концу, мы позаимствовали немного крупы, оставив покаянную записку.

По тропе поднялись на склон. Перед нами раскинулась живописная картина вершины Хатканды. Три ручья сливались в единый поток реки. Долины их расходятся веером. Выпаханные ледниками днища долин представляют собой цветущие альпийские луга. Скалистые борта долин испещрены врезанными в них трещинами, по которым стекают ручьи с мелкими водопадами. У подножия

склона образовались веерообразные глыбовые конуса выноса, наступающие на цветистые луга!

В истоках правой вершины Хатканды расположено озеро, к которому и лежал наш путь. Оно занимает большую часть плоского водораздела и выпахано ледником, сползавшим в двух направлениях. Водораздел покрыт мелким кустарником, лишь кое-где видны чахлые деревца.

Только мы успели выбрать место у озера и оборудовать табор, как началась непогода. Налетел сильный ветер с холодным дождём. Нам пережидать непогоду было некогда. Ребята поставили сети, а я приготовил ужин. Сухари у нас кончились. Несмотря на непогоду, Сергей решил накормить нас лепёшками. Мы пытались его отговорить, мол переночуем и без хлеба, но он нас не слушал. Поддерживать костёр в такой обстановке было сложно. Я решил взять его существование на себя: искал сухие ветки стланика, сушил их у костра и подкладывал в очаг из камней, где Сергей пёк лепёшки. Несмотря на трудности, ужин удался на славу.

Утром непогода кончилась. Здесь я не увидел препятствий для проникновения гольцов в озеро. Но сети оказались пустыми. Мы быстро собрались и двинулись в обратный путь. Так безрезультатно закончился наш поход по Сюльбану. Но я считаю, что это самый впечатляющий поход. Здесь мы встретили столько потрясающих красотой и необычностью мест, каких я не видел нигде. С восторгом вспоминаю этот поход.

В Куанде Виталий покинул нас, а мы с Сергеем поехали в Чару, где встретили мою дочь Наташу и девятилетнего внука Алёшу. Этой компанией мы отправились на озеро Кирялта. Было известно, что там есть гольцы. Путь туда неблизкий. Вначале шли по тропе вдоль ручья, вытекающего из этого озера. Затем тропа ушла в сторону. Мы, боясь уйти не туда, продолжали путь в прежнем направлении. Долгое время пробирались через густые заросли. Прилично вымотались. Выбрались на песчано-валунные высокие валы, оставленные ледником (так называемые морены). Далее путь был лёгким, и мы быстро добрались до нужного озера.

Вокруг него лес оказался вырубленным. Вдоль берега и на расстоянии первых сотен метров от него были видны стоянки рыбаков, я нашёл три полуразрушенные наспех сделанные полузем-

лянки. Строители БАМа, видно, посещали озеро регулярно и ловили рыбу, в том числе и гольца, в большом количестве. В сетях находили в основном гольцовую молодь, рыбы в возрасте попадались редко. По-видимому, его поголовье постепенно восстанавливалось.

Дождавшись отставшего Сергея, оборудовали табор и поставили сети. Здесь я уже участвовал в качестве полноправного помощника Сергея. В мою обязанность входило также поддержание костра на таборе и заготовка дров. Наташа готовила еду. Погода стояла неустойчивая, частенько поливал дождь. В это время мы лежали в палатке, а Наташа читала нам вслух книгу «В стране дремучих трав». Когда светило Солнце, я ходил в маршруты, знакомился с породами окрестности озера. В одном из походов я подстрелил пару горных куропаток. Алёша торжественно попозировал с ними для фотосессии. А затем мы устроили праздничное «застолье».

Когда программа по ловле гольцов была выполнена, мы собрались и пошли через перевал в долину реки Олонгдо, чтобы по ней добраться до озера Токко, где, как было известно, водятся гольцы.

Спустившись в долину Олонгдо, мы оказались на протяжённой наледи. У её нижнего края виднелась стоянка оленеводов. Решили познакомиться с ними поближе. Оставили рюкзаки и налегке отправились к ним. На стоянке оказалось два человека: эвенкийка и её сын лет пятнадцати. Стояла распахнутая палатка с дырами, посередине которой горел маленький, почти бездымный костерок. Вблизи палатки у дымокура толпилось несколько десятков оленей. Стоянка резко отличалась своей бедностью от того, что мы видели в прошлом году у эвенков на реке Чае (см. раздел «1996 год»).

Эвенки встретили нас приветливо, угостили чаем с оленьим молоком. Мы угостили их конфетами и печеньем и пообщались с оленями. Особенно в восторге был Алёша! Стали расспрашивать об их жизни. Оказалось, что их живёт четверо. Муж и его брат ушли на охоту. Эвенкийка рассказала о своих бедах. Оказалось, что эти два мужика взяли деньги и отправились на оленях в ближайший посёлок за продуктами на зиму. Но там загуляли, пропили деньги и без ничего возвратились. Теперь, когда мужики вернутся, она с сыном поедет сама за продуктами с остатками средств.

Мы дружески распрощались с ними и двинулись далее вверх по наледи. Долина, выпаханная ледником, была широкая, продува-

емая ветром. Это нас спасало от гнуса! Верх по долине шла хорошая дорога. Так что шли мы быстро. Но до озера Токко засветло дойти не смогли.

Недалеко от дороги в каре расположено безымянное озеро, в котором, по слухам, тоже обитали гольцы. С дороги трудно было предполагать, что у подножия скал располагается приличное по размерам озеро. Отгорожено оно от основной долины моренным валом, который образовался, когда ледник выпахивал озеро. Потаённое положение его, по-видимому, и помогло сохраниться небольшой популяции гольцов от полного уничтожения. Решили, пока светло дойти до него и проверить достоверность слухов.

Уже в сумерках оказались на берегу этого озера. Я срочно стал ставить палатку, Наташа занялась ужином, а Сергей – подготовкой сетей. Палатка была готова, Сергей надул лодку и приготовил сети. Уже в темноте я помог ему поставить сети, и мы у костра принялись за трапезу. Обстановка весьма романтичная! Ночь безлунная, в глубине тёмного неба сверкают бесчисленные яркие звёзды. Перед нами чёрной громадой нависали над невидимым озером высокие скалы. Блики костра, постоянно меняясь, отражались в воде. Расположившись вокруг него, подбрасывая сухие ветки, мы ужинали и любовались загадочным миром вокруг нас. Огонь жадно набрасывался на ветки, радостно взмывал вверх, посылая в небо мириады искр.

Так как озеро было безымянным, мы в честь нашего юного участника экспедиции назвали его «Лёша». Под таким названием оно и вошло в печатные труды Сергея.

Утром достали сети с приличным уловом. Гольцы оказались только мелкого вида, что, по-видимому, было обусловлено небольшими размерами озера. По-видимому, корма было недостаточно, чтобы сформировались более крупные особи.

К обеду мы достигли озера Токко. Оно имеет довольно своеобразную форму. Скалистым хребтиком озеро пережимается в средней части и потому похоже на восьмёрку. На берегу озера когда-то располагался базовый лагерь геологической партии. Многочисленные основы для палаток занимали большое пространство. Остатки навеса над кухней с большим столом со скамейками.

Невдалеке располагались пекарня и баня. Лес вокруг был вырублен, но уже появились молодые заросли стланика.

На берегу этого озера мы провели несколько дней. Погода стояла неустойчивая, периодически шёл дождь. Я утром разводил костёр и поддерживал его целыми днями, вырубая вокруг стланик. Костёр должен быть таким, чтобы его не затушил дождь. Для меня это было развлечением. Наташа готовила еду при моей помощи, стараясь приурочить питание к перерывам в осадках. Когда дождь прерывался, у костра появлялся и Алёша. Во время же дождя Наташа в палатке читала ему книгу. В относительно длительных перерывах в ненастье ходили в коллективные экскурсии по окрестностям: я смотрел породы, а Алёша под присмотром мамы занимался скалолазанием. Гольцов в озере было достаточно. Сергей выполнил свою задачу, и мы отправились в обратный путь.

Достигнув железной дороги, Сергей захотел проверить на предмет наличия гольца в озёрах в каре по другую её сторону. Путь туда был продолжительный, но относительно лёгкий. По почти голой широкой долине вилась звериная тропа, интенсивно утрамбованная строителями БАМа. К обеду пришли к нижнему озеру. Стали готовить еду. Место было неплохое, но нас очень донимал гнус. Особенно жалко было Алёшу. Рядом оказалась берёза с обломанным стволом на высоте 2 метра. Там образовалось, как бы гнездо, удобное для сидения. Мы подняли Алёшу на него. Там ветерок отгонял кровососов. Получилась весьма занимательная картинка. Алёша сидит как бы в гнезде (птенчик), а мама подаёт ему туда еду. Обед прошёл при общем восхищении Алёшиным видом на верхотуре!

Пока Сергей занимался ревизией нижнего озера, я отправился к верхнему озеру в каре посмотреть породы, а заодно и возможность попадания туда гольцов. Вначале поднялся на ригель с небольшим водопадом. Выше была обычная троговая долина, заваленная глыбами, с озером, окруженным с трёх сторон скалистыми стенками и остатками снежников. Подобные кары я видел во многих местах, но каждый раз с наслаждением любовался прелестями, созданными глубинными силами Земли и ледниками. Посещать подобные места хотелось снова и снова! Было ясно, что ожидать

там гольцов бесполезно, о чём я и доложил, вернувшись из разведки. Нижнее озеро тоже оказалось безрыбным.

Мы быстро свернули табор. Вниз идти было легко. На остановочном пункте сели в местный поезд и отправились в Чару. Там мы расстались с Наташей и Алёшей, а к нам присоединился Виталий Самусёнок. Мы доехали до Нижнеангарска. Оттуда Сергей с Виталием отправились ещё на один объект, а я покинул их, так как был канун сентября, и в университете начинался учебный год.

1998 год (М, С)

В 1998 году в ВСНИИГГиМСе была создана партия по геологическому доизучению листа О-50-XXV масштаба 1 : 200 000, расположенного в Муйском районе в бассейне верховий р. Мамакан. Начальником партии назначили Андрея Евстафьевича Владимирова. Это приятный, отзывчивый человек, хороший специалист. У меня с ним установились дружеские отношения. Так как он еще не был знаком с геологией нашего региона, предварительную геологическую карту листа опять же пришлось составлять мне, что я и сделал в намеченные сроки. Проект был защищён и принят к исполнению.

Завхозом назначен Валерий Васильевич Чернин. Доброжелательный, обходительный человек, он добросовестно и умело выполнял свои обязанности. Были также приняты в партию техники-геологи Слава и Таня (фамилии, к сожалению, не помню).

Начать полевые работы предполагалось с проведения геохимических поисков по потокам рассеивания. То есть надо было опробовать через определённый интервал осадки всех водотоков, чтобы потом их проанализировать на полезные ископаемые. Химические элементы вымываются из пород и накапливаются в осадках. Повышенные концентрации полезных элементов указывают на наличие выше по течению соответствующих рудных объектов.

Для отбора проб наняли студентов. Надо было выезжать, а Андрей задерживался с оформлением проекта. Предложили мне вначале до приезда Андрея возглавить работы. Мне не очень-то хотелось возиться с транспортировкой и организацией полевых работ, но, видя безвыходное положение, пришлось согласиться.

С Андреем я договорился, что после его приезда буду заниматься изучением геологии района.

В этом году я ещё должен был участвовать в работах по гранту у Виталия Николаевича Собаченко в Институте геохимии. С Андреем мы договорились, что я в сентябре покину партию и уеду на полевые работы по этому гранту. Для этого в назначенное время в Северобайкальске я должен буду встретиться с Виталием.

В первых числах июля выехали на полевые работы. Машину с продуктами и снаряжением отправили своим ходом до Таксимо. Её сопровождал завхоз. С остальными я поехал поездом. Большая часть снаряжения у нас ещё от прежних полевых сезонов была оставлена на хранение в Таксимо у семьи геологов Корчиновых. Эта замечательная дружная семья всегда встречала нас приветливо, доброжелательно, помогала, чем могла. Удивительно, но они были верующими. Я впервые встретил религиозных геологов! Они живут, во всём руководствуясь десятью заповедям христианства!

Институт арендовал помещение для размещения сотрудников в одной из золотодобывающих артелей, где мы и разместились.

В Таксимо мы долго не задержались. Завхоз выдал ребятам спальники, спецодежду, снаряжение для маршрутов, и мы отправились выполнять полевое задание. Первый табор поставили на правом берегу р. Правый Мамакан, сразу за мостом через него. Ребята-студенты на полевых работах были впервые, поэтому приходилось их учить каждой мелочи в работе и быту.

Ещё в дороге я заболел ангиной. В Таксимо у меня уже была повышенная температура. Сколько я ни бывал на полевых работах в разных передрягах, никогда не простывал! А тут приехал уже с заразой! Чувствовал я себя отвратительно: температура явно высокая, вялость, бессилие. Но надо было скорее налаживать быт, чтобы начинать работу. Поставили палатки, оборудовали кухню с навесом, кострищем, столом, скамейками, дровами. Таборщице надо было показать, как разжигать костёр, варить на нём еду.

Наутро я почувствовал себя ещё хуже. У кого-то из ребят оказалось лекарство, кажется, бисептол. Я принял таблетку. Но надо идти в маршрут, показывать ребятам, как брать пробы, как их документировать и паковать. Проверил, всё ли необходимое взяли в маршрут. Для демонстрации я выбрал небольшой ручей вблизи

табора. Дело-то в общем нехитрое. Отобрали первые две пробы через километр. Чувствую, что дальше идти не могу. Я послал ребят брать пробы вверх по ручью. Как только они отошли, я упал на ягель и уснул. Благо день был солнечный, дул ветерок, место открытое и комары не донимали. Часа через два я проснулся и почувствовал себя лучше. Тут вернулись ребята, и мы пошли на табор. Утром поднялся совершенно здоровым.

Как всегда, решил начать работу с дальнего юго-восточного угла листа, постепенно перемещаясь вдоль Правого Мамакана, где была дорога на реку Чаянгра, по которой я уже ездил в 1993 году на реку Нижнюю Сидольту.

Без приключений мы доехали до устья реки Верхняя Сидольта, где по моим данным стоял большой добротной дом. В нём мы и расположились. Ребят я разделил на пары. Так как геологические маршруты тяжелее, чем опробование осадков ручьёв, то мне нужен был физически крепкий спутник, в то же время исполнительный и неленивый. Приглядевшись дорогой, своим сопровождающим я выбрал студента Максима.

Утром наметил ребятам маршруты по Нижней и Верхней Сидольтам, а сам отправился в маршрут по левому водоразделу Верхней Сидольты, наращивая исследованную в прошлые годы площадь.

Исследуемый лист частично занимал участки, куда машиной проехать было нельзя. Поэтому их опробовать можно было только многодневными маршрутами. Один из таких участков располагался в юго-восточной части листа. Его можно было опробовать только трёхдневным маршрутом. Ребята ещё не освоились в работе, поэтому я решил идти туда с Максимом. Выдал ребятам задание на три дня. Они должны были опробовать ручьи – притоки по левому борту Правого Мамакана. У нас была резиновая лодка, на ней они переплавлялись на другой берег и обратно.

Наш завхоз получил лёгкую палатку. Меня он заверил, что в дождь она не промокает. Я решил взять её в многодневный маршрут для ночёвки. Подход был не тяжелым. В намеченном месте нашли место для палатки, устроились и пошли в маршрут. В первую ночь была хорошая погода. Мы, ещё не ведая коварства палатки, хорошо выспались. В середине следующей ночи начался

дождь, и тут мы поняли, что эта палатка спасает лишь от Солнца. Дождь проникал через неё, как через решето! Чтобы как-то предохраниться от дождя, мы закрыли центр палатки плащами и, прижавшись друг к другу, смогли немного поспать. Утром дождь кончился, мы обсушились. Надо было возвращаться на табор отряда через водораздел, т. е. подняться более чем на 500 метров по крутому склону. После двух, довольно трудных маршрутов и почти бессонной ночи преодолеть этот подъём было тяжело. Приходилось часто останавливаться, чтобы передохнуть. Поднялись на хребет уже к концу дня. Пришла пора подкрепиться. Пока разводили костёр, кипятили чай из снега, наступил вечер. Дальше идти по почти голому водоразделу вниз было нетрудно. Но время неумолимо катилось к ночи. Когда спустились в долину, заросшую кустарником и заполненную валунами, стало совсем темно. До табора оставалось около полукилометра. Пробирались почти на ощупь! Наконец увидели блики костра, что придало нам силы. Вышли на дорогу и через 5 минут оказались «дома». Коллектив встретил нас радостно. С облегчением сбросили рюкзаки, поужинали и упали спать. Утром встали бодрыми, как будто накануне и не было этого тяжелого похода.

Дальний юго-восточный угол листа мы отработали, надо было возвращаться на основной табор. Накануне ребята опробовали левые притоки Правого Мамакана и на лодке переправились на правый берег. Течение лодку отнесло ниже устья Нижней Сидольты. Тащить её по зарослям не имело смысла, и они оставили лодку на месте переправы.

Чтобы не терять время, я отправил машину со снаряжением, и все пошли маршрутами с выходом на основной табор. Славе я поручил сплавляться на лодке и по ходу опробовать осадки Правого Мамакана. Я отправился в маршрут по его левому водоразделу. Когда пришёл на табор, то увидел растерянного Славу.

– Владимир Васильевич, лодка оказалась вся в дырах, пришлось оставить её на месте и идти вдоль берега пешком.

– Откуда в лодке оказались дыры, – удивился я, – ведь вчера вы нормально переправились на ней?

– Не знаю.

Тут я вспомнил случай в 1965 году, когда также в лодке, оставленной на время на берегу, появилась неизвестно откуда круглая дырка. Впоследствии я узнал, что резину охотно грызут мыши. А вот едят они её или их привлекают запахи съестного, которое перевозили в лодке, для меня осталось непонятным. Пришлось ехать специально за лодкой, вытаскивать её на дорогу. Ведь надо её показывать комиссии, чтобы списать. Благо, нам лодка больше не понадобилась.

В это время приехал Андрей Евстафьевич. Я передал ему бразды правления, а сам стал ходить в свободный геологический поиск, собирая материал по геологическому строению района.

Большую проблему представляло внутреннее строение, образование и взаимоотношения с окружающими породами Тельмамского массива гранитоидов –сателлита крупнейшего в мире Ангаро-Витимского батолита. Значительная часть этого массива располагалась в пределах листа за Аглан-Янским хребтом. Я решил составить детальный разрез через краевую часть массива по скалистому гребню, который простирался от северной границы листа до контакта массива с вмещающими породами на правом склоне долины Правого Мамакана. Для этого надо было идти в пятидневный маршрут за водораздел – ось Аглан-Янского хребта между реками Правый Мамакан и Бутуя. Загрузка у нас получилась солидная. Да и дорогу туда мы ещё не знали. Решили идти вдоль ручья до перевала. Вначале пришлось в основном пробираться по борту ручья через заросли стланика, так как русло было узкое с частыми прижимами. Когда вошли в горы, идти стало легче, так как долина ручья была без особых зарослей, участками можно идти по руслу или по заберегам без растительности. Непосредственный подъём на плоский водораздел оказался крутым и стоил нам большого количества пота.

С перевала перед нами распахнулась вершина Бутуи в виде цирка. Здесь весна ещё была в разгаре. Широко раскинулись снежники. Из-под них сочились многочисленные ручейки. В долине Бутуи виднелись несколько проточных ледниковых озёр. Они располагались на выпаханных ледником площадках одно над другим. Их соединяли с шумом бурлящие между огромными глыбами ручьи, которые стремились быстрее слиться в единую речку.

Окружали цирк острые гребни. Склоны их либо скалистые, часто обрывистые, либо покрытые огромными глыбами. Оживляли картину лишь редкие зелёные пятна стланика.

Мы начали спускаться и искать место для палатки поближе к гребню, где я наметил сделать разрез. С трудом нашли сухую площадку на берегу озера. За палками для палатки пришлось идти вниз по течению почти на километр, где уже попадались невысокие берёзки. К вечеру похолодало. Утром кое-где заводи оказались покрытыми тонкими ледяными плёнками. Но у нас были тёплое бельё и достаточно тёплые спальники, в которых мы хорошо выспались.

Разрез начали составлять от границы листа. Здесь было понижение на гребне. А далее он постепенно повышался и заканчивался острой вершиной. Как обычно, я детально проколачивал породы, пытаясь уловить малейшие изменения в строении и минеральном составе гранитоидов, отбирал образцы и пробы на различные анализы. Много времени и труда приходилось затрачивать на скалывание корочек выветривания, чтобы получить чистую породу. Максим паковал их и складывал в рюкзаки. Пока он готовил обед, я описывал то, что увидел на пройденном участке. Вода была из снежников, в изобилии расположенных под водоразделом, а кое-где и перекрывавших его. Эти промежутки оставались «белыми пятнами». Но их было немного, и они не портили общей картины строения массива. Редких кустиков стланика было достаточно, чтобы вскипятить воду для обеда. Обычный наш обед: коробка «Доширак», смешанная с банкой тушенки и залитая кипятком, чай с банкой сгущёнки и кусочком хлеба (его надо было экономить). Пока обедали, была возможность полюбоваться окружающими горами. После обеда короткий отдых и снова за работу.

Постепенно мы приближались к пику в конце гребня. Достигли его лишь в конце второго дня. Острая вершина оказалась с двух сторон ограничена вертикальными обрывами высотой более ста метров. От вершины щелью шириной вверху около метра отделена пластина толщиной в несколько метров. Наклонена она уже в сторону обрыва. Казалось, чуть тронь её, она рухнет. По-видимому, подобные пластины падали вниз не раз. У подножия обрыва громоздился конус из огромных глыб размером до нескольких метров. Достаточно небольшого землетрясения, которые не редки в

регионе, и эта пластина рухнет вслед за своими предшественниками, раскалываясь на громадные куски. Зрелище необычное! Я такие вертикально отслоенные пластины видел впервые! Хотелось бы посмотреть на их обрушение, но желательно со стороны!

С другой стороны обрыв был менее высоким, и нависшие глыбы отсутствовали. У его основания оказался ксенолит осадочной породы – остаток субстрата, замещаемого гранитным материалом. Пришлось здесь повозиться, изучая все особенности взаимоотношений его с гранитами. Набралось довольно много каменного материала. Так как возвращаться надо было мимо этого места, то мы его оставили здесь, накрыв целофаном.

На следующий день весь каменный материал мы вынесли на перевал и там, как говорится, залабазили. В этот день мы уже перевалили хребет и вышли на узкий водораздел между ручьями Берёзовым и Скалистым – правых притоков Правого Мамакана. Собранный в этот день каменный материал присовокупили к оставленному на водоразделе. Получилась куча каменного материала более сорока килограммов. За оставленным на перевале каменным материалом позднее послали четверых ребят. Они за день обернулись.

Переночевав, мы собрали все вещи и тронулись в путь, чтобы продолжить составление разреза, а вечером идти на основной табор.

В последующие два дня разрез был закончен с подходами от основного табора. Сколько возможно нас подвозила машина, а дальше надо было подходить к основанию склона напротив окончания предыдущего маршрута и подниматься по крутому склону на водораздел. По слабоволнистому водоразделу, покрытому элювием – неперемещёнными каменными глыбами, идти было легко. Только знай, отбирай образцы и пробы, пиши этикетки, да складывай камни в рюкзаки. А в последний день ещё и двигались вниз по склону.

В последующие дни я прошёл маршрутом по всем притокам Правого Мамакана до контакта с гранитами Тельмамского массива, продолжая изучать строение разреза вмещающих образований и их взаимодействие с гранитами.

После обработки в камеральный период собранного материала было чётко установлено, что Тельмамский массив образовался

без перемещения в результате метасоматоза – привноса из глубин Земли кремния и щелочей в разный субстрат. На отдельных участках возникала магма, которая внедрялась на небольшие расстояния в окружающие образования. В дальнейшем породы массива подверглись ещё одному этапу кремнисто-калиевого метасоматоза с образованием кристаллов микроклина размером до 10 сантиметров в поперечнике. В заключительный этап формирования Ангаро-Витимского батолита возникли пегматиты с молибденом и вольфрамом, а также лейкограниты с редкометально-редкоземельным оруденением. В разных частях батолита концентрации этих элементов отвечают месторождениям.

Было ещё одно приключение на этом участке. Надо было опробовать вершины водотоков долины ручья Каменный, которая располагалась за Аглан-Янским хребтом и представляла собой ледниковый совершенно безлесный цирк. Лишь кое-где встречались заросли стланика. Вместе с подходом и выходом за один день не управишься. Послали туда Славу со студентом на два дня. Погода стояла хорошая, и они решили идти туда без палатки и тента. Продуктов тоже взяли на два дня. На второй день пошёл дождь. К вечеру они не вернулись. Стало тревожно. Тем более, что дождь продолжался почти всю ночь. Где там они от него спрячутся?

Наутро, как положено, никто в маршруты не пошёл. Мы с тревогой ждали наших товарищей. После 12 часов все пошли на их поиски. Стали подниматься по долине ручья, по которой они должны были возвращаться. Вода в ручье поднялась, в одном месте оказался высокий скалистый прижим. Пришлось ручей бродить. Воды было выше колен, и сапоги набирались полные воды. Один из студентов решил бродить босиком, чтобы сохранить сапоги сухими. Он разулся и стал перебрасывать сапоги на другой берег. Первый сапог перебросил благополучно, а второй упал в воду и стремительно исчез вниз по течению. Что делать студенту? По камням и зарослям босиком далеко не уйдёшь, не поранив ногу. Обмотали ногу тряпками, какие были, и отправили его обратно к дороге, где стояла машина.

Ближе к вершине вдруг видим, что навстречу медленно бредут наши потерянные, с трудом переставляя ноги. Мы вздохнули с облегчением, быстро развели костёр. Они обсушились, подкрепи-

лись и рассказали, как провели ночь. Они смогли развести костёр и всю ночь под дождём его поддерживали, собирая и ломая стланик. Благо к утру дождь кончился, и они голодные, измотанные бессонной ночью, побрели, еле переставляя ноги, через перевал. Так благополучно кончились их приключения и наши тревоги.

Отработав бассейн Правого Мамакана, мы переехали в вершину р. Каалу. Здесь студенты опробовали водотоки, а я отправился в вершину правого притока Каалу, где ранее установил налегание вулканогенно-осадочных отложений каалинской свиты на карбонатные породы янгудской серии. Мои предыдущие наблюдения Г. Л. Митрофанов и Н. К. Коробейников подвергали сомнению. Надо было собрать более убедительный материал о характере этого контакта и проследить его по простиранию. Я сделал ещё несколько маршрутов в бассейне Каалу, которые подтвердили мою точку зрения. Но, как часто бывает не только у геологов, признать свои ошибки им не очень хотелось. На карте поставили лишь знак вопроса к обозначению возраста каалинской свиты.

С этого же табора мы вместе с Андреем Евстафьевичем составили разрез по водоразделу рек Каалу и Якра. Хребет был скалистым, лишь небольшие участки оказались покрытыми крупноглыбовым элювием. Этот разрез лёг в последующем в основу моей статьи в журнале «Стратиграфия. Геологическая корреляция».

Следующий участок был расположен в вершине р. Парама. Располагался он за скалистым водоразделом. Заехать на него можно было только вокруг через низкий пологий перевал в вершине р. Аикта, через который проложена вездеходная дорога. К этому времени к нам присоединился Н. К. Коробейников. Завхоз Валерий Васильевич отремонтировал наш вездеход, стоявший у Корчиновых сломанным с прошлого года. Весь отряд отправился до Аикты на автомашине, а далее уже на вездеходе.

Чтобы не терять времени и познакомиться с геологическим строением ещё одного участка, я с Максимом отправился напрямик через вершину р. Джалту с выходом на запланированную стоянку отряда в четырёхдневный маршрут. Заодно надо было провести опробование водотоков в долине вершины этой реки. Вначале путь был относительно лёгким. Так как в истоках правой вершины Джалту располагалось каровое озеро с рыбой, то туда вела хорошо

натоптанная тропа. Далее наш путь проходил по широкой, выпаханной ледником долине левой вершины реки. Натоптанная тропа сменилась звериной тропой, которая, как обычно для них, часто терялась. Заросли стланика чередовались с каменными россыпями и скалистыми уступами. К концу дня путь нам преградила стена густого высокого стланика. Заросли его простирались до подножия крутого склона, покрытого каменными россыпями. Здесь мы заночевали.

В последующие два дня мы сходили в маршруты, опробовали стекающие с крутых, часто скалистых склонов ручьи. Установили, что бассейн р. Джалту сложен довольно однообразными гранитами Верхнепарамского массива – сателлита (выступа) Ангаро-Витимского батолита. На четвёртый день мы пошли маршрутом с выходом в отряд. Груз у нас увеличился. С большими трудностями проломились через стланиковые заросли и вышли на голый склон. Рядом был низкий перевал. Если пойти через него, то к обеду мы были бы на таборе. Но я хотел посмотреть характер контакта массива гранитоидов. Для этого надо было подниматься на хребет. Поднялись по крутому склону до выположенного участка, где всё пространство покрыто дресвой – продуктами разрушения гранитов и редкими мелкими кустиками стланика. На самой вершине в беспорядке стояли столбы гранитов высотой около 4 метров, образующие лабиринт, а между ними вилась оленья тропа. Очень занимательная картина! Отдельные столбы гранитов встречались мне и раньше, но целое их «стадо» увидел впервые!

С одной стороны водораздела склон был пологий, волнистый. В западинах выходят осадочные породы, поднятия сложены гранитами. Выходит, что здесь обнажается самая верхняя часть массива, распадающаяся на отдельные выступы, а между ними сохранились так называемые провесы кровли – вмещающие породы. На контакте хорошо видно, как магма постепенно ассимилирует разнообразные породы, превращая их в однообразные гранитоиды.

Противоположный склон, по которому нам надо было спускаться, оказался крутой, сложенный гранитами и заросший стлаником, переплетённым с берёзками. Склон был с почти отвесными уступами, с которых приходилось спускаться, цепляясь за кусты. Сверху хорошо был виден табор, где нас ждал сытный ужин.

На таборе упаковали образцы и пробы, я рассказал о маршруте, поделился мыслями о результатах похода и планами ближайших маршрутов. В последующие дни, пока проводилось опробование водотоков, я сделал несколько маршрутов в окрестностях. Каждый из них начинался с подъёма на водораздел, затем следовал ход по водоразделу и спуск обратно. Особенно запомнился один из них, в котором пришлось подниматься по скалистой промоине с опасностью оборваться. Но зато были хорошо видны породы, их строение и изменения. Все особенности пород я описывал в дневнике, отбирал образцы для иллюстрации описания и пробы для петрогеохимических исследований.

Рядом с табором была поляна, покрытая рясным голубичником. В один из камеральных дней я потратил несколько часов и набрал ведро голубицы. Привёз его домой в качестве подарка гор.

Отработав участок, мы отправились в Таксимо. Впереди дымил выхлопными газами вездеход с грузом, а за ним с разной скоростью шли мы. Вездеход старенький и поэтому периодически «пытался отдохнуть». Но Валерий Васильевич быстро устранял неполадки. Так что к вечеру мы достигли финиша в Таксимо.

После двух дней отдыха мы отправились опробовать гранитоиды тельмамского массива на определение возраста изотопным уран-свинцовым методом. Для этого надо взять крупные пробы, чтобы из них отобрать достаточное количество минерала–циркона, который и является объектом исследований. По трассе Таксимо–Бодайбо доехали до места, где эти гранитоиды выходят в свежесколотых скальниках у дороги. Отобрали пять проб примерно по двадцать килограммов каждая. На обратном пути я решил посмотреть, продолжается ли массив метасоматитов ручья Весёлого, где я выявил их в 1992 году, в долине ручья Дополгун – правого притока Среднего Мамакана. Сопровождающим взял Максима. Так как день был уже на исходе, то мы до темноты добрались только до зимовья в верхней части наледи, где были в 1996 году. Утром начали затяжной подъём в долину руч. Дополгун, откуда могли перевалить в долину руч. Весёлый. Вначале шли по заболоченному склону долины Правого Мамакана, кое-где пробираясь через заросли стланика. Когда вышли в долину Дополгуна, обнаружили утоптанную тропу, которую использовали геологи при поисках

месторождения золота. Максим что-то в этот день был не в форме и постоянно отставал. Приходилось его ждать. Я пытался его убедить, что, если так будем идти, то ночевать придётся в вершине Весёлого, а ночи там холодные. Это немного убыстряло его ход. Но затем он снова еле плёлся. Прежде, чем он меня догонял, я успевал осмотреть и проколотить камни, отобрать образцы. Выяснилось, что метасоматиты непрерывно продолжаются и в долине Дополгуна. Строение их такое же, как в бассейне ручья Весёлого. Что и требовалось доказать.

Во второй половине дня поднялись на пологий перевал высотой около 1900 метров. Вверху долина ручья Весёлого имела вид заболоченного амфитеатра, с пологим спуском и большим количеством ручейков. Покрытая мхами и мелким кустарником поверхность ниже сменилась узкой долиной с крутыми, покрытыми глыбняком склонами. Долину ручья я не узнал! Раньше это был действительно весёлый ручей! А теперь никакой тропы не было. Вся растительность: деревья и кустарники вырваны с корнями и перемешаны с камнями, кое-где ручей углубился до коренного ложа с мелкими водопадиками. Нам пришлось спускаться через эти завалы с большими трудностями, с постоянной опасностью провалиться в заломы или между камнями. По-видимому, был небывалый обильный ливень! Теперь ручей Веселым никто бы не назвал. До темноты кое-как добрались до ручья Среднего, где нас ждала машина.

9 сентября я покинул отряд и поехал, как договаривались, на встречу с Виталием Николаевичем Собаченко. 10 сентября я прибыл в Северобайкальск, где он с отрядом из трёх человек уже ждал меня. Мы сели в автобус и поехали в село Байкальское на берегу Байкала. В этом селе жила Валя Богатырёва, которая после окончания школы в 1974 году работала у нас в партии маршрутным рабочим и ходила со мной иногда в маршруты в качестве радиометриста. Я зимой написал ей письмо с просьбой приютить нас в полевой сезон на несколько дней. Она согласилась, и мы к ней нагрянули. Она работала на железной дороге, имела квартиру в Северобайкальске, а в селе Байкальском жила её мама, к которой она приезжала в перерывах между дежурствами. У мамы мы и устроились на постой.

В устье р. Горячая находился источник горячих минеральных вод. Из глубин Земли по разлому, ограничивающему впадину Байкала, горячие минеральные воды поступали на поверхность. Строители БАМа построили здесь дом отдыха. Нам надо было попасть туда, чтобы собрать материал для определения возраста и происхождения расположенных там гранитоидов. До дома отдыха периодически плавал катер, завозивший отдыхающих и продукты. Капитан согласился нас туда доставить. Отдыхающих было мало, поэтому летние домики были свободны. В них мы и разместились.

На минеральных источниках был построен большой хорошо оборудованный корпус для принятия ванн. Горячую воду направили в трубу, где её разбавляли до необходимой кондиции байкальской водой. В свободное от отдыхающих время нам позволяли бесплатно принимать ванны. Какое блаженство после маршрута погрузиться в горячую воду и поплавать!

Сделали несколько маршрутов, изучили контакты гранитов с вмещающими породами, отобрали необходимые пробы.

Особенно запомнился один из маршрутов. В четырех километрах к югу находится мыс Котельникова, вдающийся в озеро. Там когда-то был хутор. Мыс назван по имени его основателя. Сколько там раньше жило людей, не ясно. От него осталась лишь большая площадка, покрытая травой, и одинокий дом, который сохранили рыбаки. Место замечательное! К югу и востоку простирается акватория Байкала с песчаным пляжем. На севере – стена леса, защищающего хутор от северных ветров. На западе возвышается скала высотой в десятки метров, с обрывом в озеро. Такие брошенные места всегда наводят грусть. Родившиеся и выросшие здесь люди живут сейчас далеко от этих мест и, думаю, с грустью вспоминают привольные просторы Прибайкалья.

Мы поднялись на гранитные скальники, с почти отвесным склоном в Байкал, опробовали их и спустились на конус выноса р. Куркула. Здесь перед впадением в Байкал река прорезала в скалах непроходимое ущелье, выше которого она течёт спокойно. Достигнув ущелья, она с рёвом набрасывается на скальные породы, пытаясь расширить себе дорогу к Байкалу. Пенистый шумящий поток закручивается в ущелье винтом и тащит за собой камни разного размера. Вырвавшись к Байкалу, река сбрасывает принесён-

ные обломки и спокойно вливается в озеро. Можно представить, что творит река в половодье!

Здесь погиб молодой человек, который пытался проникнуть в ущелье, и оборвался в поток. На верху обрыва поставлен крест, как предупреждение неразумным смельчакам об опасности шутить в этом месте с Куркулой.

Обследовав доступные обнажения, мы попутным транспортом выбрались в Северобайкальск и с чувством выполненного долга отправились в Иркутск.

1999 год (М, А)

В 1999 году я продолжал работать на полставки в той же теме по ГДП-200 листа О-50-XXV и участвовал в гранте в Институте геохимии с Виталием Николаевичем Собаченко. Денег на полевые работы в ВСНИИГГиМСе выделили лишь на один месяц. Договорились, что на июль я еду с Владимировым на полевые работы, а потом присоединяюсь к Виталию для работы по гранту.

В первой половине июля мы выехали с машиной в Таксимо и отправились по трассе Таксимо–Бодайбо до вершины р. Якра. Согласно заданию, нам предстояло разобраться с древними вулканами, открытыми В. А. Шеметовым в бассейне р. Большой Якорь, отобрать пробы на палеомагнитный и другие анализы. Так как машина туда не может проехать, необходимы многодневные маршруты через водораздел. Путь туда мне был знаком (см. раздел «1995 год»).

Остановились вблизи водораздела Якра – Каалу. Оттуда мы с Владимировым загрузились и пошли в бассейн Большого Якоря. Вначале пришлось прыгать по крупным глыбам. Добрались до озера в каре. Там увидели, что в озере шныряют маленькие гольяны. Я знал, что ими занимается Игорь Книжин – ученый с биолого-почвенного факультета ИГУ. Так как я был с ним дружен, то решил помочь ему, выловил пару десятков рыбок, крепко засолил их, чтобы не испортились от длительного хранения. По приезду в Иркутск я отдал ему улов, заслужив слова благодарности.

Затем с большими трудностями поднялись по крупноглыбовому курумнику на водораздел – стенку кара. Далее предстоял от-

носительно пологий спуск по звериной тропе, который мы быстро преодолели, устроили лагерь на берегу Большого Якоря и утром отправились в маршрут. Наши наблюдения подтвердили данные В. А. Шеметова. Здесь оказались вулканиты двух возрастов. Более древние вулканиты уже подверглись изменениям.

Более молодые вулканиты практически не были изменены. В скальных обнажениях среди них хорошо видны жерловины – подводящие каналы, выполненные габбро, переходящие в покровы базальтов. Один день я затратил на отбор образцов на палеомагнитный анализ. Эту трудоёмкую работы я уже описывал (см. раздел «1980 год»).

Так как продукты подходили к концу, пришлось выходить к автомашине, где изнывал от безделья шофер. Он приготовил нам ужин и завтрак. Мы переночевали и отправились обратно. Сделали на Большом Якоре по паре маршрутов. На этом изучение данного участка из-за отсутствия времени прекратили.

Как мы договаривались с Виталием Николаевичем, я прибыл в назначенный день в Северобайкальск, где встретился с ним и его отрядом. Виталия сопровождал Артём, младший научный сотрудник. Располагались мы в уютной квартире у Вали Богатырёвой. Она дежурила на железной дороге у восточного портала Даванского туннеля, а в промежутках между дежурствами уезжала в село Байкальское к маме. Так что нас никто не стеснял, и мы никого не стесняли.

Согласно гранту, задачей этого полевого сезона было отобрать пробы на определение абсолютного возраста вулканитов завершающего этапа формирования Северобайкальского вулканоплутонического пояса. Лучший участок для выполнения задания, по моим данным, расположен в бассейне р. Кутима, при выходе её из гор. Там я работал в 1960 и в 1965 годах, хорошо знал, где лучше всего отбирать нужные пробы. Добраться туда можно было на моторной лодке.

Мы доехали на поезде до посёлка Магистральный, а затем на автобусе до села Казачинское. Там добрались до базы студенческой практики биолого-почвенного факультета ИГУ. Я в Иркутске взял письма у хозяев базы с разрешением поселиться в ней. Базу охраняла семья. Они встретили нас доброжелательно, отвели от-

дельный дом. Глава семьи рекомендовал нам человека, который мог доставить нас до места работы. Мы познакомились с ним. Он был в отпуске и согласился за определённую плату нас забросить, а заодно и порыбачить.

Вначале на его машине мы доехали до села Нижне-Мартыново, где он нашёл компаньона для рыбалки и две моторные лодки. Я в этом селе был в 1960 году. В этом селе располагалась база нашей партии и при заезде и выезде с полевых работ мы провели здесь достаточно длительное время. Я ехал туда с некоторым волненьем! Вновь увидеть места своей молодости, вспомнить, как бы погрузиться в то время!

Тогда здесь жила семейная пара: Иван и Мария. Мы познакомились с ними, общались с взаимной выгодой. Они были весьма доброжелательными, гостеприимными. Мария – женщина лет тридцати, дородная, крепкая, красивая русской красотой, Иван ей под стать. Жили они дружно!

Село мало изменилось с той поры. Я решил поискать их, начал расспрашивать местных жителей. Они показали мне дом, где сейчас живут их наследники и бабушка Маня. Я пришёл к ним. Передо мной сидела маленькая старенькая высохшая бабуся. Узнать в ней бывшую Марию было нельзя.

– Здравствуйте! Вы помните, мы у Вас с Иваном бывали в 1960 году? – обратился я к ней.

– Нет, не помню. Давно это было. Иван-то давно уже помер.

–Ну как же? Вы жили в этом же доме. Мы несколько раз ночевали у вас, проводили совместные застолья, – настаивал я.

– Ничего не помню, – и как рефрен, повторяла, – Иван-то давно уже помер.

Мне ничего не оставалось, как попрощаться и уйти. Остался очень грустный осадок, как всё безвозвратно уходит и изменяется! Тогда впереди была ещё долгая жизнь, а теперь, глядя на эту бабусю, становилось понятным, что жизнь катится к концу! Невольно вспомнились слова из стихотворения К. Симонова: «Лишить бы нас печального пристрастья вновь приезжать на старые места».

Через два дня наши спутники собрались и мы на двух лодках отправились вниз по Киренге, а затем вверх по Кутиме до намеченного места. Плыть на лодке по большой реке – большое удо-

вольствие! Прохладный ветерок охлаждает и отгоняет комаров. За каждым поворотом открываются всё новые красивые виды. Сидишь и любуешься!

При подъеме вверх по Кутиме, лодка наткнулась на мель. Я сидел на носу и от толчка свалился в воду. Глубина была мне по грудь. Я выбрался на берег мокрым с ног до головы. Лодки причалили, развели большой костёр. Пришлось сушиться около часа. Дальше плыли без приключений.

Когда причалили к берегу, где была база нашей партии в 1965–1966 годах, местности я не узнал. На косу, где была вертолётная площадка, сместилось русло реки. Берег зарос густым высоким тальником. От построек, где мы хранили продукты и имущество, остался лишь полуразвалившийся сарай. От домов, где жили, остался лишь фундамент, внутри которого выросли берёзки. По-видимому, дома разобрали и сплавили в сёла. Грустно было видеть всё это и вспоминать, какая бурная жизнь здесь кипела, какие посиделки были у костра с обсуждением результатов маршрутов и приключений в них, местных и мировых проблем, с доброжелательными шутками и розыгрышами, с хоровыми песнями!

Сделали три совместных маршрута на вулканиты. Для этого требовалось подниматься на водораздел по крутому склону, преодолевая крупноглыбовые россыпи и заросли стланика. За эти дни мы отобрали нужный материал на исследования, рыбаки наловили рыбы. Обратный путь прошёл без приключений, если не считать периодические тревоги наших рыбаков при встречных лодках: не рыбнадзор ли?

Переночевав на базе биологов, мы распрощались с гостеприимными хозяевами, отправились в Магистральный, оттуда на местном поезде до Северобайкальска. На другой день покинули кров Валентины, оставив, несмотря на ее возражения, плату за проживание, сели на «Комету», а вечером уже была встреча с семьёй.

2000 год (А, С)

В 2000 году полевые работы в нашей теме не проводились. Мы занимались отчётом по листу О-50-XXV и составляли проект на лист О-50-XXVI. Поэтому я летом полностью включился в полевые работы по гранту Виталия Николаевича Собаченко. Кроме нас двоих в отряде был младший научный сотрудник Института геохимии Артём и в качестве рабочего Слава Четвертаков – учитель в отпуске. Задачей гранта было изучение редкометального оруденения в Северо-Западном Прибайкалье.

Привычным путём на «Комете» мы добрались до Северобайкальска и отправились к Валентине Богатырёвой, которая уже не раз привечала нас и отдавала в наше распоряжение свою квартиру. Ещё зимой Виталий Николаевич списался с ней и получил согласие на наш приют.

Первый объект был в Акитканском хребте на водоразделе рек Домугда и Гольцовая. Достигнуть его можно только пешком от р. Киренга, по долине которой проходит автомобильная дорога. Переночевав у Вали, мы, как и в 1999 году, добрались до села Казачинского и поселились на базе биолого-почвенного факультета ИГУ.

Запланировали поход на 7 дней: 2 дня подхода, два дня работы и 2 дня на выход, плюс один запасной день на непогоду. Виталий не ходил в многодневные маршруты, но самолюбие ему не позволяло сознаться в этом и поручить мне сборы. Он не учитывал, что всё имущество и продукты надо нести на себе и каждая лишняя вещь увеличивает нагрузку, что приводит к быстрой усталости и замедлению движения.

Когда стали подбирать продукты на поход, то оказалось, что Виталий взял их в большом излишке. Их хватило бы более чем на 15 дней. Меня особенно поразил большой объём соли: Виталий взял её аж 3 килограмма.

– Куда столько соли? – с изумлением спросил я.

– А вдруг поймаем рыбу, надо же её засолить.

– Сколько ты собираешься наловить рыбы? Даже при «диком её изобилии», нам с избытком хватит полкило соли. Только надо её разделить на части для случая, если она подмокнет.

Ясно было, что он с рыбалкой дела не имел. Кое-как уговорил Виталия взять только одну пачку. Так же и с другими продуктами.

Имея достаточный опыт хождения в многодневные маршруты, я отстаивал оптимальное количество продуктов с запасом на так называемый «чёрный день», боролся с Виталием за каждый килограмм. Но всё же пришлось взять много лишнего.

Также обстояло дело и со снаряжением. Виталий взял с собой много лишних личных вещей, как он объяснял: на всякий случай. Вдруг обнаружилось, что он взял с собой, кроме геологических молотков, которые были у каждого, пятикилограммовую кувалду!

– Да ты что ей будешь делать? – опять возмутился я, – ведь её надо нести на себе! Оставь её.

– Нет, надо взять для отбора проб, – возразил Виталий.

– Да мы молотками наколотим нужное количество каменного материала.

Всё же он положил кувалду в свой рюкзак.

На попутной машине, которая возит лесозаготовителей, доехали до места, наиболее близкого к нашему маршруту. По тайге надо было выйти к устью р. Гольцовая – притоку р. Черепаниха, затем по долине Гольцовой и по её притоку подняться до водораздела, где и расположены нужные нам объекты. Расстояние около 30 километров. Мы вышли на просеку, протрассированную лесоустроителями затёсами на деревьях и вырубленными мелкими деревьями. Просека шла в нужном нам направлении, и мы пошли по ней. Идти по просеке, конечно легче, чем петлять по лесу, постоянно проверяя направление по компасу. Я шёл впереди. Когда через некоторое время обернулся, то увидел, что рюкзак у Виталия висит на одном плече, ремни не затянуты, а верхняя часть вообще болтается. Я предложил ему перепаковать рюкзак, чтобы устранить недостатки. Но он отказался.

Уже пора была обедать, но воды не встречалось. Местность была ровная, как стол. Вдруг вышли к скале прямоугольной формы высотой около четырех метров, сложенной чёрными известняками с запахом сероводорода. В центральной части под скалой была ниша с углублением, полная кристально чистой ледяной воды. Мы сделали здесь привал, пообедали, отдохнули и тронулись дальше. Я предложил Виталию помощь в укладке рюкзака, но он снова отказался.

Не доходя несколько сот метров до долины Черепанихи, я потерял просеку. Видно её рубщики решили сократить труд. При-

шлось идти напрямик. Вышли на обрывистый берег реки вблизи устья Гольцовой и решили ночевать.

Когда спустились к реке и начали смывать пот, то я увидел, что Виталий стёр лямкой рюкзака одно плечо до крови.

– Что же ты терпел боль? Надо было сказать сразу, что с рюкзаком нелады.

Провёл санитарную обработку и заклеил ранку пластырем. Утром без разрешения перепаковал Виталию рюкзак, а когда он надел его, то подогнал ремни, затянул, как следует, поясной ремень. Виталий сказал, что рюкзак стал как будто легче и сидит на спине и плечах удобнее.

Мы пересекли по заломам Черепаниху и отправились вверх по долине Гольцовой. Я был там в 1960-м и 1968–1970 годах, обнадёжил ребят, что, как помнил, вверх по Гольцовой шла хорошая тропа. Но оказалось, что во время большого паводка многие деревья были повалены, и вся долина заросла травой по пояс, а тропа исчезла в буреломах. Пробирались с большим трудом. Путь постоянно преграждали поваленные друг на друга деревья, невидимые издалека в траве. Обойти их было невозможно. Приходилось лезть через эти баррикады.

В одном месте вышли на полянку размером около 20 метров и видим у дальнего её края стоит медведь на задних лапах, смотрит на нас, нюхает воздух, желая определить, кто же мы такие. Мы сразу засуетились.

– Стучите громче молотками по деревьям, – взволнованно сказал я. Сам скорее полез за спичками и оглядывался в поисках бересты или сухой ветки стланика. Видать наши действия ему не понравились или он учуял людской запах. Медведь быстро развернулся и исчез в чаще, а мы, постояв несколько минут, двинулись дальше. Это была последняя моя встреча с медведем в естественных условиях.

Рюкзаки «становились» всё тяжелее. Виталий стал отставать, надо было его поджидать, теряя время, которое было ограничено провиантом. На обеденном привале мы его уговорили оставить кувалду. Рюкзак у него сразу стал легче. Он упорно стремился не отставать, но это у него не получалось. Видно было, что это его очень расстраивало. А так как тропы не было, то далеко отпускать его было нельзя, он мог уйти в другую сторону. Старались идти в

пределах видимости друг друга. Растянулись цепочкой. Я поручил Артёму не терять Виталия из виду, а мы со Славой шли впереди с такой скоростью, чтобы видеть Артёма. Если оглянувшись, не видели Артёма, останавливались и ждали, пока он покажется. Так же и он периодически поджидал Виталия.

К вечеру подошли к притоку Гольцовой, текущему в скальном ложе. По нему надо подняться на водораздел к объектам опробования. Немного отдохнули и начали подъём. Скорость, конечно, уменьшилась. Мы со Славой ушли вперёд, а Артём с Виталием значительно отстали. Когда до водораздела оставалось 200–300 метров, наползла туча, стало темно, пошёл дождь. Идти до водораздела не имело смысла, так как я помнил, что там нельзя найти палки для палатки. На ближайшем относительно ровном месте мы со Славой быстро поставили палатку, натянули тент и развели костёр, благо вокруг было много сухого стланика. Через полчаса пришли Виталий с Артёмом. Устроились на ночлег. В течение двух дней ходили на рудные тела, изучали и опробовали их. Обошлись без кувалды.

Это были места, где у нас в 1967 году был табор, и мы открыли там рудные тела метасоматитов с урановым оруденением. Впоследствии эти тела обследовались специализированной партией с горными выработками и детальными поисками. Я с волнением пытался найти следы нашего табора, но не мог определить даже место его расположения, так всё изменилось. Нашёл только остатки одного ящика.

Обратный путь был несколько легче, так как мы уже протоптали тропинку в траве. О кувалде Виталий даже не вспомнил. Мне очень хотелось посмотреть место, где в приустьевой части Гольцовой у нас в 1968–1970 годах была отличная база. С грустью вспоминались те весёлые сезоны, наш дружный коллектив и энтузиазм в работе. Но время поджимало, продукты шли к концу, а туда надо было пробираться через завалы, т. е. терялся бы целый день. По пояс перебрели через Черепаниху и устроились на ночлег на старом месте.

Утром я отправился искать окончание просеки, по которой шли сюда. Кругами обошёл всё вокруг на несколько сотен метров, но её не обнаружил. Пришлось идти по компасу, сверяясь с направлением через каждые 100–200 метров. Неожиданно вы-

шли к извилистому ручью с заболоченными берегами. На карте его не было, вероятно, он начинался и пропадал в карстовых полостях. Было ясно, что мы отклонились от прямого маршрута. Пришлось обходить зигзаги ручья. Только к вечеру мы вышли на дорогу. Там переночевали, дождались попутной машины и вернулись в село Казачинское, а затем в Северобайкальск на квартиру Вали Богатырёвой.

Следующей нашей задачей было поиски метасоматитов в бассейне р. Горемыка, которая впадает в реку Рель против села Байкальского. Опять мы воспользовались гостеприимством Валиной мамы. С целью поисков метасоматитов сделали три маршрута. Один день потратили на поиски канав партии, которая здесь в 60-х годах проводила геологосъёмочные работы и обнаружила эти породы. Указанное место проходки канав на карте заросло густым кустарником. С большим трудом нашли их. Но они со временем затянулись отложениями бортов. Покопавшись в них, ничего похожего на метасоматиты не нашли. Другие маршруты тоже не дали результатов. На этом мы закончили полевые работы и отправились в Иркутск.

2001 год (М, С)

В 2001 году в ВостСибНИИГГиМСе открылась новая тема по геологическому доизучению листа О-50-XXVI, куда я был переведён на должность старшего научного сотрудника на полставки. Ответственным исполнителем темы назначили Андрея Евстафьевича Владимирова, а начальником отряда – В. П. Пая. В первый полевой сезон предполагалось провести поиски по потокам рассеивания по притокам Витима в восточной части листа. Маршрутными рабочими набрали студентов Иркутского госуниверситета и ребят из Таксимо.

Андрею Евстафьевичу надо было заканчивать отчёт по листу О-50-XXV. Поэтому отряд отправился на полевые работы под руководством В. П. Пая. Он только в этом году приехал из Средней Азии, где работал в местном геологоуправлении. Специфику полевых работ, да ещё в горно-таёжных условиях Сибири он не знал. Поэтому меня попросили поехать с отрядом и на первых порах

руководить им. Мне не очень-то хотелось заниматься рутинной работой по отбору проб по ручьям. Но другого варианта поехать в поле в начале лета не было. Лишь в конце августа я договорился встретиться с Виталием Собаченко для продолжения работ по гранту. Я подумал, что при опробовании ручьёв смогу заниматься в небольшом объёме геологическими наблюдениями и согласился.

На поездах с пересадками мы доехали до Таксимо. Машина ГАЗ-66 с грузом и продуктами прибыла туда же. В Таксимо у геологической семьи Корчиновых (см. раздел «1998 год») ВостСибНИИГГиМСом был арендован сарай, где хранилось снаряжение прошлых лет и стоял вездеход. Там мы выдали полевую одежду ребятам, подобрали снаряжение, закупили недостающие продукты и отправились по знакомой мне живописной дороге по долинам Адянов Келянскому и Парамскому (см. раздел «1987 год») в сторону Витима.

Остановились при выходе из гор ручья Самокут, где были остатки построек добытчиков золота (см. раздел «1987 год»). Утром я провёл инструктаж по технике безопасности, показал, как надо отбирать и документировать пробы, разделил кадры по парам: студент + рабочий. Первый маршрут сделали совместно вверх по Самокуту, в том числе и с В. П. Паем. В следующие дни сначала по моим, а затем В. П. Пая заданиям пары пошли самостоятельно. После трёхдневного маршрута в вершину Самокута В. П. Пай практически перестал ходить в маршруты, сославшись на здоровье. Я же продолжал участвовать в процессе полевых работ как рядовой маршрутчик.

Опробование по потокам рассеивания – занятие довольно однообразное: пробираешься вверх по долине ручья иногда через заросли, или по валунам, обходя прижимы, часто прямо по руслу и через километр берёшь пробу. К сожалению, времени задерживаться для обследования обнажений почти не оставалось. Я лишь мог определять вид пересекаемых пород, отмечая их распространённость.

Особо достопримечательных мест здесь не было. Запомнился лишь один многодневный маршрут с опробованием ручья Булунда и его притоков. Вблизи выхода из гор он прижимается к левому борту, образуя скальный обрыв. Левый приток обрывается здесь в долину Булунды красивым водопадом высотой более двух метров.

Под ударами воды внизу образовалась округлое углубление более метра. Рядом с ним расположена рукотворная чаша, выкопанная золотодобытчиками при промывке вынесенных притоком отложений.

В среднем течении Булунды увидели ещё один водопад высотой около метра. Поток воды выдолбил в скальном ложе бассейн округлой формы глубиной больше метра и около 5 метров в поперечнике. В правом борту вода в половодье обнажила скалу с плоским верхом, нависавшую над этим бассейном.

Так как наступал вечер, я решил в этом живописном месте заночевать. В сумерках долго сидел у водопада, слушая звенящую «перебранку» струй воды, стремящихся быстрее достичь улова! Прыгнув вниз, струи успокаивались и «нежно журча» устремлялись единым потоком вниз по долине.

Другим примечательным моментом был спуск по одному из притоков Булунды. Все другие притоки были более или менее спокойными с заросшими мелким кустарником бортами и мелкообломочным материалом в русле. Русло же этого притока поражало нагромождением огромных глыб гранитов от истоков почти до самого устья. Размеры их достигали до 6 метров! Двигались мы зигзагом, прыгая с одной глыбы на другую или спускаясь на руках. Вода журчала где-то глубоко внизу. Ни о каких пробах мелкозёма нечего было и думать.

Отработав бассейн Самокута, мы переехали на Витим в устье левого его притока − ручья Каменный. Его долина представляла узкое извилистое ущелье. Ширина днища часто составляла первые метры. Скалистые обрывистые борта возвышались на десятки метров.

В долине Каменного были выявлены месторождения россыпного золота. Отрабатывать их принимались неоднократно. Вверх по долине была проложена экзотичная автомобильная дорога, часто пересекающая русло. Иногда между бродами было не больше двадцати метров. В большую воду дорога становилась непроезжей.

Чтобы провести опробование его вершины и притоков, надо идти в многодневный маршрут. Туда отправился, конечно, я с рабочим. Следуя по дороге, которая переходила с берега на берег, пришлось бродить ручей много раз. Вода была низкая и большинство бродов мы преодолевали в резиновых сапогах, не замочив ноги. Но в некоторых местах вода достигала полуметра и более. Тогда, как всегда, приходилось снимать сапоги, носки и стельки

класть в рюкзак, надевать сапоги на голые ноги, засучивать штаны и бродить ручей в ледяной воде. На другом берегу выливали воду из сапог, надевали сухие носки, укладывали стельки. Это отнимало много времени.

В вершине долина Каменного расширялась. Зимой здесь возникала наледь, которая к этому времени почти полностью растаяла. Идти было легко, и последние километры мы прошли быстро.

Выше наледи в прошлом году артель добывала золото. Они собирались сюда вернуться, поэтому оставили несколько домиков и часть техники. Их охраняла пара сторожей, которые нелегально потихоньку добывали золото. Здесь же мы встретили учёного Сергея Гончарука с сыном, которые по заданию работавшей здесь артели занимались оценкой перспектив продолжения добычи золота. Попутно им разрешили добывать золота для себя, сдавая его государству. После дождя сын Сергея ходил по руслу и в западинах собирал видимые зерна золота, так называемых «тараканов».

Мы поселились в одном из домиков и приступили к опробованию водотоков. В одном из маршрутов я хотел подняться с опробованием по притоку Каменного, перевалить в долину другого притока и, спускаясь по нему отбирать пробы. Перед перевалом оказался пологий подъём по склону, представлявшему собой горную тундру. На нём мы увидели кустики голубицы высотой до 5 сантиметров, обильно покрытых очень сладкими ягодами. Удалось полакомиться «живыми» витаминами! Долина другого притока в вершине была довольно приветливая, относительно широкая, покрытая редким кустарником. Но ближе к ручью Каменному она превращалась в труднопроходимое ущелье с каскадом водопадов. Приходилось пробираться по крутым склонам, покрытым крупными глыбами и зарослями стланика. Лишь кое-где мы могли спуститься к руслу и взять пробу, не очень соблюдая положенное расстояние между ними, а потом вновь поднимались на склон. В приустьевой части склон представлял собой обрыв в несколько десятков метров. Мы с трудом нашли возможность спуститься в долину Каменного.

Лист O-50-XXVI охватывает приустьевые части нескольких правых притоков Витима, а небольшие ручьи целиком. Большинство из них при впадении в Витим текут в каньонах (см. раздел «1987 год»).

Чтобы опробовать правые притоки, надо переправляться через Витим. Это смогу только я. Ближайшим притоком была довольно большая река Таллаи. Она впадает в Витим несколько ниже нашего табора в устье Каменного. Течение Витима здесь относительно спокойное. Поэтому туда переправиться легко. Как и положено, я взял с собой рабочего. Мы надули резиновую лодку, сели в неё и поплыли. Река несла нас вниз, а я грёб поперёк течения, поставив лодку под тупым углом к нему.

Причалили у верхнего края конуса выноса Таллаи и пошли по её берегу вверх по течению. При выходе к Витиму борта долины Таллаи ещё при её значительной ширине сразу обрывистые. Река в этом месте была мелкой, так как большая часть воды уходила в наносы. Мы её перебрели, не замочив ноги, опробовали один правый приток. Далее борта долины сходятся, а русло сужаться и углубляться. Путь нам преградил высокий прижим. Пришлось вернуться и перебрести обратно. Пошли по левому берегу. Так как вода была низкая, то нижние относительно пологие части скал обнажились. Продвигаться вверх по течению было трудно, но возможно. Над нами возвышались на многие десятки метров скалы, разрезанные крутыми щелями водотоков. Так прошли около километра, опробуя приустьевые их части. Дальше путь нам преградили скалистые обрывы и по левому борту долины.

Чтобы опробовать водные потоки в вершине трещин, мы по скалистому гребешку, цепляясь за выступы, поднялись на несколько сот метров. Обратный путь к Витиму пролегал поперёк склона. Подобравшись к расщелине, надо было найти спуск в неё, в западине отобрать пробу и искать место, где можно выбраться на другой её борт. Также надо было искать возможность перебраться и по разделяющим расщелины скалистым гребешкам. Таким скалолазанием мы занимались несколько часов. Наконец добрались до берега Витима и поплыли обратно. При этом плавании я старался грести так, чтобы хоть немного продвинуться вверх по течению. Всё равно нас снесло несколько вниз. Пришлось до табора лодку нести на себе. Благо, вдоль берега шла дорога.

Следующим пунктом для нашего табора было устье ручья Батракан – левого притока Витима значительно ниже па течению. Впадающие с обоих бортов в Витим ручьи на отрезке Каменный – Батракан, были доступны только с реки. Опробовать их опять же

пришлось мне с рабочим. Мы взяли всё необходимое для ночлега, продукты на пять дней и поплыли, периодически причаливая к устьям водотоков. В мелких ручьях мы брали только одну пробу в 50–100 метрах выше устья, в устье больших ручьёв останавливались на ночлег.

Первый большой ручей впадал в Витим справа. Мы выбрали удобное место для ночлега, чтобы с Витима палатка и лодка были не видны. Мало ли кто будет проплывать мимо. Могут и прихватить что-нибудь полезное в хозяйстве.

Утром отправились в маршрут. Вначале ручей тёк в ущелье. Облазили его по склону, спускаясь лишь для отбора проб. Прошли ущелье, и по боковому притоку стали подниматься на водораздел, чтобы опробовать и вершину другого ручья, которая расположена на нашем листе. Подъём оказался относительно лёгким, долина притока широкая, заросшая редким лесом. Под ногами было полно грибов, в основном молочных груздей. Это мои любимые грибы! В детстве, которое прошло в Амурской области, их мы собирали в большом количестве. В Байкало-Патомском нагорье и вокруг Иркутска я их до этого ни разу не встречал, хотя грибы собирал регулярно. Удивительно, как они оказались здесь в этом единственном месте! Мне было очень жалко, что они растут так далеко от дома, и я не смогу их собрать.

Долина ручья за перевалом оказалась широкой. В местности, где мы на неё вышли, было несколько ручьёв, текущих на значительном расстоянии почти параллельно друг другу и разделённых валами, заросшими густым кустарником. На первом ручье я оставил своего сопровождающего готовить обед, а сам решил пройти вниз по течению отобрать нужные две пробы. Это два километра. Шёл, не особенно обращая внимание на местность. Ниже в полукилометре ручьи соединились в единый поток. На обратном пути я сбился и пошёл по другому ручью. Уже должно быть место, где я оставил рабочего, а никаких признаков его присутствия нет. Да и местность несколько другая. Я поднялся на бугор, стал кричать, а ответа нет. Меня охватило беспокойство: если я его не найду, то как он выберется отсюда?! Сел, достал карту и стал вспоминать, что я видел при спуске. Пошёл опять вниз, дошёл до развилка, который я пропустил. Вспомнил, какой характер имела долина ручья, где я оставил рабочего, и, наконец-то, нашёл его. Отсутство-

вал я более двух часов. Костёр погас, а он спал, наслаждаясь отдыхом. Обратный путь прошёл без приключений.

Второй большой ручей впадал в Витим слева. Опробовать его надо было на всём протяжении, около десяти километров. Лагерь устроили на выходе его из гор. Чтобы не идти по этому ручью туда и обратно, я решил подняться с опробованием по соседнему небольшому ручью и выйти в вершину нужного ручья. Затем, спускаясь по нему, отбирать пробы. Оказалось, что маленький ручей тёк в скалистой трещине с уступами и водопадиками. Пришлось поупражняться в скалолазании без приспособлений. Участками поднимался с большим трудом, рискуя оборваться. Благо, вода была малая. Выбравшись из щели, я обнаружил, что у меня нет часов. По-видимому, я где-то зацепился ремешком. Напряжение было большое, и я даже не заметил, как он порвался. Теперь мои часы лежат где-то в этом ручье и показывают два раза в сутки правильное время.

Перевалив через водораздел, я спустился в нужный ручей. Путь вниз оказался нелёгким. Долина ручья представляла собой каньон с небольшими расширениями. Приходилось периодически подниматься на склон, обходить по глыбам узкое место и снова спускаться к руслу, чтобы отобрать очередную пробу. Чем ближе к устью, тем выше и чаще были скалистые ущельеобразные участки. Перед выходом ручья из каньона, наконец, спустился вниз и пошёл по руслу по скользким камням. Уже дойдя до табора, прямо против палатки я поскользнулся и упал в воду. Вымок вместе с рюкзаком. Пришлось весь вечер сушиться у костра.

За время нашего плавания весь отряд на катере приплыл к устью Батрокана. Туда же приплыли и мы.

Пришло время, как мы и договаривались с Владимировым, отправляться мне для работы по гранту с Виталием Собаченко. Мне хотелось побывать на левобережье реки Янгуда, где можно было собрать материал для подтверждения моих взглядов на строение и положение выходящих там осадочно-вулканических образований. Я считал, что они через этот район соединяются с подобными образованиями, с одной стороны, на западе в бассейне реки Правый Мамакан, с другой – на востоке в бассейне р. Падора

Я собрался пройти по Янгуде, сделав несколько маршрутов к северу от этой реки, и перевалить в Нижнюю Сидольту – правый

приток Правого Мамакана. Там была дорога, по которой снабжалась артель золотодобытчиков. На попутной машине можно добраться до Таксимо, оттуда на поезде доехать до Северобайкальска, где была назначена встреча с отрядом Виталия.

Можно было, конечно, пройти по берегу Витима до ручья Каменного и оттуда на попутке доехать до Таксимо. Этот путь был короче и достаточно оживлённый. Но мне важно было ещё решить геологические задачи.

Этот маршрут я наметил ещё в Иркутске, подготовил соответствующие лёгкие продукты: сухое мясо, сухари, сухое молоко и т. п., облегчённое снаряжение: палатку, спальник, тент, смену одежды, плащ и различные мелочи, которые могут пригодиться в этом походе. По пути взял ребят, чтобы привести их на Янгуду выше ущелья. Они должны были за два-три дня провести опробование притоков этой реки в пределах листа. Надо было выполнять задание, и я убедил их в необходимости этого похода. Груз у них тоже был нелёгкий. В. М. Пай, ссылаясь на здоровье, в маршруты попрежнему не ходил.

До нужного места на Янгуде через перевал шла дорога, о которой написано в разделе «1987 год». Мне до Янгуды было по пути с ребятами. Подъём на водораздел дался им нелегко. Они растянулись на несколько сот метров. Приходилось несколько раз останавливаться и ждать отстающих. Это задерживало мой поход, но я должен был довести их до Янгуды и объяснить задание. Путь нам скрашивали заросли малины, густо росшие по обочинам. Ягода как раз поспела и большей частью осыпалась. Самую вкусную ягоду собирали, ползая по земле.

К обеду мы добрались до Янгуды. Здесь я нарисовал каждому маршруты, и мы расстались. По берегу Янгуды шла хорошо набитая тропа, по ней я спешно отправился в своё турне. По дороге осматривал встречающиеся обнажения, наблюдения заносил в дневник. На одном отрезке пути тропа значительно уходила в гору, огибая прижимы на реке. Пришлось хорошо попотеть! Спустилась тропа к Янгуде у водопада, где вся река с шумом падала с высоты около десяти метров. Зрелище, как и все водопады, производило большое впечатление. Я остановился там перекусить, любуясь водопадом. У меня вся мелочь, необходимая в походе, была в чудесном берестяном туеске, который подарила

Наташа Гусельникова (см. раздел «1987 год»). Для какой-то надобности я достал этот туесок, а когда собирался, забыл его. Мне до сих пор жалко этот туесок! Более крупный туес Наташа подарила моей жене. Он до сих пор стоит дома на полке в качестве сахарницы, украшая нашу кухню.

На ночлег я остановился в устье Большого Гукита – притока Янгуды, сделал два маршрута «по горам, по долам» и пошёл дальше по долине этого ручья. Сразу от моей временной стоянки начался длинный прижим. За прижимом днище долины здесь занято широкой наледью, простирающейся на много километров. Лёд повсеместно уже растаял. Ручей на наледи разделяется на мелкие протоки, участками растекается сплошным мелким покровом воды с выступающими валунами. Склоны в основном пологие, заросшие лесом. Лишь кое-где встречались скальники. Путь по наледи довольно лёгкий, лишь кое-где приходилось обходить по лесу скользкие валунники. Но там, как правило, были следы вездеходов, ещё не полностью заросшие кустарником.

Погода меня до сих пор «баловала», но под вечер этого дня вдруг налетела туча, и пошёл хороший дождь. С первыми каплями я кинулся в лес искать место для табора. Уже по дождю нашёл полянку, быстро натянул тент, под ним поставил палатку, рядом развёл большой костёр. Поужинал, просушился и под шум дождя лёг спать. Утром погода снова была благоприятная, и я продолжил свой путь. Вскоре наледь кончилась, ручей собрался в одно русло и прижался к левому крутому склону, заросшему стлаником. Правый склон долины представлял собой слабо наклонную заболоченную равнину, которую прорезали ручьи и следы вездеходов. Я здесь проходил с Алексеем (см. раздел «1996 год»).

Пришлось более двух километров хлюпать в заросшей болотной жиже, иногда с усилием вытаскивая ноги. Особенно трудно идти по кочкарнику и находить переход через ручьи, не набирая воды в сапоги.

Вышел к ручью Хасан – правому притоку Большого Гукита, по которому предстояло идти к перевалу в Нижнюю Сидольту. Долина его широкая, заросшая густым кустарником, сквозь который надо было буквально продираться. Да ещё в зарослях постоянно встречались глыбы и вымоины. Приходилось раздвигать кусты, которые цеплялись за одежду и рюкзак, и с усилием двигаться

вперёд. На таких участках мне вспоминался фильм «Солярис», где героиня прорывалась к герою Бонионисса, раздирая стенки.

Сильно уставший дошёл до места, откуда я собирался сделать маршрут, нашёл мизерный участок, где можно только поставить палатку, и устроился на ночлег. Утром сходил в маршрут и на другой день отправился дальше. Здесь дорога оказалась более лёгкой: то появлялись, то исчезали звериные тропы, ручей распадался на мелкие протоки, по которым, хлюпая по воде, можно относительно быстро идти. В середине дня подошёл к перевалу, устроился на обед, отдохнул и двинулся на его штурм. Здесь меня выручила оленья тропа, которая поднималась на водораздел в самом низком его месте. Перед перевалом она оказалась протоптанной в экзотичной крутой скалистой щели. Подъём был крут, но зато я быстро вышел наверх, где освежающий ветерок, нежно гладил кожу, отгоняя мошку и комаров. Местность на спуске описана мною в разделе «1994 год». К вечеру дошёл до русла Нижней Сидольты. Палатку поставил в двадцати метрах от дороги за стеной стланика. Утром не торопясь стал собираться, чтобы идти по дороге до Правого Мамакана, пока не догонит автомашина. Вдруг послышался звук мотора. Я выскочил на дорогу и вовремя. Ещё минута, и я бы мог только посмотреть вслед грузовику. Шофер подождал, пока я собирался. Мне повезло. Он сказал, что следующая машина будет нескоро. Пришлось бы мне целый день по жаре тащиться по дороге до трассы Таксимо – Бодайбо, переваливая через водоразделы ручьёв.

К обеду я был в Таксимо, где сел на поезд до Северобайкальска. Отряд Виталия уже был там и ждал меня. Виталия сопровождали младший научный сотрудник Артём и аспирантка Лариса. Вчетвером мы отправились в село Байкальское, откуда наш путь лежал к устью реки Мужинай, впадающей в Байкал. Остановились, как и раньше, у мамы Вали Богатырёвой, наняли баркас и отправились к нужному месту вдоль берега Байкала, любуясь видами гор. Байкал был спокойный и морской болезни никто не испытывал.

На берегу Мужинайской бухты стояли три дома, в одном из них располагались трое молодых ребят от колхоза. Они пасли здесь всё лето коней и ловили рыбу. Каждое утро отправлялись проверять сети, привозили рыбу и засаливали её. Они встретили нас приветливо, позволили расположиться в одном из домов и угостили рыбой. Мы побаловали их конфетами.

Перед нами возвышался Байкальский хребет с отметками более двух километров с которого стекал Мужинай. В 60-е годы за хребтом было открыто свинцово-цинковое месторождение. Дороги туда не было. Поэтому всё необходимое для разведочного участка перевозили баржами по Байкалу, а затем вьюком на лошадях по долине Мужиная через хребет. Для этого была проложена широкая тропа.

Мужинай, вырываясь из гор на прибрежную плоскотину, разделяется на ряд извилистых проток, участками перегороженных завалами деревьев. Выше он врезается в горы, образуя узкую долину с крутыми склонами, заросшими лесом.

Когда собрались идти в вершину Мужиная, я пошёл искать начало тропы. Мои поиски были безрезультатны. Тогда решили выйти на одну из проток и идти по ней до выхода реки из гор. Путь этот оказался довольно долгим и трудным. Петляя вместе с протокой, преодолевая завалы деревьев, мы через три часа, наконец, вышли на тропу и быстро пришли к выходу Мужиная из гор. Дальше тропа оказалась проложенной по лесу на левом борту долины по краю ущелья. Кое-где селевыми потоками тропа оказалась разрушенной, приходилось преодолевать эти участки, поднимаясь по склону среди зарослей стланика.

Ущелье Мужиная завершалось расширением. Здесь его долину перегородил крутой вал ледниковых отложений (так называемая морена) высотой в несколько десятков метров. У подножия вала оказалось удобное место для стоянки. Видно у геологов здесь был долговременный табор. Мы тоже остановились на этом месте.

Выше вала как бы распахивался обширный ледниковый цирк, окружённый скалистыми стенками. У их подножия ледником выпаханы озёра, из которых текли ручьи. Соединяясь у морены, они образовали единый мощный поток. По-видимому, ледники сползали с разных сторон в долину Мужиная. Здесь они сталкивались друг с другом и нагромоздили этот высокий моренный вал.

Склоны и днище цирка сложены в основном вулканитами и интрузивными образованиями, представляющими собой реликты вулканических построек. Их и надо опробовать для изучения состава и возраста. Мы разделились на две пары, чтобы охватить большую площадь. Так как я ходил в дальние части цирка и под-

нимался на водораздел, то меня сопровождал Артём. Виталий с Ларисой ходили в более близкие маршруты.

Цирк впечатляет своей дикой суровой красотой! Поднявшись на стенку кара, хотелось долго сидеть, любуясь его видами. Весьма интересной была и геология. Здесь переплелись разнообразные вулканиты, кое-где смешанные с речными отложениями, прорванные интрузивами, разными по составу и формам тел.

Особенно запомнился маршрут на высоту Молокон с отметкой более 2200 метров. Поднимались туда по скалистой щели. Видать по ней каждую весну срывались снежные лавины, разрушающие скалы и увлекающие за собой обломки пород. Для изучения строения древнего вулкана это было весьма благоприятно. У её основания нагромоздился мощный конус выноса.

Более полутора миллиардов лет это был край вулканической постройки, текли потоки лав, гремели взрывы, выбрасывавшие куски магмы различной формы и размеров. Кое-где они смешивались с речными осадками. Все особенности строения древнего вулкана оказались хорошо видимыми в стенках щели. С вершины открывались, с одной стороны, вся панорама цирка, с другой – обрывистый склон в несколько сот метров в узкую долину ручья, хорошо просматривались далеко простиравшиеся скалистые гребни.

Выяснив особенности геологического строения цирка, отобрав необходимые образцы и пробы, мы вернулись к Байкалу, нагруженные каменным материалом. В назначенное время прибыл баркас, и мы поплыли, как мы говорили, в «цивилизацию», т. е. в село Байкальское. Закончив очередной полевой сезон, я скоро оказался дома в Иркутске, как раз к началу занятий в университете.

2002 год (С)

В 2002 году в ВостСибНИИГГиМСе денег на полевые работы не выделили. Но в августе появились деньги по гранту у Виталия Собаченко и мы смогли поехать на короткое время в поле. Нашей задачей было отобрать пробы для исследования гранитов, расположенных в вершине реки Голубичная. Туда можно было добраться с БАМа от восточного портала Даванского туннеля, сделав многодневный маршрут через перевал. В отряде, кроме меня и Вита-

лия, были мнс Артём, аспирантка Лариса и рабочий Слава – учитель в отпуске.

При планировании маршрута Виталий сказал, что пойдём по водоразделу от Даванского перевала.

– Это невозможно, – резко возразил я, – идти по водоразделу, значит постоянно подниматься и спускаться, что потребует много сил: на водоразделе с отметками около 2000 метров и покрытому только крупными глыбами без дров и палок для палаток невозможно ночевать. Придётся спускаться несколько сот метров по крутому склону, а затем вновь подниматься, в случае непогоды придётся бежать вниз к лесу, где можно поставить палатку и натянуть тент, защищаясь от дождя.

Я предложил подниматься по долине реки Нижняя Бира, где пологий путь, низкий перевал к Голубичной и наверняка есть тропа. Некоторое удлинение пути оправдается меньшими затратами сил. Но Виталий настаивал на своём. Кое-как уговорил его на промежуточный вариант: от восточного портала Даванского туннеля перевалить в вершину Верхней Биры, а затем – в вершину реки Голубичная. Здесь подниматься надо меньше, путь короче и есть места для ночлега.

Упаковали рюкзаки, распределив груз. Виталий, как всегда, стремился взять его побольше. Но я настоял, что главными носильщиками должны быть молодые Артём и Слава. Рюкзаки всё равно оказались достаточно тяжелыми. Ведь планировалось идти на неделю. Вначале подъём был крутой, покрытый камнями. Виталий сразу же стал отставать. Но это было уже привычно. Периодически ждали его. Поднявшись на водораздел, у озерка пообедали. Дальнейший путь лежал по каменистой бугристой местности с постепенным понижением. Решили, что спустимся в левый приток Верхней Биры и там заночуем. Я предложил Артёму с Ларисой идти с Виталием, а мы со Славой пойдём быстрее, обустроим лагерь и приготовим ужин.

Спуск к Верхней Бире оказался достаточно крутым и густо заросшим кустарником. Мы спустились к реке, по левому притоку поднялись до намеченного места, обустроили табор, разожгли большой дымокур, чтобы было видно издалека. Наступила темнота, а наши спутники не появлялись. Разожгли большой костёр, кричали, что есть мочи, никто не откликался. Утром, чуть свет

спустились к устью ручья и на самой реке разожгли костёр. Подумали, что наши спутники спустились ниже и прошли устье притока. Я прошёл около километра вверх по Верхней Бире, а затем вниз. Никаких признаков людей не было.

Вдруг появились Артём с Ларисой. Оказалось, что они ушли вперёд, ждали Виталия до темноты у спуска, где была относительно выровненная заросшая кустарником площадка в диаметре 200–300 метров. Но Виталий не появился. Они решили, что он уже спустился и тоже пошли вниз. Увидели дым, и пришли к нам.

Возник тревожный вопрос, что случилось с Виталием и где он сейчас. Я поднялся вверх на выровненную площадку, облазил все кусты, нашёл место, где ночевал Виталий, но на мои крики он не отозвался. Нашёл место ночёвки Артёма с Ларисой. Она оказалась меньше 100 метров от места ночёвки Виталия. Я возвратился и задал им законный вопрос: что же вы не кричали? Вразумительного ответа не получил.

Артёма с Ларисой я отправил вверх по ручью, а мы забрались на водораздел, возможно, увидим дым. Договорились о времени, когда нам встретиться. Они в назначенное время не появились. Утром их тоже не было. Что делать? Вроде бы обшарили всё возможное пространство. Что-то случилось неординарное! Решили, что надо идти к людям за помощью. У дежурной по разъезду узнали, что Артём с Ларисой вышли к ним. Они пришли в назначенное место позднее указанного срока и решили, что мы нашли Виталия и ушли к железной дороге. По телефону связались с МЧС в Северобайкальске, сообщили, что потерялись три человека.

К вечеру пришёл местный поезд. С ним приехали Артём с Ларисой и четверо человек из МЧС. Мы сразу отправились вверх по Верхней Бире. Отошли два километра, когда нас застала ночь. Утром двинулись дальше. Начался обильный дождь. Пришлось заночевать в километре от развилка Верхней Биры, где мы расстались с Артёмом и Ларисой. Оттуда решили начать поиски. Устроили там базовый лагерь.

С утра дождь продолжал моросить. Но надо начинать поиски. Одну группу отправили по склону осмотреть кустарники. А основная группа отправилась вверх по обоим берегам Верхней Биры.

– На правобережье Виталий быть не может, – пытался я убедить руководителя группы МЧС.

– Поверь моему опыту, когда человек теряется, то нельзя предположить, куда он пойдёт, поэтому надо искать его широким фронтом, даже там, где его не ожидаешь, – возразил он мне.

Действительно, подойдя к развилку Верхней Биры, мы увидели на правом берегу Виталия, который, еле двигаясь, пытался разжечь костёр. Но дождь не давал это сделать. А сил найти сухие дрова у него не было. Видно было, что он еле шевелится, почти теряя сознание. Двое МЧСовцев перевели его через реку, и мы возвратились на табор. Здесь помогли Виталию помыться, накормили и напоили горячим чаем. Он вроде немного ожил и рассказал, что с ним было.

Ночь его застала, когда он потерял сопровождающих. Нашёл сухой бугорок и устроился спать. Утром чувствовал себя уже очень плохо. В полусознании пошёл не вниз, как договаривались, а по заросшему склону вверх. Не заметив, пересёк нужный ручей, вышел на следующий ручей значительно выше намеченного места. Идти дальше у него уже не было сил. Там два дня лежал. Потом решил всё же спуститься вниз, где мы его и нашли.

Утром отправились обратно. Долина Верхней Биры вся завалена огромными глыбами и заросла стлаником. Распределились так. Я шёл впереди, выбирая более лёгкий путь. Двое вели, а где и несли под мышки Виталия, а остальные прорубали дорогу в стланике. Перед выходом к железной дороге Верхняя Бира течёт с прижимами к скалам, а русло завалено глыбами. Виталия буквально перетаскивали четыре человека с берега на берег. Кое-как добрались до дороги. Здесь вызвали машину скорой помощи, которая увезла Виталия в больницу, а мы отправились позднее на местном поезде.

Утром я пришёл в больницу. Виталий чувствовал себя значительно лучше. Поговорил с врачом, который сказал, что у него плохо работают почки и заверил меня, что дело идёт на поправку. Это меня успокоило. Вечером я ещё раз посетил Виталия и сказал, что собираюсь с ребятами выполнить намеченное опробование. Он обрадовался, что запланированное будет выполнено.

Утром мы с Артёмом и Славой отправились в многодневный маршрут (местный поезд уходит из Северобайкальска в 6 часов утра), а Ларису оставили, наказав следить за Виталием и снабжать его необходимым.

Доехав до разъезда Дабан, мы пошли к устью Нижней Биры, где обраружили хорошо набитую тропу, которая шла вверх по долине. По ней мы дошли до зимовья, расположенного в 5-ти километрах от устья. Далее тропа была мало натоптанная, но постоянно трассировалась зарубками на деревьях. По зарубкам мы дошли до переправы и легко её преодолели. Далее тропа шла среди завалов деревьев, которые образовались в результате снежных лавин. Все деревья оказались срезаны на одном уровне, на высоте около метра. Засечки местами терялись, приходилось идти зигзагами, огибая наиболее мощные завалы деревьев. Ближе к водоразделу лес исчез, зато обозначилась звериная тропа, ведущая с пологим подъёмом на перевал. Местность представляла собой заболоченную горную тундру, прорезанную ручьями. Пришлось долго хлюпать по болоту. Спуск с перевала был тоже пологий, но заросший ерником. Пришли к озеру, на котором в 1964 году располагался наш табор (см. «1964 год»). Я искал место нашего бывшего табора, но и следов его не нашёл. От озера шёл крутой спуск в ручей, за которым располагался нужный нам объект. Лагерь разбили у озера.

Утром проснулись под шум слабого дождя. Просидели целый день в палатке, ворочаясь сбоку на бок. Я периодически выходил, разводил костёр и развлекался, поддерживая его. Утро следующего дня обрадовало нас солнечной погодой. Мы быстро отправились на участок выхода нужных нам гранитов. Опробовали их, задокументировали геологическую обстановку и вернулись обратно. На другой день уже проверенным путём пошли назад. На обед устроились на гладком выступе коренных пород, возвышавшемся над рекой на пять-шесть метров. Мы разделись и разулись. Светило Солнце, дул лёгкий ветерок, открывался вид на окружающие горы. В общем, пикник удался. Жалко, что надо было торопиться, чтобы не опоздать на поезд.

По прибытию в Северобайкальск узнали, что Виталию стало значительно хуже. Я сразу же дал телеграмму в институт, а утром вызвал замдиректора на переговоры. Замдиректора сразу заказал санрейс, прилетел сам, и Виталий в сопровождении Ларисы отбыл в Иркутск. Ну а мы в тот же день сели на поезд и тоже отправились по домам.

Как установили в Иркутске, у Виталия почти совсем отказали почки. Наступало полное отравление организма. Удивительно, что

врачи в Северобайкальске не поставили этот диагноз. Ещё бы день-два и Виталия бы не стало. В Иркутске врачи удивились, что при таком состоянии организма он ещё жив, взялись за лечение и спасли его.

2005 год (М)

Весной 2003 года я в предынфарктном состоянии попал в больницу. В апреле мне сделали операцию: шунтирование сердца. Соответственно, ни о каком поле не могло быть речи. Я постепенно повышал физические нагрузки и приходил в норму. Но в августе вдруг началась бешеная тахикардия, и я снова на три недели попал на больничную койку. После этого мне подобрали оптимальный курс лекарств, которые я должен принимать ежедневно. Постепенно приходил в обычное состояние. Летом 2004 года уже активно ходил по ягоды и грибы, а зимой – на лыжах.

Мне было тоскливо проводить в городе всё лето. Остались ещё нерешенные для меня вопросы по геологии региона. Очень хотелось походить по горам и долам, глотнуть чистого горного воздуха, полюбоваться красотами дикой природы, посидеть у костра около журчащего ручья или у снежника на берегу горного озера, попить студёной кристально чистой водички…

В течение 2003–2004 годов, несмотря на болезнь, я продолжал преподавать на факультете, заниматься обработкой собранных ранее материалов и участвовать в составлении комплексного отчета по листам O-50-XXV, -XXXI и -XXXII. Свою часть по магматическим образованиям этих листов я написал и сдал ответственным исполнителям листов геологических карт. Изложенные мною позиции не всегда совпадали со взглядами редактора этих листов Г. Л. Митрофанова. В середине 2004 года он решил избавиться от меня и предложил Н. К. Коробейникову – начальнику отдела уволить меня под предлогом сокращения ассигнований, а в мой текст были внесены некоторые коррективы. Николай Константинович с большой неохотой вынужден был выполнить указание директора. Так я покинул институт, в котором работал с 1978 года. Дальнейшие полевые исследования я проводил за собственный счёт, изыскивая любую возможность.

Главное препятствие – добраться до Таксимо. Там жили бывшие мои студенты, многие знакомые геологи бывшей Таксиминской партии продолжали работать на поисках месторождений золота и его добычи. Они обещали по возможности помогать мне с транспортом в районе.

В 2005 году ВостСибНИИГГиМС получил лицензию на проведение геохимических поисков в Муйском районе, на участках, перспективных на месторождения коренного золота. Для выполнения работ по этой лицензии в институте создали отряд под руководством Н. К. Коробейникова. База отряда располагалась в Таксимо, где было арендовано помещение, и постоянно находился заместитель Коробейникова по хозчасти Володя Мигалкин. В его распоряжении была грузовая машина с шофером.

Я договорился с Николаем и Володей, что приеду в Таксимо, а они помогут с транспортом в моих исследованиях. В университете работникам раз в два года в отпускное время оплачивалась дорога любым транспортом, кроме такси, в любую точку России. Я решил использовать эти деньги для поездки в Таксимо, чтобы провести полевые исследования.

В Таксимо на базе отряда находились только Володя и шофер. Встретил Володя меня по-дружески, выделил мне отдельную комнату для проживания. Отряд обслуживался вертолётом. Машина стояла без дела, и Володя предоставил её в моё распоряжение. У меня с собой было всё необходимое снаряжение и продукты в походном (то есть облегчённом) виде для маршрутов, в том числе и многодневных. Мы договорились, что шофер утром будет доставлять меня в нужное место, а вечером в назначенное время приезжать за мной. На всякий случай, я Володе на карте показывал, куда собирался пойти.

Первый маршрут я сделал на Адянскую гряду, возвышавшуюся над левым бортом Муйско-Куандинской впадины. Её хорошо видно из Таксимо. В центре гряды возвышается острый пик, где я уже бывал и куда стремился сейчас.

Шофер доставил меня к подножию гряды, и я стал подниматься по крутому склону на выше упомянутый пик, сложенный редкометальными гранитоидами, чтобы детально изучить их контакты с вмещающими породами. Хотелось также посмотреть тек-

тоническую зону на границе вулканитов с карбонатами. Снег уже полностью сошёл, пришлось брать с собой бутылку с водой.

За многие годы работы в поле выработалась привычка, что сзади идёт сопровождающий. Когда я стал ходить один, то постоянно казалось, что кто-то идёт за тобой, хотелось оглянуться и посмотреть, не отстал ли твой спутник. И на привале постоянно было чувство, что кто-то находится рядом.

Обильно потея, я добрался до нужной вершины, обследовал контакты гранитоидов и устроился обедать на продуваемой ветерком площадке, любуясь открывшимися видами. Передо мной лежала слабохолмистая Муйско-Куандинская впадина с невысокими сосновыми борами, обширными болотами и озёрами, резко ограниченная горными хребтами. У подножия Адянской гряды извивалась река Муя с многочисленными рукавами и старичными озёрами. Центральную часть впадины прорезали железная дорога и автомобильная трасса с отворотами. Хорошо было видно всё Таксимо. Над другим бортом впадины открывалась красивая панорама Южно-Муйского хребта с крутыми склонами, прорезанными ручьями, и скалистыми вершинами. На нём ещё кое-где сверкали на Солнце обширные снежники. Хорошо была видна зональность растительности. Нижняя относительно пологая часть склона покрыта хвойным лесом. Выше крутизна склона возрастает, лес сменяется стланиковыми зарослями, среди которых появляются каменные россыпи. Затем заросли стланика постепенно мельчают и всё больше вытесняются каменными россыпями с отдельными скалами. Верхние части хребта сложены скалами и крупноглыбовыми россыпями с небольшими травянисто-моховыми пятнами горной тундры.

Пообедав, пошёл по водоразделу до контакта осадочно-вулканогенной толщи с карбонатами, который оказался в задернованной ложбинке. Здесь в прошлом вертикально вверх поднимался на несколько сот метров блок осадочно-вулканогенных пород или опускался вниз блок карбонатов. Последние на склоне образовали причудливые непроходимые вертикальные скалы высотой до 10 метров, разделённые «живыми» мелкообломочными осыпями.

Второй маршрут с целью изучения осадочно-вулканогенной толщи проходил по левому борту р. Келяна от устья до левого притока Адян Келянский. Маршрут был лёгким, только кое-где

приходилось облазить прижимы по заросшему стлаником склону. Отложения днища долины Келяны почти повсеместно перебуторены при разведке и добыче рассыпного золота. Намытые бугры речных отложений разделяют реку на мелкие протоки. Кое-где образовались озерки. В половодье река размывает эти бугры, постепенно выравнивая днище. Живописная местность в устье Адяна Келянского описана мною в «1987 год».

Отдохнув один день, «путешествуя» по Таксимо и его окрестностям, я отправился в многодневный маршрут в бассейн ручья Коленвал. Так назвали местные геологи безымянный ручей за его поворот при выходе из гор под прямым углом.

Ранее я проходил маршрутом в районе водораздела этого ручья, но из-за задернованности и недостатка времени остались неясности в геологии. Там среди осадочно-вулканогенных отложений встречаются обнажения карбонатов, которые считались моложе их. Контакты задернованы, что не позволяло точно определить взаимоотношений этих образований. В бассейне Коленвала я, возможно, найду их контакт, тогда станет ясно относительное возрастное положение пород.

Шофер довёз меня до места, где дорога пересекает Коленвал. Я закинул довольно тяжелый рюкзак на спину, затянул поясной ремень и тронулся в путь, вверх вдоль ручья. До гор километра четыре по тропе идти было легко. Вдоль тропы постоянно встречались кусты голубицы, облепленные спелыми ягодами. Я постоянно наклонялся, срывая их, и с удовольствием отправлял в рот. У выхода ручья из гор встретились густые заросли вкуснейшей чёрной смородины, полакомился и этими витаминами.

У выхода ручья из гор начинался скалистый полого поднимающийся хребет – левый его водораздел. Я решил обследовать этот хребет. Конечно, с тяжелым рюкзаком это сделать было трудно, но упускать такую возможность я не мог. Проколачивая коренные выступа, поднялся до вершины. Хотя было и трудновато, но обследовал этот хребет я не зря, увидел, как песчано-галечные отложения постепенно сменяются туфами – выбросами древнего вулкана. Вблизи водораздела выявил его жерло.

С водораздела по крутому заросшему склону спустился к руслу Коленвала. В горах ручей пропилил себе узкую долину, по бортам которой чередовались прижимы. Но из-за малой воды это не

являлось препятствием. В днище долины встретилась хорошая полянка, где я и расположился на ночлег. Место было глухое, удалённое от населённых пунктов и дорог, следов медведя тоже не видно. Можно не опасаясь лихих людей и зверей, оставлять палатку со всем имуществом на весь день.

Утром собрался в маршрут и устроился завтракать. Вдруг услышал ниже по течению голоса. Через несколько минут показались два мужчины, поднимавшиеся вверх. Они удивились, увидев меня и палатку. Поговорили, выяснили, кто и зачем пришёл сюда. Я представился геологом. Они объяснили, что вверху у них есть зимовье. Они шли туда посмотреть его состояние, чтобы зимой заняться здесь охотой на соболя и белку. Я пригласил их попить со мной чаю, но они отказались и ушли вверх по ручью. Мне стало неспокойно. Что это за люди? Вдруг я уйду, а они что-нибудь из моих вещей прихватят? Решил идти маршрутом вверх по ручью, чтобы их встретить, когда они будут возвращаться. Поднялся до водораздела, но их не увидел. С водораздела просматривалась вся вершина долины, но людей не было видно. Лишь один боковой распадок, заросший лесом, не просматривался. Место потаенное, возможно, там и расположено зимовье. На всякий случай поспешил обратно. Всё было на месте. Через некоторое время пришли и мужики, сказали, что зимовье в порядке и удалились вниз по течению. Это меня успокоило.

В следующем маршруте я нашёл то, что мне нужно. В вертикальной скале увидел линзу карбонатов длиной 15–20 метров при толщине 2–3 метра, расположенную среди осадочно-вулканогенных отложений, которые я наблюдал на хребте при выходе ручья из гор. Карбонаты здесь слагали так называемые олистоплаки – обломки тектонических пластин, которые выдвигаются при тектонических движениях в осадочный бассейн. Следовательно, карбонаты древнее осадочно-вулканогенной толщи, что я и установил ранее в бассейне р. Каалу. Пришло время возвращаться и я, довольный результатами, пошёл обратно к месту, где меня уже ждала машина.

Последний маршрут в долину ручья Акукан запомнился мне густыми, трудно проходимыми зарослями багульника, которые покрывали всю долину ручья после выхода его из гор. Кусты багульника высотой более двух метров, частично отмершие, пере-

плелись так плотно, что буквально приходилось раздвигать их, чтобы двигаться вперёд. К этому добавлялись многочисленные упавшие деревья. Вспоминалось, как приятно любоваться цветами багульника на отдельных кустах, и так хотелось здесь обозвать его «незлым, тихим словом»! Всего лишь километр до выхода ручья из гор пришлось продираться целых два часа! Дальше путь не представлял трудности. После багульниковых дебрей он казался лёгкой прогулкой. Обратный путь был не менее трудным.

Наступил уже конец августа, и надо было возвращаться в Иркутск, чтобы успеть к началу занятий на факультете. Вернулся домой, как и обещал своим, 26 августа.

2008 год (М)

В 2006–2007 годах, к большому сожалению, поехать в поле не было возможности. 2008 год оказался более благоприятным. Я узнал, что Муйском районе в полевой сезон этого года будет проводить работы отряд под руководством Галия Галимова. Будучи студентом Томского университета, он у нас в Яральской партии проходил производственную практику (см. раздел «1962 год»). После окончания учёбы он распределился в Иркутское геологоуправление, много лет работал в Восточном Саяне, где дослужился до начальника крупных партий. В лихие перестроечные годы Галий сохранил коллектив и возможность работать по специальности. В 2008 году его отряд получил лицензию на проведение поисковых работ коренных месторождений золота в Муйском районе.

Я обратился к Галию с просьбой помочь мне летом с транспортом. Он обещал, по возможности, доставлять меня в нужное мне место. Лена, беспокоясь о моём здоровье, противилась этой поездке, но, видя мою тоску по полевым исследованиям, согласилась. Тем более что я уговорил своего внука Мишу сопровождать меня в маршрутах.

В Таксимо нас встретил Галий с машиной. Он как раз собирался ехать в отряд и забрал нас со всем имуществом. Сразу с поезда мы оказались в полевом отряде. Я планировал доехать до моста через Правый Мамакан, где ранее уже работал (см. разделы «1993 год» и «1998 год»). Там на склоне долины обнажались кон-

гломераты с обломками карбонатных пород. Похожие карбонатные породы слагали правый борт долины Правого Мамакана. В них найдены остатки фауны кембрийского времени. Мне хотелось найти эти остатки в обломках карбонатных пород в конгломератах, чтобы однозначно доказать более молодой их возраст и ассоциирующих с ними осадочно-вулканогенных пород.

Галий заверил, что выделит машину для этой поездки, только надо подождать, когда она освободится от работы по нуждам отряда. Его отряд располагался в вершине реки Мочи – левого притока Среднего Мамакана, где я ходил маршрутами (см. раздел «1986 год»). Тогда широкая долина Мочи в нижнем течении была сплошь заросшей лесом с густым подлеском. Теперь это голая местность в сплошных беспорядочно расположенных песчано-валунных буграх с бессточными озерками. Русло реки виляет между этими буграми, часто разделяется на ряд проток. Добыча россыпного золота везде сопровождается полным изуродованием природного ландшафта. О рекультивации в удалённых от поселений местах не идёт даже речи, хотя делать её положено.

В отряде нас встретили доброжелательно, поселили в палатку. В ожидании машины прошёл день отдыха. Затем Галий предоставил нам машину, и мы поехали к Правому Мамакану. К обеду мы достигли нужного места. Обусловили время возвращения, и машина пошла обратно.

Мы отошли от дороги около километра по левому берегу реки и там поставили палатку. Время ещё было. Мы поднялись на склон, где выходили конгломераты, и я начал расколачивать обломки карбонатов. Весь следующий день мы лазили по склону, я разбивал обломки карбонатов в конгломератах, но никаких остатков фауны так и не обнаружил. Отобрали образцы, где можно было ожидать микроостатки фауны, и вернулись к палатке. На другой день свернулись и вышли к мосту, где несколько часов ждали машину. После обеда она пришла и доставила нас в Таксимо.

Ещё зимой я связался с семьёй Корчиновых с просьбой остановиться летом у них. Они согласились. Поэтому по возвращению в Таксимо мы направились к ним. Они встретили нас гостеприимно и разрешили у них располагаться, как дома, и оставлять вещи на время наших походов.

Следующий наш поход был в вершину ручья Кривого, расположенного к югу от Таксимо. По данным ранее работавших там геологов в его вершине располагается древний вулкан. Сведения о времени его действия были противоречивыми. Я хотел разобраться в этом вопросе и получить однозначный материал. Расстояние до него было значительным. Чтобы выполнить намеченную программу, по нашим расчётам требовалась неделя: два дня путь туда, два дня на маршруты, два дня обратно и день в резерве на плохую погоду. Так что груз был значительным.

Судя по картам и сведениям геологов, путь туда проходил в основном по заболоченной местности с редкими участками леса и кустарника. С запада она ограничена хребтом, разрезанным долинами ручьёв, с востока – долиной ручья Мудирикан, притоком которого и является ручей Кривой. Эта площадь испещрена зимними лесовозными дорогами. Для вывоза леса зимой дорогу прокладывали бульдозерами, которые сдирали верхний растительный слой. Весной и летом дорога оттаивала на значительную глубину и на большом протяжении превращалась в глубокое труднопроходимое болото. Трактора в этих местах прокладывали себе новые пути, увеличивая ширину заболоченных участков. Лишь вблизи Таксимо дороги проложены по лесосекам в сухой песчаной местности.

В Таксимо я встретил Сергея Гончарука, который занимался в Муйском районе научными исследованиями по золотому оруденению (см. раздел «2001 год»). Я рассказал о своих планах, и он любезно согласился подвезти нас на своей машине сколько можно. Утром мы загрузились в его машину и с ветерком проехали около 5 километров в нужную нам сторону.

Я подумал, что вдоль хребта должна быть лесовозная дорога, она сократит нам подход, и мы с Мишей направились туда. Склоны хребта располагались недалеко, ожидалось, что мы быстро выйдем на предполагаемую дорогу. Но надо было пересечь ручей, вытекающий из озера Ульто. Долина его оказалась заболоченной, заросшей густым кустарником, а ручей состоял из нескольких проток без чётких берегов. В общем, несколько сот метров нам пришлось пробираться около часу. Учитывая вес рюкзаков, это далось нам с большим трудом.

Выбравшись к склону хребта, обнаружили, что никакой дороги там нет. Делать нечего, двинулись по прямой вдоль хребта, пре-

одолевая то заросли кустарника, то заболоченные участки. Кое-где попадались лесовозные дороги, некоторое время идущие в нужном нам направлении. Подойдя к широкой долине крупного ручья, поняли, что пересекать её будет трудно. По подвернувшейся лесовозной колее, а частично по целине направились к центру открытой заболоченной местности. Там вышли к дороге, идущей в нужном нам направлении. По ней чередовались хорошо проходимые сухие участки с заболоченными, где приходилось искать обходной путь. Дорога ветвилась, выбрать нужную было трудно. Пару раз сворачивали на колею, уходящую вроде бы в нужном направлении, но попадали на дорогу, уходящую в горы. Приходилось возвращаться. Хорошо, что здесь не было зарослей кустарника. Периодически принимался идти дождь. Тогда надевали плащи и чехлы на рюкзаки.

День уже клонился к вечеру, а до Кривого ещё далеко, и мы уже изрядно устали. Тут встретился сухой бугорок с лиственницами. Решили переночевать. Утром двинулись в путь по торной дороге, идущей строго на юг. Подумали, чтобы не плутать, дойдём до Кривого и по нему пойдём вверх по течению. Дорога здесь оказалась хорошая и мы, не обращая внимания на отвороты, быстро достигли русла Кривого. Для того чтобы определить, по какому берегу идти к его вершине, я перебрёл ручей и установил, что дальше дорога становится менее накатанной и уходит в сторону Мудирикана. Вернулись назад до первого отворота дороги в сторону гор, и пошли по ней. Она оказалась заросшей кустарником, но не заболоченной, и вела в нужном направлении вдоль русла Кривого.

Ближе к горам наша колея стала соединяться с другими колеями и к гольцам превратилась в единую хорошо накатанную дорогу, явно ведущую в вершину Кривого. При выходе его из гор стали чередоваться сухие, кое-где каменистые бугорки с впадинами – руслами водотоков. Приходилось их иногда обходить по каменным россыпям на склоне. Выше узкая долина Кривого резко расширялась. Здесь соединялись долины двух его вершин. Дорога на этом участке стала более ровной, полого спускавшейся к ручью. По сторонам росли берёзы, создавая видимость садовой аллеи. Спустились к месту слияния вершин, где были следы стоянки геологов. Далее простиралась марь, ограниченная горами, покрытая мелким кустарником и мхом. На ней виднелись следы вездехода.

Пообедав, мы тронулись по мари вверх вдоль правой вершины Кривого. Приблизившись к горам, стали искать место для табора. Здесь ручей, вырываясь из горной теснины, образовал пойму, шириной несколько десятков метров. В ней растут редкие тополя, отсутствует подлесок, образовались скопления сломанных веток и поваленных деревьев – результат половодий. Лишенная травы чёрная почва придавала местности угрюмый вид. На границе поймы с марью возвышался уступ в несколько метров.

В угрюмой пойме не хотелось становиться. Миша пошёл посмотреть, нет ли хорошего места у края мари. Вдруг я услышал треск, из кустов вышла сохатиха, а за ней сохатёнок. Не замечая меня, они неторопливо проходили в 20-ти метрах мимо. Мне хотелось позвать Мишу, чтобы он тоже полюбовался ими, но малейший звук напугал бы их. Видя, что они уходят, я крикнул Мишу. Сохатиха вскинула голову, увидела меня, они рванулись бегом и исчезли из виду. Миша подбежал, но я лишь смог передать ему свои ощущения. Он, конечно, расстроился. В общем, поставили табор в пойме.

Первый маршрут в вершину ручья был лёгким. Долина его выпахана ледником с обрывистыми стенками, где хорошо видно, что вулканиты залегают с размывом на гранитах и потому моложе их. Второй маршрут был на хребет. Поднимались по экзотическому ручью, заваленному огромными глыбами гранитов. Под ними сердито «бурчала» и звенела вода, изредка вырываясь наверх, «радостно» сверкая на Солнце. Затем по хребту добрались до нужного нам обнажения. Я убедился, что здесь дайка (вытянутое, но не широкое интрузивное тело) – подводящий канал вулканитов прорывает граниты с изотопным возрастом, более молодым, чем дайка. То есть данные изотопии противоречат геологическим взаимоотношениям пород. Таким образом, в этих двух маршрутах были получены убедительные данные о более молодом возрасте вулканитов, чем окружающих их гранитов, а изотопные возраста не соответствуют времени образования пород.

Пора было возвращаться. Пошли обратным путём. Недалеко от табора увидели грациозного соболя, бегущего по поваленному дереву! Встречи с обитателями тайги в природе, если, конечно, речь не о медведях, вызывает чувство восхищения!

Пройдя после выхода из гор по главной дороге около километра, увидели сухой отворот к востоку в сторону Мудирикана. Я подумал, что дорога вдоль реки будет лучше. Свернули туда, но ближе к реке дорога стала, как и основная, с длинными заболоченными участками. Обычно вдоль русла рек существуют звериные тропинки. Я понадеялся, что и здесь будет такая тропа и решил свернуть к реке, тем более, там был виден лес. Миша протестовал, но я убедил его, что путь вдоль реки может быть лучше. Вышли к реке, которая текла здесь в сухих берегах, покрытых лесом. По берегу действительно шла сносная тропинка. Вроде бы я был прав. Умылись, пообедали, отдохнули и двинулись по ней. Но она через некоторое время завела нас в завалы деревьев с густым кустарником и исчезла. Пришлось вернуться назад и выйти на колею.

Через несколько сот метров дорога из-за глубокой заболоченной колеи стала непроходимой. Пришлось идти по целику, который представлял собой кочкарное болото. Кочки высотой более полуметра сгибались под нашей тяжестью, и мы проваливались между ними в болотную жижу. Благо, глубина её была небольшая. Это была самая трудная часть похода! Впереди в нескольких сотнях метров виднелся бугорок с деревьями. Часто падая, мы медленно, кое-где через силу, продвигались к нему. Миша шёл быстрее. Когда я добрался до этого бугорка, то почти без сил упал на землю и некоторое время отдыхал, не шевелясь.

Но надо идти дальше. Немного отдышавшись, мы поднялись и снова тронулись в путь. Дальше была обычная для этих мест дорога, где твёрдые сухие участки перемежались с заболоченными. На дороге периодически встречались широкие и протяжённые ямины, заполненные водой и болотной жижей. Их мы обходили по заросшему травой, часто с кочками целику. Тоже занятие нелёгкое. Особенно трудно и опасно было преодолевать ручьи. Как правило, они не имели чётко выраженных берегов. Чтобы не набрать воды в сапоги, приходилось искать удобное для переправы место, прыгая с кочки на кочку. Иногда надо было сворачивать с дороги на десятки метров. К вечеру вышли на твёрдую сухую дорогу. Стало понятно, что до темноты до Таксимо мы не доберёмся. На первом сухом бугорке заночевали. На другой день к обеду мы дошли до Корчиновых. Там смыли пот и грязь в бане, отдохнули и пошли гулять по посёлку.

Я хотел ещё посетить обнажения в вершине ручья Усмун, где был ранее (см. раздел «1983 год»). Оставались неясные для меня вопросы. Решили утром подъехать до Витима на местном поезде, а вечером вернуться. Когда доехали до остановки Витим и посчитали время, то поняли, что мы можем только дойти до нужного нам места и вернуться обратно к поезду.

Чтобы не терять время даром, я решил посмотреть выходы архейских – самых древних на Земле пород на правом берегу Витима. Для этого надо перейти на правый берег по автодорожному мосту. Оказалось, что этот мост кто-то поджигал, в результате перила исчезли, а доски настила во многих местах оказались подвижными. Высота моста над рекой достигала 20–30 метров. Да ещё дул хороший ветер поперёк моста. Как по нему ездят автомашины?! Было жутковато, но мы перешли его благополучно.

Вода в Витиме была низкая, по берегам выступали хорошо отмытые обнажения. Лишь кое-где пришлось облазить прижимы. Мы дошли до нужных нам пород, я их простучал, осмотрел, пообедали и пошли обратно. В береговых камнях мелькала ондатра, которая нас совсем не боялась и позволяла фотографировать себя во многих ракурсах. Мы за ней долго с интересом наблюдали. Я хотел, чтобы Миша сфотографировал с этого берега «Марьин утёс», на котором мы были с его мамой в 1983 году, но из-за расстояния он получился не впечатляющим.

Последний маршрут мы сделали в долину реки Тукалакта, которая впадала в Мую сразу за Таксимо. Доехали на автобусе до края поселения и отправились по руслу реки к горам. Рельеф здесь своеобразный. Русло реки, распадаясь на ряд проток, почти до самого выхода её из гор было сухим. Каждая протока проложила своё русло в песчаных отложениях озера, которое в древности покрывало всю Муйско-Куандинскую впадину. Они слагают зарастающие сосняком бугры по берегам русел, разделяя их. Вода после выхода реки из гор исчезает в песчаных отложениях. Лишь кое-где видны небольшие озерки. Местность эта используется местными жителями в качестве пляжа и мусорной свалки.

В скальных обнажениях, где река течёт в горах, выходят вулканиты, аналогичные палеовулкану ручья Кривого. Из этого следует, что в своё время они слагали единую вулканическую гряду.

На другой день мы распростились с гостеприимными Корчиновыми и отправились домой.

2009 год (М)

В 2009 году мне снова хотелось поехать летом в поле попробовать решить кое-какие вопросы по геологии, а заодно побывать в горах, с которыми сроднился. Я встретился с Сергеем Гончаруком. Он вновь собирался на полевые работы в Муйский район, отправлялся на машине из Иркутска, согласился взять меня с собой и помочь с транспортом при полевых исследованиях. Чтобы мне не препятствовали дома в поездке, я заверил, что буду находиться всё время с Сергеем и ходить только вблизи табора.

В начале июля мы отправились в путь через Качуг, Жигалово до трассы БАМ. По пути посмотрели писаницы на береговых скалах Лены, и как их постепенно уничтожают современные вандалы. По трассе БАМ доехали до Нижнеангарска, где заночевали у знакомых Сергею геологов. На другой день достигли Таксимо.

Я хотел попасть на водораздел Большого Гукита и Чаянгры. Сергей выяснил, что из-за большой воды он туда на своей машине не проедет, поэтому меня доставить туда не сможет. Но через эти места на Каралон ходят большие машины местной артели, и в устье нужного мне ручья Загалдын – притока Чаянгры расположен участок геологов. Я пошёл на базу этой артели и узнал, что там работают знакомые мне геологи, а начальником охраны служит Максим Чернышенко – мой бывший студент. Он встретил меня с «распростёртыми объятьями» и обещал устроить на попутную машину. Туда как раз собиралась отправиться грузовая машина, но поедет она только через двое суток. Я отправился к Корчиновым. Как и раньше, они встретили меня, как доброго знакомого, и предложили остановиться у них.

Чтобы не терять время, я решил познакомиться с геологией в районе месторождения асбеста Молодёжное. Расположено оно на склонах Южно-Муйского хребта в долине ручья Дядин. Когда я сказал о своём желании Максиму, он предложил утром на своей машине доставить меня до подножия хребта, а вечером забрать обратно.

В конце 80-х годов после завершения разведки месторождения, были начаты работы по подготовке к его разработке. Проложили туда хорошую автодорогу, сделали насыпь для ветки железной дороги, принялись укладывать рельсы. В предгорье разверну-

ли строительство горно-обогатительного комбината. Но грянула перестройка, и оказалось, что денег на продолжение работ нет, да и асбест стал не нужен. Тогда местные предприниматели решили разрабатывать выходящие у подножия хребта карбонаты на цементное сырьё. Поставили там дробилку и стали получать карбонатную муку. Но быстро разорились и дело забросили.

Автомобильная дорога была ещё в хорошем состоянии, и мы с ветерком доехали до основания хребта. Максим отправился обратно, а я пошёл осматривать выходящие вблизи породы. У выхода из гор ручья Дядин, где должны были построить ГОК, выровняли довольно обширную площадку, вбили сваи. У края располагались бугры превращённых в «муку» карбонатов, приготовленных для использования при изготовлении цемента.

У подножия гор расположены скальные выходы карбонатных пород, изрытые карьерами, в которых можно увидеть всё их разнообразие. Карбонаты здесь красивые, разноцветные, часто полосчатые. Они вполне могут использоваться как облицовочный материал. С этих скал открывается отличный вид на Муйско-Куандинскую впадину. Судя по мусору и кострищам, сюда часто приезжают отдыхать из Таксимо.

Вдоль ручья была проложена дорога до месторождения, которое располагается на середине склона. За дорогой никто не ухаживает, её активно размывают потоки, особенно мощные в периоды дождей и таяния снега. Во многих местах она покрыта валунами или пересекается глубокими промытыми канавами. Когда дойдёт дело до использования месторождения, дорогу придётся восстанавливать заново.

Вдоль дороги с одной стороны располагаются скальники, с другой – склон к руслу ручья. В скальных выходах я познакомился со строением массива ультраосновных (с низким содержанием кремнекислоты) пород, при преобразовании которых и возникло месторождение. До самого месторождения из-за дефицита времени я дойти не смог, о чём очень сожалею. К назначенному времени я спустился с гор, но Максима на месте встречи не было. Я решил идти навстречу, через пару километров он меня подобрал и доставил к Корчиновым.

На другой день я отправился в маршрут по водоразделу к югу от Таксимо. Только вышел от Корчиновых, как встретил ещё одно-

го моего бывшего студента Максима Черняева. Узнав, куда я отправляюсь, он предложил подвести меня к подножию хребта, на что я с радостью согласился. Расставшись с ним, я по натоптанной тропинке отправился вверх. Постепенно тропинка становилась всё уже, а перед самым водоразделом я её в зарослях потерял. Пробравшись через заросли, вышел на водораздел, который был почти без растительности с выступающими камнями и скалками. По водоразделу я поднялся на скалистую вершину, у подножия которой нашёл интересующий меня контакт. С вершины открывался вид на всю Муйско-Куандинскую впадину. Полюбовавшись ею, я отправился вниз. На спуске долго плутал по переплетающимся тропинкам и уже вечером вышел на дорогу, которая и привела меня в Таксимо.

На следующий день машина довезла меня до устья ручья Загалдын, в вершину которого я стремился. Здесь я увидел знакомых мне геологов. Они встретили меня приветливо, накормили обедом и на машине подвезли вверх по Загалдыну до бывшего прииска. Это место детально описано в разделе «1996 год». Тогда его только что покинули добытчики золота, и большинство строений ещё стояло. Теперь же от них остался один домик.

Машина ушла. Я взвалил рюкзак на плечи и двинулся в путь по дороге, не посмотрев карту. Чем дальше я шёл, тем дорога становилась хуже. Я подумал: как она разрушилась после 1996 года. Когда я достиг скал, заросших кустарником, то понял, что иду не туда, куда надо. Достал карту и установил, что я пошёл не по основному руслу, а по его притоку. Пришлось возвращаться. Время было уже к вечеру, и я решил заночевать в домике. День был потерян. Вечером, сидя у костра, любовался долиной Загалдына, превращённой здесь приискателями в «лунный пейзаж». Лишь вдалеке видно, как вниз по течению ручей врезается в теснину, заросшую густым лесом и кустарником.

Утром я пошёл уже по нужной дороге. По сравнению с 1996 годом дорога была значительно хуже. Многие пониженные участки вездеходным транспортом разбуровлены, образовались ямы, заполненные водой и (или) грязью. Приходилось их обходить через заросли. Постоянно видны свежие медвежьи и оленьи следы. Как поётся в песне: «…олений след, медвежий след по берегу (то бишь, по дороге) петляет». Я, на всякий случай, старался шуметь,

периодически выкрикивать «лозунги». Хотел по привычке петь, но при подъёме с тяжёлым рюкзаком это плохо получалось.

Ближе к водоразделу в 1996 году были добротные постройки: пара домиков, большое общежитие и столовая. Я хотел там остановиться, чтобы оттуда ходить в маршруты. Но оказалось, что домики исчезли, по-видимому, вывезены, у общежития крыша лежала почти на земле. Кое-где можно было на четвереньках забраться в бывшие комнаты, явно доступные дождю. Кроме того, эти помещения зимой зайцы использовали в качестве туалета, весь пол был покрыт их экскрементами.

Я пошёл дальше и нашёл хорошую площадку на берегу ручья, закрытую со всех сторон густыми зарослями, там и устроил свой лагерь. В этот же день сделал небольшой маршрут до перевала. Дорогу здесь использовал поток, превративший её в канаву с валунами. Прыгая по ним, я быстро поднялся на водораздел, где были скальные обнажения и канавы, пройденные геологами. Я их детально обследовал и пришёл к выводу, что здесь в древности водоток пропилил каньон, который заполнялся обломками окружающих пород. В дальнейшем в результате опускания региона каньон был захоронен молодыми отложениями, а выполнявшие его образования превратились в породы, называемые конгломератами. Современным поднятием территории каньон был эксгумирован и на поверхность вышли его остатки.

В первом полноценном маршруте решил подняться на восточный водораздел. Дорогу мне преградила стена густого стланика шириной несколько сот метров. Пробираться через эти заросли пришлось с большим трудом. Да ещё интенсивно свирепствовала мошка. Среди стланика возвышались небольшие скалки, где я мог отдохнуть, овеваемый ветерком. С них открывался отличный вид на долину Большого Гукита и всю дорогу, по которой прошли мы с Алексеем в 1996 году. Преодолев стланиковые заросли, я вышел на глыбовые осыпи с отдельными скалками. Поднялся на вершину. Далее пошёл по водоразделу, который по дуге ограничивал полукар. Его склоны оказались покрытыми глыбовыми россыпями. Вниз они постепенно выполаживались и сменились узкой долиной. Ручейки сочились под глыбами и внизу сливались в единый ручей с зелёными лужайками и редкими кустиками по берегам. Здесь у костерка на берегу ласково журчащего ручейка я с удовольствием от-

дохнул, пообедал, попил чай, как у геологов говорится, на «три Г» (горький, густой, горячий) и начал спускаться по ручью.

Вниз по течению ручей постепенно набирал силу, врезался в днище и на крутом участке склона превращался в бурный поток среди скал и гигантских глыб. Склоны оказались покрытыми густыми зарослями высокого стланика. Пришлось спускаться по глыбам в русле.

Внизу крутого склона ручей постепенно успокаивался и сменялся ленивым потоком среди выровненной заболоченной и заросшей кустарником вершины Большого Гукита. Я вышел на дорогу и пошёл к водоразделу. Но дороги практически не было, она превратилась в серию вымытых в половодья ям, между которыми заросла густым кустарником. Ближе к водоразделу с возрастанием крутизны рельефа дорога стала более чёткой, покрытой мелким песочком и дресвой. По ней струился ручеёк. Вокруг рос березняк, создавая весьма весёлую обстановку. Идти было легко, как будто где-нибудь под Иркутском.

На другой день я отправился в маршрут на западный водораздел. Стал подниматься по крутой скалистой щели, пропиленной временным водотоком. Заросли лезть вверх не мешали, но крутизна требовала значительных усилий. Приходилось часто останавливаться и отдыхать, восстанавливая дыхание и сердцебиение. Здесь я впервые отчётливо почувствовал, что годы берут своё, силы убывают. С грустью решил, что пришла пора кончать свои походы по горам. Появлялась даже мысль бросить маршрут. Но желание разобраться в геологическом строении участка, где сходятся две осадочно-вулканогенные толщи, которые без должного доказательства считаются разновозрастными, перебороло это желание. И я вновь медленно с частыми остановками продолжил подъём. Наверху оказалась слабоволнистая поверхность, покрытая элювиальными (то есть не перемещёнными) глыбами. По ним идти было легко. Пересекая водораздел и проколачивая глыбы, я убедился, что здесь выходят породы единой толщи, а не разновозрастные образования, как считалось.

Было время обедать, да и пить хотелось, но на водоразделе снежники уже полностью растаяли, а вода прокладывала себе путь под камнями и на поверхности отсутствовала. Пришлось терпеть. Обратно я начал спускаться па скалистому гребню. Вдруг в тени

скалы увидел небольшой снежничек. Обрадовался, набрал сухих веточек стланика, в тени у подножия скалы развёл костёр и славно отдохнул.

Спускаться по скалистому гребню в физическом отношении легко, но опасно. Постоянно приходилось опасаться обрушения камней, кое-где спускаться на руках, прыгать с высоты иногда более одного метра, не зная устойчивость камней внизу, или облазить обрывы высотой до десяти метров по «живым» россыпям. Зато с обрывов открывался вид как налево на долину Загалдына до самой Чаянгры, так и направо – на долину Большого Гукита до Янгуды, а впереди далеко виднелись «волны» хребтов, разделённых глубокими долинами. Хорошо также было видно строение пород на свежих сколах.

Благополучно спустившись, я вернулся на табор, переночевал и двинулся в обратный путь. К обеду я был уже у геологов на Чаянгре. Они сказали, что ждут бензовоз, который следует в Таксимо. Я хотел сделать ещё один многодневный маршрут на правый водораздел Каалу, где я уже бывал несколько раз, но хотелось ещё найти подтверждение своих выводов на другом месте. На бензовозе я мог подъехать за мост через Каалу, где начинается дорога к нужному мне участку.

Прибыл бензовоз. Но шофер особенно не торопился, поэтому выехали мы в 17 часов. При выезде на основной тракт Таксимо-Бодайбо у бензовоза забарахлил мотор. Шофер его налаживал больше часа. Так что мост через Каалу мы переехали уже в глубоких сумерках. Место там довольно «обжитое», машины постоянно останавливаются. В результате образовалось большое голое пространство. Я хотел найти палки для палатки, но в сумерках ничего не нашёл. Наконец около леса обнаружил полуразрушенный остов балагана, накинул на него тент и, даже не поужинав, лёг спать.

Утром быстро позавтракал и тронулся в путь. Нужная мне дорога находилась в стороне. К ней вели только следы вездеходов через залесённую местность, покрытую внизу толстым слоем мха. Вездеходы прорезали моховой покров. По их следам возникли болота и потекли ручьи. Так что преимущественно пришлось брести по периферии проложенных следов вездеходов, увязая во мху. Занятие очень нелёгкое. Наконец, вышел на основную твёрдую дорогу. Идти сразу стало значительно легче. Пройдя пару километ-

ров, увидел хорошо сохранившиеся остатки табора геологов, которые работали здесь в прошлом году. У дороги были сооружены таган с большим запасом дров и стол со скамейками. Несколько дальше располагались остовы палаток и настил на высоте около метра, где также стояла год назад палатка, по-видимому, начальника.

Место расположено достаточно близко для моих маршрутов, и я решил здесь обосноваться в надежде, что никто сюда не забредёт. Палатку поставил на настил. Была середина дня, и я решил сходить в маршрут на ближайший хребет, где были для меня с прошлых маршрутов некоторые неясности в геологии. Преодолев стланиковые заросли, поднялся на хребет. Старый пожар уничтожил на нём растительность, обнажив коренные породы, превышения небольшие, идти по нему было, как на прогулке. Тем более что ветерок отгонял кровососов. Посмотрел обнажения на хребте, кое-где спускался на другую сторону хребта, убедился в достоверности прежних своих наблюдений, попил чаю на вершинке, любуясь окружающими видами, и вернулся на табор.

На следующий день сходил в маршрут в вершину ручья. В прошлом году геологи через всю его долину прорубили продольные и поперечные просеки, что здорово облегчило мне подходы к маршрутам и выходы от них.

Следующий маршрут был последним. На этом я завершал многолетние полевые исследования. Ходить в маршруты по горам уже стало тяжело. Всё когда-то кончается! Надо было перевалить в вершину соседнего ручья. По горизонту ходили грозовые тучи, откуда доносилось ворчание грома, сверкали молнии. Как будто, горы недовольны тем, что я их покидаю, и угрожают мне.

На последнем в жизни обнажении на прощанье горы подарили мне незабываемую картину. Между двумя скальными гребнями, где я нашёл искомый контакт, расстилалась пологая широкая долина, где встретились зима, весна и лето. Верх долины был покрыт сверкающим на Солнце снежником, на котором виднелась цепочка свежих медвежьих следов. Из-под него повсеместно вытекали ручейки с ледяной водой. Ниже в пяти метрах, освобождённых от снега, из земли лезли ростки травы и цветов. А далее раскинулась красочная цветочная поляна с преобладанием ярко-оранжевых жарков. Внизу поляну замыкали заросли стланика. Передо мной расстилалась панорама гор, рассечённых многочислен-

ными узкими, часто каньонообразными долинами ручьёв и внизу заросших лесом. На горизонте темнел Аглан-Янский хребет, покрытый чёрной тучей со сверкающими молниями. На мелких прутиках я вскипятил чай и занялся обедом, наслаждаясь видами. Этот момент остаётся прекрасным воспоминанием до конца моих дней!

Налюбовавшись панорамой гор, я оглянулся назад, а из-за близкого водораздела выползала, как какой-то хищный зверь, тёмная туча. Засверкали молнии, и загрохотал гром. Я хотел до дождя успеть перевалить через хребтик в долину ручья, где был мой табор. Там на склоне были большие камни, в которых можно спрятаться и переждать дождь. Я быстро собрался и поспешил в гору. Но на пути оказались заросли стланика, которые замедляли мой путь. Только поднялся на хребет, как хлынул дождь. Я увидел нишу под камнем, куда мог уместиться, только сжавшись в комок. Быстро туда втиснулся и около получаса пережидал дождь. Наконец он стал ослабевать и вскоре прекратился. Я спустился вниз и по просекам, поворачивая под прямыми углами, быстро добрался до табора. На другой день вышел на тракт и начал «голосовать». Уже вторая грузовая машина остановилась и доставила меня в Таксимо. Там я распростился с добрыми Корчиновыми и на поезде отправился домой. Лена встретила меня, как «заблудшего сына» на известной картине.

С этого времени на природу попадал только на даче, которая расположена в лесной местности. Оттуда с большим удовольствием ходил и пока ещё хожу за грибами и ягодами, обеспечивая семью на всю зиму лесными дарами. Постоянно с грустью вспоминаю места, где я побывал в многочисленных маршрутах. Какая бы погода здесь не была, в моей памяти всплывают места и табора, где мы были при такой же погоде. Хочется закончить своё повествование словами Наташи Серовой, когда она заканчивала полевые исследования: «Лучше гор могут быть только горы, на которых уже не бывать»!

ФОТОАЛЬБОМ

Медвежьи царапки в бассейне р. Гольцовая. 1960 г.

Место медвежьих свадеб на водоразделе Гольцовая – Черепаниха. 1960г

Весна в горах хребта Кадар

Наледь на р. Хатканда в июле 1997 г.

В походе на Чаю. На горизонте голец Иняптук в туче. Слева автор, справа Виталий Самусёнок. 1997 г.

В маршруте на правый борт р. Кутима. Слева Виталий Собаченко, справа автор.1999 г.

На вездеходе.
Слева направо: Малыш, Виталий Самусёнок, автор, Коля, водитель. 1997 г.

Алые вершины на закате. 1997 г.

Удачная охота. Вверху автор с тарбаганами в верховьях р. Сюльбан, внизу Алёша с куропатками у озера Кирялта.. 1997 г.

Алёша – созерцатель у оз. Кирялта. 1997 г.

На подъёме от оз. Кирялта.
Слева направо Наташа, автор, Алёша. 1997 г.

На берегу Витима. Вверху автор, внизу внук Миша. 2008 г.

Типичная выпаханная ледником долина

На Байкальском хребте в июне